

КР.ТЗ(2)
К592

А. Г. Козлов

МАГАДАН:

**возникновение,
становление и развитие
административного центра Дальстроя
(1929–1945)**

2007

КР.73(2)
8 582

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

RUSSIA ACADEMY OF SCIENCES
FAR EAST BRANCH
NORT-EAST INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE

А. Г. Козлов

МАГАДАН: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА ДАЛЬСТРОЯ (1929–1945)

A. G. Kozlov

MAGADAN: ORIGIN AND DEVELOPMENT
OF ADMINISTRATIVE CENTER OF DAL'STROI IN 1929–1945

01076148

Магаданская
областная библиотека
им. А.С.Пушкина

Магадан
Magadan
2007

ОТДЕЛ
АВТОМЕНТА

УДК 94(571.65).084.631/.085.6
ББК 63.3(2P55).714/.722
К 592

Козлов А. Г.

Магадан: возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929–1945). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2007. – 306 с.
ISBN 978-5-94729-093-6

Впервые на документальной основе сделано обобщающее исследование по истории возникновения, становления и развития Магадана более чем за 15-летний период его существования.

Источниковедческую основу исследования составляют подлинные документы и копии архивных фондов ГАМО, ЦХСД МО, ЦГА РСФСР ДВ, ГАХК, ГАКО, НФ ГАХК, УФСБ МО, СВЗ, УЗАМО, подавляющее большинство которых публикуется впервые. Таким образом, в научный оборот вводится систематизированный комплекс материалов, раскрывающих самые различные аспекты истории Магадана 1929–1945 гг., включая воспоминания ветеранов освоения Колымы, первостроителей административного центра Дальстроя.

Для историков-исследователей, научных работников, студентов и преподавателей исторических, гуманитарных факультетов, школ, краеведов и широкого круга читателей.

Ключевые слова: культбаза, Магадан, Охотско-Эвенский национальный округ, Дальстрой, Севвостлаг, Великая Отечественная война.

Ответственный редактор: канд. ист. наук **А. И. Лебединцев**

Рецензенты: канд. ист. наук **И. Л. Глазунов**,
канд. экон. наук **А. Н. Исаков**

Kozlov A. G.

Magadan: origin and development of administrative center of Dal'stroi in 1929–1945. – Magadan : NEISRI FEB RAS, 2007. – 306 p.

For the first time, on the basis of generalized study on history of the origin and development of Magadan during the 15 years of its existence is given.

The real documents and the archives copies of GAMO, TsKhSD MO, CSA if RFSR FE, GAKhK, GAKO, NF CAKhK, UFSB MO, SVZ, and USAMO funds, published for the first time in this paper were the data source of this study. Thus, systematized material complex is taken for scientific use. These data show the various aspects of the Magadan history in 1929–1945, including memories of veterans of the Kolyma development, first constructors of the administrative center of Dal'stroi.

For historians-researchers, scientific workers, students and teachers of schools, Universities, for students of local low, and others.

Key words: cultbasa, Magadan, Okhotsk-Evensk national okrug, Dal'stroi, Sevvostlag, Great Patriotic War.

Responsible editor: Dr. **A. I. Lebedintsev**

Reviewers: Dr. **I. L. Glasunov**,
Dr. **A. I. Isakov**

ISBN 978-5-94729-093-6

© Козлов А. Г., 2007
© СВКНИИ ДВО РАН, 2007
© СВНЦ ДВО РАН, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Магадан – один из самых удаленных (7110 км) от столицы России и самых молодых городов Дальнего Востока. С 3 декабря 1953 г. он является административным, экономическим, культурным и научным центром одноименной области, в состав которой вошли Ольский, Северо-Эвенский, Среднеканский, Тенькинский, Сусуманский, Ягоднинский районы, а также Чукотский национальный округ, включающий Анадырский, Марковский, Чаунский, Чукотский и Восточно-Тундровский районы. Общая площадь Магаданской области составляла 1183,9 тыс. км², позднее (вместе с островами) – 1199,1 тыс. км², в том числе Чукотского национального округа – 737,7 тыс. км².

Центром Чукотского национального округа стал поселок городского типа Анадырь, преобразованный 12 января 1965 г. в город. Кроме этого в города были преобразованы еще два поселка городского типа: Сусуман (12 декабря 1965 г.) и Певек (6 апреля 1967 г.). К середине 70-х гг. в составе Магаданской области появились новые районы и их количество достигло шестнадцати (16 июня 1954 г. был образован Омсукчанский район, 9 сентября 1954 г. – Иультинский, 25 апреля 1957 г. – Беринговский и Провиденский, 30 декабря 1966 г. – Хасынский, 27 декабря 1973 г. – Шмидтовский). В то же время 3 июня 1960 г. был упразднен Марковский район, а 2 августа 1961 г. Восточно-Тундровский район переименовали в Билибинский. В 1980 г. Чукотский национальный округ был преобразован в автономный. Тогда на его территории, кроме двух городов, располагалось 18 рабочих поселков и 80 селений (в 27 из них проживали чукчи), объединенных в 45 сельских советов.

Одновременно росло население всей Магаданской области. В 1959 г. (по переписи на 15 января) здесь проживало 235,4 тыс. чел., в 1966 г. (оценка на 1 января) – 306,8 тыс. чел., в 1970 г. (по переписи на 15 января) – 352,4 тыс. чел., в 1972 г. (оценка на 1 января) – 380,9 тыс. чел., в 1980 г. – 492,2 тыс. чел., в том числе в Чукотском автономном округе – 140,5 тыс. чел. С 1985 г. начался новый этап в жизни Магаданской области, связанный с перестройкой и демократизацией общества. В июне 1992 г. из состава Магаданской области вышел Чукотский автономный округ.

Поэтому если в 1989 г. ее население составляло 539,3 тыс. чел., то в 1992 г. – 326,5 тыс. чел., и стало неуклонно снижаться, исключая 1998 г.: в 1993 г. – 306,9 тыс. чел., в 1994 г. – 279,3, в 1995 г. – 258,2, в 1996 г. – 254,6, в 1997 г. – 248,4, в 1998 г. – 252, в 1999 г. – 246,1, в 2000 г. – 239,1, в 2001 г. – 227,2. Затем оказалось, что эти данные не совсем точные. Всероссийская перепись населения 2002 г. показала, что в Магаданской области в этот период проживали 182,3 тыс. чел., из них в Магадане – 99,4. На 1 января 2005 г. эти цифры составляли соответственно 174,7 и 110 тыс. чел.

В 1999 г. произошла очередная реорганизация административно-территориального устройства области: в связи с введением Особой экономической зоны были упразднены Ольский и Хасынский районы, а их территории включены в границы г. Магадана, Омсукчанского, Тенькинского и Ягоднинского районов. В 2002 г. Ольский и Хасынский районы были восстановлены. 28 декабря 2004 г. учрежден Совет муниципальных образований Магаданской области для решения значимых проблем территории. В его состав вошли Ягоднинский, Сусуманский, Северо-Эвенский, Среднеканский, Тенькинский, Ольский и Омсукчанский районы. Институт публичной экономики разработал и подготовил необходимые учредительные документы. В феврале 2005 г. была утверждена организационная структура Совета, выработаны основные принципы его работы, определены цели и задачи.

В настоящее время Магаданская область занимает по площади 9-е место в Российской Федерации и составляет 462,4 тыс. км². Она относится к числу наименее населенных территорий в стране. Плотность населения Магаданской области – менее 0,5 чел. на 1 км². В то же время горожане составляют 89% от всей численности населения области. Трудоспособного населения – около 130 тыс. чел., пенсионеров – более 46 тыс. чел., средний возраст жителей – 37 лет. Магаданская область протянулась на 930 км с севера на юг и на 960 км с запада на восток. Крайние точки Магаданской области, кроме южной – м. Алевина на п-ове Кони, выражены нечетко. Северная точка находится в Сусуманском районе, в верховьях р. Хинике, а восточная – в Северо-Эвенском районе у истоков р. Молонгда.

На западе Магаданская область граничит с Хабаровским краем. Граница начинается по берегу Охотского моря, в 14 км к востоку от м. Ржавый и идет на север большей частью по речным водоразделам. На северо-западе и севере граница проходит с Республикой Саха (Якутия), пересекает р. Колыма в 4 км ниже устья р. Ороек и дальше уходит на северо-восток по правому водоразделу р. Коркодон до устья р. Моустах. Здесь начинается граница с Чукотским автономным округом, которая проходит по р. Омолон и дальше по р. Молонгда. У истоков Молонгды начинается граница с Камчатской областью, проходящая по водоразделам рр. Омолон и Пенжина. Пересекая ряд речушек, граница выходит к Пенжинской губе. Далее она идет по побережью Охотского моря на запад, включая многочисленные острова Гижигинской губы, зал. Одян, бух. Гертнера, Амахтонского залива, Тауйской губы.

Границы Магаданской области определены и закреплены Уставом, принятым на заседании областной Думы 26 декабря 2001 г. Это произошло почти через десять лет после Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 г. № 3056-1 «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации». В состав Магаданской области входят: Ольский район (центр – пгт Ола); Хасынский (центр – пгт Палатка); Тенькинский (центр – пгт Усть-Омчуг); Сусуманский (центр – г. Сусуман); Ягоднинский (центр – пгт Ягодное); Среднеканский (центр – пгт Сеймчан); Омсукчанский (центр – пгт Омсукчан); Северо-Эвенский (центр – пгт Эвенск).

Магаданская область – ведущий золотодобывающий регион Российской Федерации. Ее экономика во многом определяется уровнем развития горнодобывающей промышленности, дающей более 70% поступлений в областную бюджет. Начиная с конца 1920-х гг. и до 1998 г. на территории области было добыто 2623 т золота, в 1998 г. – 30,3, в 1999 г. – 29,2, в 2000 г. – 29,4. В 2005 г. предприятиями области добыто 23,7 т золота, более 707 т серебра, 518 тыс. т угля. На Колымском аффинажном заводе за год переработано 300,5 т драгоценных металлов, что составило более 180% к уровню 2004 г.

Второе место по значимости и объемам производства в экономике Магаданской области занимает рыбная промышленность. В 2000 г. доля продукции отрасли в общем объеме промышленного производства области составила более 17% (75 тыс. т морепродуктов). Переработкой рыбной продукции занимались 22 предприятия, 3 из них стали дипломантами всероссийского конкурса «100 лучших товаров России». Они выпускали консервы почти 40 наименований, соленую и копченую рыбу (лососевые, сельдь, минтай, палтус, крабы, трубач и т. д.).

В 2005 г. выловлено более 100 тыс. т рыбы и морепродуктов. Такого уровня отрасль достигла впервые за 15 лет. Рыбными предприятиями области в 2005 г. выпущено 86 тыс. т продукции на сумму 2,8 млрд руб. Среднедушевое потребление рыбы составило более 40 кг в год на человека, что в 4 раза превышает среднероссийские показатели.

По-прежнему одними из главных остаются вопросы устойчивого снабжения населения теплом и электроэнергией. Энергетическая система Магаданской области является локальной и не входит в единую систему России. Практически на 100% она обслуживается центральным энергоузлом АО «Магаданэнерго», генерирующие мощности которого представлены Магаданской ТЭЦ, Аркагалинской ГРЭС и Колымской ГЭС. В настоящее время прорабатывается идея установки атомной мини-станции в Северо-Эвенском районе. Одновременно ведется строительство Усть-Среднеканской ГЭС. В ближайшем будущем планируется разведка и добыча нефти и газа на примагаданском шельфе Охотского моря, строительство нефтеперерабатывающего завода с мощностью переработки 800 тыс. т сырой нефти в год.

В Магаданской области развиваются агропромышленный комплекс, автотранспорт, гражданская авиация, связь, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная сфера. На них постоянно выделяются большие средства. В 2005 г. в области работало 25 хозяйствующих субъектов аборигенов и 26 родовых общин, 11 из них получили квоту для промышленного лова в объеме 653 т лососевых.

Сеть учреждений культуры и искусства области включает 215 подразделений, около 20 из них финансируются из областного бюджета. Работают местные отделения Союза художников, Союза писателей, Союза журналистов, Союза театральных деятелей России. Здравоохранение Магаданской области представлено 33 стационарными и 39 амбулаторно-поликлиническими учреждениями. В 2005 г. в области зарегистрировано 461 общественное объединение, в их структуре функционировало 18 региональных отделений российских партий.

Реализация ежегодной целевой программы «Информационное обеспечение социально-экономического и общественно-политического развития Магаданской области» позволила в 2005 г. осуществить проект создания и развития областного канала «ТВ-Колыма-Плюс», областного литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Колымские просторы», организовать издание молодежных изданий «Молодая Колыма» и «Светотени». «ТВ-Колыма-Плюс» были установлены ТВ-ретрансляторы в пос. Сокол и Уптар для расширения зоны уверенного приема областной телевизионной программы. Введенный в сентябре 2005 г. в эксплуатацию спутник «Экспресс АМ 11» позволил в 2006 г. расширить эту зону на территорию всей Магаданской области.

Магадан расположен на побережье Тауйской губы, в северной части Охотского моря, на перешейке (шириной 5,3 км), соединяющем п-ов Старицкого с материком и имеющем выход в бух. Нагаева и Гертнера. Протекающая через весь город с северо-запада на юго-восток р. Магаданка делит его на две части. Основной городской массив располагается на правом берегу реки, но частично застроен и ее левый берег. Река Магаданка впадает в бух. Гертнера. Левый берег реки окружают полого спускающиеся сопки, вершины которых удалены от берега на расстояние более 3 км, высота вершин составляет до 300 м. Правый берег Магаданки окружают сопки высотой до 705 м (Марчеканская сопка). На расстоянии 2,5–3 км к западу от устья реки сопки расступаются и образуют всхолмленную местность, где и располагается основная часть Магадана.

В сторону бух. Нагаева высота местности зримо понижается. Здесь (в противоположных сторонах) располагаются микрорайоны Нагаево и Марчекан, непосредственно примыкающие к городу. С северо-запада Магадан окружают сопки, высота ближайшей 420 м. Здесь находится микрорайон Пионерный (около него техническое водохранилище длиной почти 2 км), а чуть дальше – Солнечный. В городскую черту также входит микрорайон Новая Веселая, расположенный на берегу бух. Гертнера. Южнее микрорайона Пионерный в р. Магаданка впадает р. Каменушка, в верховьях которой находятся два водохранилища, снабжающие город водой и входящие в его санитарную зону.

Северо-восточнее устья р. Магаданка в бух. Гертнера впадает р. Дукча (возможно, название происходит от эвенск. «дюкча» – остов юрты). Она лишь примыкает к территории города, но для пригородной зоны является одним из наиболее важных элементов ландшафта. В районе пригорода ширина Дукчи почти на всем протяжении сравнительно небольшая, а в 4 км от устья достигает 200–400 м. Параллельно Дукче проходит Колымская трасса, которая постепенно удаляется от реки на юго-запад. Вдоль трассы расположены поселок Дукча, авиагородок Радист, пгт Снежный. В 4 км к западу от пос. Снежный в долине р. Дукча находится пос. Снежная Долина – любимое место отдыха горожан.

Магадан располагается в зоне с суровыми климатическими условиями. Здесь холодная и снежная зима, короткое и зачастую дождливое лето. Весна начинается в апреле, а зима наступает уже в октябре – ноябре. Продолжительность самого короткого светового дня 6 ч, самого длинного – до 19 ч. В период так называемых белых ночей, наступающих в Магадане в июне, полной темноты вообще не бывает. Осенью усиливается деятельность циклонов, чаще господствуют ветра и увеличивается количество осадков.

В состав ныне существующего муниципального образования «Город Магадан» входят пос. Уптар и Сокол. Площадь Магадана, включая пригородную зону, составляет около 70 км², собственно городская территория – 35 км². До 1999 г. численность населения Магадана постоянно увеличивалась. Однако с 1990 по 2003 г. она снизилась на 36%. Начиная с 2004 г. население Магадана вновь начало расти, составив на начало 2005 г. 107 тыс. чел.

В настоящее время в Магадане сложился социально-экономический блок с производственным, инвестиционным, кадровым и другими потенциалами города, который во многом определяется базовыми отраслями его экономики. Развиваются внешнеполитические связи, открыты российско-американский центр малого бизнеса, местные отделения таких международных организаций, как «Ротари», «Сороптимист», «Клуб львов». 22 июня 1991 г. было подписано соглашение по промышленному, экономическому и культурному обмену между Магаданом и Анкориджем (штат Аляска, США) как городами-побратимами, а в августе прошли дни культуры Магадана и Анкориджа. В 1995 г. состоялось подписание еще одного соглашения между администрацией Магадана и муниципалитетом Анкориджа о сотрудничестве и побратимстве. В этом же году областной центр получил статус международно-го порта.

Важную роль играют научный, общеобразовательный и культурный потенциалы города. Здесь функционируют Всероссийский научно-исследовательский институт золота и редких металлов, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, Институт биологических проблем Севера, Магаданский зональный научно-исследовательский институт сельского хозяйства, Международный научно-исследовательский центр «Арктика», Магаданский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии, Северный международный университет, филиалы Московской юридической академии, Современного гуманитарного университета, политехникум, медицинский колледж, училище искусств, 7 ПТУ, 4 гимназии, 3 лицея, 28 общеобразовательных школ, 40 дошкольных и 39 медицинских учреждений, 6 домов и центров культуры, 3 областных и 8 городских библиотек, несколько музеев и кинотеатров, церковь Святого Духа и часовня в честь святого великомученика Георгия Победоносца, выходят областная и городская газеты, несколько коммерческих газет, работают три местных телеканала.

20 марта 1993 г. был открыт музыкальный салон В. А. Козина, ставший спустя два года музеем-квартирой. В апреле 1993 г. по пути в Ванкувер (Канада) на встречу с американским президентом Биллом Клинтоном Магадан с кратким визитом посетил первый президент России Б. Н. Ельцин, в сентябре 1993 г. – Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, следовавший в США на празднование 200-летия православия в Америке. 22 ноября 2005 г. в Магадан приезжал Президент России В. В. Путин. Здесь он провел совещание по развитию и перспективам золотодобывающей отрасли страны.

9 мая 1991 г. в Магадане состоялось открытие монумента «Узел Памяти», символизирующего трудовое и боевое участие северян в Великой Отечественной войне.

В июне 1996 г. в городе прошли Дни памяти жертв политических репрессий на Колыме 1930–1950-х гг., в рамках которых на сопке Крутая был воздвигнут мемориал «Маска Скорби» скульптора Эрнста Неизвестного. 2 сентября 1996 г. открыта Аллея памяти в честь павших во Второй мировой войне; 17 сентября 2005 г. установили памятник воинам, погибшим в Афганистане, Чечне и в других «горячих точках».

В Магадане находится взятая под государственную охрану могила выдающемуся ученому, кристаллографу, минералогу и исследователю рудных месторождений А. К. Болдыреву. Установлены мемориальные доски певцу В. А. Козину и писателю О. М. Куваеву, ряд памятных досок на старых зданиях города.

По итогам всероссийского конкурса на звание «Самый благоустроенный город России» 2001 г. Магадан (после Чебоксар, Тамбова, Астрахани, Махачкалы, Саранска, Нальчика, Белгорода и Уфы) занял 9-е место. В настоящее время он продолжает благоустраиваться. Согласно обновленному генеральному плану застройки Магадана, выполненному Московским государственным унитарным предприятием «Институт градостроительства и инвестиционного развития», его население в ближайшем будущем должно насчитывать не более 120–135 тыс. чел. К тому времени многие наносящие ущерб природе и здоровью жителей производства будут вынесены за черту города. На месте прежних складов нефтепродуктов и других экологически нечистых объектов появятся участки зеленых насаждений. Зеленой зоной для магаданцев останется левобережье, где будут созданы спортивные сооружения, парки, скверы и общественные строения. Новые многоэтажные здания будут построены в основном в центральной части Магадана.

В то же время отводится немалое количество участков под респектабельные коттеджи, возводимые с учетом европейского уровня требований состоятельных застройщиков к свежести воздуха, наличию рекреационных зон и красоте ландшафта. При этом осуществление всей программно-экономического развития Магадана открывает еще большие перспективы для превращения его в один из самых быстроразвивающихся городов Дальневосточного региона Российской Федерации и центр международного сотрудничества.

Вместе с тем к настоящему времени история Магадана насчитывает семь с половиной десятилетий. На наш взгляд, она делится на несколько периодов: 1) от возникновения Восточно-Эвенской культбазы до присвоения Магадану статуса города (1929–1939); 2) от присвоения Магадану статуса города до начала Великой Отечественной войны (1939–1941); 3) время Великой Отечественной войны (1941–1945); 4) от окончания Великой Отечественной войны до образования Магаданской области (1945–1953); 5) от образования Магаданской области до начала перестройки (1953–1985); 6) от начала перестройки до распада Советского Союза (1985–1991); 7) от распада Советского Союза до начала XXI столетия (1991–2005).

Предлагаемая читателям работа посвящена нескольким периодам истории Магадана и является первым научным трудом по данной проблематике. Она охватывает 1929–1945 гг., т. е. от возникновения первого постоянного поселения на территории современного областного центра до его развития к концу Великой Отечественной войны.

Источниковедческую основу работы составляют документы Государственного архива Магаданской области (ГАМО; фонды Р-7, Р-16, Р-17, Р-23сч, Р-23сс, Р-26, Р-27, Р-38, Р-45, Р-48, Р-50, Р-51, Р-54, Р-88, Р-98, Р-105, Р-107, Р-120, Р-121, Р-131, Р-220, Р-263), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК; фонд 137), Государственного архива Камчатской области (ГАКО, ф. 99, ф. 106), Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ, ныне Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ); фонды Р-3131, Р-3137), Николаевского-на-Амуре филиала Государственного архива Хабаровского края (НФ ГАХК; фонд Р-291), Центра хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО; фонды ф. 1, оп. 1; ф. 1, оп. 2; ф. 3, оп. 1; ф. 3, оп. 2; ф. 4, оп. 1; ф. 4, оп. 2), ведомственных архивов Управления Федеральной службы безопасности по Магаданской области (Архив УФСБ МО), ОАО «Северовостокзолото» (Архив СВЗ), Магаданского городского ЗАГСа и Управления здравоохранения администрации Магаданской области (архив УЗАМО).

Сноски на фонды, ГАКО, ГАХК, ЦГА РСФСР ДВ и НФ ГАХК даются по времени их изучения с 25 января 1986 г. по 24 апреля 1990 г.

Кроме архивных документов, в работе использованы материалы фондов Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ), газет «Орочельско-Эвенская правда», «Дальстрой», «Верный путь», «Колымская правда», «Дальстроевец», «Советская Колыма», «Правда», «Камчатская правда», «Тихоокеанская правда», «Красный горняк» и журнала «Колыма», издававшихся в 30–40-х гг. XX в. Здесь же приводятся воспоминания ветеранов освоения Колымы и строительства Магадана, частично и их родственников, собранные автором во время переписки.

Использование и анализ разных источников позволяют впервые составить наиболее целостную картину возникновения и развития Магадана в 1929–1945 гг., определить основные вехи его истории, социально-экономической и культурной жизни. Работа включает введение, три раздела, письма-воспоминания и фотографии. Часть документальных материалов взята из опубликованных книг: Магадан. Конспект прошлого / сост. и авт. вступ. статей А. Г. Козлов. – Магадан : Кн. изд-во, 1989. – 286 с.; Козлов А. Г. Магадан: история возникновения и развития. Ч. 1. (1929–1939). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 349 с.; Козлов А. Г. Магадан: предвоенное и военное время. Ч. 2. (1939–1945). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 477 с.; Бацаев И. Д., Козлов А. Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. Ч. 1. (1931–1941). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 381 с.; Ч. 2 (1941–1945). – 428 с.

Вместе с тем новизна работы состоит в том, что в ней впервые и в таком объеме не только вводится в научный оборот большой пласт совершенно неизвестных (в том числе и секретных) документов, но и выявляются даты, факты, события из истории Магадана 1929–1945 гг., имеющие определяющее значение для дальнейшего ее изучения. В частности, это касается закрытия Восточно-Эвенской культбазы, времени деятельности Охотско-Эвенского национального округа, организации морского торгового порта, авторемонтного завода, завода № 2 на Марчекане, архива, комитета радиовещания, городской библиотеки, начала выпуска продукции хлебозавода, материалов об образовании и ликвидации Колымского округа, о сфабрикованном деле так называемой Колымской антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой вредительской организации, якобы руководимой Э. П. Берзиным, о судьбе первых начальников Севвостлага, о колымчанах-участниках Великой Отечественной войны, о заключенных и бывших заключенных, воевавших с врагом, о подлинных и мнимых Героях Советского Союза, о приезде на Колыму вице-президента США Г. Э. Уоллеса, о тех, кто, оставаясь в глубоком тылу, стал инициатором трудовых и патристических подвигов, в том числе в лагерях.

Автор работы вносит весомый вклад в ликвидацию ранее имевшихся пробелов в изучении истории Магадана 1929–1945 гг., выступает против сложившихся традиций в освещении целого ряда событий, ничего общего не имеющих с действительностью, однако фальсифицирующих и политизирующих ее в угоду конъюнктуре и личным амбициям пишущих.

Так, приводимые в книге архивные документы полностью отрицают вывод А. С. Навасардова, что «в 30-х гг. XX в. на Северо-Востоке СССР состоялся эксперимент, выявивший предел экономической пластичности человека в условиях отрицательного воздействия природно-климатических факторов и социальной среды» [Навасардов, 2004. С. 169], доказывают несостоятельность и искусственность теории А. И. Широкова, считающего, что «основным специализированным государственным институтом, осуществившим колонизацию Северо-Востока в 30–50-е гг. XX в., стал Дальстрой» [Широков, 2000. С. 59], заставляют сомневаться в утверждении поддерживающего его В. Г. Зеляка, что «Российский Север в результате чрезвычайной модели колонизации стал фактически полуколонией, и именно данное обстоятельство стало серьезным препятствием для реализации возможностей самостоятельного развития северных регионов» [Зеляк, 2004. С. 18]. Источниковую базу работ указанных исследователей в основном составляют уже ранее введенные в научный оборот (в первой половине 1990-х гг.) документы ГАМО, которые, к сожалению, в большинстве своем выдаются в них за вновь выявленные и вновь вводимые.

При этом, например, В. Г. Зеляк вопреки истине утверждает: «Необходимо отметить, что в рассматриваемых публикациях (как, впрочем, и в большинстве своих работ) А. Г. Козлов ограничивает источниковую базу исследований исключительно делопроизводственной документацией Дальстроя или других органов партийно-государственной власти и хозяйственного управления. При этом исследователь практически не обращается к документам центральных архивных хранилищ, опубликованным материалам Коммунистической партии и советского правительства по вопросам хозяйственного развития страны, мемуарам вольнонаемных работников и бывших заключенных лагерей <...> Также в 2002 г. И. Д. Бацаев и А. Г. Козлов опубликовали работу «Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах». На титуле издания они представлены как авторы, хотя по общепринятой научной классификации эта работа – не что иное, как сборник опубликованных документов. Указанные, безусловно, являются авторами-составителями (составительская работа и подготовка исторических документов к публикации – очень важный, ценный и скрупулезный труд)» [Там же. С. 17, 20].

На самом деле существует Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 2004 г. В нем говорится: «Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведения, а также от способа его выражения... К объектам права также относятся производные произведения... сборники (энциклопедии, антологии, базы данных) и другие составные произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда».

В заключение хочу поблагодарить И. В. Мигалину, Н. Б. Применко, Т. М. Романову, Г. Ю. Зеленскую, Т. В. Веркину, Н. Н. Лисичникову, Л. И. Ковалеву, И. Б. Разумову, С. В. Конину, В. Н. Пешкову, М. А. Захарову, Л. В. Шевченко, М. В. Афанасьеву, Ю. В. Трофимову, С. Г. Рыбакову, М. В. Орлянскую, Н. В. Тупицына, В. А. Пачколина, В. И. Субботина, М. А. Лившица, В. А. Пемова, В. В. Лашкова, Н. С. Лапину, А. Ф. Гудименко, Н. Э. Гассельгрена, И. Н. Снежкову, Ф. Ц. Денисик (Крон), Л. Г. Кильдишева, М. А. Тамарину, П. А. Ткаченко, В. И. Еронько, П. Б. Семенова, Б. А. Петелина, М. И. Кирсанова, А. И. Шоно, И. И. Токарева, Н. И. Токареву, О. Я. Черных, Н. И. Запорожец, Б. Ф. Медведь, К. Г. Шульмейстера, В. И. Пальмана, Н. С. Королеву, А. И. Егорову, Б. Н. Лесняка, Н. В. Савоеву, Н. А. Гамильтона, В. К. Донского, В. Н. Ковалеву, Б. Г. Щербинина, К. Б. Хакимова, Н. Г. Кириллову, Н. М. Андрееву, Г. П. Зыбалову, И. А. Тангаева, А. Г. Соболеву, К. С. Шовина, А. И. Торбицкого, В. И. Пальмана, П. Н. Бабцева, Л. И. и Р. М. Лысенко, а также всех других работников архивов, ветеранов освоения Севера, первостроителей Магадана, их детей и родственников, участников Великой Отечественной войны, оказавших помощь в исследованиях и написании книги.

1.1. Возникновение и деятельность Восточно-Эвенской культбазы

Первыми на берегу бухты, которая позднее получила название бухта Нагаева и дала начало будущему городу Магадану, появились предки коренных жителей этих мест – коряков, а затем пришедшие сюда и вытеснившие их эвены. *«Так, еще в 1946 г., – сообщает Р. С. Васильевский, – А. П. Окладниковым в районе Магадана были обнаружены две небольшие сезонного характера стоянки, характеризующиеся находками типично коряжской керамики, вместе с которыми были встречены кости морского зверя. Одна из стоянок находилась на мысе Чурикова, примерно в 15 км юго-западнее Магадана, другая – непосредственно в окрестностях Магадана, вблизи ключа Марчекан»** [1971. С. 6–7].

В первой половине XVII в., продолжая стремительное продвижение на восток, к освоению побережья Охотского моря приступили русские землепроходцы и мореходы. О том, что первым из них увидел современную бух. Нагаева в 1639–1640 гг. отряд казаков под руководством Ивана Юрьевича Москвитина, серьезно уже говорить не приходится. Однако нельзя обойти вниманием свидетельство исследователя Б. П. Полевого, отдающего приоритет в этом казацкому отряду Михаила Васильевича Стадухина. *«В 1651 г., – указывает он, – Стадухин в устье Пенжины построил два коча, на которых и отправился на юг вдоль северного побережья Охотского моря. В первый год плавания он смог дойти только до устья р. Гижиги (“Изиги” или “Чендон”). После зимовки Стадухин продолжил свое плавание на юг. В начале сентября он первым из русских побывал в современной бухте Нагаева. Мы не знаем, высаживался ли он тогда в бухте, но после того как обосновался на р. Тауе, он не раз совершал походы “с реки на реку” в Тауйской губе... Поэтому именно Михаил Стадухин может по праву считаться первооткрывателем современного Магадана»* [Полевой, 1994. С. 92].

Затем, в течение последующих нескольких веков, бухту неоднократно посещали (во многом, возможно, случайно, спасаясь от сильных штормов, ветров, ненастной погоды) русские и даже иностранные суда. Тогда она и получила свое первоначальное русское название Волок. Магаданский краевед, журналист и писатель Г. Г. Волков, пытаясь объяснить это, пишет: *«Название бухты Волок идет не от слова “волочить”, “переволокивать”, а от слова “обволокивать”, то есть укрывать, защищать что-либо, например, от ветров. Волоками в старину назывались хорошо укрытые кибитки. Волоковыми окнами на Руси были небольшие оконца, которые изнутри закрывались задвижками, заволокивались. И девичьи глаза волоковые, с поволокою, когда затенены, прикрыты густыми ресницами. Вот и бухта потому Волок, что надежно защищала от многих ветров. Разные суда и под разными флагами заходили в гостеприимные ворота ее. Отстаивались от шторма, пополнялись пресной водой. Заплывали и вороги. Не случайно при входе в бухту, на острове Недоразумения, со времен Крымской кампании, когда Петропавловск-Камчатский, как и Севастополь, мужественно сдерживал осаду иноземных кораблей, стояли кресты с английскими надписями. Один из ключиков, падающих в бухту, до сих пор называется Американским: в его лоцине встречались могилы незадачливых китобоев-контрабандистов»* [Волков, 1984. С. 233].

Весной 1788 г. в бух. Волок побывал посланник французского адмирала Жана Лаперуза Жан-Батист Бартеломео де Лессепс, совершавший путешествие из Петропавловска-Камчатского в Париж. Потом, в течение 20 лет, по всей видимости, четыре раза (вторая половина марта 1843 г.; конец февраля 1847 г.; середина февраля 1851 г.; вторая половина марта 1862 г.) во время поездок из Олы в Армань бух. Нагаева пересекал известнейший российский деятель, митрополит Иван Евсеевич Вениаминов (Иннокентий).

С 15 ноября 1896 г. по 5 апреля 1897 г. в поездке из Петропавловска-Камчатского в Охотск находился доктор Николай Васильевич Слюнин – участник Охотско-Камчатской экспедиции К. И. Богдановича. В своем последующем фундаментальном труде он отмечает: *«Тауйская губа имеет подковообразную форму с двумя большими и удобными бухтами: Оджан на восток и Мотыклей на запад; кроме того, здесь несколько бухт меньших размеров; таковы б. Бантамлан по северному берегу Мотыклей и бухты Мивкан и Олак, образующие Мивканский полуостров»* [Слюнин, 1900. С. 154].

В данном свидетельстве Н. В. Слюнин не говорит о бух. Волок. Называемый им Мивканский полуостров – это современный п-ов Старицкого с расположившимся на нем г. Магаданом. Имя исследователя Охотского моря К. С. Старицкого было ему присвоено в 1875 г. благодаря стараниям морского офицера М. Л. Онацевича. В то же время, согласно данным, приводимым Б. Г. Щербининым и В. В. Леонтьевым, современная бух. Нагаева тогда носила «эвен. (эвенское – А. К.) название Мивкан» [Щербинин, Леонтьев, 1980. С. 96], что согласуется со свидетельством Н. В. Слюнина.

*Здесь и далее в цитатах сохраняются орфография, стиль, синтаксис и шрифтовые выделения подлинника.

Вскоре после его поездки из Петропавловска-Камчатского в Охотск в январе 1898 г. была организована Гидрографическая экспедиция Восточного океана (ГЭВО) под руководством подполковника корпуса флотских штурманов М. Е. Жданко. С 1911 г. центром ее исследовательских работ стало Охотское море, включая бух. Волок. Спустя год, по предложению участников ГЭВО, Главное Гидрографическое управление Российской империи переименовало бух. Волок в честь выдающегося гидрографа XVIII в. Алексея Ивановича Нагаева.

Родившийся недалеко от Москвы, в небольшом с. Сертыкино, в дворянской семье, А. И. Нагаев уже с 14 лет учился в Морской академии, так как служба во флоте в те времена считалась наиболее почетной из всех видов служб на пользу отечеству. Спустя 3 года он был произведен в гардемарины, а в марте 1721 г. назначен в помощь А. И. Чирикову, впоследствии ставшему знаменитым мореплавателем. В течение 7 лет у А. И. Нагаева в обучении побывало свыше 400 гардемарин.

Плодотворная работа молодого преподавателя не осталась незамеченной. В 1730 г. его посылают для описи Каспийского моря, на берегах которого А. И. Нагаев провел 4 года и позднее составил его карту. В последующие годы он работал на Балтийском море, потом был назначен советником в Академическую экспедицию. Это совпало с возвращением в Петербург Второй Камчатской экспедиции под руководством В. И. Беринга и А. И. Чирикова. На основании документов, записей, журналов экспедиции талантливый гидрограф составил карты северо-западного побережья и американского берега.

Затем А. И. Нагаев командовал кораблем «Фридемакер» в кронштадтской эскадре, составил Атлас и Лоцию Балтийского моря, руководил (в 1752–1760 гг.) Морским корпусом, стал членом Адмиралтейств – коллегии, вице-адмиралом, командиром Кронштадтского порта. В марте 1767 г. он закончил составление карты Дальнего Востока под названием «Карта морская меркаторская на части берегов Российских и Камчатских и Хивских к Ламскому или Охоцкому морю и к Тихому океану прилежащих с положением на ней островов от Камчатки к востоку на Тихом океане рассеянных по разным новым плаваниям изображенных». Эта карта явилась большим вкладом в картографию – она подводила итоги географическим открытиям и гидрографическим исследованиям русских на Дальнем Востоке в первой половине XVIII в.

Сменивший в 1913 г. на посту начальника ГЭВО М. Е. Жданко полковник корпуса гидрографов Борис Владимирович Давыдов оставил классическое описание бух. Нагаева, опубликованное позднее. *«Почти посредине северного берега Тауйской губы, в меридиане о-ва Завьялова, – писал он, – расположена бухта Нагаева... От водной площади Тауйской губы бухта отделяется возвышенным полуостровом Старицкого и по справедливости может быть названа лучшей якорной стоянкой во всем Охотском море. Отделяясь от Тауйской губы полуостровом Старицкого, она возвышенностями его совершенно закрыта от всех ветров с моря; эти же возвышенности мешают туманам Тауйской губы проникать в бухту Нагаева и нередко в ней чисто в то время, когда в губе стоит густой туман. Бухта Нагаева по всей своей площади обладает хорошими глубинами, берега ее приглубы, почему становиться на якорь можно везде и притом весьма близко к берегу. Последнее обстоятельство позволяет... брать воду самотеком из береговых водопадов... Говоря о достоинствах бухты Нагаева, не следует умалчивать и об ее недостатках; к ним могут быть отнесены: слабая защищенность бухты от ветров, близких к западным, и отсутствие в ней населенных пунктов, что связано с невозможностью пополнить запасы провизии. Однако оба эти недостатка не особенно существенны, так как западные ветры не могут дать большого волнения из-за близости материка, а запасы провизии могут быть пополнены в селении Ола, находящемся недалеко от бухты Нагаева... В крайний юго-восточный угол бухты впадает более значительный ручей Моркочан*, близ устья которого начинается тропа, пересекающая перешеек к вершине бухты Гертнера... Сам перешеек выполнен холмистыми возвышенностями..., склоны которых во все стороны весьма пологи и покрыты довольно густым лесом. Этот невысокий перевал, или по местному, волок из бухты в бухту и послужил причиной прежнего названия бухты... В самой бухте Нагаева нет ни домов, ни селений, ни отдельных юрт; только на другой стороне перешейка на берегу бухты Гертнера близ берега моря находится несколько тунгусских летних юрт; сюда на лето из глухой тайги переселяются несколько семейств тунгусов для ловли рыбы и заготовления ее на зиму. С наступлением холодов и прекращением хода рыбы они бросают эти юрты и уходят в глубь материка для зимней охоты на пушного зверя...»* [Лоция..., 1923. С. 575–577, 587].

Упомянутая Б. В. Давыдовым бухта Гертнера** была названа именем одного из капитанов, участников ГЭВО, а до этого называлась бухтой Монгодан. Такое же название перешло на впадающую в нее речку, а также на прилегающую к ней территорию. Когда это произошло, сказать трудно, так как Б. В. Давыдов в своей лоции пишет только о речке Молотар***. По всей видимости, данное написание (как и Моркочан) являлось не совсем правильным, поэтому нигде больше не зафиксировано в документальных источниках. В то же время название Монгодан встречалось повсеместно и позднее трансформировалось в современное Магадан. По этому поводу существует ряд переводов, версий, предположений, легенд, имеющих хождение вплоть до наших дней.

*Правильное название – ручей Марчекан. Название происходит от эвенского слова «марчакан» – маленькое торфяное болотце.

**Название дано в 1912 г. в честь командира транспорта «Охотск», капитана 2-го ранга К. Н. Гертнера.

***Вероятно, происходит от эвенского слова «малтыр» – «дельфин, белуха».

Так, в одном из преданий говорится, что много лет назад над северной частью Охотского моря пронесся большой тайфун. Море ринулось в сопки и затем, отступив, оставило далеко на берегу паводковые наносы. Обосновывая эту версию, один из первых колымских писателей И. Е. Гехтман проводит своеобразную аналогию. «Слово “Магадан”, – указывает он, – означает “морские наносы”. Скала, на которой выстроен Нью-Йорк – Манхаттан, – на индейском языке обозначает “морские камни”. Совпадение звучания этих слов не случайно. Оно свидетельствует о родстве туземцев Охотского побережья – коряков, чукчей, эвенов – с индейцами Аляски и Северной Америки... Монгоданом туземцы побережья называли группу причудливых, зубчатых скал, сурово висящих над обоими берегами красивой и удобной бухты Нагаево, расположенной невдалеке от острова Завьялова и полуострова Кони на Охотском море» [Гехтман, 1937. С. 165].

С И. Е. Гехтманом был согласен Евгений Юнга, в первой половине 1930-х гг. побывавший на территории деятельности Дальстроя. «Магадан, – писал он, – по-ороченски “Монгадан”, что означает: “морские наносы”. Так называли кочевые охотники-туземцы каменистые берега бухты Нагаево, где в 1932 г. была заложена столица горной Колымы» [1937. С. 179].

В то же время один из известных геологов-первопроходцев И. И. Галченко в своих воспоминаниях рассказывает: «Это было в конце прошлого века. В то время долина речки, которую теперь называют Магаданкой, служила для кочующих эвенов-оленьеводов летним пастбищем. Место было удобное: оленьего корма вдоволь, морской ветер смягчает жару, отгоняет оводов и гнус. Орочи (так тогда называли эвенов) ловили рыбу, применяя примитивное орудие – шест с загнутым гвоздем на конце, промышляли морского зверя. После тяжелого зимнего кочевья люди отдыхали. Молодые парни присматривали невест. Десятки конусообразных чумов-урас, белея на солнце, ярко выделялись на фоне земли. В вечерний час все урасы дымились: это женщины готовили пищу. В большой урасе богатого оленевода Хабаровова пили чай. В стороне, не принимая участия в разговоре, сидел бедный эвен с женой и детьми, живший на отшибе в маленькой дырявой урасе. Его звали Магда, что означает – трухлявый пенек. Магда был настолько беден, что не имел своих оленей. В тот вечер Магда был особенно задумчив. Когда сидевшие в юрте собрались расходиться, Магда тяжело поднялся и, остановив взгляд на богаче Хабаровове, сказал: “Я беден, оленей не имею, чтобы кочевать с вами, для пушного промысла стар. Быть вам в тягость и зависеть от вас не хочу”. – “Что же ты, Магда, умирать собрался?” – “Нет, умирать рано: у меня семья”, – ответил Магда, – я остаюсь здесь, на этом ручье. Буду жить у морского берега, питаться рыбой, морским зверем. Вам буду давать нерпичий жир, нерпичьи шкурки – на подшивы для торбазов, а вы взамен дадите мне оленье мясо”. На следующий день, сняв свою убогую урасу с дырявыми, почерневшими от старости шкурками, перекочевал Магда на берег моря, к самому устью речки. Наступила осень. Олени по привычке, не ожидая хозяев, двинулись в тайгу, на зимние корма. За ними откочевало и все летнее стойбище. Магда остался один со своей семьей. Засвистели зимние ветра, занесло снегом построенную им избушку... Мужественно переносил первую зиму Магда, питаясь с женой и детьми запасенной летом рыбой и нерпичьим жиром. Шли годы, Магда продолжал жить на берегу моря. Кочевые эвены дали речке имя первого здесь постоянного поселенца. Зимой мимо избушки проезжали на собаках жители поселков Ола и Тайгск. Они по-своему переименовали имя Магды, называя постаревшего хозяина избушки кто Магдыгой, кто Магдагой, кто Магаданом. Последнее слово закрепилось в записях, дав имя новому городу Магадану. Магда умер. Избушку его я видел осенью 1930 года» [Галченко, 1963. С. 9–10].

В архивных материалах фондов Магаданского областного краеведческого музея, которые до сих пор не систематизированы, нами была выявлена рукопись его сотрудника А. С. Ивановой «Рождение юного города», относящаяся к 1959 г. «Название “Магадан”, – говорится в ней, – произошло от эвенского слова “монгадан”, что в переводе на русский язык означает “морские наносы”. Обитавшие здесь эвены встречали в устье реки Магаданки скопления большого количества наносов гнилых деревьев, которые выбрасывал на берег морской прилив. И это гнилое дерево эвены называли “монгот”. Рыбачившие здесь местные жители использовали его для своих нужд. Они мельчали его ножами и делали подстилку в спальню детей, применяли для протирки рук, т. к. она хорошо впитывала влагу. Так объясняют сторожилы происхождение и название нашего города».

С подобной версией спустя 5 лет выступил и сотрудник Магаданского областного краеведческого музея, уроженец с. Гижига С. И. Данилов. Более 40 лет назад он разъяснял: «От эвенского слова “монгадан” и произошло название нашего города. В переводе на русский оно означает “полосы деревьев”. На территории Усть-Магаданского рыбокомбината в устье речки и на берегу бухты эвены часто видели множество деревьев, которые выбрасывал на берег морской прибой. Нагроможденные друг на друга деревья гнили и высыхали, преграждая узенькие тропки, и мешали движению кочевников-эвенов. Отдельное высохшее дерево эвены называют “монгот”, а место скопления деревьев – “монгодан”. Отсюда искаженное – Магадан» [Данилов, 1964].

Сотрудник этого же музея, журналист и писатель Г. Г. Волков, наряду с С. И. Даниловым, указывал, что «плавники, деревья, принесенные водой, эвены называют словом “монгалы”, а низину – “мээн”, что дало речке название “монгодээн”. Поэтому если не выговорить ясно по-эвенски отдельные звуки, то получается “Монгодан”, “Магадан”» [Волков, 1964].

Свое объяснение происхождению названия «Магадан» дала и эвенская писательница, поэтесса и педагог М. Н. Амамиш. «По-моему, – отмечала она, – слово “Магадан” следует объяснить следующим образом. Принесенное морскими прибоем или паводковыми водами сухое дерево, палка, называется монг, если их много (куча) – то монгани. В эвенской грамматике есть суффикс -дан, который означает применение, использование вещи, предмета, животного человеком с определенной целью. Например, слово “дёлдан” – кинуть камень, “ариндан” – ехать на олене, то же на лошади – “мурындан” и так далее. Слово “монгодан” означает использование сухого дерева, палки в своих интересах... Поскольку в эвенском языке буквы “нг” имеют носовое произношение, то этот звук упущен и заменен одной буквой “г”. В настоящее время эвены, особенно пожилые, областной город называют по-своему – Монгадан. Так, что Магадан есть искаженное эвенское слово» [Амамиш, 1976].

Ученые В. В. Леонтьев и К. А. Новикова согласились с суждением М. Н. Амамиш. В своем фундаментальном труде они отметили, что название «Магадан» происходит от эвенского слова «монг» – «сухое дерево, принесенное водами», а с помощью суффикса -дан, обозначающего применение какого-либо предмета или вещи, оно действительно преобразовывается в «жилище из плавника», «поэтому вполне вероятно, что первая запись могла быть сделана как Монгодан – Монгадан, которая постепенно трансформировалась в Магадан» [Леонтьев, Новикова, 1989. С. 239].

Однако необходимо отметить, что такие авторитетные объяснения и суждения до сих пор вызывают возражения ряда представителей эвенского населения, проживающего на территории Магаданской области. Так, в заметке «К истокам названия», подписанной «ороч Е. Зыбин», указывается: «Эвенская писательница, ныне покойная М. Амамиш правильно переводит слово “пень” и “пенек”. А слова “сухое дерево”, “палки”, “плавник”, “валежник” объясняет словом “манга”, что совершенно неверно. “Сухое дерево” по-эвенски – “бучукча”, “палка” – “мо”, “плавник” – “могали” (где буква “г” произносится с придыханием, как украинцы звук “г”), “валежник” – “тикитлэ”. М. Амамиш считала, что слово “монгодан” означает “жилище из плавника”. Теперь сделаем точный перевод этих слов на эвенский язык. Это будет звучать так: “дюмия могалидук”. И опять тут и близко нет слова “монгодан”... “Морские наносы” – книжное выражение, а вот “плавниковые наносы” – уже близко к разговорному. И если постараться по смыслу выразить на эвенском языке, то получили “могалимнан”... Это уже близко по звуку к слову “Магадан”... Видимо, так и получилось: труднопроизносимое тунгусское слово “монгалимнан” трансформировалось в более легкое для русского произношения слово “Магадан”» [Зыбин, 1989].

Прошло почти 10 лет, и появилась новая трактовка происхождения названия «Магадан», вновь опубликованная в периодической печати. Ее автор Мария Бех, теперь живущая в областном центре, отмечает: «По-национальности я являюсь представителем эвенов Северо-Эвенского района. Мои родители – потомственные оленеводы, оба преклонного возраста, до сих пор живут и работают в тундре. Несмотря на все происшедшие в стране за последние 70 лет реформы и перестройки, языковая среда в тундре сохранилась практически в “чистом” виде: мои родители, как и другие оленеводы их возраста, не знают русского языка, не знают и эвенской письменности, по их мнению, “исковерковавшей” язык. Почти в совершенстве владею разговорной речью и я. Пишу об этом подробно для того, чтобы читатель знал, что я не дилетант в обсужденном вопросе, мог понять чувства, переполнявшие меня, когда я знакомясь с попытками разных людей в разное время предложить свои версии, иногда до комического смешные... Ближе всех, я считаю, подошла к разгадке исследования известная эвенская сказательница, моя бывшая воспитательница, М. Н. Амамиш. Синтаксически исследовав слово “монгодан” и правильно определив его назначение, как использование человеком сухого дерева, палки в своих интересах, она делает логическое заключение, что Магадан есть искаженное слово “монгодан”, в котором звук “нг” имеет носовое произношение и поэтому заменен одной буквой “г”. Но, к сожалению, перевести это слово и она не смогла. А разгадка происхождения названия нашего города очень проста. Слово “монгодан” в эвенском языке существует и означает две продольные палки (из специально подобранных и высушенных берез), используемые при изготовлении оленьих нарт. Они крепятся по бокам вдоль сидения и служат для прочности нарт и удобства при сидении или устойчивого положения поклажи (примерно как боковые борта кузова у грузового автомобиля). Иногда к ним в задней части ездовых (негрузовых) нарт крепится колыбелька. Со слов старожил-эвенов Ольского побережья, их предки еще в те давние времена речку Магаданку называли “Монгодан”... Такое название они дали ей, исходя из рельефа. Если с устья бросим свой взор вверх вдоль речки, то увидим сходство местности (сама речка, ее прибрежная часть и сопки, расположенные вдоль нее) с оленьей нарткой. Сопки, холмы на обоих берегах как раз и представляют собой “монгодан”. Когда же стали строить город, то вполне естественно название ему дали такое же, как и название речки, в долине которой он был выстроен. Такое мое объяснение происхождения названия нашего города» [Бех, 1998].

Среди самых последних объяснений происхождения названия «Магадан» заслуживают внимания гипотезы, предложенные научными сотрудниками СВКНИИ ДВО РАН Б. П. Важениным и С. А. Дворяниновым, а также геологом Ю. Ф. Нехорошковым. «Среди объяснений происхождения названия г. Магадан, – отмечает Б. П. Важенин, – господствует версия трансформации его из эвенского слова монгадан, что означает “морские наносы”, “плавник”, “валежник”, “жилище из плавника”. Выполнен анализ

этой этимологии на соответствие критериям: 1) фонетической близости исходного и окончательно топонимов; 2) топографического их совпадения; 3) рангового (географического, экологического, хозяйственного) соотношения именуемого объекта, генерирующего топоним; 4) наличия ко времени закрепления топонима конкурирующих вариантов; 5) исторической логичности процесса генерации, трансформации и фиксации топонима» [Важенин, 2002. С. 294–295]. В связи с этим он выдвигает гипотезу, особенностью которой «является предполагаемая связь слова магадан с чрезвычайно распространенным в десятках языков Евразии словом майдан» [Важенин, 2003. С. 3], удовлетворяющая, по его мнению, указанным критериям.

С. А. Дворянинов предположил, что «монгодан» в прошлом означало не только опорные палки на нарте, но и опоры в жилище и, соответственно, дымовое отверстие. В то же время, по его мнению, смысловая связь и особенность сравнения понятий дыхания и движения дыма, а образно и тумана явно указывают на русский язык, где слова «дымволлок» и «дыхло» означают вытяжное окно. Поэтому, делает вывод С. А. Дворянинов, в «обобщенном смысле магадан – это дымоход, дымовое отверстие, ноздря, горно, а конкретнее – место, где проходят туманы, которые, возможно, образно связывались с дыханием исполинского кита (китов?), очертания которого можно рассмотреть в формах рельефа п-ова Старицкого» [Дворянинов, 2002. С. 303].

Ю. А. Нехорошков пошел по другому пути. Исходя из того, что на территории расселения юкагиров наличествуют гидронимы, оканчивающиеся на -дан и -дон, – Алдан, Кедон, Коркодон и т. д., он выдвинул гипотезу о скифско-юкагирском происхождении слова Магадан от монгадан. Согласно этому, монгадан переводится как «бухта с курганами или утесами» [Нехорошков, 2003].

Вместе с тем и после работы ГЭВО бух. Нагаева некоторое время еще оставалась необитаемой. Заходившие в нее суда (а она вдается в сушу на 17 км) всего лишь заправлялись водой в районе руч. Священный (к востоку от м. Замок) и проверяли состояние судовых хронометров у установленного астрономического пункта на площадке склона Каменного Венца. Данное обстоятельство стало решающим при определении здесь места высадки десанта Охотско-Аянской экспедиции Степана Сергеевича Вострецова на кораблях «Ставрополь» и «Индигоирка» весной 1923 г. По приказу командарма И. П. Уборевича его задачей являлось разоружение белогвардейцев из Северного экспедиционного корпуса полковника Валериана Бочкарева, находившихся в Оле, и корабли уже двигались в бух. Нагаева.

«Но, – отмечает историк А. П. Фетисов, – 15 мая на “Ставрополе” неожиданно была получена телеграмма командования: “Охотское побережье до Олы включительно очищено от белобанд. В Оле убит начальник штаба белогвардейского отряда полковник Авдюшев. По сведениям белых, в Охотске отряд Ракитина насчитывает около 120 человек, в поселке Булгино отряд Яныгина – 30–40 человек. В Аяне отряд Пепеляева – в 200–300 человек”... Теперь не надо было терять времени на высадку десанта в Оле, а прямо следовать до самого Охотска» [Фетисов, 1983. С. 44].

После разгрома белогвардейских отрядов полковника Валериана Бочкарева и генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Пепеляева бух. Нагаева стала одним из мест дислокации корабля «Красный выпел» (до весны 1923 г. – «Адмирал Завойко»). На него была возложена задача охраны северо-восточных морских границ СССР, поэтому «Красный выпел» (командир корабля А. И. Клюсс) постоянно крейсировал вдоль Охотского, Камчатского и Чукотского побережий вплоть до Северного Ледовитого океана. Бухта Нагаева находилась в центре его рейсов и, так как была необитаема и удобна в использовании, стала местом регулярных временных стоянок и обязательных учебных стрельбищ. До сих пор на скалах главной вершины Каменного Венца сохранилась надпись большими буквами: «Красный выпел 19/VIII 23». Есть и другие подобные надписи.

В то же время окончательное установление советской власти на Охотском побережье дало толчок к восстановлению и дальнейшему развитию ряда промыслов, характерных для хозяйства коренных жителей этих мест и уже появившихся здесь в начале XX в. русских и иностранных промышленников, в том числе в бух. Нагаева. При этом контроль за их деятельностью сосредотачивался в руках местных властей. Поэтому, например, 6 июня 1924 г. Ольский волостной ревком (председатель Агапит Алексеевич Кочеров) принял решение: «Имущество т. (товарищество. – А. К.) “Охотская сельдь” в бухте Нагаева взять волревкому на учет и передать трудовой артели Ольского комсода (комитет содействия. – А. К.) взаимнообразно, впредь до распоряжения высших властей» [ГАМО, ф.р-10, оп. 1, д. 2, л. 118].

В 1925–1927 гг. в необитаемую бух. Нагаева продолжали заходить морские суда, и посещавшие ее оставили свидетельство об этом. В числе их был И. А. Яхонтов, назначенный затем первым заведующим Восточно-Эвенской культбазой. Он рассказывал, что посетил бух. Нагаева в 1925 г. [ГАМО, ф.р-16, оп.1, д.15, л.15]. Один из первых коммунистов Чукотки, член Анадырской ячейки РКП(б) Л. П. Суворов, вспоминая о бух. Нагаева, писал, что «в 1927 году, когда мы там стояли, не было ни одной хижинки, только ручей, речка, из которой брали воду, и сопки, поросшие непроходимым стлаником-кедровником» [Козлов, 1988. С. 4]. Подобными впечатлениями делилась и первая в мире женщина-капитан дальнего плавания, Герой Социалистического Труда А. И. Щетинина: «В первый раз в бухту Нагаева мы заходили в 1927 году, брали воду из ручья. Вокруг была тайга» [Болдырев, 1947. С. 116]. Тайга у бух. Нагаева сохранялась и позднее. Здесь даже охотились на медведей.

Приполярная перепись населения северных районов СССР 1926–1927 гг. не зафиксировала какого-либо населения в бух. Нагаева, а вот недалеко от нее в «Могодане», по данным переписи, тогда постоянно проживали 4 ламута (эвены). Бывший председатель Ольского ревкома в 1924–1926 гг. (затем и почетный гражданин г. Магадана) А. А. Кочеров вспоминает: «В устье реки Магаданки, на месте теперешнего рыбзавода, стояли две летние юрты эвенов Даниила Абрамова и Кирика Трифонова. Во время хода кеты и горбуши они заготавливали здесь себе на зиму юколу и порсу (рыбную муку). Осенью они охотились на морского зверя в бухте Гертнера. Зверя во время отлива на лежбищах били палками. С наступлением зимы Абрамов и Трифонов откочевывали вверх по реке Дукче на Хасын и Армань, где охотились на пушиного зверя. На теперешней территории Магадана и Дома инвалидов зимой выпасал свое небольшое стадо оленей Гавриил Зыбин. Иногда он оставался на лето в долине реки Дукчи, где почти все лето держался лед от зимних наледей» [Кочеров, 1959. С. 106].

В Государственном архиве Магаданской области хранится документ с сопроводительной надписью: «ДВ Ком. Севера (Дальневосточный Комитет Севера. – А. К.). 9.VI.28 г. Ольск. РИКу (Ольский райисполком. – А. К.) для проверки» [ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 8, л. 42].

Название туземного Совета и населенного пункта	Хозяйство	Население
<...>		
3. Могодан (устье реки)	1	4
4. Могодан (р-н реки)	4	16

Данный документ еще раз подтверждает обитаемость бух. Нагаева в этот период.

«12 июня, – говорится в воспоминаниях Ю. А. Билибина, относящихся к 1928 г., – мы отплыли из Владивостока и в первых числах июля высадились в с. Ола, в 35 км к востоку от Нагаевской бухты. Последняя была тогда совершенно необитаема, и только проплывая мимо нее на пароходе, мы узнали от команды, что это единственная бухта на Охотском побережье, где пароходы, набирая воду, могут подходить непосредственно к берегу, и что здесь Совторгфлот предполагает создать главную базу для снабжения отсюда всего Охотского побережья каботажными судами» [Билибин, 1961. С. 196].

Однако с образованием в 1926 г. Ольского района, вошедшего в состав Николаевского-на-Амуре округа Дальневосточного края, бух. Нагаева очень быстро оказалась в поле зрения руководства Ольского райисполкома и его первого председателя, единственного в этих местах коммуниста Михаила Дмитриевича Петрова, написавшего статью «Бухта Нагаева должна быть порт базой».

В статье, опубликованной 14 августа 1928 г. в газете «Тихоокеанская звезда», говорилось: «Для всего Охотского побережья и западной Камчатки мы имеем единственную бухту Нагаева... Эта единственная бухта на этих берегах не имеет почти никаких недостатков... К сожалению, бухта до сего времени не используется так, как нужно. Все использование Нагаевской бухты в данное время состоит в том, что туда заходят почти все проходящие вдоль Охотского побережья пароходы, чтобы пополнить запасы воды и угля... Теперь бухта Нагаева должна стать порт базой для Охотского побережья и западной Камчатки... В связи с богатым золотом в Сеймчане, отправка на прииски грузов должна достигнуть в два-три года свыше 100 тысяч пудов. Эта отправка должна быть через Нагаево...»

Последнее, несомненно, связывалось с начавшимся промышленным освоением Колымы и деятельностью Первой Колымской геологоразведочной экспедиции под руководством Ю. А. Билибина, прибывшей на Олу 4 июля 1928 г. Как и М. Д. Петров, она теперь не смогла обойти своим вниманием бух. Нагаева. Поэтому тем же летом 1928 г. в ней побывал помощник Ю. А. Билибина, будущий Герой Социалистического Труда и почетный гражданин г. Магадана В. А. Цареградский, ранее знакомый с лодией Ю. В. Давыдова.

«В первую очередь, – вспоминал он, – мне хотелось побывать в бухте Нагаева... Попытка попасть на вельботе, обогнув полуостров Старицкого, не удалась... Облазив его с южной стороны, двинулись в Нагаево из Олы на оленях мимо бухты Гертнера, или по-местному Магадана. Вид на бухту сверху от спуска Марчекан был поистине величествен. Первое, что бросалось в глаза, – это спокойная и даже гладкая поверхность у замка бухты. Песочный пляж, два салатно-зеленых пятна высокой густой травы в устьях ключей Марчекан и Американского, каменный замок на вершине горы, напоминающий корону. На месте нынешнего поселка Нагаево и складов были густые заросли лиственниц и кедрового кустарника (стланника)...» [Цареградский, 1936. С. 76].

Почти вслед за В. А. Цареградским бух. Нагаева посетил заместитель председателя Дальневосточного Комитета Севера К. Я. Лукс. Находясь в продолжительной командировке по Охотскому побережью, он решал сложную задачу, выбирая наиболее удобное место для строительства Восточно-Эвенской культбазы – небольшого комплексного учреждения (поселка) конца 20-х – начала 30-х гг., состоящего из школы, интерната, больницы, ветеринарного пункта (лазарета), призванного помочь коренным жителям Охотского побережья поднять хозяйство, культуру, медицинское обслуживание.

В последующем отчете председателю Комитета Севера при ВЦИК СССР П. Г. Смидовичу от 29 октября 1928 г. К. Я. Лукс отмечал: «28 октября вернулся во Владивосток из поездки по Охотскому побережью по следующему маршруту: 1. Хабаровск–Николаевск с обследованием работы Николаевского окрисполкома. 2. Николаевск–Чербак–Лангр (Лиманский Гилякский тузрайон). 3. О-в Большой Шантар. 4. О-в Ольский или Завьялова. 5. Ола. 6. Тауйск (р. Яна). 7. Ямск (и пешком от устья Ямского

лимана до селения – 25 км). 8. Туманы. 9. Р. Вилига. 10. Наяхан. 11. Гижига (и пешком от устья селения Кушка до Гижиги 15 км). 12. Ола. 13. Бухта Нагаева (Волок) – пешком до бухты Магадан или Гертнера. 14. Устье р. Яны (и пешком до Тауйска). 15. Охотск. 16. Аян. 17. О-в Большой Шантар. 18. О-ва Утичий и Птичий (на лежбине Лангр). 19. Кругом Сахалина по вост. берегу и через Лаперузов пролив во Владивосток (без остановок). Вся поездка заняла 77 дней... Представление подробного доклада займет известное время, которого у меня пока что не было совершенно, почему ограничусь в этом письме приведением результатов обследования вопроса о месте для Эвенской культбазы Охотского побережья. Полностью подтвердилось уже раньше (на V пленуме) высказанное мнение, что наилучшим местом для Охотско-Эвенской культбазы является бухта Нагаева (до 1912 г. называлась Волок). Эта бухта расположена почти в центр. пункте для всех эвенских тузрайонов Охотского побережья (если считать от р. Немун (к югу от Аяна) до р. Гарманды и верховьев р. Гижиги) и в самом центре интересного Тауйского залива и прилегающих к нему тузрайонов. Это естественный центр для всего Охотского моря, и отсюда же, несомненно, пойдет вся работа по снабжению пока нашумевшего Среднекана, а потом и всего Верхне-Колымского золотопромышленного района. Хотя рыбный сезон в момент моего приезда в Нагаево уже кончился, однако я на перешейке между б. Нагаева и б. Магадан (Гертнера) застал представителей всех трех т. наз. горных тунгусских родов Ольского района, т. е. самых отдаленнейших групп эвен Охот. побережья. В навигационном отношении б. Нагаева (Волок) – лучший естественный порт всего Охот. моря (и почти единственный). Это о месте для культбазы... Сохранение и усиление в этих р-нах нашего влияния и успешная борьба с происками соседей невозможна без создания Охотских тузрайонов, спец. туз. округа. Нагаево (Волок) и культбаза автоматически станут жизненным центром этого округа и перерастут в крупный населенный пункт, который обгонит, при достаточном внимании к нему, Петропавловск-на-Камчатке» [ГАХК, ф.137, оп. 2, д. 10, л. 149].

Как оказалось, это стало заявкой на будущее. Однако практическое выполнение задачи по подготовке к постройке и непосредственная постройка Восточно-Эвенской культбазы не могли обойтись без дальнейшей помощи со стороны Ольского райисполкома. Поддержав начинания К. Я. Лукса, его руководство провело еще одно обследование бух. Нагаева, информация о котором была обсуждена на заседании 13 октября 1928 г. в выступлении секретаря Ольского райисполкома Харитона Александровича Чухмана.

Принятое по данному вопросу постановление зафиксировало: «а) Определить местом постройки культбазы и снабженческих баз бухту Нагаева. Кроме того, считаясь с наличием захода в бухту Нагаева большинства пароходов, обслуживающих Охотское побережье, и наличием проектируемых построек, это даст увеличение выхода морских судов, а отсюда и увеличит возможность улучшения связей как с вышестоящими центрами, так и внутри района; б) Возбудить ходатайство перед окрисполкомом о разрешении переноса райцентра в бухту Нагаева с просьбой отпуска средств на перенесение построек в 1928/29 бюджетном году. Сумму расходов по переносу строений определить дополнительно и сообщить окрисполкому телеграфно; в) Считать необходимым предупредить организации, помещающие постройки в бухте Нагаева, о том, что местных массивов (в окрестностях бухты Нагаева), позволяющих заготовку лесоматериалов на крупные постройки, нет. Имеющиеся небольшие лесомассивы способны удовлетворить материалами мелкие подворные постройки и топливом» [ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3014, оп. 1, д. 166, л. 50].

Положение с лесоматериалами привело к тому, что непосредственная подготовка к строительству Восточно-Эвенской культбазы началась с февраля 1929 г. в Хабаровске. Спустя несколько месяцев ее перенесли во Владивосток. Там в апреле – мае 1929 г. срубили и подготовили к отправке в бух. Нагаева три жилых дома, школу, ветеринарный пункт (лазарет), больницу и часть здания интерната, которые должны были составить основу Восточно-Эвенской культбазы. 21 мая 1929 г., согласно постановлению СНК РСФСР от 2 августа 1928 г., предложению ВСНХ РСФСР от 11 марта 1929 г., постановлению Межведомственного совещания при отделе экономической тарификации Далькрайсовнархоза № 3 от 12 мая 1929 г., утвержденному Далькрайсовнархозом, Далькрайоно издало приказ, в котором предлагало открыть при Восточно-Эвенской культбазе «учебно-производственную мастерскую по слесарно-столярному производству и обработке кожи с 1 октября 1929 г. с ассигнованием в 1928/29 г. на ее оборудование 5153 руб. 09 коп.» [Культурное..., 1982. С. 247].

Комитет Севера при ВЦИК СССР на создание Восточно-Эвенской культбазы выделял до 200 тыс. руб. Смета на приобретение учебных пособий для ее школы-интерната на 1928/29 учебный год была определена в сумме 4253 руб. 10 коп. Букварей предполагалось приобрести 40, книг для чтения – 40, задачник на два года обучения – 20. В общем намечалось купить около 100 учебных пособий и школьных принадлежностей. Одновременно комплектовался штат культбазы, куда, кроме сотрудников-специалистов, ввели должности обслуживающего персонала.

По всей видимости, в этот период Комитет Севера при ВЦИК СССР (и на это указывают выявленные нами документы) действовал совместно с Акционерным Камчатским обществом (АКО), так как на заседании его бюро под представительством Петра Гермогеновича Смидовича еще 1 февраля 1929 г. (на нем присутствовал и председатель правления АКО С. П. Нацаренус) было принято решение: «Просить АКО принять на себя работу по постройке культурной базы в б. Нагаево по планам и сметам Комитета Севера и отнестись с особым вниманием к этому делу ввиду большого значения названной культбазы» [ГАХК, ф.137, оп. 2, д. 10, л. 9].

8 июня 1929 г. все подготовленные строения и материалы были погружены на зафрахтованный пароход «Генри Ривьер» и вместе с заведующим Восточно-Эвенской культбазой, бывшим участником гражданской войны Иваном Андреевичем Яхонтовым, прорабом Андреем Андреевичем Навдушем, а также группой строителей (по уточненным данным насчитывающей 62 чел.) отправлены к месту назначения. Рейс продолжался две недели. 22 июня 1929 г. пароход «Генри Ривьер» вошел в бух. Нагаева. После высадки на берег начались разгрузка судна, обустройство места для первоначального обоснования, возведение палаток.

23 июня 1929 г. состоялся непосредственный выбор территории под размещение построек Восточно-Эвенской культбазы, а затем ее расчистка от леса и возведение строений. При этом был одобрен план строительства, который представил И. А. Яхонтов вместе с докладом, сделанном на заседании президиума Ольского райисполкома 13 июля 1929 г. В принятом по нему постановлении говорилось: *«Заслушав информацию зав. культбазой Яхонтова, президиум райисполкома констатирует своевременность и целесообразность организации культбазы в Ольском туземном районе как опорного пункта для поднятия культурного и экономического уровня туземного населения. Отмечая интенсивный ход работ по постройке базы, и в целях своевременности окончания работ президиум считает необходимым увеличение перевозных средств не менее как пятью лошадьми. Признать необходимым при укомплектовании школы-интерната забронировать до 10% мест для детей якутов и камчадал преимущественно из среды бедняцкого населения и, главным образом, сирот, широко популяризировать цели и задачи культбазы среди туземного населения района путем: а) выработки обращения-листочка в переводе на тунгусский язык с подробным ясным пояснением указанных задач, каковые распространить среди туземного населения через кочевые советы; б) для личной агитации ознакомления туземного населения района использовать командировки сотрудников государственных и общественных учреждений и организаций; в) рекомендовать зав. культбазой использовать имеющихся в районе на каникулярных отпусках учеников в интернат базы; г) связаться с лицами, пользующимися авторитетом среди туз. населения, и провести через них личные беседы о вербовке учеников и разъяснении задач базы. Ввиду снятия с работ в Ольском районе отряда РОККА просить Комитет Севера о сохранении в штате базы двух врачей. Для лучшей связи культбазы с туземным населением во время летних перекочевок последнего к морю рекомендовать ускорить ремонт передаваемого в распоряжение базы катера, находящегося в устье реки Яны, и приобретение вельбота в текущую навигацию... Отвести место под постройку культбазы, указанное в плане, представленном зав. культбазой»* [ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3014, оп. 1, д. 190, л. 2–3].

План строительства культбазы, представленный И. А. Яхонтовым, не сохранился, и до нашего времени дошел лишь акт, составленный немного позднее. Оформленный от имени пяти должностных лиц 24 июля 1929 г., он был заверен только одним – председателем Ольского райисполкома Иваном Хрисанфовичем Мариным. Это, на наш взгляд, не вызывает сомнений в его подлинности, но оставляет открытым вопрос о том, почему так могло произойти.

По данному поводу существуют различные предположения, поэтому приводим полный текст составленного тогда акта: *«Бухта “Нагаево”, июля 24 дня, 1929 г. Мы, нижеподписавшиеся, зав. культбазой Яхонтов, председатель Ольского райисполкома Марин, председатель постройкома Матусьяк, производитель работ – техник Навдуш, десятник Флейта, на основании приглашения зав. Восточно-Эвенской культбазой прибыли в бухту Нагаево для точного определения расположения зданий культурной базы и при осмотре нашли: в северо-восточной части бухты на небольшом плоскогорье, между двумя ложбинами, покрытом хвойным лесом, кочкой и мхом, установлен щит из досок, являющийся девиационным створом (второго створа не оказалось). Ниже щита площадь размером около гектара вырублена. На месте оставлены валежник и невыкорчеванные пни. Площадь покрыта кочками, мхом и ползучим кедровником. Расположенное рядом плоскогорье, лежащее на восток от вышеописанного пункта, занимает более центральное положение выше его и покрыто сплошной растительностью. По осмотре побережья более удобных пунктов не оказалось. Из числа описанных двух пунктов более удобной и выгодной является, по мнению комиссии, первоначально намеченная площадь, имеющая следующие преимущества: а) более пологий склон к морю, б) меньшую растительность, что удешевляет очистку, в) более защищена от С.З. ветров, г) возможность сравнительно легкого проведения тракта в б/х “Гертнера”. Расположение здания постановили в развернутом порядке, фасадом к бухте под углом 78 градусов на Ю.В., граница проходит ниже девиационного створа на 23.00 пг. метра, и расположить здания согласно генерального плана, прилагаемого к настоящему акту. Такое расположение принято ввиду того, что выбранная площадь выше створа хотя и не очищена от леса и потребует сравнительно больших расходов по вырубке и корчеванию, но занимает наиболее выгодное положение и более сухая. Фронтное расположение зданий принято по следующим соображениям: а) устранение скученности, опасной в пожарном и санитарном отношениях; б) освещение зданий солнечным светом в течение дня со всех сторон и в) уменьшении расходов на планировку зданий и подсыпку земли, отсутствующей вблизи. При производстве работ по возведению зданий для культбазы придется столкнуться с весьма серьезными затруднениями: а) переброска материалов от берега к месту работы по кочковато-лесисто-болотному месту невозможна без предварительной подготовки дороги или устройства сплошных настилов; б) отсутствие катера и др. перевозочных средств у базы и невозможность приобретения таковых в Оле; в) плохое сообщение с Олой (свыше 50 верст пешком или выюком); г) отрыв*

мастеров на переброску материалов ввиду отсутствия неквалифицированной рабочей силы и перевозных средств; д) отсутствие в достаточном количестве воды (ближайший родник 600 метров по берегу и в гору 800 метров по оврагам), и этот родник может быть использован лишь в летнее время и то при затратах значительных средств. В заключение комиссия, указывая на описанные в настоящем акте затруднения, в целях успешного хода работ рекомендует следующее: 1. Для обеспечения водоснабжения самой базы в будущем и во избежание заболевания рабочих, пользующихся не вполне годной водой, немедленно приступить к устройству колодца; 2. Вырубить лес, снять торф, мох и кочку под зданиями, а впоследствии со дворов и улиц, провести дороги и канавы; 3. Сделать взвоз к морю для перевозки и переноски материалов и грузов; 4. Разбить перед зданиями сад и сделать спортивную площадку; 5. Улицы строить с проезжим полотном дороги шириною в 8 метров, кюветом в 2 метра с 2 панелями по 5 метров под посадку деревьев, сохраняя таковые по возможности при вырубке и корчевке; 6. Произвести засыпку подпольного пространства, подсыпку у зданий и в особенности завалинок глиной, а за отсутствием ее глинистым сланцем или суглинком; 7. Разработать проект предполагаемой канализации, благоустройства, водоснабжения, составить рельефный генеральный план расположения культбазы; 8. Признать настоятельно необходимым иметь в распоряжении базы катер и кунгас с вельботом» [ГАМО, ф.р-7, оп. 1, д. 1, лл. 1–2].

Возведение строений Восточно-Эвенской культбазы велось все лето и половину осени 1929 г. В разгар строительства, 15 сентября, в бух. Нагаева пришел пароход «Фей-ху» («Летучий тигр»), привезший основной состав ее сотрудников-специалистов. В числе прибывших находилось 9 человек: заместитель заведующего культбазой Николай Владимирович Тупицын, врач Виктор Александрович Лупандин, фельдшер Семен Лаврович Сафонов, фельдшер-акушерка Виктория Александровна Кузнецова, заведующий школой Иван Анастасьевич Ваганов, учительница Матрена Григорьевна Яхонтова, мастер-механик Николай Николаевич Вериге, зоотехник Кузьма Иванович Кожухов, «зав. ветчастью т. Грачев», в скором времени оказавшийся душевнобольным и срочно вывезенный на «материк». На этот факт указывается в одном из протоколов заседания Ольского райисполкома середины декабря 1929 г., где было признано необходимым «при подборе сотрудников, посылаемых на Север, обязательно пропускать через врачебно-контрольную комиссию во избежание посылки заведомо психически больных как, например, ответственного сотрудника базы Грачева».

Оставшиеся из прибывших «немедленно приступили к работе по ознакомлению с условиями работы на культбазе и подготовке к развертыванию учреждений», здания которых (за исключением интерната) практически достраивались, а сама задержка строительства объяснялась И. А. Яхонтовым «рядом трудностей», связанных с «недостаточным знанием климата, почвенных и других условий района», а также с «отсутствием лошадей, телег и чернорабочих, своевременно не предоставленных Ольским райисполкомом» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 234, 240]. «Однако же, — отмечал он, — несмотря на перечисленные затруднения, строительный сезон прошел в общем довольно успешно, было выстроено три жилых помещения, здание больницы, ветеринарный лазарет и школа, а также временный склад» [Там же. Л. 234].

Свидетелями завершения возведения первых строений Восточно-Эвенской культбазы явились участники Первой Колымской геологоразведочной экспедиции Ю. А. Билибина. Вернувшись после открытия богатейших месторождений золота, они ожидали прибытия в бух. Нагаева последнего в этом сезоне парохода, которым в скором времени оказался «Нэнси Моллер». «Выезжать через Олу, — вспоминал Ю. А. Билибин, — нам не пришлось. Летом 1929 г. в Нагаевской бухте была построена культбаза Комитета Севера, учреждено агентство Совторгфлота, и все пароходы должны были сюда заходить» [Билибин, 1961. С. 202].

23 октября 1929 г. пароход «Нэнси Мюллер» отправился в обратный рейс. На его борту вместе с участниками экспедиции Ю. А. Билибина находилась основная группа бывших строителей Восточно-Эвенской культбазы. Из их прежнего состава в бух. Нагаева остались всего семь плотников и печник Александр Антонович Гарник. Не уехал также бывший завхоз экспедиции Ю. А. Билибина Николай Павлович Корнеев, вошедший затем в штат культбазы.

«К 23 октября 1929 г., — указывал И. А. Яхонтов, — были закончены вчерне все указанные выше здания, за исключением интерната, к постройке которого... приступит не успели, конюшня, временная пекарня и временный склад. После отъезда сезонных рабочих с 24-го октября приступили к внутренним работам по достройке жилого дома № 3, оборудованию летней бани под квартиру для рабочих, оборудованию пекарни и ремонтным работам легкого характера. По окончании этих работ часть рабочих была выделена на изготовление мебели для учреждений и сотрудников базы, а остальные брошены на лесозаготовки, постройку бани размером 600 на 900 сантиметров и необходимый мелкий ремонт. С февраля (1930 г. — А. К.) приступили к земляным работам: фундамент под здания интерната и бактериологической лаборатории, углублению существующего колодца, постройке фундаментального склада для АКО и барака для рабочих (из местного леса)... Препятствиями к работе были: рано выпавший снег (25/X) и усиливающиеся с каждым днем морозы, короткий зимний день, равнявшийся в среднем 5 часам, и отсутствие необходимой рабочей силы. Отразилось на работе также и прекращение действия колдоговора, заключенного по 1-е января 1930 года, вызвавшее требования рабочих по повышению зарплаты, удовлетворить которые были лишены воз-

возможности вследствие неполучения из Хабаровска и Владивостока ответа на неоднократные запросы о новых ресурсах. Квалифицированной и даже простой рабочей силы из местных жителей подыскать было почти невозможно, а если и находились таковые, то они к систематической работе не привычны и, проработав 10–20 дней, уходили домой к своему хозяйству» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 240].

7 ноября 1929 г. Восточно-Эвенская (Нагаевская) культбаза была торжественно открыта. Она почти сразу развернула постоянную целенаправленную плановую работу. В силу вполне объективных и субъективных причин эта работа не могла быть и не была всеохватывающей, объемной и во всем успешной, но приносила вполне реальные результаты, которые стали наглядны уже в первый год ее деятельности.

«В конце октября месяца 1929 г., – отмечал И. А. Яхонтов, – отделка здания школы была закончена и было приступлено к ее оборудованию к предстоящему учебному году. Нормальное развертывание работы тормозилось неимением отдельного здания для интерната, вследствие чего из числа классных комнат пришлось выделить две под спальные комнаты, использовав рекреационный зал под класс. Эта же комната, за отсутствием помещения для клубной работы, служила и местом для проведения культпросветработы среди членов коллектива, проведения политических кампаний, общих собраний и т. д. Кроме этого по одной комнате было занято под мастерскую и библиотеку, следовательно, под непосредственно школьную работу оставалась одна комната и рекреационный зал, в котором одновременно была и столовая для детей. Для подготовки кадров учеников были произведены выезды школьных и других работников базы, которые, несмотря на трудные условия проведения этой кампании среди туземного населения, сумели набрать 14 детей туземцев, из них 2 девочки. Одной из главных причин, мешавших набору учеников, являлась агитация оседлых (береговых) жителей – камчадал, действовавших через богатых оленеводов-кулаков, от которых остальная масса кочевников находится в экономической зависимости. Педагогический персонал состоял из двух человек – заведующего школой и зав. интернатом, в то же время ведущих преподавание и воспитательную работу, которая в значительной мере осложнялась отсутствием руководства по работе среди местного туземного населения. Разнокалиберный возрастной состав и подготовка учеников заставили разбить их на две группы, плюс группа русских учеников – детей сотрудников базы. Национальный состав учеников: тунгусов – 8, метисов (тунгусов с якутами и русскими) – 5, якутов – 1 и русских – 3, из них девочек – 2, мальчиков – 15. В результате работы в течение неполного учебного года большинство ребят научилось читать и писать и все – русской разговорной речи. Им были привиты прикладные дисциплины: физкультура, общественно-полезные игры, разучивание туземных игр и рисование (материал по проработанной программе закреплялся зарисовкой, аппликацией и иногда лепкой). Особенно хорошо привились детям санитарно-гигиенические навыки. Сами дети просили вести их в баню, указывали товарищам на необходимость чаще мыть руки, просили снабдить их зубными щетками, порошком, мылом и т. п. ...Большое внимание со стороны как взрослых, приезжавших на базу туземцев, так и учеников уделялось обучению ручному труду в учебно-показательной мастерской при школе, в которой дети обучались слесарному делу. Недостаточный размер помещения (одна комната), а также и инструментов, затрундяли работу, потому что в ней одновременно при нормальных условиях могли работать только три ученика. Но, несмотря на это, дети научились делать ножи, элементарные инструменты, банки (жестяные), умеют паять, следовательно, по возвращению домой они будут живыми агитаторами о работе базы» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 236].

При этом, считал И. А. Яхонтов, жизнь показала, что перечень продуктов питания для учащихся школ «материка» совершенно не подходит учащимся школы Восточно-Эвенской культбазы и их питание «необходимо влить в рамки, выдвигаемые условиями жизни, в которых они находились» [Там же]. Конкретно требовались «в большом количестве мясо (оленье), жир, рис, белый хлеб и юкола» [Там же]. Это повышало стоимость довольствия учащихся школы Восточно-Эвенской культбазы и доводило ее «до 25 руб. в месяц» [Там же].

Одновременно, по мнению И. А. Яхонтова, необходимо было, «в связи с наметившейся тягой тунгусов к обработке рыбы», организовать при Восточно-Эвенской культбазе бондарно-столярную мастерскую, а слесарную мастерскую в большем объеме оснастить «инструментарием, токарными станками, предоставив для этой работы отдельное помещение», так как «совмещать в одном здании школу и учебно-показательную мастерскую» было довольно сложно, ибо этим нарушался нормальный ход школьной работы «вследствии шума, производимого в слесарной мастерской, которая в то же время обслуживает и хозяйственные нужды базы» [Там же. Л. 236 об.].

В ЦХСД МО нами выявлен протокол открытого партийного собрания Ольской ячейки ВКП(б), состоявшегося 26 марта 1930 г. Выступивший на нем заведующий школой Восточно-Эвенской культбазы И. А. Ваганов очень откровенно докладывал: «В течение зимнего периода два раза выезжал в Тауйский подрайон для проведения соответствующей работы... Во время поездок я установил следующее: 1. Население недостаточно снабжено товаро-продуктами и посудой. Кооперация полностью не удовлетворяет запросов и потребности туземного населения вследствие отсутствия товарной массы. Были случаи, когда тунгусы приходили в кооператив купить необходимое, но за

неимением многих товаров и огнеприпасов возвращались с пушиной в горы. Последнюю за бесценок скупают якуты. 2. Школа в селении Тауйск находится в невесёлом хорошем состоянии: 3 группы на одного учителя. Учебники несколько устарели и тех мало. Бывают моменты, когда появляется нужда в тетрадях, карандашах, перьях и т. п. Население к учителю относится недружелюбно, последний потерял авторитет среди сельчан. Продукты для проживания (мясо, свежую рыбу) местное население учителю не отпускает и за наличный расчёт. В религиозные праздники многие родители своих детей не отпускают в школу. 3. Культурно-просветительная работа в селе Тауйске ведётся слабо, какую-либо антирелигиозную работу в данный момент вести нельзя. Само население отослало представителя за попом во Владивосток, собрав на дорогу ему 400 рублей. В селе же Армани культурно-просветительная работа не проводится. 4. По непроверенным сведениям, имеются данные, что якобы камчадалы ведут агитацию среди тунгусов, чтобы последние не отдавали своих детей в школу культбазы б/х Нагаева, указывая на то, что дети тунгусов перестанут верить в бога и будут коммунистами. Вблизи Монтыкляея имеются две японские рыбалки. В летнее время сюда приходят пароходы. К середине июня подкочевывают сюда же тунгусы на рыбную ловлю. На пароходы попадает масса пушины, способствует этому делу некто камчадал Попов Харлам, который живет в Монтыклее...<...> 7. Когда пришлось собирать статистические сведения, то поголовно все тунгусы, а главным образом зажиточные, утаили и не дали точных сведений. Например, председатель 1-го Монтыклеевского кочевого Совета Самойлов Петр указал, что он имеет всего 70 оленей, а по сведениям некоторых тунгусов и камчадалов, Самойлов имеет более 1000 оленей. Громов Павел – секретарь кочевья в статистике указал, что он имеет оленей 30–40, а тунгусы и камчадалы говорят, что он их имеет не менее 500. 8. Когда я сделал доклад на тунгусском собрании о целях и задачах культбазы, то главным образом возражали против обучения детей грамоте Громов и Самойлов, а остальная масса тунгусов сидела и молчала, прислушиваясь к голосам своих членов кочевья, но результат тот, что об обучении детей грамоте тунгусы не хотят и разговаривать. 9. В селении Тауйск совместно с двумя товарищами-партийцами организовали комсомольскую ячейку в составе 4-х человек и выработали им план работы на текущий момент. 10. С группой верующих провел собрание на тему «О пригодности использования здания церкви в дальнейшем и по прямому назначению». Граждане верующие постановили: к первому мая церковь закрыть и опечатать. В дальнейшем здание считать непригодным, а имущество церкви изъять и сохранить под своей ответственностью. 11. Выработали план работы на текущий период времени комсомольской ячейки села Балаганное» [ЦХСД МО, ф.16, оп. 2, д. 9, л. 22, 23].

В то же время больница культбазы приступила к работе. Располагалась она в здании, которое по вступлении в эксплуатацию было разделено стеной на два самостоятельных отделения – общее и заразное, а также первоначально, вследствие жилищного кризиса, использовалось под квартиры рабочих и служащих культбазы. Кроме этого, само здание больницы к началу ее работы так и не успели оштукатурить, а внутри не покрасили полы, установили лишь временную канализацию и одну ванну. Большие проблемы были со снабжением топливом. И это не считая того, что «недопоставление Совторгфлотом медикаментов и инструментария ограничивало возможность оказания медпомощи в полной мере». Поэтому «если бы не случайное получение медикаментов» (уже после прибытия в бух. Нагаева) от Тауйского и Ольского медпунктов, получение части их, еще ранее закупленных В. А. Лупандиным в Хабаровске и Владивостоке, то больница культбазы, по словам И. А. Яхонтова, не смогла бы работать [Там же. Л. 236]. Однако она работала.

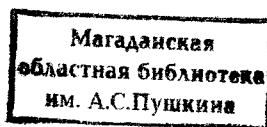
«В первое время, – писал И. А. Яхонтов, – лечебная часть проводила работу среди строительных рабочих базы и приехавших сотрудников, и лишь с начала зимы (т. е. уже с 1930 г. – А. К.), в особенности после поездок по району заведующего больницей и других сотрудников базы, начался прием в больницу туземного населения... Отказать в оказании медпомощи нетуземному населению база, конечно, не смогла, что в свою очередь вызвало загруженность обслуживающего больницу персонала и расходование медикаментов и средств не по прямому назначению. Это же обстоятельство сократило поездки врача и фельдшеров по району, что отразилось на развертывании работы по прямой задаче больницы – обслуживанию туземного населения района» [Там же. Л. 236 об.].

С ноября 1929 г. по 1 мая 1930 г. через больницу Восточно-Эвенской культбазы, согласно зафиксированным статистическим данным [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 237], «прошло 62 стационарных больных, распределявшихся по роду болезни» (см. таблицу).

В то же время сотрудники больницы Восточно-Эвенской культбазы провели осмотр учащихся Ольской, Гадлинской и Тауйской школ. В Ольской школе было осмотрено: русских – 10 мальчиков и 6 девочек; тунгусов – 1 мальчик и 1 девочка; камчадалов – 9 мальчиков и 5 девочек; корейцев – 1 мальчик и 1 девочка.

У этих 34 учащихся особых заболеваний не было обнаружено, но почти все они выглядели «малокровными и истощенными», перенесли «в тяжелой форме заболевание корью осенью 1928 года» [Там же].

01076148

Наименов. заболевания	Из числа рабоч., служ., учен. базы	Из числа служ. др. организ.	Из местного населения	ВСЕГО
Туберк. легк.	—	—	4	4
Скорбут	4	—	1	5
Воспал. легк.	—	—	4	4
Плеврит	1	—	—	1
Бронхит	1	—	—	1
Желуд.-кишеч. тракт	2	1	1	4
Желтуха	—	—	1	1
Ревмат. артр.	—	1	6	7
Фрактуры	—	1	—	1
Анкилоз, свищ на поч. тубер.	—	—	2	2
Водянка яич.	—	1	—	1
Болезнь моч. пол.	—	1	—	1
—»— уха	—	—	1	1
Чесотка	—	—	1	1
Парши	1	—	—	1
Экзема	—	—	2	2
Рожис. воспал.	—	—	1	1
Восп. седал. нерв.	2	1	4	7
Забол. нерв. сис.	—	3	—	3
Гинек. заб.	—	—	2	2
Травмы	—	—	1	1
Контузии	2	1	—	3
Роды	2	2	1	51
Новорожд.	1	1	1	3
	16	13	33	65

Осмотр учащихся Гадлинской школы (6 якутов и 1 тунгус) показал, что среди них было четверо «золотушных», один страдал катаром верхних дыхательных путей, а двое были здоровыми. Пять здоровых учащихся выявили сотрудники культбазы в Тауйской школе. Из остальных 17 учащихся 14 болели золотухой, у двух были глазные заболевания, у одного — заболевание кожи [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 237].

26 ноября 1929 г. сотрудники больницы культбазы провели и первый осмотр 12 учащихся культбазовской школы. Результаты зафиксированы в следующем виде [Там же. Л. 238 об.]:

1.	Степанов В.	10 л. Русск.	База	Золот., парша
2.	Романов Е.	12 л. Якут	База	Здоров
3.	Замягинизов	12 л. Отец якут, мать тунгуска	с. Ола	Чесотка
4.	Лавренов	10 л. Отец русск., мать камчад.	с. Армань	Чесотка
5.	Шахурдин	13 л. Камчад.	»	Заикается
6.	Сукнев	12 л. Отец русск., мать камчад.	»	Здоров
7.	Токарев	10 л. Отец русск., мать камчад.	»	Здоров
8.	Шахурдина	8 л. Камчад.	»	Конт. ноги
9.	Шахурдина	9 л. Отец русск., мать камчад.	»	Экзема
10.	Федотов	18 л. Тунгус	с. Сиглан	Свищ после огнестр. раны
11.	Федотова	12 л. Тунгуска	»	Парша на голове
12.	Хабаров	8 л. »	»	Здоров

8 февраля 1930 г. в больнице культбазы прошло обследование еще двух учащихся культбазовской школы. Это были тунгусы Хабаровы 12 и 13 лет, приехавшие из с. Сиглан. Оба оказались здоровыми [Там же].

Ветеринарный пункт Восточно-Эвенской культбазы начинал свою работу в довольно не простых условиях. Хорошо осведомленный об этом И. А. Яхонтов отмечает: «Работа ветпункта и опорно-оленьеводческого пункта... носила преимущественно обследовательский характер. Кроме этого, имели место выезды по вызову местного населения для оказания ветеринарной помощи. Вследствие психического заболевания назначенного Комитетом Севера зав. ветчастью т. Грачева оба учреждения возглавлялись одним лицом... За время многочисленных обследовательских командировок ветврачом зоотехником

Кожуховым было впервые осмотрено значительное количество оленых стад... При обследовании стад установлено, что количество оленей, имеющих в Ольском районе, значительно превосходит цифру официальной статистики РИКа. Кроме зоотехнического обследования ветврачом оленых стад собраны материалы по заболеванию оленей... Как результат обследования оленеводства можно зафиксировать... уменьшение оленьего стада в районе... Зоотехником предложены следующие мероприятия по поднятию оленеводства в районе, а именно: организация крупного опытно-показательного стада, завоз для улучшения местной породы крупного карагского оленя, запрещение бесконтрольной закупки оленей организациями, работающими в Ольском районе, широкое кредитирование бедняков-оленеводов, организация оленеводческих кооперативных артелей, распределение оленьих угодий между отдельными кочующими группами, срочная постройка и оборудование лаборатории для углубленного изучения заболеваний оленей и выработки методов борьбы с заболеваниями, постановка опытов подкормки оленей разными кормами. Помимо изучения обследования необходимо указать на быстрое ухудшение местной собачьей породы, что вызвано, по всей вероятности, скрещиванием местных собак с завозными и кастрированием лучших производителей. Для улучшения породы ездовых собак предложена организация при базе собачьего питомника и проведение через РИК постановления о запрещении ввоза собак на Охотское побережье. Помимо указанной работы проведено частичное обследование почв и луговой растительности в некоторых участках Ольского района» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 235].

В начале декабря 1987 г. в фондах ГАХК нами был выявлен «Обзор материалов об оленеводстве и строительстве мясокомбинатов в национальных округах Дальневосточного края», составленный Камчатской рабочей бригадой Союзмяса 5 июня 1932 г. в г. Петропавловске-Камчатском. «Стадо оленей в т. н. Охотском районе, а теперь Эвенском округе, скорее стабильно, чем сокращается. Это с одной стороны, с другой стороны, мы имеем материалы по Ольско-Тауйскому району Пенжинской колымской экспедиции 1930 г. в виде отчета члена экспедиции Малышева М. (работа «Местные ресурсы Тауйского района»). В этом отчете мы читаем следующее: «Будучи у арманских тунгусов, я спрашивал их о численности оленей. Они жаловались на большую убыль стада в этом году от копытной болезни и говорили, что оленей у них вообще мало, они считаются малооленьными в районе, а после копытницы осталось по 3–6–10 голов на хозяйство. У двух наиболее зажиточных хозяев осталось: у одного 15 голов, а других – 20–25 голов. Не имея возможности проверить эти сведения непосредственно, я обратился к ветврачу К. И. Кожухову, работавшему по изучению оленеводства в районе. Кожухов подтвердил, что арманские тунгусы действительно малооленьны, но что от копытницы погибло на Армани всего 40–45 оленей. Относительно же названных мною тунгусов братьев Трифионовых сообщил, что по его сведениям, а он работал год уже, ознакомился со стадами, у первого из них было 100 оленей, а у второго... до 200 голов оленей». Данные переписи 1926/27 г. тоже страдали преуменьшением количества оленей. По этим данным, в Ольском районе имеется 18 323 оленя, по данным же Кожухова, количество оленей в районе около 50 000–55 000... По словам местных оседлых жителей, у горных (ямских) тунгусов есть хозяйства, имеющие свыше 1000 оленей. Среди чаломжинских тунгусов, или мотикейских, есть два крупных хозяйства: Петр Самойлович имеет около 3 тыс. оленей и Павел Громов – около 2 тыс. оленей. Несколько хозяйств имеет: один – 10 оленей, а большинство – 25–100 оленей. Эти указания, основанные на знакомстве с тунгусами, живущими среди оседлых жителей, родственников и друзей, может быть, не вполне точны, но игнорировать их совершенно, по нашему мнению, нельзя. Они еще раз подчеркивают, что действительное количество оленей в районе значительно больше указанного переписью 1926/27 г. Принимая во внимание, что в одном лишь Ольско-Тауйском районе до 55 тыс. оленей, по Кожухову, что в бывшем Охотском районе по таблице Грюнера С. А. мы не видели ни в одном году цифры менее 45–50 тыс., мы считаем, что количество оленей в Эвенском округе не менее 52–55 тыс., и останавливаемся на цифре в 55 тыс. оленей» [ГАХК, ф. 99, оп. 1, д. 151, л. 101–102].

Таким образом, деятельность зоотехника Восточно-Эвенской культбазы К. И. Кожухова (одно время выполнявшего и обязанности ветврача) по обследованию оленьих стад Ольского района являлась практически первопроходческой, а теперь и исторически значимой. Действительно, данные переписи северных окраин Дальневосточного края 1926/27 г. по многим своим пунктам были далеко не точны, особенно если это касалось хозяйства кочевого населения Северо-Востока. Об этом неоднократно и конкретно писали различные исследователи. Поэтому трудно согласиться с позицией А. И. Широкова, по мнению которого (идущему вразрез с приводимыми фактами), «возможность анализа численности пришкольного и коренного населения региона в конце 20-х гг., их хозяйственных занятий и социальных характеристик представляют материалы Приполярной переписи, проведенной по всем северным районам СССР в 1926–1927 гг.» [Широков, 2000. С. 17].

Осуществляя возложенную на нее Комитетом Севера самую разнообразную деятельность, Восточно-Эвенская культбаза испытывала трудности в хозяйственном и финансовом обеспечении. «Работа хозяйств, – отмечал И. А. Яхонтов, – первоначально состояла в принятии мер к переброске во временные склады и охране завезенных грузов культбазы и др. учреждений. С 7/XI 29 г., т. е. с момента открытия базы и развертывания ее учреждений, через хозяйств прошло оформление всех закупок фактории, обеспечение продуктами и материалами местного рынка, а также налаживание хозяйствен-

ного обслуживания. В течение ранней осени 29-го года была проведена заготовка сена в количестве примерно 13 тонн, которого, впрочем, не хватило вследствие непредвиденного увеличения конского состава базы. С конца осени встал вопрос о заготовке топлива. Первоначально дрова заготавливались силами рабочих базы, впоследствии удалось организовать якутскую дроворубную артель... Всего за зиму было заготовлено и сложено до 107 куб. саж. дров... Ежедневно база без пекарни и бани поглощает от одной трети до одной второй кубической сажени. Стоимость одной кубической сажени дров (9,7 кубометра) с заготовкой на месте, вывозкой, распиловкой и колкой выражается водой, т. к. возможности единственного имеющегося на базе колодца очень невелики. Расстояние же до ближайшего ручья равно приблизительно двум с половиной километрам... В феврале м-це 1930 г. по инициативе хозяйственной части была открыта общественная столовая для обслуживания холостых рабочих и служащих базы, а также приезжающего туземного населения. Кроме того, с осени 29-го года функционирует находящаяся в ведении хозчасти комната для приезжающих на базу туземцев и работников разных учреждений района. В процессе работы базы пришлось оказать содействие ряду экспедиций в свете снабжения их продуктами и материалами, предоставлением помещений и обменом опыта работы на Севере. За 29–30 гг. на культбазе базировалось 6 экспедиций. Кроме того, были проведены закупки мяса, рыбы свежей и соленой, собачьего корма и т. д. ... Помимо указанной работы проведен капитально-восстановительный ремонт катера, проходивший в условиях отсутствия специалистов и острого недостатка потребных для ремонта материалов. Попутно можно коснуться крайне низкого уровня зарплаты как в хозяйственной части, так и в прочих учреждениях культбазы среднему и в особенности младшему персоналу базы, что создает угрозу потери работающих кадров базы, а также совершенно не дает возможности иметь постоянный состав хозяйственных рабочих. Местное население в настоящее время еще очень мало привыкло к постоянному систематическому труду и к тому же в соответствующие сезоны поголовно уходит на охоту за пушным и морским зверем, а также на рыбные промыслы. Приводим некоторые данные о зарплате в некоторых учреждениях Ольского района.

Так, конюх на культбазе получает 150 руб., в Союззолото 250 руб.

чернорабочий	85	230
счетовод	175	300
каюр	100	300
плотник	144	300
моторист	185	300

Ставки административных работников Союззолото превышают в значительной мере ставки специалистам на культбазе... Финансовое положение базы на всем протяжении ее оперативной работы... нельзя признать удовлетворительным. База не имела утвержденной сметы, а следовательно, отпуск кредитов, их разассигнование не были в полной мере проведены. Указанные обстоятельства весьма затруднили регулирование затрат по отдельным статьям бюджета. Имевшаяся на базе ориентировочная смета не была должным образом продумана и не отражала особенностей работы в северных условиях» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 238 об. – 239].

Одновременно продолжалось строительство на территории Восточно-Эвенской культбазы и прилегающих к ней участках, где стали обосновываться такие организации, как Совторгфлот (СТФ), Дальохотсоюз (ДОС) и Акционерное Камчатское общество (АКО). Правление АКО выполняло свое решение от 25 марта 1929 г. (принятое на заседании, где присутствовал и И. А. Яхонтов как представитель Комитета Севера при Дальневосточном крайисполкоме), в котором говорилось: «В связи с открытием в бухте Нагаева, по Охотскому побережью, культбазы Комитета Севера, а также ввиду того, что сеймчанские прииски переходят в ведение АКО, для обеспечения товаро-продуктами приисков и культбазы открыть в бухте Нагаева один жилой дом и необходимые складские помещения» [ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 1, л. 27].

22 января 1930 г. состоялось открытое собрание Ольской ячейки ВКП(б). Выступивший на нем с докладом уполномоченный правления АКО по Охотскому и Ольскому районам С. М. Шварц сообщил о перспективах 5-летнего плана развития акционерного общества. Принимавший участие в собрании И. А. Яхонтов сказал: «Изложенный т. Шварцем план грандиозен, но мало в плане отражен наш район. Надо надеяться, что АКО, учтя все возможности нашего района, примет меры для его развития. Нашему району надо позаботиться представлением АКО своих сведений» [ЦХСД МО, ф. 16, оп. 2, д. 9, л. 9].

После выступления С. М. Шварца открытое собрание Ольской ячейки ВКП(б) приняло постановление, в котором отмечалось, что оно «целиком и полностью одобряет все мероприятия АКО по 5-му плану и со своей стороны окажет всеобщее содействие по выполнению этого плана». С. М. Шварцу предлагалось «поставить вопрос перед правлением АКО о необходимости включить в пятилетку о устройстве и развитии в Ольском районе: а) совхоза, б) оленеводческих станций, в) развития нартового собаководства, г) создания в бухте Нагаева центра снабженческой базы, д) исследования богатств района, как горных, лесных, морских и по эксплуатации лесов» [Там же. Л. 8].

Вполне закономерным считал свое расположение на берегу бух. Нагаева и СТФ, исходя из того, что расширение и стабилизация его деятельности будут способствовать укреплению положения всех других организаций, зависящих от развития морского транспорта. Для проведения необходимых погру-

зочно-разгрузочных операций он 13 июля 1929 г. добился от президиума Ольского райисполкома решения, согласно которому для одного из его складов отводился участок «юго-восточнее культбазы... 80 метров в длину по берегу и 80 метров вглубь от берега» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 108, л. 103].

Размещение АКО и СТФ рядом с Восточно-Эвенской культбазой первоначально не мешало ее дальнейшему строительству и деятельности. Она сохраняла главенствующее положение на берегу бух. Нагаева, и И. А. Яхонтов по данному поводу писал: «Общая часть проводила работу по контактированию деятельности учреждений базы, развертывала и проводила в жизнь приказы и распоряжения по культбазе, вырабатывала методы управления базы на основании имеющихся инструкций Комитета Севера, а также вела административную работу. Административная работа на базе имела ряд особенностей, вследствие того, что в бух. Нагаева при наличии населения до 75 человек не было никаких органов Советской власти, что в значительной степени увеличивало объем ответственности и работы общей части, таким образом, неоднократно приходилось выполнять функции милиции, погранпункта, лесного надзора и сельсовета» [Там же. Д. 138, л. 234, 239].

Содержание всех учреждений Восточно-Эвенской культбазы в 1929/30 учебном году обошлось в 129 501 руб. 10 коп., в том числе расходы по содержанию школы составили 41 718 руб. 60 коп., больницы – 37 231 руб. 50 коп., ветеринарной части – 18 478 руб. 70 коп. Сложившаяся обстановка оставалась неизменной до лета 1930 г., но позже стала меняться. С открытием очередной навигации в бух. Нагаева начали прибывать новые экспедиции и организации. Н. В. Тупицын вспоминал, что в числе первых прибыла Вторая Колымская геологоразведочная экспедиция, возглавляемая В. А. Цареградским, за ней – ряд изыскательских партий и групп.

«Утром 19 июня 1930 года, – вспоминал В. А. Цареградский, – пароход “Нэнси Моллер” приблизился к западному побережью Тауйской губы... Постепенно прояснились голубые силуэты острова Завьялова (Ольского) и полуострова Кони. Наконец, в одну из вылазок на палубу я увидел вход в бухту Нагаева по острову Недоразумения слева и по кекуру у мыса полуострова Старицкого – справа... А пароход тем временем очень медленно, будто с опаской, входил в бухту... Уже хорошо просматривался берег с выросшим небольшим поселочком Культбазы... За несколько месяцев после того как мы, участники Первой экспедиции, покинули поздней осенью 1929 года бухту Нагаева, здесь изменилось очень немного. Несколько шире стала площадь вырубленного от склона перешейка лиственничного мелколесья и кедрового стланика, да прибавилось два-три новых здания в поселке» [Цареградский, 1980. С. 66–67].

23 июня 1930 г. Ольский райисполком провел оперативное совещание, на котором присутствовали председатель райисполкома П. А. Пупков, Х. А. Чухман (от Ольского интеграла), В. А. Вельякин (от агентства «Союззолото»), А. А. Кочеров (от президиума райисполкома), начальник морского контрольно-пропускного пункта ОГПУ М. И. Зубарев, заведующий школой культбазы И. А. Ваганов, С. Ф. Барбанов (от Нагаево-Колымской конторы АКО), И. А. Яхонтов и только что приехавший в бух. Нагаева представитель Дальневосточного Комитета Севера В. А. Гайдук.

В протоколе совещания от 23 июня 1930 г., который ранее не был известен исследователям, указывается: «Слушали: Информацию члена Комитета Севера т. Гайдук о дорожном строительстве в сторону Колымы, о лесопромышленности в Ольском районе, о эксплуатации естественных богатств в Ольском районе АКО и о посылке учеников в Институт северных народностей и Хабаровский техникум. Постановили: Считать настоятельно необходимым: 1. Для руководства работ по эксплуатации естественных богатств (леса, золота, морзверя) и освоения (колонизации) организовать в б/х Нагаево районную контору АКО. 2. Учитывая данные предварительного обследования лесов Ольского района, поставить вопрос перед соответствующими организациями о постройке лесопильного завода на две рамы в устье р. Тауя. 3. Совещание находит необходимым поставить вопрос перед дорожной экспедицией Союззолота о необходимости производства работ по устройству зимника одновременно с изыскательскими работами для связи и снабжения населения верховьев реки Колымы. 4. Отмечая трудность подбора кандидатур для посылки в Институт северных народностей и Хабаровский техникум, привлечь всех работников района для проведения этой работы, причем обратить особое внимание на набор учеников из числа кочевого тузнаселения» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 156].

В то же время большинство из приехавших в бух. Нагаева стремилось обосноваться недалеко от места приезда, причем некоторые даже стали претендовать на ту территорию, которую уже занимала Восточно-Эвенская культбаза, в силу ее наиболее выгодного положения. Так, в одном ранее не публиковавшемся документе того периода говорится: «Колымское Главное приисковое управление “Союззолото” просит предоставить земельный отвод в восточной части бухты Нагаева от южного столба заявки Совторгфлота, рядом с коим в одном метре на юг нами установлен заявочный столб, всю террасу до ключа Марчекан, всю долину ключа Марчекан с выходом на его левый борт, где и установлен второй пограничный столб, указанное протяжение имеет ширину в тыловую северо-восточную часть на один километр, где и будут установлены соответствующие знаки. На означенной площади произведем застройку базы емкостью до 50 000 тонн грузов. Кроме того заявляется вся длина Могада-на, что в двух километрах от бухты Нагаева на восток, под застройку подсобных предприятий, конных и скотных дворов, пастбище и покосы. К постройке базы приступаем завтра, 5-го июля» [Там же. Л. 138, л. 147].

Президиум Ольского райисполкома принял в связи с этим специальное постановление, а его член К. А. Чухман подписал 9 июля 1930 г. акт о распределении земельных участков не только для Восточно-Эвенской культбазы, АКО и СТФ, но и еще для пяти наиболее крупных организаций, расположившихся в радиусе нескольких километров друг от друга, – Добролета, Союззолота, Ольского кооператива, контрольного пункта ГПУ и Второй Колымской геологоразведочной экспедиции.

Спустя 10 дней данный акт был утвержден на очередном заседании президиума Ольского райисполкома. К настоящему времени нами выявлено, что, несмотря на это, руководству Восточно-Эвенской культбазы утвержденный документ своевременно предоставлен не был и оно не знало его конкретного содержания. И. А. Яхонтов только 29 января 1931 г. обратился в Ольский райисполком: *«На заседании президиума РИКа от 19 июля 1930 г. утвержден акт распределения земельных участков для застройки бухты Нагаева от 9 июля того же года, случайно получен базой 19 января от местного поселкового Совета. П. 2-м акта отводится место для культбазы со включением в этот участок АКО и КПОГПУ без конкретного указания точных границ участка культбазы. Имея в виду, что в данное время имеется точный план (бухты) земельных участков Нагаева, просил бы РИК на основе этого плана дать точные указания о границах участка базы»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 192, л. 2].

Между тем на упомянутом нами заседании президиума Ольского РИКа 19 июля 1931 г. произошло утверждение еще одной важнейшей по тому времени резолюции: *«Заслушав доклад начальника дорожной экспедиции "Союззолото" тов. Ковалева о предполагаемых к производству изысканиях дорог, президиум райисполкома одобряет предполагаемые направления от бухты Нагаева к устью реки Боханчи как удовлетворяющие местным экономическим и географическим условиям ввиду того, что предполагаемые направления имеют своим отправным пунктом удобнейшую бухту района, а конечным устье реки, от которой река Колыма начинает быть судоходной»* [Там же. Д. 138, л. 152].

Представители Союззолота, образовавшие Колымское главное приисковое управление (КГПУ), получили территорию недалеко от Ольского кооператива, но не смогли оставить без внимания и богатую пастбищами долину рч. Монгодан (Магадан), которая тогда не была загрязнена, обладала обилием питьевой воды и заходившим в нее на нерест лососем. Согласно документам ГАМО, там же выпасали оленей и кочевали «в Арманскую сторону» эвены-бедняки Григорий Бабцев, Борис и Гавриил Зыбины, Василий, Кузьма, Николай и Павел Фроловы, Акимья, Егор и Иван Шохордины (Шахурдины). *«Шахурдин, – указывается в выявленном нами документе, – до Октябрьской революции был кочевником-бедняком и работал батраком у кулаков, пас стада оленей. Кочуя вместе с семьей при наличии до 10 человек детей. В 1918 г. перешел на оседлое положение в Магадане, занимаясь охотой и рыбной ловлей. В 1930 г. переехал в Олу, где первым в числе 7-ми семей вступил членом в организованный ими колхоз»* [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 253].

Зимой долина использовалась как своеобразная укатанная дорога в пос. Ола и обратно, поэтому, получив ее по еще одной заявке летом 1930 г. *«под постройку подсобных предприятий, конных и скотных дворов, пастбище и покосы»*, Союззолото только выиграло. Деревянные строения стали первыми в данном районе и положили начало будущему пос. Магадан. В число его жителей вошли жившие здесь работники гужевого транспорта, сельхозработчие, дорожники, водители и просто те, кто приехал за «легким» заработком.

Не менее «пестрым» являлся состав населения на строительстве, которое велось организациями, обосновавшимися на берегу бух. Нагаева. Они возводили одно- и двухквартирные домики, бараки, складские и другие хозяйственные помещения, на которые шла древесина из вырубаемой тайги. Рядом возникали палатки и землянки, где размещались старатели, завербованные на прииски, в экспедиции и т. д. Так формировался еще один поселок, получивший название Нагаево, а центром его считалась Восточно-Эвенская культбаза, пока по-прежнему расширявшаяся наряду с другими организациями, но испытывавшая давление с их стороны.

«На долю Нагаевской базы Союззолота, – писали ее представители (в том числе и заведующий базой В. И. Кондратьев), – пал слишком экономически неудачный отвод участка. Участок имеет на всей широте 500 метров повышение борта морского берега до 12–15 метров. Груза разгружать с парохода против своего участка невозможно, т. к. при приливах поднять их на борт невозможно. Все грузы разгружаются против участков АКО и Совторгфлота и перевозить их с берега приходится через участки Совторгфлота и Дальхотсоюза, что удорожает продукцию до 10 руб. на тонну... Самый (так в тексте. – А. К.) участок слишком разнообразный, гористо-рытвинный, особенно неудобен для расположения и сооружения складочных помещений, требует больших расходов на земляные работы... Подвести узкоколейку с морского берега до р. Могадана, конного двора для перевозки поступающего сена, ввиду гористости участка абсолютно невозможно... Подвести трактовую дорогу к складам ввиду плохого профиля участка также невозможно, а дорога для Союззолота необходима... Имея в виду перевод Нагаевской культбазы в другое место, настоятельно ходатайствуем перед РИКом о передаче ее участка Нагаевской базе Союззолота по следующим мотивам: 1) Участок культбазы расположен против будущей бухты-порта, откуда возможно проведение дековильки (так в тексте. – А. К.) для приема грузов с пароходов; 2) Участок отлогий и доступный для приема грузов на борт в первые годы до механизации разгрузки грузов; 3) Профиль участка вполне доступный для проведения дековиль-

ного пути до р. Могодана, т. е. конного двора, также для постройки потребного количества складских помещений по обе стороны дековильного пути; 4) Вполне доступное проведение трактовой дороги параллельно дековильному пути до самого порта. В нынешнем году, с момента высадки команды рабочих и служащих Союззолота в б/х Нагаева, за этот период работы, т. е. с 5 июля, выяснилось, что больший процент по обслуживанию больных уже падает на Союззолото, чем на другие организации, а в будущем году, когда будут завезены рабочие на проведение дороги и на прииски, тогда, возможно, что больница культбазы будет загружена по обслуживанию Союззолота и до 100%. Из этого вытекает вопрос о передаче больницы в Союззолото. При переводе культбазы, если ей не понадобится перевозка строений, то по договоренности Союззолото купит все строения и в случае надобности Союззолото может передать участок и строения районным организациям...» [ГАМО, ф.р-16, оп. 1, д. 15, л. 7].

Вместе с тем заботы о снабжении Восточно-Эвенской культбазы на предстоящую зиму привели 18 ноября 1930 г. к заключению договора, в котором указывалось: «Мы нижеподписавшиеся, с одной стороны, заведующий В-Эвенской культбазой Комитета Севера Иван Андреевич Яхонтов, в дальнейшем именуемый культбазой, и, с другой стороны, артель якутов т. Романов Егор Павлович и Чепуров Илья Иванович, именуемые в дальнейшем артелью Романова Е. П., заключили настоящий договор о нижеследующем: 1. Культбаза сдает, а артель Романова Е. П. берется заготовить сорок кубов дровяного леса твердой породы трехаршинными кряжами, из них 20% из сухостойного леса и остальные 80% из сырораствующего леса, и десять кубов трехчетвертных сырораствующих дров твердой породы. 2. Заготовленные десять кубов трехчетвертных дров и сорок кубов дровяного леса артель Романова Е. П. обязуется вывезти на базу на предоставленных ей культбазой лошадях и сложить таковые в указанном месте. 3. Артель Романова Е. П. обязуется приступить к принятым ею работам, упомянутым в § 1 сего договора, не позднее 25 ноября 1930 года. 4. Срок вывозки и сдачи десяти кубов трехчетвертных дров устанавливается не позднее 20 декабря 1930 года, а сорока кубов трехаршинного дровяного леса устанавливается не позднее 1-го февраля 1931 года. 5. За заготовленные и сданные дрова культбаза уплачивает артели Романова Е. П. по 56 рублей за кубическую сажень трехчетвертных дров – 560 рублей и по 40 рублей за кубическую сажень трехаршинного дровяного леса – 1600 рублей. 6. Культбаза предоставляет артели Романова Е. П. палатку, железную печку с трубами и поперечную тилу, которые по окончании работ артелью Романова Е. П. должны быть сданы культбазе» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 175, л. 1].

«В настоящее время, – отмечал И. А. Яхонтов осенью 1930 г., – база располагает следующим жилфондом: тремя двухквартирными жилыми домами, одним двухквартирным жилым домом легкого типа, зданием школы, зданием больницы, зданием ветеринарного лазарета и баней со сторожкой... тремя временными складами... 12-тонным катером мореходного типа скоростного хода до 10 миль в час, грузоподъемностью 4–5 тонн, кунгасом рейдового типа грузоподъемностью до 3 тонн, вельботом мореходного типа и несколькими лодками местного типа. Указанные плавучие средства используются для связи с побережьем, выгрузки парохода и перевозки грузов... Для сухопутного транспорта и хозяйственных работ база имеет пять лошадей, две телеги и один потяг (упряжка) собак. В состав хозяйства базы входят также одна корова, один нетель и три теленка улучшенных кровей... На 1 октября база имела... всего 34 рабочих единицы строительных рабочих (временных) 8 человек...» [Там же. Д. 138, л. 234].

Незадолго до этого, 2 сентября 1930 г., в с. Ола состоялось открытое собрание Ольской ячейки ВКП(б), на котором присутствовало 18 чел. (4 члена партии, 2 кандидата в члены партии, 4 члена комсомола и 8 беспартийных). Разбирался вопрос: «Заявление т. Яхонтова Ивана Андреевича о приеме в кандидаты ВКП(б)». Председателем собрания был П. А. Пупков, секретарем – Х. А. Чухман. В принятом постановлении собрания говорилось: «т. Яхонтова Ивана Андреевича, – происхождения из семьи чернорабочего, служащий, в Красной Армии и в партотрядах, – ранее состоявшего членом ВКП(б), в настоящее время служащий, заведующий Нагаевской культбазы, в общественных и советских работах принимает активное участие, политически грамотен, – принять кандидатом партии ВКП(б) (так в тексте. – А. К.) на общих основаниях с двухгодичным кандидатским стажем».

Заведующим Нагаево-Колымской конторой АКО (часто эту должность называли и по-другому) являлся Александр Михайлович Пачколин. В. А. Цареградский вспоминал: «А. М. Пачколин прибыл в бухту Нагаева в должности заведующего факторией АКО (Акционерного Камчатского общества) незадолго до приезда нашей экспедиции. Вместе с ним приехала и его семья – жена и два очень славных мальчика, унаследовавших красоту от обоих родителей. Жили они в соседнем доме Культбазы, занимающая отдельную трехкомнатную квартиру. Вскоре после приезда Александр Михайлович был избран секретарем объединенной партийной организации (Культбазы, АКО, конторы Союззолота). Он имел юридическое образование, до приезда в Нагаево занимал должность прокурора во Владивостоке. Был эрудированным, интересным собеседником, располагал к себе собранностью, большой выдержкой, скромностью и вежливым обращением с окружающими. Он быстро улавливал суть затрагиваемых вопросов, делал конкретные выводы и принимал энергичные решения. Пачколина особенно заботили условия жизни коренного населения – эвенов, якутов, камчадалов и других» [Цареградский, 1980. С. 89].

13 октября 1930 г. уполномоченный Нагаево-Колымской конторы АКО и член Ольского райкома партии А. М. Пачколин представил в президиум Ольского райисполкома докладную записку, которая

совсем недавно выявлена в фондах ГАМО. В ней указывается: «1. Одной из основных задач АКО является колонизация тех местностей, в которых ему приходится развертывать работу. 2. Колонизация мыслима только при создании целого комплекса работ и занятий, которые обеспечили бы переселенцам работу круглый год. 3. Поэтому в планах работ АКО стоит развитие целого ряда промышленных предприятий (уголь, слюда, золото и др. металлы, рыба и др. морепродукты) и совхозов. ... 4. В области сельского хозяйства АКО с этого года приступает к организации оленеводно-скотоводческих совхозов <...> 6. Места для организации первых совхозов намечены следующие: а) район бассейна р.р. Ковы и Тауя, б) район Тахтоямы, в) район Таскана, г) район Балыгычана. 7. Первым к организации предложен совхоз в районе рек Тауя и Ковы... 8. На основании всего этого прошу: а) разрешить приступить к организации совхозов на территории Ольского района, б) закрепить за первым оленеводно-скотоводческим совхозом АКО бассейн рек Тауя и Ковы, в) разрешить принять меры охраны лесов данного района и произвести лесоустроительные работы, г) разрешить производство разведок для совхоза № 2 в районе Тахтоямы» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 196–197]. Состоявшееся 13 октября 1930 г. внеочередное заседание Ольского райисполкома постановило «признать организацию оленеводно-скотоводческих совхозов настоятельно необходимой» и «закрепить бассейн р.р. Ковы и Тауя за первым оленеводно-скотоводческим совхозом АКО» [Там же. Л. 195].

В качестве организатора этих первых совхозов А. М. Пачколин предложил в докладной записке руководству АКО от 10 ноября 1931 г. бывшего зоотехника Восточно-Эвенской культбазы К. И. Кожухова. Характеризуя его, он писал: «Олеся знает хорошо. Знает вообще оленеводство. Имеет печатные труды. В прошлом член ВКП(б), исключенный в Туркестане за уклоны в национальном вопросе. Парень с инициативой и большой эрудицией. Недостаток – чрезвычайно изношенная нервная система... Полагая, что Вы разрешите мне принять его на работу и поручить ему в эту зиму организацию совхозов» [ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 599, л. 47].

В последнее время стало известно, что спустя несколько месяцев после этого К. И. Кожухов пытался восстановиться в рядах ВКП(б). Нами обнаружено его заявление в Ольский райком партии, в котором он писал: «Прошу принять меня в ВКП(б). Я выходец из рабочей среды, теперь специалист. Был раньше в ВКП(б) и исключен за троцкизм. Всякую связь с троцкистами я порвал уже три года назад, убедился в своих прежних ошибках и что за левыми фразами Троцкого скрывались меньшевистские взгляды. Сейчас я не только на словах отмежевываюсь от троцкизма, но обещаю на деле выполнять все постановления парторганов, активно бороться с правыми и левыми уклонами в партии» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 27, л. 173].

Сохранился и ранее неизвестный «Организационный план (типа организационной схемы) Нагаевской молочной фермы на 1931 год», составленный А. М. Пачколиным осенью того же 1930 г. «В 1929 г., – указывал А. М. Пачколин, – на Охотском побережье образовался поселок в б/х Нагаево. Население его быстро увеличивается, к настоящему времени достигло цифры 600 (рабочие, служащие и члены их семей). Развивающаяся золотодобывающая промышленность требует дополнительной колонизации района и роста рабочего поселка б/х Нагаево, снабженческой базы местной промышленности и порта на Охотском побережье. Условно рост количества населения поселка принимается таким: в 1931 году – 1500 человек, в 1932 году – 2500 человек. В окрестностях Нагаево отсутствует сельское хозяйство... Население б/х Нагаева лишено возможности питаться молоком, хотя его часто заменяют суррогатом – консервированным молоком, закупаемым в Японии и в США. В питании промышленного населения почти отсутствует высоковитаминная пища (молоко, овощи, яйца и т. д.), в связи с этим ежегодно получает большое распространение по району цинга и худосочность при росте и развитии детей... Для снабжения населения б/х Нагаева свежим молоком необходимо организовать молочную ферму... Годовая потребность в свежем молоке поселка будет 250 тыс. кг...» [ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 599, л. 2].

Известный агроном И. Г. Эйхфельд в это время считал, что в специальную «сеть опорных пунктов на Крайнем Севере» должна войти «для Охотского округа береговой полосы Камчатки и для бассейна реки Колымы – бухта Нагаева, при совхозе АКО» [Эйхфельд, 1932. С. 36–37]. Ориентировочные расходы на создаваемый здесь опорный пункт должны были составить: а) на содержание персонала: в 1931 г. – 3 тыс. руб., в 1932 г. – 15 тыс. руб., в 1933 г. – 20 тыс. руб.; б) на научное и хозяйственное оборудование: в 1931 г. – 2 тыс. руб., в 1932 г. – 3 тыс. руб., в 1933 г. – 3 тыс. руб.; в) на хозяйственно-организационные расходы: в 1931 г. – 5 тыс. руб., в 1932 г. – 5 тыс. руб., в 1933 г. – 7 тыс. руб. В общей сложности это составляло: на 1931 г. – 10 тыс. руб., на 1932 г. – 23 тыс. руб. и на 1933 г. – 30 тыс. руб.

В конце осени 1930 г. в составе Восточно-Эвенской культбазы появилось еще одно новое учреждение – краеведческий пункт. Заведующим был назначен приехавший из Ленинграда (и ранее окончивший Московский государственный университет) Максим Григорьевич Левин. Вместе с ним стал работать в должности краеведа его однофамилец Вениамин Исакович Левин.

Сохранился план работы краеведческого пункта на 1930/31 учебный год. В нем говорилось: «I. Работа краеведческого пункта будет проводиться по программе и плану, разработанным научно-исследовательской комиссией Комитета Севера при президиуме ВЦИК. II. Кроме выполнения вышеуказанной программы краеведческий пункт включил в план следующие вопросы: 1) Разработка форм и методов работы среди туземного населения (участие в разработке планов хозорганизаций в связи с

привлечением туземного населения к строительству совхозов, рыбалок, изменяющему художественный уклад тузнаселения; 2) Сбор и сводка материалов экспедиций, работающих в районе; 3) Инструктирование краеведческих ячеек по району: а) Разработка планов и увязка работ ячеек в Нагаево, Оле, Ямске, Тауйске; б) создание краеведческих ячеек в Армани, Сиглане, Балаганном; в) созыв районного краеведческого съезда. III. Устройство отчетной выставки работ местных организаций (РИК, культбаза, Союззолото, АКО, ДОС) и работающих в районе экспедиций. IV. Организация опытного огорода» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 198, л. 5].

Намеченная программа была очень обширной и потребовала длительных разъездов. В результате Восточно-Эвенская культбаза приобрела богатейший краеведческий материал. Вернувшись через несколько лет на «материк», М. Г. Левин использовал его в своих исследованиях по этнографии и антропологии, В. И. Левин – в вопросах разработки эвенской письменности.

При этом школа культбазы продолжала постоянно испытывать трудности. В тезисах к докладу о ее работе за период с 25 декабря 1929 г. по 1 января 1931 г. отмечено: «1. Здание школы выстроено в конце октября 1929 г. Интернат не выстроен, а поэтому в течение 29–30 уч. года в здании школы было занято часть комнат под интернат. 2. Проходная комната, предназначенная для зала школы (проводить игры детей во время перемены), была использована в учебное время как классная комната, после занятий как столовая, а в вечернее время заменяла красный уголок, где протекали вся культурно-массовая работа, собрания, заседания и т. д. Все политкампании были проведены в здании школы. Одна из комнат использована под библиотеку и кладовую школы, вторая – под мастерскую... 3. Для того, чтобы начать занятия в школе, надо было совершить несколько выездов к тунгусам для набора детей в школу и для проведения политико-просветительной работы и культурно-воспитательной. Таких выездов школьных работников было 4, а именно: 2 выезда в Тауйский разведрайон, 1 выезд в Сиглан и 4-й выезд в Олу на тунгусскую ярмарку... 4. Состав учащихся, набранный в 1929–30 году, по своему составу, возрасту, развитию и жизненному уровню был разнообразным и разнохарактерным (некоторые дети совершенно не умели говорить по-русски, другие кое-что понимали, но не умели объясняться, некоторые умели писать, иные – писать и читать кое-как, некоторые читать), дети от 7 до 18 лет. Пришлось создать 2 группы (старшую и младшую). 5. В связи с набором детей в школу мы имели ряд трудностей. Тунгусское население не отдавало своих детей в школу по причинам: что их дети будут скучать; дети являются помощниками в уходе за оленями и охоте; дети туземцев не привыкли к русским, будут скучать и бояться их. Говорили и так: что если будет водка, то можно дать детей; грамотный тунгус плут будет; что в школе будут учить комсомолу, что там все коммунисты. Были разговоры и такие, что те дети, которые попадут в школу, то они будут пить дьявольскую кровь и перестанут верить в бога... Из школьных работников никто не владеет тунгусским языком. 6. До конца уч. года (1-е июня 1930 г.) доучилось 8 человек, остальные выбыли по причинам: стал портиться путь, надо было ехать домой, другие стали скучать и т. п. 7. Учебно-методических пособий, которыми можно было бы руководствоваться, почти не было. Этнографической литературы нет и в данный момент. Учебные пособия (букварь для сев. народностей и "Наши Север") в незначительной степени отражают жизнь и быт тунгусского населения, а в большей своей степени по содержанию материала они применительно к школам чукчи (так в тексте. – А. К.), самоедов и эскимосов. Детской библиотеки при школе не было. Учебных принадлежностей было и есть достаточно. 8. Педагогический состав работников был мал и перегружен, не хватало времени для воспитательной работы и обработки накопившегося местного материала. 9. На долю двух учителей пала вся воспитательная работа, заведование школой и интернатом, библиотекой, политпросветительная работа, выезды в командировку для проведения политико-просветительной и культурно-воспитательной работы, а в связи с этим разъяснение о целях и задачах культбазы и набор детей в школу <...> 11. Обучение в слесарной мастерской проводилось по особой программе, выработанной инструктором мастерских при школе культбазы. Под мастерскую была отведена одна из классных комнат, что уменьшило учебную площадь. Призывание ребят к обучению ремеслу огромное <...> 16. За летнее время удалось школьным работникам совершить 3 выезда в район по набору детей в школу. Набрали 14 чел. Дети от 7 до 14 лет. Девочек 3 чел., мальчиков 11 чел. Организовано 2 группы. 17. Занятия начались 1 ноября 1930 года, но к началу занятий не был проведен какой-либо ремонт школы. В летнее время школа была занята под жилье: экспедиции и погранпункта ГПУ <...> 19. В этом году организованы три русских группы с охватом 30 чел. детей, учебных пособий, учебных принадлежностей для которых не хватает. Вопрос стоит перед срывом работы <...> 22. Педагогический состав перегружен, как и в прошлом году, рабочий день достигает 10 часов. Нет времени для своей подготовки к школьным занятиям и нет времени для обработки материала. Воспитателя нет» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 192, л. 23, 24].

26 августа 1930 г. в Нагаево была создана комсомольская ячейка, в которую вошло 9 чел. 15 сентября этого же года в помещении Восточно-Эвенской культбазы состоялось первое Ольское районное партийное собрание, на котором присутствовали 23 члена ВКП(б) и 5 кандидатов. На нем был избран Ольский райком ВКП(б) в составе 5 чел. (А. М. Пачколин, П. А. Пупков, В. Г. Вельмякин и др.). 5 сентября 1930 г. организовали партийную ячейку в Нагаево в составе 12 чел. 18 сентября 1930 г. пленум Ольского райкома ВКП(б) избрал бюро райкома партии. Секретарем райкома ВКП(б) стал В. Г. Вельмякин.

6 декабря 1930 г. А. М. Пачколин выступил на пленуме Ольского райкома ВКП(б) с докладом «О перспективах работ Нагаево-Колымской конторы АКО», где было сказано, что тогда приняли решение, согласно которому предлагалось *«в связи с вытекающими из доклада вопросами... признать необходимым срочную проработку вопросов о работе с туземцами и организации Автономной туземной республики»* [ЦХСД МО, ф. 16, оп. 2, д. 5, л. 4]. Однако других данных об этой «туземной республике» нами не выявлено.

На внеочередном заседании Ольского бюро РК ВКП(б) 27 февраля 1931 г. постановили «организовать районную библиотеку». В связи с этим всем членам партии и кандидатам в члены партии предложили «сдать в библиотеку текущую политическую литературу» [ЦХСД МО, ф. 16, оп. 2, д. 12, л. 3]. 6 марта 1931 г. Ольское бюро РК ВКП(б) приняло постановление «О районной газете» (докладчик А. М. Пачколин). В нем говорилось: *«1) организовать районную газету; 2) присвоить газете название “Горняк Севера”; 3) ответственным редактором районной газеты “Горняк Севера” утвердить тов. Ваганова И.»* [Там же. Л. 4].

В то же время к концу 1930 г. стало ясно, что как бы Восточно-Эвенская культбаза ни разворачивала работу среди коренного населения Охотского побережья, она все больше становилась зависимой от тех организаций, которые обосновывались в Нагаево. В первую очередь это относилось к ее главным учреждениям – школе и больнице, переходившим чуть ли не на полное обслуживание представителей этих организаций и вновь приезжающих с «материка». К тому же завершилось формирование местных органов власти, и 17 декабря 1930 г. был организован Нагаевский рабочий поселковый совет, первым председателем которого избрали Ф. К. Толкачева. В состав Нагаевского поссовета вошли: секретарь – Николай Павлович Корнеев, члены – И. А. Ваганов, М. Вышиванный, И. Кобец, Г. С. Строменко.

Тогда же, на первом выбранном собрании 17 декабря 1930 г. (где присутствовало 44 чел.), был поставлен вопрос о новом наименовании «нарождающегося рабочего поселка» и бухты, на берегу которой он был расположен. В сохранившемся протоколе ничего не говорится о том, кто выступал с таким предложением, возможно, оно являлось коллективным. Но в принятом постановлении было решено ходатайствовать перед административной комиссией ВЦИК РСФСР «О присвоении названия поселку на тунгусском языке, связанного с революционным прошлым Ольского и Охотского районов, и возможной организации на Охотском побережье Тунгусской автономной области», а бух. Нагаева *«присвоить имя старого революционного деятеля Дальнего Востока и Приморья Сергея Лазо»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 192, л. 48].

Постановление о данном ходатайстве просуществовало на бумаге почти полмесяца, а само ходатайство так и не было составлено. Собравшийся 1 января 1931 г. пленум Нагаевского поссовета, с одной стороны, расширил ранее поставленный вопрос, с другой – внес одно лишь изменение. Дело в том, что на этом заседании пленума с предложением о переименовании пос. Нагаево выступил заведующий больницей Восточно-Эвенской культбазы, врач В. А. Лупандин. Исходя из того, что существующий поселок в силу дальнейшего развития имеет перспективу стать городом, он предложил назвать его в честь И. В. Сталина, а бух. Нагаева – согласно тому, как это было решено 17 декабря 1930 г.

Пленум Нагаевского поссовета согласился с таким предложением. В принятом им новом постановлении говорилось: *«Поселок, именуемый в будущем быть городом, назвать согласно предложению Лупандина Северосталинском, а бухту вместо Нагаевской назвать бухтой Лазо в память замученного японцами героя гражданской войны на Дальнем Востоке»* [Там же. Л. 22]. Однако каких-либо серьезных шагов по осуществлению переименования также не было сделано, и это предложение, как и предыдущее, осталось на бумаге.

Что же касается практического решения тех вопросов, которые стояли перед Нагаевским поссоветом в первые месяцы его деятельности, то им были созданы культурно-воспитательная и кооперативная секции, секции благоустройства, госкредита, здравоохранения и рабоче-крестьянской инспекции, принято постановление о создании стола ЗАГСа, введено единое хабаровское время, заслушан ряд докладов и отчетов наиболее крупных организаций и учреждений поселка.

Архивные документы Магаданского городского ЗАГСа говорят, что свидетельство о рождении № 1 было выдано Нине Волковой (родилась 10 февр. 1931 г.) 27 февраля 1931 г.; свидетельство № 2 – Галине Реснянской (родилась 11 февраля 1931 г.) 6 марта 1931 г.; свидетельство № 3 – Зинаиде Зубченко (родилась 20 января 1931 г.) 26 апреля 1931 г., свидетельство № 4 – Юрию Касаткину (родился 26 марта 1931 г.) 5 мая 1931 г.; свидетельство № 5 – Валентину Швыреву (родился 6 июля 1930 г.) 11 мая 1931 г.; свидетельство № 6 – Идее Саркисовой (родилась 18 декабря 1930 г.) 24 мая 1931 г.; свидетельство № 7 – Майе Говорухиной (родилась 18 мая 1931 г.) 29 мая 1931 г., свидетельство № 8 – Миндиамале Биляловой (родилась 2 июня 1931 г.) 10 июня 1931 г.; свидетельство № 9 – Нине Мишиной (родилась 2 июня 1931 г.) также 10 июня 1931 г. и свидетельство № 10 – Нелли Мальцевой (родилась 9 июня 1931 г.) 23 июня 1931 г. Однако, несмотря на нумерацию выданных свидетельств, первым новорожденным в Нагаево был Валентин Швырев. Он, как записано в свидетельстве, «родился на дому».

В то же время, согласно архивной записи, Нина Волкова умерла 30 мая 1931 г. Причина смерти – «воспаление обоих легких». Нина Волкова прожила всего 3 месяца 20 дней. Ее родителям (отец – конюх Артемий Игнатьевич, 39 лет, мать – домохозяйка Васса Елсеевна, 40 лет) было выдано свидетельство о смерти № 2.

23 февраля 1931 г. в приступившем к работе ЗАГСе произведена и первая запись о браке. В этот день были зарегистрированы конюх Сергей Николаевич Валов (48 лет) и коровница Восточно-Эвенской культбазы Степанида Осиповна (Иосифовна) (44 года). К началу лета 1935 г. в Нагаево и Магадане было зарегистрировано в общей сложности 128 браков.

Организация Нагаевского поссовета почти совпала с проведением национального районирования в северных регионах страны. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК РСФСР вынес постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», согласно которому был образован Охотско-Эвенский национальный округ с предполагаемым центром в бух. Нагаева, а затем – и Ольско-Сеймчанский район, вошедший в его состав. Для руководства этими объединениями был создан аппарат Ольско-Сеймчанского райисполкома и утверждено Дальрайкомом ВКП(б) оргбюро Охотско-Эвенского национального округа.

В связи с тем, что Нагаево становилось окружным центром, президиум Ольско-Сеймчанского райисполкома 15 марта 1931 г. принял решение о перемене своего местопребывания. Данное решение мотивировалось необходимостью улучшения руководства хозяйственными организациями района и обслуживания населения. По мнению руководства Ольско-Сеймчанского райисполкома, это было удобнее делать из такого центра, как Нагаево, куда и был определен переезд, но где в тот момент не хватало жилья. Для решения этих проблем создавалась чрезвычайная жилищная комиссия (ЧЖК) из трех представителей нагаевских организаций, в которую вошел и председатель Нагаевского поссовета Ф. К. Толкачев.

Работа комиссии с самых первых шагов ее деятельности отличалась предвзятостью, грубым нажимом, ущемлением интересов и прямым произволом по отношению к Восточно-Эвенской культбазе и ее заведующему И. А. Яхонтову. В частности, уже 16 марта 1931 г. на заседании президиума Нагаевского поссовета был заслушан доклад ветврача Восточно-Эвенской культбазы А. Г. Ларюкова. Принятое по нему довольно жесткое постановление гласило: *«Принимая во внимание, что ветлаборатория культбазы, как таковая, никакой работы на месте не производила и не производит и по району велась очень слабо, в силу этого президиум поссовета находит, что в условиях острого финансового состояния культбазы содержание как ветпункта, так и ветперсонала, обслуживающего таковой, является затратой непроизводительной, а посему ветпункт закрыть, и здание последнего использовать для нужд госучреждений, а ветврачу т. Ларюкову предлагается временно... перейти на работу по специальности в районные хозорганизации»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 192, л. 28]. Вслед за этим ЧЖК предприняла ряд действий «по уплотнению» других сотрудников культбазы, что было равносильно созданию для них неприемлемых жилищных условий или даже выселению.

Когда же И. А. Яхонтов стал протестовать против таких откровенно бюрократических, незаконных действий (они ведь шли без согласования с Комитетом Севера, в подчинении которого находилась культбаза), то был подвергнут такой же беспринципной критике на явно организованном его противниками и проведенном 31 марта 1931 г. так называемом общем собрании членов профсоюзов Нагаевского объединенного месткома, где присутствовали 63 чел., и которое продолжалось с 7 часов вечера до 2 часов 5 минут ночи.

Состав участников собрания (председатель собрания М. Л. Лунско, секретарь Н. Г. Церетели), его продолжительность не оставляют сомнений в том, что главная цель заключалась в абсолютной дискредитации И. А. Яхонтова как руководителя и отстранении его от работы. Подобная политика, согласно документам ЦХСД МО, уже была предпринята на пленуме Ольского райкома ВКП(б), состоявшемся 6 декабря 1930 г. Тогда по докладу А. М. Пачколина об обследовании им «состояния Нагаевской культбазы» было принято постановление, в котором говорилось: *«1. Учитывая создавшееся положение на базе, заведующего культбазой Яхонтова, по приезде члена Комитета Севера из Хабаровска, к фракции (коммунистическая фракция. – А. К.) РИКа поставить перед ним вопрос о снятии с работы. 2. До приезда члена Комитета Севера рекомендовать к/фракции РИКа Яхонтова как члена правления Интеграла мобилизовать на пушную кампанию с посылкой в Ямский район. 3. Врид заместителя зав. базой к/фракции РИКа рекомендовать гр. Левина Максима Григорьевича»* [ЦХСД МО, ф. 16, оп. 1, д. 6, л. 13].

Отчетный доклад И. А. Яхонтова о деятельности Восточно-Эвенской культбазы за 18 месяцев ее существования был раскритикован. В качестве обвинений использовались все негативные факты, просчеты и недочеты, которые проявились при общей работе всех подчиненных И. А. Яхонтову сотрудников с коренным населением Охотского побережья, происходившие из-за незнания местных условий, отсутствия необходимых навыков и опыта, неспособности решать крайне важные, порой жизненные вопросы.

Теперь это приписывалось только ему одному, выдавалось за сознательные действия в искривлении национальной политики. Не обошлось и без обыгрывания чисто бытовых моментов в поведении И. А. Яхонтова, связанных с приемом приезжающих на культбазу, встречами со знакомыми, выпивками и т. п.

Во многом такой тон собранию был задан В. А. Лупандиным, который, несмотря на то что в повестке дня стоял только один доклад И. А. Яхонтова, также выступил вслед за ним со своим докладом. В протоколе собрания это отражено следующим образом: *«Тов. Лупандин докладывает собранию о работе больницы цифрами прошедших больных за время с ноября 1929 г. по 1 апреля 1931 г., которые выражаются в следующем: стационарных больных 430 чел., проведено койко-дней 4916, из числа больных 79 тунгусов – 19% и 33 камчадала... Амбулаторных больных в Нагаево за этот же срок*

было 9236 чел., из которых тунгусов 5%, камчадалов 10% и прочих 85%. При разъездах врачей принято амбулаторных больных 1823 чел., из которых тунгусов 95%, кроме того привита оспа совместно с Тауйским и Ольскими пунктами в 780 случаях. Среди стационарных больных преобладали ревматизмы, артриты, воспаление седалищных нервов, воспаление легких, туберкулез легких, а с июля 1930 г. с увеличением населения в б/х Нагаево, прибывшего с "материка", – гинекологические и венерологические. По национальностям распределялись: в первую очередь русские, потом – тунгусы, камчадалы, якуты, ламуты, корейцы и китайцы. По характеру заболеваний амбулаторных больных преобладали желудочно-кишечные заболевания, туберкулез легких, травмы, затем – глистные заболевания, ревматизмы, на кожные болезни, бронхиты. По национальностям амбулаторные больные распределялись так же, как и стационарные. Смертность среди больных стационарных 1,8%, преимущественно туберкулезных. Поездок по району от бухты Мотыклей до Сиглана и бухты Средней, а также в глубь материка совершено 17, помимо отдельных выездов в Олу, как в близлежащий населенный пункт. Не хватает медперсонала в количестве 14 единиц. Работать приходится в отвратительных условиях. Поясняет собранию, что Яхонтов медперсоналом не дорожит, особенно низким персоналом, которых можно назвать героями труда. Волокиты и бюрократизма тоже много... Приводит собранию примеры о кроватях, одеялах и т. д. Оборудование тоже никуда не годится... Приводит примеры по снабжению больницы и интерната и поясняет собранию на несогласие Яхонтова на передачу имеемых в интернате 50 штук чашек суповых, лежащих в интернате без действия, тогда как в них нуждается больница... Работа медперсонала сделана очень и очень большая, но благодарности мы не видим и на этом заканчивает свой доклад» [ГАМО, ф.р-16, оп. 1, д. 15, л. 14–15].

В заключение по предложению В. И. Левина и уполномоченного правления АКО по Нагаево-Колымскому району (он же являлся членом президиума Ольско-Сеймчанского райисполкома) А. М. Пачколина была создана комиссия для выработки резолюции «по докладу зав. Восточно-Эвенской культбазы т. Яхонтова». В ее состав, кроме В. И. Левина, вошли С. А. Курзяков и Ф. И. Швальковский. Выработанная резолюция гласила: «Общее собрание... заслушав доклад заведующего культбазой т. Яхонтова о работе В. Э. культбазы за 18 месяцев, считает работу культбазы неудовлетворительной и отмечает следующее: 1. Классовой политики среди туземного населения культбазой совершенно не проводилось. Зав. культбазой был связан с кулацкой частью населения, каковая находилась на квартире заведующего культбазой, вместе с ним занималась распитием спирта, а также при выезде в район заведующий культбазой занимался спаиванием туземного населения и едущих с ним каюров. 2. Вербовка учеников проводилась слабо заведующим культбазой Яхонтовым, а направленные в район для вербовки учеников сотрудники выехали поздно, а сама вербовка проведена недостаточно хорошо; педагогическая и воспитательная работа проводилась слабо, дисциплина среди учащихся отсутствовала, помещение школы и сами школьники содержались в антисанитарных условиях. 3. Условия для работы больницы и медперсонала были созданы заведующим культбазой самые безобразные: а) больница недостаточно и несвоевременно снабжалась оборудованием, доставкой продуктов, воды, дров, постельными принадлежностями и бельем вообще, а также кухонной и столовой посудой, несмотря на присутствие ее на базе и на неоднократные просьбы заведующего больницей; б) операционный инструментarium при больнице отсутствовал, операции приходилось проводить столярными, слесарными и ветеринарными инструментами, медикаментов в достаточном количестве для медобслуживания не имелось; в) больница находилась в антисанитарных условиях; мертвецкой при больнице не было, умершие находились в палатах вместе с больными, благодаря отсутствию мертвецкой, до 3-х дней, отчего трупы подвергались разложению и по больнице разносились не только зловоние, но и заражение, особо опасное для рожениц; на неоднократные просьбы заведующего больницей о постройке мертвецкой, о проведении побелки – дезинфекции посмертных случаев (так в тексте. – А. К.), о необходимости стирки белья, заведующий базой внимания на это не обращал и относился к этому бюрократически; г) обслуживание туземцев выездами в район было недостаточным, для медперсонала не предоставлялись средства передвижения и спецодежда в достаточном количестве; при поездках с врачом по стойбищам заведующий базой, несмотря на неоднократные предложения врачей не распивать спирта, занимался пьянкой и спаиванием туземцев. 4. Работа ветпункта нормально вестись не могла, т. к.: а) оленьего стада для опытно-исследовательских работ, несмотря на отпущенные средства Комитета Севера при культбазе не было, ввиду недостаточного внимания к работе ветпункта; б) выезды врача в район каждый раз осложнялись отсутствием транспорта и спецодежды; в) не было достаточных условий для бактериологических и других научно-исследовательских работ, ввиду отсутствия оборудованной лаборатории, а также ввиду того, что достаточно обширное помещение ветпункта не было отремонтировано; г) работа сводилась главным образом к амбулаторному приему лошадей и крупного рогатого скота СЗ, геологической экспедиции и других хозорганизаций, а не к обслуживанию туземного населения. 5. Несмотря на то, что краеведческая работа: а) должна была проводиться главным образом в разъездах, в ознакомлении с экономикой и бытом населения района, культбазой не было представлено ни транспорта, ни спецодежды; только при помощи РИКа, АКО и ДРОСа краеведам была предоставлена возможность выехать в район и только в январе 1931 г.; б) особенные сборы коллекций краеведческим пунктом не производились, т. к. помещение лаборатории

было предоставлено только в декабре 1930 г., несмотря на неоднократные просьбы; в) краеведы использовали недостаточно полно, а часть и не по специальности; г) краеведческим пунктом не было сделано ни одного собрания о работе ни на Совете культбазы, ни на общих собраниях рабочих и служащих. 6. При постройке культбазы заведующим на постройку таковой достаточного внимания обращено не было, была большая доверенность на техника-строителя, вследствие чего у построенных зданий, как-то: школы, больницы и ветпункта, расходятся и даже разваливаются продольные стены. На несоблюдение технических правил по строительству неоднократно указывалось стройкомом, но на все указания достаточно не обращалось внимания, строительство шло вопреки технических правил. Во время постройки, ввиду бесхозяйственного недогляда, было разнесено немало лесматериалов. Стройматериал расхищался, несмотря на энергичные, неоднократные предложения производственных совещаний, отдельных лиц со стороны рабочих. Заведующий культбазой обычно отвечал на эти разговоры, что «мы ваши учителя, а вы наши ученики и не вам нас учить». Такие же ответы давались базой на все ценные замечания и указания рабочих и служащих по всем вопросам строительства. 7. Хозяйство культбазы находилось в полном упадке: а) имущество было без присмотра, учета и инвентаризации такового, работы ударной бригады по ревизии культбазы не было. Своевременные заготовки для базы сена, дров, ягод и прочего не были произведены; б) катер в течение лета работал для различных хозорганизаций и использовать его для непосредственных нужд базы, поездок врачей и других сотрудников не представлялось возможным; коровы находятся без достаточного присмотра и бродят по поселку, несмотря на многократные указания со стороны учреждений; спецодежды для разъездов сотрудников имеется в недостаточном количестве, хотя ее было закуплено в достаточном количестве, но распродано заведующим культбазой частным лицам. 8. Трудовая дисциплина на культбазе отсутствовала и была в первую очередь нарушена самим заведующим К. Б. Рабочая сила использовалась плохо, наряды на работу с вечера не давались. Отношение к рабочим и служащим было бюрократическое, а часто и издевательское, зарплата не выплачивалась по несколько месяцев. Критика и самокритика отсутствовали, так, все дельные и ценные предложения рабочих и служащих отвергались заведующим базой, а проявившие резкую критику подвергались гонению со стороны администрации. Большинство предложений профорганизации о необходимых мероприятиях по улучшению работы завома базы не выполнялись. Взаимоотношения с РИКОм и хозорганизациями были ненормальны, проведение мероприятий тормозилось заведующим культбазой. Авторитета культбазы ни среди рабочих и служащих, ни среди тузнаселения не было, так как не было его у заведующего культбазой. Этот авторитет еще более ронялся ввиду инсинуаций, возводимых заведующим культбазой на отдельных рабочих и служащих. 9. Культбаза не подчинялась РИКу, не выполняла его распоряжений, считая себя автономной во всех действиях, с другой стороны, и руководство со стороны ДВ комитета Севера отсутствовало. Член Комитета Севера ДВ Гайдук, произведя обследование работы культбазы при закрытых дверях, как и комиссия по чистке совпарата РКМ (Мишин, Алексеев и Колосов), информировали краевые организации о работе базы неправильно. Обследование Гайдук и комиссии ДВРКМ носили семейный характер (обильные угощения, обслуживание, продажа импортного оружия членам комиссии и т. д.). Непосредственного же руководства самой культбазой со стороны Яхонтова отсутствовало. Вместо систематического руководства заведующий культбазой занимался систематическим пьянством, приобретал спирт для своих нужд, прикрываясь нуждами в спирте культбазой и получал его от СЗ, геологической экспедиции, ДРОСа и АКО. 10. Принимая во внимание все вышесказанное, общее собрание коллектива считает необходимым для нормальной работы культбазы просить РИК о немедленном снятии Яхонтова с работы заведующего Восточно-Эвенской культбазой, а о всей его работе передать дело следственным властям» [ГАМО, ф.р-16, оп. 1, д. 15, л. 20–21].

3 апреля 1931 г. С. А. Курзяков, теперь уже как официальное лицо (наследователь Охотского участка и помощник прокурора), подписал постановление, в котором указал: «Я, наследователь Охотского участка, рассмотрев имеющийся в моем производстве материал по обвинению заведующего Эвенской культбазой гражданина Яхонтова по 128 («бесхозяйственность». – А. К.), 133 («нарушение исполнителем законов об оплате труда». – А. К.) и 109 («злоупотребление властью». – А. К.) ст. УК и принимая во внимание, что он, находясь на должности заведующего Эвенской культбазой, будет мешать проведению следствия и раскрытию истины дела, а также что преступление его является важным хозяйственным преступлением и принесло ущерб государству, а также Комитету Севера. На основании вышеизложенного... постановил: Гр-нина Яхонтова Ивана Андреевича, 39 лет, уроженца Томской губ. Сиб. край, женатого, беспартийного, грамотного, от должности заведующего Эвенской культбазой отстранить, о чем объявить обвиняемому. Копию сего постановления послать прокурору Охотского участка, РИКу Ольского района и Комитету Севера для сведения» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 182, л. 47].

4 апреля 1931 г. такое же решение «на основании постановления наследователя» [Там же. Л. 46] было принято на заседании президиума Ольско-Сеймчанского райисполкома. Его подписали председатель райисполкома Ф. И. Николаев (кстати, только вступивший в этот день в должность) и секретарь райисполкома М. М. Сумароков. Новым заведующим Восточно-Эвенской культбазой был назначен В. И. Левин. И. А. Яхонтов, обвинения против которого не смогли подтвердить из-за отсутствия необходимых уличающих документов, летом 1931 г. выехал в Хабаровск для подробного отчета о своей деятельности.

В то же время еще перед его отъездом бухгалтер Восточно-Эвенской культбазы Н. Г. Церетели в своем рапорте указал: «Согласно поданного заявления бывший завкультбазой т. Яхонтов И. А. выезжает в г. Хабаровск. Окончательная разработка отчетности 1929 и 1930 гг., выявление невыясненных сумм, расчетов и составление самого отчета, по моему мнению, будет очень затруднительно, а отсутствие документов на стройматериалы... заверка взаиморасчетов с краевыми госучреждениями... и с подочетными лицами (главным образом с прорабом Навдушем А. А.), окончательное составление отчета здесь на месте... невозможно» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 198, л. 59].

По всей видимости, также перед отъездом И. А. Яхонтова В. И. Левин и бухгалтер Н. Г. Церетели составили «Список рабочих и служащих Восточно-Эвенский культбазы», где имелись такие графы, как «фамилия, имя и отчество», «должность», «месячный оклад», «постоянная ставка». В данном списке 35 фамилий (в порядке перечисления): И. А. Яхонтов (зав.), Н. Г. Церетели (бухгалтер), В. В. Горохов (счетовод), А. Г. Бакшаев (зав. хозчастью), Н. М. Горюшин (моторист), Е. В. Кириченко (конторщица), В. А. Лупандин (зав. больницей), О. Р. Михеева (врач), С. Л. Сафонов (фельдшер), В. А. Кузнецова (фельдшер), Л. А. Рязанова (фельдшер), М. И. Тимина (няня), Ван Чинфа (санитар), Е. Г. Бачаева (санитарка), М. Д. Гухарина (санитарка), Е. К. Никанорова (няня), В. А. Фадеева (санитарка), А. Г. Федореева (санитарка), Е. П. Ковалева (кухарка больницы), А. А. Курская (зав. школой), М. Г. Яхонтова (учитель), П. Я. Церетели (учитель), В. Ф. Гераклеическая (кухарка школы), Н. Н. Вериги (инструктор мастерской), С. И. Валова (коровница), А. Г. Ларюков (ветврач), Е. И. Яцков (чернорабочий), М. Г. Левин (зав. краевед. пунктом), В. И. Левин (краевед), А. А. Гарник (печник и банщик), А. Д. Степанов (чернорабочий), С. С. Гайдышев (чернорабочий), Соу Ши Дзин (столяр), Чан Си Лин (чернорабочий), И. М. Степанов (конюх).

Из архивных документов следует, что А. А. Гарник был родом с Украины. Призванный в царскую армию во время первой мировой войны, он после окончания службы остался в Сибири. Перебравшись в Якутск, а затем во Владивосток, он продолжал заниматься печным делом. После отъезда основной массы строителей Восточно-Эвенской культбазы А. А. Гарник был нанят по своей специальности 24 октября 1929 г. Его «нормальное рабочее время» устанавливалось 8 ч в день, а «поденная ставка» 6 руб. 30 коп. [Козлов, 2002. Ч.1. С. 8]. Чернорабочий Восточно-Эвенской культбазы бурят Ангай Данилович Степанов окончил два класса сельской школы. «До 1929 г., – писал он в одной из анкет, – работал в крестьянстве. В 1929 году, июне месяце, нанялся в городе Верхнеудинске в рабоче-крестьянскую милицию... Прослужил в милиции до 1 марта 1930 года. Потом нанялся на краболов, на нем проработал три месяца и был уволен с краболова в связи с переводом в культбазу бухты Нагаева» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 27, л. 20].

На заседании президиума Нагаевского поссовета 12 мая 1931 г. было сформировано 6 секций: рабоче-крестьянской инспекции (7 чел.), благоустройства (5 чел.), здравоохранения (4 чел.), госкредита (5 чел.), культпросветительская (5 чел.) и кооперативная (4 чел.). Председателем секции рабоче-крестьянской инспекции стал Г. С. Строменко, благоустройства – Н. П. Корнеев, госкредита – Ф. К. Толкачев.

1 июня 1931 г. в бух. Нагаева был заключен следующий договор: «Мы, нижеподписавшиеся, Нагаево-Колымская контора АКО в лице т. Барбанова С. Ф., с одной стороны, и председатель артели “Камчатский зверобой” т. Куль – с другой, заключили настоящий договор о нижеследующем: 1) Артель “Камчатский зверобой” обязуется всю заготовленную продукцию морского зверя, рыбу в обработанном виде, пушнину, пух, перо, шкурки морских птиц и прочее добываемое сырье сдавать Нагаево-Колымской конторе АКО. Как минимум должны сдавать в сезон 31 года продукции: жира топленого 5000 кг... 2) Вся добываемая продукция сдается в доброкачественном виде и без дефектов. Шкуры морского зверя сдаются в сухом виде, жир должен быть паровой топкой без крови, мяса и не вонючий. Шкурки морских птиц и пушнины должны быть хорошо просушены и обезжирены. 3) Нагаево-Колымская контора АКО принимает от артели добываемую продукцию по лимитным ценам АКО. Срок приемки должен производиться в два м-ца один раз. Погрузка на пароход производится за счет АКО силами артели. 4) Вся добытая продукция артелью сдается представителю АКО в месте их расположения б/х Лошадиной, каковая принимается на месте и определяется ее качество. В случае обнаружения недоброкачественной продукции, то таковая принимается по ее качеству... брак не принимается совсем. 5) Снабжение артели товаро-продуктами и необходимым для нее инвентарем производит АКО по заявкам артели» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 175, л. 27].

1 июля 1931 г. в бух. Нагаева вошел пароход «Днепрострой», на котором, как указывает в ранних воспоминаниях геолог Б. И. Вронский, «вместе с работниками “Цветметзолото” ехала наша экспедиция» [1960. С. 14]. Выйдя из Владивостока еще 22 июня, этот пароход в общей сложности привез 1269 чел. и 317 лошадей.

В более поздних воспоминаниях Б. И. Вронский пишет: «На восьмые сутки “Днепрострой” вошел в бухту Нагаева... Впереди виднелся невзрачный поселок... Загремела якорная цепь, и пароход остановился в полукилометре от берега. К пароходу подошел катер с пограничным начальством. Ехавшие на нашем пароходе руководители Колымского отделения “Цветметзолото” вместе с Шуром и Билибиным по шаткому веревочному трапу спустились в катер. Он описал широкую дугу и направился к берегу. Мы остались на пароходе. Нам сообщили, что в первую очередь будут выгружены

лошади, а посадка людей начнется только завтра. Второго июля, просидев целый день на пароходе, мы оказались на долгожданной земле... На берегу нас встретили Билибин и его бывший рабочий Миша Лунеко, высокий загорелый худощавый брюнет, энергичный и подвижный, выполняющий обязанности не то коменданта, не то завхоза экспедиции. Он здесь зимовал, занимаясь строительством и готовясь к нашему прибытию. База экспедиции находилась на расстоянии двух-двух с половиной километров от поселка Нагаево, на берегу небольшого ключика Марчекан, и состояла из трех бараков. Мы, инженерно-технические работники, обосновались в одном из бараков, где было хотя и тесновато, но вполне терпимо. Некоторые расположились в палатках. Рабочие побригадно разместились в двух остальных бараках. Билибин поселился в одном бараке с нами. Шур и его заместитель Тарасов – высокий толстый человек, внешне похожий на Дон-Кихота, – устроились в поселке в отдельном небольшом домике» [Вронский, 1965. С. 36, 37].

Интересны и впечатления Ю. А. Билибина, когда он позднее вспоминал: «Нагаево я почти не узнал. Вместо нескольких домов культбазы на берегу бухты раскинулся довольно обширный поселок, в котором старые дома культбазы не сразу можно было найти. Живописно разбросанные лачуги старателей тянулись от поселка вверх по горе в сторону кл. Магадан. Теперь в Нагаево был окружной центр Охотско-Эвенского округа, но главная часть интересов вращалась вокруг Колымских приисков. Приходили пароходы, выбрасывали на берег сотни пассажиров и тысячи тонн груза; все это размещалось по баракам и складам и потом отдельными партиями отправлялось в тайгу, на прииски» [Билибин, 1961. С. 203].

Обустройство приехавших на пароходе «Днепрострой» происходило у речки Магаданка. По словам геолога Алексея Петровича Васьковского, здесь еще росла непроходимая тайга, а «в речке кету черпали ведрами». «Сами не подозревая этого, – вспоминал прибывший вместе с ним на пароходе «Днепрострой» Сергей Федорович Богданов, – мы открывали первую колымскую столицу: семь палаток дорожной экспедиции были первым городком на реке Магадан. Выбрал место поселка экспедиции на Магадане, предпочитая ее Нагаеву (так в тексте. – А. К.), открытому суровым бризам моря. Он приехал в качестве начальника дорожной экспедиции, представителя Дальдортранса» [Первые..., 1937].

Прибытие новых пароходов, людей и грузов потребовало заключения 11 июля 1931 г. договора, который гласил: «Районное управление милиции и УР Ольско-Сеймчанского районного исполнительного комитета Николаевского и Амуре округа ДВК в лице начальника районного управления милиции тов. Кашилинова В. В. и начальника Главного Колымского приискового управления ЦМЗ в лице тов. Шелестова В. И. – с другой, на основании постановления СНК 5/П-24 г. и утвержденного 14 ноября 1928 г. Наркомвнутдел положения о ведмиллии заключили настоящий договор о нижеследующем: 1. Районное управление милиции и УР принимает на себя сформирование ведмиллии на территории пос. Нагаево для охраны разного рода имущества, заключающегося в складах и на берегу б/х при выгрузке грузов из пароходов, а также для выполнения в пределах территории, занимаемой ГКПУ, ЦМЗ в пос. Нагаево, всех обязанностей, возлагаемых на общегосударственную милицию по охране общественного порядка и спокойствия. 2. Для выполнения означенной цели районное управление милиции и УР устанавливает на предприятиях ГКПУ, ЦМЗ в пос. Нагаево 5 постоянных постов и обязуется сформировать штат ведмиллии в количестве 19 вооруженных единиц для непосредственной охраны имущества 5-ти складских помещений ГКПУ и ЦМЗ и одну в лице нач. команды ведмиллии из расчета не ниже средней стоимости содержания одной штатной единицы по общегосударственной милиции ДВ края» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 175, л. 28].

6 июля 1931 г. в бух. Нагаева приехал оргкомитет Охотско-Эвенского национального округа (председатель А. И. Зеленский, заместитель председателя Н. Н. Францевич, секретарь И. И. Леденев). Ознакомившись с работой Восточно-Эвенской культбазы, члены оргкомитета поддержали линию Ольско-Сеймчанского райисполкома на сворачивание ее деятельности. На первом заседании 9 июля 1931 г. они приняли решение просить Дальневосточный крайисполком «о постановке вопроса перед правительством о передаче всех культурно-социальных учреждений, принадлежащих культбазе, вместе с соответствующими отпущенными из них по госбюджету ассигнованиями» [ЦГА РСФСР, ф.р-3131, оп. 1, д. 1, л. 2] в ведение организуемого Охотско-Эвенского окрисполкома.

За день до этого состоялось заседание президиума Ольско-Сеймчанского райисполкома. На нем был заслушан отчетный доклад В. И. Левина о работе Восточно-Эвенской культбазы за период с 1 января по 1 июля 1931 г. В последующей резолюции по докладу (ее авторы Я. Я. Крумин, В. А. Лупандин и М. Г. Левин) было записано: «1. Работа Восточно-Эвенской культбазы за истекший период не соответствовала ни по содержанию, ни по объему возложенных на нее задач. 2. Это вызвано следующими обстоятельствами: а) неудачное местонахождение культбазы, отдаленной от пунктов тяготения тунгусов, их кочевков и мест выхода на рыбалки; в) невозможность кратковременными выездами охватить разбросанное кочевое население, разбитое на ряд отдельных территориальных групп; с) необходимостью обслуживать медпомощью, школой и частично ветнадзором местные хозорганизации, главным образом ЦМЗ («Цветметзолото». – А. К.), которые не приняли никаких мер к социальному обслуживанию своих рабочих и служащих; д) отсутствие до последнего времени четкой установки в работе культбазы, что в значительной степени было вызвано недостаточным руководством со сто-

роны ДВ Комитета Севера. 3. В настоящее время в связи с организацией окружного центра в бухте Нагаева дальнейшее существование культбазы является нецелесообразным. 4. Считать нужным поставить перед соответствующими органами вопрос о передаче учреждений культбазы окружным организациям. 5. Поручить учреждениям культбазы, секции народного образования Ольско-Сеймчанского РИКа и райплану разработать вопрос о социально-культурном обслуживании туземного населения района... 6. Поставить перед окрисполкомом вопрос об обеспечении средствами строительства медпунктов и школ среди кочевого населения» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 182, л. 280–281].

После этого информация о работе Восточно-Эвенской культбазы и состоянии ее деятельности продолжала постоянно поступать в аппарат Ольско-Сеймчанского райисполкома. 20 сентября 1931 г. на очередном заседании президиума со специальным докладом выступил В. И. Левин. Президиум Ольско-Сеймчанского райисполкома принял решение: «Заслушав информационный доклад о работе В.-Э. культбазы, райисполком констатирует: 1) Находясь в центре расположения крупных хозорганизаций с большим количеством промышленных рабочих, культбаза превратилась в учреждение, обслуживающее исключительно эти учреждения. 2) Работа с туземцами почти не ведется ввиду того, что вблизи расположения культбазы туземное население отсутствует, а вызовы работников культбазы в места расположения туземцев чрезвычайно редки, в случае чего должных результатов не дают. 3) Постановлением Охотско-Эвенского оргкомитета от 9 июля № 1 § 5 и постановлением райисполкома признано наличие культбазы в Нагаево наряду с национальным окрисполкомом нецелесообразно, ввиду того, что туземное население к Нагаево совершенно не тяготеет. На основании вышеизложенного президиум райисполкома считает необходимым: 1) Поставить вопрос перед оргкомитетом о назначении от оргкомитета врид. завкультбазой до окончательного разрешения вопроса в Комсевере о передаче всех культурно-социальных учреждений, принадлежащих культбазе, в ведение окрисполкома с тем, чтобы освободить тов. Левина для продолжения начатых им научных работ. 2) Школу, интернат культбазы со всем оборудованием временно взять в ведение райисполкома» [Там же. Л. 237].

Для «проработки вопроса дальнейшего существования культбазы» была назначена комиссия. В ее состав вошли М. М. Сумароков, Б. С. Котвицкий (оба – члены РИКа) и В. И. Левин. Чуть позднее выяснилось, что только с 15 января и по 1 октября 1930 г. документы «зарегистрировали 731 посещение» Восточно-Эвенской культбазы русскими, якутами, камчадалами, причем «были случаи приезда тунгусов из очень отдаленных районов (Сеймчан, Таскан)» [Там же. Д. 138, л. 235].

В этот период за ее сохранение выступил К. Я. Лукс. Первоначально он написал довольно резкую докладную записку председателю Далькрайисполкома А. И. Буценко, в которой К. Я. Лукс указывал: «Ликвидация культбазы не только формально направлена, но и по существу неверна, как об этом я говорил и писал. Политически ликвидация культбазы в эпоху нацрайонирования народов Севера является великодержавным отношением к малым народам на практике. Если таким действиям не будет положен конец, то говорить о какой-то плановой работе в Восточно-Эвенском округе не приходится, так как там во главу угла поставлен произвол и личное усмотрение» [Фетисов, 1973. С. 87].

Не дождавшись решения данного вопроса в Далькрайисполкоме, К. Я. Лукс обратился за помощью к секретарю Далькрайкома ВКП(б) С. А. Бергавинову, добившемуся отправки телеграммы А. М. Пачколину, в которой почти в категоричной форме говорилось: «Необходима борьба с шовинистическими выходками в отношении коренного кочевого населения, вызывающими откочевку его национального окр. центра. Обеспечьте нормальные условия работы культбазе, также и использования здания базы, всего обслуживающего персонала только прямому назначению – обслуживанию коренного населения, проведите организацию благоустроенного дома кочевника в одном здании и базы» [Там же. С. 88].

Телеграмма С. А. Бергавинова, как и принятое 5 октября 1931 г. специальное постановление «О Восточно-Эвенской культбазе» президиума Далькрайкома ВКП(б), поддержавшего К. Я. Лукса в том, чтобы не мешать ее работе, было проигнорировано руководством оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа, которое взяло курс на организацию национальных центров, создаваемых в районах оседания кочевников Колымы и Охотского побережья. 17 ноября 1931 г. состоялось шестое заседание оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа, в состав которого ввели еще двух членов – А. Я. Калныня и А. Г. Костюка. По вопросу «Об организации наццентров» выступил А. И. Зеленский. Оргкомитет принял решение: «Наццентры признать основной формой социально-культурного и политического обслуживания» [ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 1, л. 18].

«Эти центры кочевого населения, “тузцентры”, “совцентры” или наццентры, – указывал В. И. Левин, – должны, а частично они уже являются центрами экономического, административного и социально-культурного обслуживания: здесь должны быть организованы школы-интернаты с мастерскими, избой-читальней, постоянные центры Интеграла с обязательной пекарней, медпункты, при возможности и стационары на 2–3 койки, здесь же центр крупных колхозов и совхозов, оленеводческие станции, ветпункты и т. д. Эти же пункты являются местопребыванием сельских национальных Советов кочевой группы с постоянным пребыванием здесь прикрепленных к Совету специально подготовленных секретарей. Председатель и члены сельсовета в первое время будут кочевать, охотиться и т. д., но они должны являться в национальные центры в специально установленные Советом сроки заседаний. Тут же происходят пленумы и общие собрания (не один раз в год, как до сих пор)

кочевой группы. Поскольку национальные центры находятся в центре кочевков, все кочевые группы орочей будут являться в кооператив, медпункт или мастерскую, сельсовет или будут навещать своих детей в школе» [Левин, 1932. С. 89].

24 ноября 1931 г. состоялось внеочередное заседание Охотско-Эвенского окружного бюро Дальневосточного крайкома ВКП(б) (секретарь бюро А. М. Пачколин), где присутствовали его члены и члены оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа (всего 7 чел.). Внеочередное заседание бюро рассмотрело вопрос «Решение крайкома о Нагаевской культбазе», по которому выступили А. Н. Косых, А. Г. Костюк, А. И. Зеленский, Н. Н. Францевич, А. М. Пачколин.

В результате было принято постановление, которое публикуется впервые: «Сообщить крайкому и крайисполкому, что их решение о культбазе выполнить невозможно по следующим причинам: 1. Нагаевская культбаза никогда не являлась центром притяжения тунгусского коренного населения, потому что она расположена от путей движения кочевых тунгусов далеко. Около Нагаево нет и не было оленьих пастбищ, в оленеводческом пункте культбазы никогда не было принято ни одного оленя, тем более сейчас, в связи с появлением тракторов, автомобилей и массового движения транспортов, появление оленя совершенно невозможно. 2. Берег долго не является центром притяжения горных тунгусов, составляющих основную массу коренного населения, и не случайно, вполне соглашаясь с крайкомом и крайисполкомом в том, что центр округа должен стать центром экономического притяжения коренного населения, оргбюро и оргкомитет уже поставили перед собой вопрос о переносе центра округа в глубь таежной территории округа. 3. Ликвидация базы нисколько не отразилась на школьном и больничном обслуживании коренного населения. В школе обучалось в прошлом году 14 оседлых тунгусов и ни одного кочевника, в этом году в интернатах сферы деятельности базы обучается 80 детей кочевников. Больница, обслуживающая в прошлом совершенно незначительное количество тунгусов, компенсирована двумя медицинскими пунктами в тайге. 4. Одностороннее введение в заблуждение крайкома и крайисполкома, ведомственное домогательство Комитета Севера, не замечающего или не желающего заметить совершенно ясного беспочвенного положения Нагаевской культбазы и также новых путей хозяйственного, политического и культурного подъема бедняцко-среднеяцких масс горного населения путем не политических, а рассчитанных на производственную, политическую деятельность самих этих слоев населения путей, связанных с подъемом национальной культуры и приближением культурно-социальных учреждений к стойбищам. В условиях национального округа, коренным образом изменяющего роль Комитета Севера, домогательство является сейчас абсолютно близоруким и вредным для дела социалистического округа. 5. Сообщить крайкому и крайисполкому, что взамен Нагаевской культбазы – проводника национальной политики только по форме, а не по существу, оргбюро и оргкомитет наметили, провели и проводят целый ряд конкретных мероприятий в области всестороннего подъема бедняцко-среднеяцких масс коренного населения, а именно: взамен громоздкой неповоротливой культбазы заложен постройкой национальный центр в Маякане, подготавливается постройка центра в Гаданже, в 1932 г. строительство центров достигнет по округу до 11 (так в тексте. – А. К.). Дан ряд конкретных директив по работе среди коренного населения, коллективизации и ограничении кулачества, развернута борьба с великодержавным шовинизмом. Командируются в крупные кочсоветы восемь опытных секретарей из коммунистов и комсомольцев. 1/XII в Нагаево открывается Дом кочевника. Закончено составление алфавита на ороческом языке, подготавливается к печати букварь и другие учебники. До получения постановления крайкома и крайисполкома принято решение о выезде 26/XI 70% ответработников по округу (ранее выехали бригады в Чумиканский, Аянский, Северо-Эвенский районы) и проводится ряд других предприятий, направленных к действительному и последовательному проведению ленинской национальной политики. 6. Обвинение руководства округа в явном искажении национальной политики является совершенно необоснованным. Весь комплекс мероприятий округа исходит из основ национальной политики, выходя из замкнутого одного пункта непосредственно в массы коренного населения округа. Эту линию оргбюро и оргкомитет считают правильной, проводят и будут проводить в жизнь» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 2, д. 14, л. 48–49].

В таких условиях Восточно-Эвенская культбаза была практически окончательно ликвидирована. Все ее учреждения перешли в ведение Охотско-Эвенского окрисполкома. Там же стали работать ведущие сотрудники Восточно-Эвенской культбазы, в том числе и ее очередной заведующий А. Г. Костюк.

Просуществовавшая два года (не считая периода строительства) Восточно-Эвенская культбаза являлась первым постоянным поселением на территории, входящей в состав нынешнего Магадана. Несомненно, прав Н. В. Тупицын, когда утверждает: «Нагаевская культбаза не смогла, вернее, не успела полностью выполнить своего предназначения. Причина этого ясна: открытие перспективного золотоносного района вызвало в одной из самых отсталых и безлюдных окраин нашей страны буквально экономический взрыв... Известное, пусть небольшое значение имело и то обстоятельство, что культбаза явилась на первых порах базой для многочисленных исследовательских экспедиций и, наконец, она была первым населенным пунктом на берегу бухты Нагаева – прямым предшественником города Магадана» [Тупицын, 1979. С. 16].

Однако выявленные нами в последнее время и еще также не публиковавшиеся архивные материалы свидетельствуют о том, что в конце 1931 г. история Восточно-Эвенской культбазы все же не окончи-

лась. Данные материалы входят в один из фондов ЦХСД МО и представляют собой протоколы заседаний (очередных и внеочередных) Охотско-Эвенского оргбюро Далькрайкома ВКП(б). В протоколе внеочередного заседания оргбюро от 7 июня 1932 г. указывается: «*Поручить члену бюро, принявшему в январе по совместительству обязанности зав. КБ (культбазы. – А. К.), т. Зеленскому в декадный срок практически провести в жизнь решение крайкома о восстановлении полностью деятельности культбазы*» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 2, д. 3, л. 46].

Протокол, как и ранее, подписал секретарь оргбюро А. М. Пачколин. До этого он неоднократно выступал за ликвидацию Охотско-Эвенской культбазы. Можно предположить, что действия А. М. Пачколина, а вместе с ним и всего состава оргбюро, в тот момент являлись вынужденными и проходили под давлением Дальневосточного крайкома ВКП(б), сумевшего настоять на выполнении своей прежней линии по сохранению Восточно-Эвенской культбазы. Немаловажную роль в этом, по-видимому, сыграл и К. Я. Лукс, находившийся с весны 1932 г. в районе Таскана на Колыме.

«Лукс, – отмечает историк А. П. Фетисов, – всегда был принципиальным в защите интересов коренного трудящегося населения Севера и в борьбе с недалекими хозяйственниками. Но он не был формалистом, умел выслушивать мнение местных работников, понять их. Так, в марте 1932 года Карл Янович встретился с председателем Охотско-Эвенского исполкома Зеленским. Из его доклада стало ясно, что Нагаевскую (Северо-Эвенскую) культбазу восстановить уже невозможно, она была расформирована... За два года работы культбаза сделала немало для хозяйственного и культурного развития местного населения, а решения Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома помогли руководству округа преодолеть ряд серьезных ошибок. Поэтому, взвесив все обстоятельства, Карл Янович согласился с мнением окружающих работников не восстанавливать культбазу, хотя по-прежнему считал самовольное и преждевременное реформирование культбазы ошибкой. На основе Нагаевской культбазы были созданы национальные центры в Сиглане, Маякане и Армани в составе национального Совета, кооператива, школы-интерната и медицинского пункта. Они тоже себя оправдали, хотя центральная культбаза была более эффективным средством преобразования экономики и культуры в районе. Зеленский писал в Москву Комитету Севера: “Таким образом, в районе, где пыталась работать культбаза, ее функции естественным порядком перешли к сети нормальных учреждений местных органов власти... С этим согласился член Комитета Севера ВЦИК т. Лукс, с которым мы договорились в марте 1932 года о порядке оформления ликвидации культбазы, о чем дали телеграмму за совместными подписями Комитетам Севера при ДКИК и ВЦИК”» [Фетисов, 1973. С. 100].

Сомневаться в подлинности свидетельства А. И. Зеленского не приходится. А. П. Фетисов приводит его со ссылкой на Центральный государственный архив Дальнего Востока РСФСР (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 11, л. 15). Однако в выявленных нами протоколах заседаний Охотско-Эвенского окружного бюро Далькрайкома ВКП(б) говорится о том, что 1 марта 1932 г. вопрос о ликвидации Восточно-Эвенской культбазы оставался открытым, во всяком случае, со стороны краевых партийных органов, ибо «телеграмму за совместными подписями» К. Я. Лукс и А. И. Зеленский давали только в адрес «Комитета Севера при ДКИК и ВЦИК». Последующие события подтвердили это.

В то же время, после принятия внеочередным заседанием Охотско-Эвенского окружного бюро Далькрайисполкома ВКП(б) упомянутого выше постановления, А. И. Зеленский подал в его адрес заявление о практической невозможности восстановления Восточно-Эвенской культбазы в тех рамках, в которых происходила ее деятельность. Заявление было рассмотрено в кратчайшие сроки. Уже 8 июня 1932 г. состоялось новое внеочередное заседание Охотско-Эвенского окружного бюро Далькрайисполкома ВКП(б) и его постановление было еще жестче, чем предыдущее.

В протоколе, подписанном А. М. Пачколиным, говорилось: «*Слушали: Заявление т. Зеленского о практической невозможности восстановить культбазу (заявление прилагается). Постановили: 1. Постановление бюро от 7 июня 1932 г. о точном исполнении директивы крайкома утвердить. 2. Предложить т. Зеленскому немедленно возвратить всех б. (бывших. – А. К.) рабочих и служащих культбазы на прежнюю работу*» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 2, д. 3, л. 47]. Туда же должны были быть направлены работники из других организаций, в частности, И. И. Леденев и Л. Я. Бонгард, одно время руководившая так называемой красной юртой.

28 июня 1932 г. состоялось еще одно расширенное заседание Охотско-Эвенского окружного бюро Далькрайисполкома ВКП(б). На нем был обсужден вопрос «О сдаче имущества культбазы (опросом от 21 июня с. г. Пачколин)». В связи с этим постановлялось: «*Поручить тов. Зеленскому оформить немедленно передачу КБ: а) здания опорно-оленоводческого пункта; б) катера; в) кладовой; г) коров; д) лошадей; е) столового и слесарного инструмента; ж) разного хозяйственного инвентаря*» [Там же. Л. 48]. Одновременно с этим вновь выдвигалась задача «*собрать и восстановить на работу весь наличный состав культбазы*», а также «*добиться ассигнований на культбазу из края*». Все это возлагалось в основном на А. Г. Костюка, но он, по всей видимости, старался уклониться от этого.

Во всяком случае на следующем заседании Охотско-Эвенского окружного бюро Далькрайисполкома ВКП(б) 7 июля 1932 г. стоял вопрос «Заявление тов. Костюк об освобождении от обязанностей завкультбазой и разрешении поездки в край». Принятое решение было единогласным: «*Просьбу тов. Костюк о поездке в край отклонить. Разрешение вопроса о нем, как о зав. КБ отложить до выяснения*

вопроса в крае» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 2, д. 3, л. 49]. О том, что постановили по этому вопросу, в протоколах последующих заседаний Охотско-Эвенского окружного оргбюро Далькрайкома партии ничего не говорится. Как, впрочем, не говорится и в протоколах заседаний оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа данного периода, председатель которого А. И. Зеленский с конца октября 1932 г. (после отъезда А. М. Пачколина) стал занимать и должность секретаря окружного оргбюро ВКП(б).

К этому добавим, что еще во время исследований фондов ЦГА РСФСР ДВ, проводимых нами в феврале 1988 г. (тогда архив находился в г. Томске), были выявлены два документа, касающиеся судьбы Восточно-Эвенской культбазы и ее последнего (фактического) заведующего А. Г. Костюка. Это протокол № 9 заседания оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа от 12 декабря 1931 г. и приказ № 2 по созданному позднее (об этом будет идти разговор далее) окрисполкому Охотско-Эвенского национального округа от 28 октября 1932 г. В протоколе № 9 говорится: «В связи с ликвидацией культбазы, заведующим которой был назначен тов. Костюк, назначить последнего управляющим госбанка Нагаевского отделения. Просить краевую контору банка санкционировать назначение тов. Костюк» [ЦГА РСФСР ДВ, ф. р-231, оп. 1, д. 5, л. 84]. Приказ № 2, составленный более косноязычно, гласит: «За время работы зав. культбазой т. Костюк А. Г. выплатить ему за использованный отпуск за время с 17 сентября 1931 г. по 1 января 1932 г.» [ЦГА РСФСР ДВ, ф. р-3131, оп. 1, д. 1, л. 1].

Научный сотрудник СВКНИИ ДВНЦ АН СССР У. Г. Попова позднее отмечала: «На самом деле Восточно-Эвенская культбаза, только что построенная, не успела стать центром культурного тяготения основной части эвенов по причине неудачно подобранных кадров работников. Зимой 1930/31 г. ее деятельность прекратилась, не успев по-настоящему развернуться» [1981. С. 236].

В своей оценке деятельности Восточно-Эвенской культбазы она поддерживала точку зрения, ранее высказанную на страницах журнала «Советский Север». «Население и грузы прибывали, но строительство бытовых и жилищных объектов в Нагаево не было начато. Все помещения и хозяйственные сооружения культбазы оказались занятыми, а ее учреждения стали обслуживать исключительно приезжее население... Нагаевские обитатели, среди которых оказались социально чуждые элементы, стали рыскать по окружающей тайге в поисках дичи, «охотиться» на оленей, принадлежащих эвенам, не стеснялись грабить их таежные амбары с запасами и т. д. В окрестностях бухт Нагаева и Веселой, где издавна располагались летне-осенние пастбища для оленей, участились пожары, уничтожившие корма. Кочевники покинули этот район, а местные работники не нашли другого выхода, как закрыть культбазу до прибытия руководителей окружного бюро ВКП(б) без согласия Комитета Севера ВЦИКа и Далькрайисполкома» [Соваппарат..., 1939. С. 60].

Не разобравшиеся в данном вопросе и ссылавшиеся на несуществующие документы исследователи В. Ф. Лесняков и Н. И. Герасимова отметили: «Авторы настоящего исследования почти полностью поддерживают точку зрения журнала «Советский Север» и трезвую оценку деятельности культбазы, данную У. Г. Поповой (это подтверждают многочисленные архивные документы). Единственное замечание, что У. Г. Попова допускает небольшую неточность относительно времени закрытия культбазы: это произошло где-то весной 1931 г.» [Лесняков, Герасимова, 1996. С. 23].

Вместе с тем выявленные нами подлинные и впервые приведенные документы свидетельствуют о том, что Восточно-Эвенская культбаза фактически прекратила свое существование (была ликвидирована) к концу 1931 г. Последующее исполнение А. Г. Костюком обязанностей ее заведующего являлось чисто формальным. В то же время борьба, которую вело Дальневосточное краевое бюро ВКП(б) уже в 1932 г. за восстановление Восточно-Эвенской культбазы, окончилась неудачей, вылившись в бумажную переписку. Решающую роль здесь сыграло то, что закрытие культбазы было санкционировано Комитетом Севера, органом которого она до этого и являлась.

1.2. Магадан в период организации и начала деятельности Дальстроя

История Магадана и Нагаево (первоначально как двух поселков) после ликвидации Восточно-Эвенской культбазы связана с возникновением и деятельностью Дальстроя, организованного по Постановлению ЦК ВКП(б) «О Колыме» от 11 ноября 1931 г. и Постановлению Совета Труда и Оборона (СТО) СССР № 516 от 13 ноября 1931 г.

В постановлении СТО говорится: «В целях производства дорожного и промышленного строительства в районе Верхней Колымы Совет Труда и Оборона постановляет: 1. Организовать в непосредственном ведении Совета Труда и Оборона Государственный трест, именуемый сокращенно «Дальстрой». 2. На Дальстрой возлагается: а) разработка недр с добычей и обработкой всех полезных ископаемых края и б) колонизация района разработок в интересах успешного выполнения первой задачи. 3. В ведение Дальстроя передаются все находящиеся на территории района предприятия, необходимые тресту для осуществления задач, указанных в § 2. 4. Уставной капитал Дальстроя на организационный период устанавливается в размере 20 000 000 рублей и в дальнейшем изменяется постановлением СТО по представлению треста. 5. Во главе треста стоит директор, назначаемый Советом Труда

и Обороны. Заместители и помощники директора по разным отраслям работ треста и управляющие отдельными предприятиями назначаются директором. 6. Директор руководит всеми делами треста, управляет его имуществом и совершает, руководствуясь действующим законодательством Союза ССР и соображениями хозяйственной целесообразности, все необходимые для управления этим имуществом операции и действует на основании доверенности СТО. 7. Финансирование операций Дальстроя производится по соответствующим разделам государственного бюджета Союза ССР на основании заявок треста. 8. Все операции треста, впредь до особого о том постановления СТО, освобождаются от каких бы то ни было местных налогов и сборов. 9. Снабжение треста всем необходимым для осуществления возложенных на него задач производится по заявкам треста соответствующими учреждениями и организациями Союза ССР вне всякой очереди – впредь до специального постановления СТО об ином порядке снабжения. 10. Трест имеет право сноситься непосредственно со всеми местными учреждениями и организациями, причем возбуждаемые трестом вопросы подлежат рассмотрению в этих учреждениях и организациях в первую очередь. 11. Никакие учреждения и лица без особого разрешения СТО не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность треста. 12. Трест имеет печать с изображением своего наименования. 13. Ликвидация треста может быть произведена лишь постановлением СТО» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 1, л. 1].

Приступая к широкомасштабному промышленному и дорожному освоению района Верхней Колымы, этот Государственный трест, наделенный огромными полномочиями и возможностями, стремился найти наиболее важный и удобный пункт, который стал бы для осуществления этих целей своеобразной перевалочной, опорной базой, а также временным административным центром. Такой пункт и такая база были сразу выбраны: ими стали бух. Нагаева и долина речки Магадан. Основной рабочей силой Дальстроя определялись заключенные. Постановлением № 518 СТО от 14 ноября 1931 г. первым директором Дальстроя был назначен Э. П. Берзин.

Формирование вольнонаемного состава работников гостреста началось в Москве во второй половине ноября 1931 г. Это была так называемая экспедиция Дальстроя, в которую вошли многие из тех, кто работал под руководством Э. П. Берзина на строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината (Северный Урал) еще с конца 1920-х гг. *«Когда я вспоминаю Эдуарда Петровича Берзина, – писал один из таких работников, служащий Наркомата финансов СССР латыш Р. К. Балынь, – меня всегда поражает его беззаветная преданность, стойкость, мужество, которые были с ним неразлучны. Он как-то весь отдавался новой цели и умел заражать ею окружающих людей. Причем заражал как-то своеобразно, не красноречием, не горячностью. Заражал он прежде всего как бы своей внешностью: высокий, широкоплечий. Ясный стальной, открытый взгляд как-то убедительно подтверждал его немногословную речь».*

Вместе с тем «экспедиция Дальстроя» по своему составу являлась интернациональной. Кроме Р. К. Балыня, в Москве к Э. П. Берзину присоединились его земляки-латыши К. Г. Калнынь, братья Г. О. и Э. О. Лапины, эстонец Я. Я. Пуллериц, еврей Л. М. Эпштейн, немец А. Г. Перн, украинец П. П. Будзко, русские В. А. Николаев, И. Н. Прахов, О. И. Огнев и др. О. И. Огнев, который до этого уже работал несколько месяцев на Колыме, вспоминает: *«В дороге мы быстро перезнакомились, сблизились. Вечером после ужина пригласили нас в просторный салон к Берзину. Сели за общий стол играть в преферанс, пульки заранее были расчерчены. Колоды карт свежие. Игра эта была тогда в большой моде. Поначалу меня удивила такая организация досуга, и лишь потом понял, для чего это делалось. Эдуард Петрович, сам превосходный игрок, вроде бы беспристрастный и лишенный азарта, успевал следить, как я заметил журналистским глазом, за игрой каждого из партнеров, особенно молодых специалистов, изучал характер, отношение к картам и деньгам, как это описано в известном рассказе “Амок” Стефана Цвейга. Не случайно из Хабаровска он отправил домой троих молодых людей, показавшихся ему непорядочными. В пути я больше узнал о Берзине. Сам он был очень скромным человеком, о себе не любил рассказывать»* [Огнев, 1989. С. 29].

Э. П. Берзин родился 1 января 1893 г. (правда, не уточнено, старого или нового стиля) в Старо-Пебальской волости (Латвия) в крестьянской семье. С 5 лет он вместе с родителями жил на окраине Риги, учился в городской школе, изучал малярное дело. В 1910 г. Э. П. Берзин уехал в Германию, где окончил Берлинское королевское художественное училище. Затем он вернулся в Латвию и был призван на военную службу. С 1915 г. Э. П. Берзин находился в составе 4-го Видземского латышского стрелкового батальона, участвовал в боях на фронтах первой мировой войны, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и серебряной медалью на Станиславской ленте «За усердие». После Октябрьской революции он принимал участие в формировании 1-го легкого артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой советской дивизии, а затем был назначен его командиром. Летом 1918 г. Э. П. Берзин сыграл решающую роль в подавлении левозэсеровского мятежа в Москве и разоблачении руководителя британской специальной миссии при Советском правительстве в России Р. Брюса Локкарта как организатора шпионажа и заговора «трех послов». В последующем этот известный дипломат вспоминал, что Э. П. Берзин был *«высокий мужчина могучего сложения с резкими чертами лица и жестким стальным взглядом, назвавший себя полковником», который «на самом деле командовал одним из латышских батальонов, которые образовали преторианскую гвардию советского правительства»* [Локкарт, 1991. С. 289].

В ноябре 1918 г. Э. П. Берзина приняли в ряды большевистской партии. С декабря этого же года он сражался с белогвардейцами на Западном, Юго-Западном и Восточном фронтах. Во время Орловско-Кромского сражения в октябре 1919 г. он являлся начальником снабжения Латышской стрелковой советской дивизии. Принимал участие в боях под Каховкой и Перекопом. После этого Э. П. Берзин служил в армейском штабе, был сотрудником ИККИ и спецотдела ВЧК-ОГПУ. В 1927 г. он внес предложение в ВСНХ СССР о строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината на Урале. В 1929 г. Э. П. Берзин вместе с главным инженером Д. С. Соколовским и главным механиком П. П. Кузнецовым выезжал в Германию и в США для закупки оборудования. Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат был построен в общей сложности за 18 мес.

После приезда во Владивосток к «экспедиции Дальстроя» присоединились рабочие, заключившие договоры с новым трестом, а также целый этап заключенных из Дальлага в количестве не менее 100 чел. Среди последних находились 10 репрессированных специалистов в основном горнодобывающей промышленности: И. Ф. Авксентьев, И. С. Давиденко, К. Н. Ивашев, братья Н. С. и С. С. Лапины, А. Л. Мацюсович, П. С. Рюмин, И. М. Селезнев, А. Л. Стамбулов, В. Г. Сутурин*, конвоируемые десятью стрелками военизированной охраны.

Положение заключенных нового гостреста регламентировалось уже принятым специальным постановлением Президиума ЦИК СССР, в котором указывалось: «1. При исчислении срока заключения в лагерях, обслуживающих предприятия Дальстроя, рабочий день заключенного считается за два. 2. Установленный для заключенных всех лагерей ОГПУ паек считается в лагерях, обслуживающих предприятия Дальстроя, основным с соответствующим повышением калорийности пайков трудового и ударного. 3. За хорошую работу и поведение предоставляется право колонизации по отбытии одного года заключения. 4. Отбывшие срок заключения и остающиеся для работы в предприятиях треста, а также колонизовавшиеся имеют право выписки семей за счет треста. 5. Указанным в ст. 4 категориям предоставляется в ссудном порядке жилье, корова и лошадь или их ценностный эквивалент предметами домашнего обзаведения. 6. Колонизируемые получают зарплату полностью. 7. Трудоспособные члены семей колонизируемых пользуются преимущественным правом поступления на работу в предприятия треста. 8. Отбывшим срок заключения и проработавшим на предприятиях в качестве вольнонаемных не менее трех лет снимается судимость с предоставлением права выезда в любое место Союза ССР. 9. Дети заключенных, бывших до этого членами профсоюза, при поступлении в учебные заведения приравниваются к детям трудящихся» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 1, л. 3].

3 января 1932 г. Э. П. Берзин издал приказ № 1 по «экспедиции Дальстроя». Сохранившийся в Государственном архиве Магаданской области и написанный простым карандашом он гласит: «Для организованного проведения погрузочных работ во Владивостоке, разгрузочных работ в б/х Нагаева и обеспечения хозяйства экспедиции в пути – ПРИКАЗЫВАЮ: § 1. Тов. Великанову принять на себя руководство непосредственными работами, используя в качестве помощников: по обеспечению вольнонаемных – т. Огнева и по обеспечению заключенных – т. Егорова. § 2. Тов. Великанову немедленно: 1) согласовать с т. Помельцовым количество и номенклатуру грузов, подлежащих отправке с н/х «Сахалин» и направляемых в б/х Нагаева, и 2) проверить обеспеченность экспедиции всем необходимым снаряжением и продовольствием и принять меры к получению всего недостающего. § 3. Погрузку на н/х «Сахалин» произвести, используя технический аппарат н/представительства в полном контакте с т. Помельцовым. § 4. Ежедневно с 9 ч. утра докладывать мне о ходе работ» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 19].

Пароход «Сахалин» (капитан И. М. Успенский) был построен в Ленинграде вместе с однотипными пароходами «Анадырь» (капитан П. Г. Алиханов), «Сучан» (капитан П. Н. Хренов) и «Север» (капитан А. О. Шмидт). После прохождения испытаний в мае – августе 1931 г. они в начале следующего года прибыли на Дальний Восток и были приписаны к владивостокскому порту. На каждом из прибывших пароходов, которые могли развивать скорость до 10,5 узла в час и принимать на борт до 630 т груза, имелись 268 плацкартных и 48 мягких пассажирских мест, рефрижераторный твиндек и специальное помещение для перевозки пушныны.

10 января 1932 г. пароход «Сахалин» покинул владивостокскую бух. Золотой Рог и двинулся в сторону бух. Нагаева. На его борту вместе с пассажирами находились дефицитные грузы для Колымы – техника, промтовары, продовольствие. Среди пассажиров была по крайней мере и одна женщина – финансовый работник О. А. Давиденко. Она (это характеризовало сравнительно мягкое по тем временам отношение к содержанию осужденных по статье 58 УК РСФСР) сопровождала своего мужа, бывшего арендатора прииска И. С. Давиденко, арестованного в 1930 г. по обвинению «в подрыве государственной промышленности» и осужденного на 5 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

«Зима в том году на Дальнем Востоке, – свидетельствует вышедшая в советское время коллективная работа дальневосточных исследователей (научный редактор – член-корреспондент АН СССР

*Биографии пяти первых политических заключенных Севвостлага (И. Ф. Авксентьева, И. С. Давиденко, С. С. Лапина, А. Л. Мацюсовича, В. Г. Сутурина) выявлены автором из личных дел в архиве СВЗ, а биография Н. С. Лапина – из переписки с его дочерью Н. Н. Лапиной и архивно-следственного дела архива УВД МО.

А. И. Кружанов), – оказалась ранней. Некоторые суда не смогли вовремя разгрузиться и выйти из зоны активного льдообразования в Охотском море. Из трех ледоколов, подчиненных Владивостокскому торговому порту (начальник М. М. Плехов), только ледорез “Федор Литке” был в состоянии после небольшой подготовки идти на север. 12 декабря “Федор Литке” (капитан Н. М. Николаев, стармех Э. А. Фридвальд) подошел к кромке льда в Охотском море. Здесь он взял под проводку пароход “Свирьстрой”. На борту его, кроме груза, находилось 200 пассажиров для Нагаево. Зима только начиналась, а температура воздуха уже достигла минус 20°C. Конструктивно слабый пароход “Свирьстрой” (капитан П. П. Белорусов) едва двигался за ледорезом. На судне от сжатия льда начали лопаться ипангоуты, получило повреждение рулевое устройство. 15 декабря “Федор Литке” и “Свирьстрой” стали на якорь. Охотский рейд оказался свободным ото льда. В тот же период в бухте Аян вмерз в припай зафрахтованный пароход “Дашинг”. К нему направился “Федор Литке”. Снабдив судно бункером и водой, ледорез 22 декабря привел “Дашинг” на Охотский рейд. После этого пароходы “Свирьстрой” и “Дашинг” под проводкой “Федора Литке” последовали в Нагаево. Лишь на десятые сутки караван вошел в бухту Нагаева. Капитан Н. М. Николаев получил новое задание: следовать к промывке льда в Охотском море для проводки в Нагаево парохода “Сахалин”... Расстояние до кромки льдов в 350 миль “Федор Литке” преодолевал более 10 суток. Уже на подходе к “Сахалину”, который успел вмерзнуть в лед, на ледорезе полностью израсходовали бункерный уголь. Пришлось пустить в котельные топки все, что было способно гореть. С трудом достигнув борта судна, “Федор Литке” принял уголь” [Дальневосточное..., 1980. С. 149–150].

Совместное плавание двух судов продолжалось 13 дней. 4 февраля 1932 г. ледорез «Федор Литке» привел «Сахалин» к месту назначения, оставив его вместе с «Свирьстроем» и «Дашинг» в бух. Нагаева до открытия летней навигации. После этого, сняв с судов «почти весь бункер, оставив уголь лишь на камельковое отопление», он 11 февраля снялся опять к ледовой кромке, так как туда из Владивостока шел с полным грузом угля пароход «Бурет» в сопровождении портового ледокола «Давыдов» [Там же. С. 150].

Спустя четыре месяца, высоко оценивая важность проведенного рейса, Э. П. Берзин в приказе от 9 июня 1932 г. отметил: «Пароход “Сахалин” в январе этого года, т. е. в зимних условиях, совершил впервые в практике плавание по Охотскому морю – рейс Владивосток – Нагаево. Успех этого рейса в основном следует отнести на счет умелого и уверенного командования, исключительно хладнокровно реагирувавшего на все встречавшиеся в пути трудности. Энергии и опытности того же командования мы обязаны произведенной сейчас п/х “Сахалин” выколкой прохода во льду б/х Нагаево. Благодаря этому, пришедшие с грузом пароходы имеют возможность нормально проводить разгрузочно-погрузочные работы. Отмечая все это как достойные трудовые примеры для работников ДС, 1) выражаю благодарность капитану п/х “Сахалин” тов. Успенскому И. М. и премирую его 1000 руб., 2) выражаю благодарность старшему капитану тов. Милко А. Е. и премирую его 500 руб., 3) выражаю благодарность ст. механику п/х “Сахалин” тов. Николаеву Д. И. и премирую его 500 руб., 4) передаю в распоряжение тов. Успенского И. М. 2000 руб. для премирования особо отличившихся работников команды парохода» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 166].

В числе приехавших вместе с Э. П. Берзиным в бух. Нагаева 4 февраля 1932 г. были: Н. Ф. Андреев, Р. К. Балынь, М. Д. Бизяев, Д. И. Бойко, Д. М. Брылкин, Н. Т. Власов, Н. И. Великанов, П. Э. Григорьев, В. М. Егоров, К. Г. Калнынь, А. П. Кац, Г. О. и Э. О. Лапины, А. Д. Макаров, И. Л. Мануйленко, С. А. Нестеров, В. А. Николаев, О. И. Огнев, А. Г. Перн, И. Н. Прахов, Я. Я. Пуллериц, И. М. Рабинович, Ф. И. Рыбаков, Н. Н. Рылов, М. И. Седов, И. Л. Соловейчик, Я. М. Фейгин, М. К. Финогентов, Б. Н. Шамонов, Л. М. Эпштейн, В. М. Юркус*. Прибывший вместе с ними этап заключенных, охраняемый стрелками ВОХР, первым начальником которой (по совместительству, так как являлся и комендантом) стал А. Ф. Крупский, положил начало Севвостлагу – Северо-Восточному исправительно-трудовому лагерю, официально организованному немного позднее приказом № 287/с ОГПУ СССР от 1 апреля, подписанным Г. Г. Ягодой.

В связи с тем, что этот приказ является важнейшим документом своего времени, приведем его без каких-либо купюр: «1. Организовать Северо-Восточный лагерь ОГПУ с расположением его Управления в Среднекане. 2. В административном и хозяйственно-финансовом отношении подчинить Севвостлаг директору Дальстроя – тов. Берзину Э. П. 3. Контроль и административное руководство Севвостлага возложить на ППП ОГПУ по ДВК. 4. В 1932 году, в сроки и в количествах, определяемых Дальстроем и сообщаемых ГУЛАГу заранее (не менее чем за мес.), выделить для вновь формируемого Севвостлага 16 000 вполне здоровых заключенных с соответствующим количеством административно-хозяйственного лагерного персонала и охраны из заключенных. Укомплектование производить за счет контингентов Дальлага ОГПУ. <...> 6. Направляемые в Севвостлаг ОГПУ заключенные должны быть соответствующим образом одеты, снабжены на весь путь следования предметами довольствия и хозбихода, а также с ними должны быть направлены их личные дела и все другие необходимые документы. 7. Все расходы как по перевозке аппарата и заключенных в Севвостлаг, так и по дальнейшему их содержанию и обслуживанию на месте, а также по обратной перевозке освобождаемых

*Это наиболее полный пофамильный список вольнонаемных дальстроевцев, приехавших на пароходе «Сахалин». Впервые составлен автором по данным ряда государственных и ведомственных архивов.

заклученных относятся на средства Дальстроя. 8. Текущее снабжение Севвостлага ОГПУ всеми видами довольствия осуществляется аппаратом Дальстроя за его счет. 9. Оплата рабочей силы из заключенных производится Дальстроем по ставкам, существующим для вольных рабочих этого района, за вычетом стоимости их содержания» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 8].

После высадки на лед и последующего прибытия на берег бух. Нагаева началось обустройство вольнонаемных дальстроевцев и этапированных заключенных. Часть руководства Дальстроя, в том числе и Э. П. Берзин, решили обосноваться в долине речки Магадан. Один из участников этого переезда К. Г. Калнынь вспоминал: «Проехали Нагаево. Дальше наша дорога идет на подъем. На вершине холмика, на той стороне, куда ведет дорога, начинается лес – тайга... С громким пыхтением и прерывистым чиханием наш “стальной конь” – старый полуразбитый трактор – тащит за собою большие сани, сколоченные из бревен и нагруженные нашими палатками... По дороге то и дело попадались группы подвыпивших “старателей”. Одна из таких групп численностью в пять-шесть человек шумно преградила нам дорогу, приветствуя изысканным матом. Среди них и одна женщина с красивым, но испорченным румянами лицом. Один из приискателей, которого с трудом держали ноги, пытался забраться на наши сани, но ноги изменяли ему, и он растянулся на земле, уткнувшись лицом в рыхлый снег. Товарищи его спокойно поплелись дальше, горлая похабицу. Одетая вся эта группа была не по сезону легко. На всех широкие плюсовые шаровары, перехваченные кумачовыми поясами, за которыми были заткнуты большие ножи. Впечатление от этих людей было такое, точно мы попали в какой-то чужой мир, далекий от того, откуда мы прибыли... День давно угас, когда мы достигли домика на конной базе... Наш домик представлял собой небольшой сруб, состоящий из одной комнаты 5×3 метра, без крыши, дверь вся в щелях, выходила прямо на улицу. Посреди комнаты стояла железная печка и небольшой столик; вдоль стен, тесно одна к другой 4 койки. Это – вся наша “обстановка”» [Эзеретис, 1936. С. 72].

8 февраля 1932 г. Э. П. Берзин издал приказ № 1 по Дальстрою. «Прибыв в Нагаево и приступив к исполнению обязанностей, – отмечалось в нем, – приказываю: § 1. Впредь до введения организационной схемы Дальстроя сохранить внутреннюю структуру аппаратов Управления приисками, Продснаба и Дорожной экспедиции. § 2. Моим помощником по Управлению приисками назначаю тов. Улыбина Н. Ф. На тов. Домбака Д. Е. возлагаю обязанности моего помощника по вопросам снабжения и транспорта. Моему помощнику тов. Балынь Р. К. получаю руководство работой планово-финансовой, экономики труда и по кадрам. За собою оставляю общее управление делами треста и непосредственное руководство капитальным строительством... § 3. Начальником транспортного сектора назначаю тов. Лапина Э. О. с возвращением тов. Романова А. Г. к исполнению прямых обязанностей по заведованию гужетранспортом... § 4. Заведующим транспортом назначаю тов. Лапина Г. О. с оставлением тов. Геренштейна А. И. в должности его помощника... § 5. Начальником снабжения остается тов. Пекарский А. А.... Его заместителем назначаю тов. Великанова А. Н.... § 6. Начальником строительного отдела, объединяющего работы по промышленному, дорожному и жилищному строительству, назначаю: по дорожному строительству – тов. Богданова С. Ф.... по промышленному и жилищному строительству тов. Перна А. Г. § 7. Главным бухгалтером назначаю тов. Рылова Н. Н. с оставлением тов. Звягина И. В. в должности заместителя главного бухгалтера... § 8. Заведующим секретной частью назначаю тов. Калнынь К. Г. с откомандированием тов. Егорова В. М. в мое распоряжение...» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 10–11].

Параграф первый этого приказа явился следствием подписанного в тот же день последнего приказа тогда еще находившегося в должности заместителя управляющего Главного Колымского приискового управления (ГКПУ) Д. Е. Домбака. Исходя из Постановления СТО СССР от 13 ноября 1931 г. и прибытия в бух. Нагаева руководства нового государственного треста, он констатировал факт перехода всего управления в ведение Дальстроя. В связи с этим Д. В. Домбак сложил свои полномочия в ГКПУ и почти тут же получил новое назначение (с 16 марта 1932 г. возглавил Управление Утинского группового приискового управления).

Подобные передачи стали происходить повсеместно как в Нагаево, так и в Магадане. С 17 февраля 1932 г. в ведение строительного отдела Дальстроя перешли все строительные объекты, которые велись отделом капитального строительства, отделом продснабжения, транспортным отделом и дорожной экспедицией бывшего ГКПУ [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 29]. 20 февраля 1932 г. на базе нескольких небольших магазинов и ларьков Дальстрой открыл Нагаевский объединенный магазин [Там же. Л. 36]. С 22 февраля 1932 г. в ведение Дальстроя перешла бывшая культбазовская больница вместе с аптекой и аптечным складом [Там же. Л. 38], а с 8 марта еще только формирующемуся Севвостлагу были переданы столовая, жестяная, слесарная, пошивочная и сапожная мастерские отдела местных предприятий [Там же. Л. 50].

Находившаяся в нескольких километрах от Магадана молочная ферма, ранее принадлежавшая Всесоюзному объединению «Цветметзолото», была отдана под непосредственное наблюдение и оперативное руководство О. И. Огнева [Там же]. Столовая и пекарня также отошли к Дальстрою [Там же]. При этом, налаживая трудовую дисциплину, помощник Э. П. Берзина по гостресту Р. К. Балынь издал приказ, в котором «за умышленное недокармливание коров и за нанесение ударов скоту палкой» объявил «строгий выговор с предупреждением» рабочему молочной фермы М. И. Огнянику» [Там же. Л. 54].

Такой же выговор «за систематическое оставление без наблюдения скота и имущества молочной фермы» был объявлен ночному дежурному Д. Н. Поленову [Там же]. В то же время Р. К. Балынь ввел в штат Дальстроя должность инструктора по огородничеству, на которую был принят Д. Г. Свиридов, с окладом 300 рублей «и плюс 40% за неуточненное время» [Там же. Л. 60]. Он же приказал «открыть врачебно-амбулаторный пункт на Магадане» со штатом 3 чел.: врач, фельдшер и санитар [Там же. Л. 57].

К этому времени все заключенные, этапированные пароходом «Сахалин», были рассредоточены (в основном как обслуга) по учреждениям и предприятиям, перешедшим в ведение Дальстроя. Согласно сохранившимся приказам, заключенный Н. Е. Лихошерский выполнял обязанности сторожа нагаевской больницы с 27 февраля 1932 г. [Там же. Л. 58]. Заключенные С. А. Головки и Г. В. Чумаков были приняты туда же с 1 марта 1932 г.: первый – дворником, второй – водовозом [Там же]. 23 апреля 1932 г. заключенный К. А. Ткачев был зачислен «в штат Нагаевской больницы в качестве конюха с окладом содержания 172 р. 80 коп. в месяц», а С. А. Головки переведен «на должность санитара с окладом 160 р. в месяц» [Там же. Д. 3, л. 10]. Согласно распоряжению № 9 по Управлению делами ДС от 19 мая 1932 г. «з/к санитар Нагаевской больницы т. Головки» считался «больным с 5 мая 1932 г.» [Там же. Л. 21]. Остальная часть заключенных продолжала обустраиваться на берегу бух. Нагаева и возводила жилища в самом Магадане, где определялись места для будущих лагерных зон в ожидании более массового летнего пополнения.

Параллельно решались другие вопросы, относящиеся к налаживанию внутренней жизни поселков. 9 марта 1932 г. Э. П. Берзин принял участие в заседании оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа (присутствовало 5 членов оргкомитета и 19 представителей от ведомств), где обсуждалось и было принято решение о переводе всех учреждений и организаций бух. Нагаева (а также по всему округу) на шестидневную рабочую неделю. Вскоре после этого помощник директора Дальстроя Р. К. Балынь подписал приказ, согласно которому для рабочих и служащих гостреста устанавливалась плата за воду (за одно ведро воды 10 коп.) и за посещение бани (1 руб. с человека). Квартирная плата продолжала взиматься по ставке, определенной постановлением оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа в конце 1931 г.: 88 коп. за 1 м² жилой площади.

«Первый этап работы Дальстроя, – вспоминал позднее Э. П. Берзин, – преследовал исключительно разведывательные цели. Экспедиция, прибывшая в бухту Нагаева 4 февраля 1932 г., должна была изучить обстановку и условия будущих работ для того, чтобы наметить конкретный план. Сведения, которыми нас снабдили в Москве, Хабаровске и Владивостоке, не могли удовлетворить даже требованиям для выработки предварительного плана... Перевозка грузов от Нагаева до Электрана представляла наибольшие трудности, так как на этом участке можно было рассчитывать лишь на небольшой конный транспорт. Если часть продовольственных грузов конным транспортом можно было отправить, то о переброске технических грузов и речи не могло быть ... После детального анализа всей обстановки решено было остановиться на тракторном транспорте, как основном... Экспедицию первой тракторной колонны готовили внимательно, обращая особое внимание на водительский состав. На каждый трактор сажали по два водителя и таких, которым можно было верить, что в труднейших условиях они не сдадут. 16 марта 1932 года первая тракторная колонна с грузами вышла из Нагаева. Наледи, крутые спуски и подъемы, пурга и жесткие морозы встречали движение колонны на каждом километре. Высылая вперед разведку для выбора маршрута и пробивая в трехметровом снегу траншеи, местами на протяжении 5–7 километров, колонна днем и ночью продвигалась вперед. Перевалили Карамкенский перевал, но еще впереди остался самый опасный враг – Яблоновый хребет, трудно проходимый, покрытый снегом и льдами. Но и он должен был сдаться, и первые четыре трактора 29 марта перевалили через его вершину, еще никогда не слышавшую стука мотора. Победа была за нами. О ней, правда, не писали, хотя это был и мировой рекорд и таким остается по сей день для переезда тракторов в дикой, горной, бездорожной тайге».

Тракторную колонну из четырех тракторов возглавляли начальник Оротуканского группового управления И. Д. Борисенко и заместитель начальника автотранспорта Дальстроя А. И. Геренштейн. После штурма Яблонового хребта она в полном составе (это были трактористы и подсобные рабочие, организованные из бригады грузчиков) и с грузом 30 марта 1932 г. достигла Электрана, а затем двинулась на сплавной пункт Хета (260 км от Магадана). Оттуда грузы были сплавлены в район золотодобывающих приисков, что делалось и далее до постройки Колымской трассы.

В связи с этим в приказе Р. К. Балыня от 4 апреля 1932 г. было отмечено: *«Вопреки шушуканью немалочисленных врагов нашей стройки, вопреки сомнениям маловеров, трактор, направляемый твердой волей пролетария, победил тайгу. Электран впервые увидел пионера социалистического строительства на Колыме – трактор Дальстроя. Тракторная колонна... доказала на деле всю силу подлинного революционного энтузиазма, всю силу непоколебимости, уверенности в победе и в достижении цели. Ее пример – лучший того, как подлинный пролетарий должен бороться за осуществление промфинплана. И. Д. Борисенко и А. Н. Геренштейн были “премированы в размере месячного оклада содержания”»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 141].

После этого тракторная колонна сделала еще 4 рейса и к началу лета вернулась с Хеты обратно в Магадан. На обратном пути она также встречалась с большими трудностями. *«Вследствие снеготаяния*

и спуска весенних вод по рекам, – писал очевидец, – тракторы вначале оставляют одни сани, затем оставляют и вторые, и, наконец, на правом берегу реки Уптар остаются два трактора до установления летнего пути. Проезжая с Элекчана в Нагаево верхом на лошади с 21 мая по 1 июня 1932 г., мне пришлось наблюдать по дороге тракторов жуткую картину всей трудности их путешествия. Дорога почти на четвертую часть всего расстояния была застлана деревьями и сучьями. Пни срубленных деревьев, несмотря на их смятые и расщепленные верхушки, торчали от земли от 50 до 100 см. По всей дороге лежали сломанные части тракторов и саней, гвозди, лопаты, топоры и кайла, оставшиеся затоптанными в снегу. Особо поражало проведение тракторов на подъеме на Яблоновый хребет. Тракторы тут выведены по одному из истоков речки Татынгичана, ручья с покато-обрывистыми бортами. Заносы снега в этом ручье достигали местами более трех метров. Здесь нужно было предварительно огрести, утрамбовать и укрепить снег выстилкой деревьями, и это было сделано на протяжении более двух с половиной километров» [Колымчанин, 1936. С. 79, 80].

Во время продвижения тракторной колонны почти все заключенные специалисты были также этапированы в места новой работы. Вместе с ними ехал и Э. П. Берзин. Он решил впервые ознакомиться с положением дел на Колыме, с развитием которой было, несомненно, связано многое из того, что требовалось для становления только что организованного государственного треста, в том числе и для его выбранного временного административного центра. В начале апреля 1932 г. Э. П. Берзин приехал на Среднекан.

«В тот же вечер, – вспоминает Б. И. Вронский, – он устроил общее собрание инженерно-технических работников. В маленькой, до отказа заполненной конторе приискового управления негде было повернуться. Около стола выделялась почти на голову выше остальных атлетическая фигура Берзина... Нам понравилась его какая-то добродушная, задушевная простота. Говорил он без всякой аффектации, с небольшим акцентом, очень доходчиво. Он рассказал нам о той огромной ответственной задаче, которая возложена на Дальстрой... Особое внимание он уделил рабочей силе. Освоение такой огромной территории требует очень большого количества рабочих и инженерно-технических работников. Даже при многочисленных льготах, которые правительство намеревается ввести для работников Дальстроя, нельзя рассчитывать на разрешение этой проблемы. Поэтому здесь будут организованы крупные исправительно-трудовые лагеря. Он сказал, что в скором времени сюда начнет прибывать эта рабочая сила, в том числе и инженерно-технические работники. Многие из них являются крупными специалистами и будут занимать командные должности. Он особенно подчеркнул, что мы ни в коем случае не должны чем-либо показывать, что они находятся на особом положении: “На работе вы должны относиться к ним так, как если бы они были вольнонаемными. Однако, с другой стороны, во внерабочее время вам не следует заводить с ними слишком близких взаимоотношений. Первое я приказываю, второе прошу учесть”. Берзин произвел на всех нас очень хорошее впечатление. Он провел пару дней на самом Среднекане, побывал на приисках, осмотрел Среднеканскую дайку, полюбовался прекрасными образцами окварцованного порфира, как корешками, пронизанного крупными вкраплениями рудного золота, и уехал обратно в Нагаево, пообещав, что в следующий раз он придет уже на автомашине по дороге, которая в скором времени соединит побережье с приисками» [Вронский, 1965. С. 57–59].

В этот период уже действовала утвержденная Э. П. Берзиным 16 марта 1932 г. новая организационная схема Дальстроя. В отдельных, наиболее важных пунктах приказа, изданного по данному поводу, говорилось: «§ 4. По линии материального сектора утвердить на 1932-й год следующую сеть: 1. Элекчанское агентство с Хетинским славным пунктом. 2. Нагаевское агентство с Ольским, Тауйским, Ямским и Арманским пунктами <...> § 7. Начальником технического сектора дирекции назначить тов. Улыбина Н. Ф. Его помощниками назначить: по эксплуатации (гл. производ. инж.) т. Эйлина М. А., по геолого-разведочным работам (гл. инж. геолога) т. Билибина Ю. А. § 8. Начальником сектора строительных работ назначить тов. Будзко П. П. Его помощниками назначить: по дорожному строительству тов. Богданова С. Ф., по жилищному строительству тов. Перна А. Г. § 9. Начальником материального сектора назначить тов. Великанова Н. И. Его помощником по транспорту назначить т. Лапина Э. О. § 10. Начальнику планово-финансового сектора т. Балынь Р. К. поручить по совместительству руководство сектором труда и рационализации. § 11. Управляющим делами треста назначить т. Францевича Н. Н. § 12. Начальником особого бюро утвердить т. Калнынь К. Г. <...> § 19. Заведующим Нагаевским агентством назначить тов. Пекарского А. А., которому в декадный срок разработать штаты пунктов агентства...» [Там же. С. 67–69].

Среди упомянутых здесь руководителей необходимо выделить Марка Абрамовича Эйлина – одного из крупных специалистов горного дела. Еще с 1917 г. он работал инженером и заместителем управляющего Ленскими золотыми приисками, а в 1927–1928 гг. – начальником горного отдела Богомолстроя. В 1928 г. по ложному доносу М. А. Эйлина арестовали и 22 мая 1929 г. осудили коллегией ОГПУ СССР на срок 10 лет лагерей. В 1929–1930 гг. он отбывал заключение в Управлении Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН), в 1930–1931 гг. – в Дальлаге (Хабаровск). 23 августа 1931 г. М. А. Эйлин был досрочно освобожден и по договору с Дальцветметзолотом направлен главным инженером Главного Колымского приискового управления.

В примечании к Положению об управлении Дальстроя, утвержденном у Э. П. Берзиным 16 марта 1932 г., также указывалось: «Служба охраны района, осуществляемая специальными воинскими частями, и исправительно-трудовые лагеря, обслуживаемые Дальстрой рабочей силой, представляют собой самостоятельные единицы и находятся, на основании специальных о том положений, в подчинении директору Дальстроя, который для непосредственного руководства ими, так же как и по линии треста, имеет заместителя» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 71].

24 апреля 1932 г. заведующий Нагаевским агентством А. А. Пекарский был освобожден от своих обязанностей «по болезни» [Там же. Л. 156]. 25 мая его исключили «из списков сотрудников Дальстроя за смертью» [Там же. Л. 160]. Согласно приказу Э. П. Берзина, жене умершего было решено «выдавать единовременное пособие в размере месячного оклада 1100 рублей, проездные до гор. Москвы и назначить пенсию в размере 1/4 месячного заработка, т. е. в сумме 275 руб. в месяц в продолжение 5 лет с 14/V 1932 года по 14/V 1937 года» [Там же]. 25 апреля 1932 г. состоялось закрытое заседание Охотско-Эвенского окружного оргбюро крайкома ВКП(б) (секретарь А. М. Пачколин). Принявший в нем участие Э. П. Берзин выступил с вопросом «Об очистке золотопромышленного района и прилегающих к нему местностей от социально-опасного элемента». По данному вопросу было принято решение, в котором говорилось: «1) Учитывая, что в связи с плохим подбором рабочей силы на прииски и рыбалки при заводе прошлых лет в золотопромышленном районе и его окрестностях (Ольское побережье) осело значительное количество уголовного элемента, скрывающихся кулаков, летунов, не желающих нигде работать, спиртоносов, картежников и скупщиков золота, признать действительно необходимой очистку указанных местностей от этого элемента. 2) Признать нецелесообразным вывоз с побережья перечисленного социально-опасного элемента во избежание засорения других предприятий. Признать, что при наличии УИТЛа на Колыме наиболее правильным будет оставление всего социально-опасного элемента здесь, в УИТЛе, при условии точного соблюдения законоположений и правил о порядке изъятия социально-опасного элемента. 3) Поручить т.т. Ану, Шеметову, Козьмину, Маслову и Златогорскому, увязавшись с т. Берзиным, выявить весь социально-опасный элемент, осевший в Оле, Гадле, Ямске, Тайске, Балаганном и Нагаево, с оформлением материалов в соответствии с требованием закона. 5) К лицам, в отношении которых не будет собрано достаточного материала для заключения в УИТЛ, применить высылку из погранполосы и золотопромышленного района на основе существующих законоположений» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 2, д. 3, л. 36].

Одновременно с этим весной 1932 г. шла организация новых предприятий, учреждений и служб Дальстроя непосредственно на территории Магадана. В связи с тем, что государственный трест создавался как полувойсковая организация, в район деятельности которого входила большая по протяженности пограничная зона, а основной рабочей силой становились заключенные, то здесь ограничивалась деятельность поселковых Советов и вводились специальные комендатуры. Такая комендатура была создана в составе Управления делами дирекции Дальстроя (комендант А. Г. Романов) и действовала затем на территории всей строящейся Нагаевской базы.

Управделами были: с 16 марта 1932 г. Н. Н. Францевич, с 9 июля А. С. Пашаев, с 8 августа Э. И. Вилемсон, с 23 октября Р. Б. Лерт, с 3 декабря В. М. Егоров, с 1 июня 1933 г. В. А. Пьянков. 7 февраля 1934 г. Управление делами преобразовано в секретариат Дальстроя «с непосредственным подчинением директору» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 7, л. 99]. До 17 июля 1935 г. должностные секретари секретариата Дальстроя занимали: А. Я. Залейкал и Н. С. Калнс, О. Д. Слабшис и А. И. Широконосков [Там же. Д. 13, л. 20].

О начале строительства Нагаевской базы и ее временном административном центре очень четко было отмечено в первом официальном отчете Дальстроя, подписанном Э. П. Берзиным. «Строительство Нагаевской базы, — говорится в нем, — охватывает не только строительство в б/х Нагаева, но и поселок Магадан, строящийся в 2,5 км от Нагаева. Устройство этого поселка вызывалось, во-первых, отсутствием воды в Нагаево, во-вторых, более удобными топографическими условиями (долина реки) и, в-третьих, лучшими климатическими условиями (меньшая туманность и т.д.), поэтому именно в поселке Магадан устраиваются автотранспортная база, и временный административный центр, и основная масса жилых зданий» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 401, л. 3].

Наиболее активное строительство Нагаевской базы, а значит, и Магадана, Дальстрой смог развернуть только с открытием навигации 1932 г., когда в бух. Нагаева стали приходить пароходы с ожидаемыми заключенными. В течение июня их количество увеличилось со 107 до 2911 чел., а в числе осужденных находились и политические. Так, в этап, привезенный на пароходе «Каширстрой» 8 июня, входили осужденные по ст. 58 УК РСФСР И. И. Бельцов, С. М. Дорфман, В. В. Пахомов, А. С. Эрастов, а в этап, привезенный на пароходе «Днепрострой» 20 июня, осужденные по этой же статье Т. В. Гаращенко, А. С. Кац, А. К. Мельник*.

Одновременно приезжали вольнонаемные рабочие и служащие. В июне 1932 г. в бух. Нагаева прибыли 231 рабочий и 328 служащих. В первом отчете Дальстроя, подписанном Э. П. Берзиным, отмечено: «Рабочая сила ДС в 1932 г. сложилась из двух категорий: во-первых, из намеченной до организации ДС рабочей силы, куда относились в районах приисков артели старателей, прибывших в районы

*Эти фамилии, как и биографии заключенных, выявлены автором в архиве СВЗ.

приисков из других районов и работавших до ДС на предприятиях Колымского Главного приискового управления, а также все другие рабочие и служащие Колымского Главного приискового управления и часть аппарата АКО после ликвидации конторы АКО. Во-вторых, рабочая сила комплектовалась как путем вербовки вольнонаемных рабочих и служащих в Москве, Владивостоке и в других городах, где имелись агентства и уполномоченные Дальстроя, так и из наличия организованной рабочей силы, предоставляемой Севвостлагом. Вербовка и наем вольнонаемных работников в течение первой половины 1932 года производились на основании условий найма (льготы), обуславливаемых постановлением ЦМК и СНК СССР от 12 августа 1932 года, причем к 1-му поясу относились работники, направляемые в Среднекан, Нагаево и Б. Невер... В договорах обуславливались: 1) единовременное пособие по переезду, 2) суточные при переезде, 3) оплата проезда, 4) оплата провоза багажа, 5) порядок увольнения вследствие ликвидации учреждения, сокращения штата, болезни, инвалидности и нарушения договора наймателем, 6) оплата при временной утрате трудоспособности, 7) порядок предоставления очередных отпусков, 8) порядок предоставления командировок для повышения квалификации, 9) льготы для детей, 10) жилищные и налоговые льготы. Снабжение обуславливалось в соответствии с особыми льготами, предоставляемыми для Дальстроя, а именно: работники предоставительств и агентств треста, а также члены семей работников, находящихся на предприятиях Дальстроя, снабжались по месту работы или жительства, помимо общепринятого в данном месте найма, по нормам госфонда. Заработная плата обуславливалась в договорах по соглашению, причем члены ВКП(б) и ВЛКСМ оплачиваются по занимаемой должности без ограничения партмаксимума с ежегодной надбавкой к зарплате в соответствии с особыми льготами для Дальстроя: для работников 1-го пояса 20%. С 1 июня 1932 года... внесены в приведенные выше условия найма некоторые изменения. Например, к 1-му поясу отнесены: приисковые районы, Нагаево, Ола, Ямск, Тауйск, Среднеколымск и Нижнеколымск...» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 401, л. 58].

Обустройство этапируемых заключенных (как и прибытие предыдущих) вызвало озабоченность руководства Дальстроя. Поэтому уже 8 июня 1932 г. управляющий делами Государственного треста Н. Н. Францевич издал оперативное распоряжение, являвшееся руководством к действию: «По склонам гор бухты Нагаева и Средниканской дороги наблюдается сплошная рубка молодняка, проводимая хозяйством и другими секторами. Уничтожение такового влечет за собой много вредных последствий, как-то: ставит поселок Нагаево под угрозу ветров. Уничтожение молодняка в эсертниковом возрасте лишает местность зелени и обрекает на невозможность восстановления леса, тем самым нарушает приказ по стройконторе о недопустимости рубки в придорожной полосе. В целях сохранения вышеуказанного всем секторам, не имеющим на то разрешение, а также и индивидуальным лицам категорически запрещается производить порубку...» [Там же. Д. 3, л. 31].

8 июня 1932 г. в бух. Нагаева приехал Я. С. Лившиц, а с ним большая группа ИТР, часть из которых до этого строила вместе с Э. П. Берзиным Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат. Э. П. Берзин хорошо знал Я. С. Лившица и назначил его не только своим заместителем, но и исполняющим обязанности директора Государственного треста на время своей длительной (более 5 мес) командировки на «материк». Цели командировки касались вопросов как промышленного и дорожного освоения Колымы, так и ее дальнейшего административно-территориального управления. Таким образом, на Я. С. Лившица возлагалось выполнение особо важных задач по развертыванию самого активного строительства Нагаевской базы и началу прокладки Колымской трассы вплоть до Элекчана, а кроме того — контроль за выполнением другой, порученной ему лично Э. П. Берзиным задачи. В связи с этим последний назначил новым начальником строительного сектора Дальстроя только что приехавшего «вишерца» В. Д. Мордухай-Болтовского, а П. П. Будзко отстранил от должности с последующим назначением на другую, не менее ответственную.

В принятом ЦК ВКП(б) 11 ноября 1931 г. Постановлении «О Колыме» одним из пунктов было записано: «Считать необходимым в приисковом районе создать промышленный город, для чего распланировать его соответствующим образом с тем, чтобы на месте этого города уже теперь приступить к постройке домов, бань, школ, столовых, больницы, красных уголков, кино и т. д. Выбор места постройки города определить Берзину»*. Это и был тот задуманный заранее постоянный административный центр Колымы, куда после завершения строительства Нагаевской базы и временного административного центра намечалось переехать всему руководству Дальстроя.

Так как «приисковым районом» к лету 1932 г. считался район Дебина — Урутукана (так официально писался тогда Оротукан), поэтому туда, исходя из указаний Э. П. Берзина, и была организована Я. С. Лившицем специальная экспедиция. В ее состав вошли начальник работ экспедиции П. П. Будзко, инженер плано-проектного бюро строительного сектора Дальстроя М. Ф. Булычев, техники А. Г. Перн и Н. Д. Андреев, конюхи П. И. Кобелев, А. М. Михайловский, И. Ф. Хромов.

Посланная «для выбора места постройки города в районе Колыма — Дебин — Урутукан» экспедиция должна была: а) по прибытии в район Дебина «связаться с геодезической партией»; б) по ознаком-

*Полный текст этого документа был обнаружен автором в архиве УФСБ по Магаданской области при работе с делом № 17777 о «подпольной Колымской организации», якобы возглавляемой Э. П. Берзиным.

лении с местностью дать геодезической партии задание «заснять необходимые участки, исходя из технического задания, данного стройсектором и утвержденной дирекцией»; в) подготовить материалы заснятых участков к моменту возвращения экспедиции. С заданием и геодезическая партия, и экспедиция справились даже раньше установленных сроков. Однако строительство «промышленного города» в районе Дебина и Урутукана так и не началось, ибо потом появился новый вариант.

В то же время получившее инженерно-техническое пополнение руководство Дальстроя, возглавляемое Я. С. Лившицем, сформировало (еще до отъезда М. Ф. Булычева) в составе планово-проектного бюро строительного сектора Государственного треста (начальник бюро – инженер С. П. Парадилов) так называемую строительную группу из 5 чел.: старшего инженера А. И. Внучкова, инженеров-проектировщиков А. И. Кляна, В. А. Полякова, техникув-конструкторов Г. Н. Никифорова, М. Г. Турицына. Чертежницей в планово-проектное бюро записали Н. И. Долинскую. Объединенные таким образом прибывшие специалисты тут же приступили к проектированию работ, касающихся Нагаевской базы, хотя до настоящего времени подготовленные ими проекты не сохранились. Однако они выполнялись (и даже перевыполнялись) согласно принятым срокам, о чем свидетельствуют приказы по Дальстрою 1932 г.

Наличие кадров инженерно-технических работников, развертывание проектирования, что привело к составлению определенного перспективного плана, прибытие новой рабочей силы – заключенных и организация с 1 июля 1932 г. 1-го (Нагаево-Магаданского) строительного участка (района) дали толчок намечавшемуся большому строительству. Однако оно развернулось не совсем так, как предполагалось. *«С самого начала строительства, – отмечал начальник Нагаево-Магаданского строительного района М. А. Заборонок, – мы столкнулись с некоторыми особенностями строительства здесь... Намеченный нами план работ на III квартал с самого начала строительства оказался уже не осуществимым. Это произошло потому, что по прибытии двух пароходов в течение полутора месяцев не было больше пароходов, а следовательно, не было ни людей, ни материалов... Рабочая сила 1-го стройучастка состояла преимущественно из заключенных, причем с самого начала мы получали совершенно неквалифицированную рабочую силу. Так, например, к концу 3-го квартала мы имели всего 112 человек плотников, остальные – чернорабочие. Последних также было недостаточно для того, чтобы можно было из них начать делать плотников... В течение III квартала нам пришлось вести большую работу по лесозаготовкам. Нужно сказать, что эта работа была очень трудной, а нам в тот период ежедневно требовалось до 150 штук бревен. Доставка бревен проходила с огромными трудностями, сплавом по совершенно неславной реке Магадан. Чтобы сделать русло реки более удобным для сплава, пришлось вспахать дно Магадана трактором. Рабочие по пояс в воде тащили сплавляемый лес. Другого способа для доставки леса не было... Кроме того, в особенности для Нагаевского строительства, нами проводилась заготовка леса в районе Корейского ключа также в чрезвычайно тяжелых условиях: на сопках происходила валка леса, затем он доставлялся к берегу моря, там из бревен делали плот, который сплавлялся до Нагаева исключительно на людях...»* [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 86–87].

До осени 1932 г. в составе Нагаево-Магаданского строительного района существовала специальная лесозаготовительная часть. С 1 сентября она была переименована в лесозаготовительный участок, а чуть позднее – в Приморский лесозаготовительный район. В общей сложности из этого подразделения Нагаево-Магаданского строительного района к концу 1932 г. было «поставлено по р. Магадан» 2 тыс. м³.

Из этого же леса были построены здание лесопильного завода, временные здания строящегося кирпичного завода на левом берегу р. Магадан, ряд контор для учреждений Дальстроя, около десятка бараков, бани, амбулатория, столовая для инженерно-технических работников, двухквартирный дом, в котором проживали уже упомянутый В. Д. Мордухай-Болтовский и только что приехавший со строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината А. Н. Пемов, а также еще ряд других зданий. Возводили и довольно редкие для Колымы строения – фанерные бараки. При этом М. А. Заборонок особо отметил: *«Те из фанерных бараков, которые мы успели оштукатурить и утеплить войлоком, как, например, барак, где помещается дирекция, барак, где находится квартира Лившица, и другие, представляют из себя довольно приличные жилые помещения. Конечно, все эти постройки – временного типа, но другого выхода, как перейти к строительству этого типа, у нас за недостатком материалов не было».*

В то же время, уже в разгар навигации 1932 г., в бух. Нагаева в разобранном виде были завезены с «материка» 13 двухэтажных стандартных щитовых домов, делившихся на «комнатные» и «квартирные». Под каждый из них выбрали место, подготовили строительную площадку, а затем приступили к сборке, которая затягивалась как из-за нехватки рабочих, так и из-за отсутствия навыков к данной работе. Поэтому часть отдельно взятых щитов была использована другими организациями для их чисто хозяйственных целей. Но, как свидетельствуют документы, *«щиты от стандартных домов употреблялись с таким расчетом, что их в любой момент можно было изъять и употребить для сборки домов».*

Таким образом, к концу 1932 г. были собраны и введены в строй всего три «стандартных комнатных дома» общей площадью 1206 м². Одновременно с этим рабочие из заключенных Севвостлага, лагерные командировки которого располагались уже во многих районах Магадана и Нагаева, построили дорогу от бух. Нагаева до Магадана, 600 м дороги в самом Магадане, провели работы по постройке

узкоколейной железной дороги к близлежащему лесному массиву общей протяженностью 7 км. В конце июля 1932 г. между Магаданом и Нагаево стал курсировать первый автобус.

«Чтобы получить назначение на работу, – рассказывал инженер-топограф С. А. Клейменов, – дальстроевцы двигались из Нагаево через перевал к речке Магаданке, где на расчищенной от леса площадке строилось первое деревянное здание гостреста. Проектировщики и изыскатели выстроили для себя два одноэтажных барака. Основная часть прибывающих в 1932 г. работников размещалась в небольших палатках, в каждой – по 4 человека. Так, в 1932 г. даже появился большой “ситцевый городок”, состоявший из 60 палаток разного цвета. Располагался он в районе нынешней улицы Пролетарской, там, где позднее стоял посудо-хозяйственный магазин».

Дополняя воспоминания С. А. Клейменова, Г. Ф. Медвецкий писал: «Если по теперешнему проспекту имени Ленина в Магадане подняться наверх, миновав телевышку, спуститься по Нагаевской улице к бухте, то мы попадем примерно как раз к тому месту, где в 1932 г. высадились на берег прибывшие на Колыму специалисты и рабочие. Отсюда наверх, через густые заросли стланика и лиственничные редколесья, пролегла просека. Перевалил через сопку, на которой высится корпус областной больницы, она спускалась вниз, к реке Магаданке».

«В июне 1932 г., – говорится еще в одной из публикаций, – в Нагаево прибыла большая группа инженеров, геологов и рабочих. Начальником строительного сектора назначается инженер В. Д. Мордухай-Болтовский. Высокообразованный инженер-путеец с большим опытом, он принял активное участие в организации строительных работ и разработке перспектив развития капитального строительства на территории Дальстроя. На углу улиц К. Маркса и Советской стоял, круто накренившись, небольшой, почерневший от времени, одноэтажный домик. Он был построен в самом начале 30-х гг. и стоял здесь, окруженный трехсотлетними прямоствольными лиственницами; к нему вели едва заметные тропки, которыми пробирались, возвращаясь из тайги, первые изыскательные партии Дальстроя. Живший в этом доме В. Д. Мордухай-Болтовский охотно делил свой скромный кров с изыскателями – больше им остановиться, переночевать, привести себя в порядок после многих недель таежной жизни было негде. Тогда не было ни города, ни гостиниц, ни разноцветного ситцевого городка – палаточного лагеря, возникшего несколько позже (примерно там, где сейчас находится средняя школа № 2)» [Гергенов, Ланкин, 1985. С. 37].

Не менее значимы и колоритны воспоминания И. Г. Угрюмова. «В Нагаево, – писал он, – я приехал в ноябре 1932 г. на пароходе “Волховстрой”. На всю жизнь запомнил этот день. Было это накануне 15-й годовщины Октября. Там, где сейчас Портовая улица, лежало сплошное снежное поле, из-под сугробов торчали ветки стланика. А по другую сторону – густой лес. От него кое-что осталось в нынешнем парке. Лес тянулся до того места, где потом возник промкомбинат. Из тонкого леса делали настил на дорогах, особенно там, где полотно заливалось водой. Вся Пролетарская улица была выстлана жердями. Колымская трасса по ту сторону Магаданки – тоже. По левому берегу Магаданки росла лоза, а повыше – лес был. Его валили для строек Магадана. Лес по склону сопки спускали по желобам к железной дороге (была построена узкоколейка), а по ней на платформах везли к шоссе. Паровоза не было, и в платформы запрягали лошадей. В то время я возил лес по узкоколейке в Магадан. Дорога была такая, что больше двух рейсов за день не сделаешь. Тогда же в палаточном городке у бухты Нагаева жили грузчики. Другой городок из брезентовых палаток стоял там, где сейчас проспект Карла Маркса уходит от универмага “Восход” к Парковой улице. Это была “транзитка” с медпунктом, пекарней и походной кухней. А рабочий палаточный городок продбазы располагался рядом с продкомбинатом. Палатки стояли на углу улицы Пролетарской и нынешнего проспекта Ленина. Управление треста “Дальстрой” помещалось в глинобитном домике. Стоял он примерно там, где сейчас “Северовостокзолото”, а рядом также находились палатки».

Выступивший на закрытом партсобрании партколлектива Дальстроя 16 октября 1932 г. в «пос. Магадан» Я. С. Лившиц сказал: «Со стоящими перед нами задачами в известной степени мы справились: добились, что грузы на берегу не валяются, а уходят в определенные для них места. Болото между Нагаевым и Магаданом мы обратили в дорогу и тем самым решили задачу переброски грузов с берега. Если не сможем дать дорогу до Элекчана, то сделаем так, чтобы смогли двигаться на машинах» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 58].

В период отъезда Э. П. Берзина на «материк» Я. С. Лившицу пришлось решать и ряд вопросов, связанных с медико-санитарным состоянием в зоне строительства временного административного центра Колымы. В частности, это касалось погребения умерших, так как было признано, что «существующее кладбище для поселков Нагаева и Магадан (так в тексте. – А. К.), расположенное в районе дорожных магистралей на открытом месте, не соответствует санитарным требованиям» [ГАМО, ф. р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 115]. В принятом по этому поводу приказе Я. С. Лившица № 166 от 17 октября 1932 г., основанном на заключении начальника медсанбюро Я. Я. Пуллерица, говорилось: «§ 1. На означенном кладбище погребения умерших прекратить, огородив последнее колючей проволокой. Для кладбища отвести площадку на старой дороге от Нагаева к Магадану вправо на 500–600 метров, где имеется для этой цели удобная площадка... § 2. Для постоянного вывоза нечистот и мусора из поселка Магадан установить место свалки по дороге от конной базы к опытной с/хоз. станции на расстоянии 600 метров от поселка. Коммунальному подотделу предлагается в 10-дневный срок расчистить для

сжигания мусора площадку размером 15×30 метров, окопав ее канавой размером 1 метр ширины и полметра глубиной, также вырыть яму для вывоза нечистот размером 5×5 метр., глубиной 2 метра. Воспретить вывоз нечистот и мусора в какие-либо другие места. В районе свалок на расстоянии 20 метров отвести место для скотомогильника» [Там же].

К концу 1932 г. заключенных Севвостлага, ставших основной рабочей силой Дальстроя, кроме строительных работ использовали и на многих других предприятиях и в учреждениях Магадана. При этом они считались расконвоированными, т. е. находящимися на особом режиме, разрешающем им, в частности, проживание вне лагерной зоны и свободное хождение по территории населенного пункта. В основном это были подсобные рабочие, обслуга, а также часть «политических», принимаемых в учреждения или на предприятия в качестве бухгалтеров, водителей, дорожников, врачей, артистов, библиотекарей и т. д. Находясь на работе, они трудились столько же, сколько и вольнонаемные того или иного учреждения и предприятия, получали такую же заработную плату, как и они. Но из зарплат заключенного вычитывались расходы за содержание в лагере, а они не всегда были постоянными в Севвостлаге, хотя и при этом давали расконвоированному определенную сумму на вполне сносное существование или на отсылку семье, если она имелась в наличии. Такой режим содержания заключенных в Магадане, который все больше становился центром Нагаевской базы, считается относящимся только к так называемому берзинскому периоду (1932–1937) и характеризуется как сравнительно «мягкий», «щадящий».

И здесь необходимо отметить, что даже при таком «мягком», «щадящем» режиме заключенные Севвостлага, а вместе с ними и вольнонаемные работники и служащие Дальстроя, подавляющее большинство которых трудилось в районе строительства Нагаевской базы, подверглись серьезным испытаниям в борьбе с таким страшным колымским заболеванием, как цинга, продолжавшимся на протяжении всего 1932 г., и даже позднее.

Строитель В. И. Субботин, приехавший в бух. Нагаева на пароходе «Каширстрой» 8 июня 1932 г., вспоминал: «Наш “Каширстрой”, выгрузившись на лед, которым была покрыта почти вся бухта, затем должен был уйти в обратный рейс. Мы, молодые ребята, наблюдали за посадкой людей. Это был какой-то кошмар. Никто из уезжающих не шел на собственных ногах. Посадку осуществляли пограничники и работники административных органов, которые несли людей на руках или на носилках, кое-кто шел на костылях. Это были работники Цветметзолота, которых заменяли дальстроевцы. Все они болели цингой».

В. И. Субботин застал период наибольшего распространения цинги, который на Колыме обычно приходился на всю весну и начало лета. В частности, весной 1932 г. население пос. Нагаево и Магадана было на 80% «поражено цингой в той или другой степени». Всего с июля по декабрь 1932 г. во Владивосток из бух. Нагаева было отправлено 666 больных цингой и 105 – «по инвалидности». По тому времени это были большие цифры, которые к концу 1932 г. еще оставались стабильными, но затем врачи Санитарного управления Дальстроя нашли эффективное средство для борьбы с цингой – настой из повсеместно растущего на Колыме стланика.

«Способ приготовления настоя очень прост, – отмечал начальник Санитарного управления Дальстроя Я. Я. Пуллериц. – Берут зеленые части стланика – метелку, в чистой посуде заваривают горячей водой при температуре воды не свыше 60 градусов Цельсия (более горячая вода и кипячение разрушает противоязвенный витамин), настаивают в течение суток, а потом сливают в другую чистую посуду, и настой к употреблению готов. Готовить его следует не больше чем на три дня. Для лечебных целей требуется принимать ежедневно по пол-литра настоя (утром и вечером), а в целях профилактики через день тоже по пол-литра» [Пуллериц, 1933].

Борьба с цингой в какой-то мере совпала с жесточайшим штормом, который пронесся в конце 1932 г. над бух. Нагаева и имел сокрушительные последствия. В сохранившихся документах он именуется «ледовым», потому что таковым был сразу воспринят современниками. Один из них по этому поводу записал: «Ледовым штормом в ночь с 23 по 24 ноября 1932 г., продолжавшимся с часу ночи 23 ноября до шести утра, все имеющиеся плавационные суда Совторгфлота в бухте Нагаева были разбиты и разнесены в разные места бухты, а некоторые из них были унесены в открытое море и выбиты на острова, расположенные в 30–40 милях от Нагаева. После шторма обледеневшие суда были наступившими холодами заморожены во льду и занесены снегопадом до такого состояния, что некоторые из них оказались незаметными».

С последствиями ледового шторма ознакомился директор Дальстроя Э. П. Берзин, прибывший в бух. Нагаева из «материковской» командировки 28 ноября 1932 г. Вместе с ним приехала и его семья: жена Эльза Яновна, дочь Мирдза и сын Петр. Позднее Мирдза Эдуардовна вспоминала: «В конце 1932 года наша семья переехала в Магадан. Пароход не мог подойти близко к берегу. Бухта была полна каши – “сала”. Высаживались на шлюпках, которые тоже не могли причалить к берегу. У папы были высокие сапоги, и он меня, брата и маму выносил на руках. Как приятно было после 12-дневного морского путешествия очутиться на берегу, тем более, что почти все 12 суток ужасно штормило. Стоял ноябрь, по моим понятиям осень, а здесь уже выпал снег, так что из Нагаева в Магадан мы ехали на санях. Хотелось поскорее увидеть Магадан и дом, в котором будем жить».

Вскоре было принято решение о передаче всего имущества и всех оставшихся в бух. Нагаева плавсредств, принадлежавших до этого времени Совторгфлоту, в ведение Дальстроя, который организовал свое Управление морского транспорта во главе с Э. О. Лапиным. Подобная передача полномочий стала не самой главной и далеко не единственной в Дальстрое. Согласно Постановлению СТО СССР № 138/398с от 28 октября 1932 г., районы деятельности Охотско-Эвенского национального округа на Колыме и Охотском побережье (Ольский, Среднеканский и Северо-Эвенский) переходили в сферу деятельности государственного треста. В то же время административные функции по их руководству стали осуществляться «т. Берзиным как уполномоченным край-исполкома» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 1, л. 146], а члены окрисполкома должны были покинуть Нагаево и выехать в Охотск.

Принятое постановление СТО СССР не являлось абсолютно неожиданным. О подобном решении члены Охотско-Эвенского окружного оргбюро крайкома ВКП(б) узнали еще летом 1932 г., что сегодня подтверждается выявленными нами архивными документами. Так, в постановлении Охотско-Эвенского окружного оргбюро крайкома ВКП(б) от 10 июля 1932 г. говорится: «Категорически настаивать в случае перевода центра округа на Аян и категорически возражать против Охотска... Приступить к подготовке переброски окружных организаций в новое место. Всю подготовку провести тов. Зеленскому» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 1, д. 3, л. 50].

26 сентября 1932 г. это постановление уже было детализировано. На очередном заседании Охотско-Эвенское окружное оргбюро крайкома ВКП(б) приняло решение: «1. Перенесение окружного центра в Охотск считать нецелесообразным по следующим мотивам: а) Охотск находится на краю округа в его новых границах... б) В Охотске совершенно нет свободного жилищного фонда и нет леса для производства построек. 2. Окружной центр перенести в Аян, находящийся в центре округа, где имеется возможность строительства из местного стройматериала. Просить санкции по этому вопросу. 3. Ввиду невозможности из-за позднего времени перенести окружной центр в текущем году, организовать переезд летом 1933 года, проведя в течение зимы соответствующую подготовку в Аяне. Основную часть работников окружного командировать зимним путем в окружные бригады по оставшимся районам» [Там же. Л. 72].

После этого созидательная работа оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа привела к созыву Первого окружного съезда Советов, состоявшегося в октябре 1932 г. В материалах к отчетному докладу на съезде отмечено: «Национальный округ был организован из Тугуро-Чумиканского, Аянского, Охотского, Ольского и части Пенжинского районов ДВК и двух районов ЯАССР – Нельканского, Сеймчанского и части Оймяконского. В составе округа Нельканский район присоединен к Аянскому, образовав Аяно-Майский район, территория Оймяконского района присоединена к Охотскому и Сеймчанский район присоединен к Ольскому, образовав Ольско-Сеймчанский район. В декабре 1931 года, ввиду экономических особенностей и промышленного значения, бывш. Сеймчанский район выделен в самостоятельный Среднеканский район, а затем особым постановлением крайисполкома в апреле 1932 года выделен из состава округа в самостоятельную единицу и подчинен непосредственно крайисполкому. Округ расположен полосой по побережью Охотского моря, имеет береговую линию 3300 километров и в ширину от 100 до 500 км... Существующие в настоящее время окружные административные границы в некоторой части нарушают причины производственного национального и экономического районирования Дальнего Севера и требуют уточнения. Оргкомитетом поднят вопрос перед Далькрайисполкомом о ходатайстве последнего перед правительством о частичном изменении внешних границ Охотско-Эвенского национального округа... Особое место в округе занимает трест “Дальстрой”. Трест этот является предприятием союзного значения и по особому решению крайисполкома выделен из руководства округа и подчинен непосредственно краю. Хотя производственная база ДС находится в Среднеканском районе, все же на территории Ольского района имеется мощная перевалочная база, связанная с дорожным строительством, местными заготовками, созданием животноводческой и огородной базы. Все это превращает окружной центр Нагаево в рабочий городок с населением в несколько тысяч человек и не может не отразиться на общем экономическом развитии Ольского района» [НФ ГАХК, ф.р-291, оп. 1, д. 11а, л. 49–50, 54].

Первый окружной съезд Советов избрал окрисполком Охотско-Эвенского национального округа. Председателем окрисполкома стал кандидат в члены ВКП(б) Семен Григорьевич Узницкий. 27 октября 1932 г. он издал приказ, в котором говорилось: «Согласно постановления 1-го пленума окрисполкома с сего числа приступил к исполнению своих обязанностей» [ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 2, л. 1]. В состав избранного президиума окрисполкома, кроме С. Г. Узницкого, вошли Ефим Степанович Полетаев (секретарь окрисполкома), Анатолий Николаевич Косых (секретарь окружного комитета ВКП(б)), Август Янович Калнин (председатель контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции), Николай Тимофеевич Афонин (заведующий окружным финансовым отделом), Дмитрий Петрович Соснин (заведующий окружным земельным управлением), Николай Леонтьевич Колесов (заведующий окружным культурно-социальным отделом), Илья Сергеевич Абрамов (председатель Ольского райисполкома), Иван Николаевич Бубнов (начальник окружной милиции) и Виктор Оттович Банга (начальник Охотско-Колымского погранотряда).

Кандидатами в члены президиума окрисполкома были избраны секретарь окружного комитета ВЛКСМ Иван Иванович Дворников, председатель Нагаевского поселкового Совета Андрей Осипович

Осипов, шофер Дальстроя Иван Михайлович Крысанов. 5 декабря 1932 г. на заседании окрисполкома было принято решение: «Разрешить с 20 декабря выезд в Аяно-Майский район председателю окрисполкома тов. Узникому, членам президиума т.т. Калинин, Колесову и члену окрисполкома Дворникову...» [НФ ГАХК, ф.р-291, оп. 1, д. 5, л. 40].

В течение последующих нескольких месяцев Охотско-Эвенский окрисполком переехал на новое место. На заседании 20 марта 1933 г., состоявшемся в с. Аян, он принял решение: «Ввиду приезда в Аян значительной части членов президиума окрисполкома во главе с председателем, административным центром с сегодняшнего дня объявить Аян, с Нагаево же даются лишь технические указания и выполняется вся техническая работа до переезда всего технического аппарата в Аян, о чем сообщить в крайисполком» [Там же. Д. 3, л. 50].

7 июля 1933 г. в Аян приехали последние сотрудники окрисполкома. В их числе были заместитель председателя окрисполкома Д. П. Соснин, новый секретарь окрисполкома И. И. Леденев. Ставший затем председателем Охотско-Эвенского окрисполкома А. И. Зеленский был освобожден от занимаемой должности после исключения из рядов ВКП(б) 11 апреля 1934 г. На его место избрали Д. П. Соснина. После этого Охотско-Эвенский национальный округ просуществовал совсем недолго.

По данным бывшего партийного архива Хабаровского крайкома КПСС [ф. 2, оп. 1, д. 595, л. 1960], еще тогда, когда из состава Охотско-Эвенского национального округа были выделены и переданы Дальстрою Ольский, Северо-Эвенский и Среднеканский районы, а остались Охотский, Аяно-Майский и Тугуро-Чумиканский, то И. В. Сталин написал первому секретарю Дальневосточного крайисполкома Лаврентию Иосифовичу Лаврентьеву (Картвелишвили): «Т. Лаврентьев! Обратите на это внимание».

22 июня 1934 г. в составе Дальневосточного края была организована Нижне-Амурская область с центром в г. Николаевске-на-Амуре. В связи с этим Охотско-Эвенский национальный округ был реорганизован. Дальневосточный крайком партии принял об этом решение 23 сентября 1934 г. Охотский, Аяно-Майский и Тугуро-Чумиканский районы вошли в состав Нижне-Амурской области.

5 декабря 1932 г. Э. П. Берзин издал приказ, утверждающий еще одну организованную структуру Дальстроя и характеризующий его взаимоотношения с Севвостлагом: «Опыт работы Дальстроя показал, что существующая ныне организация его и взаимоотношения с Севвостлагом не соответствуют территориальным и другим условиям работы треста, почему в целях приведения в соответствие организационной структуры с требованиями развернувшейся работы, а также в целях наиболее рациональной организации и управления хозорганами, обеспечивающих тесную органическую связь аппарата Дальстроя и Севвостлага, достижение наибольшей экономии, путем ликвидации параллельных аппаратов и осуществления сверху донизу принципов единоначалия – объявляю: 1. Прилагаемую схему организации Дальстроя и Севвостлага утвердить. 2. Общее руководство всей работы Дальстроя и Севвостлага осуществляется мной и моим заместителем т. Лившиц Я. С. с возложением на последнего непосредственного руководства работой Управления капитального и дорожного строительства и Управления транспорта. 3. Начальник Севвостлага т. Васьков Р. И. является моим помощником по Дальстрою с возложением на него, помимо непосредственного руководства работой Севвостлага, также и руководства работой сектора труда и рационализации. 4. На моего помощника т. Бальнь Р. К. возлагается непосредственное руководство работой сектора снабжения и кооперативной секции. 5. Мой помощник т. Пемов А. Н. назначается начальником Управления по добыче полезных ископаемых. 6. Начальниками секторов являются следующие: планово-финансовый сектор – т. Евгеньев П. Е., сектор труда и рационализации – т. Халиков Г. А., сектор снабжения – т. Великанов Н. И., Управляющий делами – т. Егоров В. М. 7. Начальником Управления транспорта назначается т. Лапин Э. О. 8. Начальником Управления сельского хозяйства и рыбных промыслов назначается т. Гартман С. С. и приказываю: § 1. Технический сектор реорганизовать в Управление по добыче полезных ископаемых. § 2. Строительный сектор реорганизовать в Управление капитального и дорожного строительства. § 3. Нагаевское агентство ликвидировать, передав: а) торговую сеть и предприятия общественного питания в ведение сектора снабжения, б) медицинское учреждение, коммунальное хозяйство и радиостанцию в ведение управления делами, в) сельскохозяйственные предприятия и пункты в ведение Управления сельского хозяйства и рыбных промыслов...» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 171].

До реорганизации заместителем начальника строительного сектора по дорожному строительству, как уже отмечалось, являлся С. Ф. Богданов. В работе он опирался на материалы партии по исследованию р. Колыма под руководством И. Ф. Молодых (1929–1930 гг.), в которых вопрос о прокладке дороги, получившей затем название Колымская трасса, был поставлен как вопрос о прокладке так называемой Нагаевской безрельсовой дороги.

«Вопрос о наиболее выгодном типе и технических данных по Нагаевской безрельсовой дороге, – указывал И. Ф. Молодых, – должен явиться задачей специальной технико-экономической проработки. Основываясь на всех... материалах, мы считаем возможным сделать определенные выводы о следующих обязательных требованиях: 1. Опорным пунктом дороги должна быть избрана бухта Нагаево, являющаяся по определению гидрографа-геодезиста Давыдова “лучшей якорной стоянкой во всем Охотском море”. Бухта имеет площадь возможных якорных стоянок около 50 кв. км, имея длину около 15 км,

при средней ширине в 5–6 км. Глубина в бухте от 40–45 м при входе, в дальнейшем понижается до величины не менее 10–11 м вблизи берегов. Участками большие глубины подходят вплотную к берегам и допускают налив судов пресной водой непосредственно через шланг. Бухта окружена возвышенностями в 300–400 м высотой и прекрасно защищена от ветров. Продолжительность навигации может быть принята в 6 месяцев (май – октябрь). По состоянию погод наиболее благоприятным для плавания по Охотскому морю является весеннее и летнее время, когда вероятность штормовых погод незначительна и только в сентябре месяце возможность получить свежий ветер преобладает над вероятием тихих погод. Таким образом, бухта Нагаева..., естественно, должна быть принята за опорный пункт и для освоения и связи севера... 2. Пунктом примыкания к реке Колыме необходимо наметить район устья реки Бохапчи, основываясь при выборе пункта только соображениями удобного примыкания к реке в смысле дорожного профиля и благоприятной пристани. Требование выхода именно в район устья Бохапчи вытекает из: а) необходимости избежания водного судоходства по верхнему течению Колымы для перевозки массовых грузов по снабжению золотопромышленных районов (что будет неизбежно, если пунктом примыкания будет избран тот или иной нижележащий по Колыме район, напр., устье р. Среднекана), б) необходимости получить наиболее короткий пробег грузов по безрельсовой дороге... в) необходимости наибольшего охвата верхнего течения Колымы, представляющего наибольший интерес по промышленным перспективам... г) сосредоточенности вблизи устья Бохапчи значительных энергетических ресурсов (порожистый участок Колымы)... 3. Нагаевская дорога должна быть оборудована для круглогодичного движения. Высказываемые иногда соображения о возможности на первые годы остановиться только на устройстве зимника мы полагаем неприемлемыми... Намечающийся грузооборот вполне достаточен для постройки шоссе. Только в этом случае будет достигнуто коренное изменение условий снабжения и связи Колымско-Индигоирского края» [Молодых, 1931. С. 238–239].

На строительство Нагаевской безрельсовой дороги с полным ее оборудованием И. Ф. Молодых отводил 2 года. Открытие движения по ней он приурочивал к 1933 г. Затем, делая окончательный вывод, И. Ф. Молодых писал: «Построив обеспеченную, нормальную механизированную дорогу от бухты Нагаева на судоходную Колыму, снабдив ее достаточными перевозочными средствами, создав речной транспорт на Колыме и Индигирке и обеспечив Северный морской путь рациональными конструкциями флота и необходимыми организационными мероприятиями и, наконец, элементарно оборудовав зимники, волоки и подъездные пути к рекам, мы обратили каждый уголок далекого Колымско-Индигоирского края, находящегося сейчас на недоступном “краю света”, в район, близкий к портам, близкий к центральным районам Союза. Раз и навсегда будет покончено с его отсталостью. Из района “длящегося народного бедствия”, требовавшего беспрестанных дотаций и безрезультатных вложений со стороны государства, край обратится в область советской стройки, советской культуры» [Там же. С. 252].

Указанная И. Ф. Молодых «специальная технико-экономическая проработка» по прокладке Колымской трассы была проведена спустя некоторое время. Через несколько месяцев после приезда в бух. Нагаева дорожной экспедиции С. Ф. Богданова 11 ноября 1931 г. в Постановлении ЦК ВКП(б) «О Колыме» предписывалось «использовать весь зимний сезон для форсирования работ по постройке дороги от бухты Нагаева до приисков» и применять «для прокладки дороги максимально возможное количество механического оборудования» [Архив УФСБ МО, д. 17777, т. 13, л. 178]. В связи с этим решено было выделить в распоряжение только что организованного треста (им стал Колымский трест, через два дня названный трестом «Дальстрой») 20 тракторов, 10 катков, 120 конных скреперов, 5 передвижных компрессоров, 5 канавокопателей, 4 грейдера, 6 дорожных многолемешных плугов, 4 паровые лопаты и т. д.

Отчитываясь в мае 1932 г. о проделанной работе, С. Ф. Богданов говорил, что все планируемое строительство дороги от бух. Нагаева и сначала до Элекчана разделено на два строительных участка. Первый (в составе 4 дистанций) охватывает расстояние от бух. Нагаева до 104-го км, второй (в составе 3 дистанций) – от 104-го до 182-го км. Каждая дистанция также делится на три равных пункта, а общее строительство будет вестись в две очереди. Первая очередь включает в себя рубку просеки, корчевку, снятие растительного слоя и водоотвод в заболоченных местах. Вторая очередь должна вести земляные работы, создавать там, где необходимо, временные мосты, чтобы ускорить сам процесс прокладки трассы.

Общее количество рабочих, необходимых для этого, определялось С. Ф. Богдановым в 3600 чел., а количество технического персонала – в 106 чел. Кроме этого планировалось использовать (до поступления техники) 650 лошадей, часть из которых должна была быть выделена для снабжения строителей дороги. Если все работы по прокладке трассы будут начаты одновременно, 10 июня 1932 г., указывал С. Ф. Богданов, то она на протяжении от бух. Нагаева до Элекчана будет построена спустя два месяца. Как выяснилось, уложиться в установленные сроки не удалось.

К июню 1932 г. на строительстве Колымской трассы использовалось не более 200 чел. Завоз первых этапов заключенных задерживался. Поэтому до их поступления, т. е. до середины июня 1932 г., производились лишь работы по рубке просеки для трассы, устройство в особо мокрых местах временных стланей из накатника, а также возведение нескольких жилых зданий и склада на 152-м км, постройка дома дорожного мастера на 90-м км.

Нехватка рабочих, недостаточное количество младшего технического персонала (дорожных десятников) сказывались буквально на всем и заставляли отказываться от первоначального плана строи-

тельства. Даже когда в бух. Нагаева стали приходить пароходы с заключенными (к концу августа 1932 г. Дальстрой имел около 4600 заключенных), на прокладке Колымской трассы работало в среднем чуть больше 560 чел., чего было явно недостаточно. К тому же мешали неблагоприятные климатические условия. Почти весь июнь и часть июля строителям Колымской трассы мешали дожди, а в конце августа 1932 г. уже выпал снег. Применение грейдеров, скреперов и другой техники часто становилось совершенно бесполезным.

После организации Управления капитально-дорожного строительства (Капдорстроя) исполняющим обязанности начальника и главным инженером был назначен В. Д. Мордухай-Болтовский, заместителем главного инженера – П. П. Будзко, начальником дорожного строительства – В. В. Гассельблат, помощником начальника Капдорстроя по административно-хозяйственной (лагерной) линии – А. В. Пышминцев.

Повествуя о строительстве Колымской трассы, о трудившейся на ней основной рабочей силе, В. В. Гассельблат указывал: *«Производительность труда прибывающей организованной рабсилы (з/к) первоначально была весьма низкой. Это нужно, с одной стороны, объяснить обособленностью лагеря з/к от общей системы ДС, с другой стороны, неопытностью инженерно-технических работников в смысле применения организованной рабсилы и специального подхода к ней. Кроме того, сравнительно значительный объем строительства гражданских построек требовал определенного количества рабочих-плотников, коих в числе рабсилы, поступившей на дорогу, насчитывались лишь десятки, в силу чего явилась необходимость путем отбора приспособить известное количество рабочих к квалификации плотников, обучая их на самом производстве. На некоторые командировки поступили значительные группы з/к штрафников, от коих лишь позднее удалось получить некоторую производительность труда, а впоследствии некоторые группы из них организовались в примерные бригады ударников. Все указанные обстоятельства привели к тому, что до наступления зимы удалось лишь устроить зимник, который был протрассирован местами по постоянной трассе, а местами по поймам рек, главным образом там, где постоянная трасса идет по косогорам. С наступлением зимы и открытием автодвижения по зимнику (с ноября) большинство имевшейся рабсилы было занято снегоборьбой и борьбой с наледями для дачи беспрепятственного движения и только остающаяся рабсила была занята на строительстве гражданских построек»* [УФСБ МО, д. 3747, л. 3].

Борьба за трудовую дисциплину среди заключенных и вольнонаемных тогда имела решающее значение. Она направлялась дирекцией Дальстроя и руководством Севвостлага. Изданный 22 декабря 1932 г. приказ Э. П. Берзина гласил: *«В борьбе за труддисциплину по инициативе общественных организаций, ремонтных рабочих и водительского состава автотранспорта 18 декабря с. г. состоялось общее собрание рабочих, которые, обсудив причины, срывающие труддисциплину на производстве, вынесли решение ходатайствовать о запрещении продажи спирта. Будучи уверен, что выраженное в принятой резолюции от 18 декабря с. г. решение будет поддержано рабочими и других производств, – приказываю: § 1. С сего числа продажу спирта в распределителях ДС прекратить. § 2. На всех без исключения лиц, появляющихся на работе при исполнении своих служебных обязанностей в нетрезвом виде, накладывать штраф в размере до 200 руб. § 3. Наложение штрафа, указанного по § 2-му, производить приказом руководителя предприятия. § 4. Средства, поступающие в результате взимания штрафов, указанных в § 2-м, перечисляются через Главную бухгалтерию ежемесячно райпрофкомитету для усиления фонда культурно-бытового обслуживания рабочих»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 213].

По сути дела это было очень значимо, так как еще за 10 месяцев до этого, согласно приказу Э. П. Берзина № 3 от 11 февраля 1932 г., было решено *«отпуск спиртных напитков впредь производить исключительно в обмен на золото и пушнину»* [Там же. Д. 1, л. 13]. Теперь же нарушителей трудовой дисциплины, особо злостных прогульщиков и пьяниц Э. П. Берзин стал увольнять из Дальстроя. В свое время нами был выявлен его приказ от 15 декабря 1932 г., в котором говорилось: *«Возложенная партией и правительством на трест “Дальстрой” задача по освоению Колымского района требует от административно-технического персонала, от всех рабочих в целом и от каждого в отдельности – пролетарской дисциплины, сознательного отношения к труду, неустанной борьбы за выполнение и перевыполнение промфинплана... В связи с вышеизложенным и в соответствии с решением общественных организаций, приказываю: 1) за систематическое пьянство и прогулы – Цыганкова Леонида Николаевича, Горячева Алексея Ивановича, Бурлакова Николая Николаевича, 2) за прогулы и безответственное отношение к работе Тарасова Николая Семеновича, Чурнова Виктора Ивановича, Фельдшера Илью Григорьевича, Белого Александра Николаевича, Волжского Петра Николаевича и Нестерова Илью Семеновича уволить с предложением немедленно выехать из пределов района деятельности гостреста “Дальстрой”»* [Козлов, 1988. С. 18].

Таким образом, к концу 1932 г. Дальстрой окончательно укрепился на Колыме, стал действительно единственной хозяйственной организацией, имеющей огромные полномочия и возможности к ее освоению. Одновременно с этим Нагаево и Магадан укрепили свое положение в качестве временной опорной базы Дальстроя, а Магадан – еще и временного административного центра. Так началось их слияние в один поселок и планирование строительства теперь уже Нагаево-Магаданской базы. Однако

нельзя не сказать о том, что в 1932 г. Магадан также стал центром Севвостлага* и оставался им в течение четверти века.

«В памяти всплывали скудные газетные строчки первых сообщений о возникновении Магадана, — вспоминает известный полярный летчик М. Н. Каминский. — Строилась крепость, откуда, собравшись с силой, двинется рать в горную страну, где развернется сражение за золото. Конечно, будут лишения: голод, холод, разные опасности. Но как же без этого показать свою силу, стойкость, отвагу! Мое воображение рисовало картины, одна увлекательней другой. Вот сквозь шторм и туманы Охотского моря прорываются пароходы, ведомые закаленными капитанами. На пустынные берега выгружаются люди и машины. Возникает палаточный город. А вот уже прокладываются трассы к безымянным ручьям и распадкам... Прошли годы. Вырос мой жизненный опыт, все стало выглядеть проще и реальнее. Я узнал, что Колыма стала пристанищем “героев” не по доброй воле, ореол ее потускнел. С возмущением заметки переместились акценты, и героизм стал видаться в другом — в выполнении долга перед Родиной» [Каминский, 1969. С. 117].

В 1933–1934 гг. продолжалось строительство Нагаево-Магаданской базы. Зимой оно велось по особому графику. *«В целях наиболее правильного использования рабочей силы в течение зимнего времени, устранения простоев вследствие недостаточного освещения и предупреждения несчастных случаев, — писал Э. П. Берзин 21 декабря 1933 г., — приказываю: § 1. Работу на открытом воздухе строительных прорабств Нагаево-Магаданского строительного района, дорожных дистанций Управления строительства и лесозаготовительных участков Приморского лесозаготовительного района в период времени с 15 декабря 1933 г. по 1 февраля 1934 г. производить в течение 8 часов без перерыва на обед. Начало работ в 8 час. утра, окончание в 16 час. 00 мин. § 2. Хозчастям подразделений Севвостлага обеспечить рабочих на открытых работах при 8-часовом непрерывном рабочем дне горячим завтраком до начала работ»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 5, л. 348].

29 ноября 1933 г. Р. И. Васьюков, исходя из постановления Э. П. Берзина, как уполномоченного Далькрайисполкома, «в целях наиболее полного использования солнечного дня в зимний период», приказал *«с 1 декабря 1933 г. впредь до особого распоряжения перевести стрелку часов по всей территории деятельности треста “ДС” на один час назад»* [Там же. Л. 289]. А 24 февраля 1934 г. Э. П. Берзин, «ввиду удлинения солнечного дня» издал приказ о переводе часовой стрелки с 24 часов 28 февраля «...на всей территории деятельности гостреста “Дальстрой” на один час вперед» [Там же. Д. 7, л. 145].

Подобное происходило не впервые. Еще 10 ноября 1932 г. Я. С. Лившиц «в связи с наступлением зимнего времени и недостаточностью освещения на участках строительных и дорожных работ», а также «в исключительных случаях» разрешил руководителям работ производить «удлинение рабочего дня до 10-ти часов». При этом рабочий день начинался в 8 ч утра и длился до 17 ч вечера «с перерывом на обед от 12 до 13 часов» [Там же. Д. 2, л. 150].

С 16 марта 1934 г. «на всех открытых работах» Дальстроя был введен 10-часовой рабочий день [Там же. Д. 7, л. 206]. Однако 2 ноября этого же года в новом приказе Э. П. Берзина говорилось: *«Ввиду сокращения продолжительности солнечного дня в течение зимнего периода приказываю: Учитывать для открытых работ (строительство, горные работы, лесозаготовки и т. д.) следующую продолжительность рабочего дня: ноябрь — 8 часов, декабрь — 7 часов, с 1-го по 15 января — 7 часов, с 16-го января по 1-е февраля — 8 часов, февраль — 8 часов. Регулирование времени на обед производится управлением в зависимости от местных условий»* [Там же. Д. 9, л. 161]. В Нагаево и в Магадане создавались такие производства и хозяйства, которые в первую очередь должны были и могли помочь строительству Колымской трассы и снабжению горнодобывающих приисков. Но происходило не только это. Несмотря на то что Нагаево и Магадан оставались как опорной базой, так и временным административным центром, в них постепенно складывалась и другая инфраструктура, налаживалась культурная жизнь, возникали предприятия и учреждения, необходимые для функционирования поселков городского типа. При этом и Магадан (в большей степени) и Нагаево (в меньшей степени) оставались поселками преимущественно с лагерным населением.

Наконец Дальстрою удалось решить проблему своего морского порта. Дело в том, что еще до организации Нагаевского агентства Совторгофлота и Управления мортрана ДС приходившие в бух. Нагаева различные суда останавливались только на рейде. Затем они разгружались с помощью барж, которые причаливали к небольшому временному пирсу. Сооруженный в мелководной северной части бух. Нагаева, он был очень неудобен. Получалось так, что баржи с грузом могли причаливать к нему только 2 раза в сутки. Причем это происходило только во время прилива, ибо в отлив, когда вода уходила от берега чуть ли не на 100 м, баржи оказывались на мели. Это очень часто (во время рейдовой разгрузки) приводило к неэкономичным простоям и задерживало запланированную доставку грузов.

Сохранилось решение Ольско-Сеймчанского райисполкома от 8 июня 1931 г. (в то время его резиденцией было Нагаево), которое характеризует сложившуюся тогда обстановку, а также принимаемые меры: *«Для обеспечения бесперебойной разгрузки пароходов в навигацию 1931 года, а также в*

*Согласно приказу № 287/с СССР от 1 апреля 1932 г., центром Севвостлага назывался пос. Среднекан, но этого не произошло.

целях сокращения стоянки пароходов предложить Нагаевскому агентству СТФ (Совторгфлот. – А. К.) провести следующие мероприятия: а) построить временную пристань для причала кунгасов; б) построить чан для скопления воды для снабжения пароходов; в) приступить к оборудованию угольной площадки; г) установить буюк, показывающий место стоянки пароходов, избрать место ближе к берегу» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 182, л. 103].

27 января 1932 г. состоялось очередное заседание оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа, на котором рассмотрели вопрос «О подготовке к портовому строительству». Среди выступавших были член оргкомитета Н. Т. Афонин, секретарь Охотско-Эвенского окружного оргбюро крайкома ВКП(б) А. М. Пачколин и др. В принятом затем постановлении было записано: «Отмечая, что бухта Нагаева связана с развитием промышленности в округе, должна явиться базой снабжения приисков и всего округа, что в 1931 навигационном году грузооборот через Нагаево достиг до 20 тысяч тонн и 4-х тысяч человек, что в связи с бурным развитием промышленности округа (рыба, пушнина, золото) грузооборот должен в 1932 г. увеличиться в несколько раз, а также увеличиться завоз людей и вывоз изделий местной промышленности, оргкомитет просит крайисполком и правление СТФ отпустить необходимые средства для постройки причала в б/х Нагаево» [НФ ГАХК, ф.р-291, оп. 1, д. 5, л. 17].

К решению данного вопроса и других, связанных с ним, оргкомитет Охотско-Эвенского национального округа обращался еще неоднократно. Так, на заседании 20 апреля 1932 г. он предлагал Нагаевскому агентству Совторгфлота «проработать более детально вопрос о грузоперевозках, учтя все организации», «добиться постройки складских помещений, обеспечивающих хранение грузов», «срочно возбудить ходатайство... о прикреплении к бухте Нагаево двух пароходов малого тоннажа для обслуживания побережья» [ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-2413, оп. 4, д. 999, л. 54].

Образовавшийся позднее президиум Охотско-Эвенского национального округа продолжил начатое оргкомитетом. Однако и он на заседании 13 ноября 1932 г. был вынужден «констатировать: 1) что разгрузка пароходов происходит чрезвычайно медленно, кунгасы на берегу задерживаются от полутора до трех часов, вместо тридцати минут – одного часа при разгрузке в навигацию 1931 года. Это обстоятельство приводит к задержке в порту пароходов на весьма продолжительное время. Так, например, пароход “Шатурстрой” стоит в течение месяца» [НФ ГАХК, ф.р-291, оп. 1, д. 5, л. 49].

И только 9 января 1933 г. приказом Э. П. Берзина была создана контора «Строительство порта бухты Нагаева». Начальником строительства был назначен уже известный П. П. Будзко. К 15 января 1933 г. были завершены работы по предварительной разработке схемы портовых сооружений, по выбору их типов, подбору расчетных данных и выработке методологии проектирования и производства работ. Все они были проведены «во внеурочное время» группой сотрудников проектно-планового бюро строительного сектора Дальстроя в составе: инженеров М. Ф. Булычева, А. И. Внучкова, С. Н. Горелика, П. В. Домбровского, Д. А. Сикорского, Д. П. Собенникова, Л. Р. Шнейнингера; техников И. А. Васильева, Г. П. Никифорова, М. Г. Турицына. Аналогичным методом работала и также справилась с заданием к 13 января 1933 г. «партия отдела изысканий Капдорстроя под руководством т. Васильева», которая осуществила «полевые работы по топографической съемке бухты» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4, л. 14].

Утвержденные затем положение, схемы и штаты строительства порта стали непосредственным руководством к действию. Но само строительство проходило с большим трудом, так как пришлось проводить «разработку скального берега бухты, состоящего, главным образом, из горной породы – гранодиоритов, как в виде сплошной скалы, так и в виде отдельных крупных валунов» [Там же. Д. 402, л. 20]. Все работы выполнялись преимущественно заключенными, для размещения которых создали лагерные командировки в прилегающих распадах Березовый мыс и Корейский ключ.

В воспоминаниях, относящихся к 1933 г., инженер-изыскатель Н. И. Кутузов рассказывает: «Произошла опять непредвиденная задержка, а здешнее лето уже подходило к концу. В свободное время проводили изыскания подъездного пути от места будущего порта в бухте Нагаева к строящемуся поселку Магадан... Небольшой по протяженности этот маршрут изрядно нас помучил. Трассу пришлось укладывать на почти отвесных скалах, падающих в море. Подвешенные на веревках, мы переползали со скалы на скалу, снимая инструментами метр за метром трассу. За несколько дней работы на скалах у большинства у нас порвалась одежда и сапоги... Закончив полевые работы, составили проект подъездного пути» [Кутузов, 1957. С. 30–31].

«Задание на 1933 год, – писал чуть позднее П. П. Будзко, – включало в себя, как устройство площадки под постройку баков для жидкого топлива, так и создание некоторой территории под погрузочно-разгрузочные операции, которая примыкала бы к причальному пирсу. Лес, необходимый для этого строительства, в количестве более четырех тысяч бревен, а также для строительства обслуживающих помещений лагерных пунктов, заготавливался на сопках бухты Нагаева в очень тяжелых условиях глубокого снега, при отсутствии транспортных средств для спуска по крупным откосам этих сопки, ибо зима этого года отличалась сильными пургами» [Будзко, 1934].

Одновременно с этим, после открытия навигации 1933 г., Управление Мортрана Дальстроя продолжало заниматься погрузочно-разгрузочными работами, которые до него вел Совторгфлот. Так, оно «приняло в бухте Нагаева 23 104 этапированных заключенных, из которых было привезено: в июне –

5205 чел., в июле – 5578 чел., в августе – 5671 чел., в сентябре – 2804 чел., в октябре – 2511 чел., в ноябре – 195 чел., в декабре – 1140 чел.» [Козлов, 2004. С. 112]. В то же время на Нагаевском рейде было переработано свыше 87 тыс. т груза, т. е. более чем на 40 тыс. т больше, чем в 1932 г.

В большей мере это было обусловлено тем, что пополнился рейдовый флот Управления Мортра-на Дальстроя, осуществлявший, кроме всего прочего, и перевозки малого каботажка. В состав этого флота как «несамоходные плавсредства» входили 8 барж и 18 кунгасов, а как «самоходные плавсредства» – 7 катеров различной мощности и 1 кавасаки. В течение навигации 1933 г. самый мощный катер обслуживал линию Нагаево – Тауйск, еще один постоянно находился в распоряжении Охотско-Колымского погранотряда, а кавасаки использовалась для служебных поездок.

15 июля 1933 г. в бух. Нагаева пришла моторно-парусная шхуна «Работница», построенная во Владивостоке, грузоподъемностью 310 т. Она сразу же стала совершать каботажные рейсы вдоль Охотского моря, доставляя не только различные грузы, но и пассажиров и срочную почту, и, по сути дела, стала первенцем еще только складывающегося морского флота Дальстроя.

Но если морские суда можно было приобрести только за пределами Колымы, то вопрос о выпуске маломерных судов (катеров, барж) решили на месте. В районе Марчекана стали строить небольшую верфь, на которой с самого начала не хватало специалистов, отсутствовали материалы и собственное помещение. Руководить верфью назначили заключенного Н. Н. Рыбинского, и вскоре в бух. Нагаева появился первый стальной катер собственного производства.

Происходившее в этот же период (летом – осенью 1933 г.) строительство порта в бух. Нагаева хоть и не привело к выполнению всех плановых заданий, имело вполне определенные успехи. Так как было трудно обходиться без нормального освещения жилых и административных построек, а вместе с ними и строительной площадки, то были смонтированы две временные электроустановки: одна – в распадке Корейский ключ, состоящая из локомобиля и генератора, другая – на самой площадке, состоящая из бензинового двигателя и генератора переменного тока.

Расчистка площадки дала возможность разместить на ней около 9 тыс. т груза, которые завезли три последних парохода. Кроме этого в построенные резервуары нескольких баков было принято 7356 т нефтепродуктов, доставленных одним из пришедших танкеров.

Последний пароход ушел из бух. Нагаева 28 декабря 1933 г. Все работы по строительству порта к этому периоду производились 2700 заключенными четырех лагерных командировок: Корейский ключ (1400 чел.), Штрафная (500 чел.), Нагаевская (400 чел.), Березовый мыс (400 чел.).

Строительство порта являлось одной из важнейших строек Нагаево-Магаданской базы 1933 г., но не единственной. Были и стройки, имевшие по сравнению с ним в основном местное, поселковое значение. 5 июня началось возведение здания Магаданской электростанции (МЭС) из кирпича, но с железобетонными каркасами, на каменном фундаменте и с бетонным полом. Тогда же, 5 июня 1933 г., началось строительство гаража № 1, 8 июля – пропускника, на следующий день – механических мастерских, 14 августа – гаража № 2, 19 августа – литейной и кузницы.

Все эти объекты входили в состав Магаданской автобазы, исследование грунтов под возведение которой происходило еще в 1932 г., но в связи с некоторыми обстоятельствами затянулось. Теперь затянулось и строительство. 7 ноября 1933 г. состоялось торжественное открытие МЭС. Другие объекты, входящие в состав Магаданской автобазы, были сданы в эксплуатацию позднее, в I квартале 1934 г. Однако темпы строительства свидетельствовали о дальнейшем росте Нагаево и Магадана, постепенно сшивавшихся в один поселок.

С 13 декабря 1932 г. комендантом Управления комендатуры Дальстроя стал Ф. И. Цвирко, с 1 июля 1933 г. – И. Е. Притулюк, с 10 мая 1934 г. – И. М. Долотовский, которого затем сменили А. И. Корякин, С. С. Белов и С. К. Сычев. 28 мая 1933 г. Э. П. Берзин утвердил «Положение о комендатуре г/т «Дальстрой»», в котором сказано: «1. Комендатура г/т «ДС» имеет задачей полное и всестороннее коммунальное и санитарно-гигиеническое обслуживание трудящегося населения Магадан-Нагаево, а также защиту личных и имущественных интересов граждан и охрану общественного порядка. 2. Комендатура состоит на хозяйственном хозрасчете и имеет самостоятельную отчетность. 3. Во главе комендатуры стоит комендант, подчиненный директору треста, им назначенный и увольняемый. 4. Комендатура осуществляет свои функции через центральный аппарат и хозяйственные предприятия <...> 8. В состав комендатуры входят коммунальные хозяйства: Нагаевское, Магаданское и стан-дартных домов» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4, л. 251].

Немного позднее, 26 декабря 1933 г., было утверждено «Положение об управлении коменданта Нагаево-Магаданского района гостреста «Дальстрой»», в котором отмечено: «Управление коменданта Нагаево-Магаданского района гостреста «Дальстрой» имеет своей задачей: а) коммунальное и санитарно-гигиеническое обслуживание трудящегося населения Нагаево-Магадана; б) охрану личных и имущественных интересов граждан; в) охрану общественного порядка; г) противопожарную охрану; д) контроль за сооружениями коммунального строительства, производимого как предприятиями Дальстроя, так и предприятиями и учреждениями, не входящими в систему Дальстроя; е) выдачу разрешений на сооружения объектов коммунального строительства и отвод площади для застройки. 2. Управление коменданта состоит на хозрасчете и имеет самостоятельную законченную отчетность.

3. Во главе управления находится комендант, подчиненный директору гостреста "Дальстрой". 4. Комендант осуществляет свое руководство деятельностью управления как непосредственно, так и через своих помощников по административному и коммунальному отделам. 4. Комендант назначается и сменяется директором треста "Дальстрой". Помощники по административному и коммунальному отделам назначаются и смещаются директором по представлению коменданта... В состав управления коменданта входят следующие эксплуатационные, производственные и административно-хозяйственные предприятия и учреждения: а) охрана общественного порядка, б) военизированная пожарная охрана; в) строительно-ремонтное прорабство, г) санитарно-техническая эксплуатационная контора (центральное отопление, водонасосная станция, канализация), д) центральная электрическая станция, е) жилищные поселки Нагаево-Магадана, ж) коммунальные эксплуатационные предприятия (бани, прачечные, парикмахерские, гостиница, похоронное бюро), з) подсобные производственные предприятия (мастерские), ж) транспорт, к) склад» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 5, л. 364–366].

Заведующим коммунальной секцией (частью) Управления комендатуры в начале 1933 г. был Н. Г. Острягин, заведующим коммунальной секцией Нагаево – И. С. Харкевич. 10 декабря 1932 г. ввиду того, что «тов. Иващенко откомандировывается в сектор кадров для использования его по специальности» заведующим стандартными домами назначили заключенного Сергея Ивановича Хомича «с месячным испытательным сроком с окладом содержания 350 руб. в месяц» [Там же. Д. 2, л. 192]. Это назначение оказалось совсем кратковременным. 16 декабря 1932 г., после снятия С. И. Хомича, в должность заведующего стандартными домами вступил заключенный В. И. Казанцев.

Приказом Э. П. Берзина № 62 от 17 февраля 1933 г. «конный двор в пос. Магадан со всеми вспомогательными обслуживающими единицами» был реорганизован «в конную базу, находящуюся в ведении сектора снабжения на правах самостоятельного хозяйства с законченной отчетностью» [Там же. Д. 4, л. 122]. На конную базу возлагались приемка и распределение всех вновь поступающих в распоряжение Дальстроя лошадей, обслуживание конным транспортом предприятий, расположенных на территории Нагаево-Магадана, ремонт и распределение транспортного инвентаря [Там же].

Прошло 4 месяца, и новым приказом Э. П. Берзина № 191 от 21 июня 1933 г. конная база сектора снабжения как самостоятельная хозяйственная единица была ликвидирована и реорганизована в отделение базисного склада. В связи с этим «при отделении базиса в Магадане также организовывался конный двор, на который было возложено: а) обслуживание предприятий сектора снабжения; б) обслуживание потребителей, не располагающих транспортными средствами; в) прием прибывающих с пароходами лошадей и распределение их по указаниям сектора снабжения; г) лечение лошадей, находящихся при ветпункте...» [Там же. Л. 280].

Строился Магадан, как и Нагаево, очень непросто. Выступая на партийном совещании 3 июня 1933 г., Э. П. Берзин говорил: «Надо сказать, что по всему плану мы идем с довольно низкими показателями: а) вместо намечавшихся по плану, утвержденному дирекцией, 33 объектов, находилось в стройке только 19 объектов (27,6%); закончено всего 12 объектов. Общая сумма затрат на строительство выразилась в 58,3% всей суммы затрат по плану. Вместе с внеплановыми затратами они составляют 51,6%. Наряду с этим производилось внеплановое строительство почти в таком же объеме; б) по содержанию на первом месте стоит жилищное строительство (45,5%), включая сюда внеплановое строительство. На втором месте стоит торгово-складское хозяйство...; в) рабочей силой строительство было обеспечено полностью, и если при этом строительство вместе с внеплановыми объектами составило лишь половину плана, то в первую очередь это нужно отнести за счет недостаточной производительности труда на строительстве, неумения использования рабочей силы и плохой ее расстановки. Надо учитывать и то, что часто рабочую силу приходилось перебрасывать на разные другие участки работы; г) невыполнение плана строительства нужно еще объяснить недостатком стройматериалов, недостаточным техническим руководством и контролем, низкой квалификацией рабочей силы и тяжелыми условиями работ зимнего периода, а главным образом, общей бесплановостью в работе, неувязкой со снабжением стройматериалами».

10 февраля 1934 г. Э. П. Берзин издал приказ № 59: «В целях внедрения наибольшей плановости в строительство Нагаево-Магаданской базы, целесообразного использования дефицитных стройматериалов и соблюдения надлежащих технических правил и норм приказываю установить с 1 апреля 1934 г. следующий порядок: 1. В районе Нагаево-Магадан все строительство сооружений осуществляется по утвержденным планам работ четырех предприятий: а) Управлением Мортрана на территории порта и б/х Нагаево; б) Управлением дорожного строительства в дорожной полосе отвода; в) Управлением связи; г) Управлением Нагаево-Магаданского стройрайона. Первые три предприятия строят специальные, присущие их деятельности сооружения, и Управление Нагаево-Магаданского стройрайона – все остальные. 2. Нагаево-Магаданская комендатура производит работы лишь ремонтного характера» [Там же. Д. 7, л. 102].

В процессе строительства Дальстрой заботился о налаживании снабжения административного центра. В связи с этим он создал вблизи него постоянную продовольственную базу. Началом ее стала небольшая молочная ферма бывшего Цветметзолота, расположенная в долине тогдашней р. Магадан (затем – Магаданка), и далее, в сторону Колымской трассы. Перейдя в ведение Дальстроя, она расшири-

за свою деятельность. С 21 февраля 1933 г. молочной фермой руководил Карл Владимирович Колежицкий. До этого он принял дела «у бывшего заведующего Романова», а тот, в свою очередь, — «у бывшего заведующего Соловатова».

В течение 1933 г. молочная ферма, все чаще именуемая Дукчанским совхозом или совхозом «Дукча», продвинулась по пути «снабжения молочными продуктами и мясопродуктами Нагаево-Магаданского населения» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 152]. К концу этого же года совхоз имел 291 корову, 279 свиней, 40 овец, 3 ягнят, 2 баранов, 2 коз, а кроме этого — 27 лошадей и 43 рабочих волов. Появились здесь первые куры и некоторое количество уток. В течение 1933 г. совхоз «Дукча» произвел всего 2950 яиц (сказывался большой падеж птицы из-за различных болезней), но зато 140 549 л молока, начал заниматься овощеводством.

«Приехала я в Магадан 7 октября 1933 года, — вспоминала Лидия Яковлевна Наровчатова. — Пирсы порта не были построены, лодки подходили за пассажирами к борту парохода одна за другой. С парохода был спущен веревочный трап. Я включилась в очередь на посадку и, держа чемодан в одной руке, по качающемуся трапу стала спускаться с парохода, впереди меня шел мой 13-летний сын. Благополучно высадились на берег. По первому впечатлению бухта Нагаева очень красива и удобна для стоянки пароходов, над обоими берегами сурово высятся зубчатые скалы. На берегу бухты расположен небольшой поселок со столицей из небольших домиков. Дорога от Нагаева до Магадана была пустынная, никаких построек не было. Вдали виднелись сопки, покрытые лиственницей. Было холодно, но снег выпал на другой день, 8 октября, и сразу же установилась зима с 25° морозами. Поместились мы в комнате стандартного дома; парового отопления еще не провели, оно стало действовать только через месяц, а пока приходилось спать в шубе, платке и валенках, детей устроили спать в кухне, плита в ней отапливалась дровами. Так мы включились в колымскую жизнь».

Одновременно Дальстрой направил усилия и на развитие прибрежного рыболовства. В связи с этим был организован Нагаевский район, целью которого являлась эксплуатация прилегающих к Магадану акваторий близлежащих бухт и речек. Начало деятельности района относится к 1933 г. В его состав входили 5 рыбных промыслов: «река Окса», «Марчекан», «Веселая», «Магадан» и «Дукча». Промысел «река Окса» находился напротив о. Недоразумения, промысел «Марчекан» — на ключе пресной воды одноименного названия, промысел «Веселая» — в бух. Гертнера, на северо-западном берегу п-ова Старицкого, напротив устья рч. Магадан, промысел «Магадан» — также в бух. Гертнера, на рч. Магадан, промысел «Дукча» — в этой же бухте, на рч. Дукча. Уловы (использовались ставные морские и закидные морские неводы) быстро росли, и уже в 1934 г. Нагаевский район дал Дальстрою: горбуши — 6,36 т, сельди — 4,62 т, кеты — 0,6 т, разнорыбицы — 1,3 т и мальмы — 30 ц.

18 сентября 1933 г. в Магадане открылась первая сельскохозяйственная выставка, ставшая неординарным событием своего времени. Один из современников писал: «Необычно выглядит Рабочий клуб. Почему? Какое событие? Мы собственными глазами видим, что нет трудностей, которые нельзя преодолеть. Дикую тайгу можно завоевать. Подойдя ближе к клубу, все резко бросится в глаза: I-я сельскохозяйственная выставка. Войдя в помещение, где расположены выставочные материалы, вам сразу же бросится в глаза рыбный отдел. Вы увидите изобилие разных пород рыб. Они аппетитно расположены в бочонках. Заглянув в пушной отдел, ознакомившись с пушиной нашего края, мы обращаем внимание на самый большой отдел, где соревнуются колхозы с опытными полями Коопсоюза. Это — овощной отдел. Необычное убранство клуба. Взглянешь направо, — бросаются в глаза ярко красные помидоры, выращенные в парниках. Они искусно развешаны на рамках. Зеленъ перемешивается с розовой редиской, с желто-зелеными огурцами, оранжевой репой, с фиолетовым отливом турнепсом. Перед вами разбросан картофель. Этой зимой о нем только мечтали. Сейчас мы его видим в действительности. Полтора-два года назад проблема огородничества считалась здесь трудно осуществимой. Некоторые прямо заявляли, что здесь ничего нельзя вырастить. Они ссылались на вечную мерзлоту и т. п. Первая сельскохозяйственная выставка показала иное» [Егоров, 1933].

12 сентября 1934 г. в Магадане открылась вторая сельскохозяйственная выставка. Одним из ее участников стал первый совхоз Дальстроя «Дукча». Причем успехи этого небольшого сельскохозяйственного предприятия признавались уже значительными. Поэтому в информации, помещенной в газете «Колымская правда» 21 сентября 1934 г., говорилось: «“Дукча” — самое старое, хотя ему всего лишь три года, сельскохозяйственное предприятие Дальстроя, выросшее из молочной фермы. Сейчас “Дукчу” не узнать... В 1933 году у них было обработано 8 гектаров, в настоящее время — 63 гектара. Продукция этого совхоза поражает зрителя своей свежестью. Хорошо вызрели редис, брюква, свекла, морковь, огурцы. Большие успехи совхоз имеет в области животноводства. В 1933 году свиней было 4 штуки, сейчас — 88, коров в 1933 году было 52 штуки, сейчас — 217. Количество кур, благодаря применению инкубатора, достигло 1165 штук. Помимо этого совхоз представил на выставку молоко, колбасы...»

В отчете Дальстроя за 1933 г. сказано, что «единственным крупным поселком» в районе деятельности государственного треста «являлся Нагаево-Магаданский», в котором «сосредоточено до 3 тысяч человек вольнонаемных рабочих и служащих и их семей». Общая жилищная площадь его «с 8846 кв. м на начало года выросла до 11 122 кв.м к концу года», а на «одного живущего это составляло соответственно 3 и 3,47 кв. м, т. е. обеспеченность повысилась на 16%» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 170].

В поселке (также отмечается в отчете Дальстроя за 1933 г.) насчитывалось 8 «стандартных комнатных домов», 8 «стандартных квартирных домов», 67 «рубленных домов», 22 барака, 104 каркасных и прочих мелких дома. «Квартал стандартных домов» был оборудован «центральным отоплением» и водопроводом. Кроме этого вступил в эксплуатацию так называемый глинобитный городок в составе «десяти глинобитных домов площадью 3334 кв. метра». *«Все это делает Нагаево-Магадан, – говорится в отчете Дальстроя за 1933 г., – населенным пунктом городского типа, почему дирекцией и возбуждено ходатайство о присвоении поселку названия – “город Монгодан” (тунгусское – “наносы моря”, “Магадан” – искаженное русскими название)»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 171].

Документов, подтверждающих данное ходатайство, в архиве не обнаружено, поэтому неизвестно, в какую инстанцию оно было направлено и кому адресовано. Тем не менее этот факт заслуживает особого внимания, ибо среди тех, кто подписал отчет Дальстроя за 1933 г., первой стоит подпись Э. П. Берзина, несомненно, говорящая о том, какую важную роль уже в то время придавало руководство государственного треста своей опорной базе и временному административному центру. Оно, бесспорно, верило в его будущее, которое связывало не с лагерной Колымой, а с судьбой ее коренных жителей. Отсюда исходило и предложение об изменении статуса поселка и о названии «город Монгодан». Этот город, по мнению руководства Дальстроя, мог стать также культурным центром всей Колымы, культурным центром Охотского побережья. В данном смысле оно действительно предпринимало определенные шаги, в том числе по «просвещению», «перевоспитанию» и «перековке» заключенных Севвостлага.

Не забывали также заботиться и о состоянии их здоровья, как и о здоровье вольнонаемных северян. 4 марта 1933 г. была открыта Магаданская больница (в составе терапевтического отделения) для обслуживания Магадана, Нагаево и близлежащих населенных пунктов. Она располагалась в двух одноэтажных сборных щитовых домах на углу будущего проспекта Карла Маркса и Транспортного переулка. Среди персонала больницы работало много санитарок-заключенных. 14 августа 1933 г. была организована Магаданская поликлиника со специальными кабинетами, бактериологической и зуботехнической лабораториями. Двухэтажное деревянное здание поликлиники находилось на улице, получившей затем название Пушкина. 19 апреля 1933 г. медсанбюро (до этого существовавшее как санотдел) Дальстроя было преобразовано в Санитарное управление Дальстроя.

Вышедший 4 мая 1933 г. приказ Э. П. Берзина гласил: *«В связи с организацией Санитарного управления треста “Дальстрой”, объединяющего медико-санитарное обслуживание всего населения, проживающего на территории деятельности Дальстроя (вольные рабочие и служащие, коренное население и лагерное население), организовать по территориальному признаку две административные единицы: 1) 1-ю санитарную часть, объединяющую медико-санитарное обслуживание всего лагерного населения на территории Нагаево-Магадана, включая лесозаготовки, Портстрой и молочную ферму; 2) 2-ю санитарную часть, объединяющую медико-санитарное обслуживание всего лагерного и вольного населения на территории 1-го и 2-го дорожных районов, кончая Стрелкой»* [Там же. Д. 2, л. 218].

Данная структура, однако, просуществовала всего немногим более 5 мес. 14 октября 1933 г. Санитарное управление было реорганизовано в Медико-санитарное управление Дальстроя. Теперь в его состав вошли: Нагаево-Магаданское лечебно-профилактическое объединение *«для обслуживания рабочих и служащих Дальстроя и их семейств, а также населения Севвостлага и прочего населения, находящегося в районе Нагаево-Магадана»*; 1-я санчасть *«для обслуживания рабочих и служащих Дальстроя как из состава вольнонаемных, так и лагерников, занятых на дорожном строительстве»*; 2-я санчасть *«для обслуживания рабочих и служащих Дальстроя как из состава вольнонаемных, так и лагерников, занятых на групповых управлениях»*; 3-я санчасть *«для обслуживания рабочих и служащих Дальстроя как из состава вольнонаемных, так и лагерников, занятых на предприятиях Дальстроя в районе Тауйска – Балаганного»* [Там же. Д. 5, л. 184].

В «районе Нагаево-Магадана» врач Ф. Д. Михеев обслуживал «комендантский л/п (лагпункт. – А. К.), конбазу, Управление т/т (телефонно-телеграфной. – А. К.) связи, кожзавод», врач И. Д. Артешкина – «“Новый Магадан” (лагерная женская командировка. – А. К.), мехгородок, лесозаготовки, автотранспорт, кирпичный завод», врач С. И. Алексеев – «штрафную командировку, базсклады, Марчекан, молочную ферму, Дукчу и Веселую», врач В. М. Полетико – «Мортран (Корейский ключ, Березовый мыс), командировки №№ 1, 2, 3 и командировки Дорожного строительства до 90 клм» [Архив УЗАМО, д. 10, л. 34].

Распоряжением по Медико-санитарному управлению Дальстроя от 19 апреля 1934 г. «при Нагаево-Магаданском мч. проф. объединении» [Там же. Л. 44] была организована скорая помощь, распоряжением от 20 июля – вендиспансер (заведующий В. М. Полетико), распоряжением от 10 августа – Нагаевская водолечебница (заведующая С. Н. Левина). До 9 июля 1934 г. заведующей Магаданской больницей являлась М. Г. Сидорова, а затем – С. И. Алексеев. До 15 июля 1934 г. Магаданской поликлиникой руководила Е. П. Хмелинина, с 15 июля – Н. И. Скачков.

Если же говорить о начале работы Магаданского радио, то необходимо обратиться к протоколу заседания Охотско-Эвенского окружного оргбюро крайкома ВКП(б) от 14 января 1931 г. *«Одновременно с этим, – говорится в нем, – возложить на тов. Егорова обязанности редактора радиогазеты “Оро-чельская правда”»* [ЦХСД МО, ф.1218, оп. 2, д. 3, л. 4]. 9 июня 1931 г. теперь уже оргкомитет Охотско-

Эвенского национального округа рассмотрел вопрос «О поставке трансляционного узла». В принятом решении указывалось: «Учитывая значение Нагаево как окружного центра и быстрое заселение поселка, а также учитывая, что при наличии радиоузла возможна установка ряда громкоговорящих приемников, трансляционный узел развернуть в Нагаево в 1931 г.» [ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 1, л. 2].

Сохранились и воспоминания третьего председателя Нагаевского поссовета И. Е. Кочнева. «29 октября 1931 г., — пишет Иннокентий Евменович. — Утром выпал снег. День прошел обычно... Стоял вопрос о радиофикации поселка. Получили 100 репродукторов. Но столбов не хватает. Надо просить красноармейцев, чтобы они помогли. 6 ноября 1931 г. канун Великого Октября. Рабочие к вечеру закончили столовую и клуб. К открытию торжественного заседания дали первое электричество на побережье бухты Нагаево. Появление света лампы Ильича было встречено бурной овацией. Затем заговорило впервые радио. Первые 100 репродукторов, полученные нами, были распределены по предприятиям, на конном дворе, в экспедиции Богданова, в домах культбазы, в больнице».

После образования бюро связи Дальстроя в начале 1932 г. «трансляционный узел» вместе с «магаданской рацией» вошел в его состав. Тогда он насчитывал всего 2 чел. С 3 июня 1933 г. трансляционный узел был выделен из состава бюро связи Дальстроя и передан «в ведение Управления Севвостлага со всем наличным штатом и инвентарем» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4, л. 253]. На 1 января 1934 г. Магаданский радиоузел (так он теперь назывался) уже имел 128 точек, а в июле этого же года переехал из ветхого помещения в специально оборудованное помещение бывшего парткома Дальстроя.

Начало колымской печати также относится к периоду деятельности Охотско-Эвенского национального округа. 6 декабря 1931 г. Охотско-Эвенское окружное оргбюро крайкома ВКП(б) приняло решение: «К вопросу окружной пятидневной газеты приступить не позднее 25/XII. Наименование газеты... "Орочельско-Эвенская правда". Редакцию утвердить в составе: т.т. Францевич (ответственный редактор), Шелестов (отв. секретарь редакции), Костюк, Егоров, Деев» [ЦХСД МО, ф.1218, оп. 2, д. 14, л. 63]. 14 декабря 1931 г. оргбюро ВКП(б) приняло все предложения редакции, связанные с планом выпуска газеты, финансовыми и техническими расчетами по смете. 25 декабря вышел первый номер «Орочельско-Эвенской правды» (автор ознакомился с ним в фондах ГАХК), в котором сообщалось, что в редакции проводится сбор средств на самолет «Колыма».

«Орочельско-Эвенская правда» просуществовала недолго. 1 октября 1932 г. вышел первый номер газеты «Дальстрой», редактором которой являлся Г. А. Халиков. Это была первая дальстроевская газета*, в дальнейшем неоднократно менявшая название, в настоящее время — «Магаданская правда». В адресе газеты «Дальстрой» указывалось: бух. Нагаева, ул. Газетная, дом парткома. Всего вышло 10 номеров газеты «Дальстрой». С 15 января 1933 г. она стала выходить под названием «Колымская правда». Ответственным редактором был Б. М. Оршанский. До этого он отредактировал три последних номера газеты «Дальстрой».

22 января 1933 г. вышел первый номер газеты «Верный путь» — органа Управления Севвостлага — с лозунгом «Пролетарии всех стан, соединяйтесь!», надписями «За пределами лагеря распространению не подлежит» и «Выходит один раз в декаду». В газете также были помещены призыв «Уничтожим преступность трудовым воспитанием!», передовицы, посвященные 9-летию со дня смерти В. И. Ленина и очередной годовщине кровавого воскресенья 1905 г.

В 1932 г. в Дальстрое появились первые ведомственные библиотеки. К лету следующего года их насчитывалось четыре: при парткоме Дальстроя — библиотека партийной литературы; при информационном бюро Дальстроя — юридическая, экономическая и техническая библиотеки. Приказом по Дальстрою от 23 июля 1933 г. была открыта библиотека художественной литературы и создан первый в Магадане библиотечный коллектор.

12 апреля 1933 г. газета «Колымская правда» сообщила об открытии Дома тунгуса в Нагаево. «Условия такие, — писала она, — лица, приезжающие из коренного населения, в доме могут получить бесплатное пользование на время пребывания в "Доме тунгуса": 1) железную койку; 2) матрац, 3) одеяло, 4) подушку, 5) простынь, 6) полотенце, 7) мыло. Кроме указанных предметов первой необходимости, они могут получить чай с сахаром в сутки три раза. Кроме лиц, приезжающих из коренного населения, могут также останавливаться в "Доме тунгуса" рабочие, служащие районов тайги, из трассы и остальных пунктов гостреста "Дальстрой"... "Дом тунгуса" открыт круглые сутки, в доме имеется столовая, женское отделение, красный уголок; он освещен, радиофицирован». В феврале 1934 г. он был преобразован в Дом колхозника и переведен в Магадан.

К 1932 г. относится создание первого театрального коллектива, в состав которого входили как вольнонаемные, так и заключенные артисты, объединенные режиссером Г. П. Шнабелем. Весной 1933 г. на сцене недавно открывшегося клуба Управления Севвостлага (УСВИТЛа) был поставлен спектакль «Утопия», вызвавший одобрение зрителей. Сохранилось сообщение об этом спектакле, в котором сказано: «Драмкружок под художественным руководством тов. Шнабеля преподнес рабочим Нагаева-Магадана прекрасный спектакль "Утопия". Несмотря на то, что завтра предстоял трудовой день, рабочие до 4-х часов просидели и до конца смотрели спектакль» (Колымская правда, 1933).

*Первый номер газеты «Дальстрой» хранится в фондах Магаданского областного краеведческого музея.

Почти в одно время с клубом УСВИТЛа был открыт профсоюзный Рабочий клуб, располагавшийся недалеко от рч. Магадан. Там в 1933 г. пока еще не ставили спектаклей, но организовывали различные мероприятия, посвященные празднованию памятных дат, проходили собрания различных организаций Магадана. 18 сентября 1933 г. именно в Рабочем клубе открылась первая Колымская сельскохозяйственная выставка.

Немногим ранее, 20 июля 1932 г., заместитель директора Дальстроя Я. С. Лившиц издал специальный приказ, в котором предписывалось «...*всем поисковым, разведочным, изыскательским и прочим партиям, а также отдельным сотрудникам, едущим в командировки, ...собирать сведения краеведческого характера о естественных ресурсах района*», «...*обязательно собирание сведений о лесных массивах, глине, камне и других строительных материалах, сенокосных угодьях, ягодниках, ягельниках, рыбных угодьях...*» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 23].

В какой-то мере это дало практические результаты. Собравшаяся летом 1933 г. группа, состоящая из 16 чел., в основном инженерно-технических работников Дальстроя, положила начало Охотско-Колымскому краеведческому кружку (ОККК), организовав его оргбюро в составе 7 чел. и поручив в декадный срок разработать положение и программу кружка. 11 июля 1933 г. произошло второе общее собрание членов ОККК. На нем присутствовало 29 чел., были приняты положение и программа, выбраны 7 членов постоянного бюро и 4 кандидата. Спустя 6 дней этот новый орган провел заседание, на котором были распределены обязанности. Председателем был избран Р. И. Васьков, заместителем председателя Р. Ф. Зейц и секретарем В. Н. Бойко. Там же составили первый план на ближайшее время, основными пунктами которого были исследование истории края, местных ресурсов, промыслов, хозяйств, сбор материалов и экспонатов для будущего музея.

Избрание Р. И. Васькова первым председателем постоянного бюро ОККК не являлось случайным. Будучи начальником Севвостлага (кстати, тоже первым постоянным), он возглавлял ту систему, которая не только являлась самой многочисленной на Колыме, вобрала в себя многих крупных специалистов, мастеров своего дела, но и строилась на упомянутых принципах «просвещения», «перевоспитания» и «перековки» заключенных.

Осуществлением этих принципов на деле непосредственно занимался КВО – культурно-воспитательный отдел Севвостлага. Так как не хватало квалифицированных кадров, он организовывал курсы шоферов, дорожных десятников, прорабов, коллекторов, топографов, горных смотрителей, счетоводов. Курсы организовывались в Магадане, а затем отучившихся отправляли для работы на Колымскую трассу или на горнодобывающие прииски. Одновременно практиковалось так называемое индивидуальное ученичество.

Усилиями КВО Севвостлага (или УСВИТЛа) за 1933 г. было подготовлено 640 чел., из которых 376 прошли курсы «с отрывом от производства» (т. е. одновременно не работали в лагере), 89 – «без отрыва» и 175 – «индивидуальное ученичество». Параллельно с этим культурно-воспитательный отдел проводил занятия в политкружках, открывал красные уголки, организовал обучение заключенных в школах ликбеза, в школах для малограмотных и в школах повышенного типа. Дальстрою в то время деятельность КВО Севвостлага приносила плоды. Находившиеся в заключении при «мягком», «щадающем», «берзинском» режиме после освобождения оставались работать на Колыме, многие из них действительно трудились честно, создавали семьи, на долгие годы или навсегда оседали в Магадане. Часть из этого контингента освобожденных (особенно из бывших «политических») погибла во время массовых репрессий конца 30-х гг.

Расширение строительства жилья, даже самовольная застройка способствовали дальнейшему слиянию Нагаево и Магадана, что вело к возникновению новых улиц, а в некоторых случаях (при возникновении новых) – к поглощению старых. Так, в 1931 г. на территории Нагаево и Магадана существовало всего несколько улиц: Октябрьская, Блюхерская, Ленинская, Тунгусская, Ольская, Колымская, Якутская и Конный двор (затем – Пролетарская), немного позднее к ним добавились и другие, в том числе Рабочая, Газетная, Корейская, Возрожденская, Даниловская, Зарубинская*.

Однако они просуществовали совсем недолго. 19 апреля 1933 г. Э. П. Берзин как уполномоченный Дальневосточного крайисполкома подписал постановление: «*Возложить на комендатуру Дальстроя проведение прописки населения поселков: Магадан, Нагаево. Срок явки для прописки устанавливает комендатура. За несвоевременную явку без уважительных причин установить штраф в размере 200 руб.*». В перечне улиц, жители которых должны были явиться для прописки, указано всего 16 наименований – Октябрьская, Блюхерская, Ленинская, Северная, Эвенская, Портовая для Нагаево и Пролетарская, Колымское шоссе, Калининская, Дзержинского, Пионерская, Комсомольская, Якутская, Тунгусская, Максима Горького, Сталинская для Магадана, а также мехгородок и стандартные дома.

Приехавший летом 1933 г. геолог А. В. Зимкин вспоминал: «*То, что тогда называлось Магаданом, представляло собой несколько десятков домов и палаток, разбросанных на большом расстоянии друг от друга в сильно разреженном беспорядочной порубкой лесу. Достраивалась бревенчатая одноэтажная гостиница. Возле первого магазина возникал крупный, как тогда казалось магаданцам, жилищный массив – ставились восемь двухэтажных щитовых домов, присланных из Ленинграда. Управ-*

*Названия выявлены автором во время работы в архиве Магаданского ЗАГСа.

ление Дальстроя помещалось в длинном одноэтажном бараке, разгороженном фанерой на крохотные комнатухи. В узком коридорчике едва можно было разойтись... Столовая помещалась в только что отстроенном доме у берега Магаданки, должно быть, специально поближе к питьевой воде» [Зимкин, 1963. С. 8].

30 марта 1934 г. в Магадане открылся Дом инженерно-технических работников (ДИТР). В его состав входили лекционный зал, читальня, комната отдыха, буфет. Застраивалась чуть ранее появившаяся улица имени Берзина, где стал жить директор Дальстроя вместе со своей семьей. Это был самый центр Магадана.

В день открытия ДИТРа на улице Сталинской в Магадане открылся и Охотско-Колымский краеведческий музей (ОККМ), организованный на базе 649 экспонатов недавно прошедшей первой выставки. «Здание, занимаемое музеем, — отмечалось в его первом отчете, — представляет собой дом из 5 экспозиционных комнат, помещений мастерской, канцелярии, кладовой и комнаты для жилья сотрудников... Заведующим музеем с марта по декабрь состоял в порядке общественной нагрузки Цезарь Маркович Крон. В декабре был назначен В. С. Качурин. Научными сотрудниками первоначально работали П. Н. Дороватовский и В. А. Злотин...» [ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 17, л. 62–63].

Они, как затем научный сотрудник ОККМ А. И. Иконников (он был принят вместо В. А. Злотина) и препаратор Ю. Л. Тустановский, являлись заключенными Севвостлага. А. И. Иконников до этапирования на Колыму одно время работал научным сотрудником Нижегородского государственного музея; с 1927 по 1929 г. являлся его директором. Потом он работал старшим научным сотрудником Детскосельских дворцов-музеев и заведующим Павловским дворцом-музеем в г. Слуцк-Павловске.

П. Н. Дороватовский еще студентом Ленинградского госуниверситета занимался научной работой, связанной с проблемами профсоюзного движения в России; являлся автором нескольких статей. После окончания учебы он продолжал исследования в Ленинградском центральном архиве и в комиссии по изучению истории российских фабрик и заводов. В 1932 г. П. Н. Дороватовский был арестован, репрессирован, этапирован во Владивосток, а затем в бух. Нагаева.

Ц. М. Крон в свое время окончил Рижскую гимназию и юридический факультет (с экономическим уклоном) 1-го Московского университета. С 1919 г. он работал в Московском губсовнархозе, потом — в Народном комиссариате внешней торговли, сотрудником торговой секции, членом президиума и заместителем начальника отдела внешней торговли Госплана СССР, был автором книги «Частная торговля при социализме».

В конце 1930 г. Ц. М. Крона арестовали, обвинив в «подрыве государственной промышленности и транспорта», в «организационной деятельности, направленной на свержение существующей власти». После этого он был осужден на три года и направлен в Вишерские лагеря Северного Урала. Осенью 1932 г. Ц. М. Крона этапировали на Колыму. Здесь его использовали по специальности как руководителя плано-финансовой секции дирекции Дальстроя. 4 января 1933 г. Ц. М. Крона освободили и оставили работать в той же должности по вольному найму, позднее назначив первым общественным директором ОККМ.

С самого начала открытия Охотско-Колымского краеведческого музея КВО Севвостлага стал направлять туда экскурсантами заключенных. Автору удалось выявить, что только за один апрель 1934 г. ОККМ посетили 4 группы экскурсантов из лагкомандировки «Новый Магадан» в количестве 120 чел. и 1 группа из спецлагпункта в количестве 30 чел. В то же время уже за июль — декабрь этого же года в музей побывал 9221 заключенный, из них 498 женщин.

В сохранившемся, но неподписанном документе конца 1934 г. говорится: «Лагерники проявляют живой интерес к музею и составляют приблизительно половину его посетителей. Нужно отметить, что среди экспонатов музея находится целый ряд предметов, выполненных или доставленных как отдельными лагерниками, так и группами ударников того или другого лагпункта» [Там же. Д. 13, л. 31].

К концу 1934 г. увидел свет уникальный краеведческий сборник «Колыма». Судя по единственному экземпляру, сохраненному заведующей Охотско-Колымским бюро краеведения Л. Я. Наровчатовой (она приехала в Магадан в 1933 г. к репрессированному мужу, бывшему работнику Наркомата снабжения СССР и Московского института народного хозяйства, отбывавшему срок в Севвостлаге, вместе с малолетним сыном, будущим известным писателем С. С. Наровчатовым) и находящемуся в фондах Магаданского областного краеведческого музея, он состоит из 17 статей под редакцией В. В. Репина, Л. М. Эпштейна и Л. Я. Наровчатовой при участии В. В. Гассельблата, П. В. Грунвальда, Ю. Л. Давыдова, П. П. Казачкова, Ц. М. Крона, Д. Н. Ментова, С. Н. Наровчатова, В. А. Новского, Я. Я. Пуллерица, П. И. Ульянова, В. Э. Фербея, А. И. Юрьевича, П. Г. Субботина.

В предисловии к «Колыме» отмечалось: «Край индустриализуется. На смену прибывающему сюда за время строителю придет постоянный житель. Временный работник для лучшего выполнения своего долга должен знать район, в который он прибыл. Тем более нуждается в этом советский гражданин, избравший Колыму как плацдарм для постоянного приложения своего труда» [МОКМ, оф. 6474, л. 3].

Сборник «Колыма» явился первым краеведческим изданием Дальстроя тиражом 3 тыс. экз. В число ее авторов (кроме упомянутых) вошел ряд руководящих работников и специалистов этой организации. Л. М. Эпштейн возглавлял плано-финансовый сектор Дальстроя, Я. Я. Пуллериц — Санитарное

управление, П. И. Ульянов – Коопсоюз, П. Г. Субботин – советско-партийную школу, В. Э. Фербей был одним из первых крупных агрометеорологов Колымы, Ю. Л. Давыдов (внук декабриста В. Л. Давыдова и племянник композитора П. И. Чайковского) – одним из ее первых агрономов и т. д.

Вскоре после издания сборника «Колыма» Л. Я. Наровчатова отправила в Центральное бюро краеведения при Академии наук обстоятельный доклад, в котором сообщила: «Охотско-Колымское бюро краеведения имеет год работы. За это время организован районный краеведческий музей в Нагаево-Магадане. Музей собрал около 800 №№ вещевых экспонатов и коллекций, более 400 №№ графических материалов (диаграмм, карт, фото и пр.) и небольшую библиотеку по методике краеведения и местному краю... Музей имеет следующие отделы: 1) история края, 2) горная промышленность, 3) сельское хозяйство, 4) лесное хозяйство, 5) пушной промысел, 6) рыбное хозяйство и промысел на морзверя, 7) транспорт и связь, 8) строительный, 9) советское строительство и коренное население... Массовая пропаганда краеведения проводилась посредством докладов и бесед о местном крае. За четыре квартала текущего года в Нагаево-Магадане сделано 33 доклада, обслужено 4747 человек. Для общего ознакомления с районом издан сборник популярных статей в 5 печатных листов о местном крае. Оглавление его следующее: 1. История освоения Колымы. 2. Коренное население и его экономика. 3. Колонизация. 4. Полезные ископаемые Колымского района. 5. Климат, почвы и растительность Колымы. 6. Растениеводство. 7. Строительные материалы. 8. Энергетика края. 9. Рыболовство. 10. Животноводство. 11. Пушной промысел и второзаготовки. 12. Народное образование. 13. Здравоохранение. 14. Связь. 15. Пути и средства сообщения. 16. Перспективы развития района. 17. Краеведение и краеведческие организации» [ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 17, л. 11–13].

Согласно решению административного отдела комендатуры Дальстроя, с 1 апреля 1934 г. с граждан «поселка Магадан-Нагаево» за каждую прописку паспорта и временного удостоверения стала взиматься плата в сумме 1 руб.

1 мая 1934 г., «в день боевой солидарности пролетариев всех стран», на площади перед недавно выстроенным двухэтажным зданием Дальстроя состоялся митинг, в котором приняло участие более 1500 чел. Митинг открыл секретарь парткома гостреста Н. С. Дубинин, оркестр играл «Интернационал». Затем помощник директора Дальстроя по политчасти В. В. Репин принял присягу у молодых бойцов Нагаево-Магаданского гарнизона Охотско-Колымского района. После этого выступили представители других организаций и подразделений Дальстроя. Митинг закончился демонстрацией, далее ее участники направились к узкоколейной железной дороге «для встречи 40 вагонов строительного леса, погруженного в ударном порядке».

1 мая 1934 г. также стало известно о введении в строй новых механических мастерских автотранспорта Дальстроя, руководимых Г. О. Лапиным. В их составе имелись станочно-слесарный, кузнечный, котельный, модельно-медницкий и электросварочный цеха. В течение месяца без малейших повреждений из старых мастерских в новые были переброшены 32 единицы станочного оборудования. К концу мая 1934 г. они срочно отремонтировали 33 мотора «АМО» и 23 мотора «Форд». В этом была большая заслуга старшего механика, одного из лучших ударников и рационализаторов Дальстроя А. С. Стовбчатого, бригадиров В. Н. Долгова и С. И. Шпынева, ударников Т. Т. Голоперова, С. С. Никифорова и Г. Н. Смирнова.

«Первого мая, – рассказывал на страницах газеты «Колымская правда» начальник Портостроя П. П. Будзко, – коллектив рабочих и инженерно-технических работников строительства порта взял на себя обязательство передать в эксплуатацию причальную линию, разгрузочно-сортировочную площадку и проезд по дороге в порт раньше срока, указанного директором треста тов. Берзиным (15/VI). Ударными темпами, объявлением штурма в последние две недели мая, действительным энтузиазмом всех работников удалось это обязательство выполнить с честью. Мортран готов к принятию и разгрузке пароходов за 10 дней до срока, о чем особым рапортом “треугольник” донес тов. Берзину. Произведена ответственная работа по укреплению откосов с морской стороны крупным камнем (весом до 3 тонн и более) с исправлением размытых в прошлом году участков. Производились мелкие взрывы в расстоянии 60–70 метров от баков, а также взорваны за этот период две штольни, давшие 55 000 куб. метров... Прорабство ряжа общими усилиями не менее удачно справилось с трудной и ответственной в техническом отношении задачей спуска и установки ряжа, применив забракованный в прошлом году метод спуска со льдом. Этот метод состоял в том, что ряж встал на дно бухты, имея под своим днищем толщу льда, и только благодаря умелому и верному руководству он в дальнейшем встал без перекоса и каких-либо деформаций. Нынешний ряж превосходит прошлогодний в два раза. Прорабство дороги, развернувшее свои работы по подготовке проезда лишь в первой декаде мая, сумело подготовить полотно на протяжении 3 километров, несмотря на значительные весенние осадки грунта и несмотря на трудности работ на протяжении одного километра в тяжелых грунтах в морозном состоянии. Итак, первая очередь строительства порта в нынешнем году закончена на 10 дней раньше планового срока» [Будзко, 1934. 15 июня].

В связи с этим 4 июня 1934 г. к первому причалу Нагаевского морского порта пришвартовался первый пароход. После этого продолжалось строительство второго причала. 8 сентября 1934 г. Э. П. Берзин издал приказ, в котором говорилось: «§ 1. В системе треста “Дальстрой” сего числа организуется

Управление строительства завода № 2 на самостоятельном балансе. § 2. Начальником строительства завода № 2 назначается Николай Исаевич Мовсесов с подчинением т. Алмазову. § 3. Приказываю т. Мовсесову в трехдневный срок представить мне на утверждение проект положения штатов Управления» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 9, л. 84].

Этот приказ стал руководством к действию, и на южном берегу бух. Нагаева началось строительство судоремонтного завода № 2 «согласно проекта, составленного в Ленинграде», но затем доработанного на месте. В частности, пришлось внести значительные изменения в сооружение цехов. Здесь свою роль сыграл выбор площадки для строительства завода. В связи с этим «оказалось совершенно необходимым делать свайные основания под главнейшие цеха, что не предусматривалось по проекту» [Там же. Д. 476, л. 118].

Получалось, что характер строительства судоремонтного завода № 2 «в основном такой же, как и строительства порта», потому что под площадку (общей площадью 6 га), на которой он возводился, приходилось вырубать место прямо в прибрежных скалах, «засыпая береговую полосу бухты добычаемой в них породой». Кроме этого сооружался ограничительный каменный мол «с ряжевой головной частью объемом 60 тыс. м³». Непосредственно к его строительству приступили уже позднее, когда общую площадку под завод довели до 50 300 м². При этом скалу разрабатывали не только ручным способом, мелкими взрывами штолен, но и с помощью экскаватора «путем перекидки крупных глыб камня весом до 3-х тонн» [Там же. Д. 455, л. 34].

«В Магадане, — писала газета «Колымская правда» 13 сентября 1934 г., — уже создан пивоваренный завод мощностью до 100 тыс. ведер пива. С сырьем для завода (главным образом ячмень) мы обойдемся своими средствами, т. к. ячмень, как показали опыты Олы, Тайиска и Таскана, — у нас растет. Завод должен быть пущен на днях и явится, с точки зрения пополнения нашего «консервного бюджета» питания, весьма желательным».

Немаловажным стало и издание Э. П. Берзиным как уполномоченным ДВКИКа Постановления № 84 от 15 июля 1934 г. «О правилах, сроках и способах охоты в охотничьих угодьях Охотско-Колымского района», которое, естественно, имело непосредственное отношение к жителям Магадана как временного административного центра Дальстроя. В нем указывалось: «1. Правом и производством охоты на территории Охотско-Колымского района за исключением площадей, отведенных под особые охотничьи угодья, заповедники и заказники, пользуются все граждане, достигшие 14-летнего возраста, имеющие при себе свидетельство на право производства охоты, оплаченное единой государственной пошлиной... Свидетельство на право охоты выдается райисполкомами, сельсоветами и лесообъездниками, а в поселках Магадан и Нагаево — комендатурой Дальстроя... От обязанности иметь свидетельства на право охоты освобождаются все коренное население района (тунгусы, якуты, юкагиры, камчадалы). 2. Воспретить общеопасные способы добычи зверей и птиц, как-то: настораживание ружей и самострелов, опускание палов, рытье ям, разбрасывание отравы, применение взрывчатых пилуль и прочее... 3) Воспретить массовые губительные способы добычи зверей: загоны по насту, загон на лед, засеки, петлевую ловушку на кабаргу, пользование башибаком для добывания оленя и лося... 4) Воспретить собирание птичьих яиц и разорение гнезд, а равно звериных нор и выкапывание молодняка, за исключением нор и гнезд вредных хищников зверей и птиц... Воспреиствие не распространяется на сбор яиц морских птиц, как-то: чайки, топорков, бакланов, гагар. 5) Воспретить в течение круглого года охоту на лося (сохатого), дикого оленя, горного барана и песца повсеместно. 6) Производство охоты разрешается: а) на белку, лисицу, горностая, ласку, выдру и зайца с 1 ноября по 1 апреля; б) на глухаря, рябчика, куропаток, тетерева с 1 сентября по 1 апреля... Охота на самцов глухаря и тетерева разрешается с 1-го июня; в) на лебедя, дупеля, бекаса, кроншнепа, вальдишнепа, гусей, уток и гадар с 1 сентября до конца отлета и с момента прилета до 10 июня. 7) Орлан, ястреб, филин, сокол, медведь, рысь, россомаха, дикая кошка, бурундук могут быть истреблены во всякое время года и всякими способами, кроме общеопасных...»

15 сентября в Магадане открылся педагогический техникум. В Управлении уполномоченного ДВКИКа отмечалось: «В текущем 1934/35 учебном году техникум имеет отделения: а) подготовительное и б) основное. Условия приема в техникум следующие: а) подготовительное отделение — срок обучения 2–3 года, принимаются коренные жители — националы обоего пола с подготовкой в пределах начальной школы, по социальному происхождению — рабочие, батраки, бедняки, середняки, проявившие себя на партийной, комсомольской и другой общественной работе, владеющие русской разговорной речью, в возрасте от 16 до 35 лет; б) основное отделение — принимаются лица обоего пола, имеющие образование в пределах полного курса семилетки. Срок обучения в техникуме, не считая подготовительного отделения, 4-годовалый. Лица, командируемые в техникум, должны иметь: 1) командировочное удостоверение РИКа с указанием возраста, семейного положения, партийности, национальности, социального происхождения, занимаемой должности, точного адреса местожительства; 2) характеристику от местной партийной, комсомольской и советской организаций и 3) справку врача о состоянии здоровья. Больные и физически слабые в техникум не принимаются. Принятые в техникум обеспечиваются: общежитием с постельными принадлежностями, учебниками и учебными пособиями, стипендией в размере 150 руб. в месяц».

Согласно первоначальной «разверстке мест» в педагогическом техникуме предполагалось обучение всего нескольких десятков человек.

Район	Отделение		Всего уч-ся
	подготов.	основное	
Ольский	7	8	15
Тауйский	5	8	13
Среднеканский	5	2	7
Северо-Эвенский	3	2	5
Всего	20	20	40

Однако на 1 января 1935 г. здесь уже училось 68 чел.: русских – 34, камчадалов – 14, эвенков – 10, якутов – 5, украинцев – 2, евреев – 1, немцев – 1, чувашей – 1.

Вскоре было принято решение организовать при управлении снабжения Дальстроя «производственные мастерские росписи тканей» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 9, л. 140]. В связи с этим с 1 октября 1934 г. художественным руководителем мастерских стала К. И. Мосякова. В октябре 1934 г. был организован и учебный

комбинат Дальстроя. Сохранился приказ по Управлению уполномоченного ДВКИКа, в котором отмечено: «*Прибывший в мое распоряжение тов. Маркевич Б. М. назначается директором учебного комбината с 16 октября 1934 года с окладом содержания 100 руб. в месяц*» [Архив СВЗ, д. 3557, л. 19]. В данной должности Б. М. Маркевич находился до 1937 г.

В период организации учкомбината Магадан готовился к приезду делегатов первого Межрайонного съезда Советов Колымы, который открылся в начале ноября 1934 г. Приехало всего 25 делегатов, но на съезде выступали все.

6 ноября 1934 г. в Верхнем и Рабочем клубах Магадана состоялись торжественные заседания, посвященные 17-й годовщине Октябрьской революции. В них делегаты первого Межрайонного суда Советов приняли активное участие. 7 ноября 1934 г. они также участвовали в параде на площади перед зданием дирекции Дальстроя. Его принимали Э. П. Берзин и З. А. Алмазов, а за расстановку демонстрантов отвечал комендант Управления комендатуры И. М. Долтовский.

Президиум съезда дал телеграмму наркому НКВД Г. Г. Ягоде, в которой говорилось: «*Первый Межрайонный съезд Советов шлет тебе горячий пламенный привет. Под руководством Коммунистической партии во главе с нашим любимым вождем СТАЛИНЫМ под твоим ближайшим руководством и непосредственным руководством ревностного большевика БЕРЗИНА мы осваиваем нашу Советскую Колыму. Непроходимая, непролазная тайга становится культурным центром, успешно выполняя почетную роль валютного цеха страны социализма. Мы с гордостью рапортуем тебе о том, что хозяйственный план по работе за текущий год выполнен и перевыполнен. Увеличивая вылов рыбы, впервые осваивая сельское хозяйство, по-большевистски укрепляя колхозы, идем к зажиточной жизни. Организуем молочные фермы, разрешаем мясную проблему, бьемся за увеличение поголовья скота. У нас налицо уже все предпосылки перехода от кочевья к оседлости. Широко развернуто строительство национальных центров и школ, растет сеть других культурных учреждений и медицинской помощи. Съезд приносит тебе глубокую благодарность за все заботы о нас, отсталых народностях Крайнего Севера. Мы убедились и верим, что только объединением и переходом на оседлость ликвидируем остатки неравенства*».

С основным докладом на съезде как уполномоченный Далькрайисполкома выступил Э. П. Берзин. Он говорил об итогах и задачах социалистического строительства на Колыме, о перспективах развития экономики и культуры. По докладу Э. П. Берзина было принято постановление. Наиболее важные пункты его относились к области советского строительства. Они никогда затем полностью не приводились и не комментировались.

По мнению автора, это происходило из-за нежелания вспоминать содержание 11-го пункта постановления съезда, касающегося области советского строительства и имеющего прямое отношение к Магадану: «*Считая, что существующее национальное экономическое районирование не отвечает правильному обслуживанию коренного населения и не приближает к нему районных органов власти, просить уполномоченного крайисполкома т. Берзина поставить перед краевыми органами и правительством вопросы о разукрупнении районов, кроме того просить о присвоении поселку Магадан прав города и переименовать его в Эвенград*» [Козлов, 2002. Ч. 1. С. 23].

Вопрос о разукрупнении районов был решен только с образованием Магаданской области, вопрос о Эвенграде, по всей видимости, был сразу забыт. Сохранившиеся приказы, постановления, решения Дальстроя свидетельствуют о том, что до конца октября 1934 г. во всех этих официальных документах фигурировала только «б/х Нагаево». Но вот в приказе № 361 от 27 октября 1934 г. в верхнем правом углу впервые появилось название «г. Магадан». Этот приказ подписан Э. П. Берзиным и посвящен назначению нового начальника Севвостлага И. Г. Филиппова. Однако в следующем приказе вновь указывается «б/х Нагаева» и продолжает указываться далее. Вопрос, как говорится, вновь остался открытым, хотя название «город Магадан» уже проникло на страницы периодической печати, фигурировало в ряде воспоминаний. В записках известного геолога С. В. Обручева даже говорится о двух городах.

В бух. Нагаева экспедиция С. В. Обручева прилетела на самолете СССР-Н-1 19 августа 1932 г. «*Тауйскую губу, – писал ученый, – мы пересекли еще на большой высоте, и идем прямо к бухте Нагаево. Только поздно ночью кончилась эта скучная процедура. Мы перебрались на ночевку в город и с любопытством побродили по его улицам. Нагаево действительно город с несколькими улицами, взбирающимися во все стороны на крутые горы. Ровного места здесь почти нет... А за холмом, в долине речки Могодон, на просторной и свободной площади построен другой город Могодон – современная столица*».

побережья (Нагаево – только торговый город). В него из Нагаево ходят автобусы (пока еще грузовики со скамейками) и даже, как говорят, цивилизация зашла так далеко, что в этих автобусах надо остерегаться карманных воров» [Обручев, 1934. С. 42–44].

Сохранился дневник бывшего краеведа Восточно-Эвенской культбазы, а затем уполномоченного окрисполкома М. Г. Левина. В нем есть запись: «11 октября 1932 г. Пароход “Орочен”. Утро. Мы в Нагаевской бухте. Пришли сюда еще вчера вечером. Стоим у Каменного Венца – берем уголь с японского парохода. Далеко видно Нагаево, новое Нагаево. Смотришь и не узнаешь, так как за год все изменилось. Дома культбазы, которые еще в прошлом году доминировали над всем округом, сейчас совсем потонули в строениях. Издали по хребтину на Магадан вьется дорога. Это дорога в город. В новый город на Магадане. Самая меня поразившая новость: на Магадан курсирует пассажирский автобус. Проезд всем гражданам. Цена билета 20 копеек. Город! Город!» [Козлов, 1988. С. 17–18].

Следующая наиболее известная публикация о Магадане как о городе принадлежит дальневосточному журналисту А. Т. Фетисову. С февраля 1933 г. он работал заведующим промышленно-экономическим сектором газеты «Тихоокеанская звезда». Побывав в Магадане, А. Т. Фетисов писал: «Город носит название Магадан. Это – центр Охотско-Колымского края. Но что скажут вам семь бессмысленных букв? Если бы Вы даже в фабрично-заводской десятилетке были самым лучшим учеником по географии и никогда не проливали слез у глобуса, вы все равно без нашей помощи этого города на карте не найдете. Он так молод, что не успел попасть ни в один учебник географии, ни на одну карту. Полтора года назад здесь была непроходимая тайга. Город вырос менее чем за год. Чтобы точно знать местонахождение Магадана, возьмите карту Севера Дальневосточного края, найдите, скажем, Охотск и поднимайтесь по морскому берегу вверх на север до так называемой Тауйской губы. Найдите бухту Нагаево, а вот в полутора километрах от этой бухты, где сейчас построен порт, – и будет город Магадан» [Фетисов, 1934].

Вслед за А. Т. Фетисовым свое описание Магадана в традициях того времени оставил заведующий производственным отделом газеты «Колымская правда» А. П. Савельев: «Интересно, что на картах Охотского моря даже издания 1933 года... нет бухты Нагаева, не указан город Магадан. Это неважно, что мы именуем его до сих пор “поселком”. Можно назвать не одну сотню городов Союза с населением меньшим, чем Магадан (с Нагаевым), не имеющих своей электростанции. А по количеству автомашин Магадан может потягаться со многими даже областными городами. Несомненно, что на картах будущего года появятся и Нагаево, и Магадан, и Атка (он станет городом через несколько месяцев) и Сеймчан, и Таскан... Да, мы растем. Растем не по дням, а по часам» [Савельев, 1934].

Оптимизмом А. П. Савельева тогда были заражены многие. 1934 г. стал для Колымы очень успешным, особенно в выполнении планов горнодобывающей промышленности, дорожного строительства и завершения строительства Нагаево-Магаданской базы. О деятельности Дальстроя, о Магадане становилось известным на «материке», правда, еще не всегда из достоверных источников. Так, в одном из сборников материалов по развитию северных окраин Советского Союза указывалось: «На громаднейшем протяжении мы располагаем уже рядом значительных индустриальных центров, рядом крупных городов, рядом культурных очагов... На другой северо-восточной окраине нашего Союза... Нагаево (свыше 10 тыс. чел.) и т. д.» [Крайний..., 1934. С. 10].

В связи с этим, выступая немного позднее, 7 марта 1935 г., на втором пленуме правления Союза советских писателей с речью «Наша литература – влиятельнейшая литература в мире», А. М. Горький сказал: «Творческие, организующие качества и свойства человека организованы трудом. Вот это недостаточно усваивается и понимается. А в нашей стране, казалось бы, это должно быть понятно особенно, потому что то, что делается человеческим трудом в нашей стране сейчас, это же совершенно фантастично, сказочно. Мы не умеем охватить всей картины строительства. Мы не знаем, что делается где-то на Колыме, в Средней Азии, на островах Арктики – везде, где работает страшная созидательная сила, страшная по своим размерам, по тем результатам, которые она дает... У нас какие-то нелады с действительностью. Надо ее шире обнять, глубже понять! Надо глубже войти в нее» [Горький, 1953. С. 774].

В то же время, в период работы первого Межрайонного съезда Советов Колымы, было подготовлено «Временное положение о партийной комиссии парторганизации Дальстроя», в котором указывалось: «Партийная комиссия избирается ежегодно на партийной конференции чл. ВКП(б) территории Дальстроя Охотско-Колымского района ДВК. 2. Членами партийной комиссии могут быть избраны члены ВКП(б) с партстажем не менее 5-ти лет, для ответственного секретаря парткомиссии обязательен 10-летний стаж. 3. Состав членов парткомиссии устанавливается уполномоченным крайкома ВКП(б), в зависимости от наличия членов парторганизации ДС от 3-х до 5-ти членов и от 2-х до 4-х кандидатов и утверждается крайкомом ВКП(б). 4. Секретарь парткомиссии до окончания срока полномочия не может быть перебран с одной работы на какую-либо другую работу без санкции и согласия на то уполномоченного крайкома ВКП(б) по Дальстрою» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 424, л. 11].

В задачи, права и обязанности парткомиссии входили: «1. Борьба с нарушениями членами и кандидатами партии программы, устава ВКП(б), решений партсъездов, директив ЦК ВКП(б), крайкома ВКП(б), уполномоченного крайкома ВКП(б) по Охотско-Колымскому району и помполита Дальстроя.

2. Решительная борьба за генеральную линию партии против всяких антипартийных оппортунистических взглядов, уклонов и действий членов и кандидатов партии, антипартийных группировок и фракционности, нарушающих единство ВКП(б), а также борьба со всякого рода болезненными явлениями внутрипартийных организаций. 3. Партийная комиссия в деле укрепления и партийных и комсомольских организаций ставит своей целью своевременное предупреждение болезненных явлений среди членов, кандидатов и комсомольцев за укрепление дисциплины, поднятие партответственности, за укрепление и улучшение социального состава партийных и комсомольских организаций Дальстроя. 4. Парткомиссия принимает участие вместе с помощником по политической части и под его руководством в обследовании партийных и комсомольских организаций, в изучении отдельных болезненных явлений состояния организации. 5. Партийная комиссия производит прием в кандидаты и в члены. Лица 1-й и 2-й категорий принимаются партийной комиссией окончательно, лица 3-й и 4-й категорий утверждаются крайкомом ВКП(б). 6. Все решения партийной комиссии, в том числе и связанные с исключением из партии, являются окончательными и могут быть обжалованы непосредственно в крайком ВКП(б) ДВК. 7. Все постановления партийной комиссии проводятся в жизнь через помощника по политической части директора Дальстроя. При разногласиях вопросы передаются на окончательное решение уполномоченному комиссии партконтроля ЦК ВКП(б) по ДВК. 8. Партийная комиссия отчитывается о своей деятельности перед партийной конференцией, созываемой не реже одного раза в год» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 424, л. 11].

Исходя из этого, 13 ноября 1934 г. Э. П. Берзин как уполномоченный Дальневосточного крайкома ВКП(б) издал постановление, касающееся усиления партийного руководства на территории деятельности Дальстроя. «В связи с тем, — указывалось в документе, — что существующие формы партийной и комсомольской работы на сегодняшний день не обеспечивают выполнение всего объема задач, стоящих перед партийной организацией по экономическому и социально-культурному освоению района Дальстроя, проводимое парткомом ДС непосредственное руководство всеми партийными комсомольскими организациями, кандидатскими группами и группами сочувствующих, а также распределение и перемещение коммунистов передать моему помощнику по политчасти тов. Репину В. В. 1) Для осуществления этого руководства создать аппарат политчасти из: 1 старшего инструктора по пропаганде марксизма-ленинизма, 1 технического секретаря, 1 машинистки. 2) Для рассмотрения конфликтных дел, а также приема и исключения коммунистов и комсомольцев организуется при политчасти партийная комиссия, возглавляемая секретарем. Партийная комиссия избирается на ежегодных партийных конференциях в составе 3-х членов и 2-х кандидатов. До созыва партконференций работу парткомиссии возложить на помощника по политчасти. 3) Исходя из «Временного положения о помощнике директора ДС по политчасти», тов. Репину разработать инструкцию о работе по политчасти и представить мне в 3-х дневный срок на утверждение. 4) Предложить тов. Репину проработать в парторганизациях «Временное положение о помощнике директора ДС по политической части» и данное постановление» [Там же. Л. 12].

17 ноября 1934 г. состоялось открытое собрание партгруппы дирекции Дальстроя. Выступивший на нем В. В. Репин проинформировал собравшихся о том, что Э. П. Берзин утвердил уже разработанное «Временное положение о помощнике директора ДС по политической части». Он же сообщил о расширении своих полномочий и о решении связанных с этим первоочередных задач.

Что касается партийной комиссии Дальстроя, то ее первое заседание состоялось позднее, 10 февраля 1935 г. На нем присутствовали ее члены: В. В. Репин, А. Г. Нечаев, Н. А. Смирнов и К. К. Шель. Секретарем парткомиссии утвердили «т. Н. А. Смирнова» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 44]. Он затем подписывал все протоколы партийной комиссии, решения которых согласовывались с В. В. Репиным как с помощником директора Дальстроя по политчасти. В 1935 г. состоялось всего 18 заседаний парткомиссии ДС.

14 ноября 1934 г. Э. П. Берзин издал приказ № 380, который гласил: «Утвердить как марку Дальстроя прилагаемую при сем эмблему следующего содержания: правильный пятиугольник с двойным контуром; по темному фону светлые буквы «ДС», вписанные своими очертаниями в пятиугольник» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 9, л. 179].

16 ноября 1934 г. Э. П. Берзин издал приказ № 383 по ДС: «Управление строительства Нагаево-Магаданского района ликвидировать, включив его в состав Управления комендатуры Нагаево-Магаданского района» [Там же. Л. 184]. В этот же день из состава Управления снабжения Дальстроя был «выделен отдел использования местных ресурсов с превращением его в самостоятельное управление (УИМР)» [Там же]. С 5 декабря 1934 г. началась ликвидация Нагаевского промхоза, в связи с чем произошла передача входивших в него рыбных промыслов: промысла «в бухте Гертнера, устье Магадана, устье Дукчи, Черный ключ и Веселая» — в Ольский сельскохозяйственный комбинат, промысла ОКСа — в Тауйский сельскохозяйственный комбинат, «промысла в бухте Нагаева — Управлению морского транспорта, возложив на него лов хозяйственным способом» [Там же. Л. 237].

Между тем уже с конца лета 1934 г. Э. П. Берзин стал готовиться к очередному отпуску на «материк». Об этом наглядно свидетельствует его приказ от 7 сентября 1934 г. «Моего помощника по Московскому представительству и помощника начальника ГУЛАГ тов. Алмазова З. А., прибывшего для заме-

нения меня на время командировки в Москву и отпуск, полагаю налицо с 27 августа с. г. До моего отъезда возложить на тов. Алмазова обязанности моего заместителя по материальному сектору работ с поручением руководства Управлением снабжения, автотранспорта, Мортрана и КРУ ДС» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 9, л. 80].

З. А. Алмазов (Алмязян) в свое время являлся заместителем Э. П. Берзина на строительстве Висшерского целлюлозно-бумажного комбината. Затем, будучи помощником директора Дальстроя и начальником Московского представительства ДС, он 16 декабря 1933 г. был также назначен (по совместительству) помощником начальника ГУЛАГа М. Д. Бермана. Совмещая эти должности, З. А. Алмазов и приехал в бух. Нагаева. Однако на этот раз ему удалось проработать под руководством Э. П. Берзина лишь около 3 мес.

21 ноября 1934 г. директор Дальстроя издал приказ № 390. «Уезжая в командировку и в отпуск, — отмечал он, — исполнение моих обязанностей на время нашего отсутствия возлагаю на тов. Алмазова Завена Арменаковича» [Там же. Л. 197]. Вместе с Э. П. Берзиным выезжало в отпуск большое количество дальстроевцев, в том числе начальник Управления Мортрана Э. О. Лапин, начальник Сануправления Я. Я. Пуллериц, начальник Нагаево-Магаданского строительного района М. А. Заборонок и др.

Оценивая работу последних, директор Дальстроя еще в одном приказе особо подчеркнул: «Главный инженер Горного управления по капитальному строительству тов. Мордухай-Болтовский В. Д., начальник отдела изысканий тов. Зейц Р. Ф. и инженерно-технические работники проектного отдела и отдела изысканий ГУ т.т. Тихомиров А. М., Астабацатуров А. Г., Лепковский Е. В., Рогов П. И., Турицын М. Г., Никифоров Г. П., Домбровский П. В., Турицын В. Г., Клеменов С. А., Сидоров С. П., Шавлов В. М., работая непрерывно в Колымском крае в течение 1932–34 годов, успешно выполнили ряд серьезных изыскательных и проектных работ, способствовавших правильному разрешению вопросов строительства в условиях Колымы. Сюда относятся работы по проектированию и изысканию автобазы в Нагаево-Магадане, электростанции, центрального отопления, перехода через р. Магадан, а также отдельные работы, связанные со строительством Нагаевского порта. В 1934-м году той же группой выполнен ряд работ по изысканию и подготовке эскизного проекта горнорудного комбината. Объявляю всем названным работникам благодарность с занесением в личное дело» [Архив СВЗ, д. 1421, л. 60].

Кроме этого Э. П. Берзин издал приказ № 0018 «по гарнизону Охотско-Колымского района» и сделал сообщение как уполномоченный Далькрайкома ВКП(б). Оба документа также датировались 21 ноября 1934 г. В приказе № 0018 говорилось: «В связи с моим отъездом в командировку и отпуск права и обязанности старшего чекистского начальника и начальника гарнизона, передаю на время моего отсутствия тов. Алмазову Завену Арменаковичу» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 16, л. 22].

Сообщение Э. П. Берзина гласило: «Всем партийным, советским и профсоюзным организациям. В связи с моим отъездом в отпуск постановлением Далькрайкома ВКП(б) от 11 августа 1934 г. за № 47 § 51 и Далькрайисполкома от того же числа за № 18-153 тов. Алмазов Завен Арменакович на время моего отпуска утвержден уполномоченным Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома по району Дальстроя» [Там же. Л. 23].

З. А. Алмазов замещал Э. П. Берзина в должностях директора Дальстроя, уполномоченного Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома, НКВД СССР («старшего чекистского начальника») и начальника «гарнизона Охотско-Колымского района» до 19 июля 1935 г. За 200 дней им был внесен определенный вклад в руководство развитием Колымы и строительства Магадана.

Еще за день до отъезда Э. П. Берзина в отпуск на «материк», 20 ноября 1934 г., в Магадане вышел последний номер «Колымской правды». Согласно нумерации он был (с таким названием) 47-м. 27 ноября 1934 г. вышел первый номер газеты «Дальстроевец», редактором которой стал (как ранее «Колымской правды») А. И. Бахарев. В этом номере была помещена информация комсомольца М. Ф. Пастернака о проходившем с 7 ноября 4000-километровым лыжным переходе 12 лыжников-пограничников Охотско-Колымского пограничного отряда (организован 27 сентября 1932 г.) по маршруту Нагаево — Хабаровск.

«Команде поручено, — писал он, — вести наблюдение за метеорологическими факторами побережья Охотского моря, внести коррективы в существующую довольно неточную карту этого побережья и ряд других научных работ... Команда займется просвещением коренного населения, ознакомлением его с последними мероприятиями Советской власти и партии».

Лыжный переход Нагаево — Хабаровск в общей сложности занял 108 дней. 23 февраля 1935 г. газета «Тихоокеанская звезда» поместила заметку, в которой сказано: «Вчера, накануне дня знаменитой годовщины, в Хабаровск со всех концов края с эстафетой-рапортом о больших и малых победах всех частей ОКДВА слетелись сотни бойцов, пышно цветущих здоровьем, мужеством и отвагой. С ними в одночасье подошли и 12 храбрецов-пограничников с далекого Охотско-Колымского берега, совершившие 4000-километровый переход, который, пусть вдвое короче, чем Хабаровск—Москва, но зато и вдвое более трудней. Этих двенадцать в Хабаровске долго ждали, не раз волнуясь за их судьбу... Они шли, где можно, мрачным берегом Охотского моря, но побережье было небогато снегом, и они углублялись в пустыни девственной тайги, где снега лежат двухметровым слоем. Они трижды пересекали горы Станового хребта, неделями не встречали ни души. Их жег 58-градусный мороз, но они шли молча,

стиснув зубы, как бы выполняя боевой приказ, давая о себе редкие и удивительно короткие весточки. Тем дорожке, счастливей и радостней была вчерашняя встреча, пригодовленная 12 хабарцам... Они – 12 загорелых и сильных, даже без малого следа усталости, стояли с винтовками через плечо, держа у ног выбеленные снегами лыжи, весело глядя в глаза встречавших. И вот в ответ на приветливую речь заместителя председателя крайисполкома т. Герчикова, назвавшего их заслуженным именем героев, командир двенадцати – Миша Пастернак звонко и просто ответил: "Путь пройден. Все двенадцать здоровы, крепки, готовы всегда к защите Родины"» [Кулыгин, 1935].

Вслед за этим пограничники были приняты командующим ОКДВА В. К. Блюхером. После обстоятельной беседы он всем вручил памятные грамоты. Так как лыжный переход Нагаево – Хабаровск оценивался по выполнению не только тех задач, которые преследовали чисто пограничные цели, но и военно-спортивных, то в каждой грамоте говорилось: «Выдана пограничнику-динамовцу... в том, что он является участником перехода Нагаево-Хабаровск, расстоянием 4000 км, совершенного в срок с седьмого ноября 1934 года по 22 февраля 1935 года. Переход совершен по неизведанной ранее местности, в условиях тундры, непроходимой тайги, отсутствия жилья и каких бы то ни было дорог» [Козлов, 2005. 16 марта].

За несколько лет до этого, 26 января 1932 г., на внеочередном заседании Охотско-Эвенского окружного бюро крайкома ВКП(б) было принято решение «организовать противопожарную охрану», для чего «выделить во всех предприятиях (ЦМЗ, АКО, Интегралсоюз и других) определенных лиц, отвечающих за противопожарную охрану» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 2, д. 3, л. 9].

Затем была организована пожарная охрана Дальстроя, которую до 10 марта 1932 г. возглавлял «тов. Мулянов», а затем «тов. Попов М. М. с окладом содержания 390 руб. в м-ц» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 48]. 21 октября 1932 г. Я. С. Лившиц издал приказ, в котором говорилось: «В целях обеспечения свободного проезда пожарному обозу при пожарных тревогах, при выезде такового на занятие или при других следованиях в том или ином направлении, предлагается всем рабочим автотракторного гаража, конного двора и других предприятий во избежание несчастных случаев... давать беспрепятственный проезд по дорогам, сворачивая в сторону. Лицам, едущим на лошадях, сходить с таковых и брать под уздечками своих лошадей» [Там же. Д. 2, л. 125]. 11 ноября 1933 г. приказом Э. П. Берзина для «наиболее полного обслуживания Магадана и Нагаево пожарной охраной» был утвержден ее состав «в числе 160 штатных единиц» [Там же. Д. 5, л. 240].

И вот 29 ноября 1934 г. З. А. Алмазов издал приказ об организации отделения пожарной охраны, которое должно было объединить пожарную охрану «следующих пунктов: Магадан-Нагаево, Тауйск, Ола, совхоз "Дукча", населенные пункты по трассе до Стрелки включительно». В связи с этим «комендантам Нагаево-Магаданского района, пос. Атка, пос. Мякит, начальникам доруправления ДС Тауйского, Ольского сельхозкомбинатов, совхоза "Дукча" весь личный состав пожарной охраны, все пожарные и хозяйственные автомашины, пожарных лошадей, противопожарный инвентарь, оборудование, вещдоловствие, здания» приказывалось «в месячный срок передать в ведение начальника отдела НКВД СССР по ДС» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 16, л. 26].

Приказом З. А. Алмазова от 15 декабря 1934 г. в составе отдела НКВД по Дальстрою было организовано «отделение записи актов гражданского состояния – ЗАГС» [Там же. Л. 30]. В штат его сотрудников вошли 3 человека: старший инспектор, помощник инспектора и статистик. 16 декабря 1934 г., «в день 17-й годовщины ВЧК-ОГПУ-НКВД», З. А. Алмазов издал приказ «по Нагаево-Магаданскому гарнизону» [Там же. Л. 34] о премировании «за самоотверженную, повседневную работу на чекистском фронте Колымской стройки, высокую дисциплинированность, знание дела и беззаветную преданность делу социализма» 33 работников Севвостлага, 11 работников Охотско-Колымского погранотряда и 8 работников отдела НКВД по Дальстрою.

По постановлению Верховного суда СССР от 3 декабря 1934 г. при Севвостлаге было организовано отделение Дальневосточного крайсуда. В него вошли: начальник отдела НКВД по Дальстрою Павел Николаевич Куцерубов (председатель), начальник Севвостлага Иван Григорьевич Филиппов и начальник Охотско-Колымского погранотряда (после его первого начальника в 1932–1934 гг. В. О. Банга) Петр Филиппович Орлов (Рогожников). 13 января 1935 г. З. А. Алмазов приказал П. Н. Куцерубову осуществить практические меры по становлению вновь организованного отделения и «разбору дел» [Там же. Д. 14, л. 21]. 15 февраля этого же года он издал приказ, в котором отметил: «В соответствии с телеграммой прокурора ДВК № 01163 от 12-го февраля сего года, сего числа на территории государственного треста "ДС" приступил к исполнению своих обязанностей прокурор Севвостлага НКВД тов. Нечаев Андрей Гаврилович» [Там же. Л. 21].

17 февраля 1935 г. А. Г. Нечаев назначил ответственным секретарем прокурора Севвостлага Сергея Николаевича Козловского, «прибывшего из Управления уполномоченного ДВ крайисполкома» [ГАМО, ф.р-90, оп. 1, д. 6, л. 1]. 9 июля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли Постановление № 11-1430-224 с «Об осуществлении судебных функций в районе деятельности Дальстроя». «Имея в виду особые условия района деятельности Дальстроя, – говорилось в нем, – Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет: 1. Рассмотрение всех уголовных и гражданских дел, возникающих в районе деятельности Дальстроя, возложить на специально организуемое

отделение Дальневосточного краевого суда, с постоянным пребыванием этого отделения в гор. Магадане со включением в его состав представителя Дальстроя. 2. При рассмотрении указанных в ст. 1 настоящего постановления дел установить упрощенный порядок производства, а именно: а) обвинительное заключение вручать обвиняемым не позже 48 часов по получении судом дела; б) дела рассматривать не позже 3-х суток со дня их получения; в) при выдаче кассационных жалоб или кассационных протестов, вместо посылки самого делопроизводства, давать телеграфное извещение за подписью председателя отделения суда и прокурора о существовании дела, приговоре, кассационном протесте или жалобе; г) Верховному Суду РСФСР по получении телеграфного извещения разрешить вопрос о принятии к своему рассмотрению кассационного протеста или жалобы или отклонения жалобы или протеста. При принятии кассационного протеста или кассационной жалобы к рассмотрению не позже 48 часов с момента получения. 3. Приговоры к высшей мере наказания приводить в исполнение не иначе, как по получении отделением краевого суда извещения об их утверждении в установленном порядке» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 124–125].

С 5 сентября 1936 г. (после отъезда А. Г. Нечаева в отпуск) врид прокурора Севвостлага была назначена Елена Константиновна Емельянова. 9 ноября 1936 г. к своим обязанностям приступил прокурор Севвостлага Август Мартинович Саулеп.

Так, согласно архивным документам, происходило становление судебного дела на территории Дальстроя. Однако нами выявлены и другие данные. «17 октября 1934 года, – писала газета «Колымская правда», – в Верхнем клубе состоялось первое заседание отделения краевого суда. Перед глазами огромной массы рабочих и служащих прошла гнусная, до мерзости, картина кошмарного убийства милиционера Карева, зорко охранявшего интересы общественной безопасности. Известная, разнузданная шайка бандитов – Чипарева, Барканова и Павлова, попыталась свою террористическо-грабительскую политику противопоставить незыблемой политике пролетарской власти... Из показаний свидетелей видно, что Чипарев при активной поддержке Барканова неоднократно набрасывался с топором на командиров производства, угрожая учинить кровавую расправу за справедливую критику или замечание... Намеренно ли действовали бандиты, осуществляя свою преступную деятельность, говорят сами за себя обстоятельства дела, выяснившиеся в ходе судебного заседания. Отлучившись самовольно с работы по поддельным пропускам, шайка бандитов, захватив нож, направилась в центр поселка Магадан. Они поставили перед собой целью “убрать своего ранее бывшего сообщника хулиганства Беляева”... Так и было сделано. Для этой дикой, заранее обдуманной расправы они отыскали в поселке Беляева и пригласили его, якобы, на хороший ужин в ресторане. Во время ужина, предварительно подвыпив, они вызвали из ресторана Беляева со словами: “Ты продаешь своих” и нанесли Беляеву шесть ножевых ран. Беляев начал звать о помощи. На крик Беляева бросился к группе бандитов постовой милиционер Карев, который попытался задержать бандитов. Бандиты оказали сопротивление и нанесли глубокую ножевую рану милиционеру Кареву. После чего бандиты поспешно обезоружили милиционера, отняв у него револьвер, из которого выстрелили в него. Милиционер Карев, пробежав несколько метров, замертво упал. На выстрелы и крики о помощи начали стекаться пограничники, которые попытались задержать преступников. Но они оказывали вооруженное сопротивление до последнего патрона... “Что дадите, то и будет”, – заявил суду главарь шайки Чипарев. И суд... сказал свое слово правым, беспристрастным пролетарским приговором: бандитов Чипарева и Барканова расстрелять, а Павлова заключить под стражу на 7 лет и на пять лет поразить в правах после отбытия наказания...” [Суд..., 1934].

6 ноября 1934 г. приговор над убийцами постового милиционера С. М. Карева был приведен в исполнение. Однако подобные убийства тогда были далеко не редкостью. К концу 1934 г. на Колыме уже находились 32 204 заключенных, и контингент их по-прежнему состоял в основном из бытовиков и уголовников. Часть освободившихся из лагерей не выезжала на «материк», а устраивалась в Магадане на работу по вольному найму, сохранив свои привычки к пьянкам, дракам, картежной игре, насилию. Это во многом обостряло обстановку, в которой роль РК милиции должна была постоянно возрастать, в отличие от долагерного периода в истории Магадана, когда эти органы только создавались.

Так, на заседании Охотско-Эвенского окружного бюро крайкома ВКП(б) 29–30 октября 1931 г. было принято решение откомандировать «тов. Ан... в распоряжение оргкомитета на должность начальника милиции» [ЦХСД МО, ф. 1218, оп. 2, д. 14, л. 33]. Во второй половине 1932 г. И. И. Ана в этой должности сменил И. Н. Бубнов [ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 2, л. 1]. На заседании президиума Охотско-Эвенского окрисполкома 25 ноября 1932 г. он выступал с информацией «О ходе производства дел и состоянии аппарата ОУ (окружное управление. – А. К.) милиции» [НФ ГАХК, ф.р-291, оп. 1, д. 5, л. 106].

В состав окружной милиции, базировавшейся в Нагаево, входило всего 10 чел.: начальник, пом. начальника (он же разъездной инструктор), секретарь, зав. столом привода, 2 уполномоченных, инспектор и 3 младших милиционера [Козлов, 1998]. В число последних входил и Серафим Семенович Непримеров, который в своей «афтобиографии» писал, что родился в Тамбовской губернии, с малых лет занимался хлебопашеством, потом работал молотобойцем. В 18 лет, едва научившись грамоте, юноша уехал в Сибирь, где был вынужден батрачить, а затем был призван в армию и «прослужил до 1931 года» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 5]. После окончания службы в армии С. С. Непримеров завербовался старателем на Колыму, но, приехав в Нагаево, поступил в РК милицию. Здесь он прослужил младшим милиционером несколько лет.

С подобной биографией были и другие работники окружной милиции, а затем и сотрудники отделения РК милиции, входившей сначала в III отдел Севвостлага (до 17 июня 1934 г.), потом – в отдел ОГПУ по Дальстрою и в отдел НКВД по Дальстрою (с 26 марта 1935 г.). Отделение РК милиции до 11 сентября 1935 г. возглавлял Константин Васильевич Ушаков, после этого руководство было передано Константину Филатовичу Петеневу [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 14, л. 43]. В данный период состав отделения РК милиции увеличился до 77 чел., из которых в состав группы уголовного розыска входили 4 чел., в группу по борьбе с побегами – 6 чел. и в наружную службу – 4 участковых инспектора, 4 старших милиционера, 5 конных и 35 младших милиционеров [Там же. Л. 34].

Вместе с тем 3 января 1935 г. «в целях дальнейшего развития и укрепления собственной продовольственной базы и создания единого руководящего центра по сельскому хозяйству и рыбно-зверобойного промысла» З. А. Алмазов приказал «организовать с 1 января 1935 г. Управление местных ресурсов (УМР)», а «врид начальника Управления местных ресурсов назначить тов. Юдина» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 11, л. 6]. В состав УМР на началах хозрасчета «вошли Тауйский и Ольский сельхозкомбинаты, совхозы “Дукча” и “Талая”, Ямский и Наяханский промхозы, а также и пушной склад» [Там же. Л. 8].

1–4 февраля 1935 г. проходила Первая межрайонная партийная конференция Дальстроя. В числе ее делегатов были: З. А. Алмазов, В. В. Репин, П. Л. Никифоров (начальник Управления дорожного строительства), И. Е. Притулок (начальник Управления автотранспорта), И. Г. Филиппов (начальник Севвостлага), П. Ф. Орлов (начальник погранотряда), Н. И. Мовсесов (начальник строительства завода № 2), А. И. Корякин (начальник Управления комендатуры Нагаево-Магаданского района), Л. Я. Раскин (начальник Управления снабжения Дальстроя) и др.

Ко времени созыва конференции в Дальстрое насчитывалось 263 члена и 132 кандидата в члены ВКП(б), объединенных в 23 первичных организациях и 7 партийно-комсомольских группах. В первый день конференции с докладом о работе партийной организации выступил В. В. Репин. Он призвал к необходимости «проведения еще большей работы по повседневному воспитанию в... партийной организации классовой настороженности, революционной бдительности и умения ориентироваться в любой сложной обстановке, вскрывая для этого малейшие происки врагов, направленные во вред делу социалистического строительства» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 56, л. 5].

Во второй день конференции был заслушан доклад начальника планово-финансового управления Дальстроя М. С. Гожанского, замещавшего уехавшего в отпуск Л. М. Эпштейна. Этот доклад был посвящен итогам работы гостреста за 1932–1934 гг. и планам развертывания строительства на 1935 г. «Программа хозяйственных работ 1935 года, – говорил М. С. Гожанский, – продолжает начатую работу предыдущих лет... Строительство Нагаево-Магаданской перевалочной базы сводится к следующим работам: а) окончание второй причальной линии с двумя рядами с укороченным против плана сроком (15 апреля вместо 1 июня) и уменьшенным объемом работ (70 000 м³ против 110 000 м³)... б) строительство постоянных зданий: двух шлакобетонных (первоначально кирпичных) жилых домов и кирпичного дома связи, взамен подлежащих к дальнейшему сносу существующих зданий; работы по благоустройству... доделка объектов, начатых в прошлом году (автобаза, сангородок и др.)» [Там же. Л. 18–19].

После выступлений В. В. Репина и М. С. Гожанского состоялись прения по их докладам. «Кстати, товарищи, – отметил З. А. Алмазов, – я должен остановиться на одном из вопросов, который является, если можно так выразиться, козлом отпущения Колымы и прикрывательством всех наших грехов (организационных неполадок, неумения расставить людей, неумения предвидеть ряд трудностей и, в конце концов, неумения подчинить себе аппарат). Этим козлом отпущения являються так называемые особые условия Колымы. Там где появились сотни автомашин, телефон, радио, аэроплан, дорога на сотни километров, там козыряет экзотикой севера, морозами, пургой казалось не нужно было бы, но, к сожалению, наши партийцы свое неумение работать прикрывают именно этими колымскими условиями. Товарищи должны раз и навсегда дать себе отчет, что нам дано все для выполнения основного плана и успешность выполнения плана всецело зависит от нас. Правда, мы не должны забывать, что наша работа делается руками не совсем обычными, мы имеем дело с противником социалистического общества, шпионами, социально-вредным элементом, ворами и рецидивистами. Это обстоятельство нас еще больше обязывает к четкой бдительной большевистской организованности. Некоторые товарищи здесь склонны были опорочить в смысле работоспособности ту рабочую силу, которую мы имеем на постройке Беломорстроя, на строительстве Волга – Москва, вторых путей Ухта – Печора, работ, которые находятся в не менее трудных условиях (территориальных, климатических), чем Колыма. Опыт этой работы показал, что при умелом чекистском руководстве и организации этой изолированной от общества массы мы можем добиться колоссальных успехов. Поэтому сторонников теории невозможности использования заключенных на наших работах надо бить. Значит, товарищи, дело не в рабочей силе, а дело в применении этой рабочей силы, в подходе к ней, умении ее расставить, использовать в соответствии с результатами ее трудов, создавать ей бытовые и культурные условия. Партия и правительство нас обязали, путем вовлечения в трудовой процесс этого социально-чуждого элемента, временно изолированного от общества, перековать и сделать его полезными людьми нашей социалистической стройки. Эта почетная задача должна быть для нас священной. Значит, товарищи, дело выполнения плана упирается не в рабочую силу, а в нас самих» [Там же. Л. 36].

4 марта 1935 г. З. А. Алмазов издал приказ № 012. В нем как уполномоченный НКВД по ДС он объявил: «Наблюдаются случаи заключения под стражу лиц, подозреваемых в тех или иных преступлениях, без надлежащего согласования, в силу чего всем судебно-следственным органам приказываю: 1. С момента опубликования настоящего приказа все случаи необходимости заключения под стражу лиц согласовывать со мной и прокурором Севвостлага, для чего ввести ордерную систему и в каждом случае на ордере для задержания должны быть виза моя и прокурора, без чего начальникам мест заключения под страхом привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности задержанных не принимать. 2. Настоящий приказ по делам арестов не распространяется на органы милиции при НКВД в части задержания и арестов или лиц в порядке нарушения обязательных правительственных постановлений» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 14, л. 24].

Весной 1935 г., спустя почти четыре с половиной месяца после убийства секретаря ЦК ВКП(б) С. М. Кирова, З. А. Алмазову пришлось соприкоснуться с судьбой осужденных по этому делу и привлеченных в Магадан руководителей УНКВД по Ленинградской области: Ф. Д. Медведя, И. В. Запорожца, Ф. Т. Фомина, А. С. Горина-Лундина, А. А. Мосевича, П. М. Лобова, А. А. Губина, М. И. Котомина, Д. Ю. Янишевского, А. М. Белоусенко и Г. А. Петрова. Э. П. Берзин, как мы знаем, в то время находился на «материке».

Позднее, выступая на одном из партактивов в Магадане, Эдуард Петрович рассказывал: «Когда я был в Москве у Ягоды, он мне сказал, чтобы я использовал этих людей по линии НКВД: Губина, Медведя, Фомина, Запорожца и других. Я сказал, что использовать я их использую, но так, как мне нужно. При этом разговоре присутствовал Фомин. В Москве я беседовал с ними и решил направить их на дорожные работы. ...Как принимали здесь ленинградцев, я не знаю. Был здесь тогда Алмазов, по указанию которого они были использованы на работе. Какие же были указания в отношении их тогда из Москвы, я не знаю. Мне тогда было указано, что после того, как они отработают на Колыме один год, написать письмо, чтобы их освободили. Ягода говорил, что этот вопрос им, Ягодой, согласован, а с кем, я этого у него не спрашивал» [Козлов, 2000. С. 110].

Вполне возможно, что и это согласование проходило на самом высоком уровне, скорее всего, с начальником ГУЛАГа М. Д. Берманом. Поэтому все осужденные по делу С. М. Кирова ленинградские чекисты, кроме бывшего начальника 2-го отделения секретно-политического отдела (СПО) УНКВД по Ленинградской области М. К. Бальцевича, осужденного на 10 лет лагерей, и были направлены на Колыму. И. В. Запорожцу, единственному из всех, разрешили взять с собой жену. 14 апреля 1935 г. на пароходе «Смоленск» ленинградские чекисты были доставлены в бух. Нагаева, где их и встречал З. А. Алмазов.

Вспоминая об этом, геолог Б. И. Вронский писал: «На Колыму почти все они... привезли с собой много предметов домашнего обихода, мебель, большое количество книг, а также начавшие тогда входить в обиход патефоны с многочисленными наборами пластинок, в том числе зарубежных, которые в обычных условиях нам вряд ли удалось бы услышать. Были там наборы пластинок Вертинского, Леценко, Изы Кремер и многих других как на русском, так и на иностранных языках. Это тоже в какой-то мере скрашивало нашу жизнь» [Вронский, 1965. С. 181–182].

На следующий день после приезда состоялись первые назначения. З. А. Алмазов подписал тогда приказ: «Запорожец И. В. с 15 апреля сего года назначается заместителем начальника Управления дорожного строительства с окладом содержания 1300 рублей в месяц» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 12, л. 42]. Вместе с И. В. Запорожцем назначение в УДС Дальстроя получили А. М. Белоусенко, П. М. Лобов и Г. А. Петров.

Вторая группа осужденных ленинградских чекистов была направлена на работу в горнодобывающую промышленность Дальстроя: Ф. Д. Медведь назначен помощником начальника Оротуканского горнопромышленного района, Ф. Т. Фомин – на такую же должность в Тасканском горнопромышленном районе. Д. Ю. Янишевский возглавил Ат-Уряхский горнопромышленный район, а А. А. Губин – Мылгинский горнопромышленный район. М. И. Котомин был направлен в Управление автотранспорта (УАТ) Дальстроя, А. С. Горин-Лундин и А. А. Мосевич – в Управление Севвостлага. Позднее Э. П. Берзин назначил их на другие должности, и осужденные ленинградские чекисты работали на Колыме до весны – осени (в зависимости кто и где) 1937 г.

16 марта 1935 г. Совет Народных Комиссаров СССР (СНК СССР) принял специальное Постановление № 434-64/с «О Дальстрое». «Констатировать, – отмечалось в нем, – что за истекшие три года работы Дальстроем достигнуты значительные успехи в освоении нового, ранее почти неисследованного, Колымского района: а) закончено строительство Нагаево-Магаданской перевалочной базы (включаящей в первую очередь порта в б/х Нагаево), дан автомобильный проезд до района приисков, построены перевалочные пункты по трассе, установлена телефонная связь с приисками и основными пунктами по побережью, освоены судоходство по реке Колыме и морской путь из Лены на Колыму; б) заложено начало собственной сельскохозяйственной базы на Колыме (животноводство и огородничество); начато освоение рыбных ресурсов побережья и развернут промышленный убой морзверя и утилизация его отходов; в) поисками и разведками охвачена значительная территория, развернута разведка и начата в крупном масштабе промышленная добыча золота; г) поисками (в районе) установлено наличие рудного месторождения олова; д) одновременно с указанными хозяйственными

достижениями проделана значительная работа по советизации и социально-культурному переустройству хозяйства и быта коренного населения; развернута сеть просвещения, здравоохранения; поднято благосостояние колхозов, и наметился сдвиг в сторону оседания кочевого населения. В итоге – еще одна отсталая окраина Советского Союза уже по прошествии 3 лет превратилась в один из крупных промышленных районов по золотодобыче и имеет серьезные перспективы дальнейшего формирования роста...» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 1, л. 105].

Постановлением ЦИК СССР от 22 марта 1935 г. Э. П. Берзин, З. А. Алмазов и начальник горного управления Дальстроя А. Н. Пемов были награждены орденом Ленина; орденом Красной Звезды: Л. М. Эпштейн, М. С. Краснов, И. В. Семенов; орденом Трудового Красного Знамени: В. А. Цареградский, Д. В. Вознесенский, С. А. Федоров, М. А. Заборонок, А. И. Орлянкин, Э. О. Лапин, Я. Я. Пуллерец; почетными грамотами ЦИК СССР: С. Н. Семенов, В. Г. Поспелов, А. Г. Иванов, Ф. Г. Бегунов, И. Л. Соловейчик, П. Н. Кропоткин, М. А. Чернихов, Д. М. Казанли, С. В. Новиков, Ф. К. Рабинович, В. П. Лазарев, П. И. Максимов, И. М. Рабинович, А. С. Колодин, И. Е. Притулюк, Н. С. Квитин, К. Г. Калынынь (Эзеретис), А. Ф. Лаврентьева, В. Н. Зюзиков, П. Г. Миловзоров, А. Г. Брожезовский, П. П. Будзко, С. С. Лапин; с А. Н. Майсурадзе, С. К. Мурзаева, М. А. Эйшлина, П. П. Будзко, С. С. Лапина, С. С. Гартмана, Н. Г. Вальденберга, Ц. М. Крона, А. А. Тамарина была снята судимость и они были восстановлены в правах, а Г. С. Андрухин, А. Н. Паремузов, Н. Н. Рыбинский, В. Г. Сутурин, И. Н. Шумшенков – досрочно освобождены.

Вскоре после награждения в адрес И. Е. Притулюка пришло поздравительное письмо: «Президиум ЦК Союза рабочих по добыче золота и платины шлет Вам горячий большевистский привет и поздравляет с высокой наградой партии и правительства, которой отмечена Ваша прекрасная работа в золотой промышленности. Президиум ЦК Союза рад отметить, что задание великого вождя нашей партии тов. Сталина – учетверить добычу золота – успешно разрешается Вами, как и многими другими командирами золотой промышленности, тоже удостоенными высокой награды... Со своей стороны ЦК Союза обещает Вам всемерную помощь и поддержку в Вашей работе, создание всех условий для одержания Вами новых и новых побед на фронте золотодобычи... На основании еще более развернутого социалистического соревнования и ударничества, еще лучшего культурно-бытового обслуживания рабочих и овладения высотами первой техники вместе с Вами по-большевистски будем драться за превращение золотой промышленности в самую передовую в мире по всем показателям. Президиум Центрального Комитета Союза Егоров Я. Г., Бутенко А. В., Малышев П. Г.» [Архив СВЗ, д. 1002, л. 35].

Во время отсутствия Э. П. Берзина в приказах замещавшего его З. А. Алмазова не наблюдалось единообразия. Как директор Дальстроя он подписал подавляющее большинство таких приказов, где в правом углу значилось «б/х Нагаева». Но сохранились и приказы З. А. Алмазова (в том числе как уполномоченного НКВД по Колымскому краю), где в правом углу значилось «пос. Магадан», «г. Магадан»* и даже «Магадан-ДВК», где ДВК – это Дальневосточный край.

3 июля 1935 г. (обозначив его местом издания «гор. Магадан») З. А. Алмазов подписал приказ, имевший большое практическое значение. «В целях проведения полной планировки г. Магадан-Нагаево и упорядочения строительства на территории города, – говорилось в нем, – приказываю: § 1. Маркшейдерско-геологическому отделу Горного управления укомплектовать полевую съемочно-геодезическую партию, снабдив ее необходимыми геодезическими инструментами, материалами, пособиями в полевой сезон 1935 г., произвести съемку территории района г. Магадан-Нагаево в соответствии с требованиями инструкции Госплана 1933 г. по съемке городов с окончанием работ к 1-му ноября 1936 года.

§ 2. Для обеспечения всех необходимых условий для производства съемочных работ на территории Магадан-Нагаево коменданту Нагаево-Магаданского района надлежит: 1. Выделить из лимитов комендатуры нужное количество по смете постоянных рабочих, обслуживающего персонала и транспорта согласно подаваемых начальником съемки заявок. 2. Организовать снабжение съемки необходимыми строительными материалами, инструментами, оборудованием. 3. Выделить в г. Магадане помещение из 2-х комнат для производства в них чертежных и вычислительных работ, хранения инструментов и материалов, охраняемое и безопасное в пожарном отношении, с телефоном, коммунальными услугами. 4. Отдать распоряжение по Нагаево-Магаданскому району о допуске техперсонала съемки с необходимым количеством рабочих по предъявлению соответствующих удостоверений к производству постановки и закладке геодезических сигналов и знаков, геодезической и топографической съемки, обмера зданий, границ сооружений и прочих работ, связанных со съемкой города...» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 15, л. 17].

В число тех, кто затем вел «работы по городской съемке», вошли старшие топографы Г. П. Кузнецов и М. Н. Тимохин, а также техник Т. М. Маландина. В фондах Магаданского областного краеведческого музея хранится документ, датированный 3 июля 1935 г.: «Настоящее удостоверение выдано от МГО ГУ ДС тов. Маландиной Татьяне Михайловне, работающей по съемке района города Магадан-Нагаево, в том, что ей для выполнения порученной работы разрешается строить и закладывать

*Было два исключения: 1 и 7 сентября 1935 г. Э. П. Берзин подписал приказ, где в правом верхнем углу стояло «б/х Нагаева».

геодезические сигналы и знаки, а также производить геодезическую и топографическую съемку по всей территории района Магадан-Нагаево, в том числе и в запретных зонах: территории авиагородка, пожарных команд, хлебных, товарных и других складов, лесов и пивоваренных заводов, электростанций, авторемонтных мастерских без получения специальных пропусков, за исключением завода № 2, портостроя, погранотряда» [Козлов, 1988. С. 23].

Забегая вперед, отметим, что Г. П. Кузнецова, Т. М. Маландину и М. П. Тимохина как «закончивших работы по городской съемке» с 23 ноября 1935 г. откомандировали в другие места работы [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 15, л. 71]. Позднее, в ночь с 3 на 4 марта 1937 г. Т. М. Маландина была убита бандитами в Оротукане. В то время она работала секретарем комсомольской организации ЮГПУ.

6 июля 1935 г. З. А. Алмазов и И. Г. Филиппов издали совместный приказ, касающийся создания Магаданского парка культуры и отдыха. В нем говорилось: «Бурный рост Колымского края в результате умелого разрешения задач освоения Колымы значительно повысил культурные запросы трудящихся нашей далекой советской окраины. В середине мая месяца руководством Дальстроя и УСВИТЛ была поставлена задача организации места культурного отдыха и физического воспитания. Сегодня, 6 июля, мы уже имеем возможность праздновать разрешение поставленной задачи – открытие парка культуры и отдыха. Территория парка культуры и отдыха, насчитывающая около 80 000 кв. метров, располагает сейчас прекрасными площадками: 13 волейбольных, 2 городошных, 1 теннисная, хорошо оборудованная детская площадка, площадка для танцев, площадь для массовых игр, ряд аллей и т. д. Приказываю: 1. Парк к. и о. считать открытым с сего 6-го июля 1935 г. 2. Присвоить парку культуры и отдыха имя наркома НКВД т. Ягода и именовать ПК и О им. т. Ягода. 3. Автору проекта и производителю работ т. Бурдукову объявить благодарность. 4. Одному из активных, инициативных работников по постройке парка, под чьим руководством производилась вся постройка, начальнику КВО тов. Горину А. С. объявить благодарность. 5. Десятника строительства Фокина премировать отрезом на костюм. 6. Нормировщика Бороденко премировать месячным окладом получаемой им зарплаты. 7. Бригадира плотников Харченко премировать отрезом на костюм. 8. Прикомандированного для работы по строительству парка культуры и отдыха инспектора КВО т. Карпенко премировать отрезом на костюм. 9. Всем участникам строительства ПК и О объявляем благодарность. 10. Выделить в распоряжение т. Бурдукова из средств районного Совета физкультуры 1500 руб. для премирования лучших ударников по постройке ПК и О» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 13, л. 14].

Вскоре в состав ПКиО вошел уже ранее построенный стадион «Динамо». Первым комендантом ПКиО стал бывший начальник клуба УСВИТЛа (ранее заключенный Севвостлага) Петр Иосифович Семержис. В положении о ПКиО, подписанном начальником Управления комендатуры Магаданского района (до 1 августа 1935 г. оно именовалось как Управление комендатуры Нагаево-Магаданского района; начальник А. И. Корякин) Самуилом Семеновичем Беловым и позднее утвержденном Э. П. Берзиным, подчеркивалось: «1. Парк культуры и отдыха Управления комендатуры Магаданского района ДС имеет своей задачей организацию и руководство культмассовой работой среди населения Нагаево-Магаданского района и, в частности, пропаганду и внедрение физической культуры. 2. Осуществление указанной задачи парк культуры и отдыха проводит под идейным руководством Межрайонного Совета культуры. 3. В административно-хозяйственном отношении парк культуры и отдыха целиком подчиняется Управлению комендатуры, им обслуживается и находится на его балансе. 4. Для административно-хозяйственного управления парка культуры и отдыха назначается комендант, подчиненный начальнику Управления комендатуры Магаданского района. 5. Назначение и увольнение коменданта парка культуры и отдыха производится начальником Управления комендатуры и утверждается директором ДС. Весь остальной штат комплектуется начальником Управления комендатуры» [Там же. Д. 14, л. 87].

19 июля 1935 г. после почти 8-месячного отсутствия в Магадан приехал Э. П. Берзин и сразу вступил в должность. Факты говорят о том, что в течение последующего месяца он окончательно решил вопрос с административным центром Дальстроя, так как строительство Нагаево-Магаданской базы было завершено. Во-первых, начиная с 7 августа 1935 г., Э. П. Берзин стал подписывать все приказы, где в верхнем правом углу стояло «г. Магадан» или «гор. Магадан»; во-вторых, он намечил перспективный золотоносный район, где должно было начаться строительство нового административного центра Колымы.

Для окончательного решения этого вопроса 19 августа 1935 г. Э. П. Берзин издал приказ: «Начальнику Горного управления т. Кандеру произвести работы по выбору площадки для строительства административного центра в районе р. Таскан, с использованием для этого аппарата Горного управления. О результатах изысканий доложить мне не позднее 1-го октября с. г.» [Там же. Д. 13, л. 97].

Задание директора Дальстроя было выполнено. Изыскания дали положительный результат, можно было готовиться к непосредственному строительству. «Вопрос о выборе административного центра, – говорил Э. П. Берзин, – решен окончательно – это Тасканский район, в устье реки Таскана. Почему мы выбрали это место? Прежде всего, под боком будут все горнопромышленные районы, во-вторых, это хорошее место для города и подходящая почва, где можно будет заняться огородничеством и создать пригородное хозяйство» [Берзин, 1936].

В связи с этим Магадан по-прежнему оставался временным административным центром Дальстроя, руководство которого продолжало держать курс на его дальнейшее развитие и благоустройство. Так, на рубеже 1934–1935 гг. Магадан стал «воздушными воротами» Колымы. 29 декабря 1934 г. в бух. Нагаева вошел пароход «Уэлен». На его борту находились 4 самолета П-5 и С-1, а также основной летный и технический состав недавно созданного авиаотряда Дальстроя: летчики М. С. Сергеев, Д. Н. Тарасов, П. С. Карп, штурман М. Д. Меньшиков, бортовой авиатехник Ф. М. Иванов и др. К ним присоединились прибывшие ранее (3 декабря 1934 г. на пароходе «Совет») летчик Н. Э. Шитц, бортовой авиатехник В. Н. Бордовский и бортмеханик Г. И. Никитин.

Все прибывшие заключили индивидуальные договоры с Дальстроем, в которых, в частности, было отмечено: *«Заработная плата нанимающемуся выплачивается в размере 530 руб. в месяц должностного оклада плюс 125% экспедиционной надбавки взамен суточных. Со второго года – плюс 20% надбавки за каждый год службы в Колымском районе с должностного оклада... Нанимающийся обязуется проработать на территории деятельности Дальстроя в районе Верхней Колымы не менее 2 лет со дня заключения договора... Члены семьи нанимающегося, находящиеся на его иждивении, получают по месту их жительства в период его службы в Дальстрое паек на основании постановления ЦИК СССР по Дальстрою... Жилплощадь, занимаемая нанимающимся на месте его прежнего жительства, сохраняется за ним на все время его работы в Дальстрое на Колыме, но не более 3-х лет... Все работники авиаслужбы, соприкасающиеся с летно-подъемной работой, страхуются в размере 10 000 руб. от несчастных случаев... Нанимающийся имеет право на очередной отпуск в размере 2-х месяцев за каждый год работы в Охотско-Колымском районе... Дальстрой обязуется в установленном порядке включить на территории работ нанимающегося в плановое снабжение, выдавая ему горячие завтраки и диетическое питание по норме, принятой ГУПО, с заменой по калорийности другими продуктами и красноармейский паек по Нагаево – бесплатно, а промтовары за плату по нормам и ценам, установленным для предприятий Дальстроя... По истечении срока договора Дальстрой обязуется принять на себя расходы по доставке нанимающегося и членов его семьи – иждивенцев (если таковые придут в установленный законоположением срок к месту работы нанимающегося до места прежнего их жительства)»* [Козлов, 2005. С. 560].

Кроме этого «летно-подъемному составу, работающему в Охотско-Колымском районе», устанавливалась «в дополнение к основному окладу почасовая оплата за полет: пилоту – 19 руб., бортмеханику – 17 руб.». Бортмеханики, «работающие... на море на зимовках», получали почасовую оплату «независимо от того, находятся ли бортмеханики во время полетов на борту самолетов». Техническому составу, «обслуживающему материальную часть самолетов на земле», устанавливалась дополнительная плата «за подготовку, заправку и выпуск самолетов в воздух: за одномоторный самолет инженеру – 3 руб., автомеханику – 2 руб.; за двухмоторный самолет инженеру – 6 руб., автомеханику – 4 руб.» За отсутствие аварий и поломок материальной части при налете 75 ч каждому пилоту и бортмеханику полагалась премия в размере месячного должностного оклада. Однако если самолет претерпевал «вынужденную посадку, поломку или аварию по причинам технической неисправности» [Там же], дополнительная оплата техническому составу за данный полет не выдавалась.

Авиадром был расположен в бух. Нагаева. Отсюда уже в январе 1935 г. летчики авиаотряда Дальстроя начали полеты. В кратчайшие сроки они связали Магадан с многими населенными пунктами Колымы. В последующем отчете Дальстроя отмечалось: *«Работа авиаотряда заключалась в разведке ледового режима побережья Охотского моря для проводки судов в бухту Нагаева, эпизодических полетов в отдаленные пункты Колымского района – Наяхан, Ямск, Зырянку, участия в работах разведывательных партий, аэрофотосъемках и перевозке золота с отдаленных приисков»* [Козлов, 1992. С. 38–39].

16 июля 1935 г. аэроплан СССР-Н-2 («Дорны-Валь») Героя Советского Союза Василия Сергеевича Молокова (в состав экипажа входили еще 4 чел., в том числе известные бортмеханик Г. Т. Побежилов и штурман-радиотехник А. А. Ритсланд) взял старт из Красноярска к устью р. Колыма, а оттуда – к Северному Ледовитому океану. Спустя девять дней он приземлился в бух. Нагаева. *«В бухте, – вспоминал В. С. Молоков, – неподалеку от места посадки ожидал катер; закрепив самолет, экипаж расположился в катере и отправился в город. На пристани собралась многолюдная толпа, играл оркестр. Едва мы вышли из катера, нас попросили занять места в машинах. По пути в гостиницу перед нами открылось строительство; казалось, что ему нет конца. Но вот машины остановились. “Теперь мы можем отдохнуть” – весело улыбнулся Ритсланд. Нагаевская гостиница оказалась просторной и уютной, в ресторане играли джаз. В честь нашего прибытия в городе руководящие работники устроили ужин. После ужина начальник радиослужбы уговорил меня поехать к нему ночевать. Экипаж остался в гостинице, а я уехал. В Нагаеве встретил трех старых друзей – летчиков из авиаотряда Дальстроя, они были учениками школы, где я работал инструктором... Двадцать шестого июля “по расписанию” нужно было прилететь на Колыму в Усть-Утиную. Утром мы решили заправить самолет и тронуться в путь, но представители местных организаций обратились ко мне с просьбой: “Товарищ Молоков, сделайте небольшой доклад на стройке”. Я посмотрел на часы. “До Усть-Утиной около трех часов полета. Успеем”. На стройку ведет прекрасное шоссе: ровное, чистое, его каждый день поливают специально приспособленные автомашины – пыли нет, легко дышится. Недалеко от шоссе парк культуры и отдыха... Когда мы*

приехали, машину окружили руководители строительства. Они просили рассказать о международном положении и Советском Союзе. Я говорил с машины, слушатели сидели на земле, на камнях, взобравшись на леса строящихся зданий. Необычное собрание просто и деловито: люди взяли на себя обязательство упорно работать и закончить стройку досрочно. После собеседования зашел на кухню, осмотрел столовую и обеденные залы ударников. Меня обрадовала чистота, я убедился в том, что кормят здесь очень вкусно и сытно. Хочется поближе ознакомиться со строительством, но уже пора в путь. Мы занимаем места в машине и по знакомому шоссе возвращаемся в город» [Молоков, 1939. С. 33–34].

Весной 1935 г. в Голландии для морского флота Дальстроя были закуплены первые три океанских парохода: «Алмело» (переименован в «Ягоду»), «Масуда» (переименован в «Джурму»), «Батое» (переименован в «Кулу»). Вскоре после этого они двинулись в бух. Нагаева: «Ягода» шел транзитом через Одессу, «Джурма» и «Кулу» – через Новороссийск. После загрузки в этих портах они вышли в пункты назначения. Для пароходов «Ягода» (он взял на борт 8152 т груза) и «Кулу» (с грузом 6232 т) это был Магадан, для «Джурмы» (с грузом 7083 т) – Москва (Сахалин) и Советская Гавань.

Пароход «Ягода» (позднее он еще раз будет переименован – в «Дальстрой») первым вошел в бух. Нагаева. Это произошло 26 сентября 1935 г. Вслед за ним пришли и другие пароходы. В течение 1935 г. они в общей сложности совершили 5 рейсов и завезли в бух. Нагаева 32 134 т грузов. «Приобретенные Дальстроем пароходы, – отмечалось в отчете государственного треста, – по водоизмещению и техническим характеристикам являются наиболее крупными и быстроходными в гражданском флоте Тихоокеанского бассейна» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 455, л. 38].

В 1935 г. быстрыми темпами также шло развитие местной промышленности, подсобных предприятий, коммунального хозяйства и благоустройство Магадана. Основная роль в этом принадлежала Управлению комендатуры Магаданского района. На 1 сентября 1935 г. в его состав входили: котельное хозяйство, водопровод, водоснабжение, баня, парикмахерская, гостиница, электростанция, лесозаготовительная контора (вместе с узкоколейной железной дорогой и депо), торговая сеть, сеть общественного питания, ресторан, буфеты; производственный комбинат в составе лесозавода, столярной, деревообделочной, кузнечной, жестяночной, пошивочной, сапожной мастерских, кирпичного завода, свиноматочного пункта, пивзавода, пекарни, кожзавода, фотографии, типографии, часовой мастерской, ветпункт, автотранспорт (местного значения) и гужевого транспорта.

В котельное хозяйство Магадана входило 9 котельных. На 1 января 1935 г. они отапливали 31 здание общей площадью 58 828 м³, на конец 1935 г. – 34 здания общей площадью 63 725 м³. Главное водоснабжение Магадана осуществлялось по водопроводу, идущему от речки с одноименным названием. Кроме этого для отпуска воды населению работали 5 водоразборных деревянных будок: на Колымском шоссе, в Охотско-Колымском погранотряде, между погранотрядом и стандартными домами, в помещении Магаданской комендатуры, а также водонапорный бак «на очень высоком месте у сопки за сангородком». Для улучшения водоснабжения летом 1935 г. был проведен капитальный ремонт водозонной галереи, «которая за 2 года работы пришла в полную негодность и пропускала в водоприемный колодец песок, нечистоты и даже рыбу» [Там же. Д. 3853, л. 42].

С открытием водоразборных будок в Магадане еще оставались жители и даже учреждения, которые были расположены очень далеко от них. Поэтому для их нужд Управлению комендатуры Магаданского района были выделены 4 лошади, а с апреля 1935 г. – 3 автомашины.

Лесозаготовительная контора производила разработку лесных массивов, «расположенных с правой и левой стороны Колымского шоссе на протяжении с 3 по 42 км, с удалением в глубь тайги от трассы на 7–8 км». Заготовленный лес завозился по узкоколейной железной дороге (протяженность 10,5 км), имевшей в своем распоряжении 2 паровоза и 50 вагонеток. Заготавливали лес и обслуживали узкоколейную железную дорогу в основном заключенные Севвостлага, в том числе и штрафной командировки.

Известный дальстроевский архитектор Д. Б. Цвик в своем очерке-хронике «Магадан», опубликованном к 20-летию присвоения Магадану статуса города, утверждает: «Летом 1933 г. лесовод-геоботаник В. А. Голуб в верховьях реки Магаданки, на одном высоком плато, обнаружил великолепный участок: на площади в несколько десятков гектаров рос прекрасный строевой лес в двадцать пять метров высотой, в возрасте двести пятьдесят лет. Этот участок следовало бы превратить в заповедник. Но строительство города, порта и дороги требовало леса. Весь лес был вырублен» [Цвик, 1959. С. 12].

Архивные документы не подтверждают данного факта, связанного с именем В. А. Голуба. Между тем они свидетельствуют, что 5 января 1935 г. он (уже будучи первым начальником подотдела лесостроительства Дальстроя) составил записку «О лесах Колымы и ведении лесного хозяйства», подготовленную для Охотско-Колымского бюро краеведения. В этой записке В. А. Голуб указывал на непоправимый урон, нанесенный к тому времени «биологической части» лесов Охотского побережья. В приводимых им данных говорилось о том, что за первые три года деятельности Дальстроя только в Нагаево-Магаданском строительном районе (радиусом 13 км) было вырублено не менее 5 млн м³ древесины и уничтожен лес площадью свыше 6 тыс. га. При этом не учитывался урон, ежегодно наносимый лесными пожарами.

Что же касается различных мастерских Магадана, то они выпускали самую разнообразную продукцию, чтобы не зависеть от завоза с «материка». «Деревообделочная мастерская, – отмечалось

в материалах отчета Управления комендатуры Магаданского района, — в большинстве случаев... выполняет заказы, ...выпуская следующую продукцию: колеса, грабарки, полозья, сани, повозки, телеги... Жестяной цех выпускает следующую продукцию: бочки, ведра, рукомойники, кипяильники, печи-временки, дымовые трубы, искроловители... Весной 1935 г. сапожная мастерская была переведена в новое помещение... Количество изделий не вполне удовлетворительное, в основе чего лежит главным образом низкое качество местных материалов... Летом 1935 г. пошивочная мастерская была перевезена во вновь отстроенные два помещения. В одном находится цех массовых, а в другом цех индивидуальных заказов... Оба помещения хорошие, просторные, светлые. Мастерская имеет 83 швейные машины разных классов...» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3853, л. 65–68].

В Магадане работали 3 пекарни, в Нагаево — 1; в Магадане находился универмаг и «при нем закрытый распределитель для ответработников», 2 магазина «по обслуживанию вольнонаемных». 1 магазин «по обслуживанию заключенных», в Нагаево — магазин «по обслуживанию работников Мортрана, базскладов и другого населения Нагаево» и 1 магазин «по обслуживанию всех вольнонаемных Нагаево-Магаданского района исключительно ненормированными продовольственными и промышленными товарами».

На 1 января 1935 г. в Магадане функционировали 2 столовые и 1 ресторан, в Нагаево — 1 столовая. Затем была открыта столовая в Магадане, а с 25 ноября 1935 г. — и кафе. Оно располагалось «в том же помещении, где и столовая № 3 (НКВД), в результате чего вынуждено начинать работу только по окончании ужина в столовой, т. е. с 9 часов вечера» [Там же. Л. 76].

Приведем отрывок из письма Р. А. Апина жене З. Я. Драудине, работавшей в то время секретарем архива Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) в Москве. Роберт Августович писал: «6.09.1935. Сегодня встал в 6 часов 30 минут по местному времени. В Москве в это время обычно ложился. Километров на сорок видна колымская земля. Справа открывается взору Нагаевский залив. Вначале казалось, что судно пройдет мимо. Но потом оно резко повернуло влево и медленно вошло в бухту. Спустя почти час пристали к берегу. Это так называемое Нагаево. Налево от него дорога ведет в Магадан. С залива он не виден, спрятался за горой для защиты от ветров, которые дуют со стороны моря. Еще когда плыли, заметили: по светло-серой дороге в сторону порта быстро движутся маленькие черные кубики. “Это едут нас встречать”, — рассуждали пассажиры. И не ошиблись. На берегу собралась большая толпа ожидающих. За мной приехал сам начальник. Вскоре сошли с судна и сев в машину, поехали в Магадан. На море, хоть и светило солнышко, погода казалась довольно холодной. Это из-за ветра в заливе. В Магадане, напротив, оказалось тепло и солнечно, как на юге... Когда взобрались на вершушку горы, увидели Магадан. Первое, что бросилось в глаза, — это парк культуры и отдыха. Так и оказалось. В парке между стройными лиственницами хорошо ухожены дорожки. Построены две эстрады, спортплощадки (волейбольная и теннисная), качели, карусель, и парк выглядит очень милым. В городе главным образом еще только деревянные здания. По краям добротных тротуаров видны пни, кустарники, поросшие мхом кочки. Это и понятно: город начали строить только три года назад прямо в лесу. Скоро тут будут жилые дома из кирпича. Первый трехэтажный дом закончат уже в этом году. Есть несколько мастерских и заводов. Во всех домах электричество и водопровод».

К концу 1935 г. население Магадана составило 12 297 чел., куда вошли только «работающие в органах и предприятиях Дальстроя, общественных и прочих организациях и их иждивенцы». В это же время количество проживающих в Нагаево (включая работающих на судоверфи и на заводе № 2 в Марчекане) «с иждивенцами» выросло до 3182 чел. В отчете о работе Дальстроя за 1935 г. Нагаево названо «портовым поселком», а Магадан — «городом» и «временным административным центром». У обоих были перспективы роста, так же, как у ближайших пригородных поселков, где уже развивалось стахановское движение.

В связи с этим газета «Верный путь» (редактор А. Ф. Лаврентьев) 11 декабря 1935 г. рассказывала: «Серым пятном среди пустынного шоссе на 10-м километре разместилось хозяйство Дукчанского совхоза... Все лагерники расположены в двух бараках и палатках... После проведения проработки первого Всесоюзного совещания рабочих и работниц-стахановцев на подлапункте лагерники перестроили свою работу. Раньше доярки обслуживали 14 коров, из которых дойных было 8–9, сейчас же каждая доярка обслуживает 18–20 коров, из которых 14 дойных, и на сегодня уже есть положительные результаты. Лагерница Олифер Пелагея довела свой процент выработки до 133-х, Батурина Александра — 139% и Кушнир Ульяна — 115%. Возчик Жаворонков Макар за последние три дня довел свою выработку до 192 процентов. Если 26-го ноября у него было 140%, то 27-го ноября у него 174%, 28-го ноября — 192%. Жаворонков говорит: “Раньше я работал на одной лошади, сейчас я обслуживаю три запряжки. сократил перекурки и этим добился своего показателя. Я заявляю, что свою выработку я доведу до 200 и выше процентов”. Свиляр Диль Эммануил норму выработки имеет 211 процентов. Этих показателей он добился путем перестройки своей работы. Если раньше обслуживал 60 поросят, то сейчас обслуживает 80–90 поросят... Плотник Кутрюмов Ефим процент выработки довел до 149 процентов. Этой выработки он добился благодаря изучению процесса своей работы. Раньше вязка стропил производилась на земле, а затем поднималась и укреплялась на помещении, сейчас же вязку стропил производят прямо на помещении и тут же их крепят. Грузчик Старовойтов процент выработки довел до

175 процентов. Этой выработки он добился перестройкой работы по своему методу. "Раньше, – говорит Старовойтов, – мы сено грузили по 50–60 туюков за 40 минут, сейчас же 80 туюков грузим 20 минут". Таких людей много на подлазпункте).

1 января 1936 г. краевая газета «Тихоокеанская звезда» опубликовала «сокращенный доклад тов. Берзина на собрании парторганизаций Магадана». «Что мы сделали в 1935 г. и каковы наши задачи в 1936-м? – говорил Э. П. Берзин. – Анализируя капитальное строительство, мы видим, что оно главным образом велось по Нагаево-Магадану... К 1 января 1936 г. заканчивается строительство авторемонтного завода. В порту закончено строительство 2-го причала. В этом году мы приобрели свой мощный тоннаж – три парохода... Вопрос о выборе административного центра решен окончательно, – это Тасканский район, в устье реки Таскана. Почему мы выбрали это место? Прежде всего, под боком будут все горнопромышленные районы, во-вторых, это хорошее место для города и подходящая почва, где можно будет заняться огородничеством и создать пригородное хозяйство... Перед морским транспортом стоит задача построить новые ряжи и волнолом. В будущем году вместо двух смогут одновременно пришвартовываться 4 парохода. В самом Магадане в будущем году будет построен еще один каменный трехэтажный дом, школа, поликлиника, кондитерская фабрика. Это потребует до 10 млн. штук кирпича. В будущем году займемся, наконец, тротуарами и древонасаждениями, усилим строительство водопровода и канализации».

«Начальник управления комендатуры т. Белов, – писала газета «Советская Колыма» 2 января 1936 г., – в беседе с нашим сотрудником сообщил некоторые данные о работе комендатуры, а также о перспективах строительства в Магадане и о благоустройстве города. Касаясь проведенной комендатурой работы т. Белов указал, что главное внимание комендатуры было направлено в течение строительного сезона на постройку 36-квартирного каменного дома, обеспечение Нагаево-Магадана дорогами к зиме и устройство дороги к сангородку. Все эти задачи, потребовавшие большого напряжения, в общем разрешены... В 1936 г. закладывается новый кирпичный дом объемом в 1,5 раза больше выстроенного. Закончен он будет в феврале 1937 г.»

Возведение 3-этажного 36-квартирного кирпичного («каменного») дома в центре Магадана стало первой стройкой такого масштаба на Колыме. Оно началось почти одновременно со строительством 2-этажного кирпичного здания Дома связи на Колымском шоссе. Но если это здание было сдано строителями к 7 ноября 1935 г. и затем оборудовано новейшей технической аппаратурой, то строительство 36-квартирного дома продолжалось и на следующий год, когда перешло в ведение стройконторы Управления комендатуры Магаданского района, руководимой А. И. Юрьевичем.

Непосредственный руководитель строительства инженер А. Е. Ашанин вспоминал: «По плану строители должны были сдать дом в эксплуатацию к 1 апреля, но Э. П. Берзин поставил перед строителями задачу кончить дом к 23 февраля, т. е. к 18-й годовщине РККА... Особенно много было сделано в стахановскую декаду с 11 по 21 февраля. Можно было воочию видеть, как люди, объятые трудовым энтузиазмом, делают чудеса... Прекрасные ударные образцы работы показали стахановцы: печники – Женья Киселева и Дорогова, бригада Сафронова; штукатуры – бригада Колесниченко, звено Чурбакова, Самойлова; маляр Маузер; чернорабочий Гоголев; звено уборщиц Лесковой...»

Основной костяк этих передовых рабочих составляли заключенные, осужденные по так называемым бытовым статьям (кража, подлог, мошенничество, хулиганство, растрата, взятки, превышение власти и т. д.), они тогда преимущественно вовлекались в движение ударников и стахановское движение (28–30 января 1936 г. в Магадане состоялось первое совещание стахановцев Колымы). За хорошую работу заключенные могли (по специально выработанной системе) получить зачеты для досрочного освобождения, денежное вознаграждение (кроме получаемой зарплаты), лучшие бытовые условия. Именно такие рабочие и выполняли задание директора Дальстроя. Первый в Магадане и на Колыме 36-квартирный дом был сдан в эксплуатацию к 23 февраля 1936 г. Он имел водопровод и центральное отопление.

«Я камчадалка, – рассказывала студентка 2-го курса рабфака Хабаровского медицинского института Анна Шемякина. – Родилась близ Нагаево, в селе Ола. Хотя мои отец и мать были малокультурные люди, но к обучению детей относились серьезно и отдали меня в школу. Сейчас я учусь на рабфаке Хабаровского медицинского института. Большинство оценок у меня хорошие, знаю, что комсомолки должны учиться отлично и буду этого добиваться... Самая моя большая мечта – вернуться в Магадан. Когда я и другие пионеры уезжали из Нагаево, там почти ничего не было – 5 домов, больница и ситцевый городок (городок этот назывался ситцевым потому, что состоял из палаток). Потом через три года я ездила домой посмотреть родные места – просто чудо как вырос Магадан: прекрасные дома, гостиница, театр, весь город залит электричеством» [Шемякина, 1936].

«Вопрос о теплофикации Магадана, – писала 26 марта 1936 г. газета «Советская Колыма», – был возбужден перед дирекцией группой специалистов. Тов. Берзин учел неотложность этого вопроса и предложил стройконторе комендатуры выработать проект и поставить его на предварительное обсуждение специального совещания. 15 марта это совещание было созвано тов. Юрьевичем. Доклад сделал старший инженер стройконторы тов. Котеташвили, выдвинувший два варианта теплофикации Магадана. По первому варианту намечается расширение существующей котельной стандартных котлов с радиусом обслуживания территории города по линии улиц Берзина, Советской, Пролетарской

и Колымского шоссе, с упразднением отдельных котельных при гостинице, при 36-квартирном доме. Доме связи и т. д. Второй вариант более экономный, базируется на использовании теплоэнергии МЭСа и на некотором расширении котельной АРЕМЗа с тем же радиусом обслуживания, как в первом варианте... В итоге совещание приняло решение: "Считать второй вариант теплофикации Магадана безусловно выгодным, но отдать предпочтение первому варианту, как наиболее рентабельному". В основу такого решения положено следующее: при увеличении мощности районной электростанции МЭС будет использована как резерв. Тогда второй вариант совершенно отпадет».

Весной 1936 г. в районе улицы Советской приступили к строительству новой дизельной электростанции, ранее запланированной к возведению на Марчекане. Ее проект разработали сотрудники Коммунальностроя в Ленинграде. Дизельная электростанция строилась довольно быстрыми темпами. Так, к земляным работам на котловане главного корпуса возводимого сооружения приступили 16 мая. 25 июня началась кладка стен, и спустя 35 дней она уже была окончена. К 19-й годовщине Октябрьской революции смонтировали и сдали в эксплуатацию первый агрегат дизельной электростанции, а к концу 1936 г. — еще два агрегата. Заведующим электростанцией стал С. В. Матюшкин.

В общей сложности в течение 1936 г. в Магадане было запланировано строительство 4-этажного кирпичного дома, зданий хлебозавода «производительностью до 30 т в сутки» и фабрики-кухни «с ежедневной пропускной способностью до 5000 рационов», клубов НКВД и ВОХР, 4-этажного здания средней школы, нескольких лечебных, коммунальных и складских построек, 2-этажное здание погранотряда. Теперь они возводились по генерально-перспективному плану, утвержденному Э. П. Берзиным в апреле 1936 г.

Согласно его специальному распоряжению всякое производство каких-либо строительных работ, возведение или перемещение, а также снос подземных и надземных сооружений запрещались без предварительного оформления и разрешения со стороны Управления комендатуры Магаданского района. Управляющему стройконторой комендатуры А. И. Юрьевичу было предоставлено право городского архитектора. Он получил возможность приостанавливать производство работ, сносить уже возведенные без разрешения постройки и возбуждать перед директором Дальстроя вопрос о привлечении нарушителей строительных правил к уголовной ответственности.

Однако из всего намеченного по плану в 1936 г. были построены только два клуба, 2-этажное здание погранотряда, лечебные, коммунальные и складские постройки; остальные объекты были только начаты, а закончены в 1937 г. Гораздо успешнее решился вопрос о новом административном центре Дальстроя. 21 сентября 1936 г. Э. П. Берзин издал давно ожидаемый приказ, предварительно еще раз побывав на месте будущего строительства.

«В соответствии с результатами изысканий и на основании личного осмотра, — говорится в документе, — приказываю: 1. Строительство адмцентра Колымского района осуществить на острове близ устья р. Таскан и на прилегающей к нему части левого берега реки Колымы. 2. На материковой территории расположить промышленные здания, а на острове — остальные сооружения и здания адмцентра. 3. Железнодорожный узел расположить в подходе к адмцентру на левом берегу р. Таскан. 4. УГПС предоставить мне через НТБ к 1-му октября с. г. проект и спроектированную смету гидротехнических и мелиоративных работ по острову. 5. Подготовительные строительные работы осуществить в сроки, предусмотренные утвержденным планом работ. 6. Проект озеленения административного центра согласовать с начальником Колымской опытной станции т. Тамариным. 7. УДС обеспечить в октябре месяце с. г. проезд от магистрали к стройплощадке адмцентра» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 19, л. 67].

Начавшееся строительство административного центра затем *«производилось в 1936 году только на материковой территории, расположенной на левом берегу р. Колымы... Электростанция... была готова к концу 1936 года на 16%. Постоянных зданий было построено в этом году 6798 м³, в том числе производственных — 2730 м³, жилых — 2788 м³, прочих — 1280 м³... Общая сумма фактических затрат по адмцентру, включая строительство, изыскания и проектирование, составила за 1936 год 1254,6 тысяч рублей»* [Там же. Д. 476, л. 216–217]. Количество населения, планируемое для проживания в нем, на 1 января 1938 г. должно было составить 6000 чел., на 1 января 1939 г. — 10 000 чел.

Выступая с заключительным словом на Втором межрайонном съезде Советов Колымы в октябре 1936 г., Э. П. Берзин сказал: *«Расскажу о будущем административном центре. Место выбрано. Не позднее 1938 года на устье Таскана будет переведен административный центр Колымы. Магадан, конечно, будет тоже расти, но он останется для Дальстроя только перевалочной базой. В новом адмцентре в первые же годы мы приступим к строительству высших учебных заведений, техникумов, горного института, исследовательского института»*.

Мечтаниям Э. П. Берзина (а вместе с ним и руководства Дальстроя) не суждено было сбыться. В августе 1939 г. во время сильнейшего наводнения на р. Колыма, о. Таскан, на котором уже была возведена часть строений, подвергся серьезному разрушению: водой размывало берега, унесло часть растительности. Впрочем, Э. П. Берзина к тому времени уже не было в живых.

Между тем в течение 1936 г. в Магадане произошел ряд событий в культурно-общественной жизни. Уже в январе этого года Э. П. Берзин издал приказ об организации при редакции газеты «Советская

Колыма» издания журнала «Колыма». Для руководства и редактирования журнала была утверждена редакционная коллегия, в которую вошли Р. А. Апин, Д. В. Вознесенский, И. Е. Гехтман, К. Г. Калнынь, Г. А. Кечек, Л. Я. Наровчатова, В. В. Репин, К. И. Станкевич, Л. М. Эпштейн и М. А. Эйдлин. Ответственным редактором назначили редактора газеты «Советская Колыма» (организована 27 июля 1935 г. вместо газеты «Дальстроевец») Р. А. Апина.

29 марта 1936 г. газета «Советская Колыма» опубликовала сообщение: *«Оборудована и приступила к работе первая цинкография ДС в Магадане. Цинкография имеет нужную аппаратуру и приспособления для производства всех газетных и журнальных клише. Заведует цинкографией фотограф-цинкограф т. Лапин»*. Позднее В. А. Лапин как профессионал высокого класса неоднократно награждался руководством Дальстроя.

Первый номер журнала «Колыма» вышел из печати 28 мая 1936 г. тиражом 1800 экз. и содержал ряд интереснейших обзорных статей по различным отраслям деятельности Дальстроя, о его вкладе в развитие края. *«Устье реки Таскана, левого притока реки Колымы, – писал Л. М. Эпштейн, – вот будущий административный центр Колымского края... Расположенный на сухой, укрытой от ветров, лесистой, красивой площадке город пересекут несколько притоков Таскана, превращая его для любителей аналогий в приполярную Венецию. Выгодно расположенный в центре горных районов и на скрещении нескольких транспортных магистралей Таскан (как условимся пока называть его) будет иметь промышленной базой большой ремонтный завод для всех видов транспорта. В то же время он явится и культурным центром края. Общая средняя и советско-колхозная школы, техникумы горный и сельскохозяйственный, горнопромышленный втуз, научно-исследовательский институт по разным отраслям народного хозяйства входят в план строительства ближайших лет»* [Эпштейн, 1936. С. 14].

29 апреля 1936 г., «в целях упорядочения издательского дела на Колыме и рационального расходования журнально-газетной бумаги и типографских и цинкографических материалов», Э. П. Берзин издал приказ об организации издательства «Советская Колыма». Оно должно было объединить выпуск газеты с одноименным названием, журнала «Колыма» и других предполагаемых изданий. Заведующим издательством «Советская Колыма» был назначен «по совместительству» Р. А. Апин [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 18, л. 65].

Комплектование кадров для нового издательства стало осуществляться как на территории деятельности Дальстроя, так и за ее пределами, в основном в московском и ленинградском представительствах ДС. Именно здесь заключались все индивидуальные трудовые договоры с теми, кто выражал желание поехать на Дальний Север. Осенью 1936 г. такие договоры были заключены в ленинградском представительстве ДС с уже известными писателями Иваном Федоровичем Краттом и Кесарем Тихоновичем Ваниным. Срок договора составлял один год, оклад по договору 1500 руб. в месяц. 29 октября 1936 г. И. Ф. Кратт и К. Т. Ванин приехали в Магадан. Первый проработал здесь до 1 сентября 1937 г., а второй – до 7 октября этого же года.

Немного раньше, 7 февраля 1936 г., Э. П. Берзин издал приказ об организации Центрального архива Дальстроя, который создавался *«в целях обеспечения полной сохранности архивных материалов, ...а также в целях установления единого порядка пользования означенными архивными материалами»* [Там же. Д. 17, л. 128]. В штат архива вошли: заведующий, архивариус и переплетчик. Располагался он в здании Дома связи.

Радиовещание тогда получило дальнейшее развитие. *«Магаданским радио за 6 месяцев, – отмечал первый номер журнала «Колыма» за 1936 г., – дано 280 радиогазет, по стахановскому движению прочитано 180 заметок, статей и очерков. Проведено 55 литпередач. Дано около 100 концертов, 60–65 процентов которых тематического порядка. Слушателей познакомили с творчеством Чайковского, Шумана, Рахманинова, итальянских композиторов, с новозападной музыкой, с творчеством “могучей кучки” и т. д.»*. В это время театр УСВИТЛа (располагавшийся в клубе с одноименным названием) поставил оперетту «Как ее зовут?», пьесы «Шестеро любимых», «Платон Кречет» и комедию Грибоедова «Горе от ума».

7 февраля 1936 г. Э. П. Берзин как уполномоченный Далькрайисполкома издал постановление, которое разрешало проживание на территории Дальстроя (а значит, и Магадана) лицам, остающимся на работе после освобождения из УСВИТЛа. Для чего органам милиции предлагалось обеспечить им своевременную прописку и выдачу паспортов. Вслед за этим 3 мая 1936 г. Э. П. Берзин издал новое постановление «О введении единой паспортной системы по Нагаево-Магаданскому району и обязательной прописке паспортов».

«На основании постановления Совета Комиссаров СССР от 28 апреля 1933 г. за № 861, – писал Э. П. Берзин, – в целях постановки учета населения Нагаево-Магаданского района, выявления лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях, не занятых общественно-полезным трудом, укрывающихся уголовных и иных антиобщественных элементов, постановляю: 1. Со дня опубликования настоящего постановления ввести по Нагаево-Магаданскому району единую паспортную систему с обязательной пропиской в отделении РК милиции в срок 24 часа. 2. Все граждане, проживающие на территории Нагаево-Магаданского района, в возрасте от 16 лет обязаны иметь паспорт. 3. Считать единственным документом, удостоверяющим личность гражданина, – паспорт. Все остальные документы, служившие видом на жительство и прописку, – отменяются как недействительные».

Архивные данные свидетельствуют, что в апреле – мае 1936 г. в Магадане родились 44 колымчанина – 24 мальчика и 20 девочек. Вес новорожденных от 2,8 до 3,5 кг. По инициативе редакции газеты «Советская Колыма» 15 мая 1936 г. в Рабочем клубе Магадана состоялось совещание по вопросу санитарной культуры города. Через четыре дня газета рассказывала: *«После доклада санитарного инспектора д-ра Саляева и прений, в которых было подчеркнуто явно нетерпимое антисанитарное состояние города, была выделена санитарная пятерка в составе т. т. Кабисского (начальник ВОХР – А. К.), Пуллерица, Петрова (комендатура), Иванова (райком Союза) и Петенева (милиция). Выбранной комиссии было предложено в срочном порядке разработать конкретные мероприятия. 16 мая комиссия собралась и наметила следующий план ближайших работ и мероприятий по санитарной очистке города: объявить декадник уборки города с 17 по 27 мая. Обязать все управления и учреждения очистить свои территории от всякого мусора в пятидневный срок. Обязать жильцов всех домов города в трехдневный срок произвести уборку около своего дома и весь мусор собрать в кучи. Для уборки улиц и площадей города произвести 24 мая общегородской субботник под руководством комендатуры»*.

Сохранились архивные данные, говорящие о том, что только за апрель и две декады мая 1936 г. автобус, курсировавший по маршруту Магадан – Атка – Стрелка – Магадан, перевез 887 пассажиров. Гораздо оживленнее было на трех «городских линиях» маршрута Нагаево – Магадан. За апрель и две декады мая 1936 г. автобусы перевезли здесь 22 862 пассажира.

31 мая 1936 г. при коммунальном отделе приказом Э. П. Берзина были организованы ассенизационный обоз и обоз по вывозке мусора. В ассенизационный обоз выделили 10 лошадей и одну автоцистерну, в обоз по вывозке мусора – 3 автомашины АМО и 3 лошади. Работы по улучшению водоснабжения города способствовали вводу в эксплуатацию сооруженного водопровода Магадан – Нагаево. Это были своевременные и действенные меры по дальнейшему налаживанию вполне нормальной жизни в административном центре Дальстроя с вольнонаемным и лагерным населением, которое постоянно пополнялось.

В санитарных правилах, объявленных владивостокским отделением Дальстроя «для транзитных пассажиров, следующих в бухту Нагаево в навигацию 1936 года», говорилось: *«§ 1. Транзитные пассажиры, следующие в б-х Нагаево, обязаны перед отъездом во Владивосток пройти на месте медосмотра, оспопрививание и прививку против брюшного тифа и иметь на руках должным образом оформленные справки о прохождении этих процедур. § 2. Транзитные пассажиры, возвращающиеся в бух. Нагаево из очередных отпусков или служебных командировок, обязаны перед отъездом во Владивосток пройти оспопрививание и прививку против брюшного тифа и иметь на руках соответствующие об этом справки, если они не проходили в 1936 году указанных процедур в б-х Нагаево и не имеют об этом соответствующих справок (или штампов на документах). § 3. Транзитные пассажиры, возвращающиеся в б-х Нагаево из отпусков для спецеечения, из санаториев, курортов и т. п., обязаны иметь на руках, помимо справок, указанных в § 2, заключения врачебных учреждений, где они проходили лечение, о том, что "состояние их здоровья не препятствует дальнейшей работе на Крайнем Севере"»*.

1 мая 1935 г. для передовиков и ударников производства руководством Дальстроя и Севвостлага был утвержден статут на значок «Отличник Колымы». Им награждались заключенные мужчины и женщины. В частности, 8 марта 1936 г. значком «Отличник Колымы» была награждена актриса клуба УСВИТЛ Евгения Федоровна Казакова. Определением отделения Дальневосточного крайсуда от 23 августа 1936 г. она была досрочно освобождена [Архив СВЗ, д. 11059, л. 3]. 25 ноября 1936 г. статут на значок «Отличник Колымы» был отменен. Вместо него Э. П. Берзин утвердил «Положение о мастерах высокой производительности труда в лаготделении Севвостлага НКВД СССР» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1. д. 20, л. 171]. Согласно ему, это звание устанавливалось 1-й и 2-й категории «в зависимости от объема знаний и прочих... показателей», присваивалось «приказом по УСВИТЛ НКВД по представлению начальника ОЛП и при наличии обязательного постановления Центрального штаба соревнования и ударничества» [Там же].

Для получения звания «Мастера высокой производительности труда» 1-й категории было необходимо: *«а) разбираться в вопросах текущей политики и знать основы политграмоты по учебнику для школ политграмоты; б) свободно читать проекты и рабочие чертежи; в) уметь производить подсчеты (по проекту и смете) потребности рабочей силы, материалов, инструментов, механизмов и оборудования; г) уметь производить при помощи простейших измерительных инструментов разбивки на проверку выполняемых работ; д) уметь составить графики производства работ; е) знать правила эксплуатации простейших механизмов; ж) уметь проверить правильность работы простейших механизмов, инструментов и знать качество обрабатываемых материалов; з) правильно применять технические нормы и технические условия при производстве работ; и) знать правила по технике безопасности и основные положения трудового законодательства»* [Там же. Л. 172].

Лагерники, получившие звание «Мастер высокой производительности труда», помимо доплат премирования (до 100 руб. в месяц) пользовались рядом преимуществ: *«а) правом получать на всех работах по всей территории ДС стахановские зачеты, т. е. 135 дней в квартал, согласно приказа внутренних дел; б) лучшими помещениями для жилья и лучшими бытовыми условиями; в) преимуще-*

ственным правом на поступление на курсы учебного комбината при КВО с оплатой за время учебы по среднемесячному премвознаграждению, получаемому на руки до поступления на курсы; г) первоочередным получением обмундирования первого срока с подгонкой и перешивкой бесплатно; д) правом отправления семье в неограниченном размере денежных сумм, писем и получения посылок; е) получать персонально бесплатно лагерную газету "Верный путь"; ж) правом на колонизацию в первую очередь; з) правом получения пропусков и увольнений за вахту и правом пользования всеми видами культурного обслуживания (кино, постановки, концерты), платными и бесплатными в первую очередь и без всяких ограничений; и) при освобождении из заключения получать премию в размере месячной ставки вольнонаемного по последней занимаемой должности» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 20, л. 173].

С открытием летней навигации 1936 г. Магаданская почта почти сразу получила 7 т писем, 636 тыс. экз. газет и 84 тыс. экз. журналов. Однако не только почта прибывала в Магадан.

«В июне 1936 года, – рассказывал С. И. Данилов, – небольшой грузовой пароход "Днепрострой" вошел в бухту Нагаева. Среди его пассажиров из Гижиги находились и мы с матерью. Мать моя, Дарья Федоровна, была из потомков коряков. До поселка Магадан мы добирались на грузовике. Шоссе было неровным, машину трясло и подбрасывало на ухабах. На подъезде к Нагаевскому населенному пункту мы увидели домики, сколоченные из фанерных ящиков и построенные из лиственницы. Грузовик подвез нас к большому одноэтажному деревянному зданию. Это была первая гостиница в Магадане, но свободных мест в ней не оказалось, и нам посоветовали обратиться в Дом колхозника, принимавший коренных жителей. Здесь нам повезло. Вечером, с началом трансляции, громкоговоритель напугал меня своей музыкой. С радио я тоже знакомился впервые. В нескольких шагах от Дома колхозника функционировал Охотско-Колымский краеведческий музей, и я пристрастился туда ходить. По соседству размещался небольшой клуб, который жители этого микрорайона называли Рабочим. В этом клубе я впервые стал смотреть звуковые кинофильмы. Около Дома колхозника также жил старик, который рассказал нам интересную легенду. Согласно ей, на просеке, которая стала улицей, в одной избушке жил рабочий человек по имени Яшка. Была у него большая семья из дюжины душ. Вот этот Яшка стал первым из жителей выращивать картофель, капусту, морковь, редис, репу, разводить свиней и кур. Отличался труженик Яшка отменным гостеприимством и нередко предоставлял свою избу тем, кто нуждался в ночлеге, но никогда не брал денег за постой. Любил Яшка и повеселиться. В такие минуты, сидя на заваленке своего дома, он говорил прохожим: "Наша улица – самая настоящая пролетарская". Спустя некоторое время мы с матерью отправились в другой район Магадана, где были расположены лечебные учреждения Дальстроя. Это были двухэтажные сборные деревянные дома. Стояли эти строения в районе нынешней школы № 11. Мы попали на прием к доктору М. А. Свешиникову, практиковавшему, будучи заключенным, о чем я, конечно, узнал гораздо позднее. Почти целую неделю у меня брали анализы, затем М. А. Свешиников порекомендовал матери провести операцию моей ноги в следующем, 1937 году».

Летом 1936 г. в Магадане побывали партийные и советские работники, посещение которых диктовалось не только искренним любопытством к развитию центра Дальстроя, но и определенными целями, исходящими из политической обстановки, которая складывалась в стране, в частности с борьбой против так называемых троцкистов, часть которых уже находилась в лагерях Севвостлага. При этом, естественно, почти все приезжающие (и проверяющие) знакомились с положением дел на Колыме, и их общие указания (по линии ЦК ВКП(б) или НКВД СССР) находили преломление в местных условиях. Вернувшись назад, они в своих докладах вышеступающему партийному руководству и правительственным органам рассказывали о специфической работе Дальстроя и огромных перспективах осваиваемого края.

Так, 29 июля 1936 г. на водную гладь бух. Нагаева сел самолет СССР-Н-2 Героя Советского Союза В. С. Молокова. Вместе с ним прилетел начальник Политуправления Главсевморпути С. А. Бергавинов, который помогал в свое время К. Я. Луксу в борьбе за сохранение Восточно-Эвенской культбазы. На этот раз он прибыл как проверяющий по партийным делам. В. С. Молоков рассказывал: «Сделав разворот, сел в открытой половине бухты, где сидел еще в 1935 году, и пришвартовался к бочке. К самолету подошел катер, нас переправили на берег и проводили в новую гостиницу. В 1935 году, прилетев в Нагаево, я видел фундамент гостиницы, а теперь очутился в недавно построенных удобных комнатах. Вечер провели за товарищеским чаем. Утром по очень хорошей шоссейной дороге поехали осматривать окрестности. Километрах в двадцати от города машина остановилась у реки, и мы наблюдали за ходом рыбы, которая с моря пробиралась в верховье метать икру. В этот же день приехал повидаться с нами начальник Дальстроя. Он жалел о том, что мы с ним не встретились в прошлом году, интересовался нашим прошлогодним перелетом по трассе от Нагаево до Колымы и по Колыме» [Молоков, 1939. С. 107–108].

31 июля 1936 г. С. А. Бергавинов на самолете В. С. Молокова вылетел из Нагаево, взяв курс на Усть-Камчатск. Прилетевший вместе с ними специальный корреспондент газеты «Правда» Борис Горбатов рассказывал: «О нас можно сказать, что мы "влетели" в жизнь Магадана. Молодая столица Колымы распахнулась перед нами своей будничной рабочей жизнью, своими ежедневными заботами, победами, радостями, печалью... В Магадане был выходной день... Несмотря на выходной, в городе продолжала шуметь стройка. Стучали молотками каменщики, на лесах качались штукатуры, плот-

ники, маляры. Строились четырехэтажные каменные здания – десятиники, горный техникум, рылись котлованы под хлебозавод, воздвигались фабрика-кухня, амбулатория, жилые дома, достраивался гостиничный городок, разбивались скверы, мостились улицы, укатывалось шоссе. Всюду копошились люди: тракторы, грузовики, машины. На судоремонтном, на кирпичном, на лесопильном, на электростанции, в порту, на трассе – всюду стояли на вахте в этот выходной день деловые люди... А те, кто был свободен, уезжали за город или гуляли по главной улице города, или шли в кино, театр, свои клубы потанцевать, отдохнуть, повеселиться. Большинство же устремлялось в парк культуры и отдыха. Шли целыми семьями, с детьми, женами. Детишки радостно толпились возле клеток зоологического уголка, глазели на рогатого оленя, волка, юрких песцов. На спортивных площадках было шумно и весело. Кольцо зрителей плотно окружало волейболистов. На теннисном корте шла захватывающая борьба между девушкой в алом берете и лохматым парнем в белых традиционных брюках. На футбольном поле кипела яростная схватка двух “вечных” противников: голубых и белых маек... Вечером в клубе демонстрировали фильм “Колыма”, заснятый здесь. В зале сидели строители Колымы. История проходила перед ними... Сегодня они сидели молча. То, что проходило на экране, было вчерашним днем буднями, бытом. Над Магаданом тихо струилась ночь. Где-то далеко за морем готовился к выходу новый рабочий день» [Горбатов, 1956. С. 62–65].

В августе 1936 г. бух. Нагаева посетили пять подводных лодок и плавбаза «Саратов», совершившие беспрецедентное учебное плавание. Оно проходило под общим командованием капитана 2-го ранга (впоследствии Героя Советского Союза) Г. Н. Холостякова. Необходимое штурманское обеспечение осуществляли штурманы-профессионалы Е. И. Артемьев и М. П. Кожухов. В Магадане подводники побывали на авторемонтном заводе, в средней школе, в парке культуры и отдыха, выезжали на Колымскую трассу.

«Мы пересекли Охотское море, – вспоминал Г. Н. Холостяков, – зашли в старинный Охотск и в еще только строящийся Магадан. На его рейде – в бухте Нагаева, глубоко врезавшейся в материк, где еще никогда не видели подводных лодок, был устроен маленький подводный парад: две “цуки” (это были Щ-119, командир – капитан 3-го ранга В. В. Киселев и Щ-117, командир – капитан-лейтенант М. И. Гаджиев, ставший позднее Героем Советского Союза. – А. К.) одновременно погрузились и, подняв перископ, выполнили эволюции. Экипажи лодок получили тут неожиданное в таких широтах угощение – парниковые огурцы, свежую капусту и другие овощи, редкие тогда и в более южных районах Дальнего Востока» [Холостяков, 1976. С. 105].

К этому необходимо добавить, что пришедшие в бух. Нагаева подводные лодки посетили Э. П. Берзин и руководители ряда подразделений Дальстроя. С мостика плавбазы «Саратов» они наблюдали за выполнением подводными лодками срочного погружения и описанного Г. Н. Холостяковым прохождения под перископом и без него. Летом 1936 г. в Магадане также побывал начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР (он занимал эту должность с июля 1934 г.) комкор М. П. Фриновский. Кроме этого он посетил ряд населенных пунктов Колымской трассы.

26 августа 1936 г. в Магадан приехали секретарь Дальневосточного крайкома партии Л. И. Лаврентьев (Картвелишвили), председатель Далькрайисполкома Г. М. Крутов, полномочный представитель НКВД по ДВК Т. Д. Дерibas, прокурор Дальневосточного края М. Я. Чернин и сопровождающие лица. Первые три дня они выезжали на Колымскую трассу, а потом, как и С. А. Бергавинов, знакомились с Магаданом, присутствовали на митинге, посвященном годовщине стахановского движения и проходившем в парке культуры и отдыха.

Все это время руководители Дальневосточного края охраняли сотрудники отдела НКВД по Дальстрою и пограничники. Приказом Э. П. Берзина «за хорошую организацию охраны правительственной комиссии» уполномоченным отдела НКВД по Дальстрою А. И. Баранову, А. С. Виноградову, А. Е. Петрову, помощникам уполномоченных М. П. Беленькову, Н. С. Абрамовичу, старшему инспектору мобилизационного отдела А. Л. Казаковскому, командирам погранотряда П. П. Карабанову, А. П. Кондратьеву, Ф. С. Мищенко, А. З. Павловскому была выдана премия в размере 500 руб. каждому, шоферу И. Л. Шварцу вручены металлические часы с надписью «За образцовое несение службы по охране правительственной комиссии от уполномоченного НКВД СССР», а начальнику ВОХР Севвостлага Д. Ф. Кабисскому, начальнику секретно-политического отдела НКВД по ДС А. А. Мосевичу и начальнику особого подразделения этого же отдела П. М. Лобову объявлена благодарность.

Пользуясь присутствием Л. И. Лаврентьева, Э. П. Берзин 30 августа 1936 г. составил на его имя докладную записку, в которой говорилось: «Пять лет Дальстроя создали на месте прежней пустынной окраины новый индустриализирующийся район с валовой продукцией (по Дальстрою) в 272,3 миллиона рублей... Грузооборот Нагаевского порта составляет 215 тысяч тонн. Длина автомобильных дорог с ветками составляет (на 1 августа) 1730 километров проводов... Возникший как перевалочная база новый город Магадан в бухте Нагаева уже превращается в культурный благоустроенный центр с кирпичными жилыми трехэтажными зданиями, со школой в четырехэтажном доме, с гостиницами, клубами, радиовещательным узлом и т. д.».

С 19 по 21 октября 1936 г. в Магадане проходил Второй межрайонный съезд Советов Колымы. Его открыл Э. П. Берзин в 18 ч 30 мин 19 октября 1936 г. [ГАМО, ф.р-51, оп. 1, д. 4, л. 2]. В работе съезда принял участие 51 делегат (мужчин – 46, женщин – 5) с решающим голосом. В их числе было:

«по партийности»: членов ВКП(б) – 22 чел., кандидатов в члены ВКП(б) – 5 чел., членов ВЛКСМ – 6 чел., беспартийных – 18 чел.; «по социальному положению»: рабочих – 12 чел., колхозников – 10 чел., служащих – 26 чел., военнослужащих – 3 чел.; «по образованию» – низшее – 26 чел., среднее – 15 чел., высшее – 10 чел.; «по национальности»: русских – 28 чел., орочей (эвенгов) – 6 чел., латышей – 5 чел.; украинцев – 3 чел., якутов – 2 чел., евреев – 2 чел., юкагиров, камчадалов, немцев, осетин, эстонцев – по 1 чел. Не смогли приехать на съезд 6 делегатов Северо-Эвенского района «из-за отдаленности и отсутствия средств передвижения» [ГАМО, ф.р-51, оп. 1, д. 4, л. 50].

В состав президиума съезда были избраны 10 чел. (Э. П. Берзин, И. Г. Филиппов, М. М. Бушуев, Р. А. Апин, П. Ф. Орлов, П. Ф. Самыров, Г. И. Шадрин, В. В. Репин и др.), а в почетный президиум – И. В. Сталин и Политбюро ЦК ВКП(б) – Э. Тельман, Н. И. Ежов, Л. И. Лаврентьев, Г. М. Крутов, Т. Д. Дерибас, В. К. Блюхер. На съезде был обсужден проект Конституции СССР (докладчик Р. А. Апин), заслушаны доклады уполномоченного Далькрайисполкома (докладчик Э. П. Берзин) и мандатной комиссии (докладчик П. Ф. Иванов), состоялись выборы делегатов на Дальневосточный краевой съезд Советов.

После доклада Р. А. Апина состоялись продолжительные прения. Они заняли все утреннее заседание 20 декабря 1936 г. Многие из представителей коренных национальностей Колымы, выступившие на этом заседании, говорили на родном языке, в частности председатель Элекчанского сельсовета эвен С. О. Логинов. В качестве их переводчиков выступили председатель Ольского РИКа М. М. Бушуев и, тогда еще педагог советско-колхозной школы, Л. В. Соболевский. Затем помощник директора ДС по политчасти В. В. Репин внес «предложение ввести в состав президиума тов. Разумовского, профессора, прибывшего делегата с Оротукана» [Там же. Л. 8]. «Тов. Разумовский в своем выступлении отметил: “Стиль обсуждения Сталинской конституции особенный, критический, но в общем ничего добавлять не можем, настолько все предусмотрено и учтено и волею новую силу и бодрость для зарубежных наших товарищей”» [Там же. Л. 12].

В заключительном слове по своему докладу Р. А. Апин сказал: «Всеми выступающими товарищами очень много было сказано о состоянии культурного и бытового положения трудящихся на Колыме. Советская власть не смогла сразу и своевременно охватить все отдаленные уголки нашего Советского Союза. Колыма, являлась валютной местностью, при царизме о ней никто не заботился. Сегодняшний съезд дружно обсуждает проект Сталинской Конституции. Наши задачи – повышать культуру, развивать и укреплять социалистическое хозяйство с помощью всех национальностей на основе Сталинской Конституции. Мы должны гордиться, что партия дала нам возможность активно участвовать в строительстве и развитии Колымы. Совершенно правильно выступившие товарищи подметили, что проект Сталинской Конституции охватил все моменты и, главным образом, заботу о человеке. Наша задача – на основе исторического документа претворять в жизнь все указания великой Сталинской Конституции» [Там же. Л. 15].

20 октября с 16 ч 30 мин делегаты съезда слушали доклад Э. П. Берзина. В нем он как уполномоченный Далькрайисполкома охарактеризовал «прошлое Колымы», проанализировал «рост хозяйственной мощи коренного населения», «состояние народного просвещения и здравоохранения», остановился на «задачах будущего года». «Будущий год, – указал Э. П. Берзин, – явится для нас очень серьезным этапом. Мы увеличиваем ежегодно свою программу по всем отраслям в два раза, и сейчас мы дали обещание партии и правительству выполнить свой план по золоту 1937 г. в двойном размере против текущего года. Помимо золота мы имеем еще и полиметаллы, которые также нужны республике. И для того чтобы выполнить наше обязательство, нам нужно иметь и дороги, и хорошее сельское хозяйство, и скотоводство... Я уверен, что если в 1937 г. мы будем работать все ударно, по-стахановски, то этот удвоенный план выполним и оправдаем доверие ЦК партии и вождя народов т. Сталина, который лично нами руководит и два года подряд поздравляет нас с успехами» [Там же. Л. 23].

21 октября 1936 г. Э. П. Берзин вновь выступил на Втором межрайонном съезде Советов Колымы, но теперь уже с заключительным словом. В нем, отвечая и на ранее поставленные вопросы, он говорил: «Тут задавали вопросы о том, что нельзя ли иметь поселковый Совет вместо комендатур и секций. Должен сказать, что нельзя забывать, что мы находимся в пограничной полосе. Затем основной контингент – это з/к, а не вольнонаемные административные, инженерно-технические работники. Из этого ясно, что мы не сможем применить систему поселковых Советов. Секции выборные можно при комендатурах создать, которые будут сглаживать недоразумения, и от их работы будет реальная помощь. Возьму, к примеру, комендатуру Магадана. Жилищные условия в данный момент трудные, уют и нужна общественная организация, которая бы следила за балластом людским, который проживает в Магадане, ничего не делает, пьянствует да хулиганит, а место занимает. Вот и нужно выявить таких типов, от которых пользы нет. Будущее Магадана – это перевалочная база, и мы сидим здесь только потому, что здесь находятся Управления. Новый центр будет на устье Таскана. Магадан же будет расти и развиваться как портовый город. Перспективы нового центра громадны. Там будут строиться высшие учебные заведения, как, например, горный институт, геодезический институт и др., которые нужны для потребностей Колымы, чтобы не завозить с “материка” кадры. Выращенные кадры будут несравненно лучше, а также растить свои кадры из бывших з/к. Из строительства этого года в Магадане строится великолепная школа, со строительством которой запоздали не-

сколько, но к весне она будет готова, и школа такая, что и в Москве немного таких найдется, еще дам жилой строиться будет, баня, прачечная. Нужно 12 000 000 шт. кирпича, чтобы все это построить ведь нужно еще городской театр построить, а строительного материала мало, да и работаем, нужно сказать, мы плохо. Много лучше нужно работать» [ГАМО, ф.р-51, оп. 1, д. 4, л. 47–48].

30 октября 1936 г. в Магадане открылся Восьмой Вселазерный слет стахановцев и ударников Колымы. На него прибыли 426 «представителей от лучших стахановцев, инженерно-технического персонала и КВЧ всех ОЛП» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 424, л. 30]. Впервые на слете присутствовала делегация отдельного Владивостокского лагпункта. Работа слета продолжалась три дня, и на нем были «заслушаны и обсуждены вопросы: 1) Вступительное слово – нач. Управления СВИТЛ т. Филиппов; 2) Доклад о пятилетии ДС и хозяйственных задачах на 1937 год – пом. директора ДС по экономической части т. Эпштейн; 3) Об итогах и задачах культпросветработы – нач. КВО т. Лаврентьев; 4) заключительное слово – директор ДС т. Берзин» [Там же. Л. 31].

К Восьмому Вселазерному слету стахановцев и ударников Колымы почетными грамотами и благодарностями УСВИТЛа был награжден 1321 чел. Переходящее Красное знамя Центрального штаба ударничества и соревнования получило УДС ДС, рапортовавшее «о досрочном выполнении годового плана работ». 34 бригады, «показавшие в течение 1936 года лучшие образцы стахановской работы», были «премированы ценным культурным инвентарем: библиотеками с набором художественной и политической литературы, музыкальными инструментами». Коллективные премии также получили 36 лучших ТПК (трудовые производственные коллективы) и 17 других лагподразделений: прииски, дистанции, командировки. Всего коллективных премий было «выдано на 8-м слете 88, а именно: 1) духовой оркестр – 1; 2) домровый оркестр – 2; 3) баян с библиотекой – 4; 4) набор из шести струнных инструментов – 17; 5) патефон – 10; 6) набор из трех струнных инструментов – 25; 7) библиотека – 22; 8) гармошка – 7» [Там же. Л. 32].

В выявленной нами объяснительной записке к статистическому отчету о культурно-воспитательной работе в Севвосталге (УСВИТЛ) за IV квартал 1936 г. указывается, что на 1 января 1937 г. во всех лагерных подразделениях Колымы общее количество заключенных, работавших по-стахановски, составляло 19 824 чел., а ударников – 24 889 чел. В это же время в Севвостлаге насчитывалось 2368 бригад заключенных, в том числе 763 – работавшие по-стахановски и 1150 – по-ударному. Среди лучших производственных трудообъединений Севвостлага были: «5 лет Дальстрою» (средняя выработка 229%), «Красная звезда» (средняя выработка 208%), «Лесоруб» и «Стахановский труд» (средняя выработка по 190%), «Дорога в срок» и «Путевка в жизнь» (средняя выработка по 188%), «Ответ 7-му слету» и «Гигант» (средняя выработка 182%), «имени Водопьянова» (средняя выработка 176%), «Первый слет» (средняя выработка 173%), «Северный строитель» (средняя выработка 172%), «Путь к исправлению» (средняя выработка 164%) и др.

В упомянутой объяснительной записке также зафиксированы факты, говорящие о том, что во всех подразделениях Севвостлага на конец 1936 г. из 2060 учтенных неграмотных заключенных в школах ликбеза проходили обучение 1905 чел., из 5601 учтенного малограмотного в школах для малограмотных обучались 3696 чел., а в 55 «школах повышенного типа» – 1173 чел. При этом в школах ликбеза и в школах для малограмотных преподавание вели преимущественно бывшие конторские служащие, а в «школах повышенного типа» – главным образом бывшие педагоги.

Одновременно с этим в Севвостлаге были организованы 304 различных кружка с охватом 4264 заключенных. В кружках самодеятельности занимались 682 чел. В течение IV квартала 1936 г. в Севвостлаге было поставлено и проведено 2114 спектаклей, концертов и вечеров отдыха. Различными видами зимнего спорта (катание на лыжах и коньках) занимались 867 заключенных. В ряде ОЛП, и в первую очередь в Магадане, были оборудованы спортплощадки и катки. Лучшие стахановцы-лыжники периодически совершали переходы между поселками и приисками, проверяли выполнение договоров на соцсоревнование и ударничество, делились опытом работы, знакомились с организацией производства и постановкой культурно-воспитательной работы.

«Никогда, в самые горячие годы капиталистических золотых лихорадок, – отметил начальник Главного управления золото-платиновой промышленности НКТП Александр Павлович Серебровский, – вся Аляска, вместе взятая, не давала золота столько, сколько дал в этом году новый Колымский золотой район» [1936]. Немного позднее он также вспоминал «т. Берзина, давшего Советской стране ряд новых богатых золотых приисков, которые превратили Дальний Восток в кузницу советской власти» [Там же].

11 ноября 1936 г., согласно заказу № 1964, типография издательства «Советская Колыма» опубликовала отдельной листовкой приказ № 446 наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова (листовка хранится в фондах МОКМ) от 1 ноября 1936 г., в котором говорилось: «Постановлением партии и правительства от 9–13 ноября 1971 года (так в тексте. – А. К.) на государственный трест “Дальстрой” была возложена важная задача. За истекившие пять лет Дальстрой проделал под руководством ЦК ВКП(б) и лично тов. Сталина огромную работу в исключительно трудных условиях. Выявлены основные природные богатства района, добыча россыпного золота достигла таких размеров, что Дальстрой выдвинулся на первое место среди промышленных районов Союза. Построен порт в бухте

Нагаева. Проложена дорога в глубь Колымы. На реке Колыме создан крупный речной флот. Построены десятки поселков с электростанциями, промышленными и коммунальными предприятиями. Совхозы на побережье доставляют тысячи тонн овощей и корнеплодов, сотни тонн мяса и молочных продуктов. Десятки колхозов охватили значительную часть коренного населения. Построены национальные центры, и вокруг сельсоветов, школ, больниц оседает кочевое население. Все дети коренного населения посещают школу. Ликвидируется безграмотность. Сотни работников из местного населения становятся во главе сельсоветов, РИКов, колхозов. Десятки женщин выдвинулись на руководящие должности. В процессе проведения всей этой работы тысячи бывших правонарушителей приобщены к социалистической стройке и становятся честными тружениками. Отмечая эти успехи, достигнутые настойчивой и энергичной работой всего коллектива Дальстроя и Севвостлага НКВД и поздравляя работников Дальстроя и Севвостлага НКВД, с пятилетием, – ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Директору Дальстроя т. Берзину и начальнику Севвостлага НКВД т. Филиппову освободить досрочно триста человек заключенных и сократить срок от шести месяцев до трех лет 1500 заключенным-стахановцам, показавшим лучшие образцы работы и поведения в лагере. Указанные льготы объявить заключенным не позднее седьмого ноября, проведя соответствующую разъяснительную работу. Списки заключенных, в отношении которых будут применены льготы, выслать в ГУЛАГ НКВД. 2. Списки лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, кои достойны применения льгот, представить мне на утверждение. 3. Вольнонаемным работникам треста и лагеря, а также Московского управления за хорошую ударную работу выдать денежные премии и ценные подарки. 4. Приказ передать по телеграфу и широко опубликовать на территории деятельности Дальстроя. Уверен, что накопившийся за 5 лет опыт будет широко использован всем коллективом Дальстроя для дальнейшей плодотворной работы на Крайнем Севере».

Докладная записка Э. П. Берзина от 30 августа 1936 г., личное ознакомление руководителей Дальневосточного края с положением дел на Колыме сыграли свою роль в выделении Дальстрою дополнительных ассигнований на хозяйственную деятельность в 1937 г., а их знакомство с состоянием режима содержания заключенных (в первую очередь троцкистов) в Севвостлаге – к принятию мер по его усилению. Направляющей стала директива Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1936 г. «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам».

В этой директиве говорилось: «...а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривало троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов и вредителей фашистской буржуазии в Европе. б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных типа Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были ранее высланы» [Козлов, 2002. Ч. 1. С. 30].

Эта директива стала руководством к действию, ведь, несмотря на всю «мягкость» лагерного режима, и на Колыме находила отражение и прямое продолжение государственная репрессивно-карательная политика. Так, еще во второй половине сентября 1936 г. в Магадане были арестованы «разоблаченные двурушники-троцкисты»: начальник снабжения УАТ ДС А. С. Рендель (19 сентября), начальник Управления Магаданской комендатуры С. С. Белов и начальник АРЕМЗа Б. Б. Гомберг (оба – 20 сентября). 22 сентября 1936 г. был освобожден от должности, а затем арестован, начальник УГПС ДС А. В. Мусатов. Все они затем осуждены на различные сроки заключения.

14 декабря 1936 г. газета «Советская Колыма» поместила статью «Маска сорвана», подписанную неким Н. А.-н. «Мусатов, Белов, Рендель, Гомберг, – говорилось в ней, – группа разоблаченных врагов. Активный участник троцкистской контрреволюционной организации, оруженосец лидера троцкистско-зиновьевского центра Смирнова, “дипкурьер” троцкистских групп Москвы и Ленинграда и организатор троцкистской группы в Наркомпочтеле Мусатов, чувствуя, что роковая нить неизбежно протянется к нему, в 1935 г. приезжает на Колыму... прятать концы... Не менее колоритна фигура Белова. С 1923 г. последовательный и убежденный троцкист тоже едет “добровольно” на Колыму, надеясь на отдаленность и особую “специфику” колымской партийной организации... Облегчить участь братьев-троцкистов, подкормить и выдвинуть на более легкую работу злейших врагов народа, отбывающих справедливое наказание за свои преступления – такова почетная функция по сбережению кадров обер-бандита Троцкого со стороны Ренделя и Гомберга...»

В дополнение к этому Э. П. Берзин 30 декабря 1936 г. издал приказ по ликвидации «существенных недочетов» в состоянии дисциплины и лагерного режима Севвостлага. Одним из главных его пунктов стал тот, согласно которому было необходимо в течение месяца «на каждом лагподразделении ввести зоны и вахты, обеспечив охранение зон стрелковым составом».

Выполняя указанную ранее директиву и приказ Э. П. Берзина, Управление НКВД по Дальстрою (УНКВД по ДС) провело широкомасштабную агентурную акцию, результатом которой явилось «выявление» так называемого контрреволюционного центра на Колыме. По большому счету это была чистой воды провокация, главная цель которой – физическое уничтожение наиболее активных политических

противников. Руководивший данной акцией секретно-политический отдел (СПО) УНКВД по ДС «собрал» многочисленные «факты», якобы говорящие о существовании троцкистского подполья на Колыме. В этом удалось убедить и Э. П. Берзина.

Результатом стал его приказ как уполномоченного НКВД СССР по Дальстрою: *«Секретно-политическим отделом УНКВД по ДС был вскрыт и агентурно разработан к-р троцкистский центр на Колыме во главе с политической тройкой. Следствие по данному делу было проведено в сжатые сроки и с достаточной полнотой разоблало активную к-р вредительскую и диверсионную работу троцкистов на Колыме. При наличии опытного врага, при активном сопротивлении его на следствии с применением методов клеветы, провокации и других подлых приемов, свойственных троцкистам в их к-р борьбе, работники, непосредственно ведущие следствие, проявили максимум выдержки и чекистской уверенности в работе, не давая врагу скрыть соучастников и следов своей к-р работы... Еще раз обращая внимание оперативного состава, что для чекиста основные качества – это бдительность, последовательная настойчивость, умение обеспечить до конца правильную классовую линию, не оставаясь перед какими-то ни было трудностями».*

Суд над 21 «участником троцкистской контрреволюционной организации на Колыме» проходил в Магадане «в закрытом судебном заседании» с 1 по 18 марта 1937 г. Председательствующим на суде был председатель отделения Дальневосточного краевого суда по Севвостлагу и Дальстрою В. В. Кузницын. Здесь же присутствовали прокурор по Севвостлагу А. М. Саулеп, члены суда и представитель защиты. По приговору отделения Дальневосточного краевого суда по Севвостлагу и Дальстрою наиболее видные троцкисты Ю. А. Барановский, И. М. Бесидский, С. О. Болотников, С. Я. Кроль и М. Д. Майденберг были приговорены к расстрелу, четверо освобождены за недоказанность преступления, остальные двенадцать приговорены к различным срокам заключения. Это был первый смертный приговор, вынесенный троцкистам в Магадане, хотя расстрелы здесь производились не первый год.

С самого начала деятельности Дальстроля репрессивно-карательную политику по отношению к «классово-чуждым», «антисоветским» и уголовным элементам осуществлял 3-й отдел УСВИТЛа, под руководством в 1932–1933 гг. К. В. Афанасьева, в 1933–1934 гг. – А. С. Энгельгарда, одновременно являвшегося заместителем Р. И. Васькова. Виновные в хищениях привлекались к ответственности по Постановлению (закону) ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной социалистической собственности».

На Колыме и в Магадане оно стало применяться почти сразу после вступления в действие. Уже в приказе Э. П. Берзина от 22 декабря 1932 г. говорилось о привлечении к ответственности по постановлению от 7 августа 1932 г. всех лиц, замеченных в хищении грузов, привозимых на пароходах и складываемых в бух. Нагаева, а исполняющий обязанности директора Дальстроля В. В. Репин приказом от 2 января 1934 г. распространил действие постановления на использование и доставку грузов не по назначению. К осужденным за эти преступления применялись самые суровые меры наказания, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела. Расстрел применялся и к «политическим», т. е. к осужденным по ст. 58 УК РСФСР.

В первой половине 1933 г. были арестованы заключенные «резервного лагпункта Севвостлага» М. К. Кравцов, Т. С. Свиридов и Ф. А. Шульга. В «Постановлении о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения» говорилось: *«Перечисленные выше сектанты... федоровского толка достаточно изобличаются в том, что, находясь в лагерях ОГПУ, систематически отказывались от работы. Свой отказ мотивируют религиозными убеждениями. Кроме того, Шульга, Кравцов и Свиридов добровольно вступили в контрреволюционную группировку Федоровского толка и, находясь в резервном лагпункте Севвостлага, организовали группу в 13 человек, которая ставила своей задачей путем систематической контрреволюционной агитации, распространения провокационных слухов о неизбежности войны, падении Соввласти агитировать основную массу заключенных на систематические отказы от работы, от приема пищи. Путем злостного саботажа направить свои силы на срыв социалистического строительства Колымского края и разложение всей массы заключенных лагеря».*

Данный документ составлен 20 июня 1933 г., а через неделю М. К. Кравцов, Т. С. Свиридов и Ф. А. Шульга «за организационную деятельность, направленную на свержение власти» и «контрреволюционный саботаж» были расстреляны*. Спустя несколько месяцев приказом по ОГПУ СССР от 17 декабря 1933 г. «для чекистского обслуживания» района Колымы организован отдел ОГПУ по ДС. Однако выполнение приказа было отложено по ряду причин. Только 17 июня 1934 г. Э. П. Берзин, являвшийся «старшим чекистским начальником», издал еще один приказ, которым действительно организовал отдел ОГПУ по ДС, а за 3-м отделом УСВИТЛа осталось только выполнение функций, связанных с деятельностью одного этого подразделения. Начальником отдела ОГПУ по ДС был назначен прибывший с «материка» П. Н. Куцерубов.

10 июля 1934 г. ОГПУ СССР было реорганизовано в НКВД СССР. В связи с этим отдел ОГПУ по ДС был реорганизован в отдел НКВД по ДС, который с марта 1935 г. по октябрь 1936 г. возглавлял К. К. Шель. В «Положении об отделе НКВД по району Дальстроля», подписанном К. К. Шелем, указыва-

*Посмертно реабилитированы 12 сентября 1989 г.

лось: «1. Вновь созданный отдел НКВД по району ДС включает в себя весь комплекс чекистской работы, подведомственной народному комиссару внутренних дел, с учетом особенности ДС... 2. Отдел НКВД по району ДС подчиняется уполномоченному НКВД СССР по району ДС и через последнего начальнику Управления НКВД по ДВК. В части обслуживания лагеря начальник отдела НКВД по ДС подчиняется начальнику Севвостлага, его заместителю и помощнику. 3. Отдел НКВД организует борьбу с контрреволюцией во всех ее проявлениях, с должностными и уголовными преступлениями на территории ДС и Севвостлага; организует охрану Севвостлага, производства ДС и его материальных ценностей. 4. Одной из основных задач отдела НКВД является обеспечение выполнения производственного плана ДС и своевременная быстрая локализация всех причин, вносящих тормоз и дезорганизацию в производственное строительство. 5. Для выполнения возложенных на него задач отдел НКВД создает свой центральный аппарат – периферийные органы УГБ и НКВД по производственно-территориальному принципу... 7. Для борьбы с побегами заключенных, борьбы с преступностью и поддержанием общественного порядка отдел НКВД организует отделение РК милиции... 8. Для борьбы с пожарами на территории ДС отдел НКВД организует пожарную охрану...» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 14, л. 26–27].

С октября 1936 г. по июнь 1937 г. исполняющим обязанности начальника Управления НКВД по ДС (реорганизованного из отдела) являлся бывший ленинградский чекист А. С. Горин-Лундин. Затем его сменил лейтенант госбезопасности М. М. Веселков. По обнаруженным нами ранее неизвестным архивным документам, он руководил УНКВД по ДС до 8 августа 1937 г. После в данную должность вступил бывший начальник административно-хозяйственного отдела УНКВД по Дальневосточному краю лейтенант госбезопасности А. П. Бубеннов, награжденный знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ. Через некоторое время он был арестован, и с осени 1937 г. М. М. Веселков вновь возглавил УНКВД по ДС.

Согласно документальным данным*, в 1935 г. в Магадане были приведены в исполнение приговоры, касающиеся уголовных элементов, некоторым из них приписывались и пункты ст. 58 УК РСФСР. Например, 9 мая 1935 г. «в 1 час 30 минут по местному времени» были «расстреляны на Магаданском кладбище» «воры-рецидивисты» Е. Ф. Гонюков (он же Ершов), Ф. М. Романов (он же Шварцев, он же Ермаков) и Д. П. Сизиков (он же Северин, он же Ермолин), осужденные по ст. 82 («побег из под стражи»), 58-8 («совершение террористических актов») и постановлению от 7 августа 1932 г. В «23 часа 55 минут» 3 июля 1935 г. был «расстрелян и погребен на Магаданском кладбище» заключенный (отбывавший срок наказания за кражу) А. А. Костин, осужденный за «совершение террористического акта».

«1935 года, ноября 3 дня в час 30 минут, – говорится в одном из актов расстрела, – начальник особого отдела УГБ НКВД Гольдфорб, уполномоченные ОО Брусникин и Ретин, в присутствии помощника прокурора Севвостлага тов. Емельяновой и члена спецотделения краевого суда ДВК т. Иванычева составили настоящий акт в том, что сего числа в 0 часов 5 минут 3-го ноября были приведены в исполнение приговоры в отношении Белова Сергея Павловича и Евдокимова Андрея Герасимовича, осужденных к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Приговор приведен в исполнение посредством расстрела вышеупомянутых лиц в районе 16 км (по трассе от Нагаево)».

Еще один подобный акт зафиксировал: «1935 года, декабря 26-го дня в 2 часа 15 минут, мы, уполномоченный УГБ отдела НКВД по ДС Баранов А. И., оперуполномоченный ОО УГБ отдела НКВД по ДС Брусникин П. С., в присутствии помпрокурора надзора за СВИТЛ НКВД т. Емельяновой и зам. председателя спецотделения краевого суда по ДС т. Сергеевой составили настоящий акт в том, что сего числа в 1 час 15 минут утра нами в присутствии вышеуказанных т.т. Емельяновой и Сергеевой был приведен в исполнение приговор над осужденным к ВМСЗ – расстрелу (по постановлению ВЦИК от VIII-32 г.) Кузьминым Аркадием Степановичем, каковой был расстрелян на 16 км. по трассе, вправо от Магадана».

1.3. Магадан во время массовых репрессий. Присвоение статуса города

Однако настоящая кровавая вакханалия развернулась в Магадане в начале осени 1937 г. и была связана с проводимой НКВД СССР широкомасштабной операцией, целью которой являлось физическое уничтожение потенциальных политических противников и пополнение лагерей ГУЛАГа новой рабочей силой. Основовопологающим для ее проведения стало решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об анти-советских элементах», принятое 2 июля 1937 г.

Во исполнение его секретарям ЦК национальных компартий, крайкомов, обкомов была направлена телеграмма: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, – являются главными зачинщиками всякого ряда антисоветских и диверсионных преступлений... ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся

*В данном случае – копии актов расстрелов.

на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы, были бы переписаны в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке» [Козлов, 2002. Ч. 1. С. 32].

Пятидневный срок выдержан не был, но в течение нескольких последующих недель с различных мест поступали списки сформированных троек и сведения о количестве «антисоветских элементов». Руководство НКВД СССР, исходя из всего присланного, стало готовить приказ о проведении задуманной операции. 30 июля 1937 г. заместитель наркома НКВД СССР Н. И. Ежова М. П. Фриновский, ответственный за ее проведение, направил на утверждение Политбюро ЦК ВКП(б) оперативный приказ наркома внутренних дел «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Приказ, известный под номером 00447, предписывал начать операцию «по репрессированию бывших кулаков, антисоветских элементов и уголовников» в зависимости от региона с 5 по 15 августа 1937 г. и закончить в 4-месячный срок. В Дальневосточном крае, а значит, и в Дальстрое, операция начиналась в числе последних. Все репрессированные делились на две категории: первая – подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая – подлежащие заключению в лагеря и тюрьмы сроком от 8 до 10 лет.

На основании данных о количестве «антисоветских элементов», поступавших с мест, всем республикам, краям и областям были даны лимиты по каждой из двух категорий. Всего предписывалось арестовать 259 450 чел., из них 72 950 – расстрелять, но, как свидетельствуют документы, эти цифры были не окончательными, ибо из ряда регионов страны требуемая НКВД СССР информация до конца не поступала. В то же время, как и предполагалось, для решения судьбы арестованных на местах создавались тройки, куда должны были входить нарком или начальник УНКВД, секретарь партийной организации и прокурор республики, края или области.

31 июля 1937 г. приказ НКВД СССР № 00447 был утвержден и стал руководством к действию. Несмотря на сроки начала акции в Дальневосточном крае, она практически тут же началась в Дальстрое. Уже 1 августа 1937 г. в Магадан пришла телеграмма о немедленном исполнении приговора отделения Дальневосточного краевого суда по Севвостлагу и Дальстрою от 1–18 марта 1937 г. над руководителями «контрреволюционного троцкистского центра на Колыме». На следующий день приговор был приведен в исполнение, а в акте об исполнении записано: «Осужденные к ВМН* Барановский Ю. А., Кроль С. Я., Майденберг М. Д., Болотников С. О., Бесидский И. М. были расстреляны комендантом УНКВД по Дальстрою в присутствии представителей Дальневосточного крайсуда по Севвостлагу, прокуратуры по Севвостлагу, Управления НКВД по Дальстрою и врача, констатировавшего смерть расстрелянных. Трупы расстрелянных захоронены в общей яме в лесу близ города Магадана» [Там же. С. 32–33].

6 августа 1937 г. в газете «Советская Колыма» появилась передовая «Беспощадно уничтожать гнезда шпионов, вредителей и диверсантов!». «Валютный цех страны – Колыма, находящаяся на северо-восточной окраине Советского Союза и граничащая с фашистской Японией, – говорилось в статье, – стала также местом происков кучки подлых изменников родине. Своей подрывной работой эти гады, продавшие душу и тело фашизму, хотели затормозить развертывание золотодобычи и подготовить почву для нападения интервентов. Органами НКВД на Колыме эта шайка бандитов была раскрыта и главаря ее – Барановский Ю. А., Майденберг М. Д., Кроль С. Я., Болотников С. О. и Бесидский И. М. – приговорены к расстрелу. Приговор отделения Дальневосточного краевого суда приведен в исполнение: подлые изменники родине, вредители, шпионы и диверсанты, агенты кровавого фашизма расстреляны».

Других троцкистов, находившихся в лагерях Севвостлага, стали арестовывать и направлять на следствие, но опять же никакой акции (во исполнение приказа № 00447) 15 августа 1937 г. не началось. Не началась она и в ближайшие недели, разве только уже в сентябре, когда контингент арестованных стал расширяться. По всей видимости, это произошло не случайно, поэтому до сих пор не выявлено каких-либо данных о лимите расстрелянных и вообще репрессированных, утвержденном тогда для Дальстроя. Неизвестен и состав (кроме отдельных лиц) тройки НКВД по ДС, которая провела свое первое заседание 5 сентября 1937 г. По логике, в нее должны входить директор Дальстроя (осуществлявший высшую партийную и советскую власть на Колыме) Э. П. Берзин, врид начальника УНКВД по ДС М. М. Веселков и прокурор по Севвостлагу А. М. Саулеп, но они не входили. Последнее, конечно, тоже не случайно, но все равно (без документов) не дает ответа на вопрос.

Вместе с тем тройка УНКВД по ДС только за 3 месяца своей деятельности в 1937 г. рассмотрела дела почти 3 тыс. чел.: с начала сентября до конца октября – дела 2348 чел., за I декаду ноября – 118 чел., за II – 270 чел., за III – 137 чел. Из общего количества были приговорены к расстрелу 2428 чел., хотя не все из приговоренных тогда были расстреляны. В число расстрелянных входили различные контингенты заключенных, а также часть вольнонаемных. Среди них была и последняя группа «непо-

*ВМН – высшая мера наказания.

«привившихся» троцкистов, в которую входили М. А. Бодров, Е. Т. Захарьян и ее муж С. Н. Сербский, Г. Г. Саянский, В. М. Поляков, Г. А. Филиппов, Б. М. Эльцин и др., в том числе личный секретарь Л. Д. Троцкого Н. М. Сермукс, расстрелянный 25 октября 1937 г.

В этот же день на имя начальника ГУЛАГа И. И. Плинера и начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР В. Е. Цесарского из УНКВД по ДС ушло донесение, в котором сообщалось: «Всего поставлено на рассмотрение Тройки – 2348 человек. Приговорено к расстрелу – 1950 человек, из них: а) отбывающих наказание в лагере: за к-р троцкистскую деятельность – 628 человек, к-р деятельность – 433, террор – 69, повстанчество – 48, шпионаж – 74, бандитизм – 219, диверсию – 10, измену родине – 18, разбой – 24, нелегальный переход границы – 7, убийство – 8, хулиганство – 13, НЗП – 6, прочие преступления – 55».

Управление НКВД по ДС (ул. Дзержинского, д. 23) стало приобретать славу самого мрачного и кровавого здания Магадана, а Магадан становился центром массовых репрессий на Колыме. Остановить их при проходившей уже не один год идеологической обработке населения было практически невозможно. Пытающимся это сделать грозила смертельная опасность оказаться «врагом народа», а объектом (мишенью) давления и критики «идеологизированной толпы» мог оказаться каждый.

26 апреля 1937 г. Э. П. Берзин как начальник Нагаево-Магаданского гарнизона издал приказ № 1, в котором говорилось: «§ 1. 1 мая в день Международной пролетарской солидарности в 11 час утра на площади против дирекции ДС назначаю парад войсковым частям. § 2. Парад принимать буду я. § 3. Командовать парадом назначаю начальника Нагаевского морского погранотряда НКВД майора Орлова. § 4. На парад вывести погранотряд, ВОХР, вооруженный отряд трудящейся молодежи и РОКК. § 5. Форма одежды – в зависимости от состояния погоды – караульная. § 6. Командирам частей на площадь парада выслать линейных в распоряжение адъютанта командующего парадом к 10 ч 30 мин 1 мая. § 7. Частям, назначенным к участию в параде в 10 часов, прибыть на улицу Берзина, откуда следует идти вместе со всеми колоннами предприятий и учреждений к 10 ч 30 мин на площадь против дирекции, где личный состав погранотряда будет давать торжественное обещание. § 8. Ответственность за поддержание порядка в городе возлагаю на начальника РК милиции НКВД т. Петенева».

И вот уже в день 1 мая 1937 г. Э. П. Берзин как начальник Нагаево-Магаданского гарнизона издает приказ № 2: «Товарищи красноармейцы, командиры и политработники Морпогранотряда и ВОХР! Сегодня весь великий советский народ празднует Международный праздник пролетарской солидарности – 1 мая. Народы нашей страны, под мудрым водительством коммунистической партии и великого Сталина, одержали за истекший год немало огромных побед в деле строительства новой, счастливой, социалистической жизни, закреплённых в великой Сталинской Конституции. Все трудящиеся Советского Союза своей неустанной работой превращают нашу родину с каждым днем в еще более цветущую, в еще более могучую, еще более непобедимую. В первых рядах этой славной армии труда идут стахановцы, показывающие прекрасные образцы творческого почина и настоящего социалистического труда. 1 Мая мы празднуем в обстановке как никогда обострившейся военной опасности, когда оголтелый фашизм привел в движение машину войны, когда варварскими способами уничтожается мирное население, женщины, дети и старики революционной Испании, когда германский фашизм развязывает бешеные усилия по подготовке войны против СССР, когда зарвавшийся японский империализм непрерывно нарушает наши восточные границы. Но провокация поджигателей войны нас не испугает, теперь мы сильны, как никогда. Рабоче-крестьянская Красная армия вместе со всеми народами Советского Союза твердо стоит на страже мира. Но с еще большей бдительностью они наблюдают за злобежами своей родной страны, и всякая попытка нападения врага на страну социализма будет немедленно отбита. Боевой привет молодым бойцам Красной Армии, присягающим 1 мая на верность советской власти (на верность нашей великой социалистической Родине. Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Поздравляю Вас с Международным пролетарским праздником 1 мая. Великий день международной солидарности мы должны провести под знаком повышения боеспособности и овладения военной техникой».

«Солнечный, радостный день, – вслед за этим, уже 5 мая 1937 г., писала газета «Советская Колыма». – Репродукторы разносят по улицам Магадана волнующие «Песню о родине» и «Каховку»... В ту самую минуту, когда праздничные колонны демонстрантов двинулись к площади, прозрачный шар-тилот стремительно взмыл в сияющее небо, неся с собой алый флажок с первомайским приветствием. Такого многолюдия еще никогда не видела площадь... Как всегда, впереди знаменосцы. Флаги и лозунги несут лучшие люди города, стахановцы Мортрана, Авторемонтного завода, автобазы, учреждений, идут нарядившиеся в национальные костюмы студенты Охотско-Колымского техникума, советско-колхозной школы, ученики первой на Крайнем Севере школы-десятилетки. Поднявшись на трибуну, т. Берзин читает текст торжественного обещания. Молодые пограничники повторяют за ним каждое слово, торжественно присягают на верность родине и народу. Открывается первомайский митинг. Слово предоставляется т. Берзину, выступившему от имени Далькрайкома ВКП(б) – Далькрайисполкома... После т. Берзина выступали боец-пограничник т. Лебедев, т. Филиппов (начальник Управления Севвостлага. – А. К.), председатель райкома Союза т. Бабак и от политотдела т.т. Пивоваров и Афонин. Митинг окончен. Начинается первомайский марш. С трибуны у здания дирекции ДС

несутся приветственные возгласы. С винтовками наперевес шагают пограничники, вохровцы, медленно проезжают велосипедисты, тачанки, цокают подковами лошади кавалеристов, марширует отряд рабочей молодежи. Демонстрацию открыли дети. Идут школьники, учащиеся. Красочной и веселой была первомайская демонстрация».

13 июня 1937 г. на футбольном поле парка культуры и отдыха состоялся общегородской митинг, посвященный «разоблачению шайки вредителей и военных шпионов, возглавляемой маршалом М. Н. Тухачевским». С гневными обличительными речами выступали (так полностью звучали их должности) председатель оргбюро райкома Союза рабочих добычи золота и платины В. М. Бабак и заведующий культурно-просветительным отделом политчасти Дальстроя Н. Н. Афонин. «Голова гадины, – сказал Н. Н. Афонин, – скатилась с плеч. Разоблачение предателей – доказательство незыблемости власти Советов».

«На общем собрании коллектива работников Дукчанского совхоза, – сообщала 16 июня 1937 г. газета «Советская Колыма», – было заслушано сообщение о приговоре над подлыми шпионами, изменниками родине и Красной Армии. Одобряя решение суда, вынесшего предателям заслуженный приговор, коллектив совхоза записал в своей резолюции: «Мы повысили свою бдительность, беспощадно борясь с безответственностью, разоблачая дезорганизаторов посевной кампании»».

Выявленные в последнее время документальные данные свидетельствуют, что идеологическая обработка в духе борьбы с врагами народа (шпионами, диверсантами, террористами) была взаимосвязана на Колыме с подготовкой к отражению любого военного нападения, в частности со стороны империалистической Японии. В связи с этим уже с первой половины 1930-х гг. в Магадане проводилась соответствующая оборонно-массовая работа. В нее вовлекалось практически все взрослое население, включая молодежь, направляемое Колымской организацией Осоавиахима.

Ее первая конференция состоялась в феврале 1933 г., вторая – в августе 1934 г. Выступивший на второй конференции Осоавиахима Э. П. Берзин, по информации газеты «Колымская правда», осудил «возникшие в среде членов Осоавиахима “мировые”, уводящие от деятельности планы, указав как на самую актуальную и доступную по силам и средствам задачу – на обучение и воспитание кадров “ворошиловских стрелков”».

27 сентября 1934 г. «Колымская правда» опубликовала материал «Научиться отлично стрелять». «В области готовности населения к обороне в нашей стране, – говорится в статье, – достигнуты значительные успехи. По данным Центрального Совета Осоавиахима, к маю 1934 г. стрелковыми кружками охвачено до 2500 тысяч населения, из которых 750 тысяч сдали нормы “ворошиловского стрелка”... По данным последних сводок, и в странах буржуазии вопросу стрелковой подготовки уделяют громадное значение. Там охвачены не только школы взрослых, высшие учебные заведения – до 40% состава, но даже школы и приюты малолетних занимаются стрелковым делом. Особенно широко развит стрелковый спорт среди женщин. В условиях Колымы вопрос стрелковой подготовки приобретает особое значение. Это объясняется тем, что малонаселенные пункты и сравнительно небольшая численность потребуют большого напряжения при обороне от каждого трудящегося. Условия тайги также предъявляют большие требования к стрелковому обучению, так как в условиях больших лесных участков и водных пространств несколько изменяется и сам полет пули (в сторону меньшей дистанции или расстояния). Кроме того, длительность зимнего периода с особенно низкой температурой также значительно скажется на меткости и кучности стрельбы. Но стрелковая подготовка у нас приобретает особое значение еще и потому, что на Колыме существуют самые благоприятные условия к немедленному практическому применению стрелковых навыков и знаний на деле. Широкие возможности охоты на различного лесного и морского зверя в свою очередь должны стать, да уже и являются, стимулом к развитию стрелкового дела и роста количества и качества стрелковых кружков, так как охота на Колыме является одним из видов и способов извлечения пушных и мясных богатств края. Вся теоретическая работа стрелкового дела должна будет развернуться в кружках Осоавиахима... Работу стрелковых кружков надо признать удовлетворительной только в том случае, если они не будут оторваны от практики. Совмещение теории с практикой будет стимулировать и самую работу кадров. Поэтому организация охоты стрелковыми кружками должна стать основой для работы... Движение с охоты надо использовать для проработки тактических знаний. Например, двигаясь на охоту, можно проработать разведку, охранение на походе, работу дозоров и даже наступления на обороняющегося противника в населенных пунктах. И это надо делать обязательно».

Наряду со стрелковыми кружками в Магадане стали организовываться кружки по овладению пулеметом, по противовоздушной и санитарной обороне, готовились мотоциклисты, планеристы, совершались лыжные переходы по маршрутам Магадан – Ола – Магадан, Магадан – Балаганное – Магадан и т. д. При этом руководство Дальстроя постоянно напоминало о бдительности, о борьбе с японскими шпионами и диверсантами.

В связи с этим показателен приказ З. А. Алмазова от 11 января 1935 г., публикуемый нами впервые: «Несмотря на ряд моих указаний и распоряжений об усилении противодиверсионного обслуживания ряда важнейших объектов г/т “ДС”, уязвимых по диверсии, указанные распоряжения достаточно четко и точно не выполняются, в результате чего имеют место случаи, когда на объектах, обслуживаемых в противодиверсионном отношении, продолжает оставаться сомнительный, непроверенный

и подозрительный по диверсии к. р. элемент из заключенных Севвостлага, МЭС (Магаданская электростанция. – А. К.) и т. д. В связи с полученными данными об активизации к.р. диверсионной деятельности со стороны японской разведки, закордонной белогвардейщины, данными на оперативном совещании 3/XII-34 г. и др. ПРИКАЗЫВАЮ: § 1. Для противодиверсионного обслуживания особо важных объектов г/м "ДС" – бензохранилища (баки горючего); базисные склады УС (Управление снабжения. – А. К.); МЭС; склады взрывматериалов; приемная радиостанция; передающий радиоцентр; радиобюро и телефонная станция – специально выделить оперуполномоченного... § 2. На 3-й отдел УСВИТЛ НКВД возложить: а) организацию общей военной охраны перенаселенных объектов; б) насаждение противодиверсионной агентуры и работу с последней; в) организацию группы содействия; г) проверку технической безопасности на обслуживаемых объектах и удержание обнаруженных недочетов; д) проверку и разработку работающего в данных объектах контингента заключенных...» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, л. 14, л. 10–12].

В то же время З. А. Алмазовым «в целях быстрейшего приведения в боевую готовность частей и подразделений и вооруженных сотрудников, расположенных в Магадане и Нагаево», был назначен сигнал тревоги. Для «секретной» тревоги это было «особое распоряжение через посыльного», для «открытой» тревоги – «два, три взрыва гранаты образца 1914 г.» [Там же. Л. 5]. Гранаты и капсулы хранились у дежурного по погранотряду. На него же возлагалось метание гранат во время тревоги.

Согласно приказу Э. П. Берзина от 22 мая 1936 г., «в целях недопущения появления заключенных Севвостлага и вольнонаемных сотрудников треста "ДС" на территории японских рыбалок Охотского побережья» было необходимо: «1. Этапирование заключенных и передвижение в/н в/н с побережья Охотского моря в Магадан и обратно производить только по морю на катерах. В исключительных случаях разрешить этапирование з/к з/к с побережья по нижеследующим сухопутным маршрутам: 1) Из Балаганного – от устья реки Яна на восток до колонпоселка и новостроек, 2) из Олы – от устья реки Ола на запад до бухты Гертнера и 3) из Гижиги – от устья реки Наяхан до устья реки Гижиги. На каждый отдельный случай этапирования по указанным сухопутным маршрутам производственная администрация обязана получать письменную санкцию от начальников местных частей погранохраны и направлять этапы обязательно со стрелками ВОХРа. 2. Категорически запретить какое бы то ни было бесконвойное передвижение з/к в одиночку, с группами по всему побережью Охотского моря, в особенности вблизи территории японских рыбалок. Прохождение з/к з/к через территорию японских рыбалок допускать только с письменной санкции начальника погранотряда...» [Там же. Д. 18, л. 23].

Также в конце 1936 г. Э. П. Берзиным была произведена попытка соединения трудовых и производственных достижений колымчан с успехами в оборонно-массовой работе. В связи с этим 7 декабря 1936 г. он издал специальное постановление, в котором указывалось: «К 29-й годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии провести Всеколымскую оборонно-производственную эстафету. Подготовка к проведению эстафеты должна производиться на основе широко развернутого социалистического соревнования между предприятиями, приисками, колхозами, совхозами, цехами, бригадами и всеми стахановскими рабочими и колхозниками Колымы под лозунгом превращения ее в неприступную крепость обороны, выполняющую свои производственные задания по-стахановски. В процессе соревнования предприятия, колхозы, совхозы выделяют из своей среды лучших производственников и оборонных работников, из которых составляются команды для доставления рапорта о выполнении планов и обязательств, взятых по производственной и оборонной работе к 23 февраля 1937 года, в Магадан в штаб оборонно-производственной эстафеты».

Такие рапорты из Олы, Тайгиска, Армани, Ямска, Уптара, Балаганного, Таскана, Эльгена, Хатынаха, Оротукана, Ягодного, Усть-Утиной и Мякита должны были привезти команды лыжников (в общей сложности 42 чел.); из Бараборки, Кунтука, Талой – каюры на оленьих упряжках (в общей сложности 7 чел. на 6 упряжках); из Гадли – 2 лыжника и 2 всадника на лошадях. В Магадане для дальнейших соревнований к ним присоединилась сборная команда со всех предприятий в составе 7 лыжников, т. е. всего было задействовано 13 каюров, 2 всадника и 51 лыжник – 66 чел.

В последующие два с половиной месяца была проведена большая организаторская работа. В общей сложности к Дню РККА 1095 колымчан получили значки ПВХО, 459 завоевали звание «Ворошиловский стрелок» 1-й степени, 18 – 2-й. Было также подготовлено 40 планеристов 1-й ступени, 15 – 2-й, 15 авиамотористов. К концу оборонно-производственной эстафеты работало 35 кружков ПВХО, 35 стрелковых, 4 планерных и 2 пулеметных.

21 февраля 1937 г. все партии, доставившие эстафетные рапорты, собрались под Магаданом, в совхозе «Дукча». 23 февраля колонна лыжников и каюров двинулась в Магадан, где на следующий день состоялись соревнования, посвященные 19-й годовщине РККА. Каждый из участников должен был показать умение в искусстве стрельбы, управлении собачьей упряжкой, оленьей нартой, хождении на лыжах.

«Первыми стреляли каюры собачьих нарт, – рассказывал журнал «Колыма». – Отстреляв, они садятся на нарты и по сигналу... трогают упряжки. Им предстоит сделать круг в 10 километров. Последней от старта отъезжает упряжка каюра Чувиткина... Хотя Чувиткин в первые минуты и отстаёт, знатоки заявляют, что он имеет все шансы вернуться обратно первым... Предсказавшие победу Чувиткину не оказались обманутыми в своей надежде... Он опередил своих соперников больше

чем на километр. С большим интересом зрители и участники эскорта наблюдали также за состязаниями оленьих нарт. Несмотря на то что упряжки выпускались с интервалом времени в 2 минуты, обратно все пять оленьих нарт неслись вместе. Лучшее время со своей нарткой показал каюр Громов из Тальского товарищества. Не менее интересно прошли состязания лыжников... Первое место, как по лыжам, так и по стрельбе, досталось т. Никулкину с Приморья (т. е. из Балаганного – центра Приморского управления сельских и промысловых хозяйств. – А. К.)» [За стахановскую..., 1937. С. 27–28].

По данным Центра хранения современной документации Магаданской области, в финале Всесоюзной оборонно-производственной эстафеты приняли участие 157 чел., в том числе 24 женщины. Победители были награждены серебряными портсигарами, мелкокалиберными винтовками и т. д.

22 апреля 1937 г. газета «Советская Колыма» сообщила еще об одном оборонном достижении колымчан. В вышедшем в этот день номере рассказывалось: «На днях в Магаданской больнице были проведены две операции во время условной “газовой атаки”. Врачи, все помогавшие им и больные надели противогазы. В операции принимали участие хирурги Пуллерии и Свеишиков, медсестра Антонова и санитары – Карпенюк и Терехина. Первую операцию сделали одному из бойцов погранотряда, у которого было расширение вен семенного канатика. Другой больной удалили аппендицит. На обе операции вместе с подготовкой ушло 65 минут. Первый на Колыме опыт работы хирургов в противогазах вполне удался».

Вслед за ним были проведены и другие, исключительно важные в этом плане опыты. А 18 августа 1937 г. в Магадане «состоялся велопроезд в противогазах на дистанцию 5 км». В нем приняли участие физкультурники авторемонтного завода, погранотряда и ВОХРа. Подобные «проезды» и «пробеги» проводились все лето 1937 г.

27 апреля 1937 г. Э. П. Берзин издал приказ, в котором говорилось: «Во исполнение директивы начальника УНКВД по ДВК комиссара госбезопасности 1 ранга тов. Дерibas об учете лучшей части заключенных из состава УСВИТЛ НКВД на случай формирования воинской части приказываю: § 1. Начальнику УСВИТЛ капитану госбезопасности т. Филиппову приступить немедленно к предварительному учету лучшей части заключенных из состава УСВИТЛ НКВД в качестве 700–800 человек. § 2. Для проверки и отбора учтенных контингентов з/к з/к создать комиссию под председательством начальника УСВИТЛа капитана государственной безопасности т. Филиппова, членов – помощника начальника УНКВД по ДС т. Лобова, начальника морпогранотряда т. Орлова и начальника КВО УСВИТЛ т. Лаврентьева» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 25, л. 33].

Вслед за этим для непосредственной обороны Колымы в Магадан прибыл «22-й Колымский стрелковый полк майора Васильева». Он базировался в пос. Дебин. С 10 августа 1937 г. «из ведения Севвостлага НКВД» ему была передана охрана Колымского моста [Там же. Л. 46]. В то же время прибывшая воинская часть полковника В. С. Кузнецова стала в самом Магадане. Располагавшийся здесь же погранотряд во всех средствах массовой информации (возможно, для сохранения частичной секретности к концу 1937 г.) начал именоваться «частью майора А. В. Сикорского».

1 января 1937 г. в составе Управления рабоче-крестьянской милиции УНКВД по Дальстрою была организована государственная автомобильная инспекция – ГАИ. Согласно приказу Э. П. Берзина, «первоочередной задачей инспекции должно быть инспектирование по а) борьбе с авариями; б) коэффициенту использования машиновремени в наряде; в) технической скорости автомашин по участкам трассы, грузоподъемности автомашин в целях обеспечения наличия и соблюдения графика движения по Управлению автотранспорта Дальстрою» [Там же. Д. 18, л. 53].

31 января 1937 г., «ввиду участившихся случаев неаккуратной езды шоферов автотранспорта по г. Магадану и в особенности по ул. Берзина, на территории которой находится Нагаево-Магаданская средняя школа и детский сад, угрожающей безопасному хождению детей и школьников, вследствие чего возможны несчастные случаи» было решено «всякое движение грузовых машин, за исключением легковых, при соблюдении скорости езды, не превышающей 5 км в час, и скорой помощи по ул. Берзина от угла Советской улицы и до угла улицы Коммуны воспретить, допуская движение только от 22 часов до 7 часов утра» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 309, л. 194].

В соответствии с распоряжением НКВД СССР № 175 от 11 мая 1937 г. и согласно приказу № 145 по Дальстрою и Севвостлагу от 25 мая 1937 г., было прекращено издание лагерных газет (являвшихся органом КВО Севвостлага) «Верный путь», «Сигнал дороги», «Колымский горняк», «Горняк Юга» и «Колымский водник». 75 тыс. руб. «от сметы ликвидированной газеты “Верный путь”» были переданы «для усиления подписки на местную партийно-советскую периодику» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 23, л. 10]. Одновременно организовывались «производственные многотиражки»: «Северный горняк» ОЛП СГПУ (редактор А. М. Петров), «Горняк Юга» ОЛП ЮГПУ (редактор М. Я. Эпов) и «Сигнал дороги» ОЛП УДС (редактор А. Е. Костерин).

Росло вольнонаемное население Магадана. Только за 9 мес 1937 г. в Магадане родились 324 ребенка, в частности в январе – 22, мае – 53 и в июле – 54.

Наряду с этим 1937 г. вошел в историю как год продолжающегося строительства Магадана, сооружения целого ряда общественно значимых зданий, открытия новых производств. 6 мая 1937 г. состоялось открытие двухэтажной деревянной фабрики-кухни, 16 мая – мастерской по ремонту музыкальных инструментов, 25 мая была организована молочная кухня «из расчета обслуживания 150 детей до

3-х месячного возраста», 20 июля введен в эксплуатацию хлебозавод, 1 августа открыт магазин санитарии и гигиены, 1 сентября – новый клуб в пос. Марчекан.

29 мая – 5 июня 1937 г. в Хабаровске проходила XII Дальневосточная краевая партийная конференция. Выступивший с докладом секретарь Далькрайкома ВКП(б) И. М. Варейкис сказал: «Социалистическое строительство Дальнего Востока имеет ту особенность, что оно связано с освоением новых, мало обжитых в промышленном и культурном отношении районов. В этом отношении огромное значение не только для края, но и для страны имеет развитие Камчатской и Сахалинской областей, промышленного и культурного строительства на Колыме, где чрезвычайно успешно оно проходит под руководством тов. Берзина» [XII Дальневосточная..., 1937].

Э. П. Берзин всегда оказывал повышенное внимание к нуждам учащихся Магаданской средней школы, где учились его дочь Мирдза и сын Петр. Не забывал он и лучших учителей Колымы, в частности, первого учителя Ольской школы (с 1913 г.) камчадала И. А. Варрена. Нами впервые выявлено Постановление № 62 уполномоченного Далькрайисполкома от 28 июня 1937 г.: «Отмечая долголетнюю педагогическую работу в национальных школах Ольского района заведующего Магаданской (Бараторской) эвенской школой т. Варрен Игнатия Афанасьевича, активно проводившего в своей работе ленинско-сталинскую национальную политику по культурному возрождению ранее отсталых народов Севера (камчадалов и эвенков), постановляю: § 1. Поддержать хозяйство аттестационной комиссии ДВкрайОНО по аттестации учителей школ ДС перед крайОНО и Наркомпросом РСФСР об утверждении т. Варрена в звании заслуженного учителя школы. § 2. Предоставить т. Варрену 6-месячную командировку в центр в целях повышения квалификации, ознакомления с крупнейшими социалистическими предприятиями и проведения месячного отбытия на южном побережье Черного моря. § 3. Предоставить дочери т. Варрен – Зое Варрен, ученице Магаданской средней школы, стипендию в размере стоимости содержания в интернате школы на период учебы в 9–10 классах за счет бюджета УУДВКИКа».

Среди крупных предприятий Магадана были авторемонтный завод (организованный на базе авторемонтных мастерских и выделенный «на самостоятельный баланс» 1 июля 1935 г. под руководством управляющего Н. П. Обухова) – АРЕМЗ, или АРЗ, завод № 2 (занимавшийся судоремонтом в Марчекане и официально вступивший в строй после назначения его начальником 27 марта 1937 г. главного механика Мортрана В. В. Кукуверова), мастерская конторы коммунальных предприятий. В течение 1937 г. эти мастерские освоили производство мужской и женской модельной обуви, детской обуви (ботинок) на кожаной и резиновой подошве, кепок на ватной прокладке, меховых шапок, бумажных пакетов для развесных продуктов и товаров в магазинах, кисточек для бритья из завезенной с «материка» щетины и т. п.

«Сегодня ровно месяц с тех пор, – писала газета «Советская Колыма» 14 августа 1937 г., – как начата постройка дороги от Магадана к бухте Гертнера. Для того, чтобы соорудить ее, нужно на протяжении 4,5 км сделать просеки, раскорчевать пни, снять дерн и мох и устроить насыпь. На протяжении трассы находятся 5 болотистых участков. Из них самый большой длиной в 400 метров, один в 350 метров и три остальных – по 200 метров. Там, где протекают ключи, необходимо построить 14 небольших мостиков... На протяжении всей трассы вырублены и убраны деревья, раскорчеваны пни, сняты дерн и мох. Земли вынуто около 4200 кубометров. В насыпь уложено 6700 кубометров, построено 9 мостиков. Проезд дан до 32-го пикета. Каждый из пикетов равен 100 метров. Дорога на бухту Гертнера будет закончена строительством 15 августа. Строительством руководит начальник УРО Майсурадзе».

А. Н. Майсурадзе справился с порученным заданием в установленный срок. Кроме этого в Магадане была сдана в эксплуатацию последняя, шестая, секция многоэтажного кирпичного жилого дома, построенного на углу Колымского шоссе и ул. Берзина (ныне пр. К. Маркса, 31); начато устройство деревянных тротуаров (общей протяженностью около 600 м) по правой стороне Колымского шоссе; закончились работы по освещению шести улиц центральной части Магадана, где установили 70 электрических фонарей.

Все это явилось «практическим» ответом на острокритическую передовую «Советскому народу – советский облик!», опубликованную газетой «Советская Колыма» 18 мая 1937 г. В этой статье отмечалось: «Не без гордости говорят колымчане о своей трассе, о своих поселках, о новых городах и первенце Колымы – Магадане. Но было бы неверно проходить мимо наших крупных недостатков и ошибок. Одним из основных недостатков является безалаберность городского строительства, в частности, Магадана. До сих пор никто вплотную не занимается городом по-настоящему. Магадан походит на большую деревню, выстроенную на скорую руку. До сих пор нет правильной планировки улиц. Всюду горы мусора, грязи... Новые жилые корпуса, школьные здания, заводские цехи окружены миргородской грязью, воспетой еще Гоголем. Ни одна из наших улиц не освещается. Ни на одной из них нет тротуаров... Магадан – советский город, и таким он должен быть по своему внешнему и внутреннему содержанию. Разговоры о трудностях и невозможностях не стоят выеденного яйца. Было бы только желание подумать и позаботиться о нуждах трудящихся, о культурном благоустройстве города».

2 ноября 1937 г. Э. П. Берзин подписал приказ о передаче из ведения Управления Магаданской коммандатуры «в распоряжение политчасти два здания: бывшей Магаданской школы (2-х этажное) – под курсы актива ДС и бывшей столовой школы – под Магаданский дом партийного просвещения» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 26, л. 68].

Одновременно продолжалось благоустройство парка культуры и отдыха. Очевидец рассказывал: *«В зверинце магаданского парка культуры и отдыха оживление. Большие всего сутолоки в клетке медвежат. "Зину", "Зою" и "Мишу" знают все магаданские школьники. Солидно сидит на ящике черная лиса. Ей третий год и называют ее "старушкой". Зато желтый лисенок, доставленный в прошлом году на самолете, весело носится по клетке. Повеселели и два сидящих рядом песца».*

Парк культуры и отдыха был местом проведения многочисленных спортивных соревнований. Они проводились Колымским комитетом по делам физкультуры и спорта, реорганизованным 20 мая 1937 г. из Колымского Совета физкультуры (существовавшего с весны 1935 г.), под председательством Э. П. Берзина.

Ответственным секретарем комитета был назначен Г. Г. Жемарцев, инструктором – И. И. Марчуков, инструктором-организатором – Н. К. Хорунжий. 22 мая 1937 г. Э. П. Берзин издал постановление, которым ввел в состав Охотско-Колымского комитета по делам физкультуры и спорта «всех начальников управлений промышленных районов», одновременно ставших председателями бюро физкультуры и спорта в своих районах.

Вместе с тем в Магадане уже функционировали два спортивных общества: «Динамо» и «Профсоюзник Дальстроя». В связи с этим 25 мая 1937 г. как уполномоченный НКВД СССР по Дальстрою Э. П. Берзин (уже имеющий звание дивизионного интенданта) издал приказ: *«Для руководства динамовской работой по Колыме с сего числа организовать Колымский Совет пролетарского спортивного общества "Динамо" под моим председательством»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 25, л. 37]. В его состав вошли: начальник УНКВД по ДС А. С. Горин-Лундин (зам. пред. Совета), начальник АХО УНКВД по ДС Л. Н. Фрадин (ответ. секретарь), начальник УСВИТЛА капитан госбезопасности И. Г. Филиппов, помощник начальника УНКВД по ДС П. М. Лобов, начальник 3-го отдела УНКВД по ДС лейтенант госбезопасности П. С. Бондаренко, начальник Нагаевского морского погранотряда П. Ф. Орлов, начальник ВОХР Д. Ф. Кабисский, секретарь парткома УНКВД по ДС Г. Д. Цепляев, начальник Управления рабоче-крестьянской милиции УНКВД по ДС К. Ф. Петенев.

«Комитет, – разъяснил Г. Г. Жемарцев по поводу создания новой организации, – охватит физкультурными мероприятиями не только Магадан и Нагаево, но и глубинные районы трассы, колхозы и совхозы. Намечено провести соревнования по всем видам спорта и первенство Колымы. В соревнованиях примут участие все низовые спортивные коллективы. Основной, главный показатель работы коллективов – организация массовой сдачи норм на значок ГТО I и II ступеней».

Заявление ответственного секретаря Охотско-Колымского комитета по делам физкультуры и спорта стало руководством к действию. Уже 24 мая 1937 г. на стадионе «Динамо» парка культуры и отдыха (который в конце марта этого же года после ареста Г. Г. Ягоды перестал носить его имя) в Магадане прошли футбольные соревнования. *«Около двух тысяч зрителей, – отмечалось о них в репортаже, – заняли все 210 скамей. В два часа под марш оркестра на широкое поле выбежали в белых и красных футболках команды "Динамо" и "Профсоюзник". С первыми же ударами по мячу профсоюзники прорвались на поле противника. Они играют нервно. Края нападения плохо поддерживают центр. Еще хуже ведут игру динамовцы, "мажут" мячи, грубят. Судья Бак ежеминутно свистит. На 16-й минуте центр полузащиты "Профсоюзника" Дехнич с 11 метров забивает в ворота динамовцев штрафной гол. Команда "Динамо", чтобы сквитать счет, усиливает нападение. В погоне за мячом динамовцы Бордуков и Ячковский сталкиваются лбами. Ошеломленных от удара игроков уводят с поля. Первый тайм закончился со счетом 1 : 0 в пользу "Профсоюзника". Во втором тайме профсоюзники ослабили темп. Игра идет без проявления с чьей-либо стороны. Мяч часто летит через черту (тогда на футбольном поле не было ограждений. – А. Г.). Между игроками ведутся разговоры. К концу тайма игрок "Профсоюзника" Подойницын забивает динамовцам второй гол. Игра закончилась со счетом 2 : 0 в пользу "Профсоюзника"».*

11 июня 1937 г. в Магадане был организован велосипедный пробег, в котором приняли участие более 50 спортсменов из 8 коллективов. Мужчины соревновались на дистанции 10 км. Маршрут велокросса проходил по кольцу. Он начинался в парке культуры и отдыха, затем шел по Колымскому шоссе (ныне ул. Ленина), улицам Дзержинского (сейчас это участок пр. К. Маркса), Пролетарской, Советской. Берзина (ныне также участок пр. К. Маркса) вплоть до санитарного городка около здания бывшей школы № 11. После этого, сделав поворот, велосипедисты вновь выезжали по ул. Берзина на Колымское шоссе и от поворота в Нагаево возвращались по прежнему маршруту, за исключением нового объезда сангородка. Финишировали они на стадионе «Динамо».

По указанному маршруту проходили и соревнования женщин на дистанции 5 км. Они, правда, не заезжали в сангородок, но у финиша делали два круга по стадиону. Лучшее время среди мужчин (24 мин 13 с) показал В. Березняк из Нагаевского порта, второе место занял работник авторемонтного завода В. Преображенский (25 мин 27 с). Победительницей среди женщин (их было всего шесть, две сошли с дистанции) стала связистка Е. Разумова. Она финишировала через 17 мин после старта. Вслед за ней закончила кросс работница авторемонтного завода Н. Белова. Ее время – 22 мин 20 с.

Успешно прошедший велокросс в Магадане дал толчок еще более протяженному велосипедному пробегу, в котором приняли участие 8 коллективов Южного горнопромышленного управления Дальстроя. Этот пробег начался 27 июля 1937 г. Он проходил по маршруту Оротукан – Магадан и отличался

известными трудностями, связанными со строительством отдельных участков Колымской трассы. 30 июля велопробег финишировал в Магадане на стадионе «Динамо». Это произошло в разгар проходивших там новых соревнований по целому комплексу спортивных дисциплин.

«30 июля, — рассказывал на страницах газеты «Советская Колыма» ее спецкорреспондент И. С. Молокашер, — выдался погожий день. К часу дня трибуны стадиона заполнили трудящиеся Магадана и Нагаево. Соревнования открылись парадом участников 9 коллективов: ВОХРа, НКВД, погранотряда, дирекции, комендатуры, АРЕМЗа, первой автобазы, Мортрана и Управления связи. Парад закончен. У столика с подписью «Старт» группа юных спортсменов-велосипедистов. Свисток — и трое из них, пригнувшись к рулям, быстро пересекают поле. Победительница заездов для девочек — восьмилетняя Зина Воробьева. 100 метров она проехала за 30 сек. Среди мальчиков герой дня маленький Кагаев. Его время — 21 сек. На беговой дорожке женские команды. На каждом этапе эстафеты 4 × 100 бежут по три девушки... Первенство уверенно выигрывает команда Управления связи (1 мин 6,5 сек). В составе команды — сестры Разумовы, Соколова и Прищепа. В мужской эстафете 2 × 100 1-е место заняла команда Управления комендатуры в составе Киреева, Маслова, Марчукова и Бурдукова. Ее время — 53 сек. На большой круг выходят метатели диска и мяча. Эти соревнования происходят в порядке розыгрыша индивидуального первенства Магадана. По метанию диска первое место занимает Бурдуков (Упр. комендатуры) — 29 м 59 см. Мяч дальше всех — на 29 м 55 см — метнула Рогова (АРЕМЗ). Она же взяла первенство и по прыжкам в длину с разбега для женщин (3 м 77 см). Из мужчин первое место по прыжкам занял физкультурник Управления комендатуры Марчуков (5 м 57 см). Легкоатлетические соревнования окончены. На волейбольной площадке идет усиленная борьба за первенство. Играют команды ВОХРа и погранотряда. Победа на стороне пограничников. Они выигрывают у вохровцев со счетом 2 : 1. Три часа дня. Зрители и физкультурники все чаще поглядывают на виднеющуюся вдали трассу. Скоро там должны показаться велосипедисты, совершающие пробег Оротукан — Магадан — Оротукан. Около четырех часов 8 спортсменов подъезжают к трибунам. Короткий митинг. Командир велопробега т. Лоот читает рапорт. После перерыва началась товарищеская встреча сборных футбольных команд — «Динамо» и «Профсоюз»... Лучшие сыграли динамовцы. У них появился новый игрок Федоров. Играет он спокойно и умело. На 30-й минуте положение меняется. Хавбек Силицын («Профсоюз») на штрафном поле своих ворот ударяет мяч рукой, и динамовцы бьют 11-метровый штрафной удар — пенальти. Вратарь Баршай нервничает, и Федоров сильным ударом забивает в ворота первый гол. После перерыва игра идет в бурном темпе. На 16-й минуте второго тайма в ворота команды «Профсоюз» был забит второй гол. Через четыре минуты вратарь пропустил третий мяч. Команда «Профсоюз» играет грубо и неумело. На 44-й минуте динамовцы забивают еще один гол, и матч закончился со счетом 4 : 0 в пользу сборной «Динамо»».

Комментируя пространную корреспонденцию И. С. Молокашера, отметим, что в соревнованиях на первенство Магадана принимали участие практически все спортивные звезды Колымы 1930-х гг. В их числе уже названные Валентин Бурдуков, Иван Марчуков, сестры-близнецы Евгения и Зинаида Разумовы, Ульяна Прищепа, а также Всеволод Березняк, Михаил Жеребцовский, братья Юрий и Владимир Преображенские, Ирина Хорунжая, Михаил Дехнич, Вера Максимова, Владимир Кузнецов-Морев, Федор Якунин и многие другие.

Так, в фондах Магаданского областного краеведческого музея хранится грамота, в которой сказано: «Колымский комитет по делам физкультуры и спорта награждает т. Лоот В. П. за участие в велопробегах Оротукан — Магадан — Оротукан расстоянием 808 км со временем 65 ходовых часов — часами». Здесь же находится фотография с надписью «Победитель велопробега Оротукан — Магадан — Оротукан Бакутин И. Ф. на дистанции от Ларюковой до Оротукана».

Вместе с тем довольно оживленно прошли и последующие дни соревнований на первенство Магадана. Так, на второй день, 31 июля 1937 г., в женских индивидуальных забегах на 100 м лучший результат показала бухгалтер АРЕМЗа Л. Рогова. Она пробежала 100 м за 15 с. Более упорной оказалась борьба на этой дистанции среди мужчин. Поэтому 1-е место между собой поделили водитель автобазы М. Жеребцовский и инструктор физкультуры парка культуры и отдыха И. Марчуков. Их результат на дистанции 100 м — 12,2 с.

Мужчины также провели пять забегов на 1 км. В четырех победили представители магаданских пограничников, а в пятом — модельщик АРЕМЗа Ю. Преображенский, которому удалось завоевать 2-е место. Дистанцию 1 км он пробежал за 3 мин 0,65 с, а победитель — за 3 мин 0,3 с. Первое место в метании ядра занял техник-строитель Управления комендатуры В. Бурдуков (11 м 60 см), а в метании гранаты — библиотечкарь Управления морского транспорта У. Прищепа (26 м), которой тогда еще не было и 16 лет (она родилась в конце августа 1921 г.).

В третий день соревнований на первенство Магадана, 1 августа 1937 г., состоялся забег женщин на 1 км. В нем победила телефонистка Управления связи Е. Разумова. Ее время — 4 мин 0,7 с. В беге мужчин на 5000 м 1-е место завоевал еще один работник авторемонтного завода М. Дехнич (18 мин 0,45 с). В последующие дни соревнований (они продолжались до 12 августа 1937 г.) выявились победители в других видах соревнований, в том числе по волейболу. В состязаниях принимали участие сборные команды Управления связи, АРЕМЗа, ВОХРа и дирекции Дальстроя.

18 августа 1937 г. в парке культуры и отдыха Магадана прошли еще одни соревнования среди молодежи. В частности, были проведены легкоатлетические кроссы на различные дистанции, 20-километровый велопробег. Состоялись и боксерские бои, где лидирующую позицию вновь сохранил Всеволод Березняк (он с 1936 г. руководил секцией бокса). В 20-километровом велокроссе победили братья Владимир и Юрий Преображенские, в 10-километровом (женском) – Валентина Душинова.

21 августа 1937 г. в порядке подготовки к XXIII годовщине МЮДа (Международный юношеский день) в пеший переход по маршруту Мякит – Магадан вышли 5 комсомольцев: Л. Е. Агринский, И. М. Агринская, А. Ф. Гулякин, И. Д. Кашук и В. Ф. Тарасенко. Вспоминая об этом, Леонид Евгеньевич Агринский рассказывал: *«Каждый из нас нес за плечами рюкзак с 12 кг продовольствия. Два карабина винчестер, наган должны были предохранить от возможных опасностей... Режим перехода был установлен твердо: 50 минут ходьбы и 10 минут отдыха. Первые дни мы сильно уставали, а потом организм привык, идти стало легче... 29 и 30 августа уже продвигались по рекам Дондычан и Ну. В эти дни путь был особенно трудным, так как пришлось переходить вброд и даже переплывать бесчисленные речки... Вечером 5 сентября мы вошли в ворота Дукчанского совхоза, а на следующий день, сделав последний переход в 12 км, финишировали в Магаданском парке культуры и отдыха и приняли участие в праздновании 23-й годовщины МЮДа».*

Вслед за этим наступило время I Всеколымской спартакиады. Она проходила в Магадане с 19 по 24 сентября 1937 г. и собрала 271 участника. Это были представители Северного и Южного горнопромышленных управлений Дальстроя, управлений автотранспорта, горнопромышленного строительства, пограничного отряда, военизированной охраны, а также из различных предприятий и учреждений Магадана, объединенных обществами «Динамо» и «Профсоюзник Дальстроя».

«Наперекор туману и дождю, – писала газета «Советская Колыма» 21 сентября 1937 г., – спартакиада открыта. Мужская эстафета на 400 метров (4 × 100). Первыми начали борьбу за первенство команды «Профсоюзник Дальстроя» части майора Кузнецова и УДС... Но уже на 2-й секунде магаданец Жеребцовский выдвинулся вперед и все усиливает темп. Он первым протягивает руку с эстафетой своему партнеру Бурдукову. Через 12,5 сек. – в руках Березняка, который с такой же быстротой доставляет ее Марчукову, тот не сбавляет темпа, но еще быстрее несетя вперед. Красивый традиционный рывок у финиша – и лента на его груди. Во втором забеге с эстафетой первенствует часть майора Орлова. Общий итог таков: «профсоюзники» эстафету закончили в 50,5 сек., заняв 1-е место коллектив части майора Орлова обеспечил 2-е место (52 сек.) и на 3-м месте – часть майора Кузнецова (53,5 сек.). Не менее интересной была женская эстафета на ту же дистанцию. Борьба развернулась между коллективами «Профсоюзника» и части майора Кузнецова. Сразу же выдвигается команда «Профсоюзника». На первом этапе Прищепа опережает остальных, но ненадолго от нее отстает М. Кузнецова. На втором этапе Горбунова (часть майора Кузнецова) догоняет Хорунжую, но чуть задерживает передачу эстафеты Шубиной. Поэтому на третьем этапе выдвигается Разумова. Шубина отстала на один, потом на два метра. Принявшая от нее эстафету Максимова пытается наверстать упущенное время. Она вот-вот догонит Рогову, но уже поздно. Рогова рвет ленту на полсекунды раньше. Это обеспечивает женской команде «Профсоюзника» первое место. Ее время – 1 мин. 02,5 сек. Второе место принадлежит коллективу части майора Кузнецова (1 мин. 07,7 сек.) и 3-е место – ЮГПУ (1 мин. 07,8 сек.)».

Вообще же соревнования проводились более чем по 20 видам спорта. Наилучших успехов достигли магаданцы: радиотехник М. Дехнич, учащаяся Охотско-Колымского техникума У. Прищепа, телефонистка Е. Разумова, динамовка В. Максимова. Так, М. Дехнич победил в беге на дистанциях 400 (58,2 с), 800 (2 мин 12 с), 1500 (4 мин 37 с), 5000 м (18 мин 0,45 с). У. Прищепа была первой на дистанциях в 500 (1 мин 38,5 с) и 1000 м (3 мин 53,3 с), в метании гранаты (27 м 93 см), в прыжках в длину с разбега (3 м 77 см), а также разделила вместе с Л. Роговой и Е. Разумовой победу в забеге на 1000 м.

В соревнованиях по теннису (12 участников от 8 коллективов) в финале встретились магаданцы Н. Клюкин и представитель Управления горнопромышленного строительства С. Троицкий. Первый сет С. Троицкий выиграл с многообещающим счетом 6 : 1. Затем он уменьшил напор, перешел к тактике отыгрыша и проиграл второй сет со счетом 6 : 4. Решающий сет окончился в пользу Н. Клюкина. Выиграв со счетом 6 : 3, магаданец стал чемпионом по теннису.

Чемпионом спартакиады по футболу стала команда «Профсоюзник Дальстроя» (в повторном финальном матче она обыграла команду «Динамо» со счетом 1 : 0, мяч забил М. Дехнич), по волейболу – сборная пограничников, по городкам – также «Профсоюзник Дальстроя» (в составе 5 чел.). Рекорд по метанию гранаты установил ученик 9-го класса Магаданской средней школы Ф. Якунин – 59 м 20 см.

«В последний день спартакиады, 24 сентября, – отметила газета «Советская Колыма», – кроме женских велогонок на 10 км и мужских на 50 км, состоялся товарищеский матч футбольных команд: сборная воинских частей – сборная тайги. Он окончился со счетом 1 : 2 в пользу воинских частей. После этого был разыгран финал бега мужчин на 100 метров. Все трое участников его – Марчуков, Жеребцовский и Скориков не улучшили своих прежних результатов... На этом спартакиада закончилась. 25 сентября в клубе ВОХРа состоялся вечер физкультурников. С докладом выступил член оргкомитета Афониин. Главный судья Евгеньев огласил итоги 6 дней спортивных соревнований. Тов. Филип-

пов в своем выступлении указал на дальнейшие задачи физкультурников Колымы. На вечере были вручены награды физкультурникам, показавшим лучшие результаты. Бегун Михаил Дехнич ("Профсоюзник ДС") награжден золотыми часами. У. Прищепа за ее мастерство выдан патефон, часы, туфли, отрез на костюм и другие вещи. Ценные подарки – часы, патефон, фотоаппараты, отрезы на костюмы, а также грамоты получили Разумова, Рогова, Хорунжая, Белова ("Профсоюзник ДС"), Максимова (часть майора Кузнецова), Злобина (СГПУ) и другие – всего 60 человек из 271 участника спартакиады. Лучшему физкультурному коллективу, занявшему первое место по очкам (Профсоюзник ДС), вручено переходящее Красное знамя Комитета по делам физкультуры и спорта. Коллективы частей майора Кузнецова и майора Орлова заняли 2-е и 3-е место, им выданы грамоты).

В это же время в парке культуры и отдыха Магадана завершалось строительство первой на Колыме парашютной вышки. Его начальником «в общественном порядке» являлся А. Н. Майсурадзе, техническим руководителем был П. П. Будзко. При начальнике строительства для оказания соответствующей помощи работал штаб, куда, кроме А. Н. Майсурадзе и П. П. Будзко, входили еще 8 чел. (строитель Ф. З. Максов, редактор «Советской Колымы» Р. А. Апин, начальник Управления снабжения Дальстроя Л. Я. Раскин, главный бухгалтер дирекции Дальстроя П. Е. Евгеньев и др.).

Утром 26 сентября 1937 г. было проведено первое испытание уже построенной парашютной вышки. Сначала на парашюте с самого верха спустили наполненный песком мешок весом 135 кг. Скорость падения была вполне нормальной. Вслед за первым мешком с песком спустили на парашюте и второй, который весил 70 кг, т. е. соответствовал среднему весу человека. Он «приземлился» через 8,4 с. Теперь можно было совершить и первый прыжок. Его выполнил комсомолец, инструктор Осоавиахима Константин Корнилов. При весе 86 кг он достиг земли за 7 с. Вскоре после этого парашютную вышку приняла специальная комиссия, и в начале октября 1937 г. с нее уже в массовом порядке совершали прыжки учащиеся Охотско-Колымского техникума и средней школы.

В числе тех, кто тогда познакомился с Магаданом, был целый ряд официальных лиц, но наиболее известным из них стал писатель Евгений Петров (на самом деле Евгений Петрович Катаев, младший брат писателя Валентина Петровича Катаева), один из авторов книг «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Он приехал в Магадан на пароходе «Дальстрой» (капитан А. Д. Рябokonь) в ночь с 28 на 29 августа 1937 г. Евгений Петров побывал во многих поселках Колымы, на приисках и дорожных дистанциях трассы. Его встречи с дальстроевцами составили сюжеты для очерков, которые легли в основу книги «Остров Колыма». Однако никаких данных о ее дальнейшей судьбе на сегодня не сохранилось.

28 сентября 1937 г. в беседе с редакцией газеты «Советская Колыма» Э. П. Берзин говорил: «Планы на дальнейшее? Нас увлекает благодарнейшая задача – развернуть в промышленном объеме добычу малых металлов (олово. – А. К.), залежи которых велики. Бесспорно, есть возможность снабжать ими индустрию страны, и мы используем ее полностью, соревнуясь с другими районами страны. В связи с этим большой удельный вес приобретает южное горное управление, на территории которого сейчас идет разведка и опытная добыча малых металлов. Одновременно все усилия будут направлены к дальнейшему увеличению золотодобычи. Продолжая эксплуатацию существующих приисков, будем продвигаться далее на северо-запад. В Берелехском районе заложен уже прииск "Мальдяк". Наступление на тайгу и тундру ведем также в северном направлении, к рекам Омолон и Анюй, где второй год работает большая экспедиция, оснащенная самолетами... Предстоит начать промышленную разработку богатых залежей каменного угля на Аркагале, к которым на днях дан проезд. Мы уверенно глядим в будущее. Оно в наших руках, в руках партийных и непартийных большевиков Колымы, которым великий Сталин доверил призвать к цветущей жизни дальневосточное Приморье» [Вместе..., 1937].

16 октября 1937 г. на «общегородском партийном собрании Нагаево-Магадана» была зачитана правительственная телеграмма, пришедшая на имя Э. П. Берзина. В ней говорилось: «Поздравляем работников треста Дальстрой и его руководителей с выполнением программы по добыче золота, посылаем большевистский привет. Сталин. Молотов. Ежов». Казалось бы, что такое доверие должно было бы еще в большей степени способствовать укреплению авторитета Э. П. Берзина как руководителя. Но впервые выявленные автором документы свидетельствуют об обратном.

Даже обладая огромной властью руководителя государственного треста, являясь уполномоченным ОГПУ-НКВД СССР, Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома и начальником Нагаево-Магаданского гарнизона, Э. П. Берзин никогда не находился вне критики. В основном она всегда шла со стороны партийной организации.

Так, в конце ноября 1933 г. комиссия по чистке членов партии приняла следующее постановление: «За зажим критики и самокритики в парторганизации Дальстроя, за плохое руководство парторганизацией, за излишнюю доверчивость к недостаточно проверенным беспартийным работникам, за недостаточную борьбу со злоупотреблениями и растратничаньем народного имущества, за еще недостаточное закрепление результатов чистки по вопросу о коммунизировании аппаратов, за допущение бесметного и беспланового строительства, за нарушение политики цен, за слабую советскую работу считать целесообразным наложить на т. Берзина партийное взыскание, для чего дело передать в Контрольную комиссию».

Это был явный перегиб в оценке деятельности Э. П. Берзина. В данном случае комиссия по чистке членов партии приняла неправомерное решение, и оно не было поддержано Контрольной комиссией. Вместе с тем, отслеживая ситуацию, которая сложилась осенью 1933 г. в Дальстрое (а тогда часть его сотрудников, исполняя комиссию по чистке членов партии, решила свести счета с принципиальным и деловым директором гостреста, получившим в свои руки огромные полномочия), помощник начальника Севвостлага А. С. Энгельбердт докладывал своему начальнику В. И. Васькову: *«За последние дни среди сотрудников УСВИТЛа циркулируют слухи о неправильности руководства со стороны освобожденного коллеги ОГПУ по Колымскому району т. Берзина. Одновременно среди з/к з/к уже фиксируются разговоры о его снятии»*.

Однако наибольшего накала критика Э. П. Берзина достигла после февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), ориентировавшего партийные массы на самую активную борьбу с «врагами народа», «вредителями» и т. д. Это нашло яркое проявление на «совещании партактива парторганизации Дальстроя», состоявшемся в Магадане 11 ноября 1937 г. Оно проходило в тот период, когда некоторые руководящие работники Дальстроя (Э. О. Лапин, Я. Я. Пуллериц, А. Н. Майсурадзе и др.), в свое время стоявшие у его истоков, находились в отпуске на «материке». Пользуясь ситуацией и подходя к оценке работы государственного треста с точки зрения борьбы с замаскировавшимися «врагами народа» и сознательными «вредителями», подавляющая часть парторганизации Дальстроя выступила с острой и крайне необоснованной критикой деятельности Э. П. Берзина.

Бывший (с июня 1935 г. по сентябрь 1937 г.) секретарь бюро ВЛКСМ погранотряда, а теперь назначенный Э. П. Берзиным уполномоченным Главлита по Колымскому району, В. А. Дараев выступил в числе первых и сказал: *«Руководители Дальстроя в лице тов. Берзина плохо относятся к комсомолу, обходят комсомол, ярким доказательством чего может служить тот факт, что, когда проводилась Всеколымскую спартакиаду, руководство ею было возложено не на комсомол, а на чуждых людей, как Евгеньев, Майсурадзе, что считаю недопустимым»* [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 79, л. 1].

«Почему Берзин не скажет, – вопрошал инструктор по комсомолу политчасти Дальстроя В. З. Пивоваров, – как он способствовал таким людям, как Лапин, Пуллериц и другие?» [Там же. Л. 4]. *«Тов. Берзин, – вторил ему директор курсов партактива Дальстроя С. И. Шампаньер, – не считался с сигналами партийной организации и отдельных членов партии, всецело опирался на привезенные им ранги “хвосты”, как Пуллериц, Лапин и другие, которых он и сейчас восхваляет»* [Там же. Л. 13].

«Из выступления директора, – иронизировала заведующая партучетом политчасти Дальстроя А. А. Булыгина, – можно вывести заключение, что Пуллериц весьма хороший человек. Однако последнее выступление Пуллерица было явно контрреволюционным» [Там же. Л. 8]. Прокурор по Севвостлагу А. М. Саулеп был более агрессивным: *«Парторганизация прокуратуры и я лично веду борьбу с врагами... Тов. Берзин сегодня должен дать слово на активе, что он снимет с работы Эштейна, а я даю слово, что он через два дня будет сидеть там, где ему надо»* [Там же. Л. 20]. Сотрудники УНКВД по ДС обвиняли Э. П. Берзина в том, что он устроил на руководящую работу бывших ленинградских чекистов, высланных на Колыму после убийства С. М. Кирова, а также сопротивлялся аресту некоторых работников Дальстроя. *«Мне кажется, – утверждал И. Г. Пацевич, – что тов. Берзин иногда тормозил аресты некоторых лиц»* [Там же. Л. 17]. *«Тов. Берзин, – говорил А. В. Барченко, – давал указания корреспонденту газеты “Советская Колыма” не критиковать врага народа Запорожца»* [Там же. Л. 4]. *«Возьмем других лиц, которых надо было сажать немедленно, – поддержал их врид начальника УНКВД по ДС М. М. Веселков, – но со стороны Берзина всегда встречался тормоз (например, капитана парохода “Ежов” Федорова)»* [Там же. Л. 25].

Судя по протоколу описываемого совещания, только начальник Севвостлага (УСВИЛа) И. Г. Филиппов не сделал каких-либо замечаний в адрес директора Дальстроя. Наоборот, выступая в его защиту, он говорил участникам совещания, что *«тов. Берзина я знаю давно, работал вместе с ним на Вишере, я знаю, что у тов. Берзина всегда были плохие взаимоотношения с Ягодой. Ягода всячески старался тормозить дело, которым руководил тов. Берзин. Считаю тов. Берзина сторонником Феликса Дзержинского, ибо он всегда работал под его руководством»* [Там же. Л. 21]. В то же время хорошо знавший Э. П. Берзина редактор газеты «Советская Колыма» и секретарь партийной комиссии Р. А. Апинь сказал: *«Доверять Эштейну не можем, его нужно убрать. Он являлся клином между тов. Берзиным и партийной организацией... Грубая политическая ошибка у тов. Берзина, у всей парторганизации была допущена в отношении к ленинградской группе, в том отношении, что некоторые из них были допущены в органы НКВД»* [Там же. Л. 23].

После таких обвинений лишенной поддержки и понимания Э. П. Берзин выступал на совещании несколько раз. Осознавая критичность сложившейся ситуации, понимая ее безысходность, не имея возможности отстоять правоту или хотя бы внести ясность в уже происшедшее на Колыме, он был вынужден пойти на частичное признание «ошибок», но с попытками их объяснить, которые сегодня (после ознакомления с документами) можно считать настоящим откровением.

«К сведению всех, – говорил Э. П. Берзин в одном из выступлений, – аресты производятся без моего ведома, и никто меня об этом не спрашивает...»

Меня обвинили, что я представителей МПО Небольсина и Орлова (начальник погранотряда. — А. К.) напоил пьяными. Когда приехал сюда Небольсин, я хотел поговорить с ним наедине, а Орлов был вместе с ним. Зашли ко мне, пришлось пригласить и Орлова, выпили по две рюмки водки и в половине первого ночи они ушли от меня. Где они потом были — не знаю. Теперь по вопросу установления погранзоны. Кто препятствовал этому вопросу?... От меня требовали денег и продовольствия, но как идет борьба со шпионами, как идет пограничная служба об этом меня не информируют... Здесь много говорилось о Эшштейне, Пуллерице, Лапине и других лицах. Разрешите начать с Эшштейна... На III-й партконференции решили сделать полную ревизию ПФС. Я предложил тогда же снять Эшштейна и назначить на это место Меерсона, но мы еще плохо знали Меерсона... Также необходимо разобрать Лапина и Пуллерица, и если есть за ними какие-либо дела, то у меня не дрогнет рука подписать телеграмму и выпустить их сюда обратно... Признаю за собой большую ошибку в том, что я главным образом уделял внимание хозяйственным вопросам, переложив всю партийно-массовую работу на тов. Булыгина» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 79, л. 31–32].

Однако, как свидетельствует протокол совещания, это была не единственная «большая ошибка» Э. П. Берзина, в которой он решил признаться. Считаясь уполномоченным Далькрайкома ВКП(б) по Дальстрою, он все же в первую очередь действительно являлся хозяйственным руководителем гостреста Б. А. Булыгин был помощником Э. П. Берзина по политической части, и основная его задача заключалась в постановке работы по данному направлению. Понимая все это, Э. П. Берзин тем не менее не только признался в том, что практически не помогал своему помощнику, но и, будучи в сильной растерянности, сказал: «Те ошибки, о которых здесь говорили, я признаю и буду их исправлять. Но работа теперь втрое настолько стала обширна, что я кое-как с ней справляюсь. Неверно говорить о том, что я гонимся за чинами, я прошу у партийной организации помощи» [Там же. Л. 12].

Вместе с тем отношение директора Дальстроя к арестам подтверждает «дело» старшего зоотехника Приморского управления сельских и промысловых хозяйств (центр — пос. Балаганное), аспиранта ВНИ совхозного института П. С. Зломанова. В архиве СВЗ нами обнаружено письмо его жены на имя Э. П. Берзина. «Товарищ Берзин! — писала она. — Прошло три месяца, как я ничего не получаю от мужа. Ни телеграммы, ни писем. А с 1 июня мне прекращена плата оставленной суммы “по велению мужа”. На многочисленное множество телеграмм, посланных мужу, Вам и его товарищам по работе (Сонину и Бирюзову), ответа нет. Посланы с обратным ответом, и это заставляет меня, как жену, как мать и члена партии, обеспокоиться, не говоря уже о том тяжелом материальном положении, в котором я оказалась. Я обращаюсь только к Вам, искренне уверенная в том, что Вы примете меры к извещению меня, поймите не только как ответственный руководитель Дальстроя, но и как отец (ведь у Вас, наверно, тоже есть жена и дети). Я сильный человек, но как мне тяжело! В чем дело? Что случилось? Не знаю я Вас, но верю Вам. Помогите мне и сообщите! Прошу Вас, телеграфируйте!... Ответьте все».

Что мог ответить Э. П. Берзин на просьбу А. И. Зломановой? На ее письмо (оно шло до Магадана почти два месяца) он сделал 20 августа 1937 г. следующую пометку: «УРО. Справку, где Зломанов и что делает». Оказалось, что последний был арестован еще весной 1937 г. как вредитель, и по его «делу» велось следствие. Никакого отношения к аресту П. С. Зломанова Э. П. Берзин, таким образом, не имел. Как, впрочем, и к аресту многих других.

Возможно, не во всем, но по крайней мере во многом это отражало истинное положение дел в Дальстрое, а также ту роль, которую теперь играл Э. П. Берзин в его руководстве. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в резолюции собрания от 11 ноября 1937 г. было записано, что «директор треста “Дальстрой” тов. Берзин в руководстве парторганизацией и хозяйственности треста допустил ряд грубейших политических ошибок». Во-первых, он «назначал на ряд руководящих постов в тресте и управлении как раз осужденным пленным ЦК партии методами “артельного” подбора из числа привезенных хвостов, а не по признакам деловой пригодности и политической проверенности работников (Лапин, Пуллериц, Майсурадзе, Эшштейн и др.), поддерживал их, и творимые ими безобразия проходили безнаказанно». Во-вторых, Э. П. Берзин «не принял мер перед вышестоящими органами к недопущению к работе в органах НКВД по Дальстрою и на ряд ответственных участков треста заключенных по делу убийства С. М. Кирова и после их ареста, как прямых врагов народа, политически это дело не оценил и оставшуюся часть старался сохранить на работе, чем неправильно ориентировал парторганизацию НКВД по ДС» [Там же. Д. 82, л. 14].

Однако буквально через несколько дней после совещания Э. П. Берзину вновь было оказано большое доверие. Предвыборное собрание работников Управления уполномоченного Далькрайисполкома, райкома профсоюза работников добычи золота и платины, райсовета Осоавиахима, райколхозсоюза, отделения Госбанка, колымского совета Всесоюзного общества изобретателей, суда, прокуратуры и райзберкасы выдвинуло в Верховный Совет СССР «в Совет Союза кандидатуру тов. Люшкова Генриха Самойловича рождения 1900 года, члена ВКП(б), начальника Управления НКВД по ДВК, проживающего в г. Хабаровске и тов. Берзина Эдуарда Петровича рождения 1 января 1893 года*, члена ВКП(б), директора гостреста Дальстрой, проживающего в городе Магадане».

*Это пока единственная, выявленная автором точно зафиксированная дата рождения Э. П. Берзина. В остальных документах указывается только 1893 г.

Пришла телеграмма и из далекого Наяхана. *«Кочевники ороцелы Наяханского района, – говорилось в ней, – выдвигают депутатом в Верховный Совет СССР директора ДС Эдуарда Петровича Берзина. Просим его согласия баллотироваться по Камчатско-Колымскому избирательному округу. Председатель Северо-Эвенского РИКа Лякишев»* [ГАМО, ф.р-117, оп. 1, д. 6, л. 16].

Однако, несмотря на такое доверие, на то, что это были вообще первые выборы в Верховный Совет СССР, Э. П. Берзин отказался от своего выдвижения. 14 ноября 1937 г. он подал в президиум предвыборного собрания заявление, в котором очень лаконично писал: *«Сообщаю, что согласия на баллотировку моей кандидатуры по Камчатско-Колымскому избирательному округу не даю»*. Тогда Э. П. Берзин еще раз собирался в длительный отпуск с последующей командировкой и, вероятно, не хотел тратить время на предвыборную кампанию, так как был занят решением важнейших вопросов, связанных с развитием Колымы. Он, вполне возможно, мог предвидеть свое последующее смещение с поста директора и с других постов Дальстроя, дальнейшее развитие кампании клеветы, арест, следствие, которое не могло окончиться благополучно в силу того беспредела, что уже происходил по всей стране. Э. П. Берзин, по всей видимости, не знал, что на расширенном заседании бюро Далькрайкома ВКП(б) 20–22 августа 1937 г. специально разбирался вопрос (он стоял 16-м на повестке дня) «Об уполномоченном Далькрайкома ВКП(б) по Дальстрою». Решение его было однозначным: *«Освободить тов. Берзина от обязанностей уполномоченного Далькрайкома ВКП(б) за ненадобностью»*. Приблизительно в это время проходила чистка аппарата Московского представительства Дальстроя. 19–20 августа 1937 г. здесь состоялось партийное собрание. В результате управляющий Московским представительством Дальстроя Сурен Андриасович Аршакуни был исключен из рядов ВКП(б) якобы за то, что в числе направляемых им на работу в Дальстрой кадров оказались люди, арестованные органами НКВД за контрреволюционную деятельность. С полной уверенностью можно сказать, что для него такое развитие событий не являлось неожиданностью.

Сам С. А. Аршакуни был арестован позднее, 8 августа 1938 г., но побывавший у него летом 1937 г. ответственный работник НКВД Грузинской ССР С. О. Газарян рассказывал: *«В Москве, как обычно, я остановился у моего близкого друга Сурена Аршакуни. Мы знали друг друга с 1921 года – вместе работали в Александропольском подполье во время турецкой оккупации. Аршакуни был неузнаваем. Прежого веселый, жизнерадостный, теперь он стал раздражительным, угрюмым. Он был начальником Московского управления Дальстроя. Аршакуни говорил, что в Москве совершаются ужасные дела. Ежедневно арестовывают руководящих работников предприятий, партийных и советских организаций, командиров армии. Он нервничал еще и потому, что многие начальники отделов НКВД уже были арестованы, и сам он не знал, что будет с ним через час. "Но у тебя нет оснований беспокоиться!" – сказал я наивно. – "Да, у меня нет никаких оснований к беспокойству, я себя хорошо знаю, но, вместе с тем, у меня имеется достаточно оснований к тому, чтобы беспокоиться. Ты не знаешь, как изменилось все за последний месяц, особенно после расстрела командиров Красной Армии. Закон перестал существовать, нет прокурорского надзора, прокуратура санкционирует незаконные аресты руководителей работников, и все это делается под маркой защиты Советского государства от врагов, под маркой борьбы с контрреволюцией. Это не только в Москве. Всюду... Кто выдумал так называемые "ежовые рукавицы"? Эти "рукавицы" губят страну, уничтожают честных людей. Когда же поймут это, когда?" Тяжело было все это слышать, тяжело было сознавать правоту этих слов»*. В такой ситуации думать о выдвижении кандидатуры в Верховный Совет СССР вряд ли по-человечески было возможно, и Э. П. Берзин действительно думал о другом.

В выявленной нами «Объяснительной записке к 3-летнему плану основного производства треста "Дальстрой" на 1937–1939 гг.» он, совместно с Л. М. Эпштейном, отмечал: *«Освоение Колымы начато в 1932 году. Два первых года (1932 и 1933 г.) были заняты подготовительными работами; с 3-го (1934 года) начинается бурное развитие золотодобычных операций. Более чем удваивая продукцию из года в год Колыма дает за три года 52 тонны химически чистого золота (в 1934 г. – 5,5 тонн в 1935 г. – 14,4 тонны и в 1936 г. – 32,4 тонны). За первые две декады августа текущего года Дальстрой дал золота более всей годовой продукции треста "Якутзолото" (Алдан), являющегося одним из наибольших в системе Главзолото. Колыма не только обогнала все другие области Союза ССР, но и вступила в ряды крупнейших мировых золотопромышленных районов. По количеству добытого золота Колыма достигла в 1936 г. одного из самых продуктивных золотоносных районов Америки – Калифорнию, а по размерам годового прироста далеко перегнала его. Добыча Калифорнии составляет 25% всей добычи, в отличие от Колымы, где существует лишь мускульная эксплуатация россыпей. Исключительно быстрые темпы развития колымских месторождений золота вызваны не только богатством самих россыпей; они являются результатом правильно осуществленных работ по освоению Колымы в целом»*.

Первые годы Колымской стройки были использованы Дальстроем для установления прочной связи правобережных и левобережных приисков с базами снабжения посредством проведения автодорожной магистрали Нагаево – Хатыннах (600 км) и судоходного освоения р. Колымы. Создан морской порт в бухте Нагаева. Возникло сельское хозяйство и развиты рыбные промыслы как базы для организации собственных продовольственных ресурсов. Построены авторемонтные предприятия, автоба-

ны, поселки. Одновременно широко и продуманно развивалась сложная система геологоразведочных работ, создающих необходимые фонды для массовой эксплуатации россыпного золота и конкретизирующих перспективы развития крупного золоторудного дела. Начато строительство первой золотоизвлекательной фабрики с суточной производительностью в 500 т руды. Результатом этих работ и значительных капиталовложений, связанных с ними (400 млн руб. за 5 лет, из них на золотопромышленность – 109 млн руб.), и явился тот быстрый рост золотодобычных операций, о котором говорилось выше... Трехлетний план геологоразведочных работ, охватывающий примерно 450 тыс. кв. км совершенно неисследованной площади, ставит себе задание разведать россыпного золота 229 тонн для мускульной добычи и 32 тонны – для механической добычи, а всего 261 тонну. За вычетом расхода – 177,2 т в шихте и при наличии запаса на 1 января 1937 г. в 89,1 т позволяет выйти на 1 января 1940 г. с запасом в 172,5 т, в том числе для мускульной разработки 126,5 т и для механической – 46,4 т...

Предстоящий 3-летний период характеризуется двумя тенденциями. С одной стороны, уход в глубь материка на запад, в совершенно неосвоенные новые районы, вновь требует больших подготовительных капитальных работ как в самих этих районах, так и по обеспечению надлежащей транспортной связи между ними. Это вызывает в то же время... замедление темпов золотодобывающих работ. С другой стороны, уже достигнутые огромные масштабы золотодобычных работ, требующие значительной механизации, начало механической добычи золота (гидравлика, драги), переход на эксплуатацию рудного золота, подготовка к эксплуатации полиметаллов, необходимость создания прочной энергетической базы – все это требует значительного увеличения темпов вложений в горную промышленность, опережающих в итоге темпы роста других отраслей хозяйства. В 1937–1939 гг. в горное дело вкладывался уже 38% всех средств. Доля вложений в остальные отрасли хозяйства падает до 62% с 77% в истекающие 5 лет. По размеру вложений рядом с горной промышленностью стоит транспорт, куда нужно вложить в 1937 году 144 млн руб., в 1938 г. – 255 млн руб. и в 1939 г. – 274 млн руб., или в среднем около 44% всех капиталовложений (против 45% в 1932–1936 гг.)...» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 535, л. 1–2, 54].

В день «совещания партактива парторганизации Дальстроя» (11 ноября 1937 г.) Э. П. Берзин подписал приказ, говорящий о том, что научно-техническое бюро дирекции Дальстроя закончило разработку Генерального плана развития народного хозяйства Колымской области на третью и четвертую пятилетки, т. е. на 1938–1947 гг. Этот план Эдуард Петрович считал большим достижением. «В плане с достаточной отчетливостью, – писал он, – поставлены важнейшие проблемы по освоению и индустриализации новой Колымской области и намечены основные пути решения этих проблем» [Там же. Д. 26, л. 89].

Одной из таких проблем являлись кадры, и здесь руководство Дальстроя предложило решение, которое шло вразрез с политикой массовых репрессий и наполнением ГУЛАГа. В связи с этим в Генеральном плане развития народного хозяйства Колымской области указывалось: «Одним из труднейших вопросов освоения Колымы является вопрос кадров. Общая потребность в рабочей силе возрастает со 107,3 тыс. чел. в 38 г. до 189,3 тыс. чел. в 42 г. и 234,9 тыс. чел. в 47 г. Местное коренное население малочисленно и, конечно, не может обеспечить потребность в рабочей силе. Оно дает не больше 3–4 тыс. человек. Общая установка генерального плана – на вольнонаемное население. К 47 г. мы должны прийти с 100% вольнонаемной рабочей силы. До этого неизбежно значительное участие заключенных. Их число возвышается до 42 г., после чего начинает падать. Одновременно с этим в течение 3-й пятилетки должна происходить значительная колонизация заключенных. В 4-й пятилетке колонизация разывается, лагерники постепенно переходят в колонистов. Колонисты же пополняют после окончания срока кадры вольнонаемной рабочей силы с материка. От вербовки на время (3 года) она постепенно переходит к постоянной работе Колыме» [Там же. Д. 536, л. 36].

Изложенная здесь проблема (или вопрос) кадров была рассмотрена Э. П. Берзиным и Л. М. Эпштейном также в ближайшей перспективе. Ее, конечно, можно было заполитизировать, но практический, реалистический подход хозяйственных руководителей не давал уйти от действительности. Поэтому еще 26 ноября 1936 г., после получения контрольных цифр завоза рабочей силы на предприятия Дальстроя в 1937 г., Э. П. Берзин в телеграмме начальнику ГУЛАГа, комиссару госбезопасности 3-го ранга М. Д. Берману указывал: «Сокращение завоза рабочей силы при отливе почти такого же количества обязывает к особенно тщательному отбору направляемых сюда заключенных. Прошу учесть, что все поступающие в последние месяцы этапы состоят основном из казров, КРТД, рецидива, то есть представляют собой неполноценную рабочую силу, на которую расходуется продовольствие и жилищное довольствие без необходимого производственного эффекта. Если посылка этих элементов на Колыму неизбежна, она должна быть в основном осуществлена сверх заявленного нами лимита рабсилы соотвествующим повышением завоза продовольствия, жилищного довольствия».

«Практика 1937 года показывает, – писали Э. П. Берзин и Л. М. Эпштейн в «Объяснительной записке к контрольным цифрам треста Дальстрой на 1938 год», – что Дальстрою направляется неполноценная рабочая сила, состоящая почти исключительно из троцкистов, контрреволюционеров, рецидивистов. Совершенно очевидно, какое понижающее на производительность труда влияние оказывает такой состав рабсилы. Особенно это сказывается на строительстве, так как на эксплуатационные работы, естественно, направляется лучшая рабсила. Но и здесь летом этого года положение

значительно ухудшилось... Дирекция Дальстроя со всей ответственностью должна подчеркнуть, что выполнение огромного плана на 1938 год немисливо без одновременного улучшения состава рабочих контингентов, для чего требуется изменить состав завозимой рабочей силы и направить в Дальстрой в достаточной заметной пропорции полноценную рабочую силу» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 619, л. 17].

Эти вполне реальные, глубоко значимые документы не касались Магадана непосредственно, но уже в ближайшие месяцы они сыграли свою роль в судьбе руководства Дальстроя во главе с Э. П. Берзиным, а вместе с ним и в судьбе центра Колымы. Опровергать этот факт в настоящее время невозможно, потому что он имел далеко идущие последствия. Еще 17 октября 1937 г. газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму: «Нагаево Дальстрой Берзину. Поздравляем работников треста ДС и его руководителей с выполнением программы по добыче золота, посылаем большевистский привет. Сталин. Молотов. Ежов». Вскоре после этого Э. П. Берзину был разрешен отпуск, и, согласно составленному в Магадане 3 декабря 1937 г. бухгалтерскому заключению, время с 4 декабря 1937 г. по 29 марта 1938 г. считалось как «спецлечение», а время с 30 марта по 29 июня 1938 г. – как «командировка» [Архив СВЗ, д. 3418, л. 23]. Затем должно было последовать возвращение в Дальстрой. Однако этого не произошло.

Приехавший 1 декабря 1937 г. на смену убывающему в отпуск на «материк» Э. П. Берзину старший майор госбезопасности Карп Александрович Павлов вместе с ним ознакомились с положением дел на Колыме. На это, включая выезд по Колымской трассе, ушло несколько дней. 4 декабря 1937 г. Э. П. Берзин покинул Магадан, 7 декабря он был во Владивостоке, откуда на поезде выехал в Москву и 19 декабря, не доезжая до нее, был арестован на станции Александров.

В связи с этим необходимо привести ранее неизвестный протокол допроса одного из бывших соратников Э. П. Берзина, также арестованного в отпуске начальника КРУ ДС Бениамина Исаевича Мовсисяна. 1 апреля 1938 г. он на допросе в Москве показал: *«Вопрос: Что Вам известно о Берзине? Ответ: Мне известно, что Берзин арестован как враг народа, но в чем выразилась его антисоветская деятельность, мне неизвестно. Вопрос: Как Вы узнали, что Берзин арестован? Ответ: Я выходил встречать его к курьерскому поезду на Северный вокзал в Москве, но он не приехал. Вопрос: В связи с чем Вы выходили на вокзал встречать Берзина? Ответ: Между нами были не только служебные, но и дружеские отношения, и я считал своим долгом встретить его. Вопрос: Кто Вам сказал на вокзале, что Берзин арестован? Ответ: Я понял это по выражению лица его жены (Эльза Яновна Берзина. – А. К.) и шофера (Ян Юрьевич Крумин. – А. К.), когда они вышли из вагона без него. Вопрос: Как это можно по выражению лица шофера Берзина узнать, арестован Берзин или он не приехал по другой какой-либо причине? Вы ожидали его ареста? Ответ: Нет, не ожидал. Вопрос: Тогда каким образом Вы узнали, что он не приехал потому, что арестован? Ответ: Я слышал на вокзале, как шофер Берзина сказал встречавшим его, что Берзин остановился в Александрове на четыре дня, и понял, что он арестован».*

Начавшееся затем следствие по его «делу» совпало с уже ведущимся в Магадане «делом» о «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». Руководящая роль в ней отводилась Э. П. Берзину, на которого в НКВД СССР уже скопились вполне определенные «сигналы» и «показания».

Сохранилось объяснение, которое в письменном виде дал 25 мая 1939 г. лейтенант госбезопасности П. С. Бондаренко (бывший начальник ЭКО УНКВД по ДС) начальнику Политуправления Дальстроя С. К. Моренкову. Он писал: *«Какие меры принимались мною по материалам, поступившим в НКВД по вопросу антисоветской деятельности Берзина и др.? По материалам об антисоветской, вредительской деятельности на Колыме мною разновременно, начиная с 1935 года до момента оперативной ликвидации антисоветской организации в 1937 году, неоднократно доносилось в центр и край: а) Наркомату внутренних дел СССР; б) ГУЛАГу НКВД СССР; в) начальнику Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю. При существующем весь период времени положении, когда Берзин являлся уполномоченным Совнаркома Союза ССР (так в тексте. – А. К.) и уполномоченным НКВД СССР на территории Дальстроя и когда телеграфная и почтовая переписка, отправляющаяся с Колымы в центр и край, подвергались контролю со стороны Берзина, такие донесения направлялись мною скрыто от начальников УНКВД по Дальстрою, которые осуществляли такой контроль (Шель, Веселков). Изложенное мною могут подтвердить б. нач. отдела НКВД СССР по Дальстрою Куцербов П. Н., работающий, по данным, начальником УНКВД по Читинской области, и б. нач. секретно-оперативного отдела УГБ Кожевников А. Г., работающий, по сведениям, начальником особого отдела корпуса в г. Комсомольске. Изложенное подтверждается также документами, имеющимися в специальной разработке “Ревани”, которая мною велась на участников антисоветской вредительской организации».*

К этому добавим, что есть и другое письменное свидетельство подобного рода. Во время работы автора в Магаданском областном краеведческом музее (тогда шел 1976 г., и многое на тему репрессий сообщалось крайне доверительно) краевед и писатель Г. Г. Волков показал мне впервые копию письма бывшей машинистки УНКВД по Дальстрою А. Г. Максимовой, которое она написала магаданскому писателю Н. В. Козлову 8 января 1964 г. и затем прислала из Москвы, где уже тогда проживала. Позднее, в середине 1980-х гг., работая в ведомственном архиве СВЗ, мне удалось обнаружить личное дело Алек-

сандры Григорьевны Максимовой. На его основе была впервые опубликована биографическая справка, вошедшая в книгу «Магадан. Конспект прошлого»: «Александра Григорьевна Максимова (Суханова) родилась 7 июня 1909 года в г. Сарануле Кировского края. Окончила школу, работала фрезеровщицей в Ленинграде. После замужества и рождения ребенка переехала в Свердловск, где в течение двух лет была сотрудницей библиотеки. Затем вернулась в Ленинград и устроилась по месту работы мужа. В Магадан приехала на пароходе «Сучан» 9 сентября 1936 года. Сначала работала лаборанткой Охотско-Колымского техникума, а с конца ноября 1936 года – машинисткой УНКВД и общего отдела Управления комендатуры Дальстроя. В декабре 1938 года вернулась на материк» [Магадан..., 1989. С. 263].

А 8 января 1964 г. А. Г. Максимова писала Н. В. Козлову: «Николай Владимирович, в 1961 году Вы мне задали несколько вопросов о том, когда, при каком начальнике Управления НКВД начался большой клеветнический материал на Эдуарда Петровича Берзина, посланный в Москву, было это до ареста Эдуарда Петровича или после его ареста. Я знаю только одно, материал печатался для Москвы. И вот я долго вспоминала, как лучше ответить на эти вопросы. Я очень уважала Эдуарда Петровича, и мне тоже хочется помочь, чтобы были установлены все, кто способствовал его гибели. Правда, во многом мне изменяет память, мне уже скоро будет 55 лет, не помню я ни даты, ни года, не помню многих людей, очень много прошло лет, но мне хочется Вам помочь в разборе этого дела. Вот что я могу сказать: в начале 1937 года начальник УНКВД Горин-Лундин взял меня с собой в пос. Оротукан, в то время много было арестов, и я поехала помогать печатать обвинительные заключения. По приезде обратно в Магадан меня посадили печатать совершенно секретный материал в отдельный кабинет. Диктовал мне заключенный, который мне говорил, что он до ареста был доктор исторических наук, писал труды, по которым учились в вузах, а теперь враг народа и пишет другой труд на человека, на которого совсем и писать бы не следовало. Будет время, и Вы узнаете, девушка, всю правду. Мне, Николай Владимирович, в то время были непонятны его намеки. Понятно было одно, что пишу я материал на такого хорошего человека, которого все любят и отзываются о нем, как о родном отце. Эдуард Петрович на Колыме – главный начальник, ему подчиняется и Горин-Лундин, а он пишет донос на Эдуарда Петровича. Эдуарда Петровича я знала как отзывчивого и справедливого человека, потому что он несколько раз находил время зайти к нам в машинное бюро НКВД и жалел нас, машинисток, находил для нас такое слово, что приходится нам так много работать в тяжелых условиях. Беда моя в том, что я не имею среднего образования, поэтому во многом не разбиралась, а как бы мне это сейчас помогло для разбора дела. Знаю и знала, что материал брал в большинстве случаев из своей головы, иногда только заглядывал в какие-то свои записи. Работали мы с ним больше месяца и исписали 400, а может, и 500 страниц, точно сказать не могу. Помню, в этом материале упоминались иностранные фамилии, упоминалась фамилия Калныч или Калнынь, упоминалось что-то насчет того, что Эдуард Петрович и еще другие (фамилии не помню) якобы отправляли в Японию золото ящиками, которые грузились на пароход. Вот это я почему-то помню, и мне даже тогда не вязалось в моей голове с личностью Эдуарда Петровича. Но об этом было запрещено даже думать про себя, что я пишу. И я писала, писала. Человек этот был небольшого роста, очень худой, борода козлиная, был такой, как бы сказать – вертлявый, диктовал, а сам бегал из угла в угол, а комнатка была крохотная, быстро уставал. Помню даже сказал, что остается ему жить столько, как кончим печатать. Материал остался незаконченным, мне сказали, что я больше там работать не буду, и я перешла в машинное бюро. Да, он сказал мне свою фамилию, я точно сейчас не помню, то ли Семенов то ли Степанов, фамилия от русского имени...»

Арестованный начальник УНКВД по ДВК, один из известнейших советских чекистов Т. Д. Дерибас на допросе 30 ноября 1937 г. «показал»: «Дело в том, что Берзин также причастен к заговору, о чем он мне лично рассказывал. Связан он был лично с Ягодой и Рудзутаком (кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). – А. К.). Он выполнял их особые задания и, в частности, связанные с золотом». От также арестованного бывшего начальника 61-го Нагаевского пограничного отряда майора П. Ф. Орлова были получены и другие «показания»: «В 1936 г. мне стало известно, что во главе право-троцкистского заговора в Дальневосточном крае стояли: б. секретарь крайкома ВКП(б) Лаврентьев, б. председатель крайисполкома Крутов. Эти заговорщики вместе с Дерибасом в августе 1936 года приезжали на Колыму для активизации деятельности право-троцкистской организации... По вопросу о практической подготовке восстания Дерибас и Лаврентьев давали указания непосредственно Берзину».

«Управлением НКВД по Дальстрою, – отмечалось позднее в специально подготовленной справке, – скрыта и ликвидирована существовавшая на Колыме с 1932 года антисоветская, шпионская, бандитско-повстанческая организация, созданная по заданию участников «правотроцкистского блока» – Ягоды, Рудзутака и иностранных разведок, возглавлявшаяся бывшим директором Дальстроя, японским и германским шпионом – Берзиным, бывшим начальником Управления Северо-Восточных лагерей, к-р. правым – Филипповым, бывшим помощником директора, к-р. троцкистом – Булыгиным и бывшим помощником директора по финансово-экономической части, японским шпионом – Эштейном и имевшая организационные связи с антисоветской шпионской организацией ДВК в лице – Дерибаса, Лаврентьева, Крутова и др. Организация состояла из троцкистов, правых, шпионов и находившихся в лагере заключенных за контрреволюционную троцкистскую, шпионскую, террористическую, повстанческую

и вредительскую деятельность, а также за бандитизм и воровство... Готовя вооруженное бандитско-повстанческое выступление, организация создала широкую сеть повстанческих групп в подразделениях военизированной охраны Управления лагерей, которая в антисоветских целях комплектовалась в большей своей части заключенными. Во главе охраны был поставлен один из руководящих участников организации, бывший казачий офицер, сподвижник Гая – террорист Кабисский. Основная задача Колымской антисоветской организации – свержение Советской власти на Колыме и в Дальневосточном крае при помощи Японии, восстановление капиталистических отношений и переход под протекторат Японии...».

Дело о «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации» велось специальной «московской бригадой» НКВД СССР в составе капитана госбезопасности Михаила Павловича Кононовича, старшего лейтенанта госбезопасности Михаила Эммануиловича Каценеленбогена (Богена), лейтенантов госбезопасности Семена Абрамовича Бронштейна и Лазаря Аркадьевича Веницкого*. Впервые выявленный нами и ныне публикуемый приказ № 187 по Московскому управлению Дальстроя от 5 ноября 1937 г. гласил: «Направить в распоряжение дирекции ДС *и т. т. Богина* (так в тексте. – А. К.), Кононовича, Веницкого, Бронштейна...» [Архив СВЗ, д. 6188, л. 11].

По приезде в Магадан «московская бригада» была подчинена новому начальнику УНКВД по ДС старшему лейтенанту Василию Михайловичу Сперанскому. Официально все ее члены входили в состав подчиненного ему учреждения. И все же фактическим руководителем «московской бригады» являлся назначенный начальником (теперь уже не директором) Дальстроя К. А. Павлов. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что Карп Александрович Павлов приходил из семьи железнодорожного рабочего. Родился в 1855 г. в г. Смоленске; окончил три класса сельской школы и городское ремесленное училище. Потом К. А. Павлов работал монтером, надсмотрщиком телеграфа, служил в телеграфной роте крепости Свеаборг, был комиссаром телеграфа. Летом 1918 г. К. А. Павлов – начальник связи штаба Урал-Оренбургского фронта, а затем – сотрудник ЧК, ОГПУ и НКВД. В 1934 г. являлся начальником УНКВД Красноярского края, в 1934–1936 гг. – заместителем начальника УНКВД Азово-Черноморского края, с 29 июня по 20 октября 1937 г. – наркомом внутренних дел Крымской АССР, входил там же в тройку УНКВД. К. А. Павлов был награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ. 18 мая 1957 г. покончил жизнь самоубийством (застрелился).

Бывший помощник начальника 3-го отдела УНКВД по ДС Н. С. Абрамович, желая откреститься от того, в чем он и сам принимал участие, в рапорте на имя наркома внутренних дел СССР указывал: «На оперативном совещании, происходившем в десятых числах декабря 1937 г., при разборе вопросов следственной работы тов. Сперанским было указано оперативному составу на то, что здешние методы работы устарели, что “миндальничать” с арестованными нечего и поэтому нужно перейти к активному следствию. По словам Сперанского, новые методы следственной работы заключаются в применении системы непрерывных допросов “по конвейеру”... Вскоре после этого Сперанский вместе со своим заместителем Кононовичем ходили по кабинетам и проверяли, насколько успешно усваиваются аппаратом эти “новые методы” следствия, преподносившиеся нашему коллективу как нечто санкционированное наркомом. Сперанский сам санкционировал избиения арестованных».

Однако одним из тех, кто сразу же по приезде В. М. Сперанского, а затем и «московской бригады» УНКВД СССР не смог принять «новые методы» следствия, а тем более понять причины начавшихся арестов соратников Э. П. Берзина и фабрикация дела о «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации», был начальник СПО УНКВД по ДС, чекист и коммунист с 1920 г. Николай Георгиевич Должков. Его жена вспоминала: «В 1937 году. 9/II он по неизвестным причинам застрелился, а 29/II-37 г. я была арестована, обвинялась в недонесении. В 1939 году, 11 июля освобождена за прекращением дела» [Архив СВЗ, д. 6525, л. 12]. На своем партбилете Н. Г. Должков оставил предсмертную надпись: «Да здравствует коммунизм!».

Широко применяя и пропагандируя методы физического воздействия, которые в считанные дни были переняты и усвоены большинством сотрудников УНКВД по ДС, «московская бригада» добивалась признательных показаний от арестованных, выявляя все новых и новых «врагов народа», «заговорщиков», «террористов», «вредителей», «саботажников». Так, арестованный 5 декабря 1937 г. лейтенантом госбезопасности П. С. Бондаренко начальник планово-финансового сектора Дальстроя Л. М. Эпштейн уже 14 декабря написал собственноручные «признательные» показания: «Я, Эпштейн Лев Маркович, являюсь членом к-р организации и на протяжении ряда лет вместе с другими известными мне членами этой организации занимался к-р деятельностью на Колыме. Нашу к-р организацию возглавлял Берзин Э. П. Целью этой организации являлось: 1. Вредительство в системе “ДС” по линиям: а) занижение производственной программы по добыче золота и других полезных ископаемых; б) выведение из строя автопарка с целью срыва плана грузоперевозок; в) неправильная организация снабжения для создания массового недовольства населения и г) в этих же целях осуществление в нужном масштабе жилищного строительства. 2. Подготовка вооруженного восстания на случай возникновения войны Японии и СССР. 3. Подготовка террористических актов против вождей и руководи-

*Инициалы сотрудников «московской бригады» (с расшифровкой имен и отчеств) выявлены автором в ЦХСД МО и впервые приводятся в данной работе.

телей советской власти и ВКП(б). 4. Шпионаж в пользу Германии и Японии. 5. Отправка золота в Японию. Для облегчения более успешного проведения в жизнь вышеуказанных задач руководящий состав "ДС" – по директивам Берзина и моей комплектовался явно враждебно настроенными к советской власти и коммунистической партии людьми...»

От арестованного 10 декабря 1937 г. секретаря Л. М. Эпштейна Т. Б. Гартман на допросах добивались признания в том, по чьему заданию та сообщила в Москву о его аресте. «Задание о сообщении в Москву об аресте Эпштейна я не получала, – показывала Т. Б. Гартман, – а сделала по собственному желанию, послала телеграмму помощнику начальника Московского Управления Дальстроя Раковщику о том, чтобы последний сообщил жене Эпштейна, что его арестовали. Текст телеграммы для Раковщика, полагаю, был понятен, в телеграмме слово арест заменялось словом "заболел"»*.

17 декабря 1937 г. Л. А. Венициким был арестован начальник Севвостлага капитан государственной безопасности И. Г. Филиппов. Сменивший его в этой должности полковник С. Н. Гаранин позднее показывал: «Я лично знаю, что арестованный Филиппов, если не примет соды 15–20 минут, то не в состоянии ходить и сидеть. Кононович и Веницкий отняли у него соду и давали только тогда, когда Филиппов в изнеможении согласился подписать любой протокол».

В результате на допросе 22 декабря 1937 г., который проводили В. М. Сперанский и его заместитель М. П. Кононович, И. Г. Филиппов подписал составленный ими протокол допроса. В нем более широко, чем в собственноручных «признательных» показаниях Л. М. Эпштейна, была дана картина деятельности и структура «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации», «назывались» десятки фамилий «заговорщиков», «повстанцев», «вредителей».

В частности, И. Г. Филиппов «показал»: «В антисоветскую организацию я завербован в 1934 году Берзиным, с которым знаком с 1922 года и нахожусь в близких отношениях... Антисоветская организация, активным участником которой я состоял, ставила перед собой задачу – свержение Советского правительства. В этих целях организация вела практическую работу в направлениях: а) подготовки на Колыме вооруженного восстания против советской власти в момент возникновения конфликта между СССР и Японией или Германией; б) подготовки и совершения террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства; в) возбуждения коренного населения против советской власти; г) широкого вредительства во всех областях хозяйства Дальстроя; д) передачи различных сведений иностранным разведкам. Кроме того, организацией переправлялось за границу золото... Вредительская работа нашей организации велась по следующим основным линиям: а) занижения планов по золотодобыче и олову; б) разрушения автотранспорта – основного средства связи с приисками; в) срыва снабжения приисков продовольствием и техникой; г) извращения политики заработной платы; д) легализации массовых расхищений грузов как со складов, так и при переброске их с баз; е) создания осужденным, находящимся на Колыме, более лучших условий, чем... вольнонаемным... Вредительство по линии лагеря проводилось под моим и Берзина непосредственным руководством. До декабря месяца сего года на Колыме фактически концентрационных лагерей не существовало, несмотря на то, что сюда присылались за ним более опасные контрреволюционные преступления. Охрана лагерей была лишь формальной – сторожевых вышек не было, да и сейчас их, кроме Магадана, нигде нет (в Магадане вышки построены 25–27 ноября с. г.). Заключенные лагерники свободно передвигались. Мы считали заключенных на Колыме своими людьми и старались всемерно улучшить их материально-бытовое положение... По указанию Берзина было основано 4 поселка колонистов на Приморье (так в тексте. – А. К.), по побережью. Поселки размещены вблизи японских рыбаков с тем..., чтобы облегчить японцам связь и использование в шпионских целях колонистов... Летом этого же года на квартире у Берзина собрались участники организации... Берзин начал с того, что он, бывая в Москве, имеет возможность попасть к Сталину, Молотову и Ежову. Дальше он заявил, что дошел до такого состояния, что готов лично совершить террористический акт над кем-либо из них. Намерение Берзина было нами поддержано... Он был озлоблен особенно против Ежова, которого считал главным виновником ареста его ближайшего друга и руководителя антисоветской деятельностью Рудзутака. Когда к нему дошли данные об аресте Рудзутака, он часто твердил, что добьется во что бы то ни стало приема на доклад к Ежову, ни перед чем не остановится и совершит убийство. Организация, кроме того, имела также намерение совершить террористический акт над комкором Фриновским во время его приезда на Колыму в прошлом году... Убийство его было намечено совершить в Хатыннахе... Убить Фриновского нам не удалось лишь потому, что он выехал на ночлег в поселок Ягодное, а не остался ночевать, как было намечено по плану, в Хатыннахе, где все к исполнению террористического акта было подготовлено лично Берзиным, выезжавшим туда специально по получении телеграммы о выезде комкора на Колыму из Петропавловска-на-Камчатке...»

Количество участников «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации» росло, как снежный ком. Во внутренней тюрьме УНКВД по ДС, находившейся в Магадане, кроме Л. М. Эпштейна, Т. Б. Гартман, И. Г. Филиппова, оказались руководители многих подразделений Дальстроя: помощник директора по политчасти Б. А. Булыгин, начальник сектора снабжения Л. Я. Раскин, бывший начальник Портостроя П. П. Будзко, начальник

*Данный факт впервые выявлен автором при изучении дела № 17777 в архиве УФСБ по МО.

ВОХР Д. Ф. Кабисский, начальник авиаотряда В. М. Старевич, прокурор Севвостлага А. М. Саулеп, начальник Управления связи А. И. Орлянкин, председатель отделения Дальневосточного краевого суда по Колымскому району В. В. Кузницын, бывший первый директор АРЗа Н. П. Обухов, заведующий рыбным отделом ПУСиПХ А. Н. Паремужов, заведующий планово-финансовой секцией планово-финансового сектора Ц. М. Крон, бывший начальник Магаданской автобазы И. И. Айзенберг, начальник Северного горнопромышленного управления (СГПУ) А. Я. Каулин, главный инженер этого же управления М. А. Эйшлин и многие другие.

На «материку» после ареста в Магадане были отправлены для ведения следствия начальник особого сектора Дальстроя К. Г. Калнынь и редактор газеты «Советская Колыма» Р. А. Апин. Наоборот, на «материку» во время отпуска были арестованы соратники Э. П. Берзина по Дальстрою: начальник Мортрана Э. О. Лапин, начальник автотранспорта И. Е. Притулюк, начальник Сануправления Я. Я. Пуллериц, начальник КРУ ДС Б. И. Мовсесян, начальник учетно-распределительного отдела Севвостлага А. Н. Майсурадзе, главный бухгалтер П. Е. Евгеньев. Тогда же арестованные на «материку» также во время отпуска бывший начальник СГПУ Е. Г. Левантин, бывший начальник ЮГПУ Е. М. Раппопорт и заместитель начальника Марчekanского завода Г. О. Лапин были затем этапированы в Магадан, их стали допрашивать как участников «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». 14 июля 1938 г. на прииске «Штурмовой» арестовали и А. Н. Пемова, который только недавно вернулся на Колыму после работы на Сегежстрое и являлся заместителем начальника Дальстроя.

Подготовленный на них материал передавался тройке УНКВД по ДС, в состав которой входили К. А. Павлов, В. М. Сперанский, Л. П. Метелев (новый прокурор Севвостлага и Дальстроя) или М. П. Кононович. За 11 месяцев, с 16 декабря 1937 г. по 15 ноября 1938 г., Тройка УНКВД по ДС рассмотрела 10 743 дела. Выявлено 70 протоколов ее заседаний. В ведомственном архиве УВД МО сохранились также первые экземпляры актов расстрелов, проведенных в период с 20 декабря 1937 г. по 8 октября 1938 г. В этих актах 5801 фамилия. Среди них А. В. Оганесов, А. М. Сомров и И. М. Барановский (реабилитированы прокуратурой Магаданской области 27 декабря 1989 г.), расстрелянные по делу об убийстве секретаря комсомольской организации ЮГПУ Т. М. Маландиной.

В выявленной нами итоговой справке по этому делу, датированной январем 1964 г., говорится: «В ночь с 3-го на 4-е марта 1937 года в поселке Оротукан на квартире было совершено убийство секретаря комсомольского комитета ВЛКСМ бывшего Южного горнопромышленного управления ДС Маландиной Татьяны. Убийство и изнасилование Маландиной совершили заключенные Гайдукевич-Соболев Н. В. и Грибовский К. П. с целью грабежа и изнасилования. Как соучастники убийства были осуждены заключенные Андреев-Казак, Турбаков, Сокол-Кармелюк, Корякин. Соучастие их в убийстве не находит достаточного подтверждения по делу. Расследование по делу проводилось необъективно, с целью доказать, что над Маландиной был совершен террористический акт как над секретарем комитета ВЛКСМ. Однако причин, дающих основание квалифицировать их действие по статье 58-8 УК РСФСР, в процессе расследования установлено не было. А поэтому определением спецколлегии Верховного суда РСФСР от 3 июня 1937 года приговор Дальневосточного крайсуда при Севвостлаге от 21 марта 1937 года отменен, и дело было направлено на новое расследование. Определение Верховного суда РСФСР во внимание принято не было. Доследование по делу не проводилось. 7 сентября 1937 года Гайдукевич, Грибовский и другие (всего 9 человек) были осуждены Тройкой УНКВД по Дальстрою по статье 58-8-11 РСФСР к ВМН. Приговор исполнен 13 октября 1937 г.»

Расстрелы и захоронения также производились в Магадане, где только с 20 декабря 1937 г. по 1 февраля 1938 г. были расстреляны 537 чел., с 16 февраля по 29 апреля 1938 г. – 1536 чел. В большинстве дней расстреливали более чем по 100 чел. Так, 8 мая 1938 г. были расстреляны две группы приговоренных Тройкой УНКВД по ДС: 151 и 122 чел.; 16 мая – 168 чел., 20 мая – 141 чел., 22 мая – 145 чел. Кровавая вакханалия остановилась только осенью 1938 г., когда 15 ноября директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) было запрещено рассмотрение дел на тройках, а 17 ноября постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» – проведение «массовых операций по арестам и выселению».

Оставшиеся в живых и вышедшие на волю оставили свидетельства своего пребывания в Магаданской внутренней тюрьме УНКВД по ДС, они рассказали о моральных и физических издевательствах, побоях и пытках, которым подвергались. В частности, один из них, П. А. Черенков, рассказал: «Особенной жесткостью в избиениях отличался Горский, который бил не только кулаками по больным местам, но и своими ногами, обутыми в сапоги, по распухшим, болезненным, кровоточащим ногам, а один раз ударил ногой в левый пах... Надо сказать, что Горский любил избивать арестованных. Он, например, ходил по кабинетам и бил допрашиваемых арестованных. Меня он начал избивать с первых допросов... ребрами рук по шее и с такой силой, что я падал, а один раз потерял сознание. Был такой случай: Ушаков, допрашивавший меня, и которого куда-то вызвали по телефону, не хотел меня отправлять в тюрьму, а оставил в здании УНКВД с той целью, чтобы за мной наблюдал кто-нибудь из сотрудников. Проходя по коридору, открылась дверь в кабинет Горского, который, обратившись к Ушакову, сказал: "Куда ты этого черта ведешь! Дай мне с ним побаловаться!" Ушаков передал меня Горскому, который сразу поставил меня на стойку около своего сейфа, а потом стал избивать...»

Рассказ П. А. Черенкова дополняют свидетельства М. И. Мороза и С. И. Клименко. «Горский меня бил ребрами ладоней по шее и темени, – свидетельствовал М. И. Мороз, – кулаками в области сердца и солнечного сплетения. Также, когда уставал меня бить, сжимал двумя руками шею, сильно сдавливая гортань, прерывая дыхание и приподнимая меня от пола, держа на весу... Смертин бил меня наполненным портфелем по голове».

«После самых грубых оскорблений за подачу заявлений, – вспоминал С. И. Клименко, – по распоряжению Смертина я был отправлен в карцер – каменный мешок со специально выставленной рамой, раздел, и так при 30–35° мороза в одной рубашке я находился там полтора или два дня. После чего был вызван на допрос. От меня требовали подписи самых глупых непонятных показаний. Тут было предъявлено обвинение в антисоветской работе в г. Магадане. От показаний я отказался. Тогда снова я был отправлен в тот же “ледник”. На второй день был опять вызван на допрос, но я уже был совершенно больной. Меня сразу же отправили в тюрьму. Медпомощи оказано не было. Спустя продолжительное время меня снова вызвали на допрос... Был поставлен в угол и прижат дверью. Тут же стоял подследственный, насколько помню, как будто Аушкат. Площадь за дверью на двоих равнялась примерно 0,6–0,8 кв. метра. Так три дня простояли, потом снова доставлен на допрос. Я был сильно измучен и относился уже ко всему безразлично. Помню писал какие-то показания. Через короткий промежуток времени снова был вызван на допрос... и поставлен на “стойку”. Здесь рядом со мной уже стояли Дементьев, Дегтярев и еще каких-то два человека. Так простоял я дней десять. Днем просто “стояли” в присутствии дежурного, а ночью происходили кошмарные избиения, в которых принимали участие не мой непосредственный следователь Дмитриев, а Горский и Смертин, нередко Филиппов. Один раз был подвергнут избиению следователем Дмитриевым, но когда я был в бессознательном состоянии. Когда Горскому, очевидно, надоело заниматься побоями, он кричал уборщице-заключенной: “Бей его мокрой тряпкой по морде”. Она косо поглядывала на Горского и тут же удалялась. От частых побоев по спине у меня появились резкие боли внутри. Я потерял всякое сознание. После этих десятидневных пыток я писал все, что только от меня требовали. Мне было уже совершенно безразлично. Я считал и верил, что мои показания никому не нужны будут».

Не сумевшая смолчать А. Г. Лысенко также показала: «Булыгину Александру Алексеевну, находившуюся со мной в одной камере, избивали с 20 по 25 июня 1938 года ежедневно, по несколько раз в день. Избивал ее Горский. Мне это известно потому, что она переодевалась при мне в камере, и я видела на спине и теле синяки и кровоподтеки. Резнер Ядвига Александровна находится в больнице на излечении. Ее избивал Касьянов. Черенков Павел Алексеевич, в настоящее время освобожденный, находится в больнице. Его били Горский и другие».

Сохранилось и свидетельство самой А. А. Булыгиной. «Следствие по отношению ко мне, – с горечью писала она, – велось безобразно... Мне предъявили чудовищные обвинения ст. 58 п. 2, 8, 7, 11, 10. В чем выразилась конкретно моя контрреволюционная деятельность, мне никто из следователей сказать не мог. Твердили механически: “пиши”. Я ни одной строчки лжи писать не могла и поэтому категорически отказалась давать показания. Меня били до тех пор, пока не довели до невменяемого состояния. Выбили подпись под документом, которого не дали даже прочесть... Вот так меня сделали врагом народа люди, подобные Горскому, случайно попавшие в органы НКВД, компрометирующие советскую разведку».

Вместе с тем еще до дачи этих показаний (понятно, что все они относятся ко времени окончания кровавой вакханалии на Колыме) была составлена «Справка по делу вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». Она подписана В. М. Сперанским 4 июня 1938 г. С этой справкой он затем выезжал в Москву, в НКВД СССР, и вернулся назад уже через месяц в звании капитана госбезопасности. В документе, доставленном В. М. Сперанским в НКВД СССР, особо отмечался и подробно расписывался состав организации, якобы выявленной УНКВД по ДС на Колыме:

«Репрессировано вольнонаемных 285 человек.

В числе арестованных из вольнонаемного состава:

1.	Правых	12
2.	Троцкистов	40
3.	Зиновьевцев	3
4.	Шляпниковцев	3
5.	Бывших членов антисов. политических партий	10
6.	Шпионов:	
	а) японских	52
	б) германских	35
	в) польских	27
	г) латвийских	8
	д) английских	7
	е) итальянских	2
	ж) французских	4
	з) американских	3

и) финских	3
к) эстонских	4
л) румынских	4
м) литовских	2
7. Перебежчиков	16
8. Харбинцев	15
9. Членов "ПОВ"	6
10. Политэмигрантов	9
11. Бывш. золотопромыш. и влад. част. предприятий	15
12. Бывш. доверенных промыш. и торг. фирм	4
13. Бывш. офицеров иностр. армий	2
14. Бывш. офицеров царской и белой армий	28
15. Бывш. белых	8
16. Бывш. служ. полиции и охраны	4
17. "Бывшие люди"	14
18. Кулаков	7
19. Служителей религиозного культа	2
Из них по национальностям:	
латыши	16
немцы	19
греки	2
эстонцы	9
финны	2
поляки	22
румынцы	3
корейцы	1
овцы	1
китайцы	1
венгерцы	1
Бывш. заключенные:	
а) за контр. вредит. и шпион. деятельность	28
б) за другие преступления	25

Кроме того, в погран. зоне Охотского побережья ликвидирована японская шпионская организация в 116 человек (репрессированы по 1 категории)*.

Из подвергнутых репрессии:

Бывш. жандармов и полицейских	11 чел.
Служителей религ. культа	17 »
Кулаков	54 »
Бывш. торговцев	25 »
Родовых князей	3 »
Эсеров	3 »

Арестовано и осуждено заключенных 33 002 человека, из них:

троцкистов и правых	60%
шпионов, террористов, вредите-	
лей и др. контр.	35%
бандитов и воров	5%».

Во время командировки В. М. Сперанского в НКВД СССР его должность занимал М. П. Кононович. В связи с этим остальные члены «московской бригады», вместе с прикомандированными к ним сотрудниками УНКВД по ДС, совершили выезды в несколько районов Колымы по делам дальнейшего разоблачения членов все той же мифической «антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». Эти выезды характеризовались еще большим беззаконием, кровавым беспределом и расправами со смертельным исходом.

Так, 19 июня 1938 г. из Магадана в Колымское речное управление Дальстроя (КРУ ДС) выехала группа в составе лейтенанта госбезопасности Л. А. Виницкого, сержантов госбезопасности Г. Г. Козичева и А. В. Мохова. Выявленные нами документы рассказывают о совершенных ею действиях, продолжавшихся несколько месяцев. «Всего по КРУДС, – свидетельствовал потом Г. Г. Козичев, – если не ошибаюсь, было арестовано примерно 150–160 человек заключенных и вольнонаемных, которые примерно

*Расстреляны.

27 июля 1938 года по распоряжению Веницкого при сопровождении уполномоченного 6-го отделения, участвующего некоторое время в операции в КРУДС, Куренкова были направлены вместе с вещами, вещдоками и изъятым оружием в тюрьмы Оротукана и Магадана. Дела на всех арестованных (Шубица, Бржезовского, Ким-Уон и Зарину) Веницкий увез с собой в Магадан на самолете».

Более позднее расследование установило: «По пути, когда бригада в составе лейтенанта госбезопасности Веницкого, сержантов госбезопасности Мохова и Козичева, выехала из Магадана в п. Н. Зырянка, ими уже подбирались стрелки для обслуживания РОНКВД из числа едущих на смену и выполнение отдельного взвода ВОХР при КРУДС. С прибытием в п. Н. Зырянку немедленно было им дано задание — обнести здание РОНКВД сплошным высоким забором, где в зоне забора была поставлена палатка специально для следственных. Палатка была поставлена специально для «стойки» и др. извращенных методов ведения следствия... Подследственные стояли до тех пор, пока с разрешения дежурившего стрелка не изъявили желание давать письменные показания. Желающим давать показания стрелки разрешали садиться писать. После того как подследственный дал показания, которые его не удовлетворяли, он приказывал стрелку снова ставить подследственного на стойку... В палатке стояли по 20 и больше человек. Кроме того, подследственные стояли в кабинетах РОНКВД. Стояли по несколько дней. В частности, подследственный Ким-Уон стоял более полмесяца. От «стойки» подследственные пухли, теряли сознание, бредили, бросались в отчаяние, были попытки к самоубийству подследственный Ким-Уон), бросались на стрелков, в результате чего было два ранения подследственных. В палатке и в здании РОНКВД слышались стоны и крики о помощи, атмосфера была тяжелейшая... Избиения также имели место. За время с июня по сентябрь 1938 года имели место пять смертных случаев в здании аппарата РОНКВД, трупы лежали в кабинетах, около забора по несколько дней. В целях точного установления причин смерти подследственных была организована выемка трупов из земли. Труп Упмана, по заключению врачей, при выемке из земли оказался разложившимся, и определить при вскрытии причины смерти нельзя, поэтому он вскрытию не подвергался. Труп Бексина вскрывали, причины смерти установлены — от резкого истощения и заболевания легкого... Расследованием подтверждено, что бригадой УНКВД по Дальнему Северу во главе с членом бригады НКВД СССР лейтенантом госбезопасности Веницким, сотрудниками УНКВД Козичевым и Моховым допущены ни в чем не оправданные извращения и перегибы в следственной работе, явно выходящие за пределы их прав и полномочий».

Жестокие испытания выпали и на долю Э. П. Берзина как руководителя «вскрытой» на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». Подвергшийся изуверскому физическому воздействию, он, как и многие другие арестованные, был вынужден дать «признательные» показания. В развернутом протоколе допроса (на 23 листах) Э. П. Берзина от 25 марта 1938 г. отмечалось: «Моя антисоветская деятельность началась еще с 1918 года... Несколько позже, в 1926 году я был завербован Рудзутаком Яном Эрнестовичем, которому я передавал шпионские материалы, как он мне говорил, для германской разведки... Перед отъездом на Колыму в 1931 году я никаких специальных заданий от Рудзутака не получал, за исключением того, чтобы на месте присмотреться к конкретной обстановке. Когда я приехал в 1934 году из Колымы (так в тексте. — А. К.) в командировку в Москву, то я, явившись на дачу к Рудзутаку, ... получил от Рудзутака задание создать на Колыме антисоветскую организацию, вовлекая в нее троцкистов, правых, вообще антисоветские элементы, как из работников треста, так и из ссыльных... Возвратившись на Колыму, я стал сколачивать антисоветскую организацию... Повстанческая работа на Колыме была организована мною по прямому заданию Ягоды... Основную директиву по вредительству и развороту а/с (антисоветской. — А. К.) работы я получил от него в 1935 году. Я тогда был в Москве и приходил к Ягоде. Я получил от него следующую установку: задерживать золотодобычу, не заниматься разработкой олова и создать на Колыме диверсионную организацию, которая могла бы заниматься совершением диверсионных актов, когда это будет нужно. Ягода также говорил о разложении лагеря и вообще построить работу на всех звеньях так, чтобы сорвать золотодобычу. Далее Ягода говорил о необходимости ставить на тяжёлые работы осужденных по бытовым статьям, а на наиболее привилегированные работы осужденных за контрреволюционную деятельность... Я должен также сознаться, что, когда я уезжал обратно на Колыму в 1935 году, Ягода, давая мне задание об осуществлении повстанческой работы на Колыме, предложил мне связаться с японской разведкой... По заданию японской разведки мною были собраны и переданы... японскую разведку материалы, содержащие данные о численности лагеря, составе заключенных, по таким статьям содержатся заключенные, дислокации лагеря и наши соображения о повстанческой деятельности... В 1937 году, когда Ягода был отстранен от должности в НКВД, я порвал связь с японской разведкой и должен прямо сказать, что деятельность нашей антисоветской организации пошла по линии затухания. Последовавшие вслед за этим аресты его ближайших родственников, о которых я знал как об участниках антисоветской организации правых, и особенно когда мне стало известно об аресте Рудзутака, я понял, что очередное (так в тексте. — А. К.) дойдет до меня, и я решил для себя по приезде в Москву при первой же встрече с Ежовым у него на приеме убить его. Мне не удалось выполнить этот террористический акт лишь потому, что я был арестован по дороге в Москву».

На этом протокол допроса Э. П. Берзина от 25 марта 1938 г. заканчивается. Однако позднее, во время заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР 1 августа 1938 г. он держался очень муже-

ственно, виновным себя ни в чем не признал, от показаний, данных в предварительном следствии, отказался, заявив, что они являются абсолютно ложными. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Э. П. Берзина «за измену родине», «за совершение террористических актов», «за контрреволюционную деятельность» и «за организационную деятельность, направленную на свержение власти» к высшей мере социальной защиты. 1 августа 1938 г. он был расстрелян. Посмертно реабилитирован 4 июля 1956 г.

После его реабилитации Э. С. Лейзерова (она также была репрессирована) вспоминала: «В течение трех лет (1935–1937 гг.) я работала личным секретарем-стенографом бывшего директора гостреста “Дальстрой” Эдуарда Петровича Берзина. В самые трудные годы моих испытаний, а на мою долю их досталось больше, чем полагалось бы одному человеку, я ни на миг не усомнилась в большевистско-ленинской сущности Эдуарда Петровича, и эта безусловная вера в него, в невозможность какого-либо преступления с его стороны помогли мне со спокойной совестью и гордо поднятой головой пройти через все то, от чего и сейчас, много лет спустя, просыпаюсь в холодном поту. Но не об этом я, разумеется, хочу написать. Мне хочется рассказать о рабочих буднях Эдуарда Петровича. Рабочий день в тресте начинался с 9 часов утра. Эдуард Петрович никогда не приходил позже. Перерыв на обед один час, но им он не всегда пользовался. По расписанию принимались начальники отделов, управлений, а в промежутках и вечерами к Эдуарду Петровичу шли все, кто нуждался в его помощи, совете. Конечно, не всегда просьбы или жалобы удовлетворялись, но интересно, что от этого авторитет Эдуарда Петровича не падал, а наоборот, ибо он мог убедить человека в его неправоте или незаконности его требований, претензий. И все это терпеливо, с улыбкой. Помню, как однажды один товарищ очень долго добивался приема у Эдуарда Петровича, возлагая надежды на положительное решение его вопроса. Увышедшего через некоторое время из кабинета, я спросила: “Ну что? Помог Вам Э. П.?” – “Нет, понимаете, отказал. Но я теперь все понял и очень рад, что имел возможность побывать у Эдуарда Петровича. Спасибо ему”. Память хранит и такой случай: привели заключенного военного специалиста, голодавшего 45 дней (его кормили искусственно и содержали в больнице. После четырехчасовой беседы с глазу на глаз с Эдуардом Петровичем этот человек ушел преобразенно бодрым, оставив на письменном столе Эдуарда Петровича свое заявление о снятии голодовки. Эти случаи не единичны... Эдуард Петрович был порой до грубости прямолинеен. Он сам никогда никого не обманывал и не терпел этого в отношении себя. Его популярность была необычайно велика среди местного населения и среди геологов, и среди заключенных, готовых ради Берзина на трудовые подвиги. Больной (деформация позвоночника после контузии в гражданскую войну) Эдуард Петрович беспощадно относился к себе, ибо работа требовала этого. Если две недели месяца Эдуард Петрович сидел в своем кабинете дирекции в Магадане, то другие две недели он ездил по трассе. Каждый километр пути доставлял Эдуарду Петровичу невероятную физическую боль, и на каждом ухабе он плотнее стискивал зубы, доставал из кармана папиросы: “закурим, секретарь” – и с присущим ему юмором, чтобы отвлечь себя же от боли, начинал рассказывать что-либо из своей жизни. И одинаково интересно было слушать и о годах его учения в юности у хозяина-маляра, и о поступлении в художественную школу, о встрече со своей будущей женой, о боях под Каховкой и о раскрытии заговора Локкарта, и о строительстве “Вишихмза”. Во всех этих рассказах – ничего о себе, но столько интересного о людях, с которыми сталкивала его жизнь. Он умел чувствовать и ценить людей. Вероятно, потому люди так любили его. В день мы делали по трассе 400–450 километров. По дороге Эдуард Петрович успевал делать какие-то указания строителям дороги, транспортникам, перевозившим ценный груз, беседовать с обратившимися к нему заключенными и тут же на месте (зачастую) решать некоторые вопросы. Как в Магадане в дирекции, так и в домике на трассе, где останавливался Эдуард Петрович, в его окне свет гас тогда, когда уже давным-давно во всех домишках не было света и уставшие за день люди отдыхали. Возвращаясь поздно (11–12 часов ночи) после рабочего дня из дирекции, Эдуард Петрович обязательно заходил на стройки и, облизав все леса, переговорив с каждым штукатуром, маляром и т. д., знал порой больше, чем начальники этого строительства, о нуждах, неполадках на стройке. Так во всем. По просьбе Елены Дмитриевны Стасовой Эдуард Петрович писал (диктовал) мне для историко-революционного музея свои воспоминания о раскрытии заговора Локкарта. Одновременно Эдуард Петрович писал повесть о татарине-“хищнике” Бориске, открывшем месторождение золота и задохнувшемся (так в тексте. – А. К.) в шурфе. Все эти материалы были в работе, и нерасшифрованные стенограммы сданы мною в спецчасть треста при отъезде в отпуск в 1937 г. Мой отпуск, как известно, затянулся...».

27 сентября 1938 г. был арестован и помещен в Магаданскую внутреннюю тюрьму УНКВД по ДС начальник Севвостлага полковник С. Н. Гаранин. В историю Колымы он вошел как «кровавый палач», «бесчеловечный садист», «человек, лично расстрелявший не одну тысячу заключенных». Как оказалось, это всего лишь легенда, досужий вымысел, которые не подтверждаются исследованными автором документами*. На самом деле С. Н. Гаранин не принимал участие в репрессиях, проводимых УНКВД по ДС, не входил в состав его тройки, никого не пытал, не расстреливал и на Колыму попал совершенно случайно.

*Автор, единственный из магаданских исследователей, ознакомился с архивно-следственным делом С. Н. Гаранина в архиве УФСБ по МО; С. Н. Гаранин реабилитирован в 1990 г.

«В 1937 году, в начале октября, — показывал он позднее, — мне объявили, что я уволен приказом наркома из пограничных войск НКВД за то, что женат на дочери кулака и что родственники жены нелегально бежали в 1930 г. в Польшу. По указанию б. наркома внутренних дел Белоруссии Бермана и начальника УПО Емельянова... я был направлен в Москву... В Москве был принят начальником командного отдела ГУПВО Аугол, затем Кручинкиным, нач. ГУПВО, и начальником оперативного отдела..., но бесполезно. Около месяца я добивался восстановления, обивал пороги этих начальников для того, чтобы хоть какую-нибудь дали работу. В течение этого месяца я полуголодный, совершенно без денег, перебивался кое-как, ночевал на вокзалах, и только в ноябре я случайно в наркомате встретил Леплевского б. наркома Белоруссии (так в тексте. — А. К.), который, выслушав меня о моих мытарствах после увольнения, пообещал переговорить обо мне с Фриновским о приеме на работу. Леплевский свое слово сдержал, и в этот же день я был вызван к Фриновскому, ответил на несколько вопросов Фриновского о причине моего увольнения. Фриновский тут же дал указания Кручинкину выдать мне 1000 рублей денег, а мне явиться к начальнику особого отдела НКВД Николаеву для переговоров. Беседа с Николаевым была короткой, он предложил мне вызвать в Москву мою жену и явиться вместе с ней для допроса. На этом беседа была закончена, и я ушел. Николаева я раньше не знал и после этой встречи больше никогда не видел, так как через два дня после этой встречи с Николаевым меня вызвал к себе Павлов... и объявил мне, что я назначен к нему на работу в Дальстрой начальником лагеря. Предложил мне быстро оформить документы и выехать на Колыму. При этом предупредил меня, что никуда ходить не нужно, так как вопрос о моем назначении везде согласован. Я позвонил по телефону секретарю Николаева, дал ему адрес моей жены, а сам уехал на Колыму, но жену так и не вызвали на допрос...»*.

На Колыме С. Н. Гаранин работал под жестким контролем К. А. Павлова. При определении и проведении лагерной политики он по сути дела выполнял функции статиста. Все основные распоряжения, в том числе и об увеличении рабочего дня заключенным Севвостлага «до 16 часов рабочего времени», были изданы лично К. А. Павловым, который в С. Н. Гаранине видел лишь исполнителя, поэтому определил его местопребыванием прииск «Мальдяк», где проходили основные золотодобывающие работы в 1938 г. Оттуда он не торопился его отозвать даже тогда, когда пришли с «материка» компрометирующие материалы.

«Будучи уже на Колыме, — свидетельствовал позднее начальник политотдела Дальстроя Ю. Г. Гаупштейн, — я получил из отдела кадров НКВД СССР партийно-следственное дело... Рассмотрев дело Гаранина..., я пришел к выводу, что политически Гаранин не заслуживает доверия партии и подлежит исключению... Об этом своем мнении я сообщил начальнику Дальстроя Павлову. Павлов согласился со мной, но отказался вызвать Гаранина с прииска «Мальдяк», куда был послан Гаранин на все лето, предложил мне решить вопрос о Гаранине после краевой партийной конференции, куда я должен был выехать. Гаранина в Магадане также в это время не было, он был на прииске «Мальдяк». Таким образом, решение о Гаранине хотя и было предрешено мной и Павловым, но окончание его было отложено...».

Вскоре после этого Ю. Г. Гаупштейн выехал на Дальневосточную краевую конференцию в г. Хабаровск. Назад он возвращался через г. Владивосток вместе с ехавшим из Москвы В. М. Сперанским. Начальник УНКВД по ДС (получивший звание капитана госбезопасности) сообщил Ю. Г. Гаупштейну «о новостях в Москве, об аресте Рошала (бывш. нач. политотдела ГУПВО НКВД СССР. — А. К.), Леплевского (бывш. наркома внутренних дел БССР. — А. К.), Заковского (бывш. нач. УНКВД по Ленинградской области. — А. К.)», а тот рассказал ему «о полученном деле на Гаранина» и необходимости «исключать его из партии».

Однако дальнейшие события отстранили Ю. Г. Гаупштейна от этого дела. 13 августа 1938 г. он издал приказ № 62 по политотделу Дальстроя, в котором говорилось: «Сего числа прибыл из командировки гор. Хабаровск и вступил в исполнение своих обязанностей» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, л. 107, л. 39]. Как оказалось, это был последний приказ Ю. Г. Гаупштейна. По пришедшим на него компрометирующим данным из НКВД СССР он был арестован, и приказ № 63 по политотделу Дальстроя от 14 августа 1938 г. подписал уже врио начальника политотдела Павел Ильич Новиков [Там же. Л. 40].

В то же время В. М. Сперанский также стал собирать на С. Н. Гаранина компрометирующий материал местного характера. 10 сентября 1938 г., когда, на его взгляд, этого материала было достаточно, он отправил его в Москву сразу трем адресатам: заместителям наркома НКВД СССР М. П. Фриновскому и С. Б. Жуковскому, а также ранее упоминаемому Н. Г. Николаеву.

В донесении В. М. Сперанский сообщил: «Оперативные удары, которые были нанесены по лагерю, не закрепляются организацией самого лагеря как внутри, так и на работе. Несмотря на ряд требований к нему, большинство лагерных пунктов находится в антисанитарном состоянии, заражены шашми, и Павлову приходится непосредственно самому заниматься лагерем. Отсутствие работы лагеря вызывает большую смертность. Так, в последнюю пятидневку августа умерло 290 заключенных.

*Жена приехала к С. Н. Гаранину вместе с сыном Анатолием в навигацию 1938 г., затем (в один день с мужем) была арестована и в тюрьме покончила жизнь самоубийством.

Лагерь к зиме и тяжелым зимним работам подготавливается плохо. Это будет сказываться на производительности и увеличивать требования Дальстроя на рабочую силу. Прошу санкционировать арест Гаранина. Павлов с материалами подробно ознакомлен, ходатайство поддерживает».

Оказавшись в Магаданской внутренней тюрьме УНКВД по ДС, С. Н. Гаранин держался очень стойко. На допросе, проводимом В. М. Сперанским и его сотрудниками А. Е. Бабиковым, А. И. Барановым, Н. С. Уткиным, он категорически отказался от дачи каких-либо показаний, заявив, что их «будет давать только в наркомате внутренних дел Союза ССР». Когда же С. Н. Гаранин был доставлен в Москву, помещен в Сухановскую, а затем и в Бутырскую тюрьму, то на последующих допросах он также ни в чем не признался (а обвиняли его как польского шпиона и члена антисоветской заговорщической организации, якобы существовавшей в органах НКВД) и при составлении протокола об окончании следствия сказал: «Я не виновен... На Колыме, где я находился 8 месяцев под следствием, ко мне применяли невыносимые меры физического воздействия: стоя допрашивали по 30 суток, не давали кушать и раздетого держали на вечной мерзлоте. Заявляю, что... вопросы ухудшения состояния лагеря, за которые на меня возлагают вину, относятся к действиям самого Сперанского и Павлова, так как они непосредственно распоряжались лагерем, а я, по заданию Павлова, находился на одном прииске».

Возглавлявший ВОХР Севвостлага – военизированную охрану лагерей – Дмитрий Филиппович Кабисский сменил в этой должности летом 1935 г. Ивана Васильевича Образцова, руководившего данной службой с 1932 г. Как и многие другие дальстроевцы он не смог выдержать пыток, применяемых к нему во время следствия. Поэтому на одном из допросов в УНКВД по ДС Д. Ф. Кабисский «показал» о якобы готовившемся восстании на Колыме, которое должно было произойти по ранее разработанному плану.

В сохранившемся протоколе допроса говорится: «План был мною разработан под непосредственным руководством Берзина. В качестве решающей силы была намечена к использованию подготовленная мною и другими участниками организации вооруженная охрана лагеря. Мы ее в значительной мере укомплектовали бывшими бандитами, повстанцами и некоторым количеством бывших военных работников, осужденных в лагере за контрреволюционные преступления, отдельные из них имели законченное высшее военное образование. Ряд политруков и командиров вооруженной охраны я лично обрабатывал и завербовал для повстанческой организации. Оставшуюся здоровую часть я распределил по приискам и командировкам мелкими партиями для того, чтобы заключенные в момент восстания могли быстро их раздавить и забрать оружие. Пулеметы, которых было до полусотни, были сосредоточены в руках членов организации повстанцев. На Севере (в СГПУ. – А. К.) они были распределены на приисках в местах наибольшей концентрации повстанцев, т. е. Север с его лагерем должен был в первый же день расправиться со здоровыми элементами, работавшими в этом управлении и по приискам, и немедленно, внезапным ударом всей мощи лагеря обрушиться на Колымский полк НКВД. В Магадане действия пограничного отряда локализовались военно-троцкистской группой организации в самом погранотряде, которую возглавляли б. нач. погранотряда Орлов, его помощник Пергамент, Рыжов и др. Если бы это не удалось, на помощь должен был прийти дивизион вооруженной охраны в 1000 штыков и организованные повстанческие группы лагеря в морском транспорте. Перед началом восстания участники организации, работавшие в НКВД, Горин, Мосевич, Должков, Кияткин, Архипов должны были при помощи своих людей и надежных стрелков из к-р заключенных изолировать личный состав органов НКВД и несогласных принять участие в восстании ликвидировать. В заключенных лагеря троцкистах, зиновьевцах, иппонах и диверсантах мы не сомневались.

Обработка так называемых бытовиков – грабителей и расхитителей социалистической собственности – лежала на заключенных троцкистах лагеря. От руководителей повстанческих групп, участников организации мне известно, что к концу 1937 года у нас было завербовано в лагере до 1000 человек организаторов и руководителей повстанцев. Идея же, что только путем восстания и перехода под протекторат Японии заключенные могут освободиться и начать открытую борьбу с советской властью, была внедрена широко среди заключенных. Граница была в наших руках, мы организовали на границе поселки колонистов из заключенных за к-р преступления, вооружив их в достаточном количестве нарезным оружием якобы для охоты на морского зверя. Для усиления вооружения повстанцев в 1937 г. Берзин затребовал от Москвы присылки еще 45 пулеметов для нужд вооруженной охраны, дабы иметь решающий перевес над Колымским полком НКВД, о присылке которого уже было известно, но получить нам эти пулеметы не удалось, Москва отказала. К осени 1937 года у нас было готово все, чтобы успешно провести восстание на Колыме. Берзин ждал только известия от руководителей Дальневосточной повстанческой организации; мы не ожидали, что советская разведка разгромила руководящий состав организации правотроцкистского блока на Дальнем Востоке. Озлобленный на неудачи Берзин стал усиленно проситься в Москву в отпуск, рассчитывая быть принятым Сталиным или Ежовым, в надежде успешно совершить над ними террористический акт. Мысль о восстании ни его, ни нас все же не оставила. Когда им было получено разрешение о выезде в Москву, Берзин дал мне установку поднять на одной из отдельных командировок восстание и распространить его на всю Колыму. Мы рассчитывали, что в случае успеха Япония нас поддержит, Берзин же рассчитывал, располагая обширными связями в Москве, на удачное совершение террористических актов. По его заданию я поднял восстание на командировке «Зеленый мыс». Восстание прошло на самой командировке

успешно. Старший стрелок военизированной охраны Верменич – троцкист, бывший военный работник, окончивший Академию генерального штаба, передал оружие повстанцам, арестовал двух неподчинившихся стрелков, организовал печатание и распространение листовок с призывом местного населения присоединиться к восставшим, научил и изготовил вместе с повстанцами гранату и фугасы, приготовил нарты, собачьи упряжки, продовольствие, разработал план нападения на пос. Кресты и городок Нижне-Колымск и донес члену организации, нач. с/х Управления Ткачуку и мне. Это уже совпало с приездом нового руководства. Надо было быстро решить, что делать дальше, т. к. сведения о восстании на командировке «Зеленый мыс» просочились в Магадан. Я вылетел на Зырянку, предварительно уговорив зам. нач. УНКВД Веселкова выехать вместе для проверки правдоподобности сведений о восстании. В Магадане мы распустили слухи, что сведения о восстании неверны и что на командировке ничего не произошло. Новое руководство нас в Магадане не застало, мы уже были на Зырянке, я желал сам возглавить восстание, а в случае неудачи бежать с повстанцами на Аляску. Осуществить мне планы не удалось, были посланы оперативные группы с пулеметами, и повстанцы, окруженные на командировке, сдались. Я еще сделал попытку спасти положение. Предложил оперативной группе план, по которому она, несомненно, была бы уничтожена повстанцами, но они сдались, не приняв боя».

Приведенный протокол допроса Д. Ф. Кабисского является полной ложью, и можно лишь удивляться безудержной фантазии тех, кто приложил руку к его фабрикации. Упомянутые в нем начальник 61-го Нагаевского погранотряда П. Ф. Орлов и начальник штаба погранотряда Семен Леонтьевич Пергамент к этому времени уже были давно арестованы (в начале октября 1937 г.) и находились вне пределов Колымы. Восстание на командировке «Зеленый мыс» произошло в ночь с 22 на 23 ноября 1937 г., т. е. еще до отъезда Э. П. Берзина в отпуск. Оно являлось следствием трудностей со снабжением командировки и упорно циркулирующих слухов о войне с Японией. О подобных слухах, распространявшихся в Севвостлаге, Э. П. Берзин говорил неоднократно. Еще выступая на производственном совещании работников СГПУ 20 октября 1937 г., он отмечал: «Я никогда не поверю, что все те люди, которые осуждены по этим статьям, попадая в лагерь, сразу начали кричать “ура” советской власти... Откуда такие разговоры в лагере, что идет война с Японией и т. д. и т. п.» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 482, л. 62].

Утром 16 декабря 1937 г. командировка «Зеленый мыс» была окружена несколькими отрядами стрелков ВОХРа и резервным отрядом помощника начальника ОЛП КРУ ДС, лейтенанта безопасности П. А. Рудометова. Заключенные сдались, как и упоминал Д. Ф. Кабисский, без боя. После этого он вместе с М. М. Веселковым и помощником оперуполномоченного РО УНКВД по ДС Л. А. Титаренко участвовал в расправе над сдавшимися.

4 января 1938 г. в Магадан была отправлена телеграмма, текст которой мы обнаружили в личном деле начальника командировки «Зеленый мыс» М. Ф. Пупышева: «Молния Магадан УСВИТЛ полковнику Гаранину дополнение двум молниям посланным ваше имя докладываю командировки заняты нами 16 декабря ТЧК порядок наладили полный режим установили изоляторный ТЧК начальником командировки назначен ком. отд. ВОХР комсомолец Радзелич ТЧК требуется немедленная присылка нового заврыбпромом замен старого Пупышева снятого ТЧК подробности проделанной работе откомандировал оперативным порядком подробно изложил шифром адрес Сперанский» [Архив СВЗ, д. 1044, л. 55].

На телеграмме рукой С. Н. Гаранина сделана надпись: «Выслать человека толкового и проверить». Однако проверить, по сути дела, уже ничего не надо было. Еще за неделю до полученной С. Н. Гараниным телеграммы трое зачинщиков восстания на командировке «Зеленый мыс» были расстреляны. На каждого об этом составили акт. Так, в одном из актов было сказано: «1937 года, декабря 28 дня. Мы, нижеподписавшиеся зам. нач. УНКВД по ДС ст. лейтенант гос. безопасности Веселков М. М., нач. ВОХР СВВИТЛ НКВД Кабисский Д. Ф. и пом. оп. уполн. РО УНКВД по ДС Титаренко Л. А., сего числа на основании телеграфного распоряжения УНКВД по ДС за № 1119 привели в исполнение приговор Тройки УНКВД по ДС в отношении приговоренного к расстрелу Лоншакова Николая Лаврентьевича. Приговор привели в исполнение путем расстрела, и труп расстрелянного зарыт».

В этот же день в УНКВД по ДС была составлена справка: «С Зырянки Веселков на наш НР 1119 сообщает, что Лоншакова Николая Лаврентьевича, Яковлева Александра Васильевича и Верменича Митрофана Степановича во исполнение приговора расстреляли 28/XII-37 г.». 15 января 1938 г. были расстреляны и остальные 46 участников восстания на командировке «Зеленый мыс», а само восстание внесено в дело о «Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации».

Сегодня также стало известно, что, находясь под следствием, С. Н. Гаранин написал развернутую объяснительную записку, которая послужила свидетельством против В. М. Сперанского. Ранее она никогда не приводилась, но, на наш взгляд, является одним из наиболее ярких документов своего времени, обличающих произвол и насилие, царившие на Колыме в конце 1937–1938 гг. «Мне известно, – писал С. Н. Гаранин, – каким образом в большинстве своем НКВД добывало показания от арестованных... После ареста арестованному давалось подписать подписку, что он является членом контрреволюционной организации Колымы или шпионом. Если арестованный отказывался подписать такую подписку, его избивали до тех пор, пока он не подпишет. После подписки составлялся протокол в таком духе,

который нужен был следователю, а в большинстве протокол был составлен следователем заранее. Особенно славились в побоях арестованных следующие лица: Ребров, начальник СПО, всегда был выпивши, Бабилов, начальник 3-го отдела, его помощник Баранов. Горский выбил челюсть арестованному Вильвовскому. Дмитриев, Смертин руководили побоями, Сперанский и члены "московской бригады" – капитан Кононович..., Бронштейн, Боген. Методы побоев применялись разнообразные: били кулаками, резиной, проволокой, били по суставам, по ушам. Не разрешали оправляться, от чего пухли половые органы, не давали пить воды. Стойки применялись к большинству арестованных и длились до 30–40 дней, давая посидеть (так в тексте. – А. К.) незначительное время. В тюрьме одевали смиренную рубашку и бросали в карцер. В смиренной рубашке человек мог только дышать, а остальные члены были сдавлены длинными рукавами... На допросах, помимо побоев, отнимали лекарства. Бывший капитан Филиппов рассказывал мне, что Кононович придумывал, как лучше составить протокол допроса и кого сделать участником терракта на Фриновского, когда он был на Колыме в 1936 г., будучи начальником ГУПВО. Выход был найден. Главным террористом был сделан начальник райотдела Каяткин в Хатыннахе. Когда все было оформлено, Кононович был очень доволен и говорил Филиппову, что Фриновскому этот протоколчик понравится... Филиппов также лично говорил мне, что капитан Кононович, советуясь с ним, кого сделать командующим на якобы подготовленное восстание, остановились на фигуре Кабисского. После этого Кононович дал подписать Филиппову заранее подготовленный протокол, что Кабисский являлся членом контрреволюционной организации, и тот тут же был арестован...»

Проходившее 17 января 1940 г. Особое Совецание при НКВД СССР приговорило С. Н. Гаранина «за участие в контрреволюционной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет». Немаловажную роль в этом сыграли «показания» тогда уже также арестованного (6 апреля 1939 г.), бывшего в последнее время заместителем наркома НКВД СССР, М. П. Фриновского. «Гаранин, – говорил он на допросе 27 апреля 1939 г., – завербован в заговор Радиным, бывшим начальником УПВО Белоруссии, во время работы Гаранина начальником одного из погранотрядов Белоруссии... Радин, рассказывая о вербовке Гаранина, сообщил мне, что Гаранин... используется по заговорческой связи с закордоном, ведая нелегальными шпионскими переправами через границу».

Затем, после осуждения, его срок заключения был продлен. Согласно справке 1 отдела Печерского ИТЛ МВД СССР, «Гаранин Степан Николаевич умер 9/VIII 1950 года». По сравнению с ним, больше «повезло» прокурору А. М. Саулепу. Арестованный 17 января 1938 г., он содержался в Магаданской внутренней тюрьме УНКВД по ДС, но 30 января 1939 г. уже был освобожден. Прошедший, как и другие, физические издевательства и пытки, он тем не менее писал: «Будучи прокурором Севвостлага НКВД, я неоднократно ставил вопрос перед вышестоящими судебными-прокурорскими органами о том, что суд в своей работе не обеспечивает необходимой карательной политики... Также неоднократно об этом говорил на партсобраниях суда и прокуратуры... До моего прибытия в качестве прокурора... за все время существования прокуратуры было возбуждено не более 20 дел по ст. 58 УК, а за мою работу с ноября 1936 года по 17 января 1938 г. было возбуждено... более 100 дел. Разгромлена вся верхушка исторической контрреволюции, сосредоточенная со всех концов Сов. Союза в Севвостлаге».

К этому добавим, что во время следствия по делу «о вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации», не вынеся издевательства и пыток в тюрьме, часть арестованных из руководящего и вообще вольнонаемного состава дальстроевцев скончалась. В их числе были: секретарь парткома Управления морского транспорта ДС Ян Рейнович Озолин (19 февраля 1938 г.), заведующий рыбными промыслами КУСиПХ Михаил Федорович Пупышев (18 сентября 1938 г.), начальник КУСиПХ Иван Степанович Ткачук (20 сентября 1938 г.), главный врач Магаданской больницы Анатолий Евгеньевич Вартминский (16 ноября 1938 г.), заместитель начальника стройчасти Тауйского сельхозкомбината Антон Августович Перн (13 января 1939 г.), начальник Севвостлага Иван Григорьевич Филиппов (8 мая 1940 г.), начальник ПУСиПХ Александр Павлович Каш (15 июня 1940 г.), заведующий планово-финансовой секцией ПФС ДС Цезарь Маркович Крон (3 сентября 1940 г.). В тюрьме покончили жизнь самоубийством начальник СГПУ Ефим Гамсеевич Левантин (6 августа 1939 г.) и начальник ПФС ДС Лев Маркович Эпштейн (3 сентября 1940 г.).

Аресты и пытки в тюрьме, заседание тройки УНКВД по ДС и расстрелы сопровождалась целенаправленной работой по стиранию у людей какой-либо памяти о прежнем руководстве Дальстроя, о всем том положительном, что было сделано им за прошедшее время. 24 декабря состоялся митинг рабочих, служащих, инженеров и техников авторемонтного завода. «В ознаменование начала 3-й сталинской пятилетки, – говорилось в принятой на нем резолюции, – мы хотим, чтобы одна из лучших улиц нашего города носила имя нашего дорогого и любимого отца, друга и учителя тов. Сталина, имя того, кто обеспечил нам счастливую и радостную жизнь, кто победоносно ведет нас к полному торжеству коммунизма. Мы просим присвоить лучшей улице города Магадана имя Сталина». 26 декабря 1937 г. президиум Ольского райисполкома принял постановление: «Учитывая ходатайство рабочих, служащих, инженеров и техников авторемонтного завода и общественности г. Магадана..., улицу Берзина переименовать, присвоив ей имя тов. Сталина».

27 декабря 1937 г. в газете «Советская Колыма» было опубликовано и другое предложение, выдвинутое на митинге рабочих магаданского хлебозавода. В принятой тут же резолюции отмечалось:

«Присоединяясь к решению коллектива авторемонтного завода о присвоении самой лучшей улице г. Магадана имени тов. Сталина, мы просим присвоить одной из лучших улиц города имя нашего любимого наркома тов. Ежова».

Ознакомившись с развитием Магадана, учитывая то, что только в течение 1937 г. здесь был возведен ряд капитальных зданий (включая 4-этажную среднюю школу) и вступили в строй важнейшие производства (завод № 2, фабрика-кухня, хлебозавод), К. А. Павлов решил превратить его в настоящий «социалистический город» и отказался от «вражеской» точки зрения бывшего руководства Дальстроя о переносе административного центра на о. Таскан.

С благоволения К. А. Павлова 29 декабря 1937 г. в газете «Советская Колыма» была опубликована статья некоего Н. Р. «Как проектировали вредители». Цель статьи – опорочивание всего прежнего строительства Магадана, обвинение его участников во вредительстве и внедрении заведомо «вражеских» проектов. «На днях, – писал Н. Р., – состоялось производственное совещание сотрудников проектного отдела магаданской стройконторы совместно с начальниками и прорабами стройучастков. Новый начальник проектного отдела стройконторы т. Межибовский рассказал о состоянии проектного дела и о ходе стахановской декады. Докладчик прежде всего обрисовал преступно-низкое качество проектно-сметных материалов. Проекты, если так можно назвать зафиксированные на бумаге отрывки мыслей, представляют собой небрежные наброски. Тем не менее прорабам пришлось строить по этим «ребусам», которые визировали вражеские ручки. На сооружение зданий затрачены громадные деньги, а толку мало. Многие здания, например, гостиницы №№ 2 и 3 в Магадане, не имеют тамбуров, что в условиях Колымы недопустимо. Возмутительные безобразия были допущены при строительстве нового каменного дома на углу улицы Сталина и Колымского шоссе. Пожарные краны сделаны неправильно. В чердачном перекрытии фактически нет термоизоляции. Шлак насыпали прямо на доски (!) и тем ограничались. Главная лестничная клетка сделана с недопустимым уклоном. В нишах у окон не оштукатурено, за батареями санитарные узлы умышленно спроектированы неудовлетворительно – иного вывода не может быть. Уборные малы, унитаз занимает почти все помещение. Благополучно обстояло дело с проектами архитектора Хорунжего, которому приходилось туго. Враги накладывали беспрекословный запрет на творчество этого человека, заставляли его переделывать все лучшие места проектов. Так, было запрещено сделать запроектированную Хорунжим лестницу главного входа средней школы, хотя проект был удачным. Вторично задание поручили врагу Козлову и по его нелепому проекту заставили строить главный вход. Проекты осуществлялись, а в то же время чертежи к ним не подписаны ни начальником проектного отдела Киреевым, ни начальником стройконторы Максовым. Ни один из проектов не был представлен на утверждение научно-технического бюро дирекции. Полная безответственность, которая царила в стройконторе, привела к тому, что документы секретного характера «хранились» в общих папках. Бывший заместитель начальника стройконторы Будзко в своих резолюциях отшучивался, делал на серьезных документах игривые пометки: «В чем дело?», «Расскажите, в чем дело?», «Не имею представления» и т. д. Свои грязные лапы враги приложили и к планировке Магадана. Так называемая «схема» планировки является возмутительным документом вражеского изделия. Этот документ появился на свет в результате работы безграмотных «специалистов», прибранных к рукам вражеской группой. Начальник стройконторы Максов оказался слепым, потерявшим политическое чутье человеком, исполнявшим роль посредника между городским архитектором и бывшим руководством ПФС дирекции треста. К голосу городского архитектора Давыдова никто не прислушивался, да, впрочем, мнение этого специалиста и не спрашивали. Он был фигурой, предназначенной для отвода глаз. Разве не вредительством можно назвать размещение театральной площади в непосредственной близости к Колымскому шоссе, которое является транзитной грузовой артерией города? Ни одна из запроектированных площадей Магадана не дает правильного решения вопроса. То же нужно сказать и в отношении квартальной застройки города... Выступившие в прениях начальники стройучастков Милочкин и Шварц и инженер Паронянц подчеркнули, что проекты водопровода, теплофикации и электросети сделаны вредительски, без учета перспектив развития Магадана; тов. Хорунжий указал, что проекты умышленно уродовали, исключали из них такие детали, отсутствие которых влекло за собой постоянное разрушение вновь построенных зданий. Все столярные детали делали из мокрого мерзлого леса и не по чертежам...»

Говоря о «вредительской» деятельности и о «врагах», статья, подписанная Н. Р., в связи с этим еще не называла имени Э. П. Берзина. Впервые это было сделано в газете «Советская Колыма» 18 января 1938 г. В ней Э. П. Берзин упоминался как «вражеский руководитель», делавший «ставку на развал хозяйства Дальстроя, на стирание всякой грани между преступником, отбывающим наказание по приговору советского суда, и честным советским человеком». В последующих номерах газеты «Советская Колыма» эта идея была развита до абсурда, абсолютно все старое руководство Дальстроя, Севвостлага, ВОХР и т. д. объявлялось «вражеским», «шпионским», «террористическим», «фашистским». Подобный ярлык навешивался и на ряд руководителей строительства Магадана, его предприятий и учреждений.

При этом было необходимо помнить и о положении основной рабочей силы Магадана – заключенных. 23 января 1938 г. начальник Сануправления Дальстроя Е. И. Флейшакер издал приказ, в котором отмечалось: «§ 1. В целях наблюдения за санитарным состоянием командировок и лагподразделений, равно

в целом оказания консультативной помощи для проведения ими медицинской работы и надзора за правильностью таковой,крепить в качестве постоянных врачей к командировкам гор. Магадана и Нагаево следующих врачей: женская командировка – Асенов, Любавина, сан. командировка – Бахромеев, стройподлагунок – Битков, глинобитный городок – Кузьмина, карпункты (карантинные пункты. – А. К.) № 1 и № 2 (постоянный врач) – Фейгенберг, базклады – Попова, Марчекан – Кавцевич, Березовый мыс – Даниленко, производственный комбинат – Яхнина, МЭК (Магаданский энергокомбинат. – А. К.) – Цейтлин, АРЕМЗ (постоянный врач) – Свешников, связь – Битков, торгпищекombинат – Солодин. 23/6 – Осипченко, лесозаготовка – Бабина, кожзавод – Никитина, кирпичный завод – Столповская, уч. комбинат – Глухова, молочная ферма – Амброзиус... § 2. Зав. лечебным отделом в 5 дневный срок инструктировать врачей, прикрепленных к командировкам, выдать им акты осмотра и зафиксировать дни явки врачей... § 3. В этот же срок зав. лечебным отделом совместно с санэпидом созвать инструктивное совещание лектормов командировок. На совещании заострить вопросы: а) о борьбе с вшивостью. б) о борьбе с симуляцией и прогулами, в) об аккуратном стланиковарении и приеме стланика всеми г) о саннадзоре за пищевым блоком. § 4. Всем прикрепленным врачам тщательно ознакомиться со специальной инструкцией, работу проводить строго по последней и неуклонно бороться за повышение саносостояния командировки... § 5. Приказываю всем прикрепленным к работе отнестись с полной серьезностью. Предупреждаю, что о всех отклонениях от инструкции, искривлении ее, отговорках перегруженности и прочим буду докладывать лично начальнику лагеря полковнику Гаранину для наложения на виновного административного взыскания, вплоть до привлечения к ответственности [Архив УЗА МО, д. 2, л. 167–168].

Давая интервью газете «Советская Колыма» 18 января 1938 г., Д. А. Межибовский сказал: «Сейчас мы составляем схему нового Магадана... В схеме показаны те мероприятия, которые будут приняты для благоустройства города. Промышленная зона четко отделена от жилой и административной. Предусмотрено устройство двух площадей: административно-деловой и культурно-бытовой. Кварталы будут комплексными: жилые, отведенные под детские учреждения, школы, клуб. Театральная площадь запроектирована вдали от шумной проезжей части города. От площади – сквер, который тянется вдоль всей главной магистрали нового Магадана – улица имени Сталина. В перспективе – постройка ряда интересных сооружений. В их числе – театр и краеведческий музей. Авторы схемы придадут большое значение реке Магаданке, вдоль которой будет направлен рост нового города. Геологическими изысканиями доказана целесообразность именно этого направления».

Приказом К. А. Павлова от 26 января 1938 г. с 1 января того же года был отменен существовавший в Магадане порядок безвозмездного предоставления населению жилой площади со всеми коммунальными услугами. В связи с этим были введены квартирная плата и оплата всех коммунальных услуг. Ставка квартирной платы взята из постановления Моссовета 1936 г., а максимальная ставка в месяц за 1 м² жилой площади составляла 1 руб. 32 коп. 13 сентября 1938 г. заместитель директора Дальстроя А. А. Ходырев издал приказ «О взимании квартплаты с лиц, проживающих в гостиницах Дальстроя», согласно которому «лица, приезжающие и командировочные», должны были платить «за пользование койкой» 3 руб. в сутки, «включая все услуги (отопление, освещение, вода, уборка, постельное белье)». В то же время «лица, постоянно приписанные к г. Магадану и проживающие в гостиницах Дальстроя», до предоставления жилплощади теперь платили квартплату «в размере 1 руб. в сутки за койку», а за коммунальные услуги – «по фактической себестоимости».

Население Магадана продолжало расти. 22 марта 1938 г. газета «Советская Колыма» сообщила, что в родильном отделении Магаданской больницы с начала года родились 34 мальчика и 27 девочек.

В январе 1938 г. была организована и выделена на самостоятельный баланс контора коммунально-жилищного хозяйства (КЖХ), объединившая «в своем составе предприятия и хозяйства, обслуживающие город Магадан коммунальными и жилищными услугами». В КЖХ вошли: 2 электростанции, котельное хозяйство, водопровод, канализация, несколько бань, прачечных и парикмахерских, саночистка, «водоснабжение в развоз», «ремонтные и дорожные участки работ», «благоустройство города», парк культуры и отдыха. Весной 1938 г. на баланс предприятия был передан «весь жилой фонд поселков Нагаево и Марчекана». Таким образом, сложился так называемый объединенный фонд КЖХ Магадана.

«Жилой фонд города, – отмечалось в отчете за 1938 г., – состоит из мелких разрозненных домов – деревянно-рубленых и каркасно-засыпных, за исключением 2-х каменных жилых домов. В течение 1938 г. было сдано в эксплуатацию 62 рубленых 8-ми квартирных двухэтажных дома площадью 63 300 м². Вновь вводимые в эксплуатацию дома оборудованы ванными, канализацией, водопроводом, центральным отоплением... В связи с необходимостью обеспечения транзитных пассажиров жильем на время их пребывания в Магадане силами жилищной конторы было выстроено три барака каркасного облегченного типа и 11 утепленных палаток. На конец года эти временные помещения были заселены постоянными жителями из вновь прибывших работников, оставшихся работать в Магадане» [ГАМО, ф.р-23сч. оп. 1, д. 3973, л. 2].

Строительство велось очень быстрыми темпами, учитывая новое поступление заключенных, этапированных в бух. Нагаева. В течение навигации 1938 г. из Владивостока было завезено более 70 тыс. заключенных, и их общее количество в Севвостлаге составило около 94 тыс. чел., считая убыль

в связи с отъездом по освобождению, с жертвами тройки УНКВД по ДС и с умершими (свыше 10 тыс. чел.) от голода, холода, непосильной работы, погибшими во время побегов и т. д. Также быстро строили гаражи, котельную и жилые дома за рч. Магадан, где с 15 марта 1938 г. филиал автобазы № 1 был реорганизован в самостоятельную автобазу № 6. Ее начальником назначили В. З. Пивоварова.

15 марта 1938 г. произошла реорганизация отдела радиовещания Управления связи Дальстроя. Вместо него был создан «Магаданский комитет радиовещания при Управлении связи ДС» [Там же. Л. 93].

15 августа 1938 г. КУСиПХ и ПУСиПХ были также реорганизованы в два управления: «Управление сельского и лесного хозяйства ДС с местопребыванием в совхозе “Дукча”» и «Управление рыбопромышленного хозяйства ДС с местопребыванием в колонпоселке Веселая» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 36, л. 100]. Начальником Управления сельского и лесного хозяйства был назначен И. Г. Швец. Он же временно стал исполнять обязанности начальника Управления рыбопромышленного хозяйства [Там же. Л. 101].

4 марта 1938 г. СНК СССР принял Постановление № 260 «О передаче государственного треста “Дальстрой” в ведение Наркомвнудела СССР», в котором говорилось: «1. Передать в ведение Наркомвнудела СССР государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (“Дальстрой”), преобразовав этот трест в Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР (“Дальстрой”). 2. Сохранить за Главным Управлением строительства Дальнего Востока Севера НКВД СССР льготы, ранее предоставленные государственному тресту “Дальстрой”. 3. Поручить Народному Комиссару внутренних дел СССР установить структуру и штабы Главного Управления Строительства Дальнего Севера НКВД СССР» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 34, л. 7].

Постановление СНК СССР № 260 от 4 марта 1938 г. было объявлено приказом НКВД СССР № 079 от 30 апреля 1938 г., а 9 июня 1938 г. увидел свет приказ НКВД СССР № 84 «Об утверждении структуры Главного Управления Строительства Дальнего Севера НКВД СССР», в состав которого вошли 10 производственных управлений (УМТ, УДС, УКС, УСХ, УРПХ, УКРП, СГПУ, ЗГПУ, ЮГПУ, ИГПУ), московское управление с ленинградским, мурманским, новосибирским, владивостокским, иркутским и одесским отделениями, а также «Севосттрудлагерь ГУЛАГа НКВД с непосредственным подчинением начальнику Главного Управления Строительства Дальнего Севера НКВД СССР старшему майору государственной безопасности т. Павлову» [Там же. Л. 6].

25 сентября 1938 г. приказом № 0035 К. А. Павлов объявил структуру «Главного Управления Строительства Дальнего Севера НКВД СССР “Дальстрой”, исходя из приказа НКВД СССР № 00363 от 9 июня этого же года» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 36, л. 152]. Согласно этой структуре Управление уполномоченного ДВКИКа было реорганизовано в административно-гражданский отдел (АГО), особый сектор – в специальный отдел, планово-финансовый сектор – в планово-экономический отдел, бюро главного геолога – в геологоразведочный отдел и Управление комендатуры Нагаево-Магаданского района – в «коммунально-городской отдел ГУСДС», который затем получил наименование городского коммунального отдела – ГКО. Его первым начальником с 11 июня 1938 г. стал Михаил Никитович Прошин [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 48, л. 196].

Поступающие в бух. Нагаева грузы и пассажиры завозились 4 пароходами морского флота Дальстроя. До лета 1938 г. в их состав входили «Дальстрой» (бывший «Ягода»), «Кулу», «Джурма» и «Николай Ежов» (закупленный в Англии в 1937 г.). С открытием навигации в составе морского флота Дальстроя произошли изменения. Пароход «Кулу» был передан Тихоокеанскому морфлоту, однако ему вскоре нашли замену. Закупленный в США пароход (построен в 1919 г., грузоподъемность 3000 т) получил название «Индирикка».

1 июля 1938 г. пароход «Индирикка» отправился из Нью-Йорка. По пути следования он зашел в Гонолулу (Сандвичевы острова) и японский порт Хакодате, где принял на борт закупленный кавасаки. Выйдя из порта 18 июля 1938 г., пароход «Индирикка» спустя два дня уже был во Владивостоке. Взяв там на борт все, что было заказано Дальстроем, он вышел в Охотское море с капитаном Н. Л. Лапшиным. Этот капитан не руководил перегоном «Индирикки», поэтому и сообщил начальнику морского транспорта Дальстроя Н. М. Ципе, что вступил в должность капитана данного парохода «после его принятия от капитана Литвиненко». Вечером 8 августа 1938 г. пароход «Индирикка» впервые вошел в бухту Нагаева. Через два дня он вновь отправился во Владивосток и в течение летне-осеннего сезона совершил еще несколько рейсов. За это время в бух. Нагаева было завезено 9744 т груза и 2241 пассажир, вывезено из бух. Нагаево 121 т грузов и 1364 пассажира.

13 августа 1938 г. народный комиссар НКВД СССР Н. И. Ежов издал приказ № 00527, в котором пересматривался «порядок перевозки драгоценного металла, следуемого из Дальстроя через Владивосток в Москву». В связи с тем, что он не обеспечивал «быстроту доставки и сохранность», надлежало: «1. Начальнику пограничных и внутренних войск НКВД СССР комдиву Ковалеву пограничный корабль “Дзержинский” на август и сентябрь поставить на маршрут Нагаево – Владивосток через Татарский пролив с задачей перевозки ценных металлов Дальстроя, обеспечив за это время не менее 7 рейсов. Остальными двумя кораблями с той же задачей по указанному маршруту сделать по одному рейсу... 2. Начальнику Главного Управления Дальстроя старшему майору государственной безопасности т. Павлову и начальнику УНКВД по Дальстрою старшему лейтенанту госбезопасности т. Сперанскому: а) из Нагаево во Владивосток металл отправить погранкораблями ГУПВО НКВД СССР Татарским

проливом партиями от 3-х до 5-ти тонн; б) во главе фельдъегерских бригад, сопровождающих металл из Нагаево во Владивосток, выделять оперработников не ниже начальника отделения УНКВД в) все фельдъегерские бригады, сопровождающие металл, лично проверить, усилить количественно и укрепить вполне проверенным и надежным составом; г) проверить всю систему доставки металла с приисков в Нагаево, обеспечить быстроту и сохранность доставки. 3. Начальнику Управления НКВД по Дальневосточному краю ст. майору т. Горбач: а) не допускать накопления металла в Владивостоке и поступающие партии немедленно отправлять в Москву с первым отходящим курьерским поездом в отдельном вагоне; б) для сопровождения вагонов в Москву в каждом отдельном случае выделять оперработников не ниже оперуполномоченного, опытных, тщательно проверенных фельдъегерей и проверенный состав красноармейцев; в) сопровождающую вагон команду красноармейцев, помимо имеющегося у нас личного оружия, снабжать двумя пулеметами и соответствующим количеством гранат».

Начальник 3-го управления НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Б. Д. Берман дал указание о наблюдении за следованием от Владивостока до Москвы и оказании содействия сопровождающим. Одновременно с этим полный список всех оперработников и фельдъегерей, выделенных для сопровождения металла на пароходах и по железной дороге от бух. Нагаева и до Москвы, был представлен лично Н. И. Ежову.

В течение 1938 г. в Магадане был создан театр им. М. Горького и открыт горный техникум. Формирование первого произошло на базе театрального коллектива Центрального клуба райкома Союза (ЦК РК) рабочих золота и платины, второго – на базе магаданского педтехникума. Весной 1938 г. в состав ЦК РК Союза были зачислены 12 вольнонаемных актеров: Н. Н. Гапанюк, И. И. Глазунова, Н. С. Головин, К. И. Дорогин, Е. Ф. Казаков, А. П. Карпович, А. А. Клементьева, Н. Я. Колосов, В. Я. Обольская, Е. М. Соколовская, Н. П. Сысолятин, М. Н. Юдина. На должность режиссера-актера приняли К. М. Михайлову, заведующим постановочной частью – А. М. Мармонта, пианисткой – Н. И. Лобович, заведующим костюмерным цехом – Е. А. Демину. Вместе с ними в штат ЦК РК Союза также зачислены 8 заключенных: актеры Н. Т. Горбунов, В. И. Мекшан, Ф. И. Родин, А. Ф. Каплун, А. Ф. Сыромятников, Т. Т. Трофименко, Н. М. Шумский, художник-декоратор и бутафор П. Я. Асмус.

Выступать всем вместе им пришлось недолго. С 11 мая 1938 г. был освобожден от работы актер Н. Н. Гапанюк. Спустя полмесяца в театр ЦК РК Союза приняли актрису А. Г. Горохову, но по разным причинам перестали выступать такие актеры, как Е. Ф. Казакова, А. П. Карпович, А. А. Клементьева, Е. М. Соколовская. Одновременно с ними были вынуждены уйти актеры-заключенные. «На основании устного распоряжения председателя РК Союза т. Кустовского, – говорится в документе, – с 4 июня освобождаются от работы драмкружка Центрального клуба з/к з/к актеры: Горбунов, Мекшан, Шумский, Трофименко, Сыромятников, Родин» [ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 57]. Они ушли потому, что руководство Дальстроя во главе с К. А. Павловым резко ужесточило лагерный режим и в течение промывочного сезона отправляло заключенных для горнодобывающих работ на прииски. Несмотря на это коллектив ЦК РК Союза летом 1938 г. осуществил несколько постановок, среди которых выделялась «Бешеные деньги» по пьесе А. Н. Островского. Она была показана делегатам IV Всесоюзной партийной конференции, в числе которых, кроме К. А. Павлова и его заместителя А. А. Ходырева, находились начальник политотдела Дальстроя Ю. М. Гаупштейн, начальник УНКВД по ДС В. М. Сперанский, начальник Севвостлага С. Н. Гаранин.

Приблизительно в эти дни, но не ранее 22 июня 1938 г., ЦК РК Союза было присвоено имя А. М. (или М.) Горького. Конкретных документов по этому поводу не обнаружено. Однако в газете «Советская Колыма» от 22 июня 1938 г. было опубликовано объявление: «Сегодня в Магадане. Клуб имени А. М. Горького (бывший райкома Союза) – новый звуковой кинофильм “Если завтра война”». А затем уже идут документы. Впервые в документах как «клуб райкома Союза имени А. М. Горького» он стал называться 23 июня 1938 г. Спустя шесть дней его заведующим назначили Г. Е. Филипповича. 1 июля 1938 г. приказом по Дальстрою «Рабочий клуб имени Максима Горького» передан «на баланс Управления Магаданской комендатуры» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 35, л. 79].

Через 10 дней в своем распоряжении Г. Е. Филиппович поставил название «клуб-театр имени М. Горького при Управлении комендатуры» [ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 65]. 7 августа 1938 г. он же впервые подписал «распоряжение № 41 по театру им. М. Горького Управления комендатуры» [Там же. Л. 69]. С 27 сентября по 19 ноября Г. Е. Филиппович издавал только «приказания», а театр сменил свое подчинение и перешел в ведение Городского коммунального отдела Дальстроя (ГКОДС). 17 ноября 1938 г. в «приказании» Г. Е. Филипповича впервые появилось название «Магаданский драматический театр им. Горького ГКО ГУС ДС НКВД». К этому времени на его сцене стали выступать такие вольнонаемные актеры, как Л. А. Клорштейн, М. Г. Удольская, Т. А. Шубин, В. Ф. Неделько, Г. Б. Стельмахович, Н. В. Виноградский (Малой), Н. Е. Ходорович, Е. И. Орлова, А. А. Перлин, А. Е. Пылаев, Т. М. Чадук-Ага. Все они были приглашены с «материка», куда специально выезжал режиссер Г. Н. Кацман, которого с 25 ноября 1938 г. вновь назначили художественным руководителем драмтеатра им. М. Горького. Сразу после приезда он приступил к постановке спектакля «Огни маяка».

28 сентября 1938 г. «в целях обеспечения горных управлений Дальстроя квалифицированными среднетехническими кадрами и вовлечения в социалистическое промышленное строительство местного национального населения» заместитель начальника Дальстроя А. А. Ходырев подписал приказ об организации Магаданского горного техникума в составе отделения эксплуатации россыпных месторождений и геологоразведочного отделения [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 38, л. 71]. Первоначально он располагался на 4-м этаже Магаданской средней школы, где до этого находились педучилище и советская школа. Теперь, в связи с организацией горного техникума, с 1 октября 1938 г. они упразднялись, но часть их учащихся зачислялась в это новое учебное заведение. Первым директором горного техникума был назначен Т. Н. Бурцев [Там же]. С 15 ноября 1938 г. его сменил В. А. Лобанов [Там же. Д. 40, л. 161].

6 апреля 1938 г. газета «Советская Колыма» сообщила, что «студент Охотско-Колымского техникума национал И. Хабаров (ныне инструктор политотдела ДС) вместе с преподавателем техникума К. Новиковой перевел на эвенский язык сказку А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»». Оформление книги выполнил художник Петр Алексеевич Пеняев, одно время руководивший художественным отделом редакции газеты «Советская Колыма» (редакторы: с 20 февраля 1938 г. – Ольга Ивановна Пожарнова, с 18 апреля 1938 г. – Николай Иванович Тарачешников).

Первоначально «Сказка о рыбаке и рыбке» на эвенском языке была издана в Магадане, а затем – в Ленинграде. Один из ее переводчиков, Иван Варфоломеевич Хабаров, в октябре 1939 г. перешел в редакцию первой эвенской газеты «Оротты правда» и до 1 января 1941 г. был ее последним редактором. В 1938 г. в переводе Агафьи Николаевны Аруевой (она училась на курсах политпросветработников в советско-колхозной школе) и Клавдии Александровны Новиковой также вышла в Магадане из печати книга «Сказка о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина. Одновременно готовилось издание других, переводимых на эвенский язык книг. «Готовя к XX-летию ВЛКСМ подарки матери-родине, – писала «Советская Колыма», – комсомольцы, молодые орочи работают над переводом новых книг на орочельский (эвенский. – А. К.) язык. Алексей Хаей и Иван Хабаров переводят на орочельский язык письмо т. Иванова и ответ товарища Сталина. Молодые колхозницы-комсомолки из Наяхана Катя Духинова, Варвара Кириллова, Агафья Аруева и Борис Духинов заняты переводом книги «Детские и школьные годы Ильича». Не забыта и детская литература. Сотрудник «Орочельской правды» (русское название «Оротты правды» – А. К.) Алексей Хаей начал переводить «Сказки дедушки Римуса» [Басов, 1938].

21 июня 1938 г. газета «Советская Колыма» поместила информацию, касающуюся парка культуры и отдыха: «В мае прошлого года бойцы 3-го взвода военизированной охраны поймали на Медвежьих островах (близ бухты Амбарчик) белого медвежонка. Доставленный в Зырянку медвежонок, получивший кличку «Мишка», жил на воспитании у бойцов. Медвежонок оказался очень умным. Быстро прирученный, он развлекал своими проказами жителей поселка. Специальной дрессировкой зверя занимались бойцы М. Сизов и М. Петров. Несколько дней назад бойцы доставили Мишку в Магадан в подарок зверинцу парка культуры и отдыха. Возраст Мишки – 1 год и 3 месяца. Весь день окруженный толпой любопытных, он купается в поставленном для него железном корыте. В ближайшее время Мишка будет переведен в новое, специально для него сооруженное помещение. Здесь он сможет вдоволь купаться в бассейне» [Полярный..., 1938].

Согласно новому приказу К. А. Павлова, с 1 декабря 1938 г. учащимся горного техникума была установлена следующая стипендия: а) на подготовительных и первых курсах техникума успевающим на «отлично» – 420 руб., на «хорошо» – 390 руб., на «посредственно» – 360 руб.; б) на втором курсе успевающим на «отлично» – 430 руб., на «хорошо» – 405 руб. и на «посредственно» – 380 руб.

Происходившая в это же время реорганизация привела к преобразованию отдела капитального строительства Дальстроя (ОКС ДС) в Управление капитального строительства Дальстроя (УКС ДС), а Управление капитального строительства – (с 1 января 1939 г.) в монтажно-строительное управление Дальстроя (МСУ ДС). Начальником нового управления был назначен Н. В. Митасов. Проводимая реорганизация объяснялась широтой разворачиваемых работ, намечаемых и осуществляемых в связи с составлением нового генерального плана Магадана. Не менее ответственные задачи возлагались К. А. Павловым на созданное 16 января 1939 г. бюро городского архитектора. В его состав вошли 3 чел.: городской архитектор, геодезист и чертежник. Городским архитектором стал Д. А. Межибовский. Его главная задача состояла «в правильной застройке города Магадана и прилегающих поселков (Нагаево, Марчекан) с точек зрения архитектурного благоустройства и экономики». Осуществлять эту задачу при дефиците необходимых средств и минимальном штате сотрудников оказывалось далеко не просто.

«Магадан и Нагаево, – писала 16 апреля 1939 г. газета «Советская Колыма», – постепенно сливаются в один большой город с многочисленным населением. В течение ближайших лет число жителей Магадана увеличится в 2–3 раза. Архитектором Межибовским был составлен проект и эскизные наброски планировки Магадана. После внимательного изучения от многих предложений Межибовского пришлось отказаться. Сейчас над планировкой города работают архитектор Миронов и инженер-экономист Бутягин. Оставив намеченное деление города на две зоны – промышленно-заводскую и жилую – они при составлении проекта берут за основу имеющиеся экономические данные о перспективах развития города. В частности учтена необходимость предоставить хорошее жилье транзитным пассажирам, приток которых из года в год будет увеличиваться. Закончены уже отдельные архитектурные разработки и технические проекты».

Вместе с тем обстановка конца 1938 – начала 1939 г. была в Магадане чрезвычайно сложной. Большой завоз этапированных заключенных, несвоевременная отправка их по Колымской трассе в горнодобывающие районы привели к необычайно острой жилищной проблеме. Получалось, что не только они, но и вольнонаемные работники Дальстроя, проживающие в общежитиях, «транзитных городках», были необычайно стеснены, так как от них требовали «уплотнения», предоставления любой площади для вновь прибывших. Желая разрядить сложившуюся обстановку, руководство Дальстроя пошло на расселение людей в совершенно непригодных, недостроенных помещениях, что привело к распространению антисанитарии, появлению простудных и заразных заболеваний, оканчивающихся смертельным исходом.

Переполнение Магадана заключенными привело к невозможности создания для них необходимого (согласно гугаговским инструкциям) режима содержания. Выступая на оперативном совещании руководящего состава, 22 декабря 1938 г. начальник ВОХР П. А. Григорьевич сказал: *«Мы имеем много побегов... Имеются случаи грубого обращения с з/к з/к и избивание. Имеется связь стрелков первого дивизиона с з/к з/к... З/к з/к распустили по городу Магадану, ими город наводнен... Сегодня утром милиция задержала 50 человек з/к з/к в городе»* [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 105, л. 116].

Положение не изменилось и в начале 1939 г. Об этом (но соблюдая известную секретность) стала писать газета «Советская Колыма», надеявшаяся на какие-то действенные меры со стороны руководства Дальстроя. Такие меры, конечно, принимались, но очень и очень медленно, бесчеловечно. Тогда редактор газеты «Советская Колыма» И. И. Осьмаков (назначенный на эту должность 8 октября 1938 г.), сотрудники редакции газеты П. С. Ромашов и А. П. Ягненков решили как члены партии сообщить о творившихся, на их взгляд, безобразиях в Магадане лично И. В. Сталину.

Отправить телеграмму такого содержания они самостоятельно не могли, поэтому решили использовать возникшие трения между К. А. Павловым и В. М. Сперанским. Обратившись к последнему не только как к начальнику УНКВД по ДС, но и как к коммунисту, И. И. Осьмаков, П. С. Ромашов и А. П. Ягненков уговорили его оказать помощь, и телеграмма ушла для передачи И. В. Сталину*.

«Телеграмма была послана через Сперанского, – рассказывал И. И. Осьмаков. – Материал я писал, который был взят от корреспондентов, от беспартийных и коммунистов... Я, передавая телеграмму через Сперанского, ничего особенного в этом не усматривал... В основном телеграмма характеризовала стиль работы тов. Павлова как руководителя, указывала о двойном планировании, о штурмовщине и т. д. ... После того как передали телеграмму в Москву, мы попросили у Сперанского отдать нам телеграмму или копию, на что Сперанский нам сказал, что он ее уничтожил... Через Сперанского телеграмму я передал потому, что Сперанский был членом партии, начальником УНКВД».

12 января 1939 г. К. А. Павлов отстранил И. И. Осьмакова от должности редактора «Советской Колымы». 13–16 января (пятница – понедельник) проходило «собрание партийной организации Магадана и Нагаева». В последний день собрания К. А. Павлов зачитал пришедшую от И. В. Сталина телеграмму и затем в двухчасовой заключительной речи «*вскрыл социальные корни, приведшие газету “Советская Колыма” и ее бывшего редактора Осьмакова к грубым политическим ошибкам*» [Сплоченность..., 1939].

В телеграмме, зачитанной К. А. Павловым, говорилось: *«Нагаев. Газета “Советская Колыма” Осьмакову, Ромашову, Ягненкову. Копия: Дальстрой Павлову. Получил длинную телеграмму Осьмакова, Ромашова, Ягненкова с жалобой на порядки в Дальстрое и на недостатки в работе Павлова. Телеграмма не учитывает трудностей в работе Дальстроя, специфических условий работы Павлова. Телеграмму считаю демагогической и необоснованной. Газета должна помогать Павлову, а не ставить палки в колеса. Сталин».*

После этого «президиум собрания партийной организации Магадана и Нагаева» направил И. В. Сталину ответную телеграмму: *«Большевики Колымы получили все Ваши телеграммы, которые вдохновляют нас на выполнение плана 1939 года, на борьбу со всеми трудностями нашего роста в условиях Крайнего Севера. Большевики Колымы понимают обстановку, в которой они работают. Всем нытикам и маловеерам, сеющим ложь и клевету, испугавшимся трудностей, дадим большевистский отпор. Ваши телеграммы еще теснее сплотили большевиков Колымы на выполнение металлодобычи 1939 года. Заверяем Вас, родной и любимый вождь, друг и учитель, что мы мобилизуем все силы и задачи, поставленные партией и правительством, большевиками Колымы будут выполнены».*

После этого И. И. Осьмаков был направлен на работу в Управление автотранспорта Дальстроя. Немного позднее П. С. Ромашов и А. П. Ягненков также получили другие назначения. В то же время 1 февраля 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 252 работника Дальстроя были награждены орденами и медалями. К. А. Павлов был награжден орденом Ленина, А. А. Ходырев – орденом Трудового Красного Знамени. В числе награжденных оказался и ряд работников УНКВД по ДС, «отличившихся» по делу о «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». А. В. Барченко был награжден орденом Красной Звезды, Б. И. Заботин, С. П. Лазарев, М. П. Радин и В. А. Смергин – орденом «Знак Почета», А. Ф. Бабилов – медалью «За трудовую доблесть». Такой же медалью был награжден и прокурор Севвостлага и Дальстроя Л. П. Метелев.

*Данный факт вводится автором на основе документов ЦХСД МО.

В начале 1939 г. И. В. Сталин принял приехавшую в Москву делегацию дальстроевцев. «Особенно ясно почувствовал я заботу т. Сталина о работе Дальстроя, о его людях и кадрах, — вспоминал комбриг А. А. Ходырев, — самом ценном капитале нашей страны, во время приема товарищем Сталиным меня и т. Меерсона и Лепковского. Эта встреча с вождем народа, встреча с великим Сталиным, у меня сохранится в памяти на всю жизнь. 23 февраля 1939 г. ночью Сталин принял нас, работников Дальстроя, находящихся в Москве, у себя в Кремле. Представлял нас вождем народов народный комиссар тов. Берия. Входим в приемную к вождю. В комнате — длинный стол. Справа от него — небольшой письменный, с бумагами и книгами. Товарищ Сталин встал нам навстречу. Мы представились. Товарищ Сталин пригласил сесть. С первых же минут улеглось волнение. Теплота в обращении, внимательность вождя, его конкретные, простые вопросы — все это вернуло нам спокойствие. Я рассказал товарищу Сталину о Колыме, о ее богатствах, о работе. Он внимательно выслушал, но, как после выяснилось из его вопросов и дальнейшей беседы, он уже знал о Колыме немало, вплоть до мелочей нашей работы» [Ходырев, 1939].

2 февраля 1939 г. К. А. Павлову было присвоено звание комиссара государственной безопасности 2-го ранга (знаки отличия, как у командарма 2-го ранга, затем — генерал-лейтенант). Его власть и влияние значительно укрепились. Этого нельзя было сказать о В. М. Сперанском, на которого стал поступать «компромат» к К. А. Павлову.

Так, помощник начальника 4-го отдела УНКВД по ДС младший лейтенант госбезопасности Я. Л. Атлас в рапорте от 10 февраля 1939 г. докладывал: «Безусловно, что то положение, в котором находится сейчас Управление, относится за счет той системы руководства, поведения и авторитета, которую имеет само руководство в лице капитана госбезопасности тов. Сперанского... Сам Сперанский — это человек безусловно разложившийся, не любит критики, а от самокритики далек. Окружил себя этой законченной проституткой латышкой Бауман. Несмотря на возмущение всего Управления, он на это дело не обращает внимания. Это в то время, когда известно, что отец ее арестован, что сама она была связана с шпионами и, несмотря на то что она числится уволенной с 1-го февраля 1939 года, она и на сегодня продолжает работать. Вот этот, с позволения сказать, руководитель, член партии Сперанский в начале января этого года вздумал проехать по трассе, т. е. по райотделениям, и буквально устроил увеселительную прогулку в сопровождении секретаря Григорьева, фаворитки Бауман, своей дочери, которую он воспитывает в своем духе, и коменданта. На Хатыннах он прибыл со своей этой свитой, точно не помню, но, кажется, 6 января вечером, и с того дня он пролежал в квартире начальника РО Смертина до отъезда, т. е. до 10 числа, и только в день отъезда он на два часа вышел в райотделение».

В дополнение к рапорту Я. Л. Атласа были выявлены сведения, характеризующие взаимоотношения В. М. Сперанского и В. А. Смертина. В связи с этим в еще одной докладной указывалось: «А о том, что Смертин был особенно близок к Сперанскому, говорят следующие факты. Во-первых, Сперанский незаконно выдал две тысячи рублей Смертину на свадьбу из денег, изъятых у арестованных. Во-вторых, будучи в Хатыннах, Сперанский несколько дней не выходил на работу, а сожительствова на квартире Смертина с подозреваемой в шпионаже Бауман, в то время как на прииске имени Водопьянова существовала крупная повстанческая организация, которую надо было немедленно ликвидировать. В-третьих, Смертин безропотно выполнял вредительские указания Сперанского, участвовал в массовых арестах, лично сам истязал людей и на попытку некоторых сотрудников критиковать эту работу всегда получал защиту и поддержку Сперанского».

После снятия наркома НКВД СССР Н. И. Ежова и назначения Л. П. Берия, конечно, дошла очередь и до В. М. Сперанского. 29 апреля 1939 г. он был арестован и отправлен в Москву. Согласно справке по архивно-следственному делу, после ареста В. М. Сперанского «УНКВД по ДС и прокуратурой было прекращено как необоснованно возбужденных 282 дела и освобождено из-под стражи как незаконно арестованных, 274 человека».

Освобожденные из Магаданской внутренней тюрьмы УНКВД по ДС, претерпевшие моральные и физические пытки, были сильно истощены, болели, обращались за помощью в поликлинику, больницу, к руководству Дальстроя и Колымского райкома союза золота и платины. Например, по заявлению Н. Я. Ромашева (находился под следствием 16 мес) на заседании президиума Колымского райкома союза золота и платины 21 июля 1939 г. было решено предоставить ему «диет-питание на один месяц за счет соцстраха и выдать безвозвратную ссуду в сумме 500 рублей» [ГАМО, ф.р-26, оп. 1, д. 6, л. 50]. В этот же день были предоставлены «диет-питание на один месяц за счет соцстраха» А. Г. Князеву (находился под следствием 15 мес), М. В. Сергеевой (находилась под следствием 13 мес), А. А. Гетцель (находился под следствием 12 мес), М. А. Дегтяреву (находился под следствием 12 мес), Т. П. Созоновой (находилась под следствием 11 мес), безвозвратная ссуда С. П. Беляеву «в сумме 1500 рублей» и Т. В. Сидлеру «в сумме 1000 рублей» [Там же. Л. 51–52].

М. В. Сергеева (заместитель председателя отделения Далькрайсуда) после выхода из тюрьмы находилась в таком трансе, что, подавая 25 августа 1939 г. заявление о восстановлении в партии в парткомиссию Дальстроя, без всяких знаков препинания и с ошибками писала: «Прошу восстановить меня в партии я сама доч рабочего железнодорожника и 21 год не имею ни одного взыскания меня не исключали без меня арестовали 21 июня 38 года просидела 13 месяцев сейчас освободилась прошу разберите

мне нужно лечь в больницу умоляю вас». 2 декабря 1939 г. она была уволена из Дальстроя «ввиду выезда на "материк" по болезни» [Архив СВЗ, д. 7587, л. 12].

Освобожденный из тюрьмы 25 декабря 1939 г. бывший работник политотдела Дальстроя Н. И. Тарачешников обратился 19 февраля 1940 г. с заявлением к И. Ф. Никишову. «В период моего нахождения под следствием в течение 16 с половиной месяцев, — писал он, — потерял заработную плату, процентные надбавки и отпускное время... Во время моего ареста моя жена, пенсионерка НКВД, инвалид II-й группы по случаю туберкулеза легких и болезни сердца, не получая от меня материальной поддержки, чтобы прокормить себя, малолетнего сына и престарелую больную мать, вынуждена была поступить на работу, в результате чего вновь подорвала свое здоровье и заболела. За время моего нахождения под арестом все мои вещи, сданные в склад на хранение, оказались разворованы, и я остался в том, в чем был взят при аресте. Кроме того, мое здоровье, по заключению ВТЭК от 9 февраля с. г., также пошатнулось, требует соответствующего лечения. Поэтому прошу Вас, учтя мою работу в ДС в 1937–1938 гг. по должности культпрома политотдела ДС и ответственного редактора газеты "Советская Колыма", дать распоряжение о выплате мне увеличенного выходного пособия. Одновременно с этим прошу Вашего распоряжения о выдаче мне хотя бы одной пары брюк, т. к. единственные брюки, уцелевшие на мне перед арестом, настолько изношены, что просто не в чем выехать в Москву» [Архив СВЗ, д. 13215, л. 26].

Между тем на одном из допросов В. М. Сперанский показал: «Моя преступная деятельность на Колыме заключалась в том, что я вместе с участниками бригады НКВД СССР Кононовичем, Богеном, Венициким и Бронштейном культивировал методы ведения следствия, выражавшиеся в "стойках" (заставляли арестованных стоять по несколько суток), избивании арестованных... Сейчас не могу вспомнить точное количество арестованных, в основном без обвинительных материалов...». 8 апреля 1940 г. он был приговорен к расстрелу.

К расстрелу был также приговорен 7 июля 1941 г. и член «московской бригады» НКВД СССР М. Э. Каценеленбоген (Боген). На одном из допросов он показал: «Я подтверждаю, что моя вина заключается в том, что: 1) Я выполнил распоряжение Сперанского не проверять по существу около 400 дел на Тройку, которые он мне поручил подписать... 2) Что я знал о фактах фальсификации дел на Тройку и отдельных допросов вольнонаемных служащих по ДС... 3) Что я не принимал мер к своевременному доведению до сведения НКВД СССР обо всех замеченных и выявленных мною фактах антисоветской практики Павлова, Сперанского, членов бригады и некоторых ответственных сотрудников НКВД по ДС. Объясняется это ни в коем случае не тем, что я разделял, считал правильным или оправдывал эти факты вражеской работы, но исключительно теми условиями, в которые меня поставил руководитель бригады Павлов, передавший всю бригаду в полное распоряжение Сперанского. Последний же не только лишил меня права самостоятельно действовать, но и направлять письма и телеграммы в Москву... У меня же при выезде на Колыму было специальное секретное задание — наблюдать за поведением отдельных членов бригады и за работой нового руководства УНКВД по ДС, не портя с ними отношений, а также изучить состав сотрудников 4-го отдела УГБ. Это задание от имени руководства НКВД СССР мне передал устно начальник отдела кадров Балаян, который подчеркнул, что Сперанского он лично не знает, а о членах бригады ориентировал так: 1) Кононович был троцкистом; 2) У Веницкого арестован брат-троцкист; 3) У Бронштейна родственники в Харбине... Эту справку я считая себя обязанным привести во избежание недоразумения. Вторая справка, которую следует знать о моей работе на Колыме, а именно, что: 1) прибыли мы в Магадан 7/XII-1937 года...; 2) с 16 января по 11 февраля 1938 года я был в командировке в тайге (пос. Хатыннах); 3) с 2 марта по 16 апреля я был в командировке в тайге (пос. Оротукан); 4) в конце апреля я выезжал в командировку в пос. Ола с агентурными заданиями по местному национальному населению и 5) с 13 июля по 15 августа 1938 года, т. е. по день отъезда в Москву, я был в тайге в районе долины р. Мальдяк...»

В то же время в справке по делу М. Э. Каценеленбогена (Богена) указывалось: «Произведенным по данному делу расследованием установлено, что Каценеленбоген (Боген), работая в секретно-политическом отделе (СПО) НКВД СССР, был завербован в антисоветскую заговорщическую организацию, действовавшую в органах НКВД. Являясь участником указанной организации, Каценеленбоген проводил подрывную деятельность в агентурно-следственной работе, выражавшуюся в сохранении им лидеров контрреволюционного троцкистско-зиновьевского подполья, в смазывании следствия по делам троцкистских формирований, в замораживании агентурных материалов и разработок на троцкистов в расшифровке и репрессировании действующей агентуры. Следствием далее было установлено, что Каценеленбоген, находясь в 1937–1938 годах в составе бригады НКВД СССР в командировке в УНКВД по Дальстрою и занимая руководящее положение, в своей практической работе, нарушая и попирая социалистическую законность, осуществлял массовые необоснованные аресты советских граждан, применял лично и культивировал среди подчиненного состава оперработников извращенные методы ведения следствия, добываясь от арестованных вымышленных показаний, и, кроме того, фальсифицировал следственные документы».

На состоявшемся 23 августа 1940 г. заседании бюро Магаданского горкома ВКП(б) было рассмотрено дело И. Г. Пацевича. В протоколе заседания отмечено: «Из материалов дела устанавливается, что в декабре 1937 года в УНКВД по Дальстрою прибыло новое руководство — начальник УНКВД по ДС, ныне арестован-

ный Сперанский, и оперативная бригада из 4-х человек. Как самим начальником УНКВД, так и московской бригадой, прибывшей с ним, проводился и культивировался извращенный метод следствия. Производились необоснованные аресты граждан с фальсификацией дел, разложение аппарата УНКВД путем пьянок и сожительства с сотрудниками-подчиненными, развивались подхализм перед начальством, затем критики и самокритики и т. д. Все эти действия Сперанского и оперативной бригады нарушали революционную законность, искажали политическую линию партии и были направлены на дискредитацию органов НКВД, что использовалось врагами народа в своих враждебных целях. В этот период времени секретарем партбюро УНКВД по ДС был т. Пацевич. Сигналы о безобразиях и извращениях в работе УНКВД по ДС т. Пацевичу, как секретарю парторганизации, поступали от ряда коммунистов как на партийных собраниях, так и лично. Пацевич знал о бытовом разложении Сперанского, о вредной политике ведения следствия и всех других безобразиях в Управлении, но как секретарь парторганизации не реагировал на сигналы товарищей, не ставил вопроса на обсуждение партийного коллектива, а заявлял некоторым: "У себя бревна не видите, а у других замечаете сучок"... Партийное бюро 15-го июля 1939 года и закрытое партийное собрание УНКВД 17-го августа 1939 года, рассмотрев всесторонне данный вопрос, постановили: за потерю политической бдительности, выразившуюся в примиренчестве по отношению к бывшему начальнику УНКВД по ДС, ныне арестованному Сперанскому, который в своей практической работе проводил антигосударственную политику, культивировал разложение аппарата, организовывал групповые пьянки и т. д., за неправильную ориентацию парторганизации по вопросам антигосударственных действий со стороны Сперанского, Пацевичу Ивану Григорьевичу объявить строгий выговор... Утвердить решение первичной парторганизации УНКВД – члену ВКП(б) с 1925 года... Пацевичу Ивану Григорьевичу... объявить строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 7, л. 94–95; 98].

Вместе с тем справедливое наказание, и даже раньше, чем В. М. Сперанского и М. Э. Каценеленбогена (Богена), постигло еще нескольких сотрудников УНКВД по Дальстрою, а другие отделались, как говорится, легким испугом. Так, 4 сентября 1939 г. был исключен из партии Владимир Антонович Смертин. Однако, придерживаясь линии стороннего и откешиваясь от своей активной роли в избиениях арестованных, от физических издевательств над ними, он 26 сентября 1939 г. обращается с апелляцией в партийную комиссию при УК ВКП(б).

«Безусловно, с момента прибытия на Колыму с декабря м-ца 1937 г., – пишет он, – бывш. нач. УНКВД по ДС ст. лейтенанта гос. безопасности Сперанского и бригады НКВД СССР в составе: капитана гос. безопасности Кононовича, ст. лейтенанта гос. безопасности Богена, лейтенантов гос. безопасности Виницкого и Бронштейна лично им и по их распоряжению был допущен ряд искривлений в работе УНКВД по ДС. Эти искривления заключались в том, что кроме врагов народа была арестована без достаточной проверки масса невинных работников Дальстроя, оклеветанных врагами народа; арестованные допрашивались стоя (некоторые из них по несколько дней), и при допросе применялись другие физические воздействия. Сперанский и члены бригады НКВД СССР официально заявляли, что на допрос арестованных стоя и применение физических воздействий имеется санкция НКВД СССР... Как и другие сотрудники УНКВД по ДС, слепо верил распоряжениям и установкам вышеуказанных лиц и допустил ряд ошибок, в частности, не проверив достаточно материалы в отношении освобожденных в настоящее время из под ареста Шебанова и Дементьева, по распоряжению нач. 4-го отд. Богена допрашивал их по несколько дней стоя».

16 ноября 1939 г. «за нарушение социалистической законности» В. А. Смертин был осужден Военным трибуналом 1-й отдельной Краснознаменной армии на 8 лет ИТЛ. Не ушел от возмездия и Михаил Константинович Горский. Правда, его судьба, как и судьба В. А. Смертина, до конца не выяснена. Между тем нами обнаружено заявление М. К. Горского в партийную комиссию при Дальстрое, датированное 27 марта 1942 г. В этом заявлении он указывает: «В Центральную партийную комиссию при ГУС ДС НКВД СССР б. чл. ВКП(б) с 1929 года, заочно исключенного в 1939 году гор. Магадан 26/X-1939 г., протокол № 272, в связи с арестом. Осужденного Воен. трибуналом по ст. 193-17 "а" к 5 годам без п/п. (право переписки. – А. К.). Освобожденного Указом Верховного Совета Союза ССР 24/XI-41 г., работающего оперуполномоченным ОУР НКВД ТГПУ прииск им. Буденного... Прошу Вас, т. т. коммунисты, пересмотреть дело о моем исключении из ВКП(б) и вернуть меня в семью коммунистов партии Ленина – Сталина, где я состоял с 20-ти летнего возраста, т. е. 10 лет. В органах работаю с 1933 года, в 1934-м окончил объединенную школу зам. нач-ков политотделами МТС и колхозов. На Колыму откомандирован наркомом НКВД в 1937 году, где и нахожусь до сего времени без выезда. В 1939 г. работал в Магадане в Упр. НКВД в должности оперуполномоченного СПО, где и был арестован за то, что в 1938 году у меня в кабинете умер на следствии немецкий шпион Пауль Дери. В обвинительном заключении прокурор Федорчук смерть шпиона инкриминировал, как будто бы я удушил его. На самом же деле шпион Дери умер естественной смертью, после снятия смертельной голодовки, которую он держал 2–3 месяца. На заседании Военного трибунала обвинение в убийстве отпало, свидетели доказали, что я не виновен в этом. Мне предъявили второе обвинение – я избил двух подследственных, бывш. з/к Вильвовского и Бесова, которые ранее были приговорены к ВМЗ (высшая мера защиты. – А. К.), но заменено 10 годами. Следствие велось по ст. 58 п. 2–8 УК РСФСР. Я на заседании трибунала не отрицал то, что я позволил себе применить к этим подследственным физическую силу. Но это было с разрешения и прямого указания чл. московской бригады капитана УГБ Кононовича. Вот вся моя вина. За два года я сделал вывод и научился, как должен себя

вести коммунист-чекист на следствии с врагами народа. Я пережил за два года много и физически и морально... Прошу Вас, дорогие тов. коммунисты, верните меня в партию Сталина – Ленина. Я на деле докажу свою преданность родине и народу, из которого я вышел».

Изучив заявление М. К. Горского, партследователь Зубрилов 7 апреля 1942 г. на его деле написал: «Горский сегодня водворен в лагерь, как неправильно был освобожден». Практически в это же время решалась судьба Алексея Ивановича Баранова. В справке по его делу говорится: «Баранов был арестован 30 октября 1941 г. особым отделом НКВД Московского военного округа как агент немецкой разведки. На следствии Баранов признался, что, работая начальником КРО Белостокского горотдела НКВД во время отхода частей Советской армии (справка составлялась в январе 1956 г. – А. К.) в июле 1941 г. был пленен немецко-фашистскими войсками. Впоследствии, находясь в лагере советских военнопленных, был завербован в качестве агента немецкой разведки и со шпионскими заданиями переброшен в тыл Советской армии. В ходе следствия Баранов указал, что в период 1934–1940 гг. он работал начальником отделения УНКВД по ДС. О своей работе в УНКВД по ДС Баранов подробных показаний не давал и не допрашивался. 2 мая 1942 г. Особым Совещанием при НКВД СССР Баранов за измену Родине осужден к ВМН. Приговор в исполнение приведен 18 мая 1942 г.».

После ареста В. М. Сперанского УНКВД по ДС возглавил приехавший с «материка» майор госбезопасности П. И. Окунев. Его работа в Магадане оставила после себя довольно мрачную славу. Все дела были связаны с «нарушениями социалистической законности», на которой П. И. Окунев и сделал свою карьеру. Так, после отъезда с Колымы летом 1949 г., он был начальником УМВД Пензенской области, начальником отдела контрразведки МВД СССР, заместителем начальника ГУЛАГа МВД СССР, начальником УМВД Рязанской области, имел звание генерал-майора, награждался орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и т. д. Однако позднее, во время «хрущевской оттепели». 11 июня 1956 г. П. И. Окунев был уволен из органов МВД СССР и 27 августа этого же года лишен звания генерал-майора «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

3 мая 1939 г. политотдел Дальстроя был реорганизован в Политическое управление Дальстроя. Начальником Политуправления назначили полкового комиссара С. К. Моренкова. С этого времени партийная комиссия Дальстроя начала восстановление в партии тех коммунистов, которые были исключены в связи с делом о «вскрытой на Колыме антисоветской, шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». Партийная реабилитация (ее можно считать первой массовой) продолжалась не один месяц и являлась довольно противоречивой по содержанию.

На имя С. К. Моренкова стали поступать заявления от сотрудников УНКВД ДС, касающиеся периода массовых репрессий на Колыме. Так как они были весьма характерны для своего времени, приведем в связи с этим заявление члена ВКП(б) с 1928 г. И. М. Гольдфарба от 22 мая 1939 г.: «Органы государственной безопасности на Колыме за период 1937–1938 гг. проделали колоссальную работу по разгрому многочисленных врагов. Самые злые и активные троцкисты, правые, шпионы, изменники родины, бандиты-рецидивисты – вся эта свора была выявлена и физически уничтожена. Была вскрыта и ликвидирована существовавшая на Колыме контрреволюционная повстанческая организация, возглавляемая бывшим директором ДС Берзиным, который был связан в свою очередь с Рудзутаком, Дерибасом, Крутовым. Разгром был проведен в небольшие сроки и с сравнительно небольшим коллективом чекистов. С момента получения письма ЦК ВКП(б) и СНК от 17/XI-1938 г., где констатировались, наряду с большой работой, проведенной органами НКВД, имевшие место перегибы, руководство Дальстроя и политотдела, как и прокуратура, становятся на позиции перестраховщиков. Они делают все для того, чтобы “отмежеваться” от УНКВД, чтобы показать, что во всем виноват один только Сперанский. А между тем в перегибах виноват не только Сперанский. Как можно отделить от ответственности прокурора Метелева, который знал и видел методы работы, который давал санкции на аресты, который, наконец, являлся членом Тройки УНКВД? Разговоры о том, что он, Метелев, ничего не знал, раскрывают действительное лицо этого перестраховщика. Нельзя же серьезно думать о том, что прокурор на протяжении полутора лет ничего не знал и ничего не видел. Метелев за перегибы должен понести равную со Сперанским ответственность. Ответственность также несет и т. Павлов, который являлся членом Тройки УНКВД. Большие перегибы имели место летом 1938 года, когда Сперанский был в отъезде (в Москве). Приговоры приводились непосредственно на приисках, чуть ли не на глазах населения и лагеря. За эти извращения ответственность падает на т. Павлова и Метелева. Метелев шарахнулся в сторону, он испугался ответственности и буквально стал мешать работе. Даже то небольшое количество следственных дел, которое направлялось УНКВД через прокуратуру в суд, Метелев возвращал обратно, находя другие придирки... Это, видимо, вполне соответствовало точке зрения прокурора. Прокурор только и занимался тем, что ежедневно выносил постановления об отстранении от работы или привлечении к уголовной ответственности сотрудников УНКВД. Если бы были удовлетворены его требования – это означало бы полный разгром чекистского аппарата. Авторитет наших органов на Колыме за последнее время очень подорвали. Мне кажется, что виноват в этом прежде всего т. Павлов. Отношения между Павловым и Сперанским, начиная примерно с ноября 1938 года, по непонятным для меня причинам начали портиться. Чем дальше, тем хуже. Чувствовалась какая-то неприязнь друг к другу. Сперанский пло-

ния мне объяснил тем, что Павлов недоволен им, так как УНКВД ставит перед Москвой резко вопросы о безобразиях в Дальстрое. На чекистской годовщине 20 декабря 1938 года, впервые придя к нам, т. Павлов после доклада и принятия торжественного письма к т. Сталину взял слово и с трибуны громкогласно заявил: "Проверьте ваши ряды!". Было сказано это очень зло. На вечере присутствовало очень много гостей, за сценой находились артисты театра им. Горького. На следующий день весь город говорил об этой "сенсации". А чекистский коллектив лихорадило... Барченко, инспектор начальника Главного Управления ДС, ходил по квартирам сотрудников и распространял слухи о том, что Сперанский враг народа, что Павлов передавал, чтобы сотрудники не боялись, за перегибы ответит один Сперанский и т. д. Тришкин, секретарь начальника Главного Управления ДС, вторил Барченко. Распространялись всевозможные слухи, шла дискредитация вовсю. Политотдел безмолвствовал. Он тоже присоединился к общему хороводу. Когда политотдел выдвинул временно в парткомиссию товарищей, то ни один из парторганизации УНКВД выставлен не был. Из этого можно было заключить, что и парторганизация от нас отвернулась» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 119, лл. 155–156].

В постановке вопроса о так называемых перегибах (хотя это была весьма продуманная, четкая политика массовых репрессий с системой моральных и физических пыток, расстрелов и т. д.) руководство только что организованного Политуправления ДС оказалось солидарным с И. М. Гольдфарбом, который был явно причастен к данным перегибам.

Через некоторое время после его заявления руководство Политуправления ДС донесло одному из представителей прокуратуры СССР: «По вопросу о деятельности прокурора по Дальстрою и Севвостлагу Метелева Политуправление располагает следующими данными: в период 1938 года органами НКВД по Дальстрою было допущено искажение политической линии в борьбе с врагами. Это искажение выразилось в неправильном ведении следствия – допросов путем применения огульного физического насилия вплоть до пыток, когда следователь, не имея никакого фактического материала о причастности того или иного арестованного к антисоветской организации, только для того чтобы оправдать арест, не брезговал никакими мерами, чтобы добиться признания у подсудимого. Такая недопустимая антигосударственная практика привела к тому, что отдельно члены ВКП(б), не обладая в достаточной степени мужеством, под напором следствия давали заведомо ложные показания на себя и писали провокационные заявления на других. Как видно из заявлений, поступивших в Политуправление, отдельные подследственные давали список на 40–50 мнимых участников организации, которые без перепроверки фактов немедленно арестовывались. Так запутывалось разоблачение действительных матерых врагов, орудовавших на Колыме, так арестом невинных честных коммунистов дискредитировали органы НКВД и их работу. Все это являлось следствием того, что прокурор Метелев, который обязан был стоять на страже соблюдения советских законов, подменил государственные интересы личным знакомством, дружбой с отдельными работниками УНКВД и не пытался разоблачить вражеские махинации отдельных работников. Неоспоримый факт, что многие лица арестовывались совершенно без ордеров, а на некоторых ордера были выписаны, но зачастую не было санкции прокурора. Некоторые сотрудники Управления НКВД подтверждают, что Метелев давал санкции на арест, не проверив обоснованность предъявленных обвинений, а также практиковал дачу санкций на арест в бильярдной, играя на бильярде... Политуправление располагает непроверенными данными, что за 16 месяцев своей работы Метелев ни разу не посетил тюрьмы, не проконтролировал содержание арестованных, не принял от них заявления на неправильное ведение следствия и не потребовал от отдельных работников УНКВД соблюдения советских законов... Мало того, Метелев сам на прииске "Мальдяк" дал санкцию на расстрел 200 человек лагерников без рассмотрения их на Тройке, причем приведение приговора в исполнение закончилось в 12 часов дня на глазах у лагеря, и заявил примерно так: "Расстрел мы потом оформим со Сперанским". Такие случаи имели место и на других приисках, а на прииске не то "Штурмовом", не то "Ударник" один лагерник был расстрелян по резолюции Метелева... Всякие заявления Метелева о том, что он не знал о применении пыток к арестованным, есть пустые разговоры, не заслуживающие никакого доверия, т. к., по имеющимся у нас данным, будучи в Управлении НКВД он видел, как допрашивались следователями арестованные и слышал стоны подследственных. Вместо того, чтобы встать на борьбу за соблюдение революционных законов, Метелев пошел на путь морально-бытового разложения. В Политуправление поступило большое количество сигналов о сожигательстве Метелева с женами подследственных. Странно получается, что жена арестованного, придя к Метелеву как к представителю прокуратуры за помощью и защитой, получала от него предложение о сожигательстве, и надо сказать, что кое-когда ему удавалось удовлетворить свои прихоти. Так, например, Метелев сожигательствовал с врачом Даниленко, женой арестованного Варламова, сожигательствовал Метелев с Богдановой, женой Мельникова, бывшего начальника штаба ВОХР и т. д. И наконец женитьба Метелева на жене подследственного Лопатина, который сейчас освобожден и вынужден развестись со своей женой. Кроме этого, нынешняя жена Метелева после освобождения Лопатина потребовала от него половину зарплат, которую он с помощью Метелева получил за все время нахождения его под следствием. Такова политическая физиономия Метелева – человека, которого на пушечный выстрел нельзя допускать к прокурорской работе».

Эти и другие собранные сведения сыграли свою роль в том, что Л. П. Метелев был в конечном итоге отозван на «материк». 24 августа 1939 г. он подписал приказ № 20: «Сего числа убываю в служеб-

ную командировку в гор. Москва в прокуратуру СССР согласно шифрограмме прокурора СССР т. Панкратьева, исполняющим обязанности прокурора Севвостлага и Дальстроя возлагаю на военного юриста 3-го ранга Федорук Никиту Ивановича». Буквально на следующий день Н. И. Федорук также уехал в командировку на Дальний Восток. Исполнять его обязанности стал помощник прокурора Севвостлага и Дальстроя М. Я. Гинзбург. 19 сентября 1939 г. Н. И. Федорук вернулся из командировки и приступил к своим обязанностям. Однако опять ненадолго. 14 ноября 1939 г. в должность прокурора Дальстроя и Севвостлага вступил И. Ф. Липатов.

Докладывая в Секретариат ЦК ВКП(б) через два дня после этого, С. К. Моренков коснулся и «деятельности» одного из своих предшественников и соратников – Л. П. Метелева: «Когда в конце 1937 года приехал на Колыму новый начальник политотдела Гаупштейн (ныне также разоблачен как враг народа), то он огульно охаивал, и не только охаивал, но и избивал всех коммунистов, работавших при старом руководстве. Этот разбой над честными людьми, хотя и во многом повинными перед партией. Гаупштейн производил вплоть до момента своего разоблачения и ареста. Десятки людей под его давлением были исключены из партии и арестованы. Этот враг, например, давал указание всем коммунистам, у которых нерусские фамилии, задавать такого рода провокационные вопросы: “какой разведки он является агентом” (так в тексте. – А. К.). Ведь не случайно командированный для проверки Омолонской экспедиции работник политотдела Капшин устроил там вместо проверки настоящий допрос заставляя всех признаться во вредительской деятельности и рекомендуя всем сдать заранее свои партбилеты, т. к. их все равно отберут. Этот же Капшин одного участника экспедиции, прекрасного инженера-геолога Зиверта по указанным выше установкам Гаупштейна 6 часов допрашивал, требуя признания, какой разведки он является шпионом».

Как свидетельствуют другие выявленные нами документы, в борьбе Ю. Г. Гаупштейна с «врагами народа» отмечались не только безжалостность, но и обыкновенный цинизм, какая-то особая мелочность. В донесении В. М. Сперанскому от 19 февраля 1938 г. он писал: «При сдаче дел партучета арестованным Булыгиным и Булыгиной не были сданы политотделу специальные чернила и клей. По имеющимся данным таковые ими были получены из Далькрайкома ВКП(б) в количестве 2 бутылки и 3 флакона клея. В настоящий момент обнаружены и находятся в наличии политотдела одна неполная бутылка чернил и один флакон клея. По данному вопросу прошу произвести расследование» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 110, л. 13].

Открывшаяся навигация 1939 г., этапирование в бух. Нагаева новых заключенных, часть из которых направлялась на строительство Магадана, и их дальнейшая работа происходили в новых условиях. Эти условия ознаменовали определенный этап в развитии официально существовавшего поселка, который почти четыре года иначе как город не назывался. Самоназвание настолько вошло в сознание его жителей и обиход дальстроевских руководителей, что когда в начале 1939 г. Управление комендатуры Магаданского района было реорганизовано, то реорганизовано в городской коммунальный отдел Дальстроя (ГКО ДС). Горкоммунотдел объединил «в своем составе жилищно-коммунальные и культурно-просветительные предприятия гор. Магадана, пос. Нагаево и Марчекан» [ГАМО, ф. р-23сч, оп. 1, д. 4041, л. 2], включающие в себя две электростанции, транспортную, коммунальную, жилищную и ремонтно-строительную конторы, театр им. М. Горького, горкинотеатр, парк культуры и отдыха. Жилая площадь Магадана, Нагаево и Марчекана, разросшегося вместе со строительством завода № 2, составляла 28 653 м².

«Капитальное строительство Магадана в 1939 году тесно увязано с планом дальнейшего развития города. По проекту архитектора Лысенко в Нагаево будет построен морской вокзал, а в Магадане – здание Охотско-Колымского музея. Намечено приступить к строительству городского театра» [Смирнов, 1939].

Весной 1939 г. в составе ГКО ДС была организована группа озеленения. Она провела частичные работы по озеленению Магадана, устроила клумбы, подготовила теплицы и посадила однолетние цветы. В основном озеленялся центр города, а также парк культуры и отдыха. 24–30 апреля 1939 г. в Магадане был проведен опыт скоростного строительства. За семь рабочих смен (76 ч) по проекту инженера И. Г. Бачинского рабочие-заключенные возвели 2-этажный 8-квартирный брусчатый дом. «Скоростной» опыт оказался очень успешным.

«Отмечая своевременную инициативу ОКС... в деле организации и осуществления опыта скоростного строительства», К. А. Павлов объявил «благодарность с занесением в трудовые книжки: автору скоростного проекта архитектору ОКС... тов. Бачинскому, автору проекта организации работ по скоростному методу начальнику техотдела МСУ тов. Кизильштейн, производителю работ по скоростной стройке тов. Вусатову», а кроме этого приказал начальнику МСУ Н. В. Митасову «особым приказом по лагерю поощрить рабочих и бригадиров з/к, хорошо проявивших себя на скоростном строительстве» [Там же. Д. 47, л. 61].

15 мая 1939 г. МСУ было реорганизовано в монтажно-строительный трест Дальстроя (МСТ ДС). Кроме продолжающегося строительства нескольких теплых кирпичных домов и детского сада в центре Магадана, 31 мая утвердили еще ряд объектов, которые обозначили как «объекты строительства 1-й очереди». К ним отнесли: здание Главного управления Дальстроя, хирургический корпус «больничного городка», кислородный завод, здания АТС, бани и еще нескольких брусчатых 8-квартирных домов.

10 июня 1939 г. газета «Советская Колыма» поместила расширенную статью «На стройках Магадана», в которой было отмечено: «В новом каменном доме, выстроенном на главной городской магистрали – Колымском шоссе, закончились все строительные работы. Каждая из 37 квартир дома состоит из 3–4 комнат, ванной и отдельной кухни... В первом этаже здания, где сейчас временно находится почта, предполагается открыть большой гастрономический магазин... На углу улицы Сталина и Колымского шоссе два месяца назад началось строительство огромного 5-этажного каменного жилого дома. В этом доме будет 57 квартир, состоящих из 1–2 комнат и кухни. В нем будут также отведены специальные помещения для газубежища, стрелкового тира и большого универсального магазина. Сейчас со стороны Колымского шоссе уже возведены стены первого этажа... По Ново-Магаданской улице, рядом с 37-квартирным домом, заканчивается строительство изящного, двухэтажного каменного особняка. Это здание под детские ясли, рассчитанные на 120 малышей... На углу улиц им. Сталина и Коммуны усиленными темпами ведутся подготовительные работы для скоростного строительства трех 8-квартирных деревянных домов. Монтаж их начнется 20 июля и продлится 10 дней».

30 марта 1939 г. исполнилось 5 лет Охотско-Колымскому краеведческому музею. К этому времени его фонды уже насчитывали 4 тыс. экспонатов, а музейно-краеведческая библиотека – 1500 книг и журналов. «Зародившись 5 лет назад из временной краеведческой выставки, – писал журнал «Колыма», – Магаданский музей к дню юбилея превратился в научно-исследовательское учреждение, выполняющее огромной важности работу по сбору, разработке и экспозиции материалов истории края, природе и социалистическому строительству. Музей установил живую связь с многими научными учреждениями и музеями Москвы, Ленинграда, Одессы, Владивостока, Хабаровска и других городов, с Академией наук и ее Дальневосточным филиалом – Географическим обществом, с Московским зоопарком, куда в декабре 1938 года музеем послано 3 белоплечих живых орлана. Интенсивно шло пополнение музея – за 1938 год собрано вновь 838 экспонатов, среди них розовая чайка, первый колымский мед уссурийской пчелы, детские работы из нацпоселка Гарман-оа, более 70 чучел птиц и зверей, огромный бивень мамонта, геологические коллекции, исторические документы, ясачные квитанции и прочее. Музей развернул большую культмассовую работу – за один 1938 год по радио прочитано 7 лекций, кроме того 133 беседы и лекции, организовано 5 передвижных выставок. В местной прессе помещено 36 статей и заметок о музее. О популярности и необходимости музея можно судить хотя бы по тому, что за 1936 год музей посетили 12 537 взрослых посетителей, а в 1938 году – 26 639, детей в 1937 году – 548, в 1938 году – 3478, коренного населения в 1937 году – 916, в 1938 году – 3596 человек. Всего за 5 лет через музей прошло 125 тысяч человек. Музей развернул работу со школами, проводит кольцевание птиц, фенологические, метеорологические, наблюдения. Музей заслужил высокую оценку президента Академии наук Комарова и получил письмо от Надежды Константиновны Крупской, которая отметила, что Магаданский музей идет в основном по правильному пути».

22 мая 1939 г. в Магадане произошло еще одно знаменательное событие – издан приказ «О реорганизации Дома книги в городскую библиотеку с последующей передачей в ведение ОНО при АГО» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 8]. Документ подписали заместитель начальника Дальстроя комбриг А. А. Ходырев и начальник Политического управления Дальстроя полковой комиссар С. К. Моренков. Совсем недавно этот приказ удалось выявить автору данной работы в материалах ЦХСД МО, что можно считать ликвидацией еще одного белого пятна в колымской истории.

12 июня 1939 г. в помещении Магаданской средней школы открылась первая Всеколымская художественная выставка. «День открытия выставки, – отмечал директор Охотско-Колымского краеведческого музея А. П. Хмелинин на страницах газеты «Красный горняк», – по многим причинам откладывался два раза. Эту отсрочку некоторые участники выставки использовали для более лучшей отделки и отработки своих экспонатов, а некоторые нашли возможность увеличить число последних... Всего в распоряжение выставки поступило 700 экспонатов, 622 из них приняты и выставлены. В отделе фото и живописи интерес вызвали эскизы В. А. Цареградского (начальник Геологоразведочного управления Дальстроя), акварель метеоролога бухты Амбарчик тов. Гришищева, этюды Е. В. Дельсаль из Оротукана и других. Исключительным вниманием на выставке также пользовались: картина «Охотчик» (автор С. Б. Григорашенко), картина «Боевой эпизод у озера Хасан» красноармейца Трошина, портрет Татьяны Маландиной (автор тов. Булычев). Много похвальных отзывов записано о гравюре на стекле – портрет товарища Сталина, исполненной инженером АРЕМЗа тов. Моховым. Из фото заслуженное внимание встретили снимки т.т. Веденова, Бергмана, Березняка и Гудима... Исключительно талантливо и удачно исполнены два портрета – А. М. Горького и А. С. Пушкина. Первый портрет нарисован учеником 7 класса тауйской школы Юшковым, второй – учеником Олы Романовским. Не менее удачны работы камчадала Чушкова, ученика Хатыннахской школы Краснощекова и Максимова. Портреты товарища Сталина в их исполнении безупречны. Оригинально выглядит стенд с детскими рисунками, полученными из детской библиотеки Дома книги. В большинстве это копии обложек популярных детских книг. В отделах рукоделия и вышивки посетители воздали должное высокому мастерству в работе т.т. Вишневецкой, Яковлевой, Лебедевой, Буровой, Минаевич и многих других».

24 июня 1939 г. выставка закрылась. В общей сложности ее посетили 5654 чел. (в первый день 2116 чел., в том числе 389 детей, 68 представителей коренного населения, 177 военнослужащих), 309 из

них оставили записи в книге посещений. По итогам выставки были премированы авторы лучших работ, поступивших в фонды Охотско-Колымского краеведческого музея, где некоторые сохранились до сих пор.

«Жюри первой художественной выставки, – говорил в радиолекции уже упомянутый нами А. П. Хмелинин, – премировало за лучшие работы некоторых участников выставки. Так, из коренного населения грамоты и ценные подарки получили 6 человек. Из поселка Бараборка: Трифонов – за художественную резьбу по дереву, Хабарова – за женское рукоделие и 3 женщины – за художественные вышивки. Женщин из Наяхана – Брагину, Пилкину и Данилову из Ямска за художественные выставки также премировали ценными подарками (патефонами и пластинками) и грамотами. Чайные сервизы и патефон в виде премий за свои работы на выставке получили 4 человека из Олы: Скорнякова, Старшина, Фролова А. и Фролова П. Из Уптара премированы были Шахурдина, Зыбина. Всего из коренного населения было премировано 17 человек. По фотоотделу были премированы грамотами и ценными подарками 3 товарища – Веденов, инженер Гудима и Березняк. За интересные, с художественной стороны действительно ценные работы по живописи премированы грамотами и ценными подарками товарищи Цареградский, Григоращенко, Мохов, Зеленкевич, Булычев, Хайкин, Чубуков, Дроздский, Шмаков, Дельсаль, Захаров и Полетаев. По отделу рукоделия жюри нашло необходимым отметить премиями 10 женщин: Вишневецкую, Сагалович, Лебедеву, Родину, Клейсуцкую, Яковлеву, Несен, Якубицкую, Балашевич, Садовникову. Дети не отстали от взрослых, и 13 творцов достойных и лучших работ получили награды от жюри выставки. Это – Южков, Романовский, Краснощеков, Степанова, Дремлюга, Гурнова, Якушкова, Максимов, Тигровский, Кедров, Лебедеженко Женя, Фелюрин Игорь».

Таким образом, с 1929 по 1939 г. Магадан прошел несколько этапов развития: 1 – от возникновения его предшественницы – Восточно-Эвенской культбазы – до образования двух поселков – Нагаево и Магадан (1929–1930); 2 – от существования двух поселков до начала строительства Нагаевской базы и временного административного центра Дальстроя – пос. Магадан (1930–1932); 3 – от начала строительства временного административного центра до утверждения самоназвания «город Магадан» (1932–1935); 4 – от утверждения самоназвания «город Магадан» до получения официального статуса города (1935–1939).

Появление на берегах бух. Нагаева и рч. Магадан (Магаданка) нового административного центра способствовало планомерному комплексному освоению «золотой» Колымы. По существу, это была первопроходческая деятельность, в которую в течение нескольких лет были вовлечены десятки тысяч заключенных Севвостлага и тысячи вольнонаемных работников Дальстроя. Однако исследованные нами документы и материалы позволяют утверждать, что Магадан не стал лишь столицей «северного ГУЛАГа», так как здесь в 1932–1939 гг. строили в условиях вечной мерзлоты, но практически по «материковскому» плану.

2.1. Магадан после получения статуса города

«Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля с. г. в Хабаровском крае образован Колымский округ, с центром в населенном пункте Магадан, в составе Ольского, Северо-Эвенского и Среднеканского районов. Центр Колымского округа, населенный пункт Магадан, преобразован в город». Это сообщение появилось в разделе «Хроника» газеты «Правда» 15 июля 1939 г.

Газета «Советская Колыма» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля 1939 г. четыре дня спустя. «Сегодня, – отмечалось в ее передовой «Гордость трудящихся Колымы», – мы публикуем Указ Президиума Верховного Совета РСФСР “Об образовании Колымского округа в Хабаровском крае”. На карте великого Советского Союза на далекой ее окраине появился новый социалистический город Магадан. Огромным подъемом трудового энтузиазма, новыми блестящими успехами на фронтах хозяйственного и культурного строительства встретят трудящиеся Колымы этот важнейший документ, в котором отражаются огромные победы партийных и непартийных большевиков – строителей Дальнего Севера, превративших тайгу в промышленный центр Советского государства. Образование Колымского округа является яркой демонстрацией замечательного расцвета северной окраины Советского Союза – в прошлом забытой и отсталой окраины царской России, возрожденной Октябрьской революцией к новой жизни. Под руководством Коммунистической партии, окруженные отцовской заботой вождя народов товарища Сталина, честные труженики Дальнего Севера, беспощадно разбивая остатки фашистских наемников – диверсантов и изменников родины, осваивают неисчерпаемые богатства Колымы, создают и укрепляют социалистическую промышленность. Там, где неизбежным уделом для людей труда были голод, несправедливость, смерть, вырастают социалистические предприятия, рождаются колхозы. Советская власть вывела из непроходимой тайги и топей на твердую дорогу к счастью и радости до сорока различных национальностей северной окраины. Охотник, рыбак, оленевод-камчадал, орош, якут выходят из холодных неуютных юрт в светлые теплые дома колхозников, организованное колхозное хозяйство сменило уходящее в безвозвратное прошлое кочевье. Социалистическая по содержанию и национальная по форме культура победила. Исчезает с лица земли враждебное трудовому народу шаманство. Солнце Сталинской Конституции ярким светом озаряет Колыму, с корнем выжигая ничтожных последышей, носителей варварства и эксплуатации...»

Приведенный фрагмент из передовой «Советской Колымы», вероятно, принадлежащий ее ответственному редактору И. В. Мишенкову, можно считать развернутой констатацией уже свершившегося факта образования нового административно-территориального объединения и получения Магаданом официального статуса города. Сама же передовая, полная пафоса и преувеличений, граничащих с откровенной демагогией и прямым вымыслом, одобренная борьбой с «врагами народа», столь присущими своему времени, одновременно являлась отражением реальных и зримых изменений, произошедших на ранее малоисследованной территории Колымы и в жизни центра Дальстроя буквально за последнее десятилетие. Основной вклад в это внесли десятки тысяч вольнонаемных рабочих и инженерно-технических работников (особенно на первом этапе освоения), и в еще большей мере – заключенные Севвостлага. Количество последних постоянно возрастало. Однако отметим, что накануне Всесоюзной переписи населения 1939 г., по данным ЦХСД МО, в системе Дальстроя на всех его работах было занято «свыше 160 тысяч человек, из коих почти 30 тыс. человек вольнонаемных, в основном инженерно-технический персонал, не считая членов их семей»*.

Вместе с организацией Колымского округа началось создание ряда представительных органов. В состав оргкомитета президиума Хабаровского крайисполкома по Колымскому округу вошли: председатель – директор издательства «Тихоокеанская звезда» С. Н. Расторгуев, заместитель председателя – председатель Колымского райкома профсоюза рабочих золота и платины И. А. Полюшкин, секретарь – инструктор Политуправления Дальстроя А. А. Кочеров. Решением бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) было образовано оргбюро окружкома ВКП(б) по Колымскому округу в составе А. К. Воробьева – первого секретаря, М. С. Казанцева – секретаря по кадрам, Н. Б. Глухова – секретаря по пропаганде, а также членов оргбюро: С. Н. Расторгуева, К. А. Павлова – начальника Главного Управления Дальстроя** и С. К. Моренкова – начальника Политуправления Дальстроя. Вслед за этим Колымский райком профсоюза рабочих золота и платины был преобразован в Колымский окружком профсоюза рабочих золота и платины***, который по-прежнему возглавлял И. А. Полюшкин. В непосредственном подчинении окружкома находились 4 общеприиска, 1 дорожный комитет и 75 месткомов.

*По данным ГАМО, в 1932–1942 гг. на Колыму было доставлено 356 тыс. заключенных.

**Далее – Дальстрой.

***Далее – Колымский окружком профсоюза.

В конце июля 1939 г. оргбюро окружкома ВКП(б) по Колымскому округу приехало в Магадан. В числе первых рассматривался вопрос о парторганизациях, находившихся в ведении Политуправления Дальстроя. На заседании оргбюро от 26 июля 1939 г. было решено принять от него в свое подчинение парторганизации АГО ДС, Колымского окружкома профсоюза, Ольского и Северо-Эвенского райисполкомов, а также поставить вопрос перед Хабаровским крайкомом ВКП(б) и ЦК ВКП(б) о подобной передаче парторганизаций ГКО ДС, торгпищескомбината, Управления местной промышленности, лесного отдела ДС, одновременно попросив его выйти с ходатайством в ЦК ВКП(б) и НКВД СССР об организации Колымского окружного управления НКВД, а в Наркомат связи СССР – об организации Колымского управления связи.

На основании телеграммы заместителя парткома НКВД СССР № 5199 от 26 июля 1939 г. (исходящей из Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля 1939 г.) заместитель начальника Дальстроя А. А. Ходырев издал приказ № 914 от 31 июля, согласно которому АГО ДС с 1 августа ликвидировался и все его дела передавались оргкомитету по Колымскому округу. 5 августа 1939 г. такая передача состоялась, о чем был специально составлен акт, подписанный шестью членами организованной для этого комиссии.

Ознакомившись к этому времени с положением дел в Дальстрое, члены оргбюро по Колымскому округу провели третье заседание, которое также состоялось 5 августа 1939 г. и закончилось принятием очень важного документа «Об определении деятельности Управления строительства дальнего Севера в связи с организацией Колымского округа»; ранее этот документ только цитировался, но никогда не приводился.

В сохранившейся архивной копии говорится: «Дальстрой наряду с добычей металла занимается всеми другими отраслями хозяйства округа, не имеющими прямого, а подчас и косвенного отношения к горнопромышленному производству (строительство и эксплуатация жилищного, коммунального и культурного фонда города Магадана и районов, народное образование как приезжего, так и коренного населения, здравоохранение, почта, телеграф, пушные заготовки, лесоохрана и лесоустройство, рыбное х-во в бассейне Охот. моря, с/х, животноводство и оленеводство, строительство транзитных дорог общегосударственного значения, торговля и снабжение коренного и приезжего населения). Перечисленные функции и отрасли деятельности Дальстроя были естественны и необходимы на первом этапе освоения Колымы. В настоящее время такое организационное построение Дальстроя является тормозом, как в решении больших задач, поставленных перед Дальстроем в добыче золота и олова, осуществление которых связано с переработкой больших физических горных масс, а так и в вовлечении в геологоразведочное и эксплуатационное освоение новых районов, расположенных на территории свыше одного лишь кв. клм., в настоящее время неизмеримо осложнили хозяйственную деятельность Дальстроя. Задача эксплуатации месторождений золота и олова требует перехода на новые, более технически совершенные методы эксплуатации, связанные со строительством целого ряда энергетических, горных и обогастительных предприятий. Разрешая эти задачи, Дальстрой не в состоянии справиться с освоением остальных отраслей хозяйства округа».

Учитывая это, оргбюро Колымского округа сделало вывод: «Существующие организационные формы Дальстроя не соответствуют новым задачам по всестороннему освоению Колымы. Это требует ясно очерченной специализации золота, олова и др. редких малых металлов и необходимость привлечения др. наркоматов для освоения остальных отраслей хозяйства округа».

В принятом затем постановлении оргбюро Колымского округа решило ходатайствовать перед Хабаровским крайкомом ВКП(б), оргкомитетом Президиума Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю, ЦК ВКП(б) и СНК СССР «об изъятии от Дальстроя несвойственных ему функций», передав их «в ведение соответствующих союзных и союзно-республиканских наркоматов». Дальстрой, по его мнению, должен был стать чисто «горнопромышленным главком с ясно очерченной специализацией как главка по добыче золота, олова и других редких и малых металлов».

Так как деятельность оргбюро по Колымскому округу должна была привести к созданию на Колыме окружкома ВКП(б), против этого выступил начальник Политуправления Дальстроя С. К. Моренков. Считается, что он дал телеграмму в Центральный комитет ВКП(б), где изложил свою точку зрения. 13 августа 1939 г. в Магадан пришла ответная телеграмма, которая была подписана Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным. Он писал, что товарищи, принявшие решение об организации Колымского округа, поступили неправильно, и предложил эту ошибку исправить.

Согласно его мнению, в Магадане нужен не окружком, а партком при Дальстрое, непосредственно связанный с Политуправлением Дальстроя и подчиненный ему. И. В. Сталин считал, что предложение оргбюро по Колымскому округу об освобождении Дальстроя от важнейших гражданских и политических функций и превращение его в обычный специализированный главк схематично и нежизненно. Именно тогда прозвучало вошедшее в историю знаменитое выражение Генерального секретаря ЦК ВКП(б), затем неоднократно цитируемое в газетах, журналах, на собраниях, совещаниях и конференциях Колымы: «Дальстрой – комбинат особого типа, работающий в специфических условиях, и эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1939 г. Колымский округ был ликвидирован. 11 сентября А. А. Ходырев и С. К. Моренков подписали совместный приказ о восстановле-

нии АГО ДС. Его начальником был назначен С. Н. Расторгуев. А. А. Ходырев в то время исполнял обязанности начальника Дальстроя, так как К. А. Павлов, выехавший в район сильнейшего наводнения на Колыме, простудился, заболел и 5 сентября 1939 г. специальным рейсом самолета был вывезен в Москву. Назад он уже не вернулся*, но вылетал на материк не один.

В распоряжении № 193 начальника санитарного отдела Дальстроя С. И. Попова говорилось: «§ 1. Командируется с 5-го сентября врач-невропатолог Битков в г. Москву для сопровождения больного начальника ГУСДС комиссара госбезопасности 2-го ранга тов. Павлова. § 2. Сего числа я убыл в командировку в г. Москву» [ГАМО, ф.р-45, оп. 1, д. 2, л. 32]. Лечение К. А. Павлова заняло несколько месяцев. Выявленная нами телеграмма гласит: «Срочная. Магадан. Дальстрой. Ходыреву. 13.12.1939 г. Сегодня выписался больницы. Немного поправился начал ходить высылайте Мешкову (начальник Московского управления Дальстроя. — А. К.) телеграфную справку какое число месяца выплачена мне зарплата сумма оклада. Привет. Павлов» [Архив СВЗ, д. 17606, л. 7].

Таким образом, Колымский округ просуществовал лишь полтора месяца. Свою точку зрения о его ликвидации изложил С. К. Моренков, оставшийся в должности начальника Политуправления Дальстроя до 19 ноября 1939 г. За несколько дней до этого он писал в Секретариат ЦК ВКП(б): «Президиум Верховного Совета РСФСР, по представлению Хабаровского крайкома партии и крайисполкома, издал указ об образовании Колымского округа. Хабаровский крайком партии не приминул использовать этот указ и создал на Колыме, наряду с окрисполкомом и окружной комитет партии, что при наличии Политуправления, являющегося вышестоящим органом на Колыме, вносило определенную дезорганизацию в партийном руководстве. Разрядку этому положению дал тов. Сталин в своей телеграмме от 13 августа 1939 года, заявив, что создание окружкома он считает ошибкой, которую придется исправить на днях, т. к. достаточно и целесообразно существование на Колыме Политуправления, чрезвычайной формы партийного руководства, имея в виду что здесь, как говорит тов. Сталин, — основная рабочая сила по добыче металла, все или почти все заключенный элемент, требующий особого режима. Однако, тов. Сталин ни слова не сказал о необходимости ликвидации окрисполкома, считая, очевидно, его наличие нелишним, а Хабаровский крайком, поспешивший с созданием окружкома без ведома ЦК, поспешил и в данном случае, ликвидировать не только окружком, но и окрисполком. Таким образом нас вернули к той неправильной форме советского руководства, которая была создана в прошлом...».

Подобное свидетельство не просто современника, а активного участника описываемых событий заставляет посмотреть на причины создания и ликвидации Колымского округа с совершенно новых позиций. Насколько оно верно, должен решить поиск дополнительных документов. Но из вышеизложенного можно судить, что точка зрения С. К. Моренкова гораздо ближе к истине, чем ранее существовавшее мнение о единоличной и роковой роли И. В. Сталина в недолговечном существовании Колымского округа.

Действительно, тогда возникает вполне резонный вопрос: а мог ли вообще быть создан данный округ так, чтобы Президиум Верховного Совета РСФСР предварительно не поставил в известность об этом Генерального секретаря ЦК ВКП(б)? Тем более, что И. В. Сталин совместно с В. М. Молотовым и поочередно с наркомом НКВД СССР Г. Г. Ягодой, Н. И. Ежовым и Л. П. Берия (в описываемое время) практически постоянно курировал деятельность Дальстроя. Во всяком случае он очень внимательно следил за нею, ежегодно поздравляя коллектив дальстроевцев с достижениями в горнодобывающей отрасли.

Вместе с тем существование Колымского округа в июле — августе 1939 г. не сыграло какой-то конструктивной и особой роли в жизни Магадана. Да, он получил официальный статус города (и затем сохранил его), но это не привело к созданию органов городского самоуправления. Административно-гражданский и городской коммунальный отделы, влиявшие на развитие Магадана, являлись структурными подразделениями Дальстроя и находились в полной подчиненности его задачам, его руководству и т. д. Однако это не говорит о том, что события в жизни Магадана в июле — августе 1939 г. вообще не происходили. Газета «Советская Колыма» зафиксировала наиболее значимые и даже самые мелкие из них.

Так, 24 июля 1939 г. она поместила заметку Н. А. Вусатова, начальника 1-го строительного участка, производителя работ так называемыми скоростными методами строительства «Привести город в образцовый порядок». В ней, в частности, отмечалось: «Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля с. г. Магадан преобразован в город. Это накладывает на хозяйственные и прочие организации Дальстроя почетную задачу — превратить Магадан в культурный советский город. С каждым годом на Колыме растет число больших каменных зданий. Однако новые сооружения неизменно окружены горами мусора, сараями и уборными. Это происходит потому, что при постройке большинства домов у стройконторы нет согласования с пожарным, санитарно-техническим надзором и сектором планирования проектного отдела Дальстроя. В деле городского благоустройства горкоммуналдел сделал мало... Пора покончить с этим положением. Надо немедленно приступить к уборке мусора, широкому замощению улиц, планированию тротуаров и озеленительным работам».

*После выздоровления К. А. Павлов был назначен заместителем начальника Управления горно-металлургической промышленности ГУЛАГа.

Скоростное строительство двухэтажных деревянных домов из заранее подготовленных блоков проводилось в Магадане по проекту архитектора И. Г. Бачинского с конца апреля 1939 г. В течение всего лишь семи рабочих смен двухэтажное здание на 8 квартир полностью смонтировали. Причем непосредственно на монтаже было занято (при оптимальном варианте) 28 чел., которым подносили необходимый материал 7 подсобных рабочих. Сборкой щитов для перегородок занимались еще 20 чел., а 14 женщин засыпали полы. Затем к работе приступали конопатчики, штукатуры и т. д.

Сохранилась своеобразная «хроника» такого строительства, принадлежавшая одному из ведущих специалистов отдела капитального строительства Дальстроя А. А. Кизильштейну. «24 апреля, в 8 часов утра – все на местах. Начальник участка Вусатов дает сигнал. Первый день – монтаж начался. Уложили еще в подготовительный период балки перекрытия первого этажа, на что графиком отведено 1 1/2 часа работы, строители сразу приступили к сборке стен из брусьев. Параллельно началась укладка наката на балкам, засыпка шлаков по толи, а затем настилка пола. Задание первого дня по сборке стен из брусьев перевыполнено – 120,3% плана, уложено 1309 пог. метров брусьев, или 209,6 кв. метров стен. Второй день монтажа. Закончив на 2 часа раньше срока намеченную графиком сборку стен, подведя здание по перекрытию над 1-м этажом, плотники начали укладку балок, междуэтажного перекрытия – работы 3-го дня. Третий, четвертый и пятый дни монтажа. Погода едва не сорвала работу строителей. Мокрый снег, сильный ветер меняют работы. Десятник объема тов. Катомкин вынужден отвлекать людей на уборку перекрытия от снега. Однако здание растет. На пятый день монтажа коробка здания готова, сделана основная “начинка”. Закончена сборка стен дома, подшиты потолки и установлены перегородки первого этажа, уложены балки чердачного перекрытия; на день раньше срока установлены стропила, закончена навеска оконных переплетов с остеклением и настилка полов обоих этажей, собраны и установлены приборы, кончают разводку труб. Конец шестого дня монтажа. Закончена установка перегородок, подшивка потолков, покрытие крыши асбофанерой на день ранее срока. Кончают конопатку стен, работы на крыше дома – карнизы, фронтон, навеска дверей заканчивается. Последний – седьмой день монтажа. Здание готово, идет “подбор хвостов”. Электрики закончили монтаж, включили здание – свет во всех комнатах. Уборка помещения заканчивается. Коренные леса и краны-укосины разобраны и вывезены с площадки, части фасада окрашиваются. Сантехники производят последние регулировки, дают воду и тепло, включают канализацию. Семь часов вечера. 76 рабочих часов от начала монтажа. Комиссия по приемке здания в эксплуатацию приступила к работе. В 8 часов акт подписан, здание принято, оценка работ – “хорошо”. Дом украшается портретами вождей, лозунгами, иллюминируется. Завтра – 1 мая. Строители слово сдержали».

К концу 1939 г. с применением скоростного метода строительства в Магадане возведено 17 8-квартирных деревянных двухэтажных домов. При их постройке учитывался опыт возведения первого, старательно устранялись все выявленные шероховатости в организации работ, недопускались непроизводительные операции и задержки, была повышена трудовая дисциплина.

Все это свидетельствовало о том, что в полной мере принимались во внимание пожелания и рекомендации упомянутого А. А. Кизильштейна, который указывал: «Не следует считать, что работы по изготовлению деталей и монтажу здания протекали совершенно гладко, “без сучка и задоринки”. Наоборот, и в период заготовки деталей, и в период возведения здания были недочеты и затруднения, возникающие по различным причинам, порой вызванным не только отсутствием опыта скоростного строительства. Постоянное личное техническое руководство авторов проекта в период строительства и подготовки к нему и оперативность начальника участка тов. Вусатова позволили своевременно и быстро разрешать возникающие трудности. Освещение хода работы, недочетов ее, возникших затруднений и мер по их устранению помогут предупредить таковые в будущем. Техперсонал стройки и заготовочных цехов, а также бригады рабочих, намеченные для работы на скоростном строительстве, были предварительно в общих чертах ознакомлены с объемом работ и порядком проведения таковых. За два дня до начала монтажа было проведено производственное совещание при участии авторов проекта и главного инженера стройконторы тов. Сизова, на котором обсуждались все детали предстоящей работы. На стройке были две бригады плотников, разбитых на звенья по 3 человека, которые в период монтажа соревновались между собой. Трудовое соревнование повышало производительность работы... От принципа 100-процентного предварительного завоза всех материалов и деталей на монтажную площадку решено было отказаться ввиду чрезвычайного загромождения площадки. Принят был порядок заблаговременного завоза только в объеме потребности на 1 – 1 1/2 дня монтажа. Основные конструктивные детали и элементы здания изготавливались вне монтажной площадки. На монтажную площадку детали поступали в виде, пригодном для сборки».

Внедрение скоростного метода строительства в Магадане совпало с проводившейся летом 1939 г. Всесоюзной переписью населения. Она выявила общее количество проживающих на Колыме. Таким образом, население Магадана составило 30 657 чел.: 24 940 мужчин и 5717 женщин. По всей видимости, здесь были учтены как вольнонаемные, так и заключенные. Согласно архивным материалам, в данном подсчете участвовало 14 счетчиков и инструкторов-контролеров (все женщины) из 10 предприятий и учреждений Магадана: А. И. Белоусова, М. М. Белоусова, Н. П. Григорьева, В. Н. Гулевская, Т. Б. Елиокунс, Н. Г. Жарова, А. С. Кукушкина, П. С. Меньшикова, А. В. Петрова, М. В. Посаженникова, Д. С. Симонова, В. С. Спец, А. В. Стихина, З. И. Тарасова.

Дальнейшее строительство в Магадане продолжалось уже по новому генеральному плану, в котором органически соединялось как предыдущее, так и вновь запланированное. Например, к концу 1939 г. были достроены и введены в строй 37-квартирный кирпичный жилой дом на углу Колымского шоссе (ныне – ул. Ленина) и Ново-Магаданской улицы (ныне – ул. Пушкина) и двухэтажное кирпичное здание детских яслей на этой же улице, а на углу Колымского шоссе и ул. Сталина (ныне – ул. К. Маркса) продолжалось возведение еще одного многоэтажного здания со встроенным помещением универмага*.

В то же время при определении районов продолжающейся застройки города по новому генеральному плану намечались строительство еще нескольких 4- и 5-этажных зданий, благоустройство улиц, организация скверов и зеленых насаждений, решались вопросы водоснабжения и канализации, энергообеспечения. Одобренный и принятый на заседании технического совета он предусматривал возведение корпусов больничного городка (ныне – областная больница), поликлиники (ныне – поликлиника № 1), Дома культуры (ныне – театр им. М. Горького), Главного управления Дальстроя (ныне – Северовостокзолото).

Большую связующую роль при этом играло архитектурно-планировочное отделение ГКО ДС, организованное приказом А. А. Ходырева 1 октября 1939 г. На него, кроме перспективной разработки генерального плана застройки Магадана, также возлагались *«отвод участков для застройки, контроль за плановостью застройки и архитектурным оформлением строящихся объектов»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 52, л. 150]. Начальником архитектурно-планировочного отделения ГКО ДС был назначен инженер-архитектор Н. П. Давыдов.

Строительство практически всех объектов Магадана велось в основном силами заключенных, содержащихся в лагерных пунктах и командировках, располагавшихся как в черте города, так и вблизи него. Кроме этого, заключенные работали буквально на всех предприятиях и во всех учреждениях административного центра Колымы. Магадан 1939 г. был наводнен заключенными (в основном осужденными по бытовым и уголовным статьям), так как их поступление во время навигации в бух. Нагаева значительно увеличилось даже по сравнению с предыдущим годом.

Введенное в начале лета 1939 г. «Положение о нормах, системе лагерного питания и ларьков довольствия Севвостлага» устанавливало 4 категории питания заключенных в зависимости от выработки: I, особая, – от 120% выполнения и выше; II, повышенная, – от 110 до 119%; III, улучшенная, – от 100 до 109%; IV, общая, – ниже 100%. *«Из норм продуктов, устанавливаемых для лагерного питания (единый котел), – говорилось в “Положении...” – на руки з/к з/к выдается только хлеб, чай и сахар, а из остальных изготавливаются завтрак, обед из двух блюд, причем обязательно в горячем виде»* [Там же. Д. 48, л. 85].

Последующие проверки установили, что в полном объеме выдаваемые по нормам продукты не использовались. Они в основном разворовывались «бытовиками» и уголовниками, которые, в свою очередь (используя наворованное), совершали побеги. Во исполнение циркуляра ГУЛАГа № 107 от 25 июня 1939 г., изданного на основании приказа наркома НКВД № 000676 от 13 июня 1939 г., приказом № 829 по Дальстрою от 20 августа 1939 г. в Севвостлаге был создан отдел режима. Во всех лагерных отделениях выводились должности старших инспекторов по режиму. Отдел по режиму взаимодействовал с уже существующим при Севвостлаге отделом УГРО (уголовного розыска) по борьбе с побегами и лагерным бандитизмом, который возглавлял К. В. Ушаков.

Контингент прибывающей рабочей силы служил питательной средой для дальнейшего возникновения негативных явлений в Севвостлаге. Этому способствовало отсутствие оборудованных лагерных зон, вышек, необходимого количества охраны, что увеличивало количество расконвоированных заключенных. Не лучше обстояло дело и с положением на карантинном пункте (карпункте) 25-го км основной трассы, где размещались для временного проживания освободившиеся из заключения и ждавшие отправки на «материку».

После обследования, проведенного здесь в октябре 1939 г. начальником Севвостлага капитаном госбезопасности А. А. Вишневецким и начальником отдела кадров Дальстроя старшим лейтенантом госбезопасности Ф. С. Григоровичем, было выявлено, что бывшие заключенные размещались *«в палатках размером 6×10 метров по 75–100 и 200 человек»*, а палатки строились *«наспех, примитивно, без отопления, без пола и освещения»*, на заболоченной местности, поэтому *«вся площадь, занимаемая ими, залита грязью, трапов для подхода к палаткам нет»* [Там же. Д. 53, л. 135].

В прибывающих в бух. Нагаева многочисленных этапах, несмотря на обязательное медицинское обследование во Владивостокском ОЛПе, зачастую оказывались заключенные, которых нельзя было вообще использовать на каких-либо работах, ибо среди них находились не только больные и инвалиды, но и те, кто, например, страдал эпилепсией, имел атрофию ног, незажившие швы после ранения в живот. Оседая на лагерных командировках Магадана или в Центральной больнице Севвостлага, такие привезенные не являлись трудоспособными, лишались средств к существованию, что приводило к преждевременной смерти.

*Все эти здания сохранились до сих пор, в том числе здание с магазином «Полярный» и детский сад № 45 (автор проекта А. И. Смирнов).

Часть заключенных вообще умирала во время этапирования из Владивостока в бух. Нагаева, часть попадала в жесточайшие шторма. Постоянные перевозки заключенных не обходились без трагических случаев и катастроф. «В конце августа на пароходе „Джурма“, следующем из Владивостока в Нагаево, – писала 29 сентября 1939 г. газета „Советская Колыма“, – возник пожар. Экипаж судна по руководству капитана парохода тов. Захарова и помощника тов. Попова в весьма сложной обстановке проявил организованность, самообладание и дисциплинированность. Пожар был быстро ликвидирован. Пароход прибыл в Нагаево с минимальными потерями груза. За проявленное мужество, отвагу и дисциплинированность приказом по Главному управлению Дальстроя всему экипажу парохода „Джурма“ объявлена благодарность. Начальнику Управления морского транспорта тов. Корсакову предложено премировать наиболее отличившихся товарищей».

Из упомянутого в газете приказа выявляются точная дата пожара и его место – 27 августа 1939 г. трюм № 2 парохода «Джурма», но о жертвах этого рейса никаких документальных данных не обнаружено [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 52, л. 94]. Возможно, они были, так как сведения сохранились в устных рассказах бывших репрессированных, а у некоторых – в изданных воспоминаниях с описанием жутких подробностей, свидетелями которых, по их словам, они являлись.

К последним относится Н. В. Гранкина. «25 августа, – писала она, – после обеда мы отправились. Нас было всего 70 человек. Остальные – уголовники. К вечеру нас посадили на пароход „Джурма“. В трюме были трехъярусные сплошные нары... Пароход вез очень много людей и кондитерских изделий: конфет, шоколада, печенья. Уголовники, выпущенные на палубу для obsługi, взломали замок и обокрали один из трюмов. Кто-то им помешал, и они, чтобы скрыть следы, подожгли помещение. Деревянные крашенные перегородки начали гореть. Рядом был мужской трюм. Мужчины, задыхаясь от дыма, полезли из трюма, конвой стал стрелять. В трюм были опущены простые, грубо сколоченные лестницы. Они не выдержали тяжести тел и сломались. Явился капитан, отстранил конвой и велел вытаскивать людей веревкой. В панике многих потоптали. Бросились тушить пожар, заливали водой из брандспойтов и, наконец, в трюм, где еще были мужчины, пустили сжатый пар... Должно быть, положение парохода было тяжелое, потому что встретившийся нам пароход „Феликс Дзержинский“, шедший во Владивосток, вернулся и конвоировал нас. Нас еще раз выводили на палубу, и мы видели, что вольным раздавали пробковые пояса. Нас спасать никто не собирался. Море, к счастью, было спокойно, и тридцатого мы причалили к берегу в бухте Веселая, вблизи Магадана. Конвой сразу же сняли и арестовали, так как капитан отказался подписать акт о том, что они стреляли при попытке к бегству. Говорили, что потоптали в панике и сварили сжатым паром 120 человек. Наших женщин вызвали шить мешки, в которых их побросали в море».

Не менее впечатляющий рассказ о пожаре на «Джурме» оставила и бывшая репрессированная В. М. Мухина-Петринская. Ее также этапировали на этом пароходе из Владивостока в бух. Нагаева. Однако рассказ В. М. Мухиной-Петринской имеет другую тональность и поэтому не только отличается в важнейших деталях, но и датируется другим месяцем 1939 г.

В частности, по поводу пожара на «Джурме» В. М. Мухина-Петринская вспоминала: «После Магадана был суд, и мы узнали, как было дело. Так вот: мерзавцы, имеющие отношение к трюму, куда был погружен шоколад для магазинов Магадана, шоколад этот продали и, чтоб скрыть следы кражи, подожгли трюм, – это был первый пожар на борту. Пожар тогда затушили, но искра где-то еще тлела. Второй пожар разгорелся как-то исподтишка, незаметно, но потом внезапно охватил сразу всю корму. Сначала команда тушила его, а потом только изолировала, чтоб не распространялся дальше... В бухту Нагаево пылающая „Джурма“ входила медленно, старший механик резко сбавил скорость... И началась наконец эвакуация на берег... „Джурма“ догорала... Нас построили на берегу, но еще не отправили. Пришло несколько карет „скорой помощи“, погрузили обожженных и раненых из команды и заключенных. Капитан тоже был сильно обожжен... Когда капитан проходил мимо нас, заключенных, мы кричали ему: „Спасибо, капитан!“, „Счастья тебе, капитан!“... Капитана увезли в больницу... Из бухты Нагаево мы поднимались по шоссе вверх – какой крутой подъем! Впереди две тысячи мужчин и затем 600 женщин... Нас вел конвой с огромными овчарками... В тумане показались строения Магадана. Это было 23 сентября 1939 года».

Более трагичный случай произошел через три с половиной месяца после пожара на «Джурме». Тогда о нем не сообщила ни одна газета, но слухи появились сразу и поползли по лагерной Колыме, обрастая самыми фантастическими подробностями. Это была катастрофа, связанная с гибелью парохода морфлота Дальстроя «Индигоирка», и о ней тоже существуют свидетельства, но только не очевидцев, а современников тех событий.

Одно из них принадлежит выдающемуся ученому-биохимику и бывшему репрессированному Е. М. Крепсу: «Я расскажу только о морском переходе из Владивостока в бухту Нагаево – морские ворота Колымы, в конце декабря 1939 г. на пароходе „Дальстрой...“ На судно погрузили несколько тысяч заключенных, которых разместили в 4-х трюмах... Ночью, когда отваливали от причала, стояла еще хорошая зимняя погода. На другой день прошли проливом Лаперуза и вышли в Охотское море. В Охотском море ветер стал крепчать, и к ночи разыгрался шторм. „Дальстрой“ здорово валило, и большинство заключенных в душных, вонючих трюмах укачивало... Пробираясь по качающейся палубе

в темной ночи, обдаваемой то и дело ворвавшейся волной, я не мог не заметить, что ветер, сильный штормовой ветер, ударял то прямо по носу, то гнал судно с кормы, то врывался с правого, то с левого борта. Я понял, что судно идет не каким-либо курсом, а кружится. Я спросил пробежавшего матроса: "Чего мы кружимся?" Он на ходу буркнул (им не велено было общаться с заключенными): "Ищем "Индиگیرку", радист принял "SOS" с "Индиگیرки": она где-то здесь, в Охотском море, мы ее ищем для оказания помощи". Наш "Дальстрой" ничего найти не смог. Бесконечная кошмарная штормовая ночь, наконец, кончилась. Наступил серый зимний рассвет. Море еще было бурное, но мы шли уже своим курсом, ветер бил в правую скулу. Позднее, уже придя в бухту Нагаева, мы узнали, что пароход "Индиگیرка", шедший из бухты Нагаева во Владивосток с кончившими службу солдатами и отбывшими срок заключенными, попал в шторм и погиб, успев только дать "SOS". С "Индиگیرки" не спасся никто».

Все, кроме последнего, написанное Е. М. Крепсом, соответствует действительности. В «Объяснительной записке к бухгалтерскому отчету за 1939 год по Управлению мортрана ГУС ДС (основная деятельность)» указывается: «По пароходу "Дальстрой" увеличение средней длины рейса можно частично отнести за счет предпоследнего рейса, в котором им пройдено лишних 244 мили в связи с обследованием района гибели п/х "Индиگیرка"». То есть поиски, о которых вспоминал Е. М. Крепс, происходили на самом деле, но последствия катастрофы и контингент погибших были другими.

Пароход «Индиگیرка» считался сугубо грузовым и прошел в бух. Нагаева 30 ноября 1939 г. Он доставил из Владивостока взрывчатые вещества и, разгрузив их, стал готовиться в обратный рейс. Несмотря на то что пароход совершенно не был приспособлен для перевозки пассажиров, погрузка их на «Индиگیرку» началась уже 7 декабря 1939 г. Разрешение на это было дано начальником Мортрана Дальстроя лейтенантом госбезопасности Г. А. Корсаковым и мотивировалось тем, что в Магадане к концу навигации скопилось довольно много отпускников и освободившихся из лагерей заключенных, которых требовалось как можно быстрее вывезти на «материк». 8 декабря 1939 г., загрузив в четыре непригодных трюма (их глубина достигала 8 м) 1134 пассажира (в число которых входили отпускники-дальстроевцы, члены их семей, рыбаки-сезонники предприятия «Дальрыбпродукт», 835 освободившихся заключенных (в основном уголовников), 50 этапировавшихся на переследствие, в том числе две женщины, 10 бойцов ВОХРа во главе с сержантом) и имея на борту 39 членов экипажа (капитан Н. Л. Лапшин), пароход «Индиگیرка» вышел из бух. Нагаева и попал в жестокий шторм. Потеряв ориентировку, он сбился с курса и, получив 12 декабря 1939 г. в 2 ч 15 мин ночи первые пробоины со стороны левого борта, уже через 35 мин лег правым бортом на грунт, находясь приблизительно в 800 м от японского берега на глубине 9 м и всего лишь возвышаясь над водой.

В результате крушения погибли 686 пассажиров, все подследственные, 5 конвоиров и 4 члена экипажа. Спасенные с «Индиگیرки» (спасательные работы проводились несколько дней) первоначально были доставлены в японский г. Отару, а потом на пароходе «Ильич» вывезены во Владивосток, погибшие – похоронены у пос. Саруфуцу, им установили деревянное надгробие. Одна из сохранившихся информационных сводок Политуправления Дальстроя добавляет некоторые штрихи к этому событию. Составлявший ее инструктор по информации П. С. Ромашов сообщал: «Во время гибели п/х "Индиگیرки" коммунисты, находившиеся на пароходе, приняли все зависящие от них меры к поддержанию порядка и провели соответствующее разъяснение среди пассажиров, как нужно вести себя в случае, если придется находиться на территории Японии. Бывшие заключенные оказывали сопротивление мероприятиям партийной части пассажиров, занимались грабежом. Поведение многих пассажиров, бывших з/к во время пребывания в Японии было недостойно советских граждан: развязанность в общении с представителями японских властей, картежная игра, пьянство, болтливость, приобретение разных вещей от японцев в виде подарков. Коммунисты и комсомольцы держали себя в основном мужественно. Однако незначительная часть (один кандидат партии и один комсомолец) избегали общения с партгруппой товарищей, занимались рвачеством и склокой. Хуже того, они отказывались выполнять указания партгруппы и лебезили перед представителями японских властей. Эти малодушные люди забыли о том, что советский гражданин, тем более коммунист или комсомолец, должен всегда помнить о престиже своей родины, ее народа» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 129, л. 1].

В то же время органы НКВД начали вести следствие по делу о гибели «Индиگیرки». Первоначально допрошенный еще в конце декабря 1939 г. капитан Н. Л. Лапшин показал: «12 декабря в 1 час 20 минут мой вахтенный помощник увидел справа по носу огонь маяка, характер которого был проверен мной и 2-м пом. Песковским по секундомеру, и убедил нас обоих в том, что это огонь на маяке "Камень опасности", что видно из его вспышек через каждые четыре секунды. Другого такого огня в данном районе нет... Объясняя происшедшую аварию, что принятый нами огонь на маяке "Камень опасности" был фальшивым или подставным».

Однако версия о диверсии со стороны японцев следствием не была принята во внимание. В апреле 1940 г. капитан Н. Л. Лапшин, старпом Т. М. Крищенко, второй помощник капитана В. Л. Песковский и начальник отделения ВОХР сержант И. П. Копичинский предстали перед Военным трибуналом Тихоокеанского флота. Основные обвинения им были предъявлены по ст. 59-3 УК РСФСР («нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины»). В результате Т. М. Крищенко, В. Л. Песковского и И. П. Копичинского приговорили к различным срокам заключения, а Н. Л. Лапшина – к ВМН. 25 июня 1940 г. он был расстрелян.

Среди спасшихся с «Индикирки» находился бывший начальник Магаданской автобазы И. И. Айзенберг. Арестованный по обвинению в контрреволюционной деятельности и участии в подпольной террористической организации, он более полутора лет провел под следствием во внутренней тюрьме УНКВД по ДС в Магадане. После освобождения И. И. Айзенберг получил расчет и документы, которые погибли при катастрофе. О высылке дубликатов впоследствии был запрос в отдел кадров Дальстроя из Таймырского национального округа, где потерпевший уже работал начальником аэропорта Дудинка. Таким образом, пребывание И. И. Айзенберга на борту «Индикирки» документально зафиксировано. Есть сведения, что на этом пароходе должен был быть этапирован из Магадана на пересмотр своего дела репрессированный и отбывавший срок заключения на «Мальдяке» конструктор С. П. Королев, но по каким-то причинам он на него не попал.

«19 октября 1956 г., – пишет журнал “Морской флот” в публикации, посвященной 50-летию гибели “Индикирки”, – была подписана совместная декларация, провозгласившая прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией... В 1969 г. жители Саруфуцу решили заменить старое деревянное надгробье на могиле советских моряков на новый памятник. В июле 1970 г. создается “Общество по сооружению памятника погибшим при кораблекрушении судна “Индикирка””, в которое вошли очевидцы катастрофы и участники спасательных работ. Наиболее видные представители различных кругов района. Председателем Общества стал староста Саруфуцу Каццо Касан. Общество издало специальную брошюру и через местную печать развернуло широкую кампанию по сбору пожертвований на строительство памятника... Комитет собрал 21 млн. рублей. Более половины этих средств поступило от советских организаций. Кроме того, Обществом “Япония – СССР” было решено открыть в Саруфуцу музей дружбы. 12 октября 1971 г. состоялось открытие памятника, созданного японским архитектором Игути Такэси. Он установлен на берегу Охотского моря, недалеко от того места, где погиб на рифах пароход “Индикирка”... Пьедестал памятника, доставленного в августе 1971 г. на теплоходе “Уссури”, из серого дальневосточного гранита, выполнен в форме корабля. Сам памятник представляет собой пятиметровую металлическую скульптурную группу в виде трех фигур, взявшихся за руки и закрывающих собой шар. Более пяти тысяч человек, собравшихся на торжественную церемонию открытия памятника, тепло встречали советскую делегацию. Участники церемонии почтили память погибших, высказались за расширение дружбы, развитие всесторонних связей между двумя странами. На митинге десяти наиболее активным участникам спасения советских моряков вручили медали СССР “За спасение утопающих”. С обоюдного согласия собравшихся было решено в дальнейшем отмечать погибших на “Индикирке” в День моряков и рыбаков, который отмечается в Японии в третьей декаде июля (точнее, это 22 июля. – А. К.)... К сорокалетию гибели парохода “Индикирка” Япония выпустила наградную и настольную медали с изображением памятника жертвам кораблекрушения. На оборотной стороне медалей – текст на русском языке: “40 лет памяти судна “Индикирка” п. Саруфуцу 1979.7.22” и “В память о мужественной помощи жителей Саруфуцу судну “Индикирка” и во имя мира и японо-советской дружбы 1979.7.22”» [Копталев, 1989. С. 65].

Катастрофа парохода «Индикирка» произошла после смены руководства Дальстроя. Согласно приказу наркома НКВД СССР № 1899, с 19 ноября 1939 г. к исполнению обязанностей начальника Дальстроя приступил комиссар госбезопасности 3-го ранга И. Ф. Никишов. Иван Федорович Никишов родился 10 сентября 1894 г. на хуторе Варькино Царицынской губернии. Окончил 4-классное народное училище. Потом он работал в хозяйстве отца; с 13 лет был пастухом; батраком у кулаков, береговым рабочим. После начала первой мировой войны И. Ф. Никишов – рядовой, унтер-офицер, фельдфебель; с 1918 г. в рядах Красной Армии – командир роты, батальона, полка. С 1924 г. служил в пограничных войсках ОГПУ СССР; окончил (в 1929 г.) Высшую пограничную школу, командовал 41-м Нахичеванским пограничным отрядом, железнодорожной бригадой, войсками ОГПУ Центрально-Черноземной области. В 1937–1938 гг. И. Ф. Никишов был начальником пограничных и внутренних войск НКВД Азербайджанской ССР, начальником Управления пограничных войск УНКВД Ленинградской области. С 29 ноября 1938 г. по 10 ноября 1939 г. возглавлял Управление НКВД Хабаровского края. В декабре 1935 г. И. Ф. Никишову было присвоено звание комбрига, в феврале 1939 г. – комиссара государственной безопасности 3-го ранга. Он также был награжден Георгиевскими крестами III и IV степени, нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ, орденом Боевого Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени Закавказской СФСР и Азербайджанской ССР.

Первым заместителем И. Ф. Никишова стал старший майор госбезопасности Сергей Егорович Егоров, до этого заместитель начальника ГУЛАГа, а начальником Политуправления Дальстроя – дивизионный комиссар Иван Кузьмич Сидоров. Комбриг А. А. Ходырев назначен вторым заместителем И. Ф. Никишова. 7 марта 1940 г. он был освобожден «от занимаемой должности с предоставлением ему отпуска от 20 марта 1940 г. за проработанное время с откомандированием в распоряжение отдела кадров НКВД СССР» [Архив СВЗ, д. 77-а, л. 96]. Вместо него был назначен бывший начальник Управления морского транспорта по ДС Георгий Аркадьевич Корсаков.

Приступив к исполнению обязанностей начальника Дальстроя, И. Ф. Никишов издал приказ № 029 от 26 декабря 1939 г. «О режиме содержания заключенных на трассе и Нагаево-Магаданском

районе, о борьбе с преступностью и о усилении охраны объектов Дальстроя», послуживший основным руководством к действию на ближайшее время. Важными пунктами этого документа были: «§ 1. Категорически воспретить направлять заключенных в командировки в различные управления и отделы ГУС ДС, находящиеся в Нагаево-Магаданском районе и пунктах расположения объектов ГУС ДС до поселка Атка включительно. § 2. Запретить бесконвойное передвижение заключенных по трассе и в Нагаево-Магаданском районе. Всякое передвижение заключенных из лагерных подразделений к месту работы, а также нахождение их на работе производить под усиленным конвоем, исключая возможность самоотлучек и побегов. § 3. Начальнику УСВИТЛа капитану госбезопасности тов. Вишневецкому проверить списочный состав заключенных во всех лагерных подразделениях Нагаево-Магаданского района, включая поселок Палатка..., и всех осужденных по ст. ст. 59/3, 165 и 167* УК РСФСР и соответствующих статей УК других республик, а также вторично осужденных на Колыме, с работы снять и направить для работы в горные управления. Заключенных, осужденных по ст. ст. 162, 164**, по закону от 7/VIII-32 г., за мошенничество, подлог, растрату, хищения и спекуляцию снять с работы, связанной с хранением и учетом товарно-материальных ценностей. § 4. Запретить проживание заключенных в местах работ (цехах, складах, конбазах, кочегарках, водоразборных будках и т. п.) и водворить всех без исключения, кроме домобслуги, в зону лагеря. § 5. Ограничить правом пользования домобслужбой из заключенных, предоставив это право только начальникам управлений, отделов и их заместителям и главным инженерам. § 6. Всех колонистов деколонизировать, водворить в лагерь и направлять на работу только в горные управления. Семьи колонистов из Нагаево-Магадана выселить за пределы погранполосы и с открытием навигации отправить на «материк». § 7. Нач. УАТ тов. Пасынчук, нач. ГАИ УРКМ тов. Чуковенко и руководителям автохозяйств Нагаево-Магаданского района, п. Палатка и автобаз №№ 1 и 6 всех заключенных водителей с работы снять и заменить вольнонаемным составом... § 8. Начальнику Управления Раб. Кр. милиции капитану милиции тов. Кедрову проверить всех ранее судимых за контрреволюционную, шпионскую, вредительскую, диверсионную и повстанческую деятельность, бандитизм, вооруженный разбой, налеты, мошенничество по закону от 7/VIII-32 г., независимо от работ из пределов погранзоны выселить <...> § 11. Взять под особое наблюдение: театры, клубы, столовые, магазины, почту и аптеки, прекратить туда совершенно доступ заключенным. § 12. Ввести круглосуточное патрулирование по Нагаево-Магаданскому району силами милиции, ВОХР и погранотряда. § 13. Выставить милицкий пост на 10-м километре трассы в целях проверки правильности въезда в погранполосу, а начальнику УСВИТЛа выставлять дозоры по обе стороны трассы в этом же районе <...> § 16. Нач. УСВИТЛ организовать для лагподразделений Нагаево-Магаданского района центральный штрафной лагерный пункт на территории Магаданского леспромхоза № 1...»

Принятый данный приказ (он издавался как секретный) был направлен против огромной массы уголовников и бытовиков (общее количество заключенных Севвостлага к началу 1940 г. составило 163 475 чел., в то время как к концу 1938 г. – 93 976 чел.), прибывавших в то время в бух. Нагаева и, несомненно, оседавших го в Магадане. Далее последовал и ряд других, приведших к упорядочению структуры лагерных подразделений. С начала 1940 г. в Нагаево-Магаданском и близлежащем к нему районах были организованы отделения и ОЛПы Севвостлага. В состав отделений вошли Нагаевское, монтажно-строительного треста, Управление сельского хозяйства, геологоразведочного управления, лесного отдела Дальстроя, Дальстройугля, комендантское, инвалидного городка; в состав ОЛПов – Управление рыбопромыслового хозяйства, горкоммунотдела, промкомбината, авторемонтного завода, завода № 2, Сануправление Дальстроя, Управление связи Дальстроя и женский ОЛП. Наряду с этим изменилось решение о создании центрального штрафного лагерного пункта. Если первоначально его предполагалось разместить на берегу р. Каменушка, то затем было решено перенести на 59-й км трассы к устью р. Уптар (в район 1-го сплавного участка), что обуславливалось наличием пригодного для использования лесного массива.

В связи с тем, что «за 1939 год резко увеличались групповые и единичные побеги заключенных, повысилось число нападений бандитских групп на граждан, увеличилось расхищение социалистической собственности внутри лагеря, участились случаи грабежа грузченностей с автомашин на трассе и возросли прочие уголовные преступления среди заключенных и в/наемного состава лагеря» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 149, л. 9], И. Ф. Никишов издал приказ № 04 от 14 января 1940 г. о непосредственном подчинении отдела уголовного розыска по борьбе с побегами и лагерным бандитизмом УНКВД по ДС. Новым начальником отдела был назначен Г. Д. Цепляев.

23 марта 1940 г. газета «Советская Колыма» поместила в рубрике «Происшествия» следующее сообщение: «Три бандита, вооруженные ножами, 18 марта совершили налет на дом №15 по Северной улице поселка Нагаево. Угрожая оружием, они связали хозяина квартиры И. Е. Демина, забрали носильные вещи и скрылись. Работники милиции задержали в будке около Нагаевской столовой одного из участников ограбления Титова. В этот же день в доме № 16 по Колымскому шоссе на квартире у Скорина задержан главарь банды. Здесь же найден чемодан с вещами Демина. Бандиты арестованы и предаются суду».

*Статьи УК РСФСР: ст. 59/3 – бандитизм; ст. 165 – грабеж; ст. 167 – разбой (нападения, опасные для жизни).

**Статьи УК РСФСР: ст. 163 – кража имущества; ст. 164 – покупка краденого.

Вскоре было раскрыто «дело бандитской шайки Сидоркина». Оно слушалось на открытом судебном заседании постоянной сессией Хабаровского краевого суда в составе председательствующего И. П. Рогожина, народных заседателей В. Н. Мирошкина и М. И. Симакова. Государственным обвинителем был помощник прокурора по Дальстрою В. И. Пономарев, защитником – Н. Н. Косарев. Не вдаваясь в подробности, приведем по этому делу еще одно сообщение газеты «Советская Колыма» от 17 мая 1940 г., в котором говорилось: «На днях уголовным розыском УСВИТЛа закончено следствие по делу бандитской группы Сидоркина. Крупная шайка воров и грабителей на протяжении нескольких месяцев терроризировала жителей Магадана. Все 26 членов этой группы пойманы. Обвинительный акт утвержден прокурором... Разбойничья группа Сидоркина организовалась в ноябре прошлого года из числа темных уголовных элементов, скрывшихся от репрессий следственных органов. Большинство из них имело за собой много тяжелых преступлений. Пользуясь укрывательством работника стройконторы Прахова, в доме которого бандиты устроили свою штаб-квартиру, они развернули интенсивную деятельность. 21 ноября эта шайка с целью ограбления совершила налет на камеру хранения магаданской городской гостиницы. Было похищено имущества на несколько тысяч рублей. Через несколько дней ограбление было повторено. И снова бандитам удалось скрыться. За короткий сравнительно срок шайка Сидоркина совершила около 15 грабежей и вооруженных налетов. Бандиты ограбили склады Сануправления и Дальстройугля, городскую гостиницу, пушной склад, несколько квартир и отдельных граждан. Всего у предприятий и частных лиц они похитили товаро-материальных ценностей на сумму 151 823 рубля. Ворованное имущество бандиты сбывали через бывшую уборщицу Дома книги Садовскую-Каминскую, шофера транспортной конторы горкоммунотдела Кузьмина, проживавшего в доме № 2 по улице Сталина, и через других своих агентов. У них же, как и у Прахова, грабители находили убежище, делили добычу, намечали объекты для новых нападений. В ночь под Новый год в доме Прахова состоялось очередное собрание бандитов. Делили добычу, пили спирт. В этот момент в дом вошел наблюдавший за порядком боец ВОХРа Конопелько. Грабители набросились на него и зверски убили. В эту же ночь труп убитого был отвезен на автомашине на трассу и брошен за глинобитным городком...»

Выявленные материалы свидетельствуют, что, выступая за укрепление лагерного режима, новое руководство Главного и Политического Управлений Дальстроя в начале 1940 г. предприняло также ряд практических шагов по пресечению каких-либо контактов, связей «коммунистов, комсомольцев и беспартийных с заключенными» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 191, л. 46]. Это проходило в русле присущих тому времени идеологических установок как по всей Колыме, так и непосредственно в Магадане, где было выявлено множество негативных фактов, приводимых в закрытом письме И. Ф. Никишова и И. К. Сидорова от 10 февраля 1940 г., адресованном политработникам Дальстроя всех уровней.

Спустя неделю они же составили докладную записку наркому НКВД СССР Л. П. Берия, один экземпляр которой был отослан и секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. «Несколько слов об исправительно-трудовом лагере и лагерном режиме, – писали И. Ф. Никишов и И. К. Сидоров. – Приказ НКВД СССР № 00889 о режиме в лагерях выполнялся плохо. Большинство лагерников, за исключением содержащихся в изоляторе и штрафных командировках, работает без конвоя, последнее пытались объяснить отсутствием необходимого количества бойцов военизированной охраны. Принятые меры показали, что даже при наличии количества охраны можно достигнуть большую степень законвоирования и усиление режима для заключенных. Но режим и охрана еще недостаточны, необходимые меры принимаются. Отстают еще дело со строительством зон, вахт, вышек и устройством освещения. Все это дает неэффективную службу охраны. Бараки, палатки, кухни-столовые и бани для зимы не приспособлены и подготовлены весьма слабо, санитарное состояние в ряде случаев неудовлетворительное... Против потерь и хищений принимаем необходимые решительные меры, ведется следствие по окончании которого устроили показательный процесс. Всех лагерников полностью снимаем с работ, связанных с материальными ценностями, и выдворяем в зону лагеря. Ликвидировали колонпоселки, которые являлись пристанищами для беглецов и всяких темных элементов, колонистов водворили в лагерь, постройки и инвентарь передали местному коренному населению, способствуя более быстрому переходу последнего с кочевья на оседлый образ жизни и укреплению колхозов...».

В число ликвидированных вошел пос. Веселая, расположенный на берегу одноименной бухты. С начала 30-х гг. там существовал рыбный промысел, который постепенно превратился в крупное рыбопромысловое хозяйство Дальстроя – Усть-Магаданский промхоз. Одновременно с ним вырос и поселок, в котором были клуб, школа, магазины. С Магаданом он соединялся довольно неплохой дорогой (построенной летом 1937 г.), что способствовало сбыту продукции рыбпромхоза. Затем на месте пос. Веселая возник поселок вольнонаемных, но сначала там жили бывшие заключенные-колонисты.

7 марта 1940 г. И. Ф. Никишов подписал приказ № 249, в котором указывалось главное направление в лагерном строительстве административного центра Дальстроя: «перевести все лагеря, расположенные в г. Магадане-Нагаево, на 2–3 км трассы». Там же предполагалось «построить хлебозавод, больницу, баню-прачечную, клуб для обслуживания всех з/к з/к лагерей», казармы военизированной охраны и другие объекты «для обслуживания ВОХРа (столовая, клуб, склады)» [ГАМО, ф. р-23сч, оп. 1, д. 60, л. 112].

Строительство было назревшей проблемой на подавляющем большинстве лагерных командировок Нагаевского отделения Севвостлага. Их строительство сначала вели те организации, в которых использовались заключенные, охраняемые военизированной охраной, затем была создана специальная строительная контора – Стройконтора УСВИТЛа. Ее руководителем 15 марта 1940 г. назначили М. З. Ахундова [Архив СВЗ, д. 77-а, л. 104].

«Строительная контора УСВИТЛа, – писала газета “Советская Колыма”, – организована только в марте этого года... За десять месяцев контора в целом план по строительству выполнила на 101 процент при производительности труда в 116 процентов. При этом получено 1260 тысяч рублей экономии за счет заготовки строительных материалов и экономии по накладным расходам. Экономия по строительным материалам достигнута за счет организации сплава строительного леса по мелководной реке Боханче. Строители воспользовались осенними дождями и почти без затрат лес сплывили к 8-му километру трассы, откуда его легко перебросили в Магадан на автомашинах... Начальник строительной конторы коммунист инженер тов. Ахундов разработал проект строительства жилых бараков и помещений из отходов дерева, леса и глины. По проекту тов. Ахундова из отходов пиломатериалов (рейки и доски) строится каркас, стены которого набиваются мхом с 10-процентным глиняным раствором. Затем производится штукатурка стен глиной изнутри и снаружи. Внутри, кроме того, делают побелку. Теплопроводность стен такого здания значительно ниже, нежели бревенчатого. Установлено, что стена рубленого здания толщиной в 22 сантиметра обладает одинаковой теплопроводностью со стеной, сделанной из отходов пиломатериалов, мха и глины, толщиной в 11 сантиметров. Как правило, стены зданий толщиной не ниже 22 сантиметров. Следовательно, теплоизоляционность барака или дома, сделанного из мха и глины, в два раза выше, чем у деревянных. Отсюда экономия средств на отопление. Кроме того, если стоимость кв. метра полезной площади рубленого здания из бревен толщиной в 18 сантиметров равняется в среднем 49 рублям, то стоимость кв. метра здания, сделанного из мха и глины, – 14 рублей 47 коп.» [Дмитриев, 1940].

В то же время здания для своих целей стройконтора УСВИТЛа продолжала делать и из дерева. Поэтому проблемы его рационального использования для всего Дальстроя должны были своевременно решаться. Рассуждая на эту тему, заместитель начальника ОКСа Дальстроя Г. И. Чудаков отмечал: «Дерево пока является основным строительным материалом на Колыме. Для строительства на 1940 г. Дальстроя (включая основное производство) требуется несколько сот тысяч кубометров деловой древесины. Запасов леса, в особенности деловой древесины, становится все меньше и меньше. Лесные массы с каждым годом уходят в глубь тайги, и перевозка леса становится все труднее и дороже. Несмотря на это, лесоматериалы на стройплощадках расходуются самым варварским способом. Достаточно указать на такой факт: при обтесывании ручным способом бревна на брус теряется около 25 проц. деловой древесины. Это же самое бревно, спиленное на лесорама, сохраняет эти 25 проц. древесины в виде горбылей или пластин, необходимых на строительстве. Характерно, что стоимость только одного транспорта этой “бросовой” древесины в масштабе строительства 1940 г. выражается в сумме около двух миллионов рублей. Необходимо централизовать и механизировать переработку древесины по возможности в одном месте. Этим мы значительно сэкономим в материале, транспорте и улучшим качество продукции. Помимо этого, на базе отходов, получаемых при переработке опилки, стружка и др.), можно организовать производство фибролита, прессованной стружки и других материалов, необходимых в строительстве. Организацию строительных работ нужно перестроить таким образом, чтобы на стройплощадки завозить готовые элементы и детали зданий, а не сырье с большим процентом отхода».

Однако лагерное строительство все-таки не являлось для Магадана доминирующим. В 1940 г. уже основным стало общегородское строительство производственных и жилых помещений, в том числе многоэтажных кирпичных зданий.

Кроме этого использовались и другие, в чем-то необычные строительные материалы. Так, в начале 1940 г. технические руководители промкомбината искали глину для проектируемой постройки кирпичного завода. Во время ее поисков в притеррасовой полосе левого берега р. Магаданка были обнаружены значительные запасы торфа, охватывающие площадь 50 га и исчисляющиеся 28–30 тыс. т. В информации, помещенной в газете «Советская Колыма» 5 апреля 1940 г., отмечалось: «Предварительные работы и исследования торфяного массива, расположенного в притеррасовой полосе левого берега реки Магадан (так она тогда называлась. – А. К.), и данные анализа торфа установили промышленное значение этого участка с точки зрения запасов торфа и качественной характеристики его. Учитывая это, Главное Управление Дальстроя предложило Местпрому немедленно приступить к организации добычи торфа на этом участке. За инициативу, проявленную в изысканиях торфа в окрестностях Магадана, начальнику Местпрома тов. Ясногородскому и начальнику проектного отдела Местпрома тов. Бурдасову объявлена благодарность».

Я. Н. Ясногородский возглавлял местпром Дальстроя с 10 июля 1939 г., а В. Е. Бурдасов являлся известным специалистом-строителем. Как свидетельствуют архивные документы, по его проектам, утвержденным техническим советом Дальстроя, в Магадане уже были «построены два больших цеха пошивочной фабрики» и строились «новые корпуса фабрики и кожевенного завода». Кроме этого, «бу-

лучи в отпуске в 1939 г., Бурдасов ознакомился с рядом фабрик Москвы, Ленинграда, а также изучил технологию и технику новых производств, вводимых в Местпроме» [Архив СВЗ, д. 10526, л. 18].

Обнаруженный на левом берегу р. Магаданка торф стал использоваться как для обжига кирпичей, так и для отопления помещений. В связи с этим инженер И. Е. Александров поднял вопрос, основные положения которого сводились к следующему: *«Заведующий лабораторией бывшего отдела капитального строительства тов. Шатковский в марте 1938 года изготовил из торфа и растительного верхнего покрова несколько образцов блочных плит и назвал их "оргалит". Этот "оргалит" может служить прекрасным материалом для заполнения стен, перегородок, для утепления потолков, междуэтажных перекрытий и в отдельных случаях – для полов и временных зданий различного назначения, так как его теплопроводимость гораздо ниже дерева. Изготовление "оргалита" намечается из верхнего растительного слоя, сфагноума и торфа, путем прессовки при давлении 3–5 кг/см², в специальном станке, предложенном автором, с последующей обшивкой рейкой 2,5×3 см. Основное качество "оргалита", как термоизолятора, характеризуется следующими данными: при объемном весе 0,55–0,6 коэффициент его теплопроводности, при естественной влажности в 12–15%, составит примерно 0,12–0,15, т. е. в 1,5–1,25 раза выше, чем древесина. Это важнейшее качество ценно в тайге, где среднегодовая температура очень низка, а безморозных дней в году 100–110... Другие положительные качества "оргалита" – это малая звукопроводимость, малый объемный вес, транспортабельность, малая возгораемость (только тлеет), экономичность, возможность сборки на месте круглый год, что особенно ценно при длинной зиме. Время для постройки сокращается примерно на 50 проц., для сборки можно использовать малоквалифицированную рабочую силу... Заготовка каркасов стандартных размеров, окон, дверей и других деталей должна будет производиться на деревообделочном заводе, а изготовление оргалитовых плит – на специально построенном заводе... При применении плит "оргалита" не требуется сплошных, глубоко заложённых фундаментов, достаточно иметь опоры на отдельных столбах, поставленных через 2–3 метра и приподнятых повыше от поверхности земли, чтобы постройка была суше. Это качество "оргалита", связанное с его легкостью, особенно ценно на вечно мерзлом грунте, так как не будет оттайки, а следовательно, и последствия от деградации вечной мерзлоты. Сборка санитарных построек из "оргалита" может быть выполнена в короткий срок, без тепляков, причем "оргалитом" заполняются не только наружные стены, но и потолки, а также перегородки. Внутренние отделочные работы могут вестись с печами-временками круглый год. Перегородки из плит "оргалита" могут быть пригодны как для временных, так и для фундаментальных каменных зданий, так как они обладают, помимо звуконепроницаемости, еще и меньшей способностью загораться. Благодаря меньшей толщине оргалитовых плит, по сравнению с деревянными, будет достигнута экономия в стоимости одного квадратного метра, которая, по расчету автора предложения, составит около 37%. Плитами "оргалита" можно заполнить перекрытия потолков и полов, ими можно заменить накат пола, при этом щели потребуются засыпать опилками или смазать глиной, в зависимости от времени года».*

Описанное И. Е. Александровым по сути дела касалось всего лишь теории. Однако оно было вызвано тем, что на практике вопрос о внедрении оргалита еще и в 1940 г. не сдвинулся с места. Как свидетельствуют собранные факты, почти весь 1938-й и весь 1939 г. ушли только на дебаты и принятие вроде бы правильных решений. Так, в июне 1938 г. предложение об использовании оргалита было рассмотрено и одобрено на совещании ИТР и строителей-дальстроявцев. Решено было сначала применить экспериментальные плиты на более легких зданиях, а для этого организовать их производство в Магадане. Предполагалось также приступить к проектированию типовых зданий и построек, конструкций каркаса, стен, перекрытий, окон, дверей.

Однако дальше этого дело не пошло. Об оргалите, казалось, забыли и вернулись к нему только после организации монтажно-строительного треста, который весной 1939 г. передал все имеющиеся материалы по данному предложению в ОКС Дальстроя. На состоявшемся еще одном техническом совещании оно было вновь одобрено и намечено к исполнению, но уступило место решению других менее затратных вопросов и проблем.

Так возникла идея строительства узкоколейной железной дороги между зданием магаданской средней школы, расположенным в центре города, и близлежащим лесопильным заводом. Дело в том, что тогда каждое многоэтажное кирпичное здание имело свою котельную. Из отходов угля, сгорающего в такой котельной, лесозавод должен был начать вырабатывать шлакобетонные блоки для жилищного строительства. Поэтому узкоколейная железная дорога, ведущая от лесопильного завода к школе, в скорости была построена, и началось запланированное производство.

«В связи с ростом программы капитального строительства... и для улучшения оперативного руководства промышленным и гражданским строительством» приказом № 39 И. Ф. Никишова от 10 января 1940 г. было организовано самостоятельное Управление подрядного строительства под названием «Колымгражданстрой» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 58, л. 105–106]. Начальником новой организации назначили И. И. Белова, его первым заместителем и главным инженером – А. И. Сизова. Из состава существующего МСТ были выделены и переданы в Управление «Колымгражданстрой» магаданские строительные конторы № 1 и 2, конторы подсобных предприятий, транспортная контора и Ольский

стройучасток. «Для территориального приближения МСТ к его производственным точкам» управление треста переехало в поселок Ягодный*. Все здания, принадлежащие ему в Магадане, были переданы Колымгражданстрою.

«В соответствии с характером деятельности проектного отдела ГУС ДС, являющегося хозяйственной производственной единицей», приказом № 240 И. Ф. Никишова от 5 марта 1940 г. он был переименован «в подрядное проектно-изыскательское управление Дальстроя» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, л. 60, л. 87] с сокращенным названием Колымпроект, руководителем которого стал бывший начальник проектного отдела Н. П. Крыжановский.

Кроме того, в начале 1940 г. был решен вопрос об организации еще одного управления – Колымжелдорстроя – Управления по строительству и проектированию железных дорог Дальстроя, основной задачей которого являлась прокладка спроектированной узкоколейной железной дороги Магадан – Палатка. Местопребыванием Колымжелдорстроя стал поселок 23-го км основной трассы, а начальником и главным инженером – И. В. Митасов. Весной 1940 г. была подобрана кандидатура непосредственного начальника строительства узкоколейной железной дороги Магадан – Палатка. На эту должность назначили С. П. Вырского. 31 мая 1940 г. был утвержден оперативный график строительства железной дороги на «участке Магадан – Уптар», и началось непосредственное выделение материально-технических средств «в количествах и в сроки, указанные в графике и заявках».

Вместе с тем более конкретный, углубленный подход к решению данного вопроса обусловил созыв расширенного заседания научно-технического совета Дальстроя. Оно состоялось под руководством И. Ф. Никишова 4 октября 1940 г. «На заседании, – писала газета “Советская Колыма”, – рассматривался вопрос о проекте и строительстве узкоколейной железной дороги, связывающей Магадан с тайгой. С докладом выступил главный инженер проекта тов. Анисимов В. В. Пользуясь многочисленными диаграммами, схемами, чертежами, он подробно осветил содержание проекта строительства дороги и ее роль в экономике Дальстроя. Содокладчики т.т. Березкин, Малышев, Метяшин и др. осветили специальные вопросы проекта. Проект предусматривает строительство первой очереди дороги от Магадана до 45-го километра. Во вторую очередь входит строительство дороги от 45-го километра до Палатки и от Магадана до порта Нагаево. Трасса железной дороги пойдет от города вверх по реке Магаданке 5 км, далее – через Бохапчинский перевал и затем – по направлению автодороги до Палатки. При этом грузопотоке, на какой рассчитан проект, стоимость перевозки грузов выражается в 21 коп. за тонно-километр. Перевозка грузов на автомашине обходится значительно дороже – от 1 руб. 36 коп. до 1 руб. 50 коп. за тонно-километр. Разница от стоимости грузоперевозок по железной дороге и по автотрассе составляет десятки миллионов рублей. Таким образом, железная дорога уже в первый год эксплуатации оправдает затраты на ее сооружение. В связи с постройкой железной дороги отпадает вопрос о строительстве бензопровода до Спорного. Постепенно, по мере строительства дороги вдоль автотрассы, железнодорожные перевозки грузов будут вытеснять перевозки на автотранспорте, причем железная дорога должна в полной мере освоить оставшееся хозяйство автобаз. Руководящий уклон дороги был также вопросом, вызвавшим продолжительное обсуждение. В проекте предусмотрен руководящий уклон в 14 тысячных. Такой уклон допускает весьма эффективное использование тягового и подвижного состава при эксплуатации, но требует некоторого увеличения земляных работ во время строительства дороги, по сравнению с уклоном, например, в 18–20 тысячных, в защиту которых выступил инженер Арутюнов. Однако выяснилось, что экономия на земляных работах при строительстве дороги в данных условиях незначительна. Выгоды от руководящего уклона предусмотренного проекта в короткий срок эксплуатации перекрывают разовую экономию от сокращения земляных работ во время строительства. Инженер Арутюнов в прениях предложил весьма интересные соображения о исправлении трассы дороги, начиная с 74-го километра автотрассы» [Торопчинов, 1940].

Последующее строительство железной дороги и дальнейшие связанные с ней проекты также отражались на страницах газеты «Советская Колыма». «От Магадана до 53-го километра автотрассы, – писал начальник гидроработ Колымжелдорстроя, – развернулись строительные работы по прокладке железной дороги. Наибольшее развитие работы получили на протяжении первых 14 километров. Здесь работы производит вторая дистанция (нач. тов. Ярош). В районе 25-го км неплохо развернул дело начальник 3-й дистанции тов. Кузьмаков. Немало сделано и на самом сложном, заболоченном участке железнодорожной трассы – в пойме реки Уптар. Наравне с разворотом строительных работ ведется изыскания для дальнейшего проектирования. От 47-го километра до Палатки изыскания можно считать законченными. 15 октября “Колымжелдорстрой” получил задание – вести дорогу до Дебина. Гидрогеологи готовятся к выезду на трассу будущего пути с целью изучения водного режима пересеченных мостами рек. Еще 15 сентября обследован путь до Стрелки, а на 16 октября были уже разбросаны гидроотряды до 252-го километра. Эти отряды приступили к оборудованию гидроотводов на 15 реках. К 20 октября 1940 г. предполагается освоить все реки до Стрелки с тем, чтобы была возможность двинуться дальше до Дебина. Данные гидроработ необходимы при проектировании

*В настоящее время – Ягодное.

мостовых переходов, водоснабжения, малых искусственных сооружений, стационарных площадок снегозащиты и т. п.» [Акулов, 1940].

Одновременно с этим продолжала функционировать узкоколейная железная дорога Магадан – урочище «Тупик», находившаяся в ведении лесного отдела Дальстроя. Ее общая протяженность составляла 16 км. В сторону от основной магистрали железной дороги Магадан – урочище «Тупик», вверх по р. Каменушка, была проложена 9-километровая ветка. Курсировавшие по железной дороге два паровоза колымского завода (каждый тянул состав из 15 платформ) могли в общей сложности привезти в Магадан до 600 м³ дров или 220 м³ круглого леса. В выходные дни один из паровозов с составом платформ предоставляли городским организациям для перевозки экскурсий и рядовых магаданцев, желавших отдохнуть в живописных окрестностях Магадана.

2 февраля 1940 г. приказом заместителя начальника Дальстроя С. Е. Егорова «с целью систематического изучения состава и исследования обогатимости полезных ископаемых районов Колымы, Индигирки и Чукотки и обобщения накопленных материалов» была организована Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ) Дальстроя. Первоначально она располагалась в пос. Усть-Утинная, а затем переехала в Магадан. Главным инженером и научным руководителем ЦНИЛ стал горный инженер Н. П. Сосновский.

26 ноября 1940 г. еще одним приказом С. Е. Егорова «для проведения научно-исследовательских и сводных работ по многолетним материалам геологических исследований ГРУ, а также в целях проведения методических работ», при Геологоразведочном управлении Дальстроя (начальник В. А. Цареградский) был организован научно-исследовательский отдел (НИО). Все выполняемые работы предлагалось составлять «в пригодном для представления к печати виде». Редактирование этих работ возлагалось на геологов В. А. Цареградского: Е. Т. Шаталова и Г. А. Кечека.

Организация новых строительных и проектных управлений сыграла положительную роль в дальнейшем строительстве Магадана, которое велось по генеральному плану 1939 г. В соответствии с ним возводились капитальные здания на Колымском шоссе (ныне – ул. Ленина), на углу улиц Сталина (ныне – ул. К. Маркса) и Школьной (ныне – пер. Школьный), на углу Колымского шоссе и ул. М. Горького, в районе ул. Пролетарская и за парком культуры и отдыха. Не менее важными являлись строительство первого двухэтажного здания Дома пионеров на том же Колымском шоссе, надстройка вторых этажей уже существующих гостиниц, обустройство транзитного городка и других объектов.

«Закончена надстройка второго этажа гостиницы № 1*, – сообщала 6 мая 1940 г. газета «Советская Колыма», – Магаданцы получают дополнительно 53 жилых комнаты... Продолжается строительство бараков на территории транзитного городка**. В семи бараках настилают полы, подшивают потолки, устанавливают оконные переплеты... В связи с недостатком рабочей силы строительство новой столовой временно законсервировано».

20 июля 1940 г. газета «Советская Колыма» опубликовала информацию, в которой сообщалось: «Строящийся в Магадане по проекту архитектора Юргенсона 57-квартирный жилой дом – самое большое, высокое здание на Колыме. В новом доме – 14 двухкомнатных квартир, 7 – трехкомнатных и 36 квартир, состоящих из двух комнат и одной маленькой для домашней работницы. В комнатах монтируются стенные шкафы, устраиваются антресоли. Все квартиры имеют кухню, ванную и переднюю. В каждой квартире – изолированный выход на лестничную площадку. В комнатах, где расположены санитарные приборы, полы настилают метлахской плиткой, изготовленной магаданским бетонным заводом. Полы в жилых комнатах и на кухнях будут деревянные, крашенные. Стены комнат окрашивают в белый цвет с колерными панелями и фризами по выбору будущих жильцов. Масляной панелью окрасят помещение кухонь, ванн и уборных. На кухнях и в ванных комнатах устанавливают вытяжную вентиляцию. В квартирах будет усовершенствованное электроосвещение. Интересен внешний вид здания. Наружные стены фасада строители оштукатурят под рустовку. В некоторых местах дома устанавливают балюстрады. Часть балконов здания украсят металлические решетки, окрашенные в стальной цвет. Некоторые балконы будут иметь решетки из бетонных баясин с установленными по углам бетонными тумбами, окрашенными в белый цвет. Плоскости стен будут окрашены в светло-палевый цвет. Каждая наружная дверь дома будет иметь красивое бетонное крыльцо. Со стороны Колымского шоссе и улицы Сталина у дома проложат асфальтовый тротуар. В новом жилом здании устанавливают водяное отопление, подключаемое из центральной котельной. Со стороны Колымского шоссе в первом этаже дома выделено помещение в 300 квадратных метров под магазин».

29 сентября 1940 г. закончила работу комиссия по приему 57-квартирного дома, отметив, что 3-й, 4-й и 5-й этажи могут быть заселены 5 октября, 2-й этаж – 8 октября, 1-й – 10 октября. Спустя несколько месяцев в 57-квартирном здании открылся центральный универмаг – ныне магазин «Полярный».

*Одноэтажное здание гостиницы построено в 1933 г., двухэтажное снесено в 1990-е гг. Стояло во дворе многоэтажного здания с магазином «Полярный».

**Имеется в виду транзитный городок на ул. Транзитной (с 1951 г. – ул. Парковая).

57-квартирный многоэтажный дом, как и ряд других подобных зданий в Магадане, строился без так называемых излишеств. Это происходило согласно приказу НКВД СССР № 336 от 11 мая 1940 г., утверждающему протокол совещания постоянной технической комиссии сектора капитальных работ НКВД СССР от 9 апреля 1940 г. «Об исключении излишеств в строительстве жилых зданий».

В нем говорилось: «Принять для постоянного жилищного строительства НКВД в городах и рабочих поселках (кроме Москвы, Ленинграда и Киева) следующие технические условия при составлении проектов и смет и производства работ: 1. Штукатурку помещений в жилых зданиях, кроме лестничных клеток и магазинов, производить "под правило"... В тех случаях, когда выступают конструктивные элементы, воспретить устраивать соответственно по другим стенам декоративные подшивки. 2. Окраску жилых и подсобных помещений – клеевую, обыкновенную, разбавленными колерами. В кухнях, ваннных и уборных панели на высоту 1,5 – масляные... 3. Облицовки стен глазурованными плитками в санузлах не делать, за исключением душевых кабин. 4. Полы в жилых и подсобных помещениях реечные (сосновые). В уборных, ваннных – цементные, с добавлением красителя. В отдельных случаях, с разрешения начальника Главного управления, соответственно паркетные (дубовые), мозаичные или плиточные. Ступени и лестничные площадки – цементные с добавлением красителя. 5. Подоконники – сосновые, крашенные... 10. Остекление переплетов – полуторным или двойным бемским стеклом. Остекление дверей делать только в случае необходимости осветить коридор <...> 11. Запретить установку зеркал в ваннных комнатах и передних за счет смет на капитальное строительство...» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, л. 64, л. 27].

Одновременно со строительством 57-квартирного кирпичного здания за парком культуры и отдыха Магадана велось строительство нового больничного городка* в составе нескольких корпусов, возводимых из местного кирпича. Строительство этих объектов шло с переменным успехом. Летом – осенью 1940 г. были сданы в эксплуатацию только два первых корпуса нового больничного городка, в котором разместились инфекционное, хирургическое, акушерское и гинекологическое отделения Магаданской больницы. В помещении инфекционного отделения разместили детское стоматологическое и хирургическое отделения, туберкулезное отделение для взрослого населения. Для нормального функционирования больничный городок имел свою оборудованную кухню и котельную.

16 февраля 1940 г. газета «Советская Колыма» под заголовком «Культурное строительство в Магадане» поместила сообщение: «По заданию Главного управления Дальстроя в проектно-отделе срочно разрабатываются проекты Магаданского городского клуба и поликлиники. Место для постройки клуба выбрано около парка культуры и отдыха, недалеко от городского театра. На площадке уже ведутся работы по исследованию грунта. Здание клуба будет трехэтажным кирпичным. Общий зал клуба рассчитывается на 550 мест. Сцена оборудуется всеми необходимыми приспособлениями с помещениями. Кроме общего зала проектом предусматривается специальный зал для танцев (учебный), комнаты для шахматистов, хорового ансамбля, музыкального и другие. Специально выделяются лекционный зал на 150 мест и буфет. В помещении городского клуба будет переведена городская библиотека с читальным залом и книгохранилищем. Последнее займет около 300 метров площади и рассчитывается на хранение 100 тысяч томов. Над проектом клуба работает строительная группа (руководитель тов. Поляков). Проект должен быть закончен в течение ближайших 2–3 месяцев. Окончание строительства клуба приурочено к XXIII годовщине Октябрьской революции. В этой же группе под руководством архитектора тов. Симова разрабатывается проект строительства новой городской поликлиники. Пропускная способность ее рассчитывается на 400 человек. Здание в три этажа будет возведено из камня рядом с кинотеатром (имелось в виду деревянное одноэтажное здание кинотеатра того времени на месте нынешнего многоэтажного дома со встроенным магазином «Знание». – А. К.) на Колымском шоссе в Магадане».

Последующие публикации газеты «Советская Колыма» уточнили данное сообщение. Согласно внесенным коррективам в здании Центрального городского клуба им. М. Горького (так он стал именоваться) в первую очередь должен был разместиться Магаданский драматический театр. В то же время на углу Колымского шоссе и ул. М. Горького летом 1940 г. приступили к закладке не 3-этажного, а 2-этажного здания городской поликлиники из местного кирпича. Возведение кирпичных стен Центрального городского клуба продолжалось все лето и осень.

В ноябре 1940 г. строители приступили к установке карнизных железобетонных плит и стропил дворцового фасада под перекрытие, также велись бетонирование междуэтажных перекрытий, заготовка оконных переплетов и дверей. Остальные работы были перенесены на следующий год, поскольку у руководства Дальстроя изменилась идея назначения Центрального городского клуба. Теперь, по его планам, он превращался в Магаданский Дом культуры имени М. Горького.

«Ремонтно-строительная контора городского коммунального отдела, – сообщала газета «Советская Колыма» 29 августа 1940 г., – построила недавно щебенчатую мостовую на улице Коммуны. Заново отделана щебенкой мостовая по улице Дзержинского. Заканчивается капитальный ремонт

*Старый больничный городок располагался вверху (с левой стороны) ул. К. Маркса.

мостовой по Пролетарской улице. Скоро дорожники приступят к такому же ремонту Колымского шоссе. В первых числах сентября ремонтно-строительная контора приступит к постройке на улицах города щитовых деревянных тротуаров. Эти тротуары – временного типа, так как летом будущего года в городе начнется строительство асфальтированных тротуаров. Расширяются подземные коммуникации Магадана – водопровод, канализация, теплотрасса и электросеть. Прокладываются новые линии и приводятся в порядок старые. Сейчас в городе прокладывают новую линию водопровода протяжением около четырех километров».

К середине лета 1940 г. в районе ул. Пролетарская, напротив еще не обустроенной площади, производилась кладка стен многоэтажного кирпичного здания Главного Управления Дальстроя. Оно возводилось по проекту архитектора Н. Н. Юргенсона. Строительство несколько раз приостанавливалось из-за отсутствия кирпича, цемента, нехватки рабочей силы. К концу 1940 г. уже шло сооружение крыши здания Главного Управления Дальстроя, бетонировались чердачные и междуэтажные перекрытия. Часть рабочих занималась обустройством территории перед его фасадом.

Коллектив работников автобазы № 6 (образована 15 марта 1938 г. на базе Магаданского филиала автобазы № 1) в канун годовщины присвоения Магадану статуса города обратился через газету «Советская Колыма» ко всем его жителям: «Магадан – центр всей Колымы. Многоэтажные каменные жилые дома, школа-десятилетка, театр, парк культуры и отдыха, клубы, кинотеатры, стадион, библиотеки и т. д. – все это стало неотъемлемой частью города. Много сделано за последнее время по благоустройству и расширению города. Введены в строй десятки новых домов, заканчивается строительство 57-квартирного каменного дома, прокладываются тротуары и т. д. Однако город сильно загрязнен. Улицы и площади возле домов завалены строителями мусором и различными отбросами. Город слабо озеленяется. Во дворе многих домов можно сделать прекрасные газоны, разбить скверы. Работники 6-й автобазы собственными силами убрали весь строительный мусор с территории гаражей и цехов. Силами общественности разбиты... газоны возле цехов и производственных объектов... Благоустройством города, его озеленением и очисткой от мусора должны заниматься все предприятия и управления Магадана. Городской коммунальный отдел не может самостоятельно справиться с этим делом. Необходимо привлечь к очистке города и его озеленению всю общественность. Мы предлагаем провести день очистки города и его благоустройства. Думается, что вся общественность Магадана откликнется на наше предложение».

Предпринятые затем меры действительно способствовали дальнейшему наведению порядка в строящемся административном центре Дальстроя. Застрельщиком многих этих мероприятий была молодежь города. Благодаря ей значительно быстрее вступило в строй здание магаданского Дома пионеров. Его строительство, как и всех других, не обошлось без вынужденных остановок, но уже 4 ноября 1940 г. объект осмотрела специально созданная приемочная комиссия Дальстроя в составе 5 чел. под председательством архитектора Л. И. Смирнова. Она и приняла магаданский Дом пионеров, который просуществовал ровно полвека.

Приказом начальника Политуправления Дальстроя И. К. Сидорова от 10 ноября 1940 г. «за образцовую работу по отделке и оборудованию Дома пионеров гл. инженеру промкомбината тов. Бурдасову, нач. проектного отдела тов. Кабачному, архитектору промкомбината тов. Мельниковой и ст. инструктору Политуправления тов. Дудикову были вручены грамоты Главного и Политического управлений Дальстроя», а «за большую работу по оборудованию Дома пионеров» – объявлена «благодарность с занесением в трудовую книжку начальнику промкомбината тов. Ясногородскому, заместителю нач. промкомбината тов. Двоскину, нач. снабжения тов. Пилипенко» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 199, л. 148].

«Окружной комитет профсоюза, – сообщила 3 декабря 1940 г. газета «Советская Колыма», – получил большое количество скульптур. Бюсты Ленина и Кирова достигают высоты трех метров. Бюсты и статуи физкультурников сделаны из мраморной крошки. Культотдел окружкома предполагает часть скульптур установить в Магаданском парке культуры и отдыха. Часть будет отправлена для оформления клубов горных управлений и приисков».

Во время проходившего строительства Магадана СНК СССР Постановлением № 647 от 4 мая 1940 г. разрешил НКВД СССР учредить нагрудный знак «Отличнику-дальстроевцу». 23 мая появился приказ НКВД СССР, в котором говорилось: «Нагрудным знаком “Отличнику-дальстроевцу” награждаются лучшие работники Дальстроя, показывающие примеры высокой производительности, подлинного социалистического отношения к порученному делу. Приказываю: 1. Учредить объявляемый при этом образец нагрудного знака “Отличнику-дальстроевцу”. 2. Награждение знаком “Отличнику-дальстроевцу” производить на основе прилагаемого положения. 3. Оформление материалов нынешнего награждения и учет награждаемых сосредоточить в отделе кадров Главного Управления Строительства Дальстроя НКВД. 4. Настоящий приказ объявить всем вольнонаемным работникам Дальстроя».

Приказ подписал народный комиссар НКВД СССР, генеральный комиссар госбезопасности I ранга Л. П. Берия, а положение о знаке – его заместитель В. В. Чернышов. «1. Знак “Отличнику-дальстроевцу”, – писал В. В. Чернышов, – выдается: а) за отличную и образцовую производственную работу; б) за энергичную и активную деятельность по выполнению заданий, возложенных на Дальстрой НКВД. 2. Правом получения знака “Отличнику-дальстроевцу” пользуется весь административно-техниче-

ский персонал, рабочие и служащие предприятий и учреждений Дальстроя НКВД СССР. 3. Знак "Отличнику-дальстроевцу" выдается народным комиссаром внутренних дел СССР по представлению начальника Главного Управления и начальника Политуправления Строительства Дальстроя НКВД СССР. 4. Знак "Отличнику-дальстроевцу" носится на левой стороне груди. 5. Одновременно со знаком "Отличнику-дальстроевцу" награжденным выдается особая грамота. 6. Награждение знаком "Отличнику-дальстроевцу" каких-либо материально-правовых льгот награжденным не дает. 7. Знак "Отличнику-дальстроевцу" отбирается НКВД СССР за проступки, дискредитирующие получившего знак, и за совершенные преступления».

В описании знака «Отличнику-дальстроевцу» говорилось, что он имеет овальную форму и размеры 3×3,9 см. В верхней части изображено знамя, отделанное красной эмалью, с золочеными серпом и молотом в левом углу и надписью «Отличнику-дальстроевцу». Древко и кисти знамени золоченые. В средней части знака на фоне характерного северного ландшафта (серебро и белая эмаль) помещено выпуклое изображение драги как символа механизации Дальстроя. На основном корпусе драги звезда из красной эмали. В нижней части – красная лента (эмаль) с рельефными золотыми буквами «СССР». На левой фаске знака, под драгой, написано: «ГУС ДВ НКВД». Основной материал знака – серебро с золотом в некоторых частях и две эмали – красная и белая.

Грамота к знаку «Отличнику-дальстроевцу» была в обложке красного цвета размерами 6 × 9 см с изображением самого знака и буквами «ГУС ДС НКВД». Внутри, с левой стороны, находились надпись «Отличнику-дальстроевцу» и место для фотокарточки. С правой стороны указывалось, кому выдан наградной знак, за что, основание – приказ по НКВД СССР, номер приказа. Все это скреплялось подписью начальника ГУС ДС и печатью.

В соответствии с данными документами начальник Политуправления Дальстроя И. К. Сидоров разослал 25 мая 1940 г. телефонограмму руководителям всех управлений и их заместителям по политической части, в которой объявил об учреждении знака «Отличнику-дальстроевцу» и предложил: «1. Для рассмотрения материалов на представляемых к награждению выделите и утвердите приказом наградную комиссию в составе: начальник Управления – председатель, начальник политотдела – заместитель председателя и членов – секретаря парткомиссии, председателя профорганизации и печати... В Управлениях, не имеющих политотделов, комиссии создать из 3-х человек: начальник управления, заместитель начальника управления по политработе и представитель профорганизации. 2. Об учреждении нагрудного знака широко объявите всем вольнонаемным работникам, мобилизуя на повышение производительности труда и выполнение программы 1940 года» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 192, л. 21].

4 июня 1940 г. И. Ф. Никишов утвердил и так называемую общедальстроевскую наградную комиссию. В ее состав вошли: председатель комиссии – заместитель начальника Дальстроя, старший майор госбезопасности С. Е. Егоров, члены – заместитель начальника Политуправления Дальстроя, батальонный комиссар И. Е. Драбкин, начальник отдела кадров Дальстроя, капитан госбезопасности Ф. С. Григорович, заместитель председателя Колымского окружкома профсоюза работников золота и платины А. Г. Строганов.

Одновременно предписывалось все материалы на лиц, заслуживающих награждения, направлять в отдел кадров Дальстроя. Были утверждены специальные бланки (формы) представления к награждению знаком «Отличнику-дальстроевцу». В них давались краткая биографическая справка представляемого и сжатая формулировка самого представления к награждению.

В июле 1940 г. первые собранные материалы были отправлены в Москву и очень быстро рассмотрены в НКВД СССР. Вскоре состоялось и первое награждение знаком «Отличнику-дальстроевцу». Приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 600 от 25 июля 1940 г. «За выполнение плана первого полугодия» были награждены 58 чел. Среди них находился и первый награжденный знаком «Отличнику-дальстроевцу» магаданец – шофер автобазы № 6 УАТ В. И. Корчагин.

Менее чем через месяц после этого для заключенных Севвостлага был восстановлен и вновь введен и такой вид поощрения, как досрочное освобождение. Приказом НКВД СССР от 13 августа 1940 г. «от дальнейшего наказания в лагере» были досрочно освобождены 72 заключенных, в том числе по заводу № 2 – Ф. П. Бровченко, А. А. Бурьян, Б. Г. Давыденко, по АРЗу – Н. А. Андрианов, П. П. Крицин, по УНТП – Е. П. Михайлов, А. Ф. Староверов, по Колымгражданстрою – М. Я. Конев, И. И. Фадеев, по магаданской больнице – С. И. Снайкин. Все они ранее были осуждены по «бытовым» статьям, а несколько, как видно, принадлежали к недавно возникшей организации – Управлению Нагаевского торгового порта (УНТП), созданному руководством Дальстроя 19 апреля 1940 г. для «приближения руководства эксплуатации флота и портовой обработки судов к непосредственному производству, ликвидации наблюдающегося параллелизма».

В приказе об УНТП говорилось: «1. Объединить функции Управления мортрана с функциями порта Нагаево, реорганизовав оба аппарата в единое Управление Нагаевского торгового порта Дальстроя. 2. В составе Управления Нагаевского торгового порта предусмотреть: а) аппарат Управления порта со специальными и админ. хоз. отделами; б) эксплуатацию и технич. обслуживание флота, приписанного к порту Нагаево, и агентирование фрахтуемых судов морфлота; в) погрузо-разгрузочные операции и складирование; г) автобазу; д) строительство порта и дорожные работы (строй-

участок); е) ведение коммерческих и претензионных дел; ж) капитанскую часть со всеми свойственными ей функциями; з) моротдел во Владивостоке» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 61, л. 191]. Первым начальником УНТП стал Л. Н. Гарбузов.

Вообще можно считать, что 1940 г. вошел в историю Магадана как время создания и открытия целого ряда новых организаций и учреждений, часть которых просуществовала не одно десятилетие. «На территории сангородка, – писала газета “Советская Колыма” 22 января 1940 г., – открылся Магаданский дом санитарной культуры. Здесь расположены научно-методическая библиотека, лекционный зал и медицинский музей. Библиотека располагает 5000 томов книг по различным вопросам медицины. Имеется немало популярных брошюр и научных журналов. Музей имеет много экспонатов-муляжей, которые наглядно разъясняют посетителям, как устроен человеческий организм и чем болеет человек. Экспонаты расположены в строго определенном порядке. В разделе “Чем болеет человек” изображены кожные болезни, хирургические заболевания и т. д. В зале музея установлены два световых электрифицированных шкафа. Один шкаф снабжен цветными фотоснимками по вопросам гигиены труда, быта, оказания первой помощи при заболеваниях. Второй световой шкаф посвящен вопросу организации ухода за больными... А в центре музейного зала расположены щиты, на которых изображены данные эпизоды, характеризующие положение здравоохранения на Колыме до революции. Здесь же выставлены экспонаты, иллюстрирующие борьбу с цингой в первые годы освоения края. По истории центральных щитов на стеллажах расставлены анатомические препараты. Медицинский музей открыт для посетителей ежедневно, с 1 часу до 7 часов вечера, а в выходные дни – с 12 часов до 9 часов вечера. Объяснения по музею даются дежурными экскурсоводами-врачами».

Еще осенью 1939 г. на базе существующего ТПК (торгпищекомбината) были образованы три самостоятельные, подчиненные отделу торговли Дальстроя, конторы: Магаданторг, общепит и пищепром.

Затем «в целях улучшения оперативного руководства и усиления контроля над предприятиями пищевой промышленности» с 1 марта 1940 г. пищепром расформировали и все его предприятия (хлебозавод, пивзавод, колбасную мастерскую и др.) передали непосредственно в ведение торгового отдела Дальстроя [Там же. Д. 60, л. 161]. Однако с 1 мая 1940 г. торговый отдел Дальстроя был ликвидирован, а функции «торговли» возложены на государственный трест «Колым-снаб» [Там же. Д. 61, л. 133]. В то же время хлебозавод, пивзавод и другие предприятия общественного питания были подчинены Магаданторгу. Вслед за этим в Магадане началась организация нескольких специализированных магазинов (рыбного, мебельного и т. д.), а «для улучшения снабжения сети общественного питания и коллективов отдельных предприятий» [Там же. Д. 62, л. 177] – и подсобных хозяйств на базе утилизации отходов при Управлении местной промышленности, при Управлении рыбопромыслового хозяйства, на заводе № 2 на АРЗе, при Управлении связи, при Сануправлении, при Колымснабе, в Управлении Нагаевского торгового порта, при ВОХРе, в Колымгражданстрое и при ГКО. Для укомплектования последних Сельхозуправление отпускало молодняк животных и птицы.

И, наконец, с 30 мая по 20 июня 1940 г. при многих (в основном главных) предприятиях и учреждениях города открывались магазины и столовые. В частности, при АРЗе, автобазе № 6, Колымснабе, при Управлении Севвостлага и т. п., которые Магаданторг обязан был снабжать кондитерскими изделиями и холодными закусками.

В сообщении газеты «Советская Колыма» от 9 мая 1940 г. говорилось: «Вышел из печати и рассылается подписчикам первый номер литературно-художественного и краеведческого “Колымского альманаха”. В “Альманахе” помещены литературные произведения молодых авторов – рассказы, стихотворения, поэма, этнографические очерки. Первая книга “Колымского альманаха” вышла тиражом в 5000 экземпляров».

30 июля 1940 г. газета «Советская Колыма» сообщала о выходе второй книги «Колымского альманаха», который рассылался «бесплатно подписчикам журнала “Колыма”», а в розничной продаже стоил 5 руб. Содержание альманаха было весьма разнообразным. В него вошли: «О большой яркой звезде (современная песня эвенгов)», эвенская сказка «Восьмая дочь Дурмачана», корякская сказка «Светлый ручей и яркая звезда», статья М. Белова «Образ вождя в устном творчестве народов Колымы», рассказ М. Львова «Эпизод», воспоминания В. Цареградского «По неизведанным местам», очерк Н. Михайлова «Атарган», поэма И. Зелинского «Иван Эрастов», фотоочерк «На новой земле», фото «Клуб в поселке Ягодном» и «Юные гимнасты», цветная вкладка «На шоссе».

30 июня 1940 г. руководство Дальстроя приняло решение об организации издательства «Колыма». Для этого в целях «развития полиграфич. базы и упорядочения издательского дела на Колыме, обеспечения постоянной производственной помощи политотдельским газетам, снижения себестоимости и улучшения качества печатной продукции» предполагалось объединить газеты «Советская Колыма», «Оротты правда» и журнал «Колыма». По вопросу объединения работала специальная комиссия. В ее состав входили: председатель – ответственный редактор журнала «Колыма» А. А. Ератов, члены – директор картографической фабрики ГРУ Дальстроя Н. Е. Баринов, ответственный редактор газеты «Советская Колыма» Л. И. Павлов, директор типографии Дальстроя И. В. Горшков, начальник АГО Дальстроя С. Н. Расторгуев.

Комиссии поручалось в течение месяца: «1. Составить проект положения об издательстве “Колыма”. 2. Определить штат издательства и представить в центральную штатную комиссию. 3. Разработать схему организационных мероприятий Дальстроя, централизации корректуры и производственно-технического состава редакции» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 199, л. 52].

Работа комиссии продолжалась более месяца, и по ее итогам было организовано «газетно-журнальное издательство “Советская Колыма”». Теперь в его состав вошли не только редакции газет «Советская Колыма», «Оротты правда», журнала «Колыма», но и редакция недавно возникшей газеты «Пионер Колымы» и типография Дальстроя. Начальником издательства был назначен В. А. Соколов, его заместителем по производственной части и главным редактором издательства – И. Ф. Симоненко. 11 апреля 1941 г. последний был отстранен от должности. Новым главным редактором стал С. К. Вадютин.

«В день Красной Армии и Военно-морского флота, – сообщила 26 февраля 1940 г. газета “Советская Колыма”, – трудящиеся Магадана впервые увидели на сцене городской ансамбль песни и пляски. Организованный при Центральном клубе всего лишь месяц назад, ансамбль сумел за такой короткий срок подготовить специальную программу, посвященную Красной Армии. Руководит ансамблем т. Коган. Музыкальный руководитель – т. Варламов. Зрители с удовольствием прослушали “Красноармейский марш”. Тепло встретили слушатели “Песню о тайге” и “Героям Хасана”. Огромный и заслуженный успех имел ансамбль при исполнении заключительного номера – частушек и массовой красноармейской пляски. Замечательно был исполнен танец восьмью красноармейцев. Сейчас ансамбль песни и пляски насчитывает 80 человек. В коллективе есть много талантливых исполнителей: инженер Котов, мастер авторемонтного завода Алексеев, Бедуидинов (Колымгражданстрой), Карпухина, Таежная, Листовая, Петрова и Васильевич. Из инструментальной группы следует отметить тов. Неделько, Вендер, Казанцева, Фокина, Кошелева и Давыдова, из танцоров – Андреева».

28 сентября 1940 г. заместитель начальника Дальстроя, старший лейтенант госбезопасности Г. А. Корсаков подписал приказ, в котором говорилось: «В целях удовлетворения возросших запросов трудящихся Дальстроя в деле культурного обслуживания и предоставления им полноценного отдыха – приказываю: 1. Организовать в г. Магадане Эстрадный театр (малых форм) для обслуживания работников Дальстроя в Магадане и на трассе. 2. Открытие Эстрадного театра приурочить к празднованию 23-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 67, л. 14]. И уже через два дня первым директором-распорядителем МЭТа был назначен Л. А. Рогацкий, а помещением для выступлений театра стало деревянное одноэтажное здание кинотеатра ПККиО.

В состав труппы МЭТа вошли: актеры Н. В. Антонов, Е. Г. Громова, М. В. Зарэ (Кузьминчук), Т. А. Зернова, А. Н. Набатова, Л. И. Сизова, Г. М. Сорин, Т. А. Шубин, В. И. Мелентьев; музыканты В. А. Белов, В. Н. Боздунов (Моздон), В. С. Вендер, В. А. Владимиров, А. А. Голованов (Марков), В. Н. Коробков, М. Н. Лялин (Лямин), А. Н. Молодцов, В. В. Павельский, С. П. Плеханов, В. А. Рязанов.

«Обязанности между руководящим составом театра, – приказывал Л. А. Рогацкий, – распределяются нижеприведенным порядком: 1. Андреев И. А. – кроме обязанностей артиста балета осуществляет постановку всех балетных номеров в программе театра. 2. Павельский В. В. – кроме обязанностей руководителя и артиста джаз-оркестра возлагается подбор и аранжировка произведений для эстрадных номеров театра. 3. Лялин М. Н. – концертмейстер джаз-оркестра prepares и аранжирует репертуар для джаз-оркестра. 4. Варламова Н. М. – концертмейстер театра проводит занятия по подготовке всех эстрадных номеров, а также осуществляет подбор соответствующего репертуара. 5. Сорин Г. М. – артист-режиссер является постановщиком программы. Все его указания являются обязательными для всего состава театра... Зав. литературной частью т. Вуйчик В. А. является ответственным за репертуар театра, организует и редактирует оригинальный литматериал, привлекает к работе театра авторские кадры» [ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 16–17].

Л. А. Рогацкий и еще восемь актеров и музыкантов МЭТа являлись бывшими заключенными Севвостлага: режиссер-постановщик Г. М. Сорин, заведующий литературной частью В. А. Вуйчик, концертмейстер джаз-оркестра М. Н. Лялин, балетмейстер И. А. Андреев, артист-певец Н. В. Антонов, музыкант В. А. Белов, актеры М. В. Зарэ (Кузьминчук), В. И. Мелентьев. Чуть позднее к ним присоединился музыкант М. М. Ионов, а весной 1941 г. – музыкант А. И. Богушев и актриса Н. А. Изаксон, отбывшая второй лагерный срок.

К этому времени в МЭТе выступали также вольнонаемные: актриса Е. А. Грибоедова, балерина А. Т. Акумова, пианистка О. А. Бандемер. Распоряжением Л. А. Рогацкого туда были зачислены музыканты М. П. Везоветский, Н. Е. Муник-Мунчик. Благодаря этому образовался сплав молодости и опыта, позволивший МЭТу подготовить ряд интересных программ. Например, обзрение-спектакль «С приездом!», композиция которого принадлежала режиссеру-постановщику Г. М. Сорину. Актеры МЭТа показывали ее практически каждый день, а по воскресеньям – даже дважды.

Одновременно с этим проходил новый театральный сезон в Магаданском драматическом театре им. М. Горького, в котором в первой половине 1940 г. окончилась реконструкция внутренней части здания (проект разработан главным архитектором города Н. П. Давыдовым). «Вместимость зала, – писала в одном из номеров газета “Советская Колыма”, – увеличена до 326 мест за счет разгрузки задней ложи. Стены выполнены в синих и кремовых цветах. Между пилястрами с капителями – синие

просветы. Боковая ложа отделана в тон занавесу темно-синим бархатом. Много выдумки вложить строители Осокин, Жердев, Суворин и электромонтажники Страхов и Шашиурин в оборудование сцены. Прежде всего тут поднят потолок, под которым расположены колосники, переходы, установлены блоки для подъема декораций и т. п. ... Новинкой для Магаданского театра является вращаемая часть сцены. Это позволяет осуществлять более сложные постановки».

Первым спектаклем, который увидели магаданцы в реконструированном театре, стала пьеса Ш. Гегеля и О. Матовского «Мой сын». Поставленная А. А. Перминым и Г. Н. Кацманом, она рассказывала о современной Венгрии, о революционной борьбе в условиях реакции, о столкновении интересов различных классов. В спектакле «Мой сын» были заняты актеры Н. Е. Ходорович, Т. М. Чадук-Ага, А. В. Циркин, Е. М. Соколовская, А. Г. Горохова, П. И. Шленский, Н. П. Сысолятин, М. И. Сохер. Большинство из них играли вдохновенно, раскованно, с подъемом. Особенно удачно выступили Н. Е. Ходорович, Т. М. Чадук-Ага, Н. П. Сысолятин, П. И. Шленский, А. В. Циркин.

Вслед за «Моим сыном» последовала постановка «Вассы Железновой» М. Горького. Наряду со спектаклем «Последние», показанным театром в сезоне 1939 г., это являлось еще одним серьезным возвращением к творчеству известного пролетарского писателя. Поставленная Г. Н. Кацманом «Васса Железнова» вновь собрала всех ведущих актеров, помогла раскрыться тем, кто делал не совсем уверенные робкие шаги. В роли Вассы Железновой выступила актриса К. А. Сатонина, в других ролях – В. Н. Сутырина, А. А. Перлин, Н. П. Сысолятин, Е. М. Соколовская, М. Г. Удольская, Е. К. Коломенская, Н. Е. Худоярова, М. Д. Лазученков, Г. С. Жернов.

Во время одной из февральских постановок новой пьесы Колымский радиокомитет организовал ее трансляцию, которую слушали не только в Магадане, но и за его пределами. Вскоре после этого дирекция Магаданского театра получила телеграмму от Хабаровского краевого комитета по делам искусств. «Слушали Ваш спектакль, – говорилось в телеграмме. – Сожалею, что слышимость времени была неважная. В третьем акте оставила сильное впечатление Васса – Сатонина. Благодарим за организацию передачи».

Успех «Вассы Железновой» на магаданской сцене и по радио побудил руководство театра показать ее населению близлежащего Ольского района. Подготовив, спустя несколько месяцев, еще и концертную программу, группа актеров выехала в свое «сельское турне». «В клубе поселка Армань, – сообщила газета «Советская Колыма» 16 июля 1940 г., – артисты театра имени М. Горького 12 и 13 июня 1940 года показали его жителям два спектакля и выступили с большой концертной программой. На колхозной сцене в эти дни шел спектакль «Васса Железнова». В двух концертах приняли участие артисты Зернова и Лазученков, выступившие с вокальными номерами. Артисты Клорштейн и Полянская показали скетч. Кроме того в программе концерта были музыкальные номера, художественное чтение и танцы. Колхозная аудитория тепло встретила артистов».

После «Вассы Железновой» репертуар театра им. М. Горького еще более расширился. Теперь на его сцене были показаны спектакли «Бесприданница» А. Островского, «Павел Греков» Б. Войтехова и Л. Ленча, «Евгения Гранде» О. Бальзака, «Сашка» К. Финна, «Волк» Л. Леонова, а в новом театральном сезоне, начавшемся осенью 1940 г., – «Неравный брак» братьев Тур, «Змея» Н. Вирты, «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, тепло принятые зрителями. В них участвовали талантливые актеры: Е. К. Коломенская, Е. М. Соколовская, М. Г. Удольская, К. Н. Худоярова, В. А. Сидоров, Н. А. Яковлева, А. П. Шутова, И. В. Эллис, Н. Т. Горбунов и др. За успешную постановку «Двенадцатой ночи» художественный руководитель Магаданского драматического театра им. М. Горького Г. Н. Кацман был награжден грамотой Главного и Политического управлений Дальстроя, а директору театра В. Ф. Неделько и актрисе Е. К. Коломенской объявлена благодарность.

Немного позднее, «в целях коллективного, углубленного обсуждения и планирования репертуара с помощью в деле творческого роста театров и общего повышения качества их работы», были организованы художественные советы в театре им. М. Горького и в МЭТе «с правами совещательного органа при директоре» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 298, л. 61]. В состав худсовета при директоре театра им. М. Горького вошли художественный руководитель театра Г. Н. Кацман, режиссер В. В. Рыченко, актеры Н. В. Малой и М. П. Лотков, актриса З. А. Соловьева, зав. постановочной частью А. М. Мармонтов, зав. музыкальной частью Н. И. Волкова и еще 5 работников других организаций города; в худсовет при директоре МЭТ – врид художественного руководителя Г. М. Сорин, режиссер театра Т. Т. Шубина, концертмейстер Н. М. Варламова, руководитель оркестра В. В. Павельский, зав. литературной частью В. Н. Чуркин, артист джаз-оркестра В. Н. Моздон, актриса А. Н. Набатова и также еще 5 работников других организаций города.

Учитывая работу двух театров, а также проходившее дальнейшее строительство Дома культуры им. М. Горького, руководство Дальстроя 24 декабря 1940 г. приняло решение «о размещении культурно-массовых учреждений» города в новом здании. Прежде всего туда переезжал Магаданский драматический театр им. М. Горького, затем – городская библиотека, кружки самодеятельности Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины и партийный кабинет недавно организованной структуры – Магаданского горкома ВКП(б).

Как свидетельствует ряд источников, через некоторое время после ликвидации Колымского округа во исполнение предложения В. И. Сталина в Магадане был создан партком (секретарь – В. П. Клей-

менов, заместитель секретаря – Д. В. Буров), подчиненный Политуправлению Дальстроя. Особенно подчеркивая это, начальник оргинструкторского отдела Политуправления И. Д. Паркман отмечал: *«В специальной телеграмме от 13/VIII 1939 г. товарищ Сталин, указав на особенности работы Дальстроя, рекомендовал создать партком, что и было сделано»*. Его создание необходимо отнести к положительным моментам того периода, так как оно ознаменовало появление специального органа, осуществляющего непосредственное партийное руководство жизнью города.

«С первых же дней своей работы, – рассказывал В. П. Клейменов на страницах газеты "Советская Колыма" 25 февраля 1940 г., – партийный комитет приступил к разрешению организационных вопросов, к разукрупнению некоторых парторганизаций. Прежде всего партком решил, что парторганизацию Колымснаба можно разделить на 7 самостоятельных первичных организаций, торговдела – на 3 парторганизации с непосредственным подчинением их партийному комитету Дальстроя. Это разукрупнение дает возможность парторганизациям по-настоящему осуществлять контроль над хозяйственной деятельностью предприятий, еще лучше развернуть партийно-политическую работу... В УСВИТЛе уже создано 5 партийных групп. В парторганизациях Сануправления, Управления связи, горкоммунотдела, административно-гражданского отдела созданы партийные партбюро... Выделены в самостоятельные первичные партийные организации Охотско-Колымское аэрогеодезическое управление, спецотдел, Усть-Магаданский промхоз. В целях обеспечения более конкретного руководства важнейшими предприятиями и учреждениями Магадана и Нагаева мы прикрепили членов парткома т.т. Баринова и Кедрова к парторганизации Колымснаба, т.т. Букова и Клейменова – к парторганизации авторемонтного завода, т.т. Белова и Киреева – к парторганизации завода № 2, т.т. Кудрявцева и Селина – к парторганизациям геологоразведочного управления, т.т. Егорова и Полоцкого – к парторганизациям монтажно-строительного треста».

Однако в связи с тем, что городской партком не мог до конца наладить свою деятельность, Политуправление Дальстроя обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой об организации Магаданского городского комитета партии, имевшего бы более широкие полномочия. Данная просьба была удовлетворена. 6–7 июля 1940 г. состоялась I Магаданская городская партийная конференция. Принявшие участие в ее работе 220 делегатов представляли 1096 коммунистов, объединенных в 38 первичных парторганизациях. Конференция обсудила задачи городской партийной организации и в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 20 мая 1940 г. и решением Хабаровского крайкома партии от 18 июня 1940 г. избрала городской комитет партии.

8 июля 1940 г. проходил первый пленум Магаданского городского комитета ВКП(б). На нем присутствовали 35 членов пленума, 14 кандидатов в члены пленума, 5 членов ревизионной комиссии и представитель Хабаровского крайкома партии. В состав избранного бюро Магаданского горкома ВКП(б) вошли: В. Ф. Белов (заместитель начальника Политуправления Дальстроя), В. П. Клейменов, Д. В. Буров, С. Е. Егоров, П. И. Окунев, С. Н. Расторгуев, В. И. Тырлик, А. В. Визарова, Б. Г. Звонарев. Первым секретарем горкома был избран В. Ф. Белов, вторым – В. П. Клейменов, третьим – Д. В. Буров.

С информацией о структуре Магаданского городского комитета партии выступил начальник Политуправления Дальстроя: *«Исходя из конкретных особенностей и необходимости максимальной экономии в расходовании средств, Политуправление направило в ЦК ВКП(б) свои соображения о структуре и штатах горкома. Мы предусмотрели минимальное количество работников – 15 человек: 3 секретаря, 6 работников отдела агитации и пропаганды, включая работника партийного кабинета, 4 работника организационно-инструкторского отдела и 2 работника по военной работе. Этот штат меньше любого райкома партии. Есть предложение в штат горкома не вводить отдел кадров, т. к. есть отдел кадров Главного управления, а для партийно-политических работников – отделение по кадрам Политуправления. Это первое соображение. Второе соображение: вполне возможно обойтись без заведующего оргинструкторским отделом партийной пропаганды и агитации, возложив руководство этими отделами на второго и третьего секретарей горкома. Военный отдел создать из двух человек»* [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 3, л. 3–4].

Предложенная структура Магаданского горкома ВКП(б) была утверждена, и он начал свою практическую деятельность. Ныне выявленные факты позволяют говорить о том, что она проводилась в ходе новой кампании по укреплению трудовой дисциплины, связанной с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Наряду с увеличением рабочего времени (более чем на 30 ч в неделю) Указ устанавливал исправительно-трудовые работы за прогул до 6 мес с удержанием до 25% заработной платы, а за самовольный уход с работы – тюремное заключение на срок от 2 до 4 мес. Народным судам предписывалось рассматривать данные дела не более чем в 5-дневный срок и немедленно приводить приговоры в исполнение.

Буквально на следующий день после опубликования Указа от 26 июня последовал приказ, подписанный И. Ф. Никишовым. Согласно ему, с 28 июня 1940 г. во всех управлениях, организациях, на предприятиях устанавливалась продолжительность рабочего дня «для ИТР, служащих, МОП и вольнонаемных рабочих» 8 ч, «за исключением профессий с вредными условиями труда по спискам, утверждаемым СНК СССР». Кроме этого вводился новый распорядок рабочего дня, но более суровым (в соответствии с Указом) являлся последний параграф приказа И. Ф. Никишова: *«Начальникам Управлений*

и подразделений Дальстроя с 27-го июня 1940 года увольнение работников за прогулы и за самовольный уход с работы прекратить. Прогульщиков и лиц, самовольно оставляющих работу, привлекать к судебной ответственности в установленном Указом Верх. Совета СССР порядке...» [ГАМО, ф.р-23сч. оп. 1, д. 64, л. 22].

19–20 августа 1940 г. Магаданский горком ВКП(б) провел собрание городского партийного актива, на котором рассмотрели итоги очередного июльского пленума ЦК ВКП(б), и призвали партийных и хозяйственных руководителей добиваться дальнейшего проведения Указа от 26 июня 1940 г., активнее заниматься вопросами повышения производительности труда, укрепления дисциплины и порядка на производстве. Было отмечено, что только на 13 августа 1940 г. общее количество дел, поступивших в следственные органы на нарушивших Указ, составило: по Колыме – 452, по Магадану – 182. Из них передано в суд следственными органами: по Колыме – 300 дел, по Магадану – 147.

Через 3 мес начальник Политуправления Дальстроя И. К. Сидоров констатировал, что всего с 26 июня до 15 ноября 1940 г. «было совершено 2176 нарушений трудовой дисциплины, в том числе по месяцам: июль – 349, август – 577, сентябрь – 613, октябрь – 637». Среди нарушителей находились 104 члена ВЛКСМ, из них 43 – в Магадане. Часть привлеченных (за прогулы, за опоздание, за самовольный уход с работы) исключали из комсомола. Теперь это происходило при участии недавно образованного горкома ВЛКСМ. Организационное начало ему было положено на I Магаданской городской комсомольской конференции, проходившей 21–22 сентября 1940 г. Первым секретарем ГК ВЛКСМ избрали К. К. Константинова.

В состав Магаданской городской комсомольской организации входила 41 первичная организация, где состояли на учете 1627 юношей и девушек. Самыми крупными в городе были комсомольские организации АРЗа, Магаданской средней школы и горного техникума.

Магаданская средняя школа была уже широко известна своей работой по воспитанию подрастающего поколения горожан, здесь сложился вполне стабильный и профессиональный коллектив педагогов. Приказом начальника Политуправления Дальстроя И. К. Сидорова от 1 февраля 1940 г., отметившим «работу лучших преподавателей, показавших хорошие результаты работы за первое полугодие 1939–40 уч. года», были премированы ценными подарками: М. Б. Бергман (преподаватель физики и математики) – фотоаппаратом «ФЭД», А. М. Бухин (преподаватель географии) – велосипедом. З. В. Воронкова (преподаватель естествознания) и Л. П. Костылева (преподаватель русского языка) – отрезом шелка на платье, А. Н. Пирогова (преподаватель начальной школы) – отрезом шерсти на платье.

Однако и в Магаданской средней школе были свои проблемы, которые необходимо было решать. В связи с этим, выступая на заседании бюро горкома ВКП(б) 19 декабря 1940 г., директор школы З. Я. Водосланова говорила: «Школа имеет 31 класс: 14 классов нач. школы и 17 средней; с третьей четверти будет 32. К началу учебного года школа была подготовлена полностью и своевременно, учебные комнаты оборудованы хорошо. Не хватает учебников, задачников Шапошникова; для 5-х классов необходимо приобрести минимум 50 экземпляров. Нет учебников по истории. Временное затруднение с тетрадями было, сейчас получили 15 000 тетрадей, но плохого качества... У нас 40 человек педагогов: с высшим образованием 21 чел., с н/высшим 3 чел., 16 человек со средним: со стажем до 5-ти лет 4 чел.; 10 лет – 12 чел.; до 15 лет – 5 чел.; выше 15 лет – 19 человек... Закончили год с успеваемостью 88,7% по всей школе, осталось на второй год 8,5%, выбыли до осеннего испытания 2,8%. В прошлом году было 779 учеников к концу года, в этом году – 1072 человека... Конечно, работаем мы еще плохо. Надо работать много, много лучше, но сказать, что у нас основные участки работы не организованы, нельзя. Планы у нас есть, начиная с общешкольного полугодового, месячного, календарных и всех других, вплоть до поурочных... Воспитание – дело чрезвычайно тонкое, многогранное и трудное. Воспитывает не только школа, но и семья, а родители нам совсем мало помогают в воспитании, а некоторые даже мешают, т. е. их самих надо учить, как воспитывать, а некоторых надо привлекать к ответственности. Вот этого мы не умеем делать, часто дело не доводили до конца. Отдел народного образования и органы милиции должны помогать в борьбе с безнадзорностью детей. Много материалов мы дали в милицию, но ничего не делается. Родительский комитет недавно начал свою деятельность... Слабо работает комсомол. Секретаря комитета ВЛКСМ нет».

Последнее было лишь временным явлением, в отличие от многого другого, о чем говорила З. Я. Водосланова. А вот комсомольская организация Магаданского горного техникума действовала только до конца октября 1940 г. Ее роспуск был связан с ликвидацией этого учебного заведения.

«Существующий в Магадане горный техникум, – говорилось в приказе о его ликвидации, – до сих пор не включен в республиканскую учебную сеть, как учебное заведение нигде не зарегистрирован. Вследствие крайне ограниченной базы для комплектования учащихся не может ощущено удовлетворить производство Дальстроя необходимым кол-вом специалистов. Контингентов для платного обучения, согласно постановления СНК СССР, среди студентов техникума нет» [ГАМО, ф.р-23сч. оп. 1, д. 68, л. 13].

В связи с этим Магаданский горный техникум с 27 октября 1940 г. был закрыт. Учащимся техникума, «подходящим по своему возрасту и подготовке к обучению в Магаданской полной ср. школе», предоставили «преимущественную возможность поступления в школу на общих основаниях». Специально организованная комиссия проверила степень подготовки учащихся старших курсов техникума

«для решения вопроса об использовании их на практич. работе», и тех, кто проявил достаточные знания, она направила «на прииска для работы бригадами, горными мастерами и прорабами» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 68, л. 13]. Часть из них затем были призваны в Красную Армию и отважно сражались во время Великой Отечественной войны. Немаловажную роль в этом сыграла молодежь конца 30-х – начала 40-х гг.

Тогда и немного ранее развитие военно-прикладных видов спорта являлось одним из самых важных направлений в деятельности Колымского Совета Осоавиахима. Начиная со второй половины 30-х гг., в Магадане проводили военизированные кроссы, конные, велосипедные, лыжные пробеги в противогазах, соревнования по стрельбе, метанию гранаты; в специально организованных кружках готовили планеристов, автотористов, радистов, мотоциклистов, парашютистов, инструкторов противовоздушной обороны, пулеметчиков; сдавали нормы на оборонные значки.

Весной 1940 г. были подведены итоги очередных комплексных оборонных соревнований, проведенных Колымским Советом Осоавиахима. В них приняли участие 173 представителя из 12 первичных организаций оборонного общества. По условиям соревнований каждая организация выставляла не менее одной команды из 10 чел. Из числа команды трое должны были оспаривать первенство по стрельбе, трое – по гранатометанию и четверо – по химической обороне. По всему комплексу соревнований приняли участие 7 команд, по стрелковому разделу – 25, химическому – 10 и гранатометанию – 21.

Первое место по всему комплексу в соревнованиях заняла команда Магаданского горного техникума, второе – УРКМ УНКВД по ДС. Среди команд, выступивших по отдельным видам, лидирующее положение заняли гранатометчики учебного комбината (40 очков из 45 возможных), стрелки сборной ВОХРа (132 очка из 150 возможных) и административно-гражданского отдела (128 очков из 150 возможных).

Летом 1940 г. большого успеха добилась сборная Колымы по стрельбе. Ее выступление на краевых соревнованиях проходило не совсем обычно, но окончилось завоеванием первого места. Так как документальных свидетельств об этом не сохранилось, приведем выдержку из публикации в газете «Советская Колыма» от 2 августа 1940 г., в которой сообщалось: «С пароходом “Феликс Дзержинский” в Магадан возвратилась команда колымских стрелков, принимавшая участие в краевых стрелковых соревнованиях, происходивших в городе Свободном. Команда состояла из лучших стрелков Колымы – т.т. Щекина (Колымский Совет Осоавиахима, капитан команды), Грибанова (ВОХР), Свешиниковой (УСВИТЛ), Танасова (УСВИТЛ) и Искржицкого (Центральный клуб). В Хабаровск колымские стрелки прибыли с опозданием на два дня из-за задержки в Магадане в ожидании парохода “Феликс Дзержинский”. В краевом центре колымчане узнали, что соревнования закончены. Известны были уже и результаты. Команда Комсомольска (стрелковый клуб Осоавиахима) выбила из 750 возможных 582 очка, Комсомольск-стройка – 523 очка, Биробиджан – 500 очков, Свободный – 476 очков и Хабаровск – 475 очков. Несмотря на это, колымчане были допущены к участию в соревнованиях непосредственно в Хабаровске. По условиям соревнований колымские стрелки стреляли из малокалиберной винтовки типа “ТОЗ” (открытый прицел). Дистанция стрельбы – 50 метров (мишень № 7), положение для стрельбы – стоя, с колена и лежа. На пристрелку винтовки полагалось пять патронов. В положении стоя стрелки Колымы показали средние результаты. Корректировка попадания показала, что стрельба с колена прошла блестяще. Грибанов из 50 возможных дал 47 очков. Танасов – 42 очка... Стрельбу с положения лежа колымские стрелки также провели успешно. Щекин из 50 возможных дал 43 очка, Искржицкий – 46 очков, Танасов – 44 очка, Грибанов – 43 очка и Свешиникова – 40 очков. Общий подсчет результатов стрельбы команды Колымы выдвинул дальстроявцев на первое место в крае. Оказалось, что колымские стрелки из 750 возможных очков дали 590. Показатель стрельбы колымчан был на восемь очков выше показателей команды стрелкового клуба Осоавиахима города Комсомольска – лидера краевых соревнований. 2 июля команда Колымы возвратилась из Хабаровска во Владивосток. Здесь она включилась в городские стрелковые соревнования. В соревнованиях приняли участие 18 сборных команд города, в числе которых были две команды Владивостокского отделения Дальстроя. Колымские стрелки в этих соревнованиях в первом упражнении дали 212 очков из 250 возможных, во втором упражнении команда Колымы сделала 62 попадания, что составило 520 очков. Общий результат команды в двух упражнениях – 732 очка. Эти показатели поставили команду Колымы на первое место в городских соревнованиях. Команде Колымы было вручено переходящее Красное Знамя. В связи с тем, что соревнования проводились на первенство города Владивостока, команда Колымы передала переходящее Красное Знамя осовиахимовской организации Владивостокского отделения Дальстроя».

Построенная осенью 1937 г. на территории Магаданского городского парка культуры и отдыха парашютная вышка послужила опорным пунктом для организации парашютной станции Колымского Совета Осоавиахима. Летом 1940 г. ее обслуживали авиатехник и два инструктора (один из них – начальник станции). Они же занимались подготовкой групп парашютистов, способных в дальнейшем показать свое умение (во время прыжков с самолета) и получить оборонный значок «Парашютист». «В порядке популяризации парашютного спорта, – отмечалось на заседании президиума Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины от 24 декабря 1940 г., – произведено 3235 прыжков с парашютной вышки».

В конце 1940 г. состоялось подведение итогов последних Всеколымских химических соревнований. В них приняли участие 59 первичных организаций Колымы. В химические соревнования входил следующий комплекс: работа в противогазах и поход в противогазах на 5 км. При подведении итогов

оказалось, что значительных успехов достигли первичные организации предприятий и учреждений г. Магадана. Лучшие работники и победители соревнований были награждены грамотами и значками «Активист Осоавиахима»*.

Оборонно-массовая работа, развитие военно-прикладных видов спорта были тесно связаны с другими, более массовыми направлениями в спортивном движении Колымы. Магадан являлся центром этого движения, где организационно оформились спортобщества «Динамо» и «Кировец», действовал Колымский комитет физкультуры и спорта, проводились соревнования и чемпионаты.

Так, летом 1939 г. проходило первенство Магадана по футболу, в котором участвовали команды «Динамо», морпогранотряда, Рабочего клуба, ВОХРа, АРЗа, завода № 2, парка культуры и отдыха, воинской части, Главного управления Дальстроя, горного техникума. Чемпионом стала команда «Динамо», забившая 38 мячей, а пропустившая всего 5. Второе место заняли футболисты морпогранотряда. Они забили 30 мячей, а пропустили в свои ворота 9.

Летом 1939 г. сборная Колымы приняла участие в розыгрыше Хабаровского края по футболу. В ее состав входили 18 игроков, в основном магаданцы: В. С. Абрамов, В. Ф. Говяков, А. А. Горностаев, А. В. Давиденко, В. П. Казанский, К. С. Козлов, Л. И. Лысенко, А. К. Майоров, Н. Д. Маслов, Г. В. Науменко, А. В. Садовский, В. Г. Сальников, А. П. Сосновский, В. А. Федоров, Г. Н. Якушков. Шестеро из этого состава представляли команду «Динамо». Капитаном команды сборной Колымы был К. С. Козлов, политруком – В. А. Федоров. Представителем Колымского комитета физкультуры и спорта и руководителем команды являлся А. С. Семенов.

Сборная Колымы провела ряд встреч с сильными командами Хабаровского края. Она выиграла у сборной команды ВВС 2-й армии (3 : 1), у хабаровского «Зенита» (3 : 2), вышла в финал розыгрыша. В финале сборная Колымы встретилась с командой «Динамо» (Хабаровск) и в труднейшей борьбе уступила ей (3 : 7). Несмотря на этот проигрыш, отзывы об игре колымчан были самые положительные. Интересно, что в сборной Колымы уже второй год выступал самый молодой и талантливый магаданский футболист того времени, – 17-летний учащийся горного техникума Л. И. Лысенко, в последующем – разносторонний спортсмен, участник войны с Японией.

«При Центральном клубе окружкома профсоюза, – писала газета «Советская Колыма» 15 декабря 1939 г., – работают централизованно физкультурные секции под руководством квалифицированных инструкторов. Имеются пять секций: спортивная гимнастика (для мужской и женской групп отдельно), бокс, борьба, коньки и хоккей».

Для популяризации и развития лыжного спорта спортобщество «Кировец» в начале 1940 г. открыло за Магаданским городским парком культуры и отдыха, у находившегося там палаточного городка**, лыжную станцию на 150 пар лыж, работавшую ежедневно. С 18 по 24 марта 1940 г. в Магадане проходили соревнования на первенство Колымы по лыжам. Победителем на дистанциях 20, 30 и 50 км стал динамовец Г. Г. Сафаров (будущий участник Великой Отечественной войны). В командном первенстве первое место заняла лыжная команда ВОХРа. Ей был вручен переходящий приз Колымского комитета физкультуры и спорта – бронзовая фигурка лыжника и грамота победителя.

В феврале – марте 1940 г. проходили первенства Магадана и Колымы по хоккею с мячом. В городском первенстве приняли участие 8 команд: морпогранотряда, горного техникума и по 2 команды от спортобществ «Кировец», ВОХР и Магаданской средней школы. Победителем стала команда ВОХР-1, набравшая 13 очков.

В чемпионате Колымы по хоккею с мячом участвовали 5 команд: морпогранотряда, ВОХР-1, воинской части, Магаданской средней школы и автотранспортников из пос. Спорный. Все матчи проходили в упорной борьбе. Переходящий приз – серебряный кубок победителя – третий год подряд завоевали хоккеисты средней школы.

В марте 1940 г. окончился чемпионат Колымы по шахматам. В нем принимали участие 5 игроков первой категории, 6 – второй и 3 – третьей категории. По набраным очкам первоначально первое место разделили два шахматиста: И. М. Добротворский и С. Ю. Немлихер. Должна была состояться переигровка, но не состоялась. Звание чемпиона Колымы 1940 г. по шахматам так и осталось у двух шахматистов.

Вскоре после этого шахматно-шашечная квалификационная комиссия при спортобществе «Кировец» присудила нескольким шахматистам четвертую всесоюзную категорию по шахматам. Среди них – корреспондент газеты «Советская Колыма» Г. Ф. Барыкин и актер Магаданского драматического театра им. М. Горького А. В. Циркин.

Наряду с этим были и другие индивидуальные достижения. *«Днем 24 апреля, – рассказывала газета «Советская Колыма», – из Магадана в направлении бухты Веселой вышли два лыжника. Первым уверенно шел водитель-стахановец шестой автобазы тов. Фролов. Не отставал от него инженер аэрогеодезии т. Воинов. Два комсомольца, физкультурники добровольного спортивного общества «Кировец» шли в ответственный переход. В подарок к 1 мая они решили взобраться на самую высокую сопку окрестностей Магадана – Бухта Веселая. До сих пор ни одному лыжнику не удалось проделать*

*Самый первый наградной знак Осоавиахима, учрежденный в 1928 г.

**Городок для транзитных пассажиров в районе современной ул. Парковой.

этот путь. Комсомольцы решили укрепить на вершине сопки алый стяг. Погода явно не благоприятствовала лыжникам. Разыгралась пурга. Сплошной туман и низкая облачность окутали огромную сопку. Подойдя к подножию Бухты Веселой, Фролов и Воинов приступили к подъему... Шквальный ветер обрушился на смельчаков, рыхлый снег тормозил движение лыж, 25-градусный мороз обжигал лица, сводил пальцы рук. Но комсомольцев не остановили преграды. Упорно, шаг за шагом пробивались они к вершине. Спустя 1 час 40 мин. подъем на высоту 1300 метров, общей протяженностью пути в 12 000 метров, был блестяще завершен. На вершине сопки Фролов при 5-балльном ветре взобрался на вышку, и вскоре на ней развевался красный флаг. Немного отдохнув, спортсмены двинулись в обратный путь. Спуск с сопки Фролов и Воинов производили горным стилем – «лестницей», а с высоты 800 метров шли стилем «слалом». Через час лыжники завершили спуск. Взятое на себя обязательство комсомольцы-лыжники выполнили. В своем рапорте заместителю начальника Политуправления по комсомолу тов. Селину Фролов и Воинов ходатайствуют о присвоении покоренной сопке названия Комсомольская».

Активную работу по вовлечению в физкультурное движение своих сотрудников проводила первичная организация спортобщества «Кировец». К лету 1940 г. она создала футбольную секцию, которая в розыгрыше блицтурниров занимала призовые места. В велосипедной секции здесь занимались 39 сотрудников, в теннисной – 34, в волейбольной – 12. Активное участие в работе первичной организации спортобщества «Кировец» Главного управления Дальстроя принимали комсомольцы; 21 комсомолец отстаивал ее спортивную честь.

В августе 1940 г. состоялись соревнования по легкой атлетике добровольного спортивного общества «Кировец». В программу соревнований были включены: бег на различные дистанции, гранатометание, толкание ядра, прыжки с разбега в высоту, преодоление полосы препятствий и выполнение гимнастических упражнений (типа «зарядка»). Данная программа соответствовала новому комплексу ГТО I и II ступеней, принятому СНК СССР 26 ноября 1939 г., нормы которого стали успешно выполняться.

Особенно это было видно в сентябре 1940 г., когда в Магадане проходили соревнования по легкой атлетике и многоборью на первенство Колымы. В течение 3 дней в них приняли участие физкультурные коллективы спортобщества «Кировец», «Динамо» и нескольких воинских частей. На проведенных соревнованиях было установлено 12 новых всеколымских рекордов. Всего же за весь 1940 г. на значок нового комплекса ГТО (только I ступени) сдали нормы 1125 чел. на Колыме, в основном представлявшие городские спортивные и физкультурные коллективы. Такое положение дел говорило о ведущих позициях Магадана не только как административного, но и культурного центра Дальстроя, несмотря на то что значительную часть его населения составляли заключенные, находившиеся за колючей проволокой.

Вместе с тем какого-либо четкого разделения города на жилые кварталы для вольнонаемных и лагерные зоны не существовало. Наоборот, жилые кварталы города в некоторых случаях прямо соседствовали с лагерными зонами. Так, например, было в районе промкомбината* или старого сангородка**. Кроме того, в городе постоянно находилось большое количество расконвоированных заключенных. Так что, как бы ни требовали инструкции и условия режима, одновременно в одном магазине, кинотеатре или музее могли оказаться вольнонаемный и тот, кто недавно вышел из лагерной зоны.

После получения статуса города и организации городского хозяйства Магадан был разделен на 4 жилых района, каждым из которых руководил комендант. С 1 января 1940 г. все районы объединили в один «с подчинением ему транзитного городка, гостиницы, всех палаток и барачов временного типа» и с введением должностей «управляющих домохозяйствами» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 59, л. 72].

В конце 1940 г. была пересмотрена структура всех проектных организаций Дальстроя, в том числе и касающихся горкоммунотдела. Констатируя тот факт, что проектирование на Колыме по сути дела еще оставалось «чрезвычайно распылено между многочисленными проектными организациями» и создавало «параллелизм в работе, что привело к распылению кадров квалифицированных проектировщиков, увеличению накладных расходов», И. Ф. Никишов издал приказ о создании «на базе Колымпроекта, Колымтранспортпроекта и проектной конторы ГКО единого хозрасчетного проектного Управления «Колымпроект»». Начальником Колымпроекта был назначен Н. П. Крыжановский.

В годовом отчете Дальстроя за 1940 г. отмечалось: «По г. Магадану вновь введено в эксплуатацию 9093 м², каменный 57-квартирный дом, надстроенные здания гостиниц, деревянные рубленые дома и бараки. Средняя жилая площадь на одного проживающего на 1.1.41 г. доведена... по Магадану – в жилых домах до 6,03 м² (вместо 5,83 м² на 1.1.40 г.) и – в бараках до 4,34 м²» [Там же. Д. 793, л. 125].

В перенесенной на 1941 г. городское строительство вошли здания Главного управления Дальстроя, городской поликлиники, Дома культуры им. М. Горького, а кроме того были запланированы новые, согласно ранее утвержденному генеральному плану. Не обошлось без корректив и изменений в частности, при внесении в строительство одноэтажных деревянных строений, но это не являлось главным. Поэтому уже в январе 1941 г. СМК № 2 Колымгражданстроя приступила к подготовительным работам по устройству рабочей площадки для возводимого на углу ул. Сталина и Дзержинского (ныне – часть ул. К. Маркса) 87-квартирного кирпичного здания.

*Территория современного ДОКа на ул. Пролетарской.

**Угол современных ул. К. Маркса и Транспортной.

В феврале 1941 г. на территории транзитного городка строительно-ремонтная контора ГКО начала возводить целый комплекс типовых домов из освоенных промкомбинатом мохоплит. Каждое такое помещение должно было иметь центральное отопление, водопровод, канализацию и рассчитывалось на 185 чел. В течение февраля – марта 1941 г. два типовых здания для транзитных пассажиров вступили в строй, а строительство остальных продолжалось. Одновременно разрабатывался «проект общежития комнатной системы каркасной конструкции с заполнением из мохоплит». Немного позднее 10 таких общежитий были построены на ул. Транзитная*.

Их обустройством занималась жилищная контора городского коммунального отдела (сюда постоянно обращались по вопросам квартирной платы и жилплощади), которая больше года назад сменила прежний адрес. Теперь, переехав из деревянного строения по ул. Советская, 9, она стала размещаться в доме по ул. Сталинская, 15, недалеко от одноэтажного здания Охотско-Колымского краеведческого музея и достраивавшегося здания Главного управления Дальстроя.

21 апреля 1941 г. специальная комиссия составила акт технической приемки здания Главного Управления Дальстроя. «За добросовестное и качественное выполнение проекта и строительно-монтажных работ», «за проявленную работниками стр-ва инициативу и энергию» [ГАМО, ф.р-23сч. оп. 1, д. 76, л. 316] грамотой Главного и Политического управлений Дальстроя были награждены старший архитектор Колымпроекта (он же автор проекта здания) Н. Н. Юргенсон, старший производитель работ А. С. Лазарев; ценными подарками – здание ГУСДС – столяры М. М. Гаврилюк и П. С. Ларионов, кабельщики-спайщики Х. Р. Мингалеев, Л. М. Суханов и В. С. Шукаев, бригадир электромонтеров П. И. Мошев, десятник малярных работ С. А. Платов, мастер-сантехник С. М. Пьявка, десятник строительных работ А. М. Рудаков, прораб мехмонтажного участка П. К. Щепитинин, завхоз Н. Ш. Шмальц; инженеру Ф. М. Ермолаеву, прорабу П. П. Никифорову и десятнику А. Н. Веселову – объявлена благодарность. Также было решено *«отметить работу по окончанию строительства здания, сделанную начальником Колымгражданстроя т. Воронович А. Я. и начальником стройконторы т. Даниловым П. Ф.»*.

Мохоплиты, которые выпускал промкомбинат, позволили развернуть еще одно строительство. примыкающее к территории городского парка культуры и отдыха. Оно началось в начале лета 1941 г. на правой стороне Колымского шоссе, недалеко от уже построенного Дома пионеров. Это было двухэтажное ателье бытового обслуживания. Его сооружение производил отдел капитального строительства промкомбината, в состав которого ателье бытового обслуживания и должно было войти.

С весны 1941 г. более быстрыми темпами пошла прокладка узкоколейной железной дороги Магадан – Палатка, что было связано с активной работой комсомольцев и городской молодежи. Они проводили очистку и подсыпку полотна, убирали грунт со снегом, подравнивали путь, бурили. Руководство Дальстроя обязало всех руководителей предприятий и учреждений Магадана *«беспрестанно отпускать комсомольцев, мобилизованных горкомом ВЛКСМ на временные работы на срок не более недели для помощи в стр-ве узкоколейной железной дороги Магадан – Палатка»* [Там же.].

Определенных успехов достигло лагерное строительство, также проходившее согласно ранее принятым решениям. Оно проводилось стройконторой УСВИТЛа при въезде в город, на правой стороне Колымского шоссе**, где обустраивался центральный лагерь. Основными планировочными работами руководил инженер-проектировщик С. Н. Игишев, техническое руководство осуществлял старший прораб А. И. Лебедев. При кажущейся дешевизне труда заключенных строительство потребовало дополнительных расходов, в связи с чем была проведена реорганизация Нагаево-Магаданских подразделений Севвостлага. Непосредственный приказ об этом подписал 7 апреля 1941 г. и. о. начальника Дальстроя С. Е. Егоров.

«В целях сокращения аппарата, коренного улучшения руководства лагерной работой, а также упорядочения учета и отчетности, – говорилось в нем, – приказываю: 1. Ликвидировать аппарат Нагаево-Магаданских лагподразделений при: а) Сельхозуправлении, б) Управлении рыбного промыслового хозяйства, в) лесного отдела, г) Колымгражданстроя, оставив в перечисленных организациях по одному инспектору лаг. работы. 2. Взамен ликвидируемых, перечисленных аппаратов организовать с дислоцированием в г. Магадане Управление Магаданского лагеря и подчинить ему все лагподразделения Магаданского района». Начальником Управления Маглага был назначен Я. М. Резников.

Заключенные, содержащиеся в Нагаево-Магаданских подразделениях, а затем и в Маглаге, составляли основную рабочую силу большинства предприятий и учреждений Магадана. Есть данные, что среди них были и несовершеннолетние. Так, согласно архивным документам, на 1 января 1940 г. в ОЛПах при Колымснабе, заводе № 2, местпроме, АРЗе, а также в женОЛПе содержались 128 заключенных 1922 и 1923 г. р., в том числе 11 девушек.

Режим содержания и условия работы заключенных во многом зависели от того, где они работали или служили. В связи с этим были различными нормы их питания и обмундирования. *«В Колымпроекте работают заключенные из ОЛП ГКО в количестве 74 человек, – отмечал И. Ф. Никишов 19 июня 1940 г. – Из них 54 человека получают питание по особой категории и 20 человек по 1-й»*. Подобная категорийность, например, в ОЛПах при заводе № 2 или АРЗе была невозможна.

*Ныне – ул. Парковая.

**Согласно выезду из города.

По утвержденным в апреле 1940 г. нормам «лагерного котлового довольствия» существовали 4 категории питания заключенных: 3-я, 2-я, 1-я и особая. Исходя из 3-й категории (при дневной выработке до 70%) выдавалось: хлеба – 600 г, крупы – 100 г, рыбы – 128 г, картофеля – 500 г, мяса – 30 г, растительного масла – 10 г, сахара – 10 г, чая – 2 г; из 2-й категории (при выработке до 99%) – соответственно 700, 100, 128, 500, 30, 10, 10, 2 г; из 1-й категории (при выработке до 130%) – соответственно 1 кг, 130, 158, 600, 30, 12, 13, 2 г. Особая категория (свыше 130%) давала возможность получать еще дополнительно ко 2-й категории 200 г хлеба, 150 г картофеля, 50 г муки, 50 г мяса, 34 г рыбы, 20 г крупы, 7 г макарон, 7 г сахара, 3 г растительного масла и 5 г жиров.

Перечисление данных норм не гарантировало их получение. Нередки были случаи, когда отдельных продуктов просто не хватало или их разворовывали уголовные элементы, пристроившиеся на кухне, а иногда заключенные не получали их потому, что не могли выполнить дневной нормы. Недоснабжение продуктами питания, боязнь превратиться в «доходяг» и погибнуть толкали некоторых заключенных, в основном «бытовиков», на побег из наиболее отдаленных и слабо охраняемых лагерных подразделений.

«Румянцев Александр Васильевич, – сообщалось в сводке происшествий ОЛПа при лесном отделе, датированной февралем 1940 г., – рождения 1919 г., осужден по ст. 109*, срок 2 года, будучи под конвоем, совершил побег из производства командировки “Каменушка” Магаданского лагпункта, держа курс к морю бухты Нагаево. Беглец Румянцев, пробравшись к дороге, которая вела к погранотряду, свернул в глухую тайгу, направляясь к городу Магадану. Конвоир Малышкин П. В., преследуя беглеца Румянцева, который, заметив конвоира, ускорил движение, на расстоянии 250 метров предупредил бежавшего дважды: “стой”. Последний не обращал внимания, дал ускоренный шаг. Боец Малышкин дал выстрел по беглецу, убив его на расстоянии 180 метров от себя. При осмотре трупа з/к Румянцева выявлено, что он был одет в валенки, теплые брюки, телогрейку, бушлат, в меховую шапку».

Приводя такие негативные факты (всего за IV квартал 1940 г. и I квартал 1941 г. из Маглага бежали 206 чел.), нельзя не сказать, что часть продуктов питания для Нагаево-Магаданских лагерных подразделений (а затем и Маглага) и в еще большей степени для вольнонаемного населения Магадана поставлял пригородный совхоз «Дукча», организованный весной 1932 г. Работавшие в нем репрессированные специалисты и осужденные крестьяне в сравнительно короткие сроки заложили основы северного земледелия, птицеводства и животноводства. Они же расширили производство картофеля, капусты, свеклы, редиса, лука, парниковых огурцов, увеличили надои молока, выпуск яиц.

Например, в течение I квартала 1940 г. совхоз «Дукча» сдал торгующим организациям 12 т зеленого лука и 600 кг свеклы, а уже к 15 августа – 52,2 т свежих овощей, в том числе огурцов 10,5 т, помидор – 2,5, зеленого лука – 1,5, редиса – 14,5. Сдача молока на одну фуражную корову составила 480 л (на 190 л больше, чем в 1939 г.); «Пригородный совхоз “Дукча”, – писала в одном из номеров газета “Советская Колыма”, – 4 сентября на 26 дней раньше срока выполнил план по удою молока за три квартала на 100,6 процента, трудящимся Магадана сдано 611 тонн молока вместо плановых 607. В оставшиеся дни сентября совхоз обязан дать дополнительно 55 000 литров молока сверх плана».

Под руководством зоотехника совхоза «Дукча» А. В. Калинова проводились экспериментальные работы по ранней инкубации цыплят. Ему удалось завершить их успешно и уже в феврале 1940 г. вывести через инкубатор 2100 цыплят, что ранее делалось только в апреле. Эксперименты продолжались. В связи с положительными результатами работ был издан приказ по Управлению сельского хозяйства Дальстроя: «За проявленную творческую инициативу по внедрению ранней инкубации, давшей в результате сверх плана 3517 голов птицы и дополнительно 50 тысяч яиц, премировать старшего зоотехника совхоза “Дукча” т. Калинова денежной премией» [ГАМО, ф.р-108, оп. 1, д. 22, л. 34].

Неординарным экспериментатором проявил себя старший агроном «Дукчи» Н. С. Пышкин. Областью проведения его опытов стало тепличное хозяйство, постоянно расширявшееся в совхозе. Эксперименты, проведенные Н. С. Пышкиным, дали прекрасный результат, что также было отмечено Управлением сельского хозяйства Дальстроя: «За проявленную творческую инициативу по круглогодовой эксплуатации теплиц, давшей возможность использовать площади теплиц в три оборота и получить в результате этого при значительном снижении себестоимости дополнительно 17 610 кг продукции, премировать старшего агронома совхоза “Дукча” тов. Пышкина Николая Семеновича денежной премией» [Там же].

В течение 1940 г. совхоз «Дукча» в общей сложности вырастил 43,5 т огурцов, а на следующий год, впервые на Колыме, добился получения огурцов в закрытом грунте в те же сроки, что и в центральных районах страны, т. е. уже в марте. К июню 1941 г. с теплиц и парников «Дукчи» было снято и реализовано около 4 т огурцов. За апрель – май совхоз сдал торгующим организациям около 20 т редиса; продолжал выращивать и лук.

За успехи в развитии северного земледелия и животноводства совхоз «Дукча», наряду с другими хозяйствами Колымы, был утвержден в 1940 г. участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки – ВСХВ. Доставленные в Москву из Магадана выращенные ими овощи рассматривала экспертная комиссия. В протоколе комиссии было записано: «Достижения совхозов “Сеймчан” и “Дукча”, –

*Статья 109 УК РСФСР – злоупотребление властью.

последнего по картофелю, работающих в исключительно трудных условиях в зоне вечной мерзлоты признать заслуживающими высшей оценки – 10 баллов». 14 марта 1941 г. совхоз «Дукча» второй раз утвердили участником ВСХВ.

К этому времени он дал начало еще одному пригородному хозяйству, ранее входившему в его состав, – свиновозову № 1. Данное предприятие первоначально не имело своей полной аббревиатуры, но потом получило ее специальным распоряжением Управления сельского хозяйства Дальстроя. «Установить, – говорилось в нем, – полное название совхоза на реке Дукча “Свиновозов № 1”» [ГАМО, ф.р-108, оп. 1, д. 32, л. 1]. Согласно данным «Перечня совхозов, включенных в план 1941 года», это хозяйство имело 66 га пашни, 314 свиней, 155 гол. крупного рогатого скота и вместе с совхозом «Дукча» являлось основным поставщиком сельскохозяйственной продукции торгующим организациям Магадана.

Молодой, развивающийся город не мог обойтись и без завоза с «материка». С открытием навигации в Магадан постоянно шли поставки из нескольких совхозов Дальстроя, организованных в Приморье и специализирующихся на выращивании картофеля и капусты. В какой-то мере это являлось существенным подспорьем для снабжения горожан и пусть в небольших количествах, но доходило до работающего на предприятиях и в учреждениях лагерного контингента.

К лету 1941 г. в Магадане и его пригородной зоне* действовали такие основные предприятия Дальстроя, как АРЗ, завод № 2, промкомбинат, реорганизованный из Местпрома Дальстроя, Усть-Магаданский рыбпромхоз, хлебозавод, пивзавод, колбасная мастерская. Все они были организованы к концу 30-х гг. и за несколько лет существования показали свою нужность горожанам. Так, газета «Советская Колыма» 5 апреля 1940 г. сообщала: «Цех легких тканей на фабрике массового пошива Местпрома освоил производство. Мартовское задание пошивки разных носильных предметов выполнено на 124,7 проц. В цехе установлено 196 машин, из них 115 с моторными приводами. Процесс пошива организован по поточному принципу. Технология пошива по каждому предмету разрабатывается в специально организованной технической лаборатории. Суточная производительность цеха превышает 10 000 штук белья, верхней одежды, одеял, простыней и других видов швейных изделий. Вся продукция цеха пропускается через бракераж, что значительно повышает качество. Суточная потребность цеха в текстиле – 20–25 тысяч метров». 31 мая 1941 г. заместитель начальника Дальстроя А. Г. Корсаков подписал распоряжение № 214, в котором начальнику промкомбината Я. Н. Ясногородскому приказывал «приступить к организации стекольного и гончарного производства в районе 72 км на базе кварцевых песков р. Красавицы и обнаруженных там же гончарных глин, с расчетом выпуска первой продукции к 1 сентября» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 81, л. 36].

Функционирующий в Магадане промкомбинат, несмотря на размещение в не совсем приспособленных помещениях, на примитивность оборудования и нехватку нормального сырья, стремился стать универсальным предприятием своего профиля. В начале 1941 г. в его состав входили: швейная фабрика, кожевенный завод, промкомбинат № 2, массово-обувной, жестяно-механический, деревообрабатывающий цехи, цех вулканизации, контора бытового обслуживания, торфоучасток. Швейная фабрика занималась «массовым пошивом различных готовых изделий, вещевого довольствия, белья, спецодежды, изделий из брезента, как-то: бараки, палатки и пр.» [ГАМО, ф.р-98, оп. 1, д. 3, л. 1–2]. Массово-обувной цех производил «пошив и ремонт кожаной и валяной обуви», жестяно-механический – изготовлял «предметы хозобихода, ширпотреб», выполнял ремонт оборудования. Деревообрабатывающий цех занимался непосредственно «столярными и мебельными работами», необходимыми для обустройства строящихся зданий Магадана – Главного управления Дальстроя, Дома культуры им. М. Горького и ряда других, а цех вулканизации реставрировал автопокрышки и автокамеры.

Промкомбинат также имел свою заготовительную контору, занимающуюся «заготовкой и переработкой всех видов собираемого утиля», транспортное подразделение, состоящее из «автогаража, в количестве 15 машин, и грузового транспорта, в количестве 80 лошадей», подсобное хозяйство в составе «овощеводства, свиноводства и пр. для обеспечения продуктами питания в/н состава» [Там же]. Заключенные, работавшие на предприятиях промкомбината, содержались в двух лагерных подразделениях. Одно находилось непосредственно в Магадане, другое являлось «отделением “инвалидного горodka” на 25/6 км», который обслуживал расположенный в том же районе промкомбинат № 2.

«До января 1939 г., – отмечалось в газете “Советская Колыма” 25 марта 1941 г., – на 23/6 километрах трассы стояло несколько домиков. В декабре 1938 г. здесь было начато производство изделий ширпотреба из разного рода отходов и местного сырья. Из отходов бумаги начали изготавливать блокноты, записные книжки, из отходов железа – жестяно-скобяные изделия, из отходов стекла – зеркала, рамки для фотокарточек. Из местного сырья наладили выпуск корзин, домино, шашек, шахмат, детских игрушек. Вот и весь ассортимент».

В 1940 г. из мелких кустарных мастерских вырастает настоящее производство местной промышленности – промкомбинат № 2 с годовой программой в 5 млн. рублей. В ассортимент выпуска-

*Это понятие условно, так как в то время к ней относили (также условно) всю территорию от Магадана до 72-го км основной трассы.

емой продукции промкомбината на 1940 г. входили 135 видов разных изделий ширпотреба. Уже выпускались кровати, столы, стулья, табуретки, этажерки, тумбочки, диваны, финская стружка, счеты конторские, картонажные изделия и т. д. ... В сентябре 1940 г. пущен в эксплуатацию новый цех "Оргалит", выпускающий новый вид строительных материалов – мохоплиты из местного сырья, очень удобные для скоростного строительства жилых домов и других помещений...»

Авторемонтный завод в основном выполнял работы по производству ремонта, изготовлению запчастей для автомобилей и тракторов, завод № 2 занимался судостроением и судоремонтом. В то же время они вместе ремонтировали и изготавливали горное оборудование. Удельный вес изготовления горного оборудования завода № 2 в 1940 г. составлял более 50%. Им было выпущено 66 ленточных транспортеров длиной по 100 м, 15 ленточных транспортеров длиной по 50 м, 92 галечные лебедки, 28 ковшей к экскаваторам, 303 бойлера с поверхностью нагрева 8 м², 3 бензобака, 48 пятидесятитонных цистерн, 106 цистерн по 25 т, 100 цистерн по 10 т, 655 бензобочек вместимостью по 250 л.

«Неплохих результатов, – сообщала "Советская Колыма", – добилась и команда парохода "Дальстрой". Она получила от Главного управления задание перевезти на Омсукчан партию рабочих, продуктов и оборудования. Грузы и людей необходимо было доставить в бухту Пестрая Дресва. Коллектив парохода с огромным воодушевлением взялся за выполнение этого задания. Приняв на борт необходимый груз, пароход "Дальстрой" снялся с якоря. Через несколько дней, преодолевая штормовую погоду, он прибыл к месту назначения. Предстояло произвести выгрузку на рейде, так как шторм не давал возможности подойти ближе к берегу. В тяжелых условиях, когда сила ветра доходила порой до 4–5 баллов, команда приступила к разгрузке парохода. В первую очередь экипаж парохода выгрузил для горняков Омсукчана продовольствие, зимнюю одежду и промтовары. Затем команда приступила к выгрузке тяжеловесов. Во время выгрузки испортилась одна из стрел. Несмотря на сильный ветер и большие волны, матрос парохода тов. Кирго вызвался исправить повреждение. Через несколько времени стрела была налажена. В разгрузке парохода участвовала вся команда. Трудовой энтузиазм охватил всех. Машинная команда после вахты выходила на службу и включалась в работу. Даже судовой фельдшер тов. Худасов и тот в свободное время участвовал в разгрузке... Капитан парохода – орденноносец тов. Банкович, помполит тов. Лысков, старший помощник капитана тов. Шевченко все время руководили работами. Тов. Банкович не ушел с мостика, даже несмотря на то что заболел. 8 суток у него держалась температура в 38–39 градусов, но он не покидал своего поста. Более 30 суток разгружался пароход в штормовую погоду на рейде... Особенно отличились на выгрузке матросы т.т. Калинин, Бражников, Русико и Кирго. Старший механик парохода тов. Цветков (награжденный медалью) во время стоянки парохода на рейде произвел силами машинной команды средний ремонт механизмов. Таким образом, время стоянки было использовано продуктивно» [Митин, 1940].

Хорошие показатели за навигацию 1940 г. имел и флагман морского флота Дальстроя – пароход «Феликс Дзержинский». В его команде работали свыше 70 стахановцев и ударников. Наилучшие показатели по флоту местного каботажа Управления Нагаевского торгового порта за навигацию 1940 г. имели буксирный пароход «Марчекан», парусно-моторная шхуна «Звезда», баржи «Яна» и № 2.

Усть-Магаданский рыбпромхоз входил в состав Управления рыбного промыслового хозяйства Дальстроя с центром в пос. Веселая. Здесь в течение 1940 г. были открыты медпункты, столовая, парикмахерская, сапожная и пошивочная мастерские. Усть-Магаданский рыбпромхоз снабжал население Магадана свежей, соленой и копченой рыбой, а также рыбными изделиями, часть из которых изготавливала колбасная мастерская. Входивший в состав промкомбината кожзавод занимался переработкой кожи «от убоя местного скота в разные виды кожевенных товаров». Первоначально это происходило почти ручным способом, но затем производство было частично механизировано. На предприятии установили дубильный барабан, строгальный станок по коже, промывочный барабан, насосную станцию и паровую сушку, что удешевило изготовление продукции.

Магаданский хлебозавод за несколько лет работы значительно расширил ассортимент выпускаемой продукции. Известно, что только за один день, 28 декабря 1940 г., он изготовил 27 т хлеба, 2500 булок, около 7 тыс. сдобных булочек и более 2 тыс. пирожных. Заведующий производством хлебозавода А. А. Симонов изобрел специальную машину, заменившую ручную раскатку жгутов из теста, а мастер бараночного цеха А. С. Давыдов с ее помощью увеличил производство мучных изделий.

Весной 1941 г. магаданский пивзавод ежедневно выпускал 2500 л пива «Московское». Оно поставлялось в столовые и буфеты города. Одновременно пивзавод приступил к изготовлению фруктовых вод. «Мастер по фруктовым водам тов. Старков, – сообщала газета "Советская Колыма" 22 марта 1941 г., – производит осмотр и ремонт мелового аппарата, вырабатывающего углекислый газ, и машины "Сатуратор". В мае нынешнего года предполагают выпустить первую партию прохладительных напитков: брусничную, вишневую, сельтерскую и клюквенные воды, ситро, лимонад».

Сануправление разработало и представило 24 декабря 1940 г. руководству Дальстроя «Временные мероприятия по зоне санитарной охраны водоемчиков и городского водопровода города Магадана». Оно предлагало: «1. Установить три пояса зоны санитарной охраны водоемчиков городского водопровода и водопроводных сооружений г. Магадана: 1-й пояс, или зона строгого режима; 2-й пояс, или зона ограничений; 3-й пояс, или зона наблюдений. 2. Включить в зону строгого режима:

а) реку Магадан от мест ее слияния с рекой Каменушкой до существующей станции, б) насосную станцию с окружающей территорией до 150 метров в окружности, в) городские водонапорные баки. 3. Включить во второй пояс зоны санитарной охраны – зону ограничений: а) реку Магадан и реку Каменушку от места их слияния до их верховьев с пойменными участками и склонами сопков, расположенных по обоим берегам этих рек, б) территорию вблизи насосной станции, окружающую первый пояс, с включением в нее автобазы № 6 с жилыми и хозяйственными постройками, территории Магаданской железнодорожной станции, участка бывшей командировки горкоммунотдела и лесного склада, гаражей Управления связи, верхней командировки и территории в районе расположения водонапорных баков в окружности 100 метров. 4. Включить в 3-й пояс санитарной охраны – в зону наблюдений – всю территорию по рекам Каменушке и Магадан, прилегающую к зоне ограничений и не имеющую непосредственного влияния на санитарный режим этих рек» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 81, л. 24].

Руководствуясь тем, что «загрязнение рек Магадан и Каменушки, влекущее за собой повышенную желудочно-кишечную заболеваемость, по Магадано-Нагаевскому району продолжает иметь место», руководство Дальстроя 27 мая 1941 г. утвердило «Временные мероприятия по зоне санитарной охраны водисточников и городского водопровода города Магадана» [Там же. Л. 22]. Решено было «ввести их в действие с 1 июля 1941 года».

31 января 1941 г. заместитель начальника Дальстроя Г. А. Корсаков подписал распоряжение № 28, в котором указывал: «В целях сохранения зеленых зон вокруг гор. Магадана и поселков... § 1. Воспретить всякого рода рубку сырораствующего леса: а) вокруг г. Магадана в радиусе 10 км, б) вокруг поселков, приисков (на площадях, не входящих в эксплуатацию), автобаз, совхозов, промхозов, дорожных поселков постоянного типа – в радиусе 3 км. § 2. На указанных зонах разрешать лишь вырубку сухостоя, подбор валежи в порядке санитарных рубок и мер ухода за лесом. § 3. Все существующие в настоящее время заготовки леса в указанных зонах надлежит закрыть и перенести в другое место» [Там же. Д. 80, л. 46].

«Немалую роль, – отмечал начальник Управления гострудсберкасс и госкредита по Дальстрою Г. Я. Мищанин, – играют средства населения, получаемые от государственных займов и через сберегательные кассы... В сберегательных кассах Колымы на 1 мая 1941 года сумма вкладов составила 165 млн. рублей... Держателям облигаций государственных займов и вкладчикам сберегательных касс Колымы выплачено за 10 лет выигрышей и процентов по займу и вкладам свыше 12 млн. рублей. Трудящиеся Колымы дали займы государству за период сталинских пятилеток 83 млн. 650 тыс. рублей. Только в 1940 г. от суммы реализованного займа на Колыме поступило в государственный бюджет 31 млн. 415 тыс. рублей. Эта сумма полностью покрывает произведенные расходы 1940 года на строительство школ-интернатов в Палатке, Армани и Оле; клубов и изб-читален в Магадане, Оле, Таскане, Эсчане и Оротукане; больниц в Таскане и Тауйске; медицинских пунктов в Оле и Оротукане; бань в Наяхане, Каменске, Таскане; 85 жилых домов для колхозников в Армани, Тауйске, Бараборке, Гадагане, Ямске, Сиглане, Наяхане, Гарманде, Каменске, Таватуме, Таскане, Эсчане, Оротукане и Вилиге; Дома пионеров, 57-квартирного дома и 10 двухэтажных стандартных домов, столовой, бани, клуба пятиэтажного здания Главного и Политического управлений в Магадане; железной дороги Магадан – Палатка первой очереди и др.» [Мищанин, 1941].

2.2. Магадан на фронтах Великой Отечественной войны

Воскресный день 22 июня 1941 г. начинался в Магадане необычайно спокойно и солнечно. В 12 часов состоялось открытие городского парка культуры и отдыха. Коллектив художественной самодеятельности Центрального клуба показал большую концертную программу, в которой впервые выступали акробаты, эксцентрики и жонглеры. В зрительном зале театра им. М. Горького проходила олимпиада детской художественной самодеятельности. В 13 часов на стадионе ПККО состоялся общегородской митинг избирателей Магадано-Нагаево, посвященный выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР от Камчатско-Колымского избирательного округа.

Здесь же и на других спортивных площадках проходили соревнования футбольных и волейбольных команд, выступали баскетболисты и теннисисты. К услугам отдыхающих горожан и гостей города были парашютная вышка и тир, в кинотеатре ПККО демонстрировался новый художественный фильм «Ветер с Востока» (предполагалось 4 сеанса: в 2 ч 30 мин, в 4 ч 30 мин, в 8 ч 30 мин и в 10 ч 30 мин), а в городском кинотеатре – новый художественный фильм «Салават Юлаев» (предполагалось также 5 сеансов: в 3 ч 30 мин, в 5 ч 15 мин, в 7 ч, в 8 ч 45 мин и в 10 ч 30 мин); в фойе играл джаз-оркестр под руководством М. Н. Лялина. Так продолжалось до 18 часов по магаданскому времени.

Председатель Колымского радиокомитета журналист Л. А. Шахнарович позднее вспоминал: «В летнем кинотеатре, что находился в парке культуры и отдыха, заканчивался очередной сеанс. Шел фильм из польской жизни. В последних кадрах началась оккупация Польши, разворачивалась партизанская война на польской земле. Из мощного динамика диктор сообщил: “Будьте готовы, люди, начина-

ется война. Враг напал на нашу родину!". В зале стало светло, двери раскрылись. Мы вышли на дорожку, а здесь... У репродукторов в парке стояла большая толпа. Люди сосредоточенно слушали» [Козлов, 2004. 22 июня].

О том, что произошло вслед за этим, свидетельствовал директор Охотско-Колымского краеведческого музея А. П. Хмелинин. В дневнике музея он оставил запись: «Еще не смолкли последние звуки репродукторов, как к парку культуры и отдыха потянулись десятки и сотни трудящихся Магадана на общегородской митинг, назначенный на 11 часов вечера. В течение короткого времени стадион, дорожки, аллеи и площадки были заполнены собравшимися жителями. Разговоров мало. У всех сосредоточенные лица, взволнованные взгляды, сурово сдвинуты брови» [Там же].

Начальник Политуправления Дальстроя дивизионный комиссар И. К. Сидоров открыл митинг. Выступивший сразу после И. К. Сидорова начальник Дальстроя комиссар госбезопасности И. Ф. Никишов сказал: «Товарищи дальстроевцы, инженерно-технические работники, советская интеллигенция, рабочие и работницы, советские служащие, колхозники и колхозницы! Сегодня в 4 часа по московскому времени фашистские заправилы Германии совершили наглый бандитский налет на нашу территорию. Два года назад они заключили с нами договор о дружбе и ненападении, а сегодня эти озверевшие бандиты вероломно нарушили его и без предупреждения напали на границы Советского Союза. Вы все слушали выступление тов. Молотова по радио. Народ Германии не начинал войны, ее начала правящая клика фашиствующего капитализма. Гитлер в своей декларации пытается обмануть германский народ, заявив, что большевики сосредоточили свои войска на северо-восточной границы Германии. Он хочет оправдать свой налет. Но это не пройдет. Рабочий класс Германии знает правду. Фашизм начал войну на свою голову и закончит ее позором, своим окончательным поражением... Советский Союз – это не Польша, не Голландия, не Бельгия, не Франция и не Англия. Это – могучая держава с ее 193-миллионным народом. Наш народ спокоен как никогда и готов защищать свои границы до победного конца... Наша сила заключается в высоком техническом оснащении нашей победоносной Красной Армии, нашего Красного Военно-морского флота, нашего мощного Воздушного флота. Наш боец знает, за что он будет биться, и будет биться до последнего, уничтожая врага, за свою Родину, за свою великую партию, за своего любимого вождя товарища Сталина!.. Товарищи дальстроевцы! Наша задача – еще выше поднять производительность труда, увеличить добычу продукции, обеспечить всем необходимым нашу Красную Армию, Военно-морской и Воздушный флот. Война не внесет растерянности в наши ряды. Мы еще теснее сплотимся вокруг великой партии Ленина – Сталина, вокруг ее гениального вождя, учителя и друга трудящихся тов. Сталина. С завтрашнего дня будем не только выполнять, но и перевыполнять планы по всем отраслям нашего хозяйства. Этим мы поможем нашей героической Красной Армии решительно громить врага... Смерть фашистским бандитам! Они будут разбиты на собственной территории, в своих собственных гнездах. Эта война освободительная! Она раз и навсегда освободит человечество от фашизма!»

Общегородской митинг продолжался до 2 часов ночи и был наполнен гневными и яростными выступлениями всех магаданцев. Перед тем как разойтись, его участники приняли резолюцию, в которой говорилось: «Заслушав сообщение тов. Никишова, трудящиеся Магадана-Нагаево, собравшись на митинг, глубоко возмущены бандитским провокационным налетом зарвавшихся фашистов на территорию нашей социалистической родины. Ввергнув во вторую империалистическую войну почти все страны мира, гитлеровские гады осмелились против воли народов своей страны перейти наши священные рубежи. Кровавые фашисты пытаются нарушить победоносное шествие многомиллионного советского народа к вершинам коммунизма. Но наглые фашистские провокаторы войны на этот раз сломают свои зубы о стальную силу Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-морского флота страны социализма. Гитлеровские бандиты забыли, что они имеют на этот раз дело с народом – богатырем, с народом – истинным патриотом социалистической родины, выходявшим из всех и всяких войн и трудностей только победителем. Сегодня, когда началась война, когда наши славные бойцы и командиры, танкисты и соколы-летчики, кавалеристы, саперы, артиллеристы приступили к исполнению исторической задачи разгрома зарвавшихся фашистских псов, мы отдаем полный отчет в том, что наш долг – честно и самоотверженно работать на своем посту. Где бы мы ни находились, какую бы работу ни выполняли, мы помним, что подлинно социалистическим трудом мы храним оборонную мощь страны. Перевыполнением государственных производственных заданий мы способствуем победе над врагом. Фашистские бандиты будут разгромлены. Победа останется за нашим великим свободным советским народом, руководящим несокрушимой партией Ленина – Сталина. Теснее сплотим свои ряды вокруг нашей родной и любимой партии большевиков, ведущей народы могучей социалистической родины от победы к победе! Да здравствует великий Союз Советских Социалистических республик – отечество трудящихся всего мира! ...»

Подобные митинги прошли во всех поселках и на приисках Дальстроя. Северяне как никогда были единодушны. «В редакцию вчера всю ночь, – писала газета “Советская Колыма” (ответственный редактор К. А. Боровикова) 23 июня 1941 г., – продолжали поступать сообщения о митингах в горных управлениях Дальстроя, в национальных районах, в самых отдаленных уголках Крайнего Севера. На митинге в Армани присутствовало 400 человек, в Балаганном – 150, Талоне – 120, на Новостройке – 65 человек. Рано утром из Олы сообщили, что там также закончились митинги».

Утром, 23 июня 1941 г., в Ольский райвоенкомат* и к руководству Дальстроя стали поступать заявления с просьбами об отправке в действующую армию. В числе первых подавших заявления с просьбами об отправке на фронт были секретари Магаданского горкома ВКП(б) В. Ф. Белов и М. В. Васильев, начальник геолого-поискового отдела ГУСДС В. А. Титов, директор совхоза «Дукча» А. П. Сагинов. Вслед за ними подавали заявления и другие, но Дальстрой не мог в полной мере удовлетворить эти просьбы.

Дело в том, что уход на фронт магаданцев, как и других колымчан, имел ряд особенностей. Они были практически выявлены и стали детализироваться во второй половине 80-х гг. Тогда исследованные в архиве объединения СВЗ (ныне – ОАО «СВЗ») документы позволили пересмотреть ранее распространенное мнение, что с территории деятельности Дальстроя в период Великой Отечественной войны не было каких-либо призывов в действующую армию, а колымчане, воевавшие против фашистов, являлись добровольцами или людьми, случайно оказавшимися на «материке» и там вступившими в ряды Красной Армии.

Предварительный количественный подсчет, его дальнейшие перспективы и в основном установленные, вполне определенные, конкретные категории так называемого призывного населения Колымы привели к ключевому выводу, сформулированному в специально подготовленной статье автора: *«нельзя согласиться с утверждением, что в годы Великой Отечественной войны не было каких-либо призывов в действующую армию с территории Колымы и Чукотки», «данные о всего лишь 1200 дальстроевцев, защищавших Родину в трудный для нее час, безнадежно устарели»* [Козлов, 1989б. 27 янв.].

Еще более точной стала информация, помещенная в статье автора за 1989 г. Согласно ей, можно было с большой долей уверенности говорить *«не менее чем о десяти тысячах северян, воевавших в годы Великой Отечественной войны»* [Козлов, 1989а. С. 7], так как те же архивные данные СВЗ показали, что на протяжении всех лет боевых действий против фашистов на территорию деятельности Дальстроя все-таки распространялись ежегодные призывы в Красную Армию. Согласно им, должно было призываться определенное количество человек, не считая северян, которые приходили в военкоматы на «материке». Осуществлялось это в основном за счет мобилизации в Красную Армию бывших заключенных Севвостлага и частично заключенных, получивших разрешение на отправку в штрафные подразделения.

Выявленные данные и аргументы 1989 г. не были опровергнуты в дальнейшем. Наоборот, они нашли еще более весомое подтверждение при подготовке областной Книги Памяти. Первый ее том был издан к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне; второй, содержащий документальные очерки, – в 1996 г. Приводя теперь уже рассекреченные сведения Магаданского облвоенкомата и Центрального архива Министерства обороны РСФСР, оба тома дали цифру в 8150 чел., призванных, 497 погибших и 105 пропавших без вести только с территории колымских районов Дальстроя, которая в настоящее время уточняется.

Центром отправки на фронт являлся г. Магадан, откуда в действующую армию ушло немало и самих горожан. В течение лета – осени 1941 г. через него выехали также сотни работников различных организаций и учреждений Дальстроя, ставших добровольцами и добравшихся на «материк» на свой страх и риск. Среди них находилось немало коммунистов и комсомольцев. Как свидетельствуют составленные на них списки, только в декабре 1941 – январе 1942 г. из Магаданской городской организации ВЛКСМ выехали в действующую армию 88 чел., а с июля 1941 по ноябрь 1942 г. ушли на фронт более 200 членов и кандидатов в члены ВКП(б), в том числе секретарь горкома партии Д. В. Буров.

В рапорте на имя И. К. Сидорова от 30 июня 1941 г. начальник АХО МСУ коммунист П. Л. Никологорский писал: *«На нашу Родину напал враг – германский фашизм. Красная Армия и весь советский народ борются с озверевшим врагом. Считаю своим долгом быть на передовой линии огня и бить его с оружием в руках. Имею боевой опыт борьбы с финской белоохранительщиной. Прошу Вас отпустить меня с работы из системы Дальстроя в распоряжение Управления кадров РККА для получения ордена Боевого Красного Знамени и отправки меня добровольцем на Западный фронт. Также прошу вместе со мной отпустить жену Никологорскую К. И., желающую пойти на фронт в качестве медсестры»*. Спустя два дня И. К. Сидоров сделал на этом рапорте подпись: *«Разрешаю уволить с выплатой денежной компенсации за неиспользованный отпуск. Тов. Никологорский получит орден за финский фронт и поедет служить в Красную Армию»* [Козлов, 1989а. С. 4].

Приведенный документ свидетельствует, что в отъезде магаданцев (а также всех колымчан) в действующую армию заключалась еще одна особенность периода Великой Отечественной войны – на вольнонаемных специалистов Дальстроя (геологов, горняков, автотранспортников, моряков, врачей, педагогов и даже артистов), в связи с почти прекратившимся их привлечением с «материка» и наличием основной рабочей силы – заключенных Севвостлага, была наложена «бронь», освобождавшая всех получивших ее от мобилизации на фронт. Исключение для стремившихся воевать в таком случае могли сделать начальник Дальстроя, его заместитель и начальник Политуправления Дальстроя. Они давали уезжавшим из Магадана сопроводительные письма, во многом влиявшие на их дальнейшую судьбу.

*Его деятельность была связана с тем, что Магадан до декабря 1947 г. являлся городом районного подчинения.

Так, в частности, в письме начальника Дальстроя И. Ф. Никишова заместителю наркома внутренних дел СССР по войскам И. И. Масленникову от 25 сентября 1941 г. говорилось: *«Посылаю молодого инженера тов. Седова Леонида Ивановича, изъявившего желание добровольно пойти в ряды Красной Армии, в один из строительных отрядов. Тов. Седов настойчиво просит отправить его на фронт в связи с тем, что его отец – полковник Седов – в борьбе с лютым врагом нашей Родины героически погиб на фронте. За преданность тов. Седова делу Ленина – Сталина, за готовность отдать свою жизнь за Родину – я ручаюсь. Он у нас был одним из лучших инженеров-горняков. За честную работу, за перевыполнение государственного плана тов. Седов Л. И. награжден медалью “За трудовую доблесть”. Прошу тебя принять его и зачислить в один из истребительных отрядов...»* [Козлов, 1989а. С. 3].

Понятно, что подобные сопроводительные письма давали не каждому. Вместе с тем 1941 г. показал, что, несмотря на наложенную «бронь», поток заявлений от дальстроевцев, стремившихся уйти на фронт, не только не ослабел, но и продолжал увеличиваться. Сражаться с оружием в руках против фашистов просились все, кто считал, что здоров, а это были и мужчины, и женщины, и даже дети. Руководствуясь постановлением комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочке от призыва по мобилизации № 89 от 25 апреля 1942 г. и «в целях обеспечения в военное время бесперебойной работы предприятий Дальстроя», И. Ф. Никишов издал 7 мая приказ № 263, предписывающий *«немедленно приступить к бронированию и оформлению в райвоенкоматах (по территориальности) отсрочек от призыва»*.

Исходя из этого были утверждены временная таблица *«бронируемых должностей по Управлениям и предприятиям Дальстроя»* и *«для каждого предприятия и Управления лимит для бронирования»*. В то же время все военнослужащие, работающие в ВОХРе Севвостлага и военизированной пожарной охране, стали считаться забронированными *«без персонального оформления отсрочек от призыва»*, а уволенные из этих подразделений – разбронированными и принимаемыми *«на воинский учет на общих основаниях»* [ГАМО, ф.р.-23сч, оп. 1, д. 86, лл. 157–159].

В развитие приказа № 263 И. Ф. Никишов издал приказ № 286 от 18 мая 1942 года. *«Ко мне, – отмечалось в нем, – ежедневно поступают десятки заявлений от работников Дальстроя с просьбой отправить на фронт. Приказываю: § 1. Всем начальникам предприятий и Управлений Дальстроя разъяснить работникам, что увольнение из системы Дальстроя, независимо от причины, выставленной увольняющимся работником, т. е. желания ли поехать на фронт или по другим обстоятельствам, производиться не будет, если этот работник необходим для Дальстроя. § 2. Лиц, подавших заявления об отправке на фронт и не нужных в Дальстрое, увольнять из системы Дальстроя по собственному желанию»* [Там же. Л. 203].

Приказы № 263 и 286 сыграли свою роль в упорядочении ухода на фронт летом – осенью 1942 г. Однако при этом и в условиях «брони», налагавшейся на работников Дальстроя, ежегодно спускалась из центра заявка на призывников, которые должны были быть мобилизованы в ряды Красной Армии с территории его деятельности. Сюда в основном входила молодежь призывного возраста. Она и составляла новобранцев «массовых», а на самом деле ограниченных призывов в ряды Красной Армии, так как их общее количество ежегодно колебалось в пределах 2 тыс. чел. Так было не только в 1942 г., но и в 1943–1944 гг.

«На основании статьи 14 Указа о всеобщей воинской обязанности, – говорилось в приказе Ольского районного военного комиссариата от 15 июля 1943 г., – объявляется призыв на действительную военную службу граждан 1925 года рождения и призывников старших возрастов, которым истекли отсрочки от призыва. Явке на призыв подлежат: а) граждане, родившиеся в 1925 году, приписанные к Ольскому призывному участку; б) граждане 1924, 1923, 1922, 1921 годов рождения, проживающие на территории Ольского района» [Козлов, 1989а. С. 4].

В 1942 г. были призваны в ряды РККА заведующий гаражом автобазы УНТП П. В. Васильев и ученик моторного цеха авиаотряда ДС П. А. Петелин. Брат последнего, Д. А. Петелин, работавший до этого диспетчером транспортной конторы, уже воевал с фашистами. В письме к своим родным в Магадан от 7 июня 1943 г. писал: *«Мама, прошло два года с тех пор, как я уехал от вас... Я находился семь месяцев в госпитале, в Куйбышеве, был ранен в левую ногу и скоро обратно в наступление. Не знаю, останусь ли я жив или убьют, но я уверен, что я буду жив и мы встретимся с вами обязательно...»* После этого Д. А. Петелин участвовал в сражениях на Курской дуге. 24 августа 1943 г. он погиб и был похоронен в деревне Дерюгино на Орловщине.

16 июня 1944 г. газета «Советская Колыма» опубликовала письмо с фронта, адресованное И. Ф. Никишову: *«В мае 1942 года я подал Вам заявление с просьбой разрешить выехать на фронт. Мою просьбу Вы удовлетворили. С тех пор я нахожусь на фронте. Часть, в которой я воюю, освободила десятки населенных пунктов, и вот, когда занимаешь их, видишь все зверства, насилия и бесчинства фашистов. Мне трудно передать колымчанам, что они натворили в наших городах, селах, деревнях. Фашисты специально выделяют отъявленных паразитов, бандитов, зверей, которые только и занимаются грабежом, поджогами крестьянских домов, насилиями над женщинами. Не так давно в одном из населенных пунктов мы обнаружили четыре колодца, доверху набитые детскими трупами. Все это я видел своими глазами. За все это я мишу врагу. П. Пономарев, старший сержант»*.

С такими же чувствами и высоким патриотическим порывом сражалось подавляющее большинство магаданцев и колымчан, так как у целого ряда договорников Дальстроя на «материке» уже погибли родители, братья, сестры; у кого-то родные и близкие находились на оккупированных территориях, в фашистской неволе. Лозунг «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» имел для них особое звучание.

В конце лета 1942 г. получил повестку и приехал в Магадан с прииска «Большевик» киномеханик Л. Г. Кильдишев. «В назначенный день, – вспоминал он, – собрались на сборный пункт в глинобитном городке. Нас разбили на отряды, разместили по баракам, поставили на довольствие. Народ был разношерстный... Спустя несколько дней ночью объявили тревогу, собрали снова всех вместе и погрузили на пароход. Вскоре мы оказались в Николаевске-на-Амуре» [Козлов, 1989а. С. 5].

Еще летом 1941 г. в Магадане (на базе 499-го стрелкового полка) стала формироваться, а в начале сентября 1942 г. отправилась в путь на пароходе «Смоленск» Вторая отдельная стрелковая бригада, в составе которой находилась часть выпускников магаданской и ольской средних школ: Л. И. Лысенко, П. И. Спирков, П. Н. Бабцев и др. Воевать ей, правда, сразу не пришлось. Это произошло потому, что ее направили на Северный Сахалин. Там, влившись в состав 16-й армии Дальневосточного фронта, Вторая отдельная стрелковая бригада принимала участие в войне с империалистической Японией.

В сентябре 1942 г. были призваны в РККА и выехали на «материк» сотрудники редакции газеты «Советская Колыма» В. Е. Зимин, В. И. Логинов, А. Б. Шмелев, моторист авиаотряда ДС Н. А. Аникушин. Призванный вместе с ними колымчанин М. И. Кирсанов рассказывал: «Сначала я и другие призывники доехали до Комсомольска-на-Амуре, где прошли обучения. В конце 1942 г. уже были отправлены на фронт, в районы боевых действий. Я сначала попал в пулеметную роту, а потом в разведку артиллерийского полка. Вскоре нашу дивизию перевели в состав Степного фронта, и спустя несколько месяцев мы вступили в бой на Курской дуге, освободили Белгород, Харьков. За взятие Харькова я был награжден орденом Красной Звезды. Потом был ранен, подлечился в госпитале и опять на фронт. Участвовал в форсировании Днепра и Яссо-Кишиневской операции. Чудом остался жив, и тут моя судьба круто изменилась: учитывая довоенную специальность, меня назначили начальником. Что это была за работа! Приходилось показывать кино по много часов подряд каждой новой группе бойцов. Вызывали и к начальству, где на киносеансах присутствовал командующий нашим фронтом Р. Я. Малиновский. Особенно трудно приходилось во время сеансов на передовой, в окопах. Иной раз показывал кино, а вокруг велась артиллерийская стрельба, светили прожектора, летали фашистские самолеты. Так с нашими частями и передвижкой побывал в Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Болгарии, Югославии. Совсем не легкой была такая служба, и ее отметили двумя медалями “За боевые заслуги”. Кроме того, за Корсунь-Шевченковскую операцию я был награжден медалью “За отвагу”, а также медалями “За взятие Будапешта”, “За освобождение Праги”, болгарской медалью “Отечественная война Болгарии”» [Козлов, 1990. С. 15].

К лету 1942 г. окончили курсы медицинских сестер запаса и выехали из Магадана на фронт семь девушек, работавших до этого в Управлении автотранспорта ДС: Ф. Д. Кашаева, М. Т. Самохина, З. А. Столярова, А. Е. Шабаева и др. Некоторые из них служили связистками в одном из полков и получили офицерские звания. В связи с этим младший лейтенант М. Т. Самохина писала в Магадан: «Дорогие друзья-колымчане! Офицер-фронтовик Маруся Самохина шлет вам свой боевой привет! Дела у нас идут хорошо. Движемся вперед, на запад. Недавно наша часть получила благодарность за успешное содействие в занятии большого города... Сжилась я с фронтовой обстановкой. Видела много людского горя и страданий. Наша ненависть к фашистским гадам не имеет предела. Кончаю писать. Идем в наступление» [Там же. С. 14].

По всей видимости, тогда же уехал на фронт магаданец Г. Г. Сафаров. За несколько месяцев до этого, 25 февраля 1942 г., газета «Советская Колыма» поместила его фотографию и сообщение об участии в лыжном кроссе к 24-й годовщине РККА: «Лыжные гонки на 100 километров проводятся в Союзе второй раз, и только классные мастера оспаривали звание чемпиона на эту дистанцию. Время чемпиона на 100-километровую дистанцию тов. Сафарова – 8 час. 51 мин. 50 сек. – приближается к всесоюзным показателям». Прошло не так много времени, и та же «Советская Колыма» напечатала информацию о том, что «на фронтах Отечественной войны сражается неоднократно чемпион Колымы по лыжам динамовец Сафаров», а это могло произойти только после его отъезда на «материк» летом – осенью 1942 г.

«В 1942 году, – вспоминал М. М. Казаченок, – я, работник Дальстроя, был призван в Красную Армию. Учился в военной школе и в следующем году в звании сержанта прибыл на Центральный фронт... Тогда шло знаменитое наступление этого фронта на так называемом Курском выступе. Там я принял первое боевое крещение. Было это так. Когда бойцы нашего подразделения обедали, немецкие автоматчики при поддержке минометов пошли против нас в атаку с фланга. Немецкая атака – это сплошной крик и беспорядочная стрельба. Этим они пытались нас испугать. Когда немцы приблизились на 500 метров, раздалась команда: “В контратаку! Вперед!” Мы, автоматчики, поднялись и с криком: “За Родину! За Сталина! Ура!” ринулись вперед. Крик, выстрелы, свист пуль – напряженный момент. Но в это время, в этот первый бой, владела мною одна мысль: только бы добежать скорее до немцев, только бы не упасть. И это придавало силы. Наконец столкнулись. Удары прикладов, стрельба в упор,

рукопашные схватки, чего немцы боятся больше всего... Они побежали. Загромыхал "бог войны" – наша артиллерия. Она отрезала немцам пути отступления, и тут оставили они свои головы. Двести фашистских трупов насчитали на поле боя. И в этом числе был первый убитый мной немец. Так прошло около двух месяцев в непрерывных боях, в непрерывном наступлении. Я служил в гвардейской танковой бригаде десантником. Танки с десантами прорывались через вражеские укрепления, уходили в немецкие тылы, блокировали там гарнизоны противника, перерезали пути отступления, а с фронта давили наши основные части, и фашистам в этих тисках было жарко. В августе 1943 г. в районе Севска мы отбивали вражескую атаку. Оттеснили немцев к одной деревушке. Оттуда начали бить минометы. Местность не позволяла нам вести наступление, пришлось задержаться. И тут я заметил, что метрах в двадцати от меня из разрушенного дома стреляет немецкий пулемет. Я дал туда очередь из автомата, и в этот момент пуля фашистского снайпера поразила меня в левую руку. Я отполз в сторону и, придерживая автомат одной правой рукой, дал еще очередь. Пулемет замолк. Но в это время неподалеку от меня разорвалась мина, и осколком ранило меня в правую руку. Стрелять я больше не мог. Отойти тоже нельзя было. С полудня до глубокой ночи я пролежал в укрытии на окраине этой деревни. И только ночью товарищи помогли мне выбраться с огневой линии. Правая моя рука поправилась, а левая так и осталась покалеченной. Я уехал обратно на работу в Дальстрой. А мои товарищи, что остались в строю целыми и невредимыми, завершили дело разгрома фашистских полчищ...

31 января 1943 г. газета «Советская Колыма» опубликовала письмо, в котором говорилось: «Город Магадан, Дальстрой. Дорогая М. А. Агеева! Ваш племянник С. А. Косточкин храбро погиб с оружием в руках в боях против немецких захватчиков. С первых же дней пребывания в рядах нашей минометной роты тов. Косточкин проявил себя честным, высокодисциплинированным бойцом. За время учебы он не имел ни одного дисциплинарного взыскания. За хорошую работу и за добросовестное отношение к учебе командование присвоило ему звание сержанта. Это звание он оправдал в бою. Все полученные знания тов. Косточкин приложил к тому, чтобы огнем миномета, расчетом которого он командовал, уничтожить как можно больше фрицев. Своим мужеством он воодушевлял бойцов. За это его любили и уважали бойцы. Всегда веселый, жизнерадостный – таков был славный воин нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии Косточкин Степан Александрович. Комсомольская организация в начале 1942 года приняла его в ряды ВЛКСМ. Сейчас тов. Косточкина нет среди нас. За смерть своего товарища бойцы нашей роты поклялись отомстить немецким захватчикам. Кровь за кровь! – таков лозунг наших бойцов. Джэпаридзе. Действующая армия».

Летом – осенью 1943 г. на территории деятельности Дальстроя состоялся второй «массовый» призыв в РККА, в ходе которого выехал на фронт еще целый ряд магаданцев. В числе призванных находился начальник санчасти ВОХР Севвостлага врач-невропатолог Н. М. Хазанович. Сохранился характерный для того времени документ с грифом «Ольский районный военный комиссариат. Призывная комиссия». В нем говорится: «31 июля 1943 года. Начальнику штаба ВОХР. С призванным в Красную Армию тов. Хазанович Натаном Михайловичем не позднее 20 часов 31 июля 1943 года произведите расчет с освобождением от занимаемой должности». Такой расчет был произведен, Н. М. Хазанович выехал на фронт, сражался в составе 334-го стрелкового полка, был тяжело ранен. Архивные данные свидетельствуют, что он умер 31 января 1944 г. в одном из эвакуационных госпиталей.

24 августа 1943 г. в распоряжение Среднеканского райвоенкомата были привезены рабочие хозяйственной части райсовета Д. В. Величко, П. Н. Ганин, П. Н. Зимин, П. К. Шипков, Н. В. Цветков. «Начальнику РНК-Таскан, – говорилось в одном из призывных документов. – С призывом в Красную Армию тов. Зимина Петра Николаевича с получением сего произведите окончательный расчет с освобождением его от занимаемой должности в течение 12 часов. Нач. сборного пункта Эльген». Прибыв затем в Магадан, Д. В. Величко, П. Н. Ганин, П. Н. Зимин, П. К. Шипков, Н. В. Цветков выехали на «материк».

9 сентября 1943 г. директор Дома культуры им. М. Горького Ф. А. Яриков издал распоряжение № 105, в котором указывалось: «Уходящему в ряды Красной Армии бухгалтеру Дома культуры тов. Дробот Ивану Яковлевичу за исключительно добросовестное отношение к возложенным на него обязанностям на протяжении долголетнего срока работы в Доме культуры объявляю благодарность с занесением в личное дело и премирую 2-х недельным окладом содержания» [ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 209].

4 января 1944 г. в связи с мобилизацией в РККА управляющий Колымснабом Г. Я. Комаров приказал «от работы немедленно освободить и откомандировать в распоряжение Ольского райвоенкомата» 16 рабочих различных подразделений этого гостреста [ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 16, л. 14]. В их число вошли: по Магаданторгу – Н. Ф. Обухов; по Горпищепрому – А. Амаргами, И. Ф. Бобрун, К. В. Житнев; по конторе общего снабжения – М. С. Болдырев, Б. С. Ганиев, М. Гарафиев, А. Н. Разумов; по техконторе – Ш. М. Абрамян, А. Ахметгареев, П. Н. Бочкарев, А. Н. Вербицкий; по стройучастку – Ф. Ф. Горбунов, Е. П. Зубрицкий, Ю. И. Московчук, С. Я. Усков.

Однако уже проведенный и продолжающийся анализ документов (и, в первую очередь, по-прежнему – архива СВЗ) показывает, что основную массу ушедших на фронт колымчан составляли бывшие заключенные, в том числе и ранее репрессированные по ст. 58 УК РСФСР. Они являлись для Дальстроя крайне дефицитными специалистами, на них не распространялась «бронь», поэтому после осво-

бождения из лагерей их оформляли на работу по вольному найму, а затем призывали в ряды Красной Армии. Не будет преувеличением сказать, что одна часть бывших заключенных Севвостлага находилась в составе Второй отдельной стрелковой бригады, другая часть воевала на танках, купленных на свои сбережения; были и бывшие заключенные-колымчане, ставшие Героями Советского Союза.

Так, только в 1942 г. в числе призванных в РККА находились бывшие заключенные: рабочие Усть-Магаданского рыбпромхоза Н. В. Иванов, И. Л. Рудоманов, рабочий авиаотряда ДС Е. С. Адаменко, механик автобазы № 6 А. И. Анискин, мастер мехцеха АРЗа И. Л. Антонов, рабочие ГКО ДС И. И. Агнашев, И. К. Анкерман; в 1943 г. – машинист электростанции совхоза «Дукча» П. А. Ткаченко, кладовщик АРЗа И. В. Завгородный, курьер редакции газеты «Советская Колыма» Г. С. Бояринов.

«С Колымы, – вспоминал П. А. Ткаченко, – нас призвали в Николаевск-на-Амуре, где разместили в городском парке. Стояла уже осень, было прохладно. Находившиеся среди нас бывшие уголовники нашли “выход” – они разобрали деревянные изгороди, часть скамеек, киоски и из них развели костры. Потом всех вновь погрузили на пароход и перевезли в Хабаровск. Это был известный путь, по которому уже раньше переправляли призываемых в армию колымчан. Потом из Хабаровска нас на машинах перевезли в Бикин, а оттуда – на передовую. Я сражался в роте автоматчиков, в артиллерийском дивизионе. был ранен. Освобождал Белоруссию, Восточную Пруссию, брал Кенигсберг. Окончательную реабилитацию получил в 1958 г.»

Осужденный по «бытовой» статье И. В. Завгородный был привезен на Колыму, как и П. А. Ткаченко, еще до войны, но начинал свой боевой путь почти так же, как и он. Однако ему еще довелось участвовать в штурме столицы фашистской Германии. Вспоминая об этом, И. В. Завгородный рассказывал: «Наступление на Берлин началось 22 апреля 1945 г. Я был в то время командиром автоматного взвода. 21 апреля наша рота переправилась на правый берег Одера и заняла исходное положение. Здесь у нас был плацдарм километра три глубиной и километров десять шириной. До Берлина оставалось около 80 километров, и мы с нетерпением ждали, когда получим приказ идти на штурм фашистского логова. Утром, в 7 часов 30 минут, началась предварительная артиллерийская подготовка. В этот день моему взводу была дана задача: взять контрольного пленного. Едва смолкли залпы нашей артиллерии, как мы бросились вперед. Я со взводом ворвался в немецкие траншеи. Командир приказал мне захватить двух “языков”. В траншеях мы увидели страшную картину. Немцы были доведены огнем нашей артиллерии до обморочного состояния. Они лежали, уткнувшись лицом в землю. Вместо двух пленный мы захватили с собой 19 человек. Доставленные на наш командный пункт они лишь через полтора часа пришли в себя и были в состоянии дать показания. Позднее, часов в 9 утра, началась генеральная артиллерийская подготовка. Тысячи советских пушек крошили немецкие укрепления, сметая с лица земли доты и дзоты. Пехота шла в атаку и к вечеру прошла километров 45 в глубь немецких позиций. Вечером 30 апреля я впервые увидел Берлин...

У стен Берлина шли ожесточенные бои. В город мы ворвались 1 мая, заняли несколько домов и закрепились в них. Командование поставило моему взводу серьезную задачу: в составе танкового десанта двигаться вперед к центру города, уничтожая очаги сопротивления и расчищая путь основным силам. Я был назначен командиром десанта. Для успеха операции нам было дано 4 дивизиона гвардейских минометов – “катюш”. И вот мы с боями движемся по улицам фашистской столицы, расчищая для основных сил полосу шириной в 250 метров. Этот день мне запомнился навсегда и тем, что мы освободили советских людей из созданных немцами концентрационных лагерей. В первом лагере были советские военнопленные, во втором – угнанные из родных мест в фашистскую неволю советские девушки. Берлин пал! Когда нам объявили о капитуляции Германии, не было конца радости бойцов. Первым делом все бросились искать красный материал, и всюду, где только можно, вывешивали красные флаги. А спустя несколько дней я ходил по разрушенному зданию рейхстага, осматривал имперскую канцелярию Гитлера. Логово фашистского зверя было уничтожено».

Теперь отметим тот факт, что с первых дней Великой Отечественной войны именно в Магадане, а затем и на Колыме выявилась целая группа вольнонаемных работников Дальстроя, которая, несмотря на получение «брони», стремилась любыми способами уйти на фронт и воевать в рядах Красной Армии. Для этого они сдавали свои многотысячные сбережения в фонд обороны страны, просили приобрести на них танки и добивались у высшего военного командования, в том числе у Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, разрешения сражаться на таком образом купленных боевых машинах.

В числе первых были магаданцы, работники ГАИ УРКМ УНКВД по ДС, один из которых, И. Л. Митюшин, позднее рассказывал: «Нас было трое. Подружили нас Дальстрой, совместная работа да общая профессия. Все мы шоферами были. Правда, мне меньше пришлось поехать по колымским дорогам с грузами. Еще в 1938 году комсомол меня направил бороться с аварийностью на транспорте – в автоинспекцию. А товарищи же ездили все время, в командировках находились, и встречались мы редко. Ошеломляющая весть о начале войны заставила нас встретиться. Пошли в райвоенкомат. Всех нас очень вежливо принимают, заявления оставляют и отвечают: “Не торопитесь. Понадобится – вызовем. Идите работайте. Люди нужны и в тылу” <...> Раз десять ходили мы в райвоенкомат. Не помогло. Тогда пришла мысль купить танк, вот уж с танком-то мы наверняка попадем на фронт. Собрали мы все сбережения, заработанные на Колыме, перевели день-

ги в Москву – в фонд Красной Армии на танк. Отправили, ждем с нетерпением ответа на письмо, посланное вместе с деньгами...»

Одновременно с этим И. Л. Митюшин и его товарищи, еще раз подстраховываясь, обратились через начальника УРКМ УНКВД по ДС капитана милиции И. В. Логинова к начальнику Дальстроя И. Ф. Никишову. В рапорте, который они составили на его имя, говорилось: *«Приказ вождя народов тов. Сталина, призывающий на окончательный разгром германского фашизма в 1942 г., воодушевляет весь сов. народ на еще большие сплочения вокруг нашей любимой партии и нашего правительства. У нас, троих комсомольцев, шесть родных братьев сражаются на передовых позициях, беспощадно громя и уничтожая фашистскую нечисть, вероломно напавшую на нашу великую Родину, нарушившую нашу замечательную жизнь. Мы, трое комсомольцев, все водители боевых машин с немалым стажем, один – инженер-автомобилист, один – командир танка, будучи охвачены жгучей ненавистью к нашему заклятому врагу – германскому фашизму, принесем столько несчастья нашему народу, решим построить на наши личные средства один средний танк, который до конца разгрома германского фашизма обеспечить также за наши личные деньги горюче-смазочным материалом, и на котором всем троим вступить в бой за правое дело Ленина – Сталина. Просим Вас, тов. Комиссар, дать имя нашему танку – имя славного комсомола, всегда и везде беспощадно громившего всех врагов нашей Родины, и вступить в ходатайство через наркома внутренних дел перед народным комиссаром обороны тов. Сталиным об удовлетворении нашей просьбы. Со своей стороны клянемся Вам, тов. Комиссар, и ленинско-сталинскому комсомолу, что, не жалея своих сил, здоровья и жизни, мы будем беспощадно громить фашистскую гадину везде, где бы она только ни появлялась, за кровь наших матерей и отцов, сестер и братьев, детей, так невинно пролитую этими гадами. Имя ленинско-сталинского комсомола мы будем держать высоко и с честью, не посрамим и имя работников милиции...»*

14 июля 1942 г. (почти через месяц после рапорта на имя И. Ф. Никишова) в Магадан пришла телеграмма начальника Главного АВТУ Красной Армии (затем – начальника Управления бронетанковых войск НКО СССР) генерал-лейтенанта Я. Н. Федоренко. В ней предлагалось *«командировать в Москву с партийно-служебной характеристикой в мое распоряжение для зачисления на службу в действующую танковую часть добровольцев Голубева И. С., Глинко и Митюшина»*.

Спустя 9 дней указанные работники ГАИ УРКМ УНКВД по ДС выехали на «материк». О том, как сложился дальнейший боевой путь Г. А. Глинко и И. С. Голубева каких-либо сведений пока не выявлено. Но вот гвардии старший техник-лейтенант И. Л. Митюшин в очередном рапорте на имя И. Ф. Никишова от 7 мая 1946 г. писал: *«Я, бывший работник госавтоинспекции УНКВД по ДС 23 июля 1942 г. с Вашего разрешения в числе трех товарищей, также работников ГАИ, добровольно ушел на фронт. В то время мы трое на свои средства решили приобрести один танк, на котором хотели идти на фронт, но по воле начальника бронетанковых войск Кр. Армии нас послали в Казанскую высшую офицерскую школу, по окончании которой выбыли на фронт. Лично я свои боевые действия начал с района Белая Церковь и после этого непрерывно участвовал в боях на танках в Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Австрии. За боевые действия на западе был награжден двумя орденами и пятью оборонными медалями, а также был дважды контужен. После этого участвовал в разгроме Японии»*.

В январе 1943 г. магаданцы, супруги Бойко первыми из всех колымчан послали письмо лично И. В. Сталину, в котором также просили разрешить на собственные сбережения в размере 50 тыс. руб. купить танк и отправиться на фронт воевать с фашистами. Верховный Главнокомандующий дал положительный ответ, который гласил: *«Благодарю вас, Иван Федорович и Александра Леонтьевна, за вашу заботу о Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет. И. Сталин»*.

Вслед за этим последовал приказ № 51/к по ДС от 9 февраля 1943 г., подписанный И. Ф. Никишовым: *«Освободить от работы в Дальстрое шофера автобазы № 6 Управления автотранспорта Бойко Ивана Федоровича и работницу треста “Колымснаб” Бойко Александру Леонтьевну, направляющихся на фронт»*.

Однако воевать им сразу не пришлось. Супругов Бойко сначала (с июня 1943 г.) зачислили курсантами Челябинского танкотехнического училища, после его окончания (в ноябре) поставили в резерв этого же училища и только в мае 1944 г. направили в действующую армию. В воспоминаниях маршала Советского Союза, Героя Советского Союза А. И. Еременко есть страницы, посвященные боевым действиям супругов Бойко при освобождении прибалтийского города Даугавпилса.

«Стремительность и дерзость, к тому же еще ночью, – позволила не только нашим разведчикам, но и стрелковым и танковым подразделениям почти без потерь проникнуть на ближайшие подступы к окраинам города. Здесь было устроено несколько засад. Опомнившиеся к рассвету гитлеровцы двинулись было навстречу наступающим, но, встреченные губительным огнем, отошли. В одной из засад находился танк с надписью на броне: “Патриоты Бойко”. Командовала им самоотверженная русская женщина Александра Леонтьевна Бойко. Перед войной они оба работали на Колыме. Танк, о котором идет речь, был приобретен на сбережения четы Бойко, а они зачислены в состав экипажа. К этому времени на боевом счету супругов было уже немало героических дел. И сейчас, когда немцы бросили против наших засад самоходные орудия, экипаж танка “Патриоты Бойко” метким огнем сразу вывел из строя одну из самоходок» [Еременко, 1985. С. 269].

6 августа 1944 г. сводка Совинформбюро сообщила, что за две недели боев супруги Бойко уничтожили 5 танков и 2 орудия противника. За эти ратные подвиги они были награждены: А. Л. Бойко – орденом Отечественной войны I степени, И. Ф. Бойко – орденом Боевого Красного Знамени. Боевой путь отважных супругов закончился в освобожденной Чехословакии.

По примеру супругов Бойко 16 февраля 1943 г. написали письмо И. В. Сталину работники Магаданского авторемонтного завода А. М. Ефанов, И. Е. Конюхов, А. П. Тимченко, М. К. Щеглов, В. А. Яковлев, а кроме них, и другие магаданцы: сотрудники Колымпроекта А. П. Ходоско, Н. Т. Цибин, директор завода № 2 А. И. Попков-Бодренков, врач поликлиники № 1 И. С. Чубриков, пилот авиаотряда ДС В. П. Самойленко, слесарь автобусного парка Н. А. Петров, кассир автобазы № 6 Н. В. Постников, кожегар Магаданского хлебозавода В. И. Сошин, инспектор-инвентаризатор УНТП А. Н. Упоров, старший кладовщик УНТП И. С. Лебедев.

Еще больше писем с просьбой об отправке на фронт, после сдачи денег на постройку танка, поступило Верховному Главнокомандующему от тех дальстроевцев, которые работали на предприятиях и в учреждениях Колымы. Многие из них получили положительный ответ, о чем было сообщено И. Ф. Никишову. Исходя из решения И. В. Сталина, начальник Дальстроя издал специальный приказ № 013, датированный 7 апреля 1943 г., в котором говорилось: *«Ряд работников Дальстроя всех специальностей, в том числе и рабочие, проявляя высокий патриотизм к родине, желая вступить в ряды нашей героической Красной Армии, внесли из своих сбережений в фонд вооружения Красной Армии свыше 6 миллионов рублей и направляли телеграммы на имя Верховного Главнокомандующего Вооруженных сил Союза СССР Маршала Советского Союза товарища Сталина с просьбой отправить их на фронт. В соответствии с телеграммой командующего ДВ Фронта приказываю: освободить от работы в Дальстрое с направлением в Ольский райвоенкомат на предмет мобилизации в Красную Армию внесших свои сбережения в фонд вооружения Красной Армии и направивших телеграммы на имя товарища Сталина всех горных мастеров, рабочих, мастеров заводов, шоферов, бойцов и командиров ВОХР, лагерных работников, работников нормирования, административно-хозяйственных работников, начальников отделов и частей управлений (за исключением инженеров, специалистов), связистов, врачей, пилотов, директора завода № 2. Всех же специалистов, как-то: инженеров всех специальностей, начальников участков, приисков, инженеров-транспортников, начальников цехов, топографов, геодезистов, бухгалтеров, экономистов впредь до особого распоряжения оставить на работе в системе Дальстроя. На всех освобождаемых от работы для призыва в Красную Армию немедленно выслать в отдел кадров Главного Управления Дальстроя характеристики. Срок исполнения настоящего приказа 20-е апреля. К этому сроку все освобождающиеся от работы должны прибыть в Магадан и явиться в Ольский райвоенкомат»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 180, л. 25].

Обозначенный в приказе № 013 по ДС срок прибытия в Магадан был выдержан. К началу мая 1943 г. в распоряжение Ольского райвоенкомата прибыли (кроме упомянутых выше): работник УШОСДОР ДС Я. И. Антонов; служащие прииска «Штурмовой» А. В. Каминский, Н. Б. Косминский, Н. Л. Кунгуров, М. Г. Махортов, С. Н. Синявский, С. А. Речкин, П. И. Фадеев; водители автобазы № 5 Н. М. Бушмакин, Т. Ф. Чирков; старший диспетчер УДС ДС Е. Н. Кузнецов; заведующие столовыми З. С. Кугель, Н. И. Лавренюк; начальник отдела кадров ЮГПУ П. С. Туркин; техник-нормировщик автобазы № 1 М. М. Краснухин; работники прииска «Пятилетка» И. В. Васильев, Н. Ф. Мастобаев, Д. И. Уваров; заведующий базисными складами прииска им. Горького И. Я. Рулев; нормировщик ЗГПУ П. П. Соболенко; шофер автобазы № 1 И. И. Полещук; шофер УАТ В. Е. Лопатин; прораб Алданского отделения УДС ДС А. В. Прусс; электрик автобазы № 1 Е. А. Маркин; работники прииска «Геологический» И. М. Вилейто, Ф. С. Голенко, В. Е. Дударенко, Н. С. Шилобреев, П. Л. Михайлов; бойцы ВОХР И. Д. Нечаенко, М. Н. Николаев, А. К. Петренко; работники Колымо-Индибирского речного пароходства В. М. Афеньев, А. Ф. Байкалов, Н. Ф. Бондаренко, С. П. Ольховик, А. Г. Рассолькин, П. Б. Семенов, В. Ф. Тахтаев, И. И. Тищенко, Ф. И. Хвостов, Е. Г. Фенюков, А. И. Шоно, Я. С. Юрьев; сотрудники других служб Дальстроя Д. И. Соловьев, Т. И. Туранов, Я. С. Юрасов; работник Колымснаба Н. М. Кезин.

Все они в основном были призваны в ряды Красной Армии 4 и 22 мая 1943 г. После этого выехали на «материк». Среди выехавших семеро являлись бывшими заключенными Севвостлага: И. В. Васильев, Н. Ф. Мастобаев, Н. А. Петров, С. П. Ольховик, И. И. Полещук, Д. И. Уваров, А. А. Хохлов. П. Б. Семенов вспоминал: *«Часть наших ребят направили в Челябинское танковое училище, других – под Москву, тоже для учебы. Я, а также Иван Тищенко и Филипп Хвостов, которые имели лишь начальное образование и узнали, что необходимо пройти годичный курс подготовки, отказались учиться и очень горячо заявили, что сразу же хотят на фронт. После долгих уговоров на нас махнули рукой и направили в Нижний Тагил, где скопилось много народа. Целый месяц мы находились там, а потом попали в Тулу, в 234-ю резервную бригаду. Здесь я расстался со своими товарищами, так как после реформирования был определен в 39-ю танковую бригаду и воевал в составе 1-го Прибалтийского фронта, которым командовал И. Х. Баграмян».*

Другие танкисты-колымчане позднее вступили в сражения с фашистами, но воевали все храбро и мужественно. *«В прошлом мы – работники Дальстроя, ныне – фронтовики, – писали в газету «Советская Колыма» в начале 1945 г. А. Ф. Байкалов и Н. С. Шилобреев. – Были тяжело ранены. После пребы-*

вания в госпитале снова возвращаемся на передовую линию громить ненавистного врага. Будем бить еще сильнее, чем раньше, потому что накопили боевой опыт. За свои действия мы дважды награждены. О вашей работе, о трудовых подвигах слышим и знаем на передовой линии фронта. За это спасибо, товарищи! Работайте еще лучше, еще больше помогайте Красной Армии в борьбе с проклятым фашизмом!»

В сражениях с врагами был ранен и И. И. Полещук. В одном из своих послевоенных писем в Магадан (присланном из г. Мукачево Закарпатской области) он рассказывал: «Я, Полещук, в 1943 году ушел добровольцем на фронт, внес свои средства на построение танка и на этом же танке воевал. Получил телеграмму от тов. Сталина, в которой вынесена мне благодарность за покупку танка. В настоящее время инвалид Отечественной войны».

Тяжелыми ранениями был отмечен боевой путь танкистов-колымчан А. М. Ефанова, И. Е. Конюхова, Н. Ф. Мастобаева, А. И. Шоно, М. К. Щеглова. Геройски погибли И. В. Васильев, Н. М. Кезин, Н. И. Лавренюк, И. С. Лебедев, М. Г. Махортов, А. И. Попков-Бодренков, А. В. Прусс, А. Г. Рассолькин, Д. И. Уваров, П. И. Фадеев, Ф. И. Хвостов, Н. С. Шилобреев, В. А. Яковлев; М. Г. Махортова посмертно наградили орденом Красной Звезды.

27 февраля 1944 г. газета «Советская Колыма» поместила расширенную информацию, в которой сообщалось: «25 февраля горком ВЛКСМ организовал вечер встречи участников Великой Отечественной войны с представителями партийных, комсомольских и общественных организаций города... В своих выступлениях участники Великой Отечественной войны т.т. Лазарев, Никольский и другие рассказали о замечательных днях, когда они участвовали в прорыве блокады Ленинграда и в боевых действиях на других фронтах, громя и уничтожая немецко-фашистские войска. Среди присутствующих на вечере участников Великой Отечественной войны – танкисты, артиллеристы, минометчики, пулеметчики, разведчики, краснофлотцы и пехотинцы, в их числе и девушки – Баженова, Данилова, Вакуленко и Лемешева. Отважная разведчица Лемешева, участница обороны Сталинграда и Ростова, боев на Калининском и Брянском фронтах, неоднократно была в тылу у врага, доставляя нашим частям ценные сведения и “языков”. Т.т. Тарасенко и Нейбах за отвагу и мужество, проявленные в боях с врагами нашей Родины, награждены орденами Красного Знамени» [Сысоев, 1944].

Ушедшие на фронт и сражавшиеся по-боевому колымчане были удостоены не только самых высоких наград, но и самых высоких званий. В их числе два бывших заключенных Севвостлага и один вольнонаемный работник Дальстроя, биографии которых вошли во 2-й том изданного в 1987 г. краткого справочника «Герои Советского Союза», но при сверке с подлинными архивными документами потребовали внесения существенных корректив. В основном это коснулось фактических неточностей, явившихся результатом «приглаживания» трагических страниц истории советского общества.

Действительно, согласно краткому справочнику «Герои Советского Союза», В. И. Еронько «работал слесарем на прииске “Дальстрой”». На самом деле, подавшись на заработки из Белоруссии в Москву, он еще 18-летним юношей был осужден по «бытовой» статье УК РСФСР и после ряда пересыльных этапов направлен на Колыму. В 1940 г. на пароходе «Декабрист» В. И. Еронько этапировали в Магадан и отправили в Чай-Урьинское горнопромышленное управление. Там он находился на общих работах прииска «Комсомолец», а прииска «Дальстрой» на Колыме не существовало. Кроме этого удалось выяснить, что общий срок заключения у В. И. Еронько составлял 4 года и получил он его (как записано в архивной карточке) вообще-то «за кражу». 1 июля 1942 г. он был освобожден из лагеря, оформлен по вольному найму дорожником и 22 сентября этого же года призван в ряды Красной Армии. Сразу после этого В. И. Еронько направили в Магадан, а затем и на фронт.

В том же 1942 г. В. И. Еронько вступил в бой с фашистами, был наводчиком орудия 922-го стрелкового полка 250-й стрелковой дивизии 3-й Армии 2-го Белорусского фронта; вступил в члены ВКП(б). 24 июня 1944 г. при прорыве фашистской обороны у деревни Озераны он из своего орудия подавил огонь семи пулеметных точек противника, отважно форсировал р. Друть. 25 июня В. И. Еронько подбил два самоходных орудия, участвовал в освобождении Бобруйска. Еще через 5 дней он со своей противотанковой пушкой у деревни Старая Мартьяновка (на шоссе Могилев – Минск) вступил в бой с превосходящими силами противника, меткими выстрелами подбил три танка и уничтожил шесть автомашин с большим количеством вражеской пехоты.

12 июля 1944 г. во время боя у деревни Пески (также в Белоруссии) после гибели всего оружейного расчета В. И. Еронько продолжал стрелять по фашистам, уничтожил их штурмовое орудие, три пулемета и роту солдат. Спустя три месяца, 26 октября, ему было присвоено звание Героя Советского Союза, и он продолжал воевать – освобождал Польшу, Восточную Пруссию, участвовал в битве за Берлин.

Когда закончилась Великая Отечественная война, В. И. Еронько вернулся в Полоцк, восстанавливал разрушенные здания, строил новый город – Новополоцк, был награжден орденом Октябрьской революции. Ему присвоили звания «Заслуженный рационализатор Белорусской ССР», почетный гражданин Полоцка и Новополоцка.

Еще один бывший колымский заключенный – «бытовик», рабочий из Нижнего Сеймчана И. П. Орлов, после перечисления в фонд обороны страны 37,5 тыс. руб. личных сбережений был призван в ряды РККА и таким образом оказался в Магадане летом 1943 г. Затем с группой таких же призыв-

ников он выехал во Владивосток, оттуда – в Хабаровск, а потом и на фронт; стал пулеметчиком 2-го батальона стрелкового полка 131-й стрелковой дивизии. В начале 1944 г. И. П. Орлов уже воевал на Ленинградском фронте в составе 2-й ударной армии, а спустя год стал Героем Советского Союза.

В одном из описаний его подвига говорится: *«25 июня 1944 г. Иван Петрович Орлов первым форсировал реку Нарва, вступил в рукопашную схватку и уничтожил семь фашистов. Идя впереди наступающего батальона 748-го стрелкового полка, рядовой товарищ Орлов И. П. подорвал три дзота с находящимися в них фашистами. Вырвавшись на шоссе Нарва – Таллин, уничтожил две автомашины, взял в плен немецкого офицера и двух солдат, захватил важные оперативные документы и вместе с пленными доставил в штаб полка. В последующих боях на этом участке уничтожил шесть автомашин и 27 фашистов. Будучи раненным, поля боя не оставил, продолжал выполнять боевую задачу. За успешное форсирование реки Нарва и выполнение боевых заданий командование фронта Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1945 года тов. Орлову Ивану Петровичу присвоило звание Героя Советского Союза».*

Знаменательно, что в этот же день такое же высокое звание получил недавний вольнонаемный дальстроевец, магаданец Д. А. Купцов. В 1-м томе краткого справочника «Герои Советского Союза» ошибочно указывается, что он за 11 лет до начала Великой Отечественной войны *«жил в Ольском районе Магаданской области»*. Однако документы архива СВЗ рассказывают, что сын крестьянина из небольшого села Зюзино, Д. А. Купцов в то время учился в школе в другом селе – Каменка. В 1931 г. он поступил в ФЗУ, по окончании которого получил специальность повара.

После этого Д. А. Купцов работал по специальности в 15-м спецтресте «Метростроя», а в 1935 г., как позднее указывал в автобиографии, *«вздумал изменить профессию и поступил на 24-й завод имени Фрунзе в качестве слесаря»*. В 1937–1938 гг. он служил в Красной Армии, затем вновь был поваром, потом завербовался в Дальстрой. В бух. Нагаева Д. А. Купцов прибыл на пароходе «Феликс Дзержинский» 10 сентября 1940 г. и обратился в отдел кадров УНТП. Спустя неделю его приняли поваром на моторно-парусную шхуну «Звезда», а затем в этой же должности он работал еще на нескольких судах Дальстроя. В августе 1941 г. Д. А. Купцов был призван в нагаевский сектор береговой обороны *«для прохождения военно-учебного сбора»*, а после этого – в ряды Красной Армии и отправлен на фронт.

Непосредственно в боях Д. А. Купцов участвовал с января 1944 г., был рядовым 257-й отдельной разведроты 199-й стрелковой дивизии 43-й Армии 2-го Белорусского фронта. Через пять месяцев, в ночь на 26 июня, находясь в составе своей роты, он одним из первых вплавь преодолел р. Днепр в районе деревни Требухи. Пример Д. А. Купцова вдохновил всю роту. Бойцы захватили удобный для обороны рубеж и укрепились на нем. 24 марта 1945 г. Д. А. Купцову было присвоено звание Героя Советского Союза. После окончания Великой Отечественной войны он демобилизовался и проживал в Московской области.

О присвоении высоких званий В. И. Еронько, Д. А. Купцову и И. П. Орлову магаданцы узнали спустя несколько десятилетий после свершившихся событий. В то же время в течение 1944 г. они были взбудоражены несколькими сообщениями газеты «Советская Колыма», в которых рассказывалось о двух недавно ушедших на фронт дальстроевцах, которые якобы стали Героями Советского Союза, что не соответствовало действительности.

Так, 23 февраля 1944 г. газета «Советская Колыма» опубликовала статью «Герой Советского Союза Гоготов», в которой сообщалось: *«Григорий Федорович Гоготов, бывший дальстроевец, работал механиком Магаданского хлебозавода. В сентябре 1942 г. был призван в Красную Армию. Окончив танковую школу, он с 15 марта 1943 г. – активный участник боев с немецко-фашистскими захватчиками. В первой же разведке молодой танкист проявил отвагу и мужество. Его танк был подбит, члены экипажа были ранены. Но лейтенант Гоготов, несмотря на ранение, сумел выполнить боевое задание и вывести из тыла врага всех членов своего экипажа. За этот поступок он был награжден орденом Красной Звезды и медалью “За отвагу”. В другой раз, находясь в разведке, Гоготов уничтожил более 50 гитлеровцев, подавил 5 огневых точек врага и доставил в часть “языка”. За совершенный подвиг правительство наградило его орденом Красного Знамени. Недавно под его командованием в боевой разведке были три тяжелых танка “КВ”. В этой операции танкисты уничтожили большое количество немецких автоматчиков и подавили более 10 огневых точек врага. Все члены экипажа, в том числе и сам Гоготов, получили по несколько ранений. Все храбрецы-танкисты благополучно возвратились в свою часть. За героический подвиг правительство присвоило товарищу Гоготову звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”».*

2 июля 1944 г. газета «Советская Колыма» поместила письмо, которое пришло в редакцию с подписью *«Л. Славин, заместитель командира по политчасти. Действующая армия. Полевая почта № 157474»*. В нем рассказывалось о бывшем горном мастере прииска имени Чкалова комсомольце В. П. Корневском, ушедшем в действующую армию в октябре 1942 г. Он дослужился до звания старшего лейтенанта, был назначен начальником разведчасти и за ряд героических поступков удостоен звания Героя Советского Союза.

Проведенная проверка выявила фиктивность опубликованного материала. В краткой заметке от 1 ноября 1944 г. говорилось: *«В газете “Советская Колыма” за 2 июля 1944 г. была помещена за подписью*

заместителя командира по политчасти Л. Славина статья под заголовком «Владимир Кореневский». В ней рассказывалось о том, как бывший дальстроевец Кореневский стал на фронте разведчиком и что ему якобы присвоено звание Героя Советского Союза. При последующей проверке выяснилось, что Владимир Кореневский в списках Героев Советского Союза не значится».

Что же касается опровержения по поводу Г. Ф. Гоготова, то этого в газете «Советская Колыма» сделано не было, но истинное положение дел выяснено. Во всяком случае об этом говорилось на заседании бюро Магаданского горкома ВКП(б) 19 февраля 1945 г. Выступивший на нем начальник УНКВД по ДС П. И. Окунев сказал: «В газете была помещена статья о Гоготове, как о Герое Советского Союза и орденоносце. На самом деле он не только не Герой Советского Союза, но даже не орденоносец...» Секретарь ГК ВКП(б) А. П. Головкин говорил: «Как можно опровергать вымышленность статей «Владимир Кореневский», «Герой Советского Союза Григорий Гоготов», ... когда это доказано документально». А ответственный редактор газеты «Советская Колыма» Б. Я. Летнев выразился более конкретно: «Материал о Гоготове принес его брат из секретариата тов. Никишова. Я проверил в секретариате и получил указание поместить в газете...» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 69, л. 58–60]. Из этого видно, что дезинформация в данном случае преподносилась на довольно высоком уровне. Трудно предполагать, кто и в чем здесь был заинтересован.

Однако как бы там ни было уход в действующую армию вольнонаемных дальстроевцев и бывших заключенных, возможность сражаться с оружием в руках за честь и свободу Родины не оставили равнодушным весь лагерный контингент Маглага, часть которого, как «политических», так и «бытовиков», стала подавать заявления с просьбой об отправке в действующую армию. За редким исключением они не удовлетворялись. В официальных документах, датированных осенью 1941 г., отмечалось: «Подавляющее большинство таких заявлений поступает от заключенных, осужденных за служебные и бытовые преступления».

Тех, чья просьба уйти на фронт была удовлетворена, по прибытии в район военных действий определяли в штрафные подразделения. Среди них были и такие, кто за только что совершенные служебные или бытовые преступления попадал под действие военного трибунала войск НКВД СССР при Дальстрое, созданного 18 августа 1941 г. приказом НКВД СССР и НКЮ СССР № 008931/00292 от 17 июля того же года для ускоренного ведения дел. Так происходило на протяжении всех лет Великой Отечественной войны.

Например, бюро Магаданского горкома ВЛКСМ 23 мая 1944 г. приняло решение «исключить из комсомола, как осужденного с отправкой на фронт» [ЦХСД МО, ф. 3, оп. 2, д. 4, л. 129] В. А. Баракина, а 27 июля 1944 г. – исключить из комсомола «как осужденного сроком на 4 года с отправкой на фронт» Ф. А. Серова [Там же. Л. 171]. В июне 1944 г. военный трибунал войск НКВД СССР при Дальстрое рассмотрел одно из дел, связанное с кражей государственного имущества. Проходивший по нему работник склада гостреста «Колымснаб» М. П. Свинухов был приговорен к двум годам лишения свободы. Оговорка, сделанная при оглашении приговора, не потребовала его немедленного исполнения.

«Учитывая просьбу осужденного Свинухова, – говорилось в ней, – исполнение приговора в отношении его отсрочить до окончания войны, а Свинухова направить на фронт. Объяснить осужденному Свинухову, что если он на фронте проявит себя стойким защитником Союза ССР, то по ходатайству военного командования он может быть частично или полностью освобожден от отбытия наказания со снятием судимости».

Наряду с этим в самом начале Великой Отечественной войны у части заключенных Маглага проявились явно антисоветские настроения, сопровождавшиеся отказами от работы и побегам. В среде вольнонаемного населения Магадана ходили провокационные и панические слухи, искажающие действительную информацию о положении на фронте и в тылу, что происходило отчасти из-за недостаточной, отрывочной связи с «материком».

«Уже сейчас имеются сигналы о том, – сообщалось в директивном письме начальника Политуправления Дальстроя И. К. Сидорова от 16 июля 1941 г., – что наиболее озлобленная против советской власти часть лагерников, осужденная за контрреволюционные преступления, проявляет повышенную активность, жадно подхватывает всякие антисоветские слухи и в своих вражеских целях пытается распространить их в лагере для организации саботажа и другой контрреволюционной деятельности. Зафиксировано несколько случаев, когда распространением провокационных, паникерских, антисоветских слухов занимаются отдельные люди из вольнонаемного состава, среди этих клеветников и паникеров есть даже коммунисты и комсомольцы. На одном из наших заводов 28 июля мастер завода заявил, что «раз война началась, то мы наверняка будем отрезаны от «материка»». Обыватели, прислушиваясь к подобным паникерским слухам, в первые дни войны начали было запасаться продуктами. У буфетчика Магаданского рабочего клуба на квартире было обнаружено 5 мешков сахара, за что он арестован. В магазинах г. Магадана имели место очереди за солью... Комсомолец Н. из военизированной охраны нетрезвым явился на собрание вольнонаемного состава и стал болтать чепуху о том, что на Магадан готовится нападение и что уже над городом летали вражеские самолеты... Бывший заключенный, работающий в Колымпроекте, заявил: «Через несколько дней здесь будет короноваться японский император». И далее: «27 июня Гитлер провозгласил царем России короля Фридриха, брата царицы Алисы». Он же заявил: «Не ходите в сберкассу, НКВД фотографирует всех тех, кто туда ходит»... В районе города

Магадана у сойки "Глинобитная" группой опербойцов было окружено нежилое помещение, в котором моменту осмотра находилось 2 человека. Задержанные назвали себя: один десятником, второй сторожем. При более тщательной проверке этих личностей установлено, что оба они беглецы. У них было изъято: тетрадь под заголовком "Как производить погрузку военных материалов" с кратким конспектом, аммонал в пачках, 8 лопат, 2 топора, 3 ножа, около пуда муки, мешки, 8–10 кг белых сухарей, свиное сало, хлеб, 2 сковороды жареного сала, два ведра, свежий номер газеты "Советская Колыма". Внутри помещения на стеллажах находилось мягкое сено, по которому можно определить, что здесь находилось 10–12 человек. Группа заключенных, осужденная за КРД и содержащихся в ОЛП АРЗа, подготавливала побег из лагеря, в этих целях они разрабатывали план захвата легковых автомашин, оружия и др. ...»

В изложении последних фактов нельзя исключить провокацию со стороны органов УНКВД по ДС, зараженных шпиономанией, стремящихся к фабрикации материалов для создания громких антисоветских дел. Но все остальное подтверждается другими документами, в которых, например, встречается заявление одного из заключенных, что «когда придет другая власть, то я буду не нагайкой сечь рабочих, как это делали в старое время казаки, а из пулемета наложу гору трупов». Кроме этого, на 1 июля 1941 г. в розыске числились 115 беглецов из Управления Маглага. Побег продолжался и в дальнейшем, ибо Великая Отечественная война обострила и ухудшила положение заключенных.

Следуя приказу народного комиссара внутренних дел СССР и прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 г., руководство Дальстроя издало 23 июня приказ № 0052, согласно которому было прекращено освобождение осужденных по ст. 58 (измена родине, террор, шпионаж и т. д.) и 59 (бандитизм) УК РСФСР и за другие особо тяжкие государственные преступления. Во исполнение этого часть заключенных Маглага была задержана до окончания боевых действий, а другая часть (у которых закончился срок заключения) – принудительно оставлена на работе с оформлением документов по вольному найму.

Приказом № 059 по Дальстрою от 27 июня 1941 г. для заключенных был введен 12-часовой рабочий день с часовым перерывом на обед, а с 10 июля – приказом № 064 по Дальстрою от 2 июля 1941 г. утверждены новые дневные нормы питания, которое осуществлялось по трем категориям, в зависимости от производственной выработки. Согласно третьей категории (дневная выработка до 70%), заключенным для ежедневного «котлового довольствия» выдавалось всего 600 г хлеба. Приказом № 404 по Дальстрою от 31 июня 1941 г. устанавливался порядок работы бригад и бригадиров-заключенных, исходя из которого каждая бригада обязана была выполнить суточные нормы. При невыполнении бригадой суточных норм разрешалось ее задерживать после окончания рабочего дня на 1–2 часа. Ответственность за выполнение норм бригадой полностью возлагалась на бригадиров. Если бригады не обеспечивали выполнения норм, то они подвергались водворению в карцер на 10 сут с последующим выводом на работу.

При оценке работы заключенных Маглага применялась директива ГУЛАГа НКВД СССР № 241294 от 25 сентября 1940 г., дающая установку, какие названия присваивать тем, кто работал «по-ударному и методами стахановского труда». «Несмотря на положение о культпросветработе и неоднократные директивные указания, – указывалось в ней, – культпросветработники ряда лагерей продолжают выдумывать и присваивать разные названия для заключенных, работающих методами стахановского труда... Ряд лагерей дошли до того, что стали на заседаниях штаба С и У присваивать звания "отличники производства", "мастера высокой производительности труда" и т. д. ББК, Азербайджанское ОИТК именуют заключенных "передовиками производства", "лучшие люди" и т. д. Многие лагеря проводят с заключенными стахановские двухдекадни, месячники, практикуют награждать бригады заключенных переходящими знаменами, тем самым опошляют высокое звание стахановца великой стройки. В дальнейшем прекратить выдумывание всяких названий для заключенных, оставив только одно звание "з/к з/к, работающие по-ударному" и самое высшее – "методами стахановского труда", к чему должен стремиться каждый заключенный, и для которых должны быть созданы условия, предусмотренные приказом НКВД N 0168 и директивным указанием зам. наркома № 713077 1939 г.» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 243, л. 28].

Изменение мирной обстановки на чрезвычайную, вызванную военным временем, можно было наблюдать в Магадане в мероприятиях, проводимых среди вольнонаемного и даже лагерного населения по подготовке к противовоздушной и противохимической обороне (ПВО и ПВХО). Приказом № 338 по Дальстрою от 5 июля 1941 г. началось формирование стрелкового полка самообороны, а принятым спустя два дня приказом № 340 по Дальстрою создавались другие оборонные подразделения и объявлялись обусловленные этим конкретные действия.

В частности, в нем отмечалось: «§ 1. Во всех предприятиях и учреждениях г. Магадана для обеспечения бесперебойной работы предприятий создать в трехдневный срок команды местной противовоздушной обороны (МПВО). Ответственность за создание команд возложить на руководителей предприятий и учреждений. § 2. Для оперативного руководства обучением и действиями в условиях налета самолетов противника руководителям предприятий и учреждений создать у себя штаб, назначив начальником штаба. § 3. Всему вольнонаемному составу предприятий и учреждений города Магадана по месту работы пройти обучение по ПВХО, согласно указаний штаба Нагаево-Магаданского района МПВО. § 4. Руководителям предприятий и учреждений весь состав обеспечить противогазами, а команды МПВО – всеми необходимыми средствами противохимической защиты. § 5. Для обеспечения

бесперебойной работы предприятий в ночное время в период угрожающего положения и в случае налета самолетов противника произвести светомаскировку производственных огней (вагранки и друг.), внутреннего общего освещения рабочих мест. Ответственность за светомаскировку возлагаю на руководителей предприятий и учреждений. Срок исполнения 25 июля с. г. § 6. Контроль за выполнением данного приказа возлагаю на начальника Нагаево-Магаданского пункта МПВО тов. Дьяконова. § 7. Начальнику пункта МПВО 26-го июля с. г. доложить мне о выполнении данного приказа» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 78, лл. 155–156].

Пока данный приказ действительно выполнялся, приказом № 358 по Дальстрою от 18 июля 1941 г. «для улучшения дела местной противовоздушной обороны» [Там же. Л. 117] Магадан был разбит на шесть районов. Согласно нумерации, их последовательно (по совместительству с основной работой) возглавляли: 1-й – начальник АГО ДС Д. А. Жучаев, 2-й – заместитель редактора журнала «Колыма» И. Ф. Симоненко, 3-й – начальник УНТП А. А. Дикий, 4-й – начальник завода № 2 Л. Н. Гарбузов, 5-й – начальник УРПХ Н. А. Кондратьев, 6-й – начальник продуктовой конторы Колымснаба Н. Г. Вакуленко. Одновременно при штабе МПВО были созданы 6 специальных общегородских команд: связи и оповещения, охраны порядка и безопасности, восстановительная, химическая, медико-санитарная и противопожарная.

Вскоре после этого в Магадане стали проводиться учебные воздушные тревоги, проверки светомаскировки в жилых домах и учреждениях. Создавалось впечатление, что руководство Дальстроя не исключало возможности ведения военных действий в прибрежных районах Ольского побережья и, как в 30-е гг., нападение предполагалось и ожидалось со стороны империалистической Японии. В связи с этим первая учебная воздушная тревога была проведена в Магадане 31 июля 1941 г., вторая – 20 августа. 6 августа 1941 г. штаб МПВО провел общегородскую проверку светомаскировки в жилых домах и учреждениях, а 26 августа во время третьей воздушной тревоги в течение нескольких минут собрал членов всех групп самозащиты.

Горожане, нарушавшие правила, связанные с этими мероприятиями, подвергались административным наказаниям. В частности, они штрафовались на определенные суммы (сначала от 100 до 500 руб., но потом военная прокуратура оставила штраф только до 100 руб.), лишались электроэнергии на 2–3 мес и даже осуждались на срок от 3 до 6 мес лишения свободы. Так как объявление учебной воздушной тревоги считалось чрезвычайным мероприятием, то во время его проведения применялись и чрезвычайные меры. Документы зафиксировали, что во многом это относилось к заключенным Маглага.

«20.8.41 г., в ночь на 21.8.41 г., – сообщали И. К. Сидорову заместитель начальника политотдела УСВИТЛа П. И. Ткаченко и начальник оргинструкторского отделения политотдела УСВИТЛа В. В. Железников, – во время военной воздушной тревоги з/к Хусаинов Карим, содержащийся в ОЛП ГКО, нарушил правила режима во время воздушной тревоги, вышел из барака и направился в неизвестном направлении. На предупреждение бойца не подчинился, после чего бойцом было применено оружие, и з/к Хусаинов Карим был ранен в ногу... Спустя некоторое время таким же порядком было нарушено специальное указание о порядке поведения з/к з/к во время воздушной тревоги. З/к Кузьменко Филипп, 1888 года рождения, ст. 58-10, 8 лет, выйдя из барака пытался пойти в неопределенном направлении. На трехкратный окрик бойца не подчинился. Бойцом было применено оружие, и з/к Кузьменко убит...»

Документы свидетельствуют, что руководство Дальстроя также не исключало возможности эвакуации населения Магадана и находящихся в городе предприятий в случае начала военных действий. В приказе № 00129 по Дальстрою от 26 декабря 1941 г. было сказано: «Немедленно приступить к разработке и пересоставлению планов по каждому предприятию в двух вариантах. Первый вариант должен предусматривать внезапность эвакуации в обстановке военных действий, угрожающих непосредственно городу и его коммуникациям. Этим вариантом должна быть оговорена необходимость вывоза в сжатый срок, с учетом выделенного транспорта, наиболее важных предметов оборудования и ценностей с обязательным учетом того, что вывозятся самые ответственные части всех видов оборудования, без которых все оборудование, остающееся после первых суток вывоза, делается непригодным для использования. Второй вариант плана должен предусматривать вывоз в течение первых трех дней после получения распоряжения об эвакуации комплектно наиболее ценного оборудования и материалов и вывода из строя остального оборудования и материалов путем снятия ответственных частей или уничтожения лишь в последний момент при наступлении в этом необходимости» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 164, л. 25–26].

«Ответственным лицом по эвакуации» был назначен начальник ГКО ДС Ф. А. Муратов.

Разработка двух вариантов мобилизационных эвакуационных планов по предприятиям Магадана велась наряду с более важным в условиях военного времени урплением позиций так называемого Нагаевского сектора береговой обороны (НСБО), относящегося к береговой обороне Тихоокеанского флота (БОТОФ). В его состав входили манипуляторный отряд и несколько батарей боевых орудий, контрролировавших подходы к г. Магадану. В случае нападения противника они должны были защищать бух. Нагаева и сооружения Нагаевского торгового порта.

Одна из батарей боевых орудий располагалась в 1,5 км от м. Островной, другая – в 2 км от м. Ольский, т. е. первая батарея стратегически выгодно преграждала вход в бух. Нагаева, вторая –

в бух. Гертнера. На значительной территории (по Охотскому побережью и в сторону Колымской трассы) была сооружена сеть дотов и дзотов, в том числе за р. Магаданка и на сопке Блиндажная. Манипуляторный отряд базировался в Нагаево, занимался строительством и обслуживанием объектов гидротехнического значения.

Дальнейшее осуществление мероприятий по подготовке к противовоздушной обороне привело к расширению ее функциональной деятельности в пределах Магадана, его пригороде и близлежащих районах. «На основании приказа по штабу МПВО, — отмечал заведующий военным отделом ГК ВКП(б) В. В. Новиков 7 февраля 1942 г., — город разделен на шесть районов и один отдельный участок, каждый район в свою очередь разбит на участки, которые в районе определялись по его разбросанности и важности объектов. Всего, таким образом, в городе имеется 6 районов, 25 участков, 80 групп самозащиты с охватом 2568 человек...» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 129].

К лету 1943 г. количество районов увеличилось до 10. Кроме этого, городскому штабу МПВО стали подчиняться такие районы, как Армань, Балаганное, Ола, Атка, Хасын-уголь. В июне 1943 г. в 11 из них (все городские районы и Ола) насчитывалось 183 чел. командного состава МПВО, рядового и младшего состава — 2066 чел. Городской штаб МПВО имел «очень хороший по объему и по своему оборудованию командный пункт при доме № 2, ул. Сталина, откуда был связан по всему городу с главными объектами». При нем имелась «большая комната, которая будет использоваться как бомбоубежище» [Там же. Д. 52, л. 2]. В многоэтажных кирпичных зданиях на ул. Сталина и Колымском шоссе были оборудованы еще 4 бомбоубежища с 7 комнатами, а в здании Главного Управления Дальстроя — 2 комнаты под бомбоубежище.

В постановлении бюро ГК ВКП(б) от 28 июня 1943 г. говорилось: «Обсудив доклад начальника городского штаба капитана тов. Токарева о состоянии работы МПВО, бюро ГК ВКП(б) отмечает значительную работу, проделанную за время Отечественной войны... Произведено укомплектование групп самозащиты командным и личным составом по производственным принципам. В группах самозащиты районов подготовлено личного состава по специальностям всех звеньев около 10-ти тысяч человек. Для закрепления полученных теоретических знаний личным составом МПВО проведено 20 учений на разные темы...» [Там же. Д. 48, л. 81].

Из общего количества этих учений одно было 3-дневным, шесть — 2-дневными, пять — 1-дневными. В постоянно действующих группах самозащиты к концу июня 1943 г. насчитывалось: в пограничных звеньях — 440 чел., в санитарных — 321, в аварийно-восстановительных — 282, в химических — 290. охраны порядка — 282, в ветеринарных — 23, связи — 316.

Подготовка к противовоздушной, противохимической и оборонной работе не обходилась без организаторской роли Магаданского городского совета Осоавиахима, в работе которого с начала Великой Отечественной войны произошли существенные изменения. Стремясь быстрее помочь фронту подготовленным в военном отношении пополнением, он очень активно воплощал в жизнь директиву об увеличении количества курсов и кружков по изучению боевой техники.

Согласно данным В. В. Новикова, на начало февраля 1942 г. в Магадане действовали 38 низовых организаций Осоавиахима с общим количеством 4000 чел. На специально организованных курсах готовили инструкторов ПВХО, «начальников групп самозащиты жилого дома», инструкторов-мотоциклистов и автомобилистов.

За период II полугодия 1941 — начала 1942 г. при городском совете Осоавиахима и в его низовых организациях было подготовлено: ворошиловских стрелков I ступени — 1443 чел., II ступени — 70; значкистов ПВХО I ступени — 2043, II ступени — 25; авиамотористов — 29; мотоциклистов — 11. В начале февраля 1942 г. в Магадане «по разным военным специальностям» одновременно готовились еще 2166 чел. Кроме того, проведены «8 военизированных выходов в противогазах с охватом 1035 человек» и «кросс унитарных команд с охватом 236 человек» [Там же. Д. 26, л. 164].

Часть магаданцев, подготовленных в системе Осоавиахима, все годы Великой Отечественной войны уходила в ряды Красной Армии, но большинство оставалось на колымской земле в качестве обученного боевого резерва. «Городской Совет Осоавиахима при помощи партийных и профсоюзных организаций, — констатировало бюро ГК ВКП(б) 12 февраля 1945 г., — проделал большую работу по подготовке граждан к противовоздушной и противохимической обороне. С июля 1941 г. по февраль 1945 г. обучено 6059 человек. Охвачено обучением в настоящее время 2725 человек» [Там же. Д. 69, л. 57].

Всеобщая обязательная подготовка населения к противовоздушной обороне была введена по постановлению СНК СССР через 10 дней после начала Великой Отечественной войны, а с 1 октября 1941 г. по решению ГКО началось всеобщее военное обучение взрослого населения — всеобуч по 110-часовой программе, в том числе в Магадане и на Колыме. «Всего в городе организовано 15 учебных пунктов, — отмечал заведующий военным отделом ГК ВКП(б) В. В. Новиков 7 февраля 1942 г., — в них занимается вместе с командно-политическим составом 2577 человек, из них членов и кандидатов ВКП(б) — 209 человек, комсомольцев — 247 чел. и беспартийных — 2101 чел. ...» [Там же. Д. 26, л. 160].

В течение Великой Отечественной войны было проведено несколько очередей всеобуча. Среди лучших учебных пунктов по подготовке боевых резервов в Магадане считался учебный пункт № 11, работавший при гостресте «Колымснаб». «Для того, чтобы крепить и множить победы Красной

Армии, – отмечалось в приказе его руководства № 55 от 31 мая 1943 г., – нужно надежное помещение. Это хорошо усвоили бойцы и командиры 11 учебного пункта и, осваивая 110-часовую программу всеобщего обучения, подготовили себя достойным резервом Красной Армии. В результате высокой дисциплинированности, сознательного отношения к учебе на зачетах, проводимых Ольским райвоенкоматом и горкомом ВКП(б), 11 учебный пункт дал среднюю оценку 4 балла» [ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 11, л. 109].

Определенной базой для подготовки боевых резервов в Магадане являлись спортивные общества «Динамо» и «Кировец». В условиях военного времени они усилили внимание к обучению бойцов рукопашного боя, лыжников, стрелков, гранатометчиков, к сдаче нормативов на значки «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) и «Будь готов к труду и обороне СССР» (БГТО). На 1 февраля 1942 г. в Магадане работали 4 райсовета «Динамо», которые объединяли 867 чел., а в состав спортобщества «Кировец» входили 24 физкультурных коллектива с общим количеством членов 714.

Оба спортобщества не прекратили довоенной деятельности. В «Динамо» были организованы 8 футбольных, 4 хоккейные, 14 мужских и 2 женские волейбольные команды, работали 2 легкоатлетические секции. В спортобществе «Кировец» имелось 7 футбольных и 3 хоккейные команды. В его ведении находился городской каток, был организован прокат коньков и создана база учебных ружей, которая полностью обслуживала «проведение занятий всеобщего» [ГАМО, ф.р-26, оп. 1, д. 17, л. 49].

14 декабря 1941 г. спортобщество «Кировец» провело массовый поход на лыжах (дистанция 10 км), в котором участвовали 633 чел. За счет привлечения новых членов пополнились работавшие при «Кировце» гимнастическая, акробатическая, легкоатлетическая секции и секция спортивных игр. В январе – феврале 1942 г. спортобществом «Динамо» были организованы три лыжных кросса и один лыжный тренировочный переход, собравшие 2587 участников по всем четырем спортивным секциям. Параллельно с этим шла подготовка к военизированным соревнованиям легкоатлетической эстафеты. При подведении итогов на 1 февраля 1942 г. спортобщество «Кировец» подготовило: значкистов ГТО I степени 170 чел., значкистов ГТО II степени 16 чел. и 500 лыжников-бойцов. В спортобществе «Динамо» к этому времени были присвоены разряды 86 лыжникам, 42 легкоатлетам; значок ГТО I степени вручили 1282 физкультурникам, значок ГТО II степени – 82.

Однако не только взрослое население Магадана было вовлечено во всеобщее. «Совнарком СССР, – отмечал работник Колымского отдела народного образования С. Г. Небесный, – ввел с 1942–1943 учебного года начальную допризывную военную подготовку в средних и неполных средних школах и техникумах... Военно-допризывная подготовка в школах Колымы проходит по твердым программам НКО СССР. Все школы имеют программы и учебно-тематические планы, укомплектованные кадрами военных руководителей. Для успешного обучения военному делу созданы все необходимые условия... Здесь методически правильно организуются и проводятся уроки по военному делу».

2.3. Боевой труд магаданцев в годы войны

Патриотические порывы, желание и возможность сражаться с фашистскими захватчиками, подготовка боевых и спортивных резервов были характерны для того времени, но неотделимы от трудовой деятельности магаданцев в годы Великой Отечественной войны. В условиях отдаленности от «материка», которая теперь чувствовалась неизмеримо острее, необходимо было рассчитывать и опираться на свои ресурсы. Поэтому начало Великой Отечественной войны сразу же поставило вопросы о перестройке работы Дальстроя, что в конечном итоге должно было работать на горнодобывающую отрасль, увеличение производства оборонных металлов. Из-за невозможности реально предугадать периодичность дальнейших грузоперевозок на Колыму, это, пожалуй, являлось первоочередной задачей.

В приказе № 243 по Дальстрою от 23 июня 1941 г. говорилось: «Обстановка требует от всех руководителей Управлений, предприятий и хозяйств Дальстроя самой жесткой экономии в расходовании материальных ресурсов: продовольствия, материалов и особенно горючего. Этот вопрос в настоящее время, как никогда, является делом первоочередной государственной важности, которым должны заниматься лично руководители, и что должно быть доведено до сознания всех без исключения работников» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 78, л. 243–244].

С учетом изменившейся ситуации приказано было категорически запретить перерасход и бесхозяйственное использование продовольствия, материалов и горючего против установленных норм; жестко подсчитать тоннаж необходимых грузов, для выполнения которого оставить на работе лучшую часть автотракторного парка и водителей, а все остальные легковые и грузовые машины поставить на консервацию, колесные тракторы эксплуатировать на керосине, и если появятся лица, нарушающие это, то привлекать их «к строжайшей уголовной ответственности, как за преступление против государства».

26 июня 1941 г. состоялось собрание комсомольского актива Магадана. Выступивший на нем секретарь горкома комсомола К. К. Константинов говорил о важнейших задачах молодежи и призвал юношей и девушек бороться за перевыполнение планов, беречь материальные ценности, стремиться к

всемерной экономии. В этот же день газета «Советская Колыма» опубликовала обращение женщин-общественниц Магадана ко всем женщинам Колымы с призывом самоотверженно работать каждой на своем месте, овладеть профессиями шофера, связиста и другими, чтобы в нужный момент заменить мужей, братьев, товарищей на трудовом посту. Каждая женщина, говорилось в обращении, должна уметь оказывать первую медицинскую помощь.

Подобных собраний и обращений было много. Не на всех из них в пылу призывов и заверений учитывались реальные возможности того или иного коллектива; говорилось о недостатке рабочей силы, нехватке сырья или оборудования. Однако это никого не останавливало, и в Магадане развернулась разносторонняя работа по расширению старых и освоению новых производств. Причем многое легло на плечи заключенных Маглага, его лагпунктов и командировок, которые в большинстве своем страдали от самой элементарной бытовой неустроенности.

«Лагпункт совхоза "Дукча", – отмечалось после одного из обследований, – представляет из себя образец распущенности и загромождения. Большая часть з/к размещена в старых, рваных, не пригодных для жилья палатках. В лагерном пункте завода № 2... бараки не отремонтированы, особенно плохи полы и крыши, полы в бараках представляют собой изрезанную выбоинами и впадинами площадь, что способствует накоплению грязи и всякого мусора... Городской ОЛП, расположенный на 4-м километре трассы, размещен во вновь построенных бараках. По своей конструкции и площади бараки вполне пригодны для размещения заключенных, но общее санитарное состояние как бараков, так и территории зоны неудовлетворительно...» [Там же. Д. 79, лл. 72–73].

Находившиеся в таких условиях, оторванные от привычных мест проживания, от родных, семей, творческой деятельности заключенные Маглага тем не менее оставались гражданами своей многонациональной страны, ее патриотами и трудились на пределе сил буквально на всех городских и пригородных предприятиях и в учреждениях. Подобное ранее никогда не афишировалось, но сегодня, отдавая дань справедливости, мы должны сказать, что во многом благодаря труду заключенных и бывших заключенных Магадан справлялся в годы Великой Отечественной войны со всеми поставленными перед ним задачами.

Примером может служить авторемонтный завод – АРЗ, где рабочие встали на свою первую стахановскую вахту уже 23 июня 1941 г. В течение года здесь отремонтировали: автомашин ЗИС-5 – 164, ЗИС-10 – 143, ЗИС-21 – 99, тракторов ЧТЗ – 81, моторов для ЗИС-5 – 312. В то же время АРЗ изготовил: отсадочных машин – 179, откатных лебедок – 80, грохотов «Фераррис» – 50, столов «Вифлея» – 44. Общее количество рабочих на этом предприятии в 1941 г. составляло 1042 чел., из них 629 заключенных и 413 вольнонаемных.

Не один, а сотни рабочих АРЗа многократно перевыполнили дневные задания. Комсомольцы авторемонтного цеха завели «счет мести». Один из лучших токарей АРЗа Д. М. Евдин в день стахановской вахты – 15 февраля 1943 г. – выполнил суточное задание на 437%. А еще в апреле 1942 г. стахановец этого же завода Л. В. Колесников встал в ряды «тысячников», добившись дневной выработки 1062%. Не отставал от него и шлифовщик АРЗа Г. П. Козлов, награжденный в 1943 г. орденом Ленина.

При этом нельзя не отметить следующий факт: в условиях военного времени возникла определенная текучесть среди рабочих городских предприятий, состоящих из бывших заключенных, которые не всегда подходили по профессиональным качествам, были склонны к нарушениям трудовой дисциплины, в связи с чем не справлялись со спущенными нормами. *«При наличии выработки норм в целом по заводу в размере 124%, – говорилось в справке о работе АРЗа за 1941 г., – имеется 25% рабочих-сдельщиков, не выполняющих нормы..., такие рабочие имеются не только среди з/к, но и среди в/н. Рабочих з/к, не выполняющих нормы, – 31%, рабочих в/н, не выполняющих нормы, – 15%»* [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 118].

То же самое (т. е. выполнение планов и заданий за счет труда стахановцев при некотором количестве отстающих) наблюдалось на заводе № 2, в УНТП, в Усть-Магаданском рыбопромхозе и т. д., но, как видим, объяснялось объективными причинами. В частности, *«в 1941 г. завод № 2 изготовил 8 барж, 48 различных транспортеров, 106 десятитонных цистерн, 21 пятидесятитонную цистерну, 92 дез-грохбенда, а только за 4 месяца 1944 г. – 40 экскаваторных ковшей разной емкости, 10 двухбарабанных шахтных лебедок, 12 ресиверов, 30 каретных питателей. Но у него, действительно, были проблемы с рабочей силой. В 1941 г. на заводе № 2 из рабочих-заключенных не выполняли нормы 12%, а из рабочих в/н – 8%»* [Там же. Л. 132].

Вскоре о своей первопроходческой работе мог отчитаться и совершенно новый, первоначально строившийся как небольшая стекольная мастерская, завод. *«На днях, – писала газета «Советская Колыма» 9 августа 1941 г., – у начальника отдела местной промышленности Главного Управления Дальстроя тов. Комарова состоялось техническое совещание... Промкомбинат в числе своих работников имеет специалиста-силикатчика тов. Музашвили. Он представлял несколько проектов организации стекольного производства, способных удовлетворять насущные потребности Дальстроя... Для всех работников местной промышленности, и в частности для работников промкомбината, слова "время не терпит" должны стать лозунгом в работе...»*

К январю 1942 г. на 72-м км Колымской трассы было выстроено здание стекольной мастерской. Оборудование для нее изготовили завод № 2 и Магаданский промкомбинат; специально завезли стандартные огнеупоры (динасы и шамот) и шамотный брус для плавильной печи. С этими работами справи-

лись, и 7 февраля 1942 г. (запоздывая со сроками более чем на 3 мес) стекольная мастерская дала первую продукцию из переплавленного битого сырья. Это была пробная плавка, но она очень вдохновила рабочих и специалистов, поэтому только за февраль – апрель 1942 г. в стекольной мастерской было выпущено 5 тыс. м² оконного стекла.

«Варку стекла начали производить из боя, – констатировала газета «Советская Колыма» 28 января 1943 г. – Но то, что считалось успехом год назад, сейчас уже удовлетворить не может. Возникла новая задача: совершенно отказаться от ввоза материалов и полностью перейти на местное сырье, так как запасы стекольного боя исчерпаны... Нашли песок – вулканический пепел. По заключению исследователей лаборатории он непригоден для плавки из-за больших примесей железа, но коллектив сумел освоить это сырье». Кроме стекла, нужны были слюда, сульфат и поташ. Стекловары научились обходиться теми щелочами, которые находятся в самом песке, примешивая к нему только местную известь-кальцит.

Ее остановка, а затем и реконструкция совпали с реконструкцией стекольной мастерской, по сути дела превратившейся в течение 1943 г. в Магаданский стекольный завод. В расширенном почти в 5 раз помещении была установлена вторая печь вместимостью 25 т; отремонтированы два расправочных круга и две газогенераторные шахты. Это увеличило мощность стеклозавода по листовому стеклу с 34 до 110 тыс. м², по штучным изделиям – с 100 до 500 тыс. в год.

Следившая за этими новшествами газета «Советская Колыма» 14 января 1944 г. сообщала: *«Печи, которые сложены на стекольном заводе, сделаны из колымских материалов. Стеклобрус – высококачественный кирпич больших размеров – готовил для стекольного завода Аркагалинский завод огнеупоров. Ни начальники завода Кислухин, ни мастер Пузач до этого никогда с производством стеклобруса не сталкивались. Все делалось по чертежам, а необходимые технологические данные брались из литературных источников. Два месяца длился период освоения нового материала. Глина и шамот размалывались, просеивались, и самая мелкая фракция во влажном состоянии формировалась вручную. Особенно тяжелым был процесс сушки и обжига. При малейшем нарушении температурного режима кирпичи стеклобруса пучились, трескались. Сейчас это в прошлом. Стеклобрусом Аркагалинского завода огнеупоров выложена внутренняя поверхность стеклоплавных печей, а также лавы-площадки для раскатки оконного стекла».*

Укрепление стекольного производства позволило расширить ассортимент продукции стеклозавода и даже выпускать лампочки, автомобильные фары, химическую посуду, стаканы, кувшины, елочные игрушки. Стаканы первоначально выпускались только граненые, штампованные, а затем и тонкостенные с гравировкой. Для выпуска графинов и кувшинов стали использовать золотисто-розовое и синее стекло. Зеленое стекло шло на елочные игрушки, а осветленное поставлялось для теплиц совхозов Дальстроя.

Весьма существенные данные вывели из полученных результатов. Оказалось, что тем оконным стеклом, которое выпустил Магаданский стекольный завод до 1 мая 1944 г., было остеклено (в переводе на стандартные 8-квартирные дома) почти 800 домов. За счет этого морской транспорт получил возможность перевезти 170 т других, более нужных грузов; а также была достигнута экономия в 600 тыс. руб. государственных средств, которая ранее получалась только от сокращения боя при транспортировке стекла.

А. Р. Гридасова, возглавлявшая в то время Маглаг, и в ведении которой находилась основная рабочая сила стеклозавода, писала в газете «Советская Колыма» 15 апреля 1944 г.: *«Задачу обеспечения предприятий Дальстроя стеклом техническим и хозяйственными изделиями из стекла коллектив стеклозавода выполняет с честью. Завод освоил производство оконного стекла, электророликов, стекла для автомобильных фар, аптечной и лабораторной посуды и т. п. В ближайшее время предполагается выпустить первую партию стеклянных изоляторов для высоковольтных линий, жидкого стекла и цветных стекол. Большим шагом вперед является для нас переход на новый вид сырья. Раньше завод производил свою продукцию из битого стекла, которое пускалось в переработку. Сейчас стекло делается из песка. Неподалеку от завода обнаружены залежи мелкого песка, который носит название “вулканического пепла” и служит хорошим сырьем и для производства стекла. Много энергии и труда вложили в дело выполнения плана начальник промкомбината 72-го км Шумин, директор стеклозавода Музашвили и старший мастер-инструктор Бабейкин».* Выступая на собрании партийного актива Магадана 7 января 1945 г., И. Ф. Никишов также дал высокую оценку работе стекольного завода. Он привел цифры, согласно которым только за 1944 г. предприятие выпустило 112 тыс. м² оконного стекла, 3 тыс. м² автомобильного стекла, 8,5 тыс. м² стекла для автофар, около 450 тыс. стаканов, бутылей, блюдец и т. д., 183 тыс. стеклянных роликов, 136 тыс. шт. высоковольтных и низковольтных изоляторов, почти 14 т жидкого стекла. Кроме того, к концу Великой Отечественной войны данная продукция стала поставляться на «материку», что являлось значительным достижением магаданцев, способствовавшим в общей сложности укреплению колымского тыла.

Несомненно, очень многое было сделано Магаданским промкомбинатом, и ранее доказывавшим свою универсальность. На заседании бюро ГК ВКП(б) от 21 июня 1941 г. в качестве положительных явлений были указаны открытие мастерских «по бытовому обслуживанию в Марчекане, Нагаево» и при учебном комбинате; организация мастерской при магазине местной промышленности «по мелкому ремонту часов», специального цеха ширпотреба, работающего «на отходах швейных и сапожных цехов».

производства «лаптей и теплых к ним чулок», ремонта резиновых изделий; улучшение ассортимента и увеличение количества выпускаемой продукции из дерева и металла [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 19, л. 27].

Здесь же отмечались недостатки и издержки в работе промкомбината: задержка с открытием городского ателье (с химчисткой)*, отсутствие мастерской по ремонту мебели и услуг по ремонту мебели на дому, недостаточное расширение базы местного сырья, производства металлоизделий широкого потребления, высокая стоимость выпускаемых изделий («*ширма – 115 руб., воротничок к гимнастерке из отхода 2 руб., чемодан фанерный – 108 руб., кушетка – 130 руб.*») [Там же. Л. 28]. Для ликвидации недоточетов бюро ГК ВКП(б) приняло решение об изменении ранее принятых планов предприятия и перестройке его главных направлений в условиях военного времени. В частности, уже в августе 1941 г. промкомбинат № 2 был переведен с 23/6-го км на 72-й км Колымской трассы, но общее свое задание успел дополнить «*выпуском 67 тыс. пар веревочных лаптей на сумму более полутора миллионов рублей, взамен бурок, снятых с производства в массово-обувном цехе*» [ГАМО, ф.р-98, оп. 1, д. 4, л. 99]; он же произвел 7,4 т гвоздей и около 1000 «специщиков».

Организованный на базе отходов швейной фабрики цех ширпотреба выпустил и реализовал товарной продукции в магазинах промкомбината на 400 тыс. руб. В том числе было продано: воротничков к гимнастерке – 47,5 тыс. шт., носовых платков – 15,4 тыс. шт., бюстгалтеров – 11 тыс. шт., детского платья и белья – 5250 шт., тапочек – 1700 пар, игрушек разных – около 8 тыс. шт.

Взявшись за сбор утиля, промкомбинат начал использовать в производстве консервные банки, обрезки жести, пришедшие в негодность крылья, капоты тракторов и автомашин, которые стали основой для выпуска нескольких десятков других изделий. Например, из старых капотов и крыльев автомашин штамповали вполне качественные ложки, а из консервных банок путем регенерации брали дефицитное олово, а также штамповали пуговицы, пломбы, изготовляли кружки. Хлопчатобумажный утиль, всевозможное тряпье стали сырьем для рабочей одежды, обуви, одеял, ваты.

К концу 1941 г. промкомбинат добыл 2752 т торфа, изготовил 40 400 мохоплит, 52 500 мисок, 11 300 ведер, 13 700 тазов, 1050 кипятильников, 5127 кроватей, 178 000 накомарников, 434 400 маек и трусов, 437 000 косовороток и брюк, 152 000 фуражек, 134 301 простыню, 139 137 наволочек, 10 125 пар лагерных бурок, 10 813 пар армейских ботинок, 2912 пар гражданских бурок, 3 088 000 пуговиц, 6470 пар сапог, 10 800 пар полусапог, 18 328 кг мыла хозяйственного, 10 421 грузило, 503 газогенераторных обогревателя, 20 стеклообогревателей, 160 автомобильных обогревателей.

В 1942 г. промкомбинат принял меры к увеличению выпуска шахтерских ламп. Запланировано было 3000 шт, а произведено 6366. Тогда же приняты решение по всем хозяйствам Дальстроя «*производить сдачу рогов и копыт ближайшей базе “Колымснаба” по цене: рог – 25, копыта – 5 копеек за килограмм*». После этого сырье отправлялось на промкомбинат, который был обязан обеспечить его бесперебойный прием и хранение до переработки. Особо отмечалось, что «*организациям, не сдающим рога и копыта от забитых животных, клей не отпускается*» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 94, л. 61].

К концу 1942 г. в состав промкомбината входили: массово-обувной, деревообрабатывающий, металлообрабатывающий, вулканизационный, картонажный, гвоздильный цехи, цех регенерации резины. В течение года вступили в строй ватная фабрика и городское ателье бытового обслуживания. Производство ваты составило 182 т, а ассортимент дополнили лыжи (838 пар) и ящики для них (900 шт.).

Летом 1943 г. промкомбинат освоил ремонт новой техники (в организованном цехе точной механики), производство валяной обуви и серной кислоты, крайне необходимой для работы аккумуляторов. До Великой Отечественной войны ее привозили с «материка», теперь стали производить в Магадане на специальной сернокислотной установке. Немного времени понадобилось промкомбинату и для того, чтобы начать собственное производство зеркал, игл для швейных машин, зубного порошка, которого было выпущено в 1943 г. 38 094 коробки. Промкомбинату, для дальнейшей концентрации, подчинили «*пошивно-ремонтные мастерские всех предприятий на территории Магадана, Нагаево и Веселой*» [ГАМО, ф.р-98, оп. 1, д. 8, л. 7].

Согласно распоряжению № 183 по Колымснабу от 11 декабря 1943 г. в целях «*мобилизации дополнительного сырья для производства ваты на предприятиях промкомбината Дальстроя и увеличения... выпуска зимнего вещдоговорства*» в Магадане к концу декабря 1943 г. был организован приемный пункт по скупке от населения мягкого утиля (мешков из ткани, верхней и нижней одежды, зимних шапок, валяной обуви). В связи с этим «*для стимулирования максимальной заготовки утиля*» разрешалось «*производить отпуск мелкогалянтерейного и писчебумажных товаров*», а также изделий промкомбината из утиля (детских ботинок, тапочек, шубных рукавиц, детских игрушек и т. д.) на сумму 2 руб. за каждый килограмм сданного утиля через «специальную полку с полным ассортиментом этих товаров» [ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 12, л. 214].

В 1944 г. в состав цеха точной механики промкомбината входили ремонтно-механическая и часовая мастерские, мастерские по изготовлению запчастей для швейных машин и ремонту геодезических приборов. Работало в нем всего несколько десятков человек, в том числе репрессированные. «*Цех точной механики промкомбината*, – писала газета «Советская Колыма» 13 декабря 1944 г., – *до последнего*

*Оно еще строилось на ул. Колымское шоссе, рядом с парком культуры и отдыха.

времени испытывал острую нужду в прецизионных токарных станках для изготовления мелких точных деталей. Не имея возможности получить станки из центральных районов страны, коллектив цеха (начальник И. Я. Гольдфарб) решил приступить к их изготовлению своими силами. На днях сдан в эксплуатацию первый настольный револьверный станок. Его длина 505 миллиметров, ширина – 230 миллиметров и высота 235 миллиметров. Он был своими силами сконструирован, изготовлен и сдан в эксплуатацию за 50 дней... Изготовленные на нем детали по своим размерам выходят по точности за пределы одной сотой миллиметра».

В течение 1944 г. промкомбинат выпустил: белья нательного мужского – 208 635, сорочек женских – 15 341, чулок – 15 004 пары, платков – 10 017, кофт – 15 463, юбок – 15 114, блуз рабочих – 68 697, брюк ватных – 61 409, телогреек – 63 240, полупальто – 28 200, рукавиц ватных – 37 957 пар, рукавиц меховых – 6840 пар, ботинок мужских – 29 282 пары, бурок гражданских – 46 969 пар, бурок лагерных – 72 331 пару, ваты – 262 т, войлока – 51,3 т, валенок – 9311 пар, литья чугунного – 332 т, тетрадей учебных – 223 300, ламп карбидных – 1500, буровых треног – 55, лопат – 10 907, станков КА – 10, ламп Вольфа – 2726.

«Как видно, – говорилось в отчете промкомбината за 1944 г., – ассортимент изделий, утверждающихся в месячных производственных заданиях, выполнен, за исключением двух позиций. В 1944 году пошито значительно больше зимней одежды и теплой обуви, чем предусматривалось годовым планом, и вместо валенок изготовлено больше войлока. Со 2-го квартала... промкомбинат обязан был изготавливать для приисков ряд изделий, как-то: верхние опоры транспортеров, электросверла, экскаваторные цепи и инструмент, буровые треноги и пр., выпуск которых был освоен и выполнен в установленные сроки» [ГАМО, ф.р-98, оп. 1, д. 10, л. 8].

В 1944 г., как и в предыдущие годы, происходило освоение новых производств. «Недавно утильному цеху промкомбината (начальник цеха Егоренко), – рассказывала газета «Советская Колыма» 16 декабря 1944 г., – поручили организовать производство туши. Один из материалов, необходимых для изготовления этой продукции, – ацетиленовая сажа. Для получения ее сконструировали специальную установку. Но работники цеха, ввиду сложности изготовления аппаратуры, отказались от нее и приспособили для этой цели обычные карбидные шахтерские лампы, выпускаемые промкомбинатом. Четыре лампы с увеличенными отверстиями в горелках горят весь день коптящим пламенем. На окружающем их специальным колпаке за 8 часов собирается до 40 граммов ацетиленовой сажи. После добавления к ней шеллака, буры и спирта получается хорошая, вполне пригодная для работы, черная тушь. Первая ее партия – 200 граммов – была выпущена 1 декабря».

В течение Великой Отечественной войны в снабжении и обслуживании промкомбината рабочей силой произошли изменения. В 1941 г. ее среднесписочный состав – 3078 чел.: 2838 заключенных и 240 вольнонаемных. Позднее количество рабочей силы промкомбината сократилось. В 1945 г. весь списочный состав его рабочих был 2530 чел.: 1606 заключенных и 924 вольнонаемных. Заключенные содержались в ОЛПе промкомбината, состоящем из двух командировок – «на 43 клм и при кожзаводе» [Там же. Д. 12, л. 11]. До 1944 г. их было пять.

К концу Великой Отечественной войны цех точной механики промкомбината сконструировал и изготовил новый прецизионно-фрезерный станок. Он был снабжен цилиндрами с насечками на всех ручках управления, что давало возможность доводить точность обработки до 0,02 мм. Его размеры: высота 415 мм, ширина 325 мм, длина 510 мм. Применение нового прецизионно-фрезерного станка позволило увеличить выпуск деталей швейных машин практически без брака.

Кожзавод, как и промкомбинат, в который он входил, в военное время превратился в универсальное предприятие. В его небольших помещениях обрабатывали самое разнообразное местное сырье: шкуры морского зверя, оленей, лошадей, крупного рогатого скота, но основным видом сырья была свиная кожа. Кроме этого использовались и отходы производства, из которых делали не только мыло и высококачественный столярный клей, но и щетки, гуталин, поставляемые предприятиям Магадана. В сентябре 1943 г. директор кожзавода Н. Н. Петушков отмечал: «Выпустили 4 тонны клея, из них 2 тонны – высококачественного столярного. Из отходов свиных кож налажено изготовление мыла. Уже сдано 10 тонн, и до конца года выпустили еще 5 тонн. Выпустили до 3 тыс. штук половых щеток и заготовили также 10 тыс. банок гуталина».

Всего же в 1941–1945 гг. кожзавод выпустил: в 1941 г. хрома (подкладочного и верхнего) – 675 000 дм², 2,3 т клея, юфти – 985 000 дм², выделанного меха оленя – 221 000 дм², меха морзверя – 8900 дм², «подошв на стельки» – 6400 кг; в 1942 г. «кожи юфти» – 1 616 146 дм², «кожи хрома» – 1 150 704 дм², «кожи подошвенной» – 6431 кг, мыла хозяйственного – 28 400 кг; в 1943 г. «юфти разной» – 1 324 025 дм², «хрома разного (верхнего)» – 1 021 285 дм², стелек – 25 748 кг; в 1944 г. «кож мягких» – 2 806 000 дм², «кож жестких» – 25,3 т; в 1945 г. кож («жестких и мягких») – 2 157 000 дм², овчины 560 000 дм².

Расширение выпуска новой продукции потребовало дальнейшего увеличения выработки электроэнергии. 12 мая 1942 г. руководство Дальстроя приняло решение о строительстве «в гор. Магадане на реке Каменушке» гидроэлектростанции «мощностью 600 кВт» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 86, л. 183]. К ее проектированию привлекались лучшие инженерно-технические кадры УКСа ДС. Однако строительство не было начато. Вместо этого 6 сентября 1943 г. руководство Дальстроя при-

няло решение: *«Построить в г. Магадане на территории Нагаевской лесобиржи паротурбинную электростанцию на две турбины общей мощностью 2083 кВт»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 100, л. 146]. Строительство велось круглосуточно под непосредственным наблюдением И. Ф. Никишова, что давало возможность более жестко и оперативно решать вопросы обеспечения материалами, техникой, рабочей силой. Одновременно с возведением корпуса монтировали и оборудование. Большую помощь рабочим при прокладке кабеля высокого напряжения оказали комсомольцы города. Все это позволило провести монтаж первой очереди Магаданской паротурбинной электростанции всего за 45 дней. 2 апреля 1944 г. началась эксплуатация ее первой очереди. По итогам работы в марте 1945 г. ВЦСПС и Наркомат электростанций СССР присудил коллективу Магаданской паротурбинной электростанции второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании. 12 мая она полностью вступила в строй.

Нехватка топлива для Магадана требовала в дальнейшем расширить потребление хасынского угля, который добывался сравнительно недалеко от города. До этого было подсчитано, что из-за высокой зольности и низкой калорийности его потребуется вдвое больше, чем завозилось с Сахалина. Однако военное время вынудило пойти на такой шаг, и уже 25 декабря 1941 г. руководство Дальстроя издало распоряжение *«О усилении подвозки хасынского угля в Магадан»*.

«Установить, – говорилось в нем, – что загрузке углем подлежат все кузовные автомашины, следующие порожняком из тайги в Магадан, независимо от их принадлежности к той или иной организации, кроме автомашин, подлежащих загрузке дровами, количество которых устанавливается... отдельным распоряжением... Начальнику УАТ тов. Маркову дать указание диспетчерскому пункту на 82-м км. возвращать обратно на погрузку автомашины, полностью не загруженные, с отнесением причиненного ущерба за счет Хасынугля. Выпуск недогруженных машин в Магадан строго запрещен» [Там же. Д. 82, л. 230].

Но не только таким образом хасынский уголь поставлялся городским предприятиям. Проблема его перевозки была во многом облегчена благодаря открытию к концу 1941 г. временного движения поездов *«по железной дороге Магадан – Палатка до 52 км основной трассы с включением в сквозную эксплуатацию лесовозной ветки от 52 км на Хасын»* [Там же. Д. 81, л. 228]. В составе лесного отдела ДС для этого создали специальное железнодорожное отделение.

Дальнейшая потребность в топливе для *«обеспечения промышленности г. Магадана углем»* привела к организации летом 1943 г. Мелководнинского эксплуатационно-разведочного участка под руководством Н. П. Грязнова [Там же. Д. 99, л. 194]. Проведенные в кратчайшие сроки работы окончились успешно. В 1944 г. мелководнинский уголь также стали поставлять в Магадан и давать в городские котельные почти бесперебойно. Это способствовало дополнительному снижению остроты топливной проблемы, которая в военный период все равно имела издержки.

В то же время хасынский уголь использовали не только по прямому назначению. Его потребление стало связываться с нехваткой завозимого на Колыму портлендского цемента. В поисках замены лаборатория строительных материалов, входящая в состав Центральной научно-исследовательской лаборатории Дальстроя, провела множество разнообразных опытов, в том числе использование шлаков хасынского угля и извести, получаемой из местных кальцитов. Опыт дал положительный результат, и лаборатория строительных материалов разработала технические условия на выпуск своего цемента. Подготовленная ею документация была передана в Управление капитального строительства для сооружения специальной установки. Построенная довольно быстро, она уже к концу лета 1943 г. выпустила первые тонны цемента. Состоящий теперь на 80% из гранулированных шлаков хасынского угля он очень быстро стал внедряться в производство.

В процессе выпуска известково-шлакового цемента (при гашении извести) получалось немало отходов от пережога и поджога. Работники отдела капитального строительства ДС и небольшого цементного завода выдвинули инициативу изготовления из них высококачественного побелочного материала – искусственного мела. Для этой цели используемые отходы подсушивали и измельчали в шаровой мельнице. По тонкости помола, химическому составу искусственный мел мало отличался от природного и сразу же стал применяться для побелки, шпатлевки и изготовления замазки.

Крайне важной в период Великой Отечественной войны стала работа Нагаевского торгового порта. 12 сентября 1941 г. руководство Дальстроя приняло решение о проведении подготовительных работ по удлинению его причальной линии. Для этого в штат ОКСа УНТП были введены дополнительные должности инженера-гидротехника (проектировщика), топографа, мастера-бурозаправщика и двух десятков подрывников, которые приступили (вместе с основной группой) к дальнейшему проектированию и строительству, что потребовало немало времени.

Параллельно с этим проводились другие, крайне необходимые мероприятия. В объяснительной записке к отчету УНТП за первую половину 1944 г. отмечалось: *«В исключительно короткий срок между февралем и маем срублено, установлено и засыпано 4 ряжа, благодаря чему причальный фронт удлинен на 60 метров, что в свою очередь увеличило пропускную способность порта... Большие работы были проделаны по ремонту дороги Нагаево – порт, сильно пострадавшей от наледи в зиму 1944 года. Почти исключительно своими силами был проведен зимний ремонт судов местного флота...»*

Несмотря на отдельные отрицательные моменты... УНТП... сумело выполнить план в денежном выражении по всем видам на 121,9%. При плане по выпуску в первом полугодии в 15142 тыс. руб. фактическое выполнение составило 18 463 тыс. руб. ...» [ГАМО, ф.р-123, оп. 1, д. 97, л. 24].

Работа УНТП в 1941 г. характеризовалась следующими данными в общей сложности в бух. Нагаева было завезено 402 766 т, в том числе судами Дальстроя – 151 163 т, судами морфлота СССР – 140 514,65 т, танкерами – 111 088,8 т. Завоз пассажиров составил 20 865 чел. (из них судами Дальстроя – 13 360 чел., судами морфлота – 7505), а вывоз (только судами Дальстроя) – 22 203 чел. Местный флот УНТП доставил в бух. Нагаева с побережья 14 651 т груза и произвел буксировку 21 681 т леса. На побережье было вывезено 17 095 т груза.

«В 1941 году на судах Управления Нагаевского торгового порта, – сообщала газета «Советская Колыма» 14 апреля 1942 г., – были проведены теплотехнические мероприятия по экономии топлива... Океанский грузовой пароход «Джурма» работает на паспортной мощности и ежегодно выполняет норму скорости. В 1941 году по всем судам Дальстроя экономия на топливе составила 37 400 рублей».

Во время проверки подготовки Нагаевского торгового порта к навигации 1942 г. комиссией городского комитета ВКП(б) было выявлено, что его «транспортные средства для перевозок грузов от паромов в портовые склады и склады Колымснба» состоят из 60 автомашин ЗИС-5, 15 автомашин ППД, 20 тракторов ХТЗ, 7 тракторов НАТИ, а местный флот – из «14 плав. единиц, из коих самоходных – 9, несамоходных – 5». В состав рабочей силы УНТП входили: работники флота – 147, грузчики – 229, водители – 142, слесари – 26. Также «в порядке поднятия квалификации» обучались 38 кладовщиков, 17 мотористов, 17 судоводителей, 15 тальманов, 9 стивидоров.

Прошло немного времени, и газета «Советская Колыма» 23 июля 1942 г. отметила: «Моряки Управления Нагаевского торгового порта, с первых дней навигации взявшие стахановские темпы работы, добились нового замечательного достижения. Прибывший на днях пароход, где капитаном тов. Егоров, должен был быть загружен за 40 с лишним часов. Но такие нормы не устраивают работников порта... Пароход был загружен за 15 часов... Отлично работали бригады грузчиков. Лучшие из них – фронтовые, выполнившие план на 200 с лишним процентов – Соколова, Топилина, Волокитина».

Осенью 1942 г. местный флот УНТП пополнился судами, построенными заводом № 2. Среди них были катера «Валерий Чкалов», «Генерал Панфилов», «Капитан Гастелло», «Минин», «Пожарский». Вскоре к ним добавились наливная баржа «Зоя Космодемьянская» и несколько деревянных понтонов. Эти плавсредства способствовали расширению грузоперевозок УНТП на Охотском побережье, но более важными являлись другие, которые велись по ленд-лизу из Америки морскими судами Дальстроя. К ним относились пароход «Дальстрой» (капитан В. М. Банкович), теплоход «Советская Латвия» (капитаны Г. А. Ухов и А. Н. Шевченко), пароходы «Феликс Дзержинский» (капитан П. П. Караянов) и «Джурма» (капитаны Н. И. Трутенко и Д. А. Невский).

«Перевозки из Америки судами Дальстроя» в 1942 г. «составили 91,6 тыс. т, против 62 тыс. т по плану», а «перевозки из отечественных портов – 42,7 тыс. т вместо 60 тыс. по плану». «При каботажных перевозках на побережье Охотского моря» местным флотом Дальстроя было перевезено 32,8 тыс. т груза, что привело к выполнению плана на 143%, и он же «отбуксировал... 13,7 тыс. тонн». Общий завоз грузов в бух. Нагаева (всеми судами) в 1942 г. составил 160 т. Из них 48% являлись импортными: продовольствия – 47 т, промтоваров – 600 т, оборудования и текстурматериалов – 6700 т, взрывчатых веществ – 3300 т, нефтепродуктов – 20 900 т.

«Суда большого каботажка, – говорится о морфлоте в докладе к отчету Дальстроя, – на протяжении всего 1943 года совершали рейсы между Владивостоком и иностранными портами, в то время как по плану иностранные рейсы были намечены только во втором полугодии. Транспортно-грузовые рейсы проводились в 1943 году в условиях перехода Нагаевского порта на положение первоначальной базы для иностранных грузов. Несмотря на непригодность площадки к переправке массы грузов..., фактически было переработано в порту 354 тыс. тонн груза». В течение 1944 г. морфлот Дальстроя по-прежнему «был занят, в основном, перевозками грузов Наркомвнешторга из портов США в Советский Союз» и «местными перевозками по побережью Охотского моря» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4268, л. 30]. Однако в бух. Нагаева в общей сложности доставили 197 797 т груза. «Среди последнего находилось 11 530 т сахалинского угля. Это обеспечилось передачей его... по ходатайству Дальстроя, ввиду резко увеличившейся потребности в угле, в связи с вводом в эксплуатацию Магаданской паротурбинной электростанции» [Там же. Л. 39].

Работа экипажей четырех дальстроевских судов на линии Магадан – США была отмечена наградами и премиями, благодарственными письмами в адрес капитанов. «Пароход «Дальстрой» – капитан Банкович В. М., – писал уполномоченный Правительственной закупочной комиссии СССР в порту Сизтл Н. Я. Брызгин начальнику Дальневосточного морского пароходства Г. А. Мезенцову, – прибыл в порт Такома и начал погрузку 13 октября 1944 г. Погрузка и крепление палубного груза произведены в порту Сизтл. Приняв 9366 тонн груза п/х «Дальстрой» ушел в полночь 30 декабря 1944 года. Образцовый порядок и организация на судне и исключительно хорошие деловые отношения капитана Банковича с представителями стивидорной компании, с агентом, с представителями судоремонтного завода и с местными властями каждый рейс обеспечивают успешную и бесперебойную работу п/х «Дальстрой»».

УНТП и собственно Нагаевский торговый порт являлись тем исходным пунктом, откуда после разгрузки начиналась перевозка грузов не только в Магадан, но и по всей Колымской трассе. *«Есть одно известное среди водителей правило, – вспоминал И. М. Хоменко, – все равны перед грузом. Нет сынков и пасынков. Палучай груз по грузоподъемности машины. Если же примерно все машины одинаковы, а груз разный, негабаритный и неудобный, тогда жребий. Но, случалось, доставался груз, что называется, на пределе, тогда пиши, диспетчер, расписку... Ничего теперь этого не было. Водители сами участвовали в погрузке. О жеребьевке, расписках и прочих вещах даже не помышляли. До этого ли было? Каждый старался взять груз побольше. Лишь бы не рассыпалась машина. И когда я сказал, что мне достался груз, то это надо понимать так: я доказал, что он лучше всего подходит для моего переоборудованного “ЯАЗ”-площадки. Машина как раз и замышлялась для перевозки таких крупногабаритных, тяжелых грузов: экскаваторов, тракторов, даже паровозов, правда, узкоколейных. Словом, для нашей колымской “тяжелой артиллерии”. Грузились в Магаданском порту круглосуточно. Менялись грузчики, а мы, водители, оставались на месте круглые сутки. Прикорнешь где-нибудь на часок – и опять на “линию огня...” Первый военный рейс длился месяц. Второй такой рейс имел свои трудности. Правда, на сей раз не было габаритного груза. Был компактный узел экскаватора. Но время настало дождливое, и многие речушки преобразились. Стали до того полноводными, что скрыли под водой и мосты. Приходилось простаивать перед иным мостом в ожидании спада воды и сутки, и двое... Вернулся из этого рейса в Магадан, а уже в воздухе замелькали белые мухи. А там грянула первая военная зима... Стало дефицитом горючее... Над Колымой нависла угроза, какой еще не бывало. Автомобильный транспорт, как говорили на Колыме, – это все... Началась невиданная битва за быстрый перевод колымского автопарка... на газогенераторы...»*

Осенью 1941 г. были проведены испытания на лучшую конструкцию газогенераторного автомобиля, работавшего на местном топливе, в качестве которого использовались полукокс, древесный уголь и кусковой торф. Испытания дали не очень обнадеживающие результаты. Тогда было решено отказаться от полукокса, древесного угля, кускового торфа и перейти на такой вид топлива, как обыкновенное дерево (чурка).

К концу 1941 г. общее количество газогенераторных автомашин в Дальстрое достигло 456, к концу 1942 г. – 1200 и к началу 1944 г. – 1406 из автомобильного парка в 3065 автомашин. Это привело к тому, что «средний расход горючего на 1 тоннокилометр» стал составлять 0,119 л по всем автомашинам. В 1942 г. эта цифра увеличилась до 0,144 л. В то же время «средний расход чурки на один тонно-километр газогенераторных автомашин» достиг 0,618 кг «при средней норме 0,614 кг на тоннокилометр». Использование газогенераторных автомашин (почти 43% всего автопарка) дало экономии Дальстрою в 1944 г. около 12 т бензина.

Конечно, при этом очень увеличилось потребление дров, приведшее к нарушению экологии пригородных районов Магадана и всего Колымского региона, но это, естественно, не планировалось, а являлось вынужденной мерой военных лет. Такая вынужденность объяснялась стремлением выжить, выстоять в период борьбы с фашистами, ибо работа целого ряда горнодобывающих предприятий Дальстроя в основном зависела от своевременного завоза необходимых грузов. А исходным пунктом этого завоза являлись бух. Нагаева и г. Магадан.

«В зиму сорок первого – сорок второго года, – рассказывал начальник горнотехнического отдела Дальстроя В. П. Березин, – война приготовила нам еще одно испытание. Не стало бензина. Около двух тысяч автомашин лишились возможности двигаться. Кто виноват? Фашисты. Пришлось всю технику Дальстроя переоборудовать под газогенераторы. Наши заводы и автобазы срочно принялись изготавливать эти газогенераторы и монтировать их на автомашинах и тракторах. По всей трассе были оборудованы заправочные, где вместо бензина выдавали чурки. Несколько чуркокомбинатов изготавливали топливо для транспорта. Машины вновь ожили. А газогенераторы, изготовленные полностью руками магаданских металлургов и автотранспортников, в 1945 году получили высшую оценку на ВДНХ в Москве. На память о газогенераторном этапе в истории местного транспорта остались пеньки от когда-то густых лесов вдоль трассы. Печальная память... Но пусть новое поколение северян поймет: нам была дорога природа. Уж как-нибудь дождемся новой поросли. Время залечило многие раны войны, залечит и эти шрамы на лице Колымы. Не мы в них повинны».*

Немало забот и трудностей в период Великой Отечественной войны выпало на долю работников авиаотряда Дальстроя. В срочном порядке была достроена взлетно-посадочная полоса аэродрома на 13-м км и построен аэродром на 47-м км. В то же время, страдая от нехватки бензина и борясь за его экономию, авиаторы не сорвали ни одного задания. Помогать в этом стремились все работники авиаотряда Дальстроя, особенно те, кто не был задействован в полетах.

В течение 1941 г. численность авиаотряда Дальстроя составляла 265 чел., в том числе 205 вольнонаемных и 60 заключенных – 55 рабочих, 3 служащих и 2 из младшего обслуживающего персонала. За 1941 г. авиаотряд Дальстроя значительно перевыполнил свои плановые задания. Так, он перевез (в основном в горнопромышленные районы) 2902 пассажиров «против плана на 507 чел., или 644%» и 1113,7 т грузов «против плана 644,9 тонн, или 172,7%» [ГАМО, ф.р-27, оп. 1, д. 1, л. 4].

*Правильнее для того времени – ВСХВ.

В последующем объем грузоперевозок и перевозок пассажиров увеличивался. В 1942 г. в авиаотряд ДС входили 17 самолетов самых различных марок, большинство из которых являлось одномоторными – типа У-2 и Р-5. Имелись также 2 самолета Г-2 и три МП-1 (лодочного типа). Общая грузоподъемность авиапарка составляла 11 т. На самолетах Дальстроя в 1942 г. было перевезено 3940 пассажиров и 1454 т грузов; в 1943 г. – 4111 пассажиров и 1065 т грузов; в 1944 г. – 5745 пассажиров и 941,5 т грузов; в 1945 г. – 5826 пассажиров и 1109 т грузов. Кроме этого, авиаотряд Дальстроя к концу Великой Отечественной войны усилил внимание к аэрофотосъемке. Только в 1944 г. на аэрофотосъемку затрачено 622 ч и план съемочных работ выполнен на 122,7%.

В январе 1943 г. состоялось первое большое награждение дальстроевцев в военное время. Орденами и медалями были отмечены и работники авиаотряда Дальстроя. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР медалью «За трудовую доблесть» награждены пилоты А. И. Слюсаренко и А. Н. Старов, медалью «За трудовое отличие» – бортмеханики В. Н. Бордовский и Ф. Н. Родионов. Значки «Отличнику-дальстроевцу» вручены начальнику аэропорта С. В. Шараповой, старшему инженеру А. Г. Казимирову, пилоту Г. Я. Кириллову, штурману Н. С. Ткаченко, бортмеханику А. Н. Кузьмину, начальнику цеха К. П. Захваткину и токарю А. Д. Федорову. К концу Великой Отечественной войны был отмечен самоотверженный труд и других работников авиаотряда Дальстроя. В число удостоенных награждения орденом «Знак Почета» вошли пилоты Б. А. Краснокутский и А. С. Фастрицкий, а также командир авиаотряда Д. В. Фуфаев, сменивший в этой должности венгра-интернационалиста Ш. И. Шимица.

В годы войны как на самой Колыме, так и в той части Приморского края, где располагались несколько совхозов Дальстроя овощеводческого направления, были неблагоприятные метеорологические условия. В частности, в 1943 г. в общей сложности «совершенно погибло от заморозков и ливней 1517 га посевов, из них овощных 310 га», что составляло «свыше 1/5 всей посевной площади». В июле-августе 1944 г. произошла сильная засуха в Приморском крае, *«принявшая исключительно большие размеры и погубившая урожай зерновых и особенно овощных культур, наиболее чувствительных к недостатку влаги»*. Тогда же на Колыме, *«в конце июля и первой половине августа, т. е. спустя 40–45 дней после посева прошли заморозки, достигавшие в отдельных районах до -6, -8°C»*. Наряду с этим, к снижению урожая привело *«отсутствие инсектицидов для борьбы с капустной мухой»*.

В результате возникали трудности в снабжении сельскохозяйственной продукцией не только колымских районов, но и Магадана с его пригородами, которые в первую очередь зависели от поставок совхоза «Дукча». Несмотря на нехватку рабочих рук, это предприятие старалось увеличить производство овощей, мяса, молока, расширяло парниковое и тепличное хозяйство. Горожане в свою очередь помогали совхозу «Дукча», участвуя в сельскохозяйственных работах.

Например, в июле 1942 г. на полях и на молочной ферме совхоза работали 48 женщин-домохозяек, 100 учащихся Магаданской средней школы, 10 учителей. В августе 1943 г. на срочные прополочные работы туда же было направлено 12 работниц Колымснаба: Х. П. Аверина, К. А. Бачаева, П. И. Бельсанова, Е. Г. Вакуленко, С. М. Изотова, Н. Г. Копылова, Е. Е. Красуля, К. Ф. Лукьянова, З. П. Пермякова, С. А. Слонова, А. И. Соколова, П. Н. Срезникова. Другие работницы заготавливали для совхоза «Дукча» веточный корм и ягель. Ягель сушили «до воздушного состояния», затем превращали в муку и, добавив дробленый овес и отруби, выпекали как хлеб.

Из-за трудностей с завозом продовольствия на Колыму магаданцы приняли меры для развития личного и общественного огородничества. В 1941 г. в Магадане было 700 огородников, которые обрабатывали под посевы площадь 16,2 га. На следующий год их количество увеличилось до 1120, а площадь под посевы до 22 га. В 1943 г. огородничеством занималось более 2100 чел., а площадь под посевы достигала 34 га, в 1944 г. – соответственно до 2880 человек и 46 га.

На отчетной выставке колымских огородников, состоявшейся в октябре 1944 г. в Магадане, были представлены урожаи и экземпляры овощей, весьма примечательные даже для центральных районов страны. Так, одна горожанка, посадив 11 кг картофеля на площади 30 м², собрала 200 кг. Другая горожанка, посадив 25 кг клубней на площади 200 м², собрала 750 кг, т. е. в 30 раз больше, чем посадила. Подобных достижений было немало, и главное, что они в лихое время помогали горожанам решать проблемы снабжения сельскохозяйственной продукцией, урожаем которой, правда, и в личном хозяйстве зависел от климатических условий.

Целям улучшения децентрализованного обеспечения магаданцев продуктами питания, сыграла и система дальнейшей организации подсобных хозяйств. Выступивший на 2-м пленуме Магаданского горкома ВКП(б) секретарь горкома В. Г. Ларин сообщил 14 мая 1942 г., что в городе уже работает 18 подсобных хозяйств. В основном это животноводческие и главным образом свиноводческие хозяйства. На 1 мая 1942 г. свиноголовье в них составляло 3603 против 1525 гол. на 1 мая 1941 г. За апрель 1942 г. подсобные хозяйства города дали 645,5 ц мяса, 12 200 шт. яиц, 14 ц ранней зелени из парников и теплиц. Среди них выделялись те, что были организованы при горпищепроме Гостреста «Колымснаб», при Управлении Севвостлага и на других предприятиях Магадана, частично связанных (поставкой молодняка) с деятельностью свиновхоза № 1, функционирующего в районе 23-го км Колымской трассы.

В 1941 г. упомянутое хозяйство выполнило план выпуска валовой продукции на 103% и дало экономии государственных средств 124 000 руб. В 1942 г. свиновосхоз № 1 довел приплод поросят до 145%. За высокие производственные показатели и умелое руководство хозяйством его директор И. Д. Голод был награжден медалью «За трудовое отличие», а старший зоотехник Н. Я. Райский – значком «Отличнику-дальстроявцу». *«В целом совхоз работает неплохо, – отмечалось в протоколе совещания его коллектива от 19 января 1945 г. – Об этом говорят общие результаты, а именно: 1) полученная экономия 300 тыс. рублей; 2) выполнение плана по товарной продукции; 3) снижение себестоимости основной продукции мяса на 12% против плана и в два раза против прошлого года»* [ГАМО, ф.р-107, оп. 1, д. 9, л. 1].

В военные годы повысилась роль Усть-Магаданского рыбпромхоза, значение продукции которого для горожан действительно выросло. Так, в течение 1941 г. он (из-за погодных условий) не выполнил полностью план по вылову рыбы, но при этом выпустил только за II полугодие 1478 ц копченостей, 1495 ц рыбной колбасы, 3649 ц маринадов и 688 ц консервов. Одновременно рыбпромхоз освоил выпуск 16 новых видов продукции, из которых в продажу поступило 13. Основными из них являлись: «килька, сельдь мелкая в банках», «сельдь филе ломтиками в маринаде», «сельдь тушка в горчичном соусе», «жареная сельдь», «жареная лососевая», форшмак.

В справке, составленной по итогам 1941 г., отмечалось: *«Участие рабочих Усть-Магаданского промхоза для фронта выражалось в следующем. Вынесено было решение два дня в неделю работать по два часа сверхурочно в фонд обороны. Всего было отработано по два часа 12 дней. Кроме того, проведено 9 воскресников с охватом 1750 человек, за которые выработано копченостей 53 ц, колбасы 118 ц, маринадов 96 ц = 19 200 баночек... Рационализаторским предложением было одно – рабочего Рябова по применению деревянного жернова для размола специй, что дало экономию по сравнению с применявшимся ранее размолем свыше 2 тысяч рублей и подняло производительность в три раза... В связи с ликвидацией лагеря и переходом на в/н состав общежития отремонтированы и оборудованы необходимым инвентарем. Однако в общежитиях общий недостаток: мало табуреток, тумбочек и требуется ремонт общежитий и устранение отдельных мелких неисправностей...»* [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 106].

Приказом № 618 по ДС от 29 августа 1944 г. и приказом начальника УРПХ ДС от 2 сентября 1944 г. Усть-Магаданский промхоз был реорганизован в Усть-Магаданский рыбзавод. В состав нового предприятия вошли засольный, маринадный, копильный, колбасно-жиротопный и бондарный цехи, склад готовой продукции. В течение 1944 г. (учитывая деятельность рыбпромхоза) оно выполнило план вылова рыбы (на промыслах Усть-Магадан, Марчекан и т. д.) более чем на 105%, выпуск рыбных колбас – на 136%, маринадов – на 180%. Магаданцы получили несколько десятков тысяч центнеров соленой и копченой рыбы, корейки, рулетов.

Весной 1944 г. в очень сжатые сроки и без особой предварительной подготовки (на базе помещений хлебозавода 4-го км основной трассы, построенного стройконторой УСВИТЛа осенью 1941 г.) в системе Колымснаба была организована макаронная фабрика. Организацию проводил горпищепром. Его начальник М. С. Комарова рассказывала: *«Было отпущено 10 000 тыс. рублей и дано разрешение занять под фабрику пустующее помещение Магаданского хлебозавода № 2. И территория завода, и внутреннее состояние помещения, и оборудование – все требовало большого приложения сил. Коллектив работников Горпищепрома взялся за дело... Со двора вывезли до 250 кубометров разного мусора... почти полностью восстановили котельную, склад... Однако наибольшие трудности пришлось преодолеть, восстанавливая оборудование... Только на очистке от ржавчины этого оборудования целый месяц проработали три человека. Основательно потрудились, проявив много смекалки и энергии, технолог Балашев и механик Теминский. Пользуясь книгами, справочниками, порой случайной консультацией, они восстановили в чертежах недостающие детали, которые затем изготовил авторемонтный завод».*

Привлеченные специалисты и заключенные-рабочие также очень быстро освоили ряд производств, продукция которых стала поступать в городские магазины. В отчете Колымснаба за 1944 г. отмечалось: *«Макаронная фабрика в Магадане освоила выпуск макарон и вермишели и изготовила в отчетном году 71 тонну. Там же организован выпуск плодового вина и морса, которых изготовлено на 2891,0 тыс. рублей. Выпуска продукции макаронной фабрики в 1944 г. планом предусмотрено не было»* [ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 18, л. 18].

25 апреля 1945 г. был создан Магаданский пищевой комбинат. Его производство разместили в помещениях макаронной фабрики, организовав, кроме цеха по выпуску макарон, еще цехи пищевых концентратов, варенье-джемовый, винно-морсовый и рафинированного масла. В течение 1945 г. они выпускали около 200 т различной продукции, в том числе и 29 т незапланированного (но необходимого) хозяйственного масла.

До организации макаронной фабрики (а затем и пищекомбината) в состав горпищепрома гостреста «Колымснаб» уже входили Магаданский хлебозавод, пивзавод, колбасная мастерская (фабрика) и крупное подсобное хозяйство. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что они сделали довольно много в военное время для ликвидации дефицита в снабжении магаданцев. Так, например, только за три военных года пивзавод выпустил 1 млн 600 тыс. л пива, а колбасная фабрика за один 1944 г. – 15,5 т колбасных изделий и копченостей, 175,6 т изделий из рыбы.

Данная продукция доходила до горожан через сеть магазинов и ларьков Магаданторга. К концу 1941 г. их количество составляло в общей сложности 40. Сюда входили: общегородские магазины и ларьки – 10, обслуживающие отдельные предприятия и учреждения – 13, обслуживающие воинские части и ВОХР – 17. К предприятиям и учреждениям, имевшим магазины и ларьки, относились: УРПХ ДС, завод № 2, совхоз «Дукча», авиаотряд ДС, АРЗ, автобаза № 6, УСВИТЛ, УРКМ УНКВД по ДС, Сануправление ДС, промкомбинат (два магазина), свиносовхоз № 1, Управление связи ДС. Справедливо-сти ради отметим, что их состояние в то время не особенно благоприятствовало торговле, так как было «в большинстве... неудовлетворительное» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 54]. Помещения магазинов и ларьков были холодными, мало благоустроенными, без достаточного количества стеллажей и полок. Однако это в конечном итоге не мешало осуществлению торговли, так как главным в военное время являлось все-таки наличие необходимых продуктов, которое тогда особо учитывалось и распределялось.

Действительно, несмотря на развитие как старых, так и новых производств, их успехи и достижения в снабжении горожан, в Магадане для решения продовольственной проблемы во время Великой Отечественной войны была введена строгая экономия продуктов питания, постоянно исходившая из учета их наличия. «Приемка, хранение и отправка прибывших из Владивостока в Нагаево грузов» производились через продовольственно-фуражную контору Колымснаба [ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 66 л. 3]. Она же занималась их распределением.

В навигацию 1942 г. в бух. Нагаева вместо запланированных 86 007 т продовольствия было завезено 77 313 т, из них 47 000 т импортные. Учитывая недозавоз 10%, Колымснаб дифференцировано применил карточную систему, т. е. простое лимитированное распределение продуктов питания с минимальным их расходом в зависимости от работающих в разных отраслях производства. По введенным с 1 декабря 1942 г. нормам дневная норма хлеба рабочего составляла 600–700 г; были введены и месячные нормы выдачи сахара – 500–900 г, чая – 50–100 г, соли – 700 г. Другими распоряжениями Колымснаба устанавливалось лимитированное потребление свежей, соленой, копченой рыбы и маринованной сельди. В связи с этим одному работающему выдавались 300 г икры, 500 г рыбной колбасы, одна банка каких-либо консервов.

Лимитирование продуктов наблюдалось во всем, даже во время их отпуска на донорских пунктах «в день дачи крови» [Там же. Д. 11, л. 110]. При этом устанавливались следующие дневные нормы, г: мяса-рыбы – 150, масла сливочного – 30, молока – 200, сахара – 30, муки пшеничной – 10, муки картофельной – 10, крупы и макарон – 40, хлеба – 400, чая – 0,3, какао – 2, картофеля – 200, капусты – 100, моркови – 50, лука – 20, свеклы – 30, сухих продуктов – 20, брюквы – 100. Натуральное молоко, сухие и свежие фрукты выдавались в зависимости от их наличия.

Введение карточной системы внесло изменения и в работу городских предприятий общественного питания. Теперь каждого рабочего или служащего прикрепляли к какой-либо определенной столовой, где он сдавал часть своих карточных талонов. Согласно этим талонам и количеству прикрепленных работники общественного питания готовили обеды из нормированных продуктов. Дополнительно к этому они добавляли часть производимого в подсобных хозяйствах или собранных во время заготовок даров природы.

Вместе с этим магаданские рестораны и фабрика-кухня оставались общедоступными заведениями, а за ударный труд часть работников предприятий и учреждений могла получить дополнительное питание. Так, сохранился перечень «Улучшенные блюда для стахановцев, двухсотников и трехсотников, рекомендуемые к приготовлению из продуктов подсобных хозяйств», относящийся к 6 июня 1943 г. В состав блюд входили: гуляш из мяса («выход 122 г»), свинина жареная (58 г), свинина отварная (51 г), бефстроганов (122 г), котлеты мясные рубленые (98 г), картофельная запеканка с овощами (280 г), голубцы овощные (268 г), запеканка капустная (237 г).

Для борьбы с заболеваниями и их предупреждения продолжалась заготовка стланика, настой которого выдавался в качестве противочинготного средства во всех городских и школьных столовых города. На лагерных командировках даже выделялось несколько человек для заготовки сырья. В инструкции по изготовлению настоя указывалось, что исходным продуктом служат уже обмытые и мелко порезанные иглы стланика, заливаемые водой, с расчетом на 40 кг игл стланика 600 л воды и настаиваемые в течение 18 ч, после чего настой был готов к употреблению и принимался в первый день по трети стакана, на второй день – по полстакана.

Указанное противочинготное средство было не единственным, которое магаданцы использовали в годы Великой Отечественной войны. В бух. Нагаева в большом количестве имелась морская капуста, в состав которой входит до 60% углеводов, 11% белков, 1% жиров, а по содержанию витаминов она совсем немного уступает стланнику. Специалисты установили, что морская капуста также содержит соли и лекарственные вещества, которые значительно повышают сопротивление организма различного рода заболеваниям, и способствует излечению от некоторых болезней.

В результате рекомендаций специалистов у горожан появилась возможность готовить самые разнообразные блюда, а также капустную муку, не уступающую по питательности пшеничной и овсяной. «Способ приготовления муки очень простой. Капусту следует тщательно промыть, хорошо просушить до

крошения, затем потолочь или перемолоть. После этого ее можно применять в пищу. В приготовленном виде капуста дает привкус говяжьей печени или жареных грибов».

Последствия Великой Отечественной войны, выразившиеся в сокращении или прекращении тесных связей с «материком», направили инициативу магаданцев на создание собственной химико-фармацевтической базы, в котором приняли участие заключенные-специалисты Санитарного управления ДС. Для этого в феврале 1943 г. была организована специальная лаборатория. В течение первых 5 мес своей деятельности она освоила производство хлористого кальция, глауберовой соли, сульфидина, сернокислого бария, нашатырного спирта. Особо важным достижением лаборатории Сануправления ДС стал синтез витамина PP – активнейшего средства в борьбе с одним из видов авитаминоза, мощного стимулятора сердечно-сосудистой и дыхательной систем.

Исходным сырьем для большинства химико-фармацевтических препаратов послужили отходы ряда колымских производств. Дальнейшие эксперименты проводились с продуктами коксования аркагалинских углей, с тасканским гипсом, магнезиальными солями прииска «Верхний Ат-Урях» и т. д. После опытов из торфа было получено такое дезинфицирующее средство, как лизол. В газете «Советская Колыма» 25 апреля 1943 г. появилась информация, в которой указывалось: *«Свиные желудки, остающиеся после убоя свинопоголовья, могут быть использованы для получения ценного лекарственного препарата – гастрокрина. Обработка свиных желудков по методике Института экспериментальной эндокринологии заключается в их очистке, измельчении, сушке, обжаривании и превращении в порошок. Препарат применяется при желудочных заболеваниях. На днях производственно-фармацевтическая лаборатория Сануправления выпустила первую партию гастрокрина, изготовленного из сырья свиновосхоза 23-го километра».*

Для «обеспечения животноводства необходимыми биопрепаратами» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 82, л. 63] шло «на месте» производство формолвакцины против рожи свиней и паратифа телят, сыворотки против паратифа телят, бруцеллезного и пуллерного антигена, лабораторной диагностической сыворотки. Заведующий производственной химической лабораторией Сануправления ДС, бывший репрессированный А. М. Симорин в июле 1944 г. «ввиду срочной необходимости приготовления средств для уничтожения мух» получил задание «немедленно приступить к производству липкой бумаги и мушкетеров для обеспечения ими г. Магадана и трассы» [ГАМО, ф.р-45, оп. 1, д. 1, л. 128].

В военное время в Магадане и для Магадана осваивался и изготавливался самый широкий ассортимент препаратов, изделий и т. д. Например, Ягоднинская витаминная фабрика производила дубильный экстракт для кожзавода, а ореховое масло (из шишек стланика) для горожан. Мастерские Маглага использовали бумажные отходы и макулатуру для изготовления тетрадей и пакетов.

Заключенный М. И. Сапожников в пробных выпечках хлеба, не нарушая качества продукции, добился существенного увеличения припека, что в условиях дефицита имело важное значение. В приказе № 7 по Колымснабу от 16 января 1943 г. сказано: *«Бывшему пекарю ОЛП местпрома, работающему в настоящее время на хлебозаводе, з/к Сапожникову М. И., доказавшему реальность выпечки хлеба хорошего качества с увеличенным припеком, и за проявленную инициативу объявить благодарность и возбудить ходатайство перед начальником Дальстроя, комиссаром госбезопасности III ранга т. Никишовым о досрочном его освобождении»* [ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 10, л. 12].

Из-за отсутствия достаточного количества репродукторов их изготовление было поручено рационализаторам Управления связи Дальстроя, творческая инициатива которых привела к созданию четырех моделей. Наиболее оптимальной была признана та, что разработали сотрудники радиоотдела Управления связи. Себестоимость репродукторов оказалась немалой – 49 руб. 22 коп., но это не помешало начать их выпуск.

Налаживая производство на местах, разрабатывая местные сырьевые ресурсы, магаданцы также занимались сбором дикорастущих ягод, грибов, шишек, заготовкой рыбы, дичи, боровой и водоплавающей птицы. На предприятиях и в учреждениях организовывали специальные бригады, которые сдавали такую продукцию в приемные пункты Колымснаба.

«В прошлый выходной день, – писала газета «Советская Колыма» 20 сентября 1941 г., – все рыбаки промысла “Марчекан” вышли на воскресник. Было дано задание – собрать 150 кг кедровых шишек. Собрали 250 кг. Несмотря на преклонный возраст, Никифоров, Савченко, Суханов не отстали от молодых. Они собрали по 20 и более килограмм. Все собранные шишки участники воскресника сдали на приемный пункт, а деньги перевели на приобретение теплой одежды для бойцов Красной Армии».

Собранные магаданцами дикорастущие ягоды, призванные ликвидировать острую нехватку витаминов, сначала поставлялись на Ягоднинскую витаминную фабрику, а затем на Магаданский пищекомбинат, где перерабатывались. В ассортименте этих предприятий были экстракт шиповника с сахаром, брусничный экстракт, витаминизированные сухой кисель, джемы, вина, морсы.

Чтобы заинтересовать собирающих так называемые дары природы в Колымснабе разработали «Инструкцию о порядке отоваривания дикорастущих и учете промтоварных и продовольственных фондов для отоваривания сдатчиков», утвержденную управляющим Г. Я. Комаровым. Исходя из этого документа, им выдавались «следующие пром. и прод. товары» [Там же. Д. 16, л. 139]: чулки дамские и детские, носки мужские, шарфы хлопчатобумажные, трусы и майки, перчатки, лезвия для бритвы, табак, джем, сухой кисель, варенье.

Кроме сбора даров природы получил развитие в военное время и сбор даров моря. Назначением его (кроме упомянутого сбора морской капусты) являлось не столько дополнительное обеспечение человека какими-то продуктами питания или их заменителями, сколько оказание помощи пригородным хозяйствам. Так, в рубрике «В помощь полеводам» газета «Советская Колыма» опубликовала 31 марта 1942 г. следующее: *«Расширение кормовой базы для животноводства за счет использования местных ресурсов в условиях военного времени приобретает исключительное значение. Хозяйства Колымы ежегодно в состоянии заготавливать тысячи тонн местных кормов и откармливать сотни голов животных. В этом отношении особую ценность представляют морские животные и растения... Во время прибоев и штормов морские звезды в больших количествах выбрасываются на берег. По имеющимся научным данным, мука из морских звезд содержит воды – 12,7%, белка – 31,6%, жира – 6,9%, углекислых солей – 44,9% и 3,9% песка. Мука из морских звезд представляет богатый белками корм для свиней и птицы... Хозяйствам, расположенным на побережье, необходимо организовать сбор морских звезд. Это мероприятие позволит сэкономить значительное количество завозных кормов».*

Эти рекомендации напрямую относились к хозяйственной деятельности совхоза «Дукча» и свиносовхоза № 1 ДС, так же как использование на них точных весов. Ремонт и даже изготовлением такой техники в военное время стала заниматься механическая мастерская Колымснаба. В короткое время при ней была организована передвижная бригада. Механическая мастерская Колымснаба изготовила и запустила в производство первые 10-килограммовые весы-безмен марки ДС с точностью до 2 г. Затем она даже стала ремонтировать манометры и пишущие машинки.

Работа и жизнь магаданцев во время Великой Отечественной войны проходила в обстановке строжайшего соблюдения пограничного режима. На это были направлены все мероприятия, проводимые в то время органами Управления милиции по ДС. Нарушителей паспортного и пограничного режимов арестовывали, привлекали к уголовной ответственности, штрафовали, высылали из города, судили.

Подводя итоги этой деятельности в середине 1942 г., заместитель начальника УНКВД по ДС, начальник Управления милиции по ДС капитан милиции И. В. Логинов отмечал: *«Приказом НКВД Союза ССР от 30.12.1939 года № 1554с на органы милиции возложена обязанность проведения в жизнь правил въезда и временного проживания в запретных зонах и пограничной полосе Союза ССР. Однако условия Колымы с ее специфичностью потребовали некоторого отступления от этих правил, санкционированные запиской по прямому проводу тов. Берия от 27 февраля 1939 г., в которой он приказывает: "Разрешить пропуску бывших заключенных, освобожденных из лагерей (за исключением по ст. ст. 58-1, 58-6 УК РСФСР, измена родине и шпионаж) следующих категорий работников: инженеров и техников, экономистов, врачей, административно-технических работников и высококвалифицированных рабочих". В настоящее время в Магадане, да и в других местах побережья Охотского моря, проживают, работая и не работая, тысячи людей, вопреки указанным выше положениям... В результате только за пять месяцев 1942 г. было задержано и подвергнуто приводу до 1500 нарушителей паспортного и пограничного режима. Удалено из города Магадана 542 человека, оштрафовано 145 человек, арестовано и привлечено к уголовной ответственности 120 человек. Выявлено беглецов свыше 20-ти человек... В конце прошлого года беглец Цурбалева организовал бандгруппировку в количестве 4-х человек, которая нами была ликвидирована при попытке вооруженного нападения с целью ограбления кассы с убийством сторожа ОКС Колымснаба, в которой в то время находилось 133 000 рублей денег. В мае месяце т/з бежавший из лагеря вор Директорчук по прописанному паспорту устроился домработником к инженеру УНТП, причем буквально в несколько дней сумел войти в такое доверие в этой семье, что принимался за своего человека, готовил обеды, приготавливал ванны и даже делал массаж супруге Шевко. В апреле месяце с/года специально проведенной операцией днем в течение 2–3-х часов было собрано до 3-х десятков заключенных, подвизавшихся у столовых, магазинов, горкино-театров и т. д. Ежедневно по несколько человек задерживали заключенных списочного учета Магаданлага, болтающихся по городу как с пропусками, так и без пропусков. Этим частично и объясняются дневные кражи у жителей г. Магадана, да и в других поселках Колымы. 27 апреля был задержан с личным после совершения кражи з/к Хамин, несколько раз судимый, состоит на списочном составе городского ОЛПА. 16 мая з/к Сапожков, ОЛП ГКО, был задержан после совершения кражи. 31 мая з/к Левин, ОЛП ГКО был задержан при попытке совершения квартирной кражи... Огромные мероприятия оперативного порядка, проводимые органами НКВД, не получают должного эффекта и зачастую приводят к обратным результатам – нарушению революционной законности. С 29.5. по 3.6. т/з проведенной операцией было подвергнуто приводу в милицию 376 человек нарушителей, из них только половину можно было направить в отдел кадров ГУС ДС, а остальные после проверки были освобождены. Это инвалиды, посещающие лечебные учреждения, оформляющиеся для выезда на "материк" и т. д. Выходит, что половина была задержана незаконно...»*

Таким образом, органы УРКМ (УМ) по ДС не могли полностью справиться с соблюдением в Магадане и его пригородных районах пограничного режима, действие которого диктовалось военной обстановкой, а нарушение объяснялось так называемой спецификой Колымы, т. е. наличием заключенных и бывших заключенных. Желая все-таки ограничить нарушения, руководство Дальстроя издало в ноябре 1942 г. приказ, в котором было сказано: *«запретить направлять в Магадан бывших заключенных*

под какими бы то ни было предложениями (по инвалидности, втэковским ли справкам или по каким-либо другим мотивам) без разрешения или указания на это отделов кадров Дальстроя» и «независимо от их физического состояния использовать на работах в тех предприятиях, где они находятся в настоящее время» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 90, л. 140].

Данный приказ не распространялся на вольнонаемных работников Дальстроя. Их передвижение по Колыме являлось более свободным, так же как и проезд в Магадан. Однако потом были введены дополнительные ограничения, регламентированные приказом № 015 по ДС от 13 марта 1944 г. «Об изменении правил въезда, перемещения и проживания в пограничной полосе, расположенной в районе деятельности Дальстроя». Теперь этим «правом... для всех инженерно-технических работников, служащих и рабочих Дальстроя, направляемых на работу в предприятия и организации Дальстроя, расположенные в пограничной полосе на территории Ольского, Северо-Эвенского и Чаун-Чукотского районов», стала являться путевка отдела кадров Главного Управления Дальстроя или командировочное удостоверение, выданное управлениями Дальстроя [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 183, л. 27].

Чтобы доукомплектовать органы милиции ДС, были направлены новые сотрудники из различных предприятий и учреждений Магадана: вахтеры авиаотряда ДС В. П. Гаврюшин и А. И. Иванов, слесарь ГКО ДС С. Я. Цуканов, сторожа Магаданторга С. Н. Нуркаев и Ф. А. Стулов, рабочие контор и стройучастка Колымснаба С. Ф. Антухин, М. Е. Завгородный, И. С. Пиня и С. А. Семенов.

Пополнение рядов магаданской милиции (которое по вполне понятным причинам могло быть лишь частичным) в военное время обуславливалось не только принятием мер к нарушителям паспортного и пограничного режимов или какими-либо перестановками кадрового состава, но и в еще большей степени усилением борьбы с уголовными преступлениями. Чрезмерное увеличение преступности, допущение бандитских проявлений могли серьезно осложнить жизнь тылового города, где постоянно муссировались слухи о возможном нападении империалистической Японии.

В докладе о состоянии борьбы с уголовными преступлениями в Магадане, подготовленном для ГК ВКП(б) 20 марта 1944 г. было сказано: «В условиях Отечественной войны уголовные элементы активизировались, а преступность значительно видоизменилась. Военные успехи нашего государства потребовали строжайшего порядка и дисциплины в тылу. В связи с этим значительно усложнились задачи милиции. Засоренность уголовно-преступным элементом населения и предприятий Дальстроя огромна, а г. Магадан является одним из самых пораженных преступностью мест уже только потому, что размещает в себе наибольшее количество лиц, освободившихся из лагерей. Наличие Магаданского лагеря, лечебных учреждений, производство оформления на “материк”, концентрация призванных в Красную Армию быв. заключенных и даже умеренный климат оказывают влияние в тяготении уголовников в данный район. Наиболее распространенными видами уголовных проявлений в городе Магадане являются: хищения, злоупотребление с продкарточками, спекуляция, обмеривание и обвешивание потребителей в торговых точках и кражи. Обычно при анализе работы органов милиции принято отмечать рост или снижение уголовной преступности, и здесь надо сказать, что по сравнению с довоенным периодом уголовная преступность намного сократилась. Если в 1940 г. вооруженные грабежи насчитывались десятками проявлений, то в 1943–1944 гг. зарегистрированы единичные случаи. То же и в отношении краж, их проявление снизилось на 60%, а хулиганство – 70%... За истекший 1943 год и 2 месяца 1944 года аппаратом Упр. милиции только по городу возбуждено уголовных дел – 832... Из характерных дел, вскрытых органами милиции, можно привести следующие. В конторе технического снабжения гостреста “Колымснаб” систематически расхищалось растительное масло... Вслед за этим была вскрыта и арестована группа хищников в колич. 6 человек, которая расхитила 2 бочки масла и кроме того похищала путем выноса в специальной банке емкостью 3 литра и в огнетушителе “Богатырь”... Через небольшой промежуток времени в этой же конторе зарождается новая хищническая группа..., все были арестованы и осуждены. Казалось бы, администрации конторы и парторганизации Колымснаба следовало немедленно закрыть все дыры и щели и предотвратить возможность хищений, однако буквально через месяц милицией арестовывается грузчик склада № 2 Зайцев за хищение бочки растит. масла весом 200 кл. *, которое он реализовал среди жителей города через ассенизатора ГКО Сухоставского, приходившего ежедневно к зоне склада для приема похищенного. До ареста они успели реализовать 103 кл., а 97 кл. изъято. Зайцев и Сухоставский осуждены Воен. Трибуналом... В 1943 году Упр. милиции на территории АРЗа вскрыта подпольная типография, изготавливающая табачные талоны. З/к Могилин – эл. монтер мехцеха № 2 – систематически занимался фабрикацией табачных карточек посредством гектографии через целлулоид. Для быстрейшего сбыта и конспирации вовлек в преступную связь з/к Колесникова, а последний через вольнонаемного Перевезенцева сбывал их рабочим АРЗа за хлеб и по 20–30 р. ... В 1943 году органами милиции только в городе Магадане задержано 184 дезертира, а за 2 с половиной месяца 1944 г. задержано 96 дезертиров. Дезертиры производства, бросая работу, как правило, переходят на нелегальное положение и занимаются разного рода преступлениями. Их надо рассматривать как наиболее опасных уголовных преступников, способных на бандитско-грабительские формирования... Борьба с дезертирством была бы эффективней, и это играло бы значительную роль в сни-

*В данном случае имеется в виду кг – килограмм.

жении уголовной преступности, если бы отделы кадров своевременно оформляли материалы на дезертиров и своевременно передавали их соответствующим военным прокурорам. Последние, в свою очередь, также объявляют в розыск дезертиров с большим опозданием или вовсе не объявляют. Например, из всего количества 184-х задержанных дезертиров в 1943 году было объявлено в розыске в/прокурором только 14 человек, тогда как дезертировали они от 10 дн. до 5 месяцев. В 1944 г. из всех задержанных дезертиров 96 чел. было объявлено в розыске только 6 ч. В практике работы быв. военного прокурора Липатова коренился бюрократизм и волокита, граничащая с нарушением рев. законности. Задерживаемые дезертиры до 45 дней содержались под стражей в КПЗ упр. милиции от 40 до 50 человек, когда лимит этого КПЗ составляет 8 мест... Только с приездом полковника Дмитриева положение резко изменилось. Однако успех борьбы с дезертирством требует быстрейшего розыска, задержания их, чего мы до сего времени не добились... Не обойти молчанием слабости лагерного режима..., что органами милиции задержано заключенных в городе 291, из них за кражи – 69. Однако это далеко не так. Если бы повседневно занимались задержанием заключенных, то эта цифра перескочила бы далеко за 1000. Некоторые милиционеры прямо говорят: “Надоело их задерживать, все одни и те же”. И это правда. Привлеченные и осужденные опасные уг. преступники оставляются почему-то в Магаданском лагере и используются на бесконвойных работах в городе. Они продолжают заниматься преступлениями в более законсервированной форме, учитывая свои ошибки, на которых они попались, и используя свои связи более осмотрительно. Возьмем к примеру того же з/к Самсона, который судим 5 раз, из них здесь уже 3 раза, имеет срок 40 лет. Он совершил побег и кражу в столе заказов магазина № 3, и 15 марта опять обнаружен в городе, заглядывал в окна квартир... В 1943 году Упр. милиции был поставлен вопрос перед командованием СВИТЛ об отправке в забой 60 с лишним опасных преступников, однако предложение осталось без внимания...»

Приведенные в документе данные требуют детализации и расшифровки. Так, из 936 чел., привлеченных по 832 уголовным делам (за 1943 и 2 мес 1944 г.), 604 являлись рабочими, 10 – служащими, 306 – БОЗ (без определенных занятий), 16 – беглецами. Двое из их состава были членами ВКП(б), 12 – членами ВЛКСМ. Также за это время ряд задержанных привлекли в административном порядке: к принудительным работам – 510 чел. (в общей сложности на 15 300 дней), к штрафу – 402 (на сумму 40 000 руб.). К весне 1944 г. основную категорию преступников в Магадане составляли деклассированные элементы и дезертиры производства: 50% – дезертиры производства, 30 – заключенные, 20 – местные уголовники, работающие на производстве. Такое соотношение в основном не изменилось до конца Великой Отечественной войны. Питательной средой для уголовной преступности оставались заключенные и освобожденные из Севвостлага и Маглага.

По недавно выявленным данным, из Севвостлага в течение 1941–1945 гг. были освобождены 131 915 заключенных, из них: в 1941 г. – 27 461 чел., в 1942 г. – 34 609, в 1943 г. – 26 958, в 1944 г. – 11 531, в 1945 г. – 31 356. Через бух. Нагаева тогда же выехали на «материк» 22 880 освобожденных из лагерей, в том числе: в 1941 г. – 8924 чел., в 1942 г. – 2088, в 1943 г. – 1040, в 1944 г. – 1356, в 1945 г. – 9472.

С началом Великой Отечественной войны (исключение составил 1941 г.) завоз заключенных в Севвостлаг был временно прекращен. Возобновился он только с 1944 г. Тогда в бух. Нагаева были завезены 19 165 заключенных, из них 9475 женщин. На следующий год состоялся завоз, в течение которого в Севвостлаг этапировали 15 886 чел., в том числе 5192 каторжников. В то же время были завезены 29 036 чел. спецконтингентов и 3998 военнопленных японской армии.

В период Великой Отечественной войны неоднократно менялись руководство и структура Маглага; получили дальнейшее функциональное развитие его подразделения, значительно увеличилось применение физического труда заключенных, их вклад в выполнение задач, стоящих перед Дальстроем. Тем более, что состав его тогда являлся интернациональным, так как 29 июля 1941 г. в бух. Нагаева на пароходе «Джурма» были завезены (правда, ненадолго) репрессированные поляки.

В середине сентября 1941 г. первого начальника Управления Маглага Я. М. Резникова сменил С. Е. Шеин, но 24 ноября того же года он уступил свою должность К. Е. Давыдову. На смену ему пришла А. Р. Гридасова, уже имевшая опыт лагерной работы. В должности начальника Управления Маглага она находилась с мая 1943 по декабрь 1948 г., была награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За трудовую доблесть», «За победу над Японией», значком «Отличнику-дальстроевцу». Уволена в звании старшего лейтенанта госбезопасности.

5 февраля 1942 г. в связи с завершением возведения лагерных построек (включая задание хлебо-завода № 2, где затем разместилась макаронная фабрика) был ликвидирован ОЛП УКС ДС «с передачей в городской ОЛП Управления Маглага», а из числа занятой оргсилы на производственных объектах УКС ДС организована «колонна по строительству, полностью закрепленная за объектом УКС ДС» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 84, л. 162].

3 апреля 1942 г. И. Ф. Никишов подписал приказ № 173 «О мероприятиях для повышения производительности труда заключенных», в котором начальникам лагерей, совместно с производственной администрацией, велел в декадный срок пересмотреть состав бригадиров и десятников, снять с этих должностей заключенных, не справляющихся с поставленными перед ними задачами, заменить их более способными людьми из числа двухсотников, отличников производства, работающих стахановскими методами труда.

Для заключенных, работающих стахановскими методами труда и выполняющих производственные нормы на 120% и выше, устанавливалось звание «Отличник производства». Заключенным, получившим такое звание, выдавались специальные книжки «отличников» за подписями начальника управления и начальника лагеря. Начальники ОЛПов должны были заносить в эти книжки все сведения о выполнении заключенными производственных норм, о производственных достижениях, поведении в быту, поощрениях и взысканиях, а начальники управлений и начальники управлений лагерей к концу каждого квартала отбирать заключенных из числа «отличников производства», выполняющих нормы свыше 120% на протяжении года, и представлять на них персональные ходатайства на предмет сокращения срока наказания или досрочного освобождения из лагеря.

Действительно, еще в 1939 г. НКВД СССР выдвинул проект Указа «О лагерях НКВД», который 15 июня был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР. В нем говорилось: *«Отказаться от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов. Осужденный, отбывавший наказание в лагерях НКВД СССР, должен отбыть установленный судом срок полностью».*

Первоначально Указ от 15 июня 1939 г. действовал на территории деятельности Дальстроя, но затем по ходатайству его руководства ряд заключенных, отличников производства, за систематическое перевыполнение норм, высокие показатели труда и дисциплины получили право на досрочное освобождение. Данная практика была продолжена и в период Великой Отечественной войны. Это ставило Дальстрой в исключительные условия, так как (согласно материалам центральных архивов) условно-досрочное освобождение заключенных ГУЛАГа в то время было отменено.

Так, решением Особого Совещания при НКВД СССР от 10 октября 1942 г. были условно-досрочно освобождены 8 заключенных Маглага (в том числе художественный руководитель Центральной агитбригады Я. П. Танеев); решениями от 24 февраля и 2 октября 1943 г. условно-досрочно освобождены 11 заключенных (среди них пищик чурок на железной дороге Н. Е. Черкашин и литейщик железной дороги М. Ф. Дмитрик) и 45 сокращены сроки наказания; решениями от 11 марта, 15, 29 июля и 14 октября 1944 г. условно-досрочно освобождены 23 заключенных и 101 сокращены сроки наказания. Еще одним решением Особого Совещания НКВД СССР в 1944 г. из Маглага освободили 13 заключенных, уже отбывших срок наказания, но ранее задержанных до окончания войны.

В обстановке военного времени в Маглаге, как и во всем Севвостлаге, продолжалось проведение репрессивной политики по отношению к отказчикам от работы, к заключенным, проявившим антисоветские взгляды, к действительным или мнимым участникам подпольных организаций, к так называемым шпионам, диверсантам и т. д. В связи с этим в соответствии с постановлением Государственного Комитета обороны СССР № 38 от 6 июля 1941 г. существовавшие ранее прокуратура ДС и Севвостлага НКВД СССР и военная прокуратура войск НКВД Нагаевского гарнизона были объединены, вследствие чего на основании приказа прокурора СССР № 1074 от 10 июля 1941 г. была организована прокуратура войск НКВД при ДС.

18 августа 1941 г., согласно приказу НКВД СССР и НКЮ СССР № 008931/00292 от 17 июля 1941 г., был создан Военный трибунал войск НКВД СССР при ДС. На протяжении военных лет он занимался ускоренным рассмотрением дел, впрочем, так же, как и прокуратура. Исходя из указания военного прокурора войск НКВД Хабаровского погранокруга от 22 июня 1941 г., военный прокурор войск НКВД при ДС И. Ф. Липатов приказом № 66 от 22 июля 1941 г. обязал всех военных следователей производить расследование по всем делам, особенно контрреволюционным, в сроки, установленные законами военного времени, а всех помощников прокурора – рассматривать полученные дела в срок не более 3 дней: причем дела по государственным преступлениям (ст. 58 и 59 УК РСФСР) рассматривать и докладывать прокурору или его заместителям в день поступления или во всяком случае не позднее чем на следующий день после поступления.

С 1 по 12 сентября 1941 г. Военный трибунал войск НКВД при ДС рассмотрел в закрытом судебном заседании последнее дело «участников» «Колымской антисоветской шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации», которая теперь квалифицировалась как «контрреволюционная право-троцкистская группа». Оно велось с конца 1937 г., было полностью сфальсифицировано и стоило жизни нескольким тысячам заключенных Севвостлага и Дальстроя.

«На протяжении 1932–1937 гг., – говорилось в приговоре Военного трибунала войск НКВД при ДС, – в системе треста “Дальстрой” НКВД СССР существовала и действовала контрреволюционная право-троцкистская группа, ставившая своей целью свержение Советской власти и установление капиталистического строя в СССР и проводившая для достижения этой преступной цели вредительскую подрывную работу, направленную на ослабление экономической и оборонной мощи СССР, подготовку вооруженного восстания против Советской власти, шпионскую и пораженческую деятельность в пользу фашистских агрессоров. Главарем этой антисоветской группы являлся агент – участник контрреволюционного право-троцкистского блока Берзин..., орудовавший по прямым указаниям врагов народа Ягоды и Рудзутака... Направление вредительской деятельности отдельных участников группы осуществлялось непосредственно Берзиным и его ближайшими соучастниками. Одним из таких соучастников – подручных Берзина по вредительской право-троцкистской деятельности являлся привлекавшийся по настоящему делу в качестве обвиняемого Эштейн Лев Маркович, действовавший на должности помощника директора треста “Дальстрой” по экономической части... Помимо Эштейна,

а также и других, ранее осужденных Военной коллегией Верховного суда Союза ССР лиц, участниками право-троцкистской контрреволюционной группы, возглавлявшейся Берзиным, являлись обвиняемые по настоящему делу: Мусатов, Эйдлин, Дроздов, Раппопорт...».

Учитывая сказанное, Военный трибунал войск НКВД при ДС приговорил: П. А. Дроздова (бывшего заместителя главного бухгалтера Дальстроя) к 15 годам ИТЛ, Е. М. Раппопорта (бывшего начальника ЮГПУ ДС) к 10 годам ИТЛ, а А. В. Мусатова (бывшего начальника УГПС ДС) и М. А. Эйдлина (бывшего главного инженера СГПУ ДС) к расстрелу. Проходивший по данному делу Л. Я. Раскин (бывший начальник отдела снабжения ДС) был оправдан. В отношении А. В. Мусатова и М. А. Эйдлина приговор привели в исполнение 1 декабря 1941 г. Посмертно они были реабилитированы.

Проведение репрессий по отношению к «антисоветским», «контрреволюционным» элементам на территории деятельности Дальстроя и в его административном центре Магадане сочеталось с мобилизацией вольнонаемного населения и заключенных на повышение их социальной активности и вовлечение в патриотическое движение по созданию фонда обороны страны, которое являлось всенародным. Во главе этой многотрудной и сложной работы стояли городские партийные, комсомольские и профсоюзные организации.

«С первых дней войны, – отмечала секретарь ГК ВКП(б) В. И. Тырлик, – все партийные организации сделали крен в сторону усиления агитационно-массовой работы. Пересмотрели составы агитколлективов и увеличили число агитаторов. Если в мае месяце в городе было 417 агитаторов, то в настоящее время их было шестьсот человек. Всего в городе агитаторов 557 чел., из них: коммунистов – 295, комсомольцев – 80, беспартийных – 182 человека. Мало привлечено к агитационной работе комсомольцев. Из 1000 комсомольцев города только 80 работают агитаторами. Некоторые партийные организации намного увеличили количество агитаторов. Так, в промкомбинате на 1 июня 1941 года было 10 агитаторов, а на 1 января 1942 г. – 25 агитаторов, на АРЗе агитколлектив состоит из 40 чел., в Колымснабе было 9, теперь 13 агитаторов, в АГО увеличилось количество агитаторов с 8 до 15 человек и т. д. ...» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 136].

В системе Маглага агитационно-пропагандистскую работу проводили инструкторы политотдела Севвостлага и Политуправления Дальстроя. Такой подход объяснялся чрезвычайной важностью задачи, неоднородностью контингента заключенных и наличием антисоветских элементов.

До начала Великой Отечественной войны все профсоюзные организации Магадана входили в состав Колымского окружного комитета профсоюза. В какой-то мере это распыляло деятельность головной организации, и новая обстановка потребовала конкретизации ее деятельности непосредственно в районах горнопромышленных управлений Дальстроя. В связи с этим на заседании Колымского окружкома профсоюза 25 июля 1941 г. был решен вопрос об организации Магаданского городского комитета профсоюза. 1 августа состоялась 1-я городская профсоюзная конференция. С докладом о состоянии работы и задачах перестройки профсоюзных организаций выступил председатель окружкома профсоюза А. Г. Строганов. Только что созданный городской комитет профсоюза совместно с партийными, комсомольскими и хозяйственными организациями повел целенаправленную деятельность на повышение трудовой активности магаданцев и дальнейшее развитие социалистического соревнования. Основным девизом проводимой работы стало: «Все для фронта, все для победы!»

«На швейной фабрике, – сообщала газета «Советская Колыма» 11 ноября 1941 г., – пересматриваются нормы, уплотняется рабочий день, разрабатываются новые технологические процессы. Уже пересмотрено 240 норм. По некоторым видам производства нормы увеличены на 45%... На 118% выполнила план старший мастер кройночного цеха коммунистка Зинаида Павловна Копина».

Коммунисты и комсомольцы возглавляли социалистическое соревнование на многих предприятиях Магадана, выдвигали новые формы работы. В ходе этих мероприятий они укрепляли свои ряды и на место ушедших на фронт принимали наиболее достойных. С 1 июля по 30 декабря 1941 г. только городская комсомольская организация пополнилась 146 новыми членами, в число которых были приняты, чел.: из ВОХР – 128, из средней школы – 5, с курсов советско-колхозного строительства – 3, из ЦНИЛ – 2, из Управления связи ДС – 2, из Сануправления ДС – 2, из хлебозавода – 2, из конторы оборудования Колымснаба – 1, из Военного трибунала – 1. Ряды Магаданской городской партийной организации пополняли как беспартийные, так и лучшие комсомольцы.

В отчете о работе горкома ВЛКСМ за 1941 г. говорилось: «Комсомольские организации города... проделали немалую работу по оказанию практической помощи нашим городским предприятиям в деле выполнения государственных планов в 1941 г... Комсомольцы, работающие на основном производстве, являются передовиками производства. У нас имеется немало стахановцев периода Великой Отечественной войны – это 2-х сотники и 3-х сотники. Такие как т.т. Михеенкова и Иванова, электрообмотчицы АРЗа, систематически выполняющие свои нормы от 200 до 280%, секретарь комсомольской организации промкомбината т. Фролов, выполняющий нормы от 250 до 270%, комсомолец завода № 2 Красников, дающий 202%..., шофер транспортной конторы ГКО т. Шлык, систематически выполняющий план свыше 200%. Когда авторемонтный завод был в прорыве и дело с выполнением производственного плана 1941 года было под угрозой, комсомольская организация завода (секретарь т. Конюхов) в декабре организовала 7 бригад из числа комсомольцев и молодежи с общим охватом 4 чел., кото-

рые после своей основной работы ежедневно по 4–5 часов работали в цехах завода. Бригады т.т. Щеглова и Шепецкого дали в среднем 259–306%, в отдельные дни давали до 800% производительности... На выполнение плана 1941 года комитетом комсомола была мобилизована вся комсомольская организация. Комсомольцы работали, не считаясь со временем и с отдыхом. В итоге завод выполнил в 1941 г. план на 101,7%, по производительности труда – на 124,7%. Авторемонтному заводу активную помощь в выполнении плана оказывали комсомольцы других предприятий Магадана. После своей основной работы комсомольцы фронтовой бригады хлебозавода в количестве 4-х человек систематически помогают АРЗу. Комсомольцы Нагаево-Магаданского отряда ВОХР т.т. Буховецкий, Прядко, Елькин также систематически по вечерам работают в АРЗе. Немалую работу оказала комсомольская организация завода № 2 в выполнении плана за 1941 год, которая работала днем и ночью без выходных дней. Завод выполнил план на 101,2% с производительностью труда 111,3%. Практическая помощь нашим предприятиям города в выполнении плана, начавшаяся по инициативе комсомольской организации АРЗа, заслуживает максимального внимания, одобрения и поддержки как новая форма социальной помощи, народившаяся в дни Отечественной войны... Замечательные комсомольцы, отличники боевой и политической подготовки, отлично работающие и на производстве, имеются среди бойцов военизированной охраны. Комсомольцы Нагаево-Магаданского отряда т.т. Кориков, Устинов. Пономарев добились от подконвойных бригад выполнения заданий на 150–160%, т.т. Ганиев и Шабанов... выполнения плана на 170%, т.т. Черненко, Шульга, Мартынов и Борискин – 120–140% и т. д. В несении караульной службы комсомольцы бойцы ВОХР проявляют большевистскую бдительность. Член ВЛКСМ т. Семенов (Нагаево-Магаданский отряд) задержал 3-х заключенных, которые занимались хищением груза идущих машин. Комсомольцы города Магадана являлись инициаторами совмещения должностей. Еще в 1940 г. секретарь комсомольской организации нефтеконторы т. Мягков работал за 2-х человек. В дни Великой Отечественной войны совмещение должностей приняло массовый характер среди молодежи города. Комсомольцы конторы оборудования т.т. Алексеев и Глазиков, взяв на себя отдел электрооборудования, сэкономили 15 400 рублей в год без процентной надбавки. В комсомольской организации Магаданторга 9 комсомольцев совмещают профессии, дав экономии в год 85 140 руб. В комсомольской организации Управления связи от совмещения профессий дана экономия 72 000 рублей в год, АРЗ – 42 000. Всего экономии путем совмещения должностей, по далеко неполным данным, комсомольцы города дали 389 950 руб. в год... По инициативе комсомольской организации Магаданторга стирка спецодежды производится своими силами, что дает экономию 15 000 рублей в год. Немалую работу комсомольские организации провели по рационализации и изобретательству производства. Особенно большой толчок в оживлении рационализации и изобретательства дал двухнедельник по сбору рац. предложений и изобретений в фонд обороны Родины. Всего по основным предприятиям города собрано за двухнедельник 63 рац. предложения, внедрено 13 с экономией в 288 000 рублей. План экономии от внедрения рационализаторских предложений почти всеми предприятиями выполнен. На хлебозаводе комсомольцами подано 5 рац. предложений, внедрено 2. Получена экономия 36 000 рублей. 3 рац. предложения находятся на рассмотрении с экономией приблизительно 500 000 рублей... В изготовлении дробилки “Саймонс” участие приняли не только комсомольцы АРЗа, но и городские организации. Комсомольской организацией завода № 2 было взято шефство над выпуском новых приборов “Дезгрохбэнд” в количестве 8-ми штук. Комсомольцы были закреплены по цехам, созданы временные фронтовые бригады из числа рабочих отделов, которые работали по сборке транспортеров, штамповке гаек, упаковке готовой продукции и т. д. В результате проведенной работы выпущено не 8, а 10 промприборов в срок. Необходимо отметить большую помощь комсомольских организаций города нашим горным предприятиям. За летний период было послано 500 человек комсомольцев для работы в горных управлениях... Как ни странно, но мы еще среди комсомольцев имеем нарушителей трудовой дисциплины... За период с 1 июля 1941 г. привлечено к комсомольской ответственности 5 человек, из них исключен 1 человек...» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 37, л. 141].

Электрообмотчица АРЗа А. Ф. Иванова звание двухсотника подтверждала почти каждый день, а 25 ноября 1941 г. выполняла 8-часовую норму по обмотке радиаторных трубок для трактора на 320%. Добившаяся таких же успехов В. Е. Шилина пришла на завод 16-летней девушкой. Работая на револьверном станке еще ученицей, она получила прекрасные навыки, а затем и опыт. В. Е. Шилину стали считать одним из лучших токарей АРЗа по резке штуцеров с конечной резьбой.

Накопленное передовиками мастерство передавалось другим посредством обучения и целого комплекса различных мероприятий. На заседании бюро Магаданского горкома ВКП(б) 9 августа 1943 г. было отмечено, что за первую половину года «в стахановских школах обучено: АРЗ – 34 человека, завод № 2 – 25 человек, ГКО – 19 человек, УКС – 12 человек, автобаза № 6 – 14 человек» и путем курсовых мероприятий проведено «обучение разным квалификациям» [Там же. Д. 48, л. 141]: по АРЗу – 18 чел., по Управлению связи – 125, по заводу № 2 – 47.

Секретарь парторганизации ГКО ДС А. Я. Каулин в отчете за период с 1 декабря 1943 по 15 мая 1944 г. говорил: «Из 1240 человек, работающих на предприятиях горкомнотдела трудящихся, на 1 мая охвачено индивидуальным соревнованием – 735 чел., бригадным и смежным соревнованием – 467 чел. Всего 1202 чел. – 97%. Количество стахановцев на 1/V – 192 человека, из них двухсотников и трехсотников – 35 человек. Количество ударников и отличников – 269 чел.» [Там же. Д. 62, л. 80].

В течение 1944 г. Дальстрой получил 445 новых автомашин, в том числе марки «Студебеккер» — 391, «Рио-Коменс» — 4, «Даймонд» — 50. Последние были завезены по ленд-лизу поздней осенью и «введены в эксплуатацию в декабре месяце после того, как были установлены на тягачи и трейлеры кузов и вагоны, изготовленные на заводе № 2» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4268, л. 28]. Однако перед этим проектирование «наливного трейлера» было поручено конструкторскому бюро промышленно-заводского отдела ДС и закончено в кратчайшие сроки. Проект с 18 чертежами сверхурочно выполнили три инженера в течение 3 сут и передали на завод № 2, где работала бригада стахановцев. Вскоре был сконструирован «наливной поезд», вышедший в свой первый рейс. Он состоял из автомашины «Даймонд» с установленной на ней цистерной вместимостью 13 м³ и прицепного трейлера с двумя цистернами вместимостью 13,3 и 17,9 м³. Таким образом, вместимость всего «наливного поезда» составляла 49,2 м³, и он один заменил 8–10 автомашин «Студебеккер», оборудованных цистернами. Это был значительный успех магаданских конструкторов и стахановцев.

«Промышленные предприятия города Магадана, — указывал И. Ф. Никишов в докладе на собрании городского партийного актива 7 января 1945 г., — успешно закончили выполнение плана 1944 года. За 11 месяцев годовой план по городским предприятиям выполнен на 105,1 проц. В том числе авторемонтный завод выполнил задание на 102,5%, завод № 2 — на 125,2%, автобаза № 6 — на 103,9%, промкомбинат — на 94,6%, Магаданский рыбпромхоз — на 102,4%, комбинат 72-го километра — на 99,5%. План капитального строительства выполнен по городу на 105,6%. Наряду с выполнением и перевыполнением предприятиями города своих планов ими оказана большая помощь приискам и горным управлениям Дальстроя. За 1944 год предприятия города дали горной промышленности свыше 8000 рабочих. Этих людей город отрывал от своих предприятий и направлял их на прииски. Когда снимались сотни людей с предприятий, у директоров заводов ломались все планы, им надо было перестраивать всю свою работу. Но, товарищи, в этом сила и мощь дальстроевского коллектива. Начиная от рядовых работников и кончая руководителями, все жили одной мыслью — выполнить план во что бы то ни стало. Все спрашивали, все интересовались, все тревожились за судьбу плана добычи металла. Предприятия города не только выполнили свои планы, но и помогли всему Дальстрою выполнить задание партии и правительства, помогли родной Красной Армии и фронту».

В течение Великой Отечественной войны в Магадане состоялись II городская партийная (21–22 февраля 1942 г.) и II городская комсомольская конференции (14 марта 1942 г.), два собрания партийно-хозяйственного актива (13–14 октября 1942 г., 5 мая 1943 г.) и два собрания партийного актива (19 июня 1943 г., 6–7 января 1945 г.), обсуждавшие важнейшие вопросы военного времени, итоги работы и задачи различных предприятий по выполнению государственных планов и вкладу в победу.

1 сентября 1943 г. в Магадане начал работу вечерний университет марксизма-ленинизма, организованный согласно постановлению бюро ГК ВКП(б) от 1 ноября 1943 г. Обучение велось на двух отделениях: историческом и философском. 17 мая 1944 г. состоялся первый выпуск вечернего университета марксизма-ленинизма. Его окончили 67 чел.: по историческому отделению — 42 и по философскому — 25. Среди выпускников были 59 коммунистов, 6 комсомольцев и 2 беспартийных; 28 чел. представляли техническую интеллигенцию (инженеры, врачи и т. д.), 22 — партийный актив (среди них — 8 секретарей парторганизаций), 8 — производственный актив, 6 — комсомольский актив и 3 — профсоюзный актив.

На собрании городского партийного актива 19 июня 1943 г. с докладом «Об итогах IX пленума Хабаровского краевого комитета ВКП(б)» выступил секретарь Хабаровского крайкома партии Г. А. Барков. Не менее важным было и собрание партийного актива Дальстроя, прошедшее ранее, 23 января 1943 г. Оно приняло резолюцию по докладу И. Ф. Никишова.

В ней говорилось: *«Актив отмечает особое значение лагеря в работе Дальстроя как основной рабочей силы. В лагерях проделана большая положительная работа по приведению в порядок жилого фонда, усилению режима охраны, улучшению быта заключенных. Укреплены кадры лагерных работников и охраны. Работники лагеря и охраны оказали горнякам помощь в деле добычи металла. Однако не все хозяйственники до сих пор поняли значение лагеря для работы Дальстроя. Еще есть руководители, которые лагерями почти не занимаются, не бывают в общежитиях заключенных, в столовых, не организывают должного сохранения рабочей силы, а все руководство лагерем сводят к грубости и ругани. Необходимо вести жесткую борьбу с лодырями и прогульщиками в лагере, но одновременно заниматься улучшением условий быта хорошо работающих заключенных и проявлять к ним деловое, внимательное отношение»* [ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 12, лл. 87–88].

Вопросы, касающиеся улучшения жилищных условий, были актуальны все время Великой Отечественной войны. Работники ряда ведущих предприятий Магадана, от которых требовалось выполнение и перевыполнение планов, страдали от неустроенности быта и бесперспективности его изменения. Так, к концу 1941 г. в ведении ГКО ГУС ДС находились пять транзитных городков и общежитие № 3 бывшего 10-го ОЛПа (в составе 2 бараков на 100 мест, оборудованных койками), расположенное в центре города*.

*Недалеко от современного здания с магазином «Восход».

Транзитный городок № 1 располагался у парка культуры и отдыха, состоял из 13 палаток по 45 мест (всего 405 мест), в том числе 3 палаток «кабиночной» системы. «Все палатки, – отмечалось в справке ГКО, – оборудованы койками... Палатки постройки 1938–39 гг. Амортизировались и подлежат в 1942 г. списанию». Несколько транзитных городков как бы сливались в один «на территории бывш. ОЛП ГКО и части на Н.-Магаданской ул.»*, также состояли из палаток, которые были «ветхие, полностью изношены, эксплуатируются вынужденно».

Транзитный городок № 4 (14 бараков) располагался «у новой больницы на Марчечанском шоссе»**. Все его палатки постройки 1939 г. были оборудованы скамейками 2-ярусной вагонной системы. Недалеко от них ГКО еще в первой половине 1941 г. «построил новые мохоплитные штукатурные общежития с центральным отоплением и проч. удобствами», которые передали «воинским частям. Поэтому пришлось вынужденно эксплуатировать старые палаточные общежития городков №№ 1–2–3–5» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 69].

Описанное положение в основном не изменилось до конца Великой Отечественной войны. Мало того, не в лучшем положении находилось и жилье других районов Магадана, которому в марте 1942 г. дал характеристику перемещенный на должность (после назначения Н. Н. Адольфина) заместителя председателя Колымского окружкома профсоюза А. Г. Строганов. «Серьезным недостатком в ряде магаданских предприятий и организаций, – писал он, – по-прежнему остается вопрос жилищно-бытового обслуживания рабочих... В общежитиях глинобитного городка (бараки № 8, 9, 10)*** нет сушилок, рабочие портянки и валенки сушат на постели, развешивая поверх одеяла. Полы ветхие, требуют переборки... Цоколя вокруг общежитий оторваны на топку печей. В плинтуса из-под пола, в окна продувает ветер. Окна от холода рабочие закрывают мешковиной. Многие рабочие (60–70%) не имеют подушек и наволочек... Жилая площадь, принадлежащая автобазе, перенаселена. В стандартных домах использованы под жилье ваннные комнаты... Все без исключения общежития (Октябрьская 11а, 10а, 16а)**** содержатся грязными. Отсутствуют тумбочки. Вместо них частично имеются этажерки, которые находятся в антисанитарном состоянии. Стульев и табуреток нет. Отсутствуют сушилки для обуви, нет кипятильников. Из-за неподготовленности... к зиме в общежитиях холод, промерзают стены...» [Там же. Д. 37, лл. 55–56].

Неустроенность быта, плохие жилищные условия способствовали распространению болезней среди городского населения, включая детей.

Так, например, только с февраля по июль 1942 г. магаданская больница приняла 2084 больных, из которых умерли 88 (4,4%). Наибольший процент смертности наблюдался в терапевтическом (28 случаев) и детском соматическом (30 случаев) отделениях. За это же время городская поликлиника № 1 зафиксировала 72 101 посещение больных. Основными заболеваниями были: грипп – 2581, болезни опорно-двигательного аппарата – 3309, желудочно-кишечные – 3755, заболевания кожи и подкожной клетчатки – 8090. Городская поликлиника приняла 11 721 обратившегося за медицинской помощью. Из них болели гриппом – 843, заболеваниями кожи и подкожной клетчатки – 686, желудочно-кишечными болезнями – 329.

К учреждениям, которые тогда обслуживали детей «по Магадано-Нагаевскому району» [Там же. Д. 38, л. 101], относились 4 деткомбината (180 детей), 2 детсада (100 детей), 2 детяслей (130 детей), дом младенца (45 детей), детская консультация (515 детей), молочная кухня (550 детей). В общей сложности 1520 детей. С февраля по июль 1942 г. наиболее частыми заболеваниями среди них были: грипп – 251, воспаление легких – 185, бронхит – 160, ветрянка – 90, коклюш – 18 и желудочно-кишечные болезни – 212. Из всех болевших детей умерли 33.

С 1 января по 1 октября 1943 г. в детских учреждениях Магадана было зарегистрировано 1075 случаев первичных больных. Заболеваемость главным образом падала на грипп – 34,2%, инфекционные болезни (дифтерия, коклюш, ветрянка) – 25,9, желудочно-кишечные заболевания – 24,3, заболевания дыхательных путей – 10,6. Умерли 13 детей. Наибольшее количество смертей (6 случаев) произошло в результате воспаления легких. В 12 из 13 случаев больные дети были госпитализированы и умерли в больнице. Кроме этого на учете тубкабинета в Магадане состояли 180 детей с туберкулезными изменениями: с активными локальными изменениями легких – 45, с туберкулезным заболеванием костей – 9 и с компенсированным туберкулезом – 126.

«Сейчас, – докладывал бюро ГК ВКП(б) 20 апреля 1944 г. начальник Санитарного управления ДС А. М. Садомский, – имеется угроза распространения желудочно-кишечной инфекции в городе в связи с тем, что даже в зимний период в Магадане имели место гемоколиты и дизентерия. Так, например, в январе 1944 г. заболело 5 чел., в феврале 1944 г. заболел 31 чел., из них 21 чел. детей, в марте заболело 24 чел., из них 12 детей. Эти случаи дизентерии, безусловно, создали ряд очагов, и только сугубая профилактика позволит в весенне-летний период сохранить город от желудочно-кишечных инфекций. Помимо изложенного следует отметить в настоящее время угрозу заноса брюшного тифа из Якутска

*То есть вверху современных ул. К. Маркса и ул. Транспортной.

**С выходом на улицу, получившую наименование Больничная (ныне – ул. Гагарина).

***Район современного 31-го квартала, примыкающий к Колымскому шоссе.

****Район Нагаево.

и Бутугычага. В Якутске сейчас имеется брюшной тиф, на Бутугычаге осенью 43 г. была вспышка в 30 случаях брюшного тифа, а в феврале 1944 г. там же было 15 случаев паратифа Б...» [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 62, л. 66].

25–26 января 1945 г. состоялось заседание партийно-хозяйственного актива Сануправления ДС. На нем, наряду с успехами в медицинском обслуживании горожан, А. М. Садомский вновь остановился на нерешенных проблемах здравоохранения Магадана. *«Для характеристики работы б-цы приведу пример. Два основных отделения б-цы – хирургическое и терапевтическое, через которые в 1944 г. прошли 2455 больных. В хирургическом отделении проведено 833 операции, в подавляющем большинстве с хорошими результатами... Смертность 3,2%, причем из 35 умерших 21 умер в первые часы поступления в отделение, вследствие тяжелых травм..., из 8 больных с газовой гангреной умер только один... В то же время отмечается повышение заболеваемости по гриппу, которое в 1944 г. отняло у Дальстроя 146 тыс. трудодней вместо 60 тысяч в 1943 г. Одновременно с гриппом возросла заболеваемость органов дыхания... Для смертности детей в Магадане характерно, что из 46 случаев умерло 29 искусственников, причем 36 до 1 года... Через больницу прошло 23 раковых больных, из них часть умерла ввиду запущенности болезни»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4289, лл. 70–71].

От общего состояния здоровья, фактических возможностей горожан в военное время зависело очень многое. О том, что это так, они доказывали своим трудом и участием в патриотических начинаниях, главными из которых являлись различные формы внеплановых мероприятий и сбор средств в фонд обороны. Достаточно назвать воскресники по сбору металлолома, утиля и макулатуры, ягод, грибов, шишек, сдачу денег, облигаций, лотерей и погашение займов на постройку боевой техники, сбор теплой одежды бойцам Красной Армии и т. д.

Буквально в первые дни Великой Отечественной войны полностью внесли деньги в погашение займа 4-го года третьей пятилетки начальник Дальстроя И. Ф. Никишов, его заместители С. Е. Егоров и Г. А. Корсаков, а также начальник Политуправления Дальстроя И. К. Сидоров. *«Для усиления обороноспособности нашей любимой родины, – писала в газету «Советская Колыма» председатель женсовета Главного и Политического управлений Э. Д. Корсакова 25 июня 1941 г. – сегодня погасила полностью свою подписку на заем 4-го года третьей пятилетки. Призываю всех женщин Колымы последовать моему примеру»*.

Погасили подписку и подали заявления об отчислении из зарплаты в фонд обороны по 100 руб. ежемесячно сотрудники Управления сельского хозяйства ДС И. М. Андросов и И. М. Добротворский. Одновременно И. М. Андросов выполнял работу двух агрономов без дополнительной оплаты. В общей сложности к 26 июня 1941 г. только в магаданскую, оротуканскую, хатыннахскую и берелехскую сберкассы поступили наличными в счет погашения займа 3359 тыс. руб. Спустя 4 дня эти взносы увеличились.

С 27 июня по 22 ноября 1941 г. было проведено 8 общегородских воскресников с общим количеством участвовавших 13 313, заработавших и передавших в фонд обороны 180 тыс. руб. В частности, в воскреснике 17 августа приняли участие 1500 чел., а в воскреснике 14 сентября – 1800.

В начале осени 1941 г. начался массовый сбор стланиковых шишек, которые должны были послужить сырьем для изготовления растительного масла. *«Растительное масло, – разъяснял управляющий Колымснаба Г. Я. Комаров, – ввозилось на Колыму из Западной Сибири. Создавая свое производство, мы отдаем государству 1500 тонн жиров, освобождаем 90 вагонов, необходимых для перевозки на фронт. Отказываясь от ввоза масла, мы увеличиваем ввоз техники для приисков. Производя свое масло, мы экономим на транспортировке десятки тысяч государственных рублей. Вот что нам дает это новое свое производство»*.

В течение лета – осени 1941 г. среди горожан проходил сбор золотых и серебряных вещей. К октябрю только в одно отделение госбанка Магадана поступило: 5 золотых колец, золотые часы, серебряный футляр для часов, пятирублевая монета царской чеканки, 2 серебряных портсигара, серебряный кошелек, 3 серебряных подстаканника, 15 серебряных чайных ложек, 8 серебряных столовых ножей, 8 серебряных вилок и серебряная кружка. Затем в течение месяца в Центральный приемный пункт Магадана поступило 311 золотых и серебряных вещей. 23 ноября 1941 г. из ГКО ДС сдали 4 серебряных портсигара, 2 подстаканника и 2 чайные ложки.

Поздней осенью 1941 г. в Магадане начался сбор средств на постройку боевых самолетов. Инициатором этого патриотического движения выступила комсомольская организация Управления Севвостлага. А затем в Маглаге родилась еще одна инициатива, по поводу которой начальник Управления С. Е. Шеин писал: *«Прошу принять в фонд строительства боевой эскадрильи самолетов 2415 руб. Из них – деньгами 500 руб. и облигациями 1915 руб. Вношу предложение создать фонд строительства мощных танков. В фонд строительства мощных танков вношу 5000 руб. облигациями. Взываю последовать моему примеру всех сотрудников УСВИТЛ НКВД. Пусть наш вклад еще больше укрепит наши боевые единицы нашей доблестной, непобедимой Красной Армии ее гвардейских дивизий, наших славных сталинских соколов на окончательный разгром фашистских банд»*. Документ датирован 22 ноября 1941 г.

Магаданцы в годы Великой Отечественной войны собирали деньги на постройку самолетов «Комсомолец Дальстроя», «Колхозник Колымы», боевого самолета «Связист-дальстроевец», эскадрильи

боевых самолетов «Боец-дальстровец», эскадрильи санитарных самолетов, звена бомбардировщиков «Дальстровец», танков имени Дальневосточного комсомола, танковых колонн «Феликс Дзержинский», «Автотранспортник Колымы», «Горняк», «Юный пионер», торпедного катера «Моряк Дальстроя».

Принять участие в патриотических начинаниях военного времени стремилось и большинство заключенных Маглага, которые несколько месяцев обращались к лагерному руководству с просьбами о сдаче добровольных взносов, личных сбережений в фонд обороны. Первоначально просьбы отклонялись, но затем этот вопрос был решен на самом высоком уровне. 12 ноября 1941 г. вышла директива заместителя народного комиссара внутренних дел В. В. Чернышева с разрешением принимать добровольные взносы и отчисления от заключенных: личные средства, облигации и другие материальные ценности в фонд обороны.

Сдача денег на постройку боевой техники была неотделима от патриотического движения по сбору теплых вещей бойцам Красной Армии. *«Государственный музей народов СССР отобрал некоторые вещи, находящиеся в хранилищах и частично с экспозиции, и передал их в действующую Красную Армию, — писал директор Охотско-Колымского краеведческого музея А. П. Хмелинин. — Наши музей, желая оказать посильную помощь Красной Армии в Великой Отечественной войне, также отобрал из своих фондов и из экспонатов 18 вещей, которые могут сослужить службу нашим героям-бойцам. Среди них 5 пар торбазов, меховой малахай и меховая шапка, две пары прекрасных чулок из оленьего меха, меховая легкая куртка, две пары меховых рукавиц, расшитые узорами кисеты для табака. Помимо этого, все сотрудники музея лично от себя дважды собирали и сдавали теплые вещи. Всего работники музея сдали 34 теплые вещи».*

«Узнав, что в Магадане проводится сбор вещей для гражданского населения, освобожденного от фашистов, — сообщала газета «Советская Колыма» 3 января 1942 г., — женщины-активистки совхоза “Дукча” начали эту кампанию. Разбившись на группы, они обошли квартиры и везде встречали радужный прием. Жители с охотой отдавали вещи для своих братьев. За несколько часов собрано свыше 200 вещей. Некоторые товарищи вносили деньги на приобретение вещей. Женщины-активистки на них купили в магазине обувь, одежду и белье. Особенно хорошо работают Жукович — библиотекарь и домашние хозяйки Голуб и Цируп. Сама товарищ Голуб сдала 13 добротных вещей».

Наряду или совместно с коммунистами и комсомольцами во многих патриотических начинаниях участвовали пионеры и школьники Магадана. Они собирали металлолом, утиль, ягоды, шишки, теплые вещи, сдавали деньги в фонд обороны. Так, 16 июля 1941 г. газета «Советская Колыма» сообщала: *«В ответ на обращение нашего родного и любимого учителя т. Сталина мы, пионеры, школьники и дошкольники пос. Веселая, организовали сбор утиля, который сдадим в Усть-Магаданский промхоз и на Магаданскую утильбазу. Вырученные деньги мы коллективно внесем в фонд обороны нашей страны. Красная Армия, борющаяся за освобождение человечества от ига “Змея Горыныча” — фашизма, на наши скромные средства получит больше пуль для поражения врага. Призываем всех ребят Колымы последовать нашему примеру. Кондратьева Нина, Кондратьев Стасик, Малкина Люся, Холопова Зоя, Красовская Ада, Навязжская Ира, Холопов Коля, Парамонов Боря, Турышев Валя, Кожанов Толя, Сергеева Тома».*

8 сентября 1941 г. ученик 3-го класса Магаданской средней школы, пионер Юра Елсуков сдал в приемный пункт базы реализации Колымснаба более 5 кг алюминия, латуни и свинца. Деньги за сданный металл он передал в фонд обороны. Так же поступили школьники Магадана, собравшие 11 сентября 1941 г. 390 кг стланиковых шишек. С 27 июля по 22 ноября 1941 г. школьники Магадана провели 30 воскресников, в которых приняли участие 3750 учащихся. За время этих мероприятий они заработали 36 тыс. руб., переведенных затем в фонд обороны.

В середине октября 1941 г. состоялся первый слет пионерского актива Магадана. Его участники приняли обращение: *«Мы, пионеры и школьники Колымы, находясь в далеком тылу, имеем полную возможность спокойно учиться и отдыхать. Но каждый пионер и школьник Колымы ни на минуту не должен забывать, что враг еще не разбит. Это обязывает нас готовить себя к обороне Родины — овладевать военными знаниями, воспитывать в себе чувство высокой дисциплины в школе, дома, в интернате, на улице. За нас, советских детей, за наше счастье доблестные бойцы Красной Армии отдают свои жизни. Отличной учебой мы должны ответить своим старшим братьям, отцам, всему советскому народу... Пионеры и школьники Колымы на деле должны доказать, что они настоящие патриоты своей Родины. Пионеры, к борьбе за дело Ленина будьте готовы!»*

К концу 1942 г. в Магаданской средней школе было 22 пионерских отряда, 60 звеньев с общим количеством 534 пионера. Отряды носили имена великих полководцев, полярных исследователей, героев гражданской и Великой Отечественной войны, деятелей партии и правительства: имени Суворова, Седова, Папанина, Чапаева, Сергея Лазо, Котовского, Пархоменко, Буденного, Ворошилова, Щорса, Тимошенко, Валерия Чкалова, Фрунзе, Зои Космодемьянской, Саши Чекалина, Лизы Чайкиной, Николая Гастелло, Виктора Талалихина, Дзержинского, Крупской, Кирова, Жданова (отряд из трех 8-х классов).

Газета «Советская Колыма» 7 февраля 1943 г. писала: *«Горячо взялись за работу по сбору средств пионерские отряды Магаданской школы. Первый отряд имени Чкалова быстрее всех провел эту работу, дав 2930 руб. Второй отряд имени Гастелло собрал 3230 руб. В 16-м отряде октябренок Юра*

Володин внес 100 руб. наличными деньгами. Всего пионеры Магаданской школы собрали 8660 рублей деньгами и 24 755 рублей облигациями».

К концу октября 1944 г. в Магадане насчитывалось 58 комсомольских организаций, объединивших 1647 комсомольцев. 25 являлись организациями ВОХРа, 22 – городских учреждений, 9 – промышленных предприятий и 2 – школьных. Отчитываясь за деятельность городского комсомола в 1941 г., первый секретарь ГК ВЛКСМ Н. Р. Исаченко отмечал: *«Комсомольцы и молодежь города оказали помощь горнякам. 500 комсомольцев выехали на основное производство; для горняков пошито рукавиц около 10 тыс. пар. Комсомольскими организациями заготовлено ягод 10 363 кг, в том числе для своих нужд 8112 кг, грибов 735 кг и шишек 50 кг. Собрано металлолома 170 тн, в том числе 108 тонн чугуна... За 1944 год комсомольцами и молодежью собрано денежных средств для подшефного Тарасовского детдома 60 000 рублей. Вручено подарков детям фронтовиков и военнослужащих – 240 ребятам вещей на сумму 25 000 руб.; собрано средств и перечислено отделу гособеспечения для создания бюджетного фонда 50 000 рублей. Закуплено и вручено посылок участникам Великой Отечественной войны (34 человека) на сумму 6800 рублей. Оказана материальная денежная помощь семьям фронтовиков – 36-ти на сумму 6650 рублей. Оказана денежная материальная помощь пострадавшим от бедствий и по другим причинам – 8 человек на сумму 2300 рублей... Для учащихся детей фронтовиков города при ГК ВЛКСМ создан спецфонд для обеспечения бесплатными завтраками. Уже поступило на счет № 39 25 600 рублей. Школьниками и комсомольцами города собрано книг для Донбасса более 3000 штук...»* [ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 63, лл. 156, 166–167].

Помощь семьям фронтовиков (военнослужащих) занимала особую строку в деятельности горожан и включала в себя, в первую очередь, помощь семьям магаданцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, а также тем, кто был ранен и стал инвалидом. До конца 1942 г. таких не только в Магадане, но и «по Колыме не значилось» [Там же. Д. 62, л. 26]. Затем был организован отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, которым руководил заместитель начальника АГО ДС А. А. Кочеров.

В информации, составленной им в конце февраля 1944 г., говорилось, что за этот период уже было выдано, руб.: единовременных пособий семьям военнослужащих – 14 211, госпособий семьям военнослужащих – 90 514, пенсий инвалидам войны – 32 016, единовременных пособий инвалидам войны – 11 001, госпособий семьям погибших на фронте – 20 696. Через Магаданторг семьи военнослужащих получили 241 пару разной обуви, 87 пальто, 219 м мануфактуры и 460 других вещей. Для них был произведен ремонт 42 квартир за счет ГКО ДС. Колымский окружком и горком профсоюзов 125 семьям военнослужащих оказали материальную помощь путем выдачи пособий, оплаты питания детей в школе, содержания детей в школе, в пионерлагере, в яслях и детяслях на сумму 71 785 руб., а более чем 200 детям военнослужащих ГК ВЛКСМ (из собранных средств магаданцев) организовал выдачу различных подарков на сумму 24 000 руб. и 36 семьям – денежного пособия на сумму 6650 руб. Таким образом, в этом проглядывалось не только сочувствие, но и зримая помощь неравнодушных людей. Единство фронта и тыла не являлось пустым звуком.

«Дорогой красный боец! – писал стахановец-трехсотник АРЗа Л. В. Колесников в письме тому, кому должна была достаться посылка, отправленная им в один из госпиталей для раненных военнослужащих Красной Армии. – На тебя выпала почетная священная обязанность – защита нашей любимой Родины от проклятых, ненавистных всему человечеству германских людоедов. Ты храбро бился, отстаивая каждый метр советской земли. Быстрее выздоравливай и бей заклятых врагов так, как бил. На меня выпала доля быть в тылу на трудовом фронте. Я тебя не забываю: одну норму выполняю за себя, другую – за тебя и еще две – за твоих боевых товарищей, которые так же, как и ты, борются за уничтожение германского фашизма. Я работаю столько, сколько требует производство. Все свободное время отдаю военной учебе, чтобы в любую минуту по первому зову партии и правительства встать в ряды доблестной Красной Армии. Включившись в предоктябрьское социалистическое соревнование я взял на себя обязательство: выполнять производственные задания на 500 процентов, одну норму за себя и четыре за товарищей, ушедших на фронт, и я это обязательство выполняю с честью. Буду работать с такой же энергией и с таким же упорством, как ты бил проклятых врагов...»

9 декабря 1942 г. ученицы Магаданской средней школы Валя Князева, Люда Козырская, Оля Липатова, Клава Слемзина, Вера Советова, Маруся Ускова и Надя Ярикова послали письмо Герою Советского Союза Виктору Григорьеву. *«Дорогой Виктор! – говорилось в нем. – На далекой окраине нашей родины, в г. Магадане, смотрели мы документальный кинофильм “День войны”, и теперь, увидев вас, мужественного воина, верного сына советского народа, мы захотели рассказать о себе, школьницах Дальнего Севера. После учебного года все мы работали на совхозных полях, выращивая овощи для жителей Магадана, для наших школьников. Среди нас не найдется такой, которая бы не помогала фронту чем только можно: подарками, посылками, деньгами, теплыми вещами. Мы понимаем, что, помогая фронту, мы защищаем свою родину, себя, свою жизнь, свою учебу, свой труд, свое будущее».*

Кроме индивидуальных или коллективных посылок бойцам Красной Армии, в детские дома и тем, кто жил на освобожденных от фашистов территориях, магаданцы, совместно с другими колымчанами, являлись инициаторами отправки целого эшелона подарков на «материку», сформированного в августе

1942 г. В него вошло: 22 т кеты, 60 т сельди, 10,5 т икры, 16 т копченой сельди и балыка, 4 т маринованной сельди, 1 вагон хозяйственного мыла, 1 вагон сахара, 1 вагон мясных копченостей, 6200 шт. теплых вещей, 12 200 шт. индивидуальных посылок, 10 тюков вещей для лазарета и сверх этого 1345 банок консервов, 7 ящиков печенья, 3 ящика копченой колбасы, 1 ящик сыра, 1600 кусков туалетного мыла, 400 флаконов одеколона, 1 ящик свиного сала, 120 бутылок вина и 20 тыс. шт. сигарет. Все это было отправлено на фронт.

Эшелон сопровождала делегация колымчан: заместитель начальника Политуправления ДС (председатель делегации) В. Ф. Белов, начальник участка прииска «Скрытый» С. Е. Бастырев, водитель автобазы № 6 И. Ф. Бойко, командир подразделения ВОХР Г. В. Глушков, начальник промприбора прииска им. Буденного Е. П. Еремеев, начальник смены прииска «Горный» М. Е. Корецкий, спецкор газеты «Советская Колыма» А. П. Малагин, начальник промприбора прииска «Комсомолец» М. П. Макаров, начальник участка рудника им. Лазо В. И. Рудковский, начальник участка прииска «Бурхала» Л. А. Четвериков.

Уточняя данное событие, И. Ф. Никишов, в подписанном им 7 июля 1944 г. отчете «Дальстрой за годы Великой Отечественной войны», указывал: *«В августе 1942 г. трудящиеся Дальстроя собрали и отправили бойцам Западного фронта эшелон подарков. Дальстроем в качестве продовольственной политики было отправлено также за это время рыбы и рыбных изделий: в Москву, Спецторгу НКВД СССР – 1648 тонн, в г. Владивосток Госторгу – 318 тонн, в г. Хабаровск Горпищеторгу – 714 тонн, всего, таким образом, 2680 тонн рыбы и рыбных изделий».*

В ответ на это в адрес руководства Дальстроя шли благодарственные письма и телеграммы. 3 января 1943 г. газета «Советская Колыма» опубликовала письмо командующего Ленинградским фронтом, генерал-лейтенанта артиллерии Л. А. Говорова и члена Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданова: *«Дальстрой. Товарищам Никишову, Сидорову, Егорову. Трудящиеся Дальстроя, дорогие товарищи и знакомые! Бойцы, командиры и политработники Ленинградского фронта и Краснознаменной Балтики шлют Вам свой братский привет и сердечную благодарность за ваши подарки. Поздравляем Вас с Новым годом и желаем дальнейших успехов на трудовом фронте. Заверяем Вас, что защитники города Ленина сделают все возможное, чтобы вместе со всей Красной Армией под руководством великого Сталина приблизить час победы над врагом».*

В 1941–1945 гг. рабочие и служащие Дальстроя внесли в фонд обороны около 500 млн руб., из них магаданцы – свыше 15 млн руб. От реализации денежно-вещевой лотереи и займа они получили 28 млн руб. Это был довольно значительный вклад в победу. Для сравнения отметим, что за все время Великой Отечественной войны население Чукотки внесло в фонд обороны 15 920 233 руб., население Ольского района – 7 млн руб. наличными деньгами и облигациями, население Среднеканского района – 1349 тыс. руб. наличными деньгами и 1178 тыс. руб. облигациями госзаймов.

Боевые задачи горожан, их борьба за выполнение и перевыполнение планов, освоение и развитие новых производств, патриотические движения помощи фронту наложили отпечаток на развитие Магадана, но не остановили его строительства, претворения в жизнь ряда проектов и начинаний. Так, на правой стороне Колымского шоссе в 1941–1942 гг. построили двухэтажное деревянное (утепленное мохоплитами) здание пошивочного ателье и двухэтажное (позднее надстроенное) кирпичное здание Магаданской городской поликлиники. Тогда же на углу Колымского шоссе и ул. Сталина сдали в эксплуатацию многоэтажный дом со встроенной столовой, а на ул. Горького – многоэтажный корпус УНКВД.

«Еще недавно, – писала газета «Советская Колыма» 6 августа 1941 г., – магаданцы, торопясь на работу в Главное управление Дальстроя, сворачивали здесь, ради сокращения пути, с улицы и смело шли наискось через дворы. Теперь же тут 2-этажное кирпичное здание городской поликлиники... Время строительства поликлиники работники стройконторы считают одним из самых тяжелых. Не хватало многих строительных материалов, в том числе алебастра и мела. Но трудности были преодолены общими усилиями строителей. Для штукатурки решили применить материал из местного сырья. Строительная лаборатория проверила его свойства и дала положительное заключение. Глина, шлак и нефтяные отходы, взятые в известной пропорции, заменили привозной алебастр. Единственным недостатком этой новой штукатурки оказался затяжной период высыхания. В первом этаже поликлиники расположатся: детское и хирургическое отделение, рентгеновский кабинет, регистрационная. Здесь же гардероб и служебно-административное помещение. Исключительно хорошо распланировано детское отделение, имеющее три отдельных входа с широкой верандой, боксы для осмотра заразно больных, кабинеты врачей и, наконец, приемная, оформленная рисунками для детей. Во втором этаже отделение глазное и венерическое, зубной и ушной кабинеты и отделение для приема нервных больных. В полуподвальном этаже – кабинеты физиотерапевтического лечения и подсобные учреждения. Здесь же кухня и небольшая столовая для сотрудников поликлиники... В Магадане появилось еще одно медицинское учреждение. Город растет. Город строится, и никаким темным фашистским силам не остановить движения вперед».

Почти одновременно с вводом в строй городской поликлиники заканчивалось возведение и оформление здания Дома культуры им. М. Горького. В этих работах принимало участие немало известных мастеров и художников, среди которых преобладали репрессированные, в частности, известный скульптор Г. Д. Лавров, автор знаменитой скульптуры «Спасибо товарищу И. В. Сталину за наше счастливое детство».

«Весной 1941 г., – вспоминал он, – меня перебросили в Магадан на строительство магаданского Дома культуры. Кладка кирпичных стен магаданского Дома культуры и их штукатурка были уже закончены. Мне было приказано приступить к выполнению скульптуры. Условия были тяжелые, в Магадане и в его окрестностях не нашлось пригодной для лепки глины. Имелись только алебастр, проволока, маталлическая сетка и цемент. С этими материалами я был вынужден приступить к скульптурным работам. В Магадане за период с 1941-го по 1943 год мной были выполнены следующие скульптурные работы: четыре трехметровые цементовые статуи на парапет Дома культуры – “Красноармеец”, “Партизанка”, “Забойщик”, “Бурильщик”; бюсты Маркса, Энгельса, Ленина, драматурга Островского, Горького, Станиславского и другие. Эти бюсты были установлены в большом фойе Дома культуры. Трехметровая железно-цементная многофигурная скульптурная композиция “Героическая эпопея обороны СССР”, четыре коринфские капители на колонны фасада Дома культуры и вся декоративная лепнина внутренних помещений были выполнены и установлены мной... За все эти работы я был премирован буханкой черного хлеба, восьмьюшкой махорки и 50 граммами спирта. Хлеб я съел, махорку отдал заключенным, а спирт выпил начальник “за мое здоровье”».

5 октября 1941 г. состоялось торжественное открытие Дома культуры им. М. Горького. При этом прозвучала патриотическая музыкальная композиция «За Родину!». 7 октября 1941 г. было дано указание «разрешить АГО содержать в г. Магадане два городских кинотеатра», в связи с чем «на базе помещения бывшего театра им. М. Горького открыть 1-й горкинотеатр», а «ныне действующий горкинотеатр именовать 2-й горкинотеатр» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 82, л. 97]. Оба кинотеатра стали подчиняться Дому культуры им. М. Горького. В его штат перевели художника И. М. Семенова, артиста квартета В. И. Чернышева, джазовую группу в составе М. Н. Лялина, Ш. М. Валеева, И. И. Прозоровского, В. А. Кривцова, И. П. Прилипко, С. И. Кузьмина, В. Д. Семенова, В. С. Виноградова, В. Я. Экмана. Все они также вошли в состав переехавшего в Дом культуры Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького.

Его первый директор Ф. А. Яриков отметил: «Музыкально-художественное обслуживание кинозрителей в сегодняшних условиях должно включить в себя, наряду с игрой джаза, выступление вокалистов и артистов с художественным чтением и скетчами, проникнутыми патриотизмом и политической злобой дня. Поэтому приказываю музыкально-драматическому театру с 3 декабря сего года организовывать систематическое обслуживание кинозрителя 1 и 2 горкинотеатров концертными программами, направляя для этой цели свободных от спектаклей актеров и засчитывая эти выступления в месячную норму их выступлений» [ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 5, л. 15].

15 февраля 1942 г. горкинотеатры были изъяты из ведения Дома культуры им. М. Горького и переданы непосредственно АГО ДС. 27 июля этого же года АГО ДС предоставило 1-й горкинотеатр Магадана «в распоряжение горкома профсоюза для организации Центрального городского клуба» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 93, л. 67]. Тогда же в подвальное помещение Дома культуры перевели Магаданский радиоузел, который проработал там в течение всей Великой Отечественной войны.

Переподчинение магаданских горкинотеатров проходило наряду с благоустройством прилегающих к ним территорий, что, естественно, преображало общий облик города. В связи с этим газета «Советская Колыма» 26 июля 1942 г. сообщала: «Несколько лет подряд перед зданием второго горкинотеатра в Магадане стоял ветхий барак, в котором ютились подсобные помещения театра. Горкоммунотдел решил снести это строение и разбить здесь сквер. Работы уже подходят к концу. На месте барака перед зданием горкинотеатра разбиты клумбы и дорожки. В ближайшие дни здесь будут установлены удобные скамьи. Снесена часть забора, отделяющая новый сквер от Колымского шоссе»*.

В течение 1942 г. закончилось строительство, и на территории парка культуры и отдыха был открыт новый спортивный зал для физкультурников добровольного спортивного общества «Кировец». В нем имелись брусья, турники, кольца и другие гимнастические снаряды. Здесь занимались борьбой, гимнастикой, акробатикой. Тогда же парк культуры и отдыха пополнился двумя новыми скульптурами. Одна из них – «Футболист» – была установлена у входа на стадион, другая – «Купальщица» – на одной из ведущих к нему центральных аллей.

Вышедшая в те дни газета «Советская Колыма» дополнительно сообщила: «Художник А. Н. Колесников предложил администрации Магаданского парка культуры и отдыха установить в одной из аллей портрет товарища Сталина, сделанный из цветных камней. Сейчас портрет закончен и принят специальной комиссией. Он сделан из 13 тысяч камешков – мрамор, гранит и песчаник – в четырех тонах. Процесс укладки камней занял у художника 4 дня. Размер портрета – 3×4».

В первой половине 1944 г. Магаданская строительная контора, руководимая В. В. Лашковым, закончила возведение двухэтажного кирпичного здания школы, расположенного в районе Нагаево. Начались отделочные работы, на которых широко использовались местные материалы – песок и глина. 11 сентября 1944 г. школа была сдана в эксплуатацию, и в ней стали заниматься учащиеся Нагаево и Марчечана. Первым директором школы (тогда семилетней) стала педагог В. Я. Хотяева.

*Имеется в виду деревянное одноэтажное здание на правой стороне Колымского шоссе.

«За истекший 1944 год, – отметил И. Ф. Никишов на собрании партийного актива 7 января 1945 г., – горкоммуноотдел имеет общее выполнение плана по выпуску продукции и коммунальным услугам на 106%. Коллектив горкоммуноотдела работал неплохо. В 1945 г. перед нами стоит большая задача – мы должны построить в городе 5 новых каменных домов, что даст возможность вселить туда 1500 человек. Дома будем строить скоростными методами. К этому уже сейчас начинают подготовительные работы. У нас есть серьезные препятствия – нет кровельного материала, нет железа, нет рубероида. Как выход из положения, можно попробовать заливать крышу асфальтом. Это обеспечит необходимую прочность и водонепроницаемость, а также предохранит крышу от сноса и срыва во время ветров».

Строительство новых многоэтажных зданий увязывалось с общей застройкой Колымского шоссе. Над таким проектом работала группа магаданских архитекторов. Один из них, А. В. Козлов, в январе 1945 г. составил пояснительную записку к проекту застройки Колымского шоссе, в которой отмечал: «В соответствии с указанием начальника Дальстроя комиссара III ранга тов. Никишова строительство жилых домов первой очереди намечено на свободных участках Колымского шоссе по двум сторонам его от улицы Сталина до Пролетарской улицы... Основной комплекс жилых зданий располагается на территории пустующего участка погранотряда*, а также на противоположном участке между зданиями поликлиники и госбанка. Жилые дома проектируются с различным количеством секций, один из них с угловой секцией, выходящей на вновь проектируемый проезд Ново-Магаданской ул. ** Одновременно с этим выгодно используется естественный рельеф местности... Таким образом, на территории погранотряда располагается 3 жилых дома в 2, 3 и 4 секции, всего 9 секций с количеством из 108 квартир. Дом 3-х секционный ставится в некоторой глубине участка с развернутым двором перед ним и двумя домами, стоящими по красной линии Колымского шоссе и архитектурно объединенными красивыми ограждениями центральной части двора с газонами, цветниками и иными элементами архитектурного оформления. Жилой дом на противоположной стороне Колымского шоссе имеет 3 секции в 36 квартир, располагается на общей оси с центральным объемом и подчиненный общей идее, в своей архитектурной форме и некоторых элементах отделки, завершает архитектурную композицию значительного объема. Всего по обе стороны улицы в данном комплексе 4 жилых дома с общим количеством в 144 квартиры. В проекте для строительства ближайшего времени просматривается место еще для одного жилого дома в 2–3 секции перед существующим зданием горкино и в одной линии с достраиваемым жилым домом № 5. Разрыв между жилыми домами по ю-в стороне Колымского шоссе застраивается новым зданием горкино, которое приближается по возможности к общей красной линии... По мере сноса зданий на месте госбанка возможно строительство в последующие года жилого дома в 2–3 секции, и на месте фабрики-кухни строительство автовокзала с гостиницей и рестораном. Жилой дом № 2 по ул. Сталина подвергается некоторой реконструкции надстройкой, исправлением штукатурных работ и покраске, что вполне осуществимо. Здание поликлиники увязывается с благоустройством окружающей его территории и остается в своих формах неизменным***. В благоустройстве территории улицы в целом намечается, помимо сквозного прохода, отвечающего естественному рельефу местности, устройство декоративных лестниц, озелененных откосов каменных ограждений и т. д., используемых в качестве элементов архитектурного оформления улицы. Предполагаемый проект застройки Колымского шоссе создает живописный силуэт улицы, отвечающий естественному рельефу местности, одновременно объединяя все здания в стремлении к городскому центру, где располагаются основные объекты городского строительства – жилые дома № 5 по ул. Дзержинского и № 1 по ул. Сталина» [ГАМО, ф.р-48, оп. 1, д. 87, л. 3].

Запланированное строительство действительно не могло обойтись без дальнейшего благоустройства центральной части Магадана, но ГКО ДС, несмотря на различные трудности, проводил его все военные годы. Именно тогда в ряде городских дворов были установлены детские площадки, скаты по ул. Сталина засеяны многолетними травами, а перед зданием Главного управления высажены молодые тополя, которые очень хорошо принялись. Вполне возможно, что со всем этим ознакомился вице-президент США Генри Эдгар Уоллес, который тогда был направлен своим правительством в Китай для изучения положения дел на месте, и путь его пролег через Чукотку, Колыму, Якутию, Сибирь, Среднюю Азию.

В дневнике Охотско-Колымского краеведческого музея сохранилась запись, сделанная директором А. П. Хмелиным: «16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 мая 1944 г. Идет усиленная подготовка по всем учреждениям города (в том числе и в музее) к встрече и приему гостей из Америки. Гости прибыли в Магадан 25 мая вечером, провели осмотр города (школы, Дома культуры, гор. библиотеки, АРЗ, совхоза “Дукча”, рыбалки). 26 мая, вечером, были на концерте в Доме культуры и 27 мая утром отбыли в дальнейший путь. В Иркутске вице-президент США Уоллес выступил с речью...»

Согласно недавно рассекреченным документам, А. П. Хмелинин допустил в своих записях небольшую неточность. Это видно из текста двух телеграмм, направленных И. Ф. Никишовым Л. П. Берия,

*Рядом с двухэтажным корпусом нынешнего здания политехникума на ул. Ленина.

**Ныне ул. Пушкина.

***На самом деле к концу 1957 г. здание городской поликлиники было надстроено.

который затем доложил их И. В. Сталину и В. М. Молотову. В первой телеграмме, датированной 29 мая 1944 г., сообщалось: «С 24 по 26 мая с. г. включительно вице-президент США Уоллес с тремя сотрудниками и четырьмя офицерами посетил город Магадан. В городе осмотрел порт, авторемонтный завод, школу-десятилетку, столовую, магазин, склад пушнины, свиноводхоз в 23 километрах от гор. Магадана, Дом культуры. 25 мая с. г. вечером в Магадане слушал концерт...» [Козлов, 2004. 3 июня].

Во второй телеграмме И. Ф. Никишова от 6 июня 1944 г. отмечалось: «Перед отлетом в Якутск утром 27 мая с. г. на аэродроме в Нижнем Сеймчане перед посадкой в самолет Уоллес на прощанье, пожимая мне руку, благодарил меня за то, что я ему показал в Дальстрое все, что он видел, ему понравилось, а также благодарил за теплый прием его и его спутников и снова заявлял многократно, что мы в Америке знаем Дальстрой, многое о нем слышали, но то, что я увидел лично сам, это превзошло все наши представления о Дальстрое. На это я ему ответил, что в Советском Союзе такая мощная и крупная хозяйственная организация, как Дальстрой, не единична. На это Уоллес сказал следующее: "Я надеюсь, что после войны Дальстрой будет еще больше развиваться, а это еще больше укрепит дружбу США и Советского Союза". 25 мая вечером в городе Магадане Уоллес со своими сотрудниками и 4 офицерами в присутствии тов. Гоглидзе (в то время начальник Управления НКВД по Хабаровскому краю. – А. К.), представителя НКВД, начальника особой воздушной трассы генерала Семенова, полковника Мазурука осмотрели Магаданский дом культуры, осмотрели выставку изобразительного искусства и изобретательности. В книге посетителей сделал следующую надпись: "Выдающееся хозяйственное выражение сильного народа, который первый начал освоение этого края. Генри Уоллес". После осмотра Дома культуры присутствовали все на концерте. Концертом Уоллес остался доволен. Особенно большое впечатление концерт произвел на спутников Уоллеса и офицеров, сопровождавших его. При осмотре художественной выставки Уоллесу понравилось две картины, он изъявил желание их купить. Посоветовавшись с тов. Гоглидзе, мы решили ему их подарить. Картины Уоллес принял с большой благодарностью...» [Там же].

Картины, подаренные Г. Э. Уоллесу, являлись художественной вышивкой. Их автором была бывшая преподаватель математики, репрессированная по ст. 58 УК РСФСР, заключенная Севвостлага, работавшая в мастерских Магаданского промкомбината В. Я. Ефимова (Устиева). Отметим, что ее воспоминания разнятся с официальным сообщением И. Ф. Никишова Л. П. Берия. Они были записаны много лет спустя после посещения Г. Э. Уоллеса Магадана. В. Я. Ефимову подвела память, но она рассказала: «Выставку посетил вице-президент Америки. Перед осмотром меня и еще одну участницу выставки вызвали и заставили все прибрать. Мы убрали, и в это время закричали: "Спускайтесь, спускайтесь, спускайтесь скорее в подвал! Идут!" Начальник края, наша начальница Гридасова и делегация из Америки. Вице-президент Америки осматривал выставку картин как знаток. А вышивку он видел, наверное, все-таки впервые, потому, что надолго задержался перед этими картинами. Их было пять: "Березовая роща", "Грачи прилетели", "Богатыри", "Левитановский пейзаж", и я для себя вышила детскую головку.. Основой послужил тропининский "Мой сын", но я немножко его изменила, чтобы он напоминал моего сына. Эту картину оформили краснодеревщики, сделав мне подарок к какому-то дню, и картина висела у меня. Но начальница сказала, чтобы я ее выставила, что мне ее возвратят. Но мне ее так и не возвратили. Во время экскурсии начальница лагерей сказала, что это ее вещи и что она может их продать. И тут же были упакованы все пять картин, и вице-президент увез их в Америку. А через некоторое время наша начальница получила письмо от жены вице-президента, в котором та писала, что благодарит за подарок и что картины украшают ее холл» [Ефимова, 1996. С. 105, 106].

По свидетельству участницы концерта в Доме культуры, бывшей репрессированной балерины Большого театра Н. А. Гамильтон, в нем принимали участие лучшие магаданские артисты, в числе которых были как вольнонаемные, так и заключенные и бывшие заключенные. В концерт включили фрагменты танцевальных номеров из оперы «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского, отрывки из других драматических произведений.

Постановщик концерта для вице-президента США и членов делегации (в нее, например, входил представитель отдела военной информации профессор Оуэн Латтимор), режиссер Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького Г. Н. Кацман рассказывал: «Наутро после концерта очень рано раздался звонок в дверь моей квартиры. Открываю. На пороге человек в кожанке чекиста. Приглашает спуститься в машину вместе с ним. Страшно перепуганный, одеваюсь и по пути в машине размышляю, что могло случиться, если меня забирают. Приезжаем на аэродром. У трапа самолета вижу Уоллеса. Подводят к нему. Оказывается, концерт ему очень понравился, но наш высокий гость не поверил тому, что в нем участвовали местные артисты, предположив специальную доставку в Магадан москвичей. Долго он улыбался мне, благодарил...»

В 1946 г. за рубежом вышла книга Г. Э. Уоллеса «Миссия в советскую Азию». В ней вице-президент США так освещал упоминаемое событие: «Наше двухдневное пребывание в Магадане завершилось посещением концерта, данного местными талантами – балетом Полтавской труппы, эвакуированной сюда с Украины, и оркестром, состоявшим из местных непрофессиональных музыкантов. Гвоздем программы было выступление хора военнослужащих, части которых расположены в Магадане. Не думаю, что я когда-нибудь видел сразу столько талантов в одном городе».

Великая Отечественная война наложила отпечаток на весь репертуар Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького. В сезоне 1941/42 г. были показаны такие спектакли, как «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, «Ключи Берлина» М. Гусса и К. Финна, «Батальон идет на Запад» Г. Мдивани, «Машенька» А. Афиногенова, «Весна в Москве» В. Гусева, «Шут Балакирев» А. Мариенгофа, «В степях Украины» и «Партизаны в степях Украины» А. Корнейчука. Все они готовились и проходили в интенсивной, напряженной обстановке с привлечением актеров-заключенных.

«Продолжительность спектакля "Фельдмаршал Кутузов" (для творческого состава), – было отмечено в специальном распоряжении Ф. А. Ярикова, – устанавливаю в 5 часов, включая время, необходимое для подготовки к спектаклю и для завершения работы» [ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 5, л. 47]. Поставленный в канун 24-й годовщины Октября режиссером Г. Н. Кацманом, он положил начало многим спектаклям патристического направления. Роль М. И. Кутузова играл Г. М. Сорин, Наполеона Бонапарта – И. В. Эллис. В период с 1941 по лето 1944 г. Магаданский музыкально-драматический театр им. М. Горького в общей сложности (включая гастрольные поездки) дал 1136 спектаклей и концертов.

В числе выступавших на его сцене репрессированных актеров находились А. И. Демич (Демидович), Г. С. Жженов, Н. П. Нальский, Ю. Э. Розенштраух (Кольцов), И. В. Эллис, среди оформлявших спектакли – художники Э. Э. Валентинов (Миллер), Л. Вегенер, И. П. Махлис, И. А. Шерман, В. И. Шухаев, а ученик В. Э. Мейерхольда – режиссер Л. В. Варпаховский, стал постановщиком первой на Колыме оперы «Травиата», имевшей для своего времени потрясающий успех.

В преддверии этого события 4 июля 1944 г. в Магадане состоялось специальное совещание. На нем присутствовали директор Дома культуры им. М. Горького Э. В. Адолина, художественный руководитель Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького Г. Н. Кацман, заведующий музыкальной частью Ю. В. Бирюков, заведующий постановочной частью М. А. Вахнянский, художник-гример А. М. Мармонтов, начальник культурно-воспитательного отдела Маглага В. К. Дабкина, режиссеры Л. В. Варпаховский и К. А. Никаноров.

В протоколе совещания было зафиксировано: «Слушали: О постановке культбригадой Маглага совместной с театром Дома культуры им. М. Горького оперы "Травиата", музыка Верди. В информации о проделанной работе над оперой "Травиата" Тухватуллин сообщил следующее: вокальные партии "Травиаты", за исключением небольшого количества персонажей, хора и оркестра, приготовлены. Желательно данную оперу приготовить полноценно, для чего необходимо ввести в хор мужской и женский состав, ряд исполнителей на вокальные партии, а также усилить имеющийся оркестр. Тов. Кацман в своем выступлении сказал: Для того, чтобы полноценно и выразительно показать оперу "Травиата", она должна работать в репертуарном плане текущего сезона силами культбригады Маглага Дома культуры. В настоящее время разрешить вопрос этот нельзя до составления репертуарного плана 44/45 года. Однако желательно, чтобы данная опера была в репертуаре нашего театра. Считает, что певца Артамонова нужно заменить другим исполнителем. Тов. Адолина считает, что только с помощью со стороны Дома культуры в отношении художественного руководства и материальными средствами, как-то: костюмами, вещественным оформлением и прочее, возможно осуществить постановку оперы после составления репертуарного плана. Дополнительные единицы в штатах культбригады Маглага не предусмотрено сметой. Дом культуры поэтому нести расходы в оплате не может, а поэтому недостающий состав по опере, как хор и прочее, отнести за счет Маглага. Варпаховский: Считает, что уже проделанная работа над оперой дает возможность предполагать, что может получиться интересный спектакль, при условии, если будет помощь всех компонентов, входящих в работу над этой оперой со стороны Дома культуры, если она будет вестись плановым порядком... Тов. Дабкина в своем выступлении указывает, что осуществление данной оперы силами одной только культбригады невозможно, а поэтому считает необходимым театру Дома культуры, его художественному руководству и дирекции осуществить эту постановку, считая, что эта опера будет представлять интерес не только для Маглага, но и широкому зрителю г. Магадана. Тов. Мармонтов: Осуществление оперы требует специфической работы гримировочного цеха, а имеющийся гардероб париков рассчитан только на драматические спектакли, и то с преодолением больших трудностей, так как нет необходимых материалов. Поэтому считаю, что только при наличии стилизованных париков можно осуществить данную оперу. В данное время таковых нет, а приобрести их можно только на "материке". Постановили: тов. Кацман при составлении репертуарного плана Дома культуры включить оперу "Травиата". Магадану необходимо изыскать средства или возможности для содержания исполнителей хора и некоторых персонажей сверх штатного количества культбригады Маглага» [Там же. Д. 1, л. 54].

Вслед за этим в подготовке оперы «Травиата» были задействованы, кроме уже упомянутых, заведующая костюмерной мастерской театра В. Ф. Дуброва, бутафор А. А. Терентьев, дирижер П. З. Ладирдо, певец Н. В. Антонов, актеры П. И. Лисин, В. М. Мельников, балетмейстер И. А. Андреев, балерины А. Б. Акумова, Н. А. Гамильтон, В. К. Малых (Царикова), И. Л. Тартаковская, танцор Н. А. Хрусталев. В остальном же привлекли заключенных: И. Л. Будака, И. С. Зискинд (Варпаховскую), А. С. Грызлова, Н. С. Артамонова, И. И. Мухину, А. Е. Турышеву, В. Н. Пижкова, Т. Е. Яковлева, В. Я. Бибикова, С. Т. Грязнову (Гербст), Б. И. Энтина.

8 августа 1944 г. в Магадан этапировали группу репрессированных работников Государственного художественного ансамбля Эстонской ССР, выступивших до этого в клубе «Гигант» г. Ярославля. Вскоре многие из них поступили в распоряжение Л. В. Варпаховского, в том числе В. О. Кивимяги, О. Я. Луйче, В. Я. Сирень, Х. Я. Нарва (хормейстер). На роль Анины, служанки главной героини оперы «Виолетта» Валерии была назначена непрофессиональная актриса, заключенная Г. Е. Козьмина. В массовых сценах «Травиаты» также выступали заключенные Маглага: портнихи Е. М. Авилова, Е. Х. Гринь, закройщица К. В. Еремеева, заготовщица А. А. Жильцова, повар А. Н. Башмакова и др. Декорации к опере оформил Л. В. Вегенер, костюмы – В. Ф. Шухаева.

18 февраля 1945 г. состоялась премьера «Травиаты». Она была восторженно принята зрителями и тут же оценена критиками. В специальном выпуске «Бюллетеня» КВО Маглага (№ 6) от 10 марта 1945 г. отмечалось: «*“Культбригада”*, которая с большим успехом идет на сцене Магаданского театра Дома культуры им. Горького. Большую творческую учебную работу пришлось проделывать для этого. Режиссеру Варпаховскому удалось создать реалистический спектакль, верно выражающий основную идею романа А. Дюма (сына) “Дама с камелиями”, на сюжет которой написана опера и трогательные образцы замечательной музыки Верди. Он разработал постановочный план, в очень короткий срок научил малоопытных в сценическом отношении исполнителей основам актерского искусства. Инструментальщик Кеше успешно переработал партитуру композитора, приспособив ее для малого симфонического состава. Художники Вегенер и Шухаев создали декорации и костюмы, соответствующие эпохе и выражающие настроение развивающейся в спектакле драмы. Музыкальные педагоги Грязнова и Артамонов обучили молодые кадры артистов, добившись большой выразительности и музыкального исполнения».

Во время подготовки постановки оперы «Травиата» эстрадная группа Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького в составе А. Т. Акумовой, И. А. Андреева, О. А. Бондемер, Е. Г. Венгеровой, В. Ф. Голубева, Н. П. Нальского, Ю. Э. Розенштрауха, Е. И. Тарасовой, И. Л. Тартаковской, совершила первую (3-месячную) в его истории гастрольную поездку за пределы территории Дальстроя. Она с большим успехом выступила в Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске, Спасске, в штабе Дальневосточного фронта, на кораблях Амурской флотилии, в студии Хабаровского краевого радиокомитета. В общей сложности было дано 55 платных концертов и 6 шефских для воинов Дальневосточного фронта.

Почти одновременно с этим при Магаданском музыкально-драматическом театре им. М. Горького был сформирован «*малый симфонический оркестр в составе 18 штатных единиц*» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 116, л. 63]. Первый его концерт для горожан состоялся 23 октября 1944 г. Под руководством бывшего заключенного Маглага дирижера П. З. Ладирдо прозвучали первая часть неоконченной симфонии Ф. Шуберта, каватина Алеко из одноименной оперы С. Рахманинова, оркестровый «Ракоши-марш» Г. Берлиоза, 15-я фортепианная рапсодия Ф. Листа, финал 4-й симфонии П. Чайковского и др.

Обстановка Великой Отечественной войны также сыграла роль в том, что в Магадане в этот период оказалось на гастролях несколько театральных и эстрадных коллективов из восточных районов страны. Правда, это были вынужденные гастрольные, так как вернуться туда, где еще шли боевые действия, им не представлялось возможным. Таким образом, некоторые из этих коллективов были оторваны от родных мест с самого начала Великой Отечественной войны. Например, артисты Харьковского театра эстрады в составе 13 чел. приехали в Магадан в начале сентября 1943 г. и выступали перед горожанами с разножанровыми программами. Надежда Корени была жанровой певицей, Татьяна Корчиц – художественным чтением, Сергей Бружанникий – скрипачом, Анатолий Кузнецов – жонглером. В составе Харьковского театра эстрады выступали танцоры, трио эксцентриков и др. Часть средств от концертов в Магадане они передали в фонд восстановления родного города. Затем Харьковский театр эстрады выехал на Украину.

Летом 1944 г. в Магадан впервые приехал ленинградский коллектив «Цирк на сцене». С 1 июля он начал свои выступления. В составе «Цирка на сцене» были артисты различных видов циркового искусства, а также представители «чистой» эстрады, в том числе вокалисты и юморист-сатирик. Выступали гимнасты Н. и Л. Гиндлины, жонглеры О. и А. Васильевы, акробат С. Афонский, певцы М. Стульба и Е. Жуковская. Юморист-сатирик Петр Угрюмов являлся ведущим всей программы «Цирк на сцене». Однако лидирующие позиции в коллективе занимал один из самых талантливых в Советском Союзе представителей сложнейшего искусства клоунады К. Г. Мусин, выступавший в популярном образе Чарли Чаплина. К тому времени был награжден за свое мастерство орденом Трудового Красного Знамени.

Дав ряд концертов на сцене Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького и буквально сразу завоевав симпатии горожан, «Цирк на сцене» выехал на гастроли по приискам и автобазам Дальстроя. За 28 дней поездки он выступил с 47 концертами для работников УАТ, жителей и рабочих Северного, Западного, Чай-Урьинского и Тенькинского горнопромышленных управлений. На выступлениях побывали 12 тыс. зрителей. Затем «Цирк на сцене» дал шефский концерт и весь сбор от еще одного концерта в сумме 9 тыс. руб. внес в фонд восстановления освобожденного Донбасса.

Дальнейшие выступления ленинградских артистов возобновились в Магадане 18 августа 1944 г. и продолжались в течение 3 дней по обновленной программе. Все концерты проходили в переполненном зале, ибо для людей, отдававших все силы для победы, эти выступления являлись своеобразной эмоциональной отдушиной. Еще больше зрителей собралось на прощальном представлении «Цирка

на сцене», которое состоялось 1 и 3 сентября 1944 г. После этого он вновь отправился на гастроли, но теперь уже на освобожденную от фашистов территорию.

Гораздо дольше задержался в Магадане Украинский театр музыкальной комедии и драмы Молотовского областного отдела искусств. Гастроли он, как и другие коллективы, начал в 1941 г. Перед приездом в г. Магадан театр выступил в Красноярске и Якутске и пользовался большой популярностью (непосредственного отношения к Украине не имел, так как работал в г. Молотове, которому позднее было возвращено старое название Пермь).

В связи с тем, что Магаданский музыкально-драматический театр им. М. Горького тогда испытывал организационные трудности, приехавшие актеры и их руководящий состав «согласно заключенного договора» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 101, л. 114] были зачислены в его штат. Действие договора ограничивалось периодом с 1 октября 1943 г. по 15 июня 1944 г. В состав Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького вошли: Д. Е. Травицкий (заместителем директора), Г. М. Муль (художественным руководителем), О. В. Миндер (балетмейстером), О. Н. Глаголева (концертмейстером). И. В. Золотарев (режиссером), а также Г. А. Беляева, В. К. Воронович, П. И. Герасименко, И. П. Грищенко, А. Н. Зарницкая, П. М. Зиминая, Л. Н. Ковальская, К. Ф. Королева, А. Г. Куликова, Г. М. Ларина, В. К. Малых, А. И. и А. В. Марухины, А. Е. Молдован, Е. И. Осавлюк, Н. Е. Педошенко, Г. Н. Поляна, Л. П. Романова, В. И. Свичкаренко, К. П. Соколова, К. М. Суханова, В. Д. Сушко, Н. И. Шкурченко. В. П. Юденков – актерами и Ю. С. Ремгильд – художником.

В числе поставленных ими спектаклей были «Ой не ходи, Грицю, та й на вечерицю» М. Старицкого, «Бесталанна» И. Карпенко-Карого, а среди совместных с актерами Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького постановок были «Лымеривна» П. Мирного, «Игра интересов» Х. Бенавенто, «Сильва» И. Кальмана, «Маруся Богуславка» М. Старицкого, «Запорожец за Дунаем» П. Гулак-Артемовского, «Свадьба в Малиновке» В. Александрова.

Приняли участие украинские актеры и в концерте, посвященном 26-й годовщине Красной Армии. Поставленный талантливым режиссером и актером Н. П. Нальским (недавно освободившимся из Маглага), он состоял из двух отделений. Первое отделение открывалось литературно-музыкальным монтажом «С песней по Украине», в котором выступали украинские актеры, кроме них – М. В. Гирусов и В. В. Португалов. Затем Ю. Э. Розенштраух прочитал отрывок из поэмы «Суворов» К. Симонова, а А. И. Марухин спел арию донна Базилио из оперы «Севильский цирюльник». Во втором отделении концерта танцевали Н. А. Гамильтон, ее партнеры И. И. Мухина и А. С. Грызлов, еще бывшие заключенными. А. Е. Молдован исполнил фронтовые песни и песню из кинофильма «Дочь моряка», Е. Г. Венгерова выступила с арией Марицы, О. В. Линдер и Н. Е. Педошенко – с опереточным дуэтом «Для вас», а затем А. Т. Акумова и О. В. Линдер – в комической сценке «Чаплин».

Подобные концерты, посвященные памятным датам в истории советского государства, Магаданский музыкально-драматический театр им. М. Горького проводил во все годы Великой Отечественной войны. Патриотическая направленность выступлений была несомненна. Она прослеживалась также во всей деятельности магаданских горкинотеатров, клубов, Колымского радиокомитета, Охотско-Колымского краеведческого музея, редакции газеты и издательства «Советская Колыма». В трудное военное время эти учреждения имели самую широкую популярность среди горожан.

«Вчера в Магадан, – сообщала газета «Советская Колыма» 6 июля 1943 г., – доставлены новые звуковые фильмы. Среди них – английский документальный фильм о разгроме англо-германских войск в Ливии и Египте «Победа в пустыне», документальный фильм «Иран», новый звуковой фильм о героической обороне Ленинграда «Непобедимый», звуковые фильмы «Она защищает Родину», «Сын Таджикистана», «Актриса», «Украина»».

Привезенные кинофильмы смотрели с огромным интересом, как и те, которые показывались ранее. В дневнике Охотско-Колымского краеведческого музея сохранилась характерная запись от 2 июня 1943 г. «В Магадан с пароходом прибыли новые кинофильмы – «Котовский», «Сталинград», «69-я параллель», «Очарован тобой», «Три мушкетера» и др. Исключительным успехом пользуются фильмы «Котовский» и «Сталинград». До отправки картин на трассу их пускали до 2 1/2 часов ночи. Так 1 июня последний сеанс на «Сталинград» был в 1 час 30 мин...»

Для успешной демонстрации кинофильмов, их постоянного использования была необходима исправная аппаратура. В этом отношении у кинопрокатной конторы Дальстроя имелись определенные трудности, которые удалось решить как раз в период Великой Отечественной войны. Так, значительная часть аппаратуры, ранее завозимой в Магадан, была полностью освоена и стала изготавливаться в мастерской Колымского окружкома профсоюза, что позволило с успехом эксплуатировать ее на многих киноустановках. Не менее удачно разрешился вопрос с производством электроуглей, для которого были использованы местные материалы.

Большую изобретательность проявили магаданские киномонтажники при восстановлении кинофильмов с низкой технической годностью. Благодаря их кропотливому труду горожане получили возможность смотреть и дальше такие необычайно популярные ленты, как «Секретарь райкома», «Машенька». «Юность Максима», «Парень из нашего города», «Трактористы», и др. Для магаданской молодежи, влюбленной в творчество актеров, игравших в этих кинофильмах, это был своеобразный моральный

стимул. Тем более, что накануне Великой Отечественной войны, поздравив с присуждением Сталинских премий Николая Крючкова и Тамару Макарову, молодежь города получила благодарственные ответы.

«Сердечно благодарю за поздравления, – писал Николай Крючков. – Работаю над ролью колхозного конюха Кузьмы в новой музыкальной комедии “Свинарка и пастух”. Режиссер – тов. Пырьев, постановщик картины “Трактористы”. Желаю Вам успеха в вашей работе...» В телеграмме Тамары Макаровой было сказано: *«Благодарю за внимание, постараюсь в роли Нины в картине “Маскарад” утвердить ваше дружеское ко мне отношение...»*

В период Великой Отечественной войны еще большее значение приобрели местные радио и печать. Они не только являлись источниками политической информации, но и обеспечивали постоянную взаимосвязь со слушателями и читателями.

«О популярности и массовости колымского радиовещания, – отмечал председатель Колымского радиокомитета Л. А. Шахнарович, – свидетельствуют некоторые цифры. Только за 11 месяцев 1944 г. мы получили от рабочих, служащих, ИТР Дальстроя 4060 писем, корреспонденций и статей. Музыкальная редакция выполнила заявки более чем 500 слушателей. Открытые радиоконцерты, детские утренники, литературно-музыкальные образовательные передачи, специальные передачи для представителей различных профессий – все это стало обыденным явлением».

Проблемой для колымского радиовещания долгое время являлся процесс звукозаписи. Но вот в конце 1944 г., благодаря творческой инициативе и смекалке конструкторов АРЗа, был изготовлен первый в Магадане звукозаписывающий аппарат. Он дал возможность работникам Колымского радиокомитета производить запись выступлений перед микрофоном, музыкальных новинок, передаваемых по радио из Москвы или Хабаровска, переписывать граммофонную или патефонную пластинку.

Газета «Советская Колыма» в течение Великой Отечественной войны выпускалась ежедневно на четырех полосах тиражом 30 тыс. экз. Она широко освещала события местной жизни, разностороннюю деятельность производственных коллективов, партийных, комсомольских, профсоюзных, общественных организаций, ход социалистического соревнования; пропагандировала достижения стахановцев, отличников всеобуча; информировала о событиях культурной жизни; публиковала письма фронтовиков, материалы о помощи семьям военнослужащих; проводила открытые конкурсы.

Так, с 1 октября 1944 г. по 15 января 1945 г. редакция газеты «Советская Колыма» и Колымский окружком профсоюза провели открытый конкурс на лучшее литературное произведение. В нем приняли участие 137 колымчан, приславших 270 различных произведений – стихи, рассказы, очерки, новеллы, скетчи и т. д. К моменту подведения итогов газета «Советская Колыма» опубликовала 31 произведение, часть остальных готовилась к печати. Однако как бы там ни было по разделу рассказов первая премия в сумме 1000 руб. была присуждена автору рассказа «Испытание характера» В. В. Точинину (Палатка), вторую премию (750 руб.) получил В. А. Вуйчик (Магадан) за новеллу «Венгер». По разделу очерков первую премию (850 руб.) вручили И. Н. Бычкову (Адыгалах) за очерк «Победа», вторую (500 руб.) – автору очерка «Колымская сталь» З. А. Руммеру, недавно репрессированному, отбывавшему срок в Севвостлаге.

В число самых значимых в годы Великой Отечественной войны культурно-просветительных учреждений, проводивших активную, разностороннюю работу, входил Охотско-Колымский краеведческий музей. Имея ограниченный состав сотрудников, он не только занимался сбором экспонатов, чтением лекций, проведением экскурсий, но и довольно часто организовывал самые разнообразные выставки, пропагандировал огородничество, создание индивидуальных хозяйств, занятия рыбной ловлей, сбор дикорастущих плодов, ягод, грибов, помощь приискам, заготовку сена, сдачу личных сбережений и теплых вещей в фонд обороны страны.

«Осенью 1942 г. в Охотско-Колымский краеведческий музей, – писал его директор А. П. Хмелинин в газету «Советская Колыма», – из Гижиги была доставлена пушка, на цапфе которой был выбит 1821 год и слова “Фуллон” и “Алкнд звезд”. Желая получить разъяснение этих слов и более подробное описание о самой пушке, наш музей послал письмо в Государственный исторический музей, приложив к запросу фото, обмеры, вес пушки и описание обстановки находки. Недавно получено научное заключение, составленное заведующим группой оружия исторического музея тов. Соболевым. Оказывается, пушка была отлита сто двадцать два года назад на Александровском заводе в г. Петрозаводске. Этот завод был основан в 1774 г. и при директоре шотландце Гаскоине был оборудован по следующему слову европейской техники. Вместе со своим отделением в Кронштадте и Лучанским заводом он лил пушки для флота и крепостной артиллерии. Фуллон, чье имя выбито на цапфе пушки, был одним из преемников директора Гаскоине. Он выпускал с Александровского завода пушки, одна из которых оказалась в Гижиге и была оттуда доставлена в наш музей».*

По инициативе А. П. Хмелинина при музее на приусадебном участке стали выращивать овощи в открытом грунте. Кроме того, он организовал обучение, а затем обобщил ценные сведения о грибах,

*В настоящее время пушка экспонируется в Магаданском областном краеведческом музее.

диких ягодах, морских водорослях, шубе – корне, который издавна заменял местным жителям хлеб. А. П. Хмелинин вместе с сотрудниками музея (в частности, с рабочим И. П. Головиным) выращивал кроликов и широко пропагандировал их разведение в хозяйствах колымчан.

15 февраля 1943 г. он издал следующие: «Вследствие военной необходимости сокращения расходов утвержденная в январе 1943 г. смета музея подвергалась урезыванию. 1. Сокращаются с 1-го марта 1943 г. две должности в штатах музея: а) должность художника – С. С. Лехем, б) должность рабочего по уходу за животными – И. П. Головин. 2. На основании приказа по АГО ГУСДС за № 13 лошадь, принадлежащая музею, гнедой масти передается по акту по балансовой стоимости Дому инвалидов безвозмездно. 3. Все имеющиеся в питомнике лисицы в количестве 4-х (самец и три самки) должны быть переданы или в охотхозяйство окружкома, или в торгово-заготовительный отдел Колымснаба, которому согласно приказа ГУСДС № 86 от 19/II-1941 г. п"б" вменяется в обязанность организация лисьего питомника. В случае невозможности передачи лисиц живыми в вышестоящую организацию, произвести их забой и сдачу шкур в пушнину. 4. Имеющихся в музее канареек, в количестве пяти, точно определить по полу и испытать молодых самцов на пение и затем приступить к продаже их организациям и любителям птиц. Уход за птицами до их ликвидации возлагается на уборщика Брагина Д. В. 5. Рабочего по уходу за животными тов. Головина И. П., зарекомендовавшего себя своей дисциплинированностью, трудолюбием и исполнительностью, за сокращением штатной должности рабочего по уходу за животными с 1-го марта 1943 г. перевести на должность дневного сторожа с окладом 35 руб. На него возлагается уход, кормление и наблюдение за опытной группой кроликов. 6. Ввиду того, что все хозяйственные и прочие расходы по смете музея значительно сократились, всем сотрудникам музея надо еще больше, чем раньше, усилить борьбу за экономию как в топливе, освещении, так и во всех остальных статьях расходов музея» [ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 77, лл. 29–30].

30 марта 1944 г. Охотско-Колымский краеведческий музей отметил свое 10-летие. В связи с этой датой его поздравили И. Ф. Никишов и И. К. Сидоров. В их совместном приказе № 151 по ДС от 7 апреля было отмечено, что, «бережно отбирая материалы о прошлом и изучая особенности богатства края, музей провел значительную полезную работу, за что пользуется популярностью среди трудящихся Дальстроя». А. П. Хмелинина, И. П. Головина, завхоза М. В. Ширяева и вновь принятого в качестве «оформителя экспозиции и библиотекаря» С. С. Лехема наградили почетными грамотами.

Это была оценка труда людей, которые, кроме своей основной работы, начиная с августа 1941 г. ежемесячно отчисляли однодневный заработок в фонд обороны. Здесь же можно привести тот факт, что уборщика Охотско-Колымского краеведческого музея С. Е. Скурихина, получающая зарплату 270 руб., в январе 1942 г. подписала на билеты денежно-вещевой лотереи на 100 руб. Такими же патриотическими начинаниями отличались в годы Великой Отечественной войны и клубные работники Магадана, в частности Центрального городского клуба профсоюза и нагаевского клуба «Моряк». Летом 1944 г. клубный актив среди горожан составлял 253 чел.

Пропагандистская патриотическая работа военных лет сочеталась с соответствующим оформлением предприятий и учреждений Магадана, с наглядной агитацией, мобилизующей на трудовые и боевые дела. Колымский окружной и Магаданский городской комитеты профсоюза, ГКО ДС и КВО Маглага использовали находящихся в их распоряжении художников, не особо считаясь с тем, вольнонаемные они или заключенные. Архивные документы сохранили имя одного из них – репрессированного И. И. Пархоменко. Как оказалось, он очень многое сделал для Магадана, включая довоенные и даже послевоенные годы.

«На Колыму я прибыл как заключенный (ст. 54-10, ч. 1, срок 5 лет)*, – писал И. И. Пархоменко в автобиографии. – Около года работал грузчиком в Нагаевском порту. В феврале 1939 г. был вызван с группой художников для выполнения задания начальника Дальстроя тов. Павлова по отображению каравана судов, ведомых ледоколом "Красин" в бухту Нагаево. По окончании картины "Сталинский караван в Нагаево" все время работал по специальности, выполняя главным образом задания руководства Главного и Политического управлений Дальстроя и окружкома профсоюза... Начиная с 1939 г. являлся автором или соавтором эскизов и художником-руководителем по оформлению Центральной площадки парка культуры и отдыха Магадана и его основных зданий к праздникам и другим событиям...».

После освобождения из заключения И. И. Пархоменко неоднократно привлекался к обустройству оборонных выставок, парткабинета горкома ВКП(б), выполнял многоплановые работы на политические и культурно-просветительские темы, оформлял (вместе с другими художниками) большое и малое фойе Дома культуры им. М. Горького, здания городского комитета профсоюзов. Он был одним из тех, благодаря кому Магадан становился похожим на строящийся социалистический город. Тот город, который видели или хотели видеть приезжающие с «материка», будь то журналисты или договорники Дальстроя. Другая, лагерная жизнь как бы оставалась в тени, уходила, ускользала от их внимания.

«Когда к Магадану подходишь с моря, города не видно, хотя и расположен он на самом берегу, – писал специальный корреспондент «Известий» Н. Загородный в «Письмах с Колымы», опубликованных

*То есть был осужден по ст. 54-10 УК УССР «за пропаганду и агитацию».

24 октября 1944 г. – Его скрывает невысокая сопка, у подножья которой расходятся в виде огромной подковы предместья города, бухта и порт Нагаево. Но стоит подняться на сопку, Магадан как на ладони. Он расположен в низине, и с сопки видны каждый его дом, все улицы и площади, видны далеко разбросанные окраины и многоэтажный центр города... Война приостановила строительство молодого города, но и сейчас Магадан является самым крупным и благоустроенным городом на всем Дальнем Севере. Особенно привлекателен его центр. Здесь строго перпендикулярно пересекаются две широкие прямые улицы. Одна из них выходит за черту города и белеющей лентой вьется далеко в тайге, являясь началом большой автомобильной магистрали... Магадан стоит на берегу холодного, вечно темного моря. Однако на его улицах можно встретить много зеленых насаждений. Магаданцы относятся к ним с особо трогательной заботой. Каждое дерево и кустарник обнесены декоративной оградой... Около городского театра в маленьком сквере разбиты цветочные клумбы. Сквер всегда многолюден, здесь бывают и взрослые и дети. Но, как рассказывает бородастый сторож, за три года его работы не было случая, чтобы кто-нибудь сорвал хоть один цветок. Магаданцы очень любят свой город. Здесь не увидишь разрушенных дорог, тротуаров и заборов. Улицы и здания содержатся в образцовом состоянии. В магазинах, на почте, на телеграфе и в других общественных местах – повсюду чистота и порядок...»

Описанное здесь было результатом проводимых в то время довольно часто мероприятий по благоустройству Магадана, повседневным организатором и проводником которых являлся горкоммунотдел ДС. «За достигнутые по очистке города от грязи и мусора результаты и за надлежащее его состояние» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 114, л. 153] приказом № 260 по ДС от 31 мая 1944 г. были награждены месячным окладом: Ф. А. Муратов – начальник ГКО, Н. В. Михин – заместитель начальника ГКО, Г. А. Дубровин, Н. С. Макаров, И. В. Муромцев – начальники дорожно-эксплуатационных участков, С. К. Казаков, К. В. Кузнецов, В. С. Сергеев – дворники домоуправлений, И. И. Акуленко, К. Ф. Гулева – дворники-дневальные транзитного городка.

Приказом № 564 по ДС от 9 ноября 1944 г. «за хорошие показатели в работе» был поощрен денежными премиями еще 21 работник ГКО ДС, а 9 – объявлена благодарность. В число премированных входили: Н. И. Бершов – начальник Магаданской железной дороги, М. А. Радкевич – начальник сантехэксплуатации, М. Х. Шкловский – начальник транспортной конторы; в число тех, кому объявлена благодарность, – З. Х. Ванд – заведующий центральной котельной, М. С. Зайчук – заведующий конбазой, А. А. Милушин – начальник Магаданского леспромхоза, В. Н. Голубков, В. Г. Сысоев, С. Г. Шмованов – заведующие отопительными районами и др.

Параллельно с этим работники всех подразделений ГКО ДС принимали активное участие в патристических начинаниях магаданцев. Они сдавали деньги и облигации в фонд обороны, собирали и отсылали теплые вещи бойцам Красной Армии, помогали подшефным детским домам. В декабре 1944 г. на адрес ГКО ДС пришла телеграмма: «Прошу передать работникам Магаданского коммунального отдела Дальстроя НКВД, собравшим сто двадцать одну тысячу двести рублей на постройку танка, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

В течение Великой Отечественной войны произошел рост населения г. Магадана. В 1941 г. здесь проживали 10 946 чел., в 1942 г. – 13 564, в 1943 г. – 13 470, в 1944 г. – 15 031. Эти цифры не включали количество заключенных Маглага, которое постоянно изменялось. Вместе с тем, по данным Магаданского горкома профсоюза, к концу 1944 г. в городе насчитывалось 10 532 работающих на предприятиях и в учреждениях, а рост жилищного фонда и коммунального обслуживания отражен в таблице.

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Каменные здания, м ²	9831	9831	9831	11 860
Деревянные здания, м ²	48 004	48 753	52 489	52 890
Палатки, м ²	3512	2704	1754	1754
Всего, м ²	61 347	61 288	64 074	66 504
В том числе:				
Оборудовано центр. отоплением, м ²	34 391	36 330	41 520	43 529
К общей площади, %	56,0	59,3	64,8	65,5
Оборудовано водопроводом, м ²	22 090	24 520	29 110	32 390
К общей площади, %	36,0	40,0	45,5	48,7
Оборудовано канализацией, м ²	20 230	22 650	27 811	29 840
К общей площади, %	33,0	37,0	43,4	44,9
Средняя площадь на 1 проживающего, м ²	5,6	4,5	4,8	4,4

Совсем недавно рассекречено письмо Л. П. Берия И. В. Сталину от 9 января 1944 г.: «НКВД СССР докладывает, что Дальстрой НКВД 29 декабря 1943 года закончил выполнение установленного Правительством плана золотодобычи 1943 года. Добыто 70 тонн химически чистого золота. Олова добыто 3000 тонн (в пересчете на чистый металл). Благодаря энергичной и настойчивой работе начальника

Дальстроя т. Никишова И. Ф., начиная с 1940 года Дальстрой резко увеличил добычу золота и олова. За семь первых лет существования Дальстроя по 1939 год Дальстрой добыл 228,6 тонн золота. За последние четыре года: 1940–1943 гг. добыто золота – 305 тонн. За 1936–1939 гг. добыто олова в концентрате – 762 тонны. За последние четыре года: 1940–1943 гг. добыто олова в концентратах – 12 627 тонн. Работа Дальстроя, особенно в годы войны, протекала в крайне трудных условиях при серьезном уменьшении завоза материалов, оборудования и рабочей силы. Дальстрой обеспечивал в условиях военного времени выполнение плана по золото- и оловодобыче в значительной степени путем мобилизации внутренних ресурсов. Особенно использовал Дальстрой свои ремонтно-механические и машиностроительные заводы для производства нового оборудования, ремонта механизмов, производства запасных частей и перевода значительной части автотранспорта с бензина на твердое топливо. Большие успехи имеет также Дальстрой в области увеличения собственных продовольственных ресурсов (рыба, овощи, мясо, молоко) и производства одежды и обуви за счет местного сырья и промышленного освоения Дальнего Севера и обеспечения в трудных условиях военного времени успешного выполнения плана добычи золота и олова, присвоить звание Героя Социалистического Труда начальнику Дальстроя т. Никишову И. Ф. и начальнику Геологического управления Дальстроя т. Цареградскому В. А. Т. Никишов, работая начальником Дальстроя с 1939 года, показал высокие организаторские способности, энергию и проявил себя как крупный организатор, успешно справившийся в трудных условиях военного времени с задачей руководства сложным хозяйством Дальстроя. Т. Цареградский за 15 лет своей работы в Дальстрое лично участвовал в открытии многочисленных месторождений золота, олова, каменного угля и других полезных ископаемых, и, в целом, провел большую работу по изучению и освоению Колымы. Т. Цареградский является крупным геологом, имеет ряд серьезных трудов, обобщающих геологические данные колымских месторождений. Представляя проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, прошу Вашего решения».

Решение было положительным, и 20 января 1944 г. вышел Указ Верховного Совета СССР, свидетельствующий о том, что среди коллектива дальстроевцев появились первые Герои Социалистического Труда. «За особые заслуги, – говорилось в документе, – в деле промышленного освоения Дальнего Севера и обеспечение в трудных условиях военного времени успешного выполнения планов добычи редких и цветных металлов присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот»: комиссару госбезопасности III ранга Никишову Ивану Федоровичу, инженер-полковнику Цареградскому Валентину Александровичу» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 386, л. 22].

В этот же день Л. П. Берия направил приветственную телеграмму «товарищам Никишову, Цареградскому». «Огромная помощь и внимание, – отмечал нарком НКВД СССР, – оказываемые Дальстроем правительством и лично товарищем Сталиным, обязывают лично Вас и весь коллектив Дальстроя еще лучше работать, чтобы добиться в 1944 году выполнения и перевыполнения плана добычи металла, больше экономить материалов, топлива, лучше использовать оборудование и механизмы, чтобы так же, как все передовые предприятия нашей страны, давать родине больше металла для окончательного разгрома врага».

Вслед за этим, но уже 21 января 1944 г., начальник Политуправления Дальстроя И. К. Сидоров издал директиву, связанную с появлением в Дальстрое двух первых Героев Социалистического Труда. «На митингах и собраниях, в беседах и по радио, – обращался он к политработникам Колымы, – широко доводите до всех трудящихся Указ Президиума Верховного Совета СССР, опубликуйте его во внеочередном выпуске газеты. Высшая награда руководителя Дальстроя товарища Никишова и одного из старейших работников Дальстроя товарища Цареградского свидетельствует о высокой оценке партии и правительства данной работы всего дальстроевского коллектива, который в трудных условиях военного времени работал не покладая рук, успешно выполнил задание партии и правительства и добытым металлом оказал помощь любимой родине и героической Красной Армии в нанесении ненавистным немецким оккупантам смертельных сокрушительных ударов» [ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 386, л. 22].

Трудовой вклад как колымчан, так и магаданцев в победу был отмечен 24 февраля 1945 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР Дальстрой наградили орденом Трудового Красного Знамени. Для его получения в Москву вылетел И. Ф. Никишов. 3 марта 1945 г. вместе с еще четырьмя дальстроевцами* он был на приеме в Кремле. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин передал И. Ф. Никишову награду, завоеванную коллективом Дальстроя. После этого первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручил ему орден Кутузова I степени. Это была личная награда И. Ф. Никишову, как и еще более чем 30 тысячам дальстроевцам, также награжденным по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 г.

В числе награжденных находились: орденом Ленина – заместитель начальника Политуправления Дальстроя, первый секретарь Магаданского горкома ВКП(б) В. Ф. Белов, управляющий гострестом «Колымснаб» Г. Я. Комаров, главный геолог Дальстроя Б. Н. Ерофеев; орденом Трудового Красного Знамени – начальник УНТП Н. Г. Вакуленко, заместитель начальника УНТП А. Е. Леликов, капитан парохода «Дальстрой» В. М. Банкович, начальник Управления связи М. Н. Прутковский, заместитель начальника Управления автотранспорта В. З. Пивоваров, директор АРЗа А. И. Голиков; орденом Кра-

*В их числе находилась вторая жена И. Ф. Никишова А. Р. Гридасова.

сней Звезды – председатель Колымского окружкома профсоюза Н. И. Адолин, начальник Санитарного управления А. М. Садомский, секретари Магаданского горкома ВКП(б) А. П. Головкин и А. Г. Строганов, командир авиаотряда Д. В. Фуфаев, главный механик Дальстроя П. Ф. Ершов; медалью «За трудовую доблесть» – слесарь АРЗа И. И. Рандин, медалью «За трудовое отличие» – слесарь АРЗа А. Е. Байкова и др.

Данное награждение воодушевило магаданцев, а менее чем через 3 мес наступил день Победы. *«С далеких рудников возвращался в Магадан, – вспоминал водитель И. М. Хоменко. – Уже совсем близко до дома – две сотни километров. Только преодолеть один перевал – а там поселки: Карамкен, Палатка, Стекольный, 47-й километр, 23-й и дом, семья, тепло, ванная – все, что не видел, почитай, три месяца трудного рейса. Как вдруг, по-колымски неожиданно и свирепо, надвинулась пурга, да такая, что и по здешним местам редкая. Ни тракторы, ни отряды дорожников не могли пробить снежные завалы. Дорога закрыта. Диспетчер поселка Атка, на 208-м километре, не отмечает путевку. Уже очередь машин выстроилась в ожидании, пока откроется дорога. Неужели сидеть здесь, ждать у моря погоды? Решаю пробиваться самостоятельно. Двигаюсь вперед, подхожу к заснеженному перевалу, присоединяюсь к дорожникам, вместе с ними орудую лопатой, медленно продвигаюсь вперед. Все-таки побеждаем пургу! Пока очищается один километр дороги, я продвигаюсь вперед, а пурга снова заваливает снегом только что пройденный участок, и для тех, кто ждет открытия дороги, она все еще закрыта. А я опять за дорожниками, опять лопатой расчищаю дорогу и, не дожидаясь, пока пурга снова занесет расчищенный участок, пробиваюсь вперед. И всего-то три километра самых трудных, а пробивались мы двое суток. Однако пробились на чистое место. Повел я машину к Магадану, пришел на базу, а там ахают – как это да откуда ты? Дорога закрыта наглухо, а ты по воздуху что ли? Или чувствовал, какой нынче день у нас? Глянь, что на улицах Магадана творится! Измученный, закопченный, промороженный, я вышел из кабины и глянул на улицы Магадана. Суровые, обветренные мои земляки-колымчане толпятся, совсем по-южному обнимаются, целуются, пляшут по колено в снегу. Люди ликovali. Вместе со всей страной переживали счастье Победы. Было 9 мая 1945 г.»*

В этот день состоялся общегородской митинг трудящихся, посвященный окончанию Великой Отечественной войны. Он проходил на площади перед зданием Главного Управления Дальстроя. Митинг, начавшийся в 13 часов дня 9 мая 1945 г., открыл секретарь Магаданского горкома ВКП(б) В. Ф. Белов. «Товарищи! – сказал он. – Долгожданный день великой радости нашего могучего и непобедимого советского народа настал. Подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил перед армиями объединенных наций...»

Вскоре после этого начались общегородские торжества, повсеместно демонстрировался кинофильм «В шесть часов вечера после войны». *«Мы зашли в театр в шесть часов вечера, – рассказывалось в газете «Советская Колыма» 10 мая 1945 г. – На очередной сеанс собрались бойцы, трудящиеся города, школьники. Здесь продолжалось то, что они уже видели днем на улицах города. Люди поздравляли друг друга, обнимались, подходили к буфету, поднимали бокалы вина, пива и до сих незнакомые между собой чокались и пили за победу. Этот исторический день еще больше сроднил людей в общей радости».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя – г. Магадан – приходится на 1929–1945 гг., учитывая, что 1929–1932 гг. являются его предысторией. В то же время это три периода в истории Магадана: первый период – 1929–1939 гг., второй – 1939–1941 гг., третий – 1941–1945 гг.

С 1929 по 1939 г. Магадан (включая предысторию) также прошел несколько этапов: первый этап – от возникновения Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы до образования двух поселков Нагаево и Магадан (1929–1930 гг.); второй – от существования двух поселков до начала строительства Нагаевской базы и временного административного центра Дальстроя – пос. Магадан (1930–1932 гг.); третий – от начала строительства временного административного центра Дальстроя до утверждения самоназвания «город Магадан» (1932–1935 гг.); четвертый – от утверждения самоназвания «город Магадан» до получения официального статуса города (1935–1939 гг.).

Восточно-Эвенская (Нагаевская) культбаза была самым первым пунктом на берегу бух. Нагаева и в исторической ретроспективе – на территории современного г. Магадана. За время ее существования в ранее необитаемом крае возникли такие учреждения, как школа, больница, библиотека, краеведческий пункт и др. Именно вокруг Восточно-Эвенской культбазы сложился поселок Нагаево. Здесь же возник и первый орган самоуправления – Нагаевский рабочий поселковый совет.

Освоение близлежащей к Нагаево территории другими организациями положило начало возникновению еще одного поселка – Магадана. Именно он стал временным административным центром организованного в ноябре 1931 г. гостреста «Дальстрой» и дал название будущему городу. В период строительства этого временного центра, которое с лета 1932 г. велось значительными силами заключенных только что организованного Севвостлага, Нагаево и Магадан стали объединяться в один пос. Нагаево-Магадан.

В этом поселке в 1932–1935 гг. была проложена дорога от рч. Магаданка до бух. Нагаева, по которой стал регулярно ходить автобус; возникли первые двухэтажные и кирпичные (их называли каменные) здания; были построены первые причалы Нагаевского морского порта; небольшие механические мастерские реорганизованы в авторемонтный завод – АРЕМЗ; созданы авиационный отряд и морской флот Дальстроя (в составе нескольких крупных океанских судов); вступили в строй магаданская электростанция, кирпичный завод, лесозавод, кожзавод, производственные мастерские из нескольких цехов; открылись клубы, кинотеатр, музей, учебный комбинат, педагогический техникум, библиотечный коллектор, Дом инженерно-технических работников; функционировали санитарный городок, морская водолечебница, витаминная лаборатория; был сформирован театральный коллектив, издавалась общедальстроевская газета; открылся парк культуры и отдыха со стадионом «Динамо». В общем, работали все социально-бытовые службы, подчинявшиеся Управлению комендатуры Нагаево-Магаданского района, реорганизованному с 1 августа 1935 г. в Управление комендатуры Магаданского района.

К концу 1935 г. в Дальстрое утвердилось самоназвание «город Магадан». В апреле 1936 г. был разработан генерально-перспективный план Магадана, а управляющему стройконторой Управления комендатуры предоставлены права городского архитектора. Согласно этому плану развернулось дальнейшее строительство временного административного центра Дальстроя, несмотря на то что его первый директор Э. П. Берзин издал приказ (21 сентября 1936 г.) о строительстве нового административного центра «на острове близ устья р. Таскан и на прилегающей к нему части левого берега р. Колымы». В 1935–1938 гг. в Магадане были возведены первые жилые кирпичные (каменные) дома (сохранившиеся до сих пор) и часть кирпичных общественных зданий (телеграф, корпуса АРЕМЗа, погранотряда); вступили в строй судоремонтный завод № 2, хлебозавод, фабрика-кухня, новый водопровод, средняя школа, новые причалы Нагаевского порта; пополнился морской флот Дальстроя (пароходы «Николай Ежов», «Индигоирка», парусно-моторная шхуна «Звезда»); открылись новые агентства связи, магазины санитарии и гигиены, военно-спортивного инвентаря и т. д.

Вместе с тем во второй половине 1937–1938 гг. в Магадане, как и по всей Колыме, прошли массовые репрессии, связанные по сменой руководства Дальстроя и ужесточением лагерного режима. В результате действия тройки УНКВД по ДС пострадали тысячи ни в чем не повинных людей, многие были расстреляны. Новый начальник (теперь уже директор) Дальстроя К. А. Павлов отказался от идеи переноса административного центра ДС в район Таскана. В связи с этим стал разрабатываться новый генеральный план Магадана; Управление комендатуры Магаданского района в начале 1939 г. было реорганизовано в Городской коммунальный отдел (ГКО) Дальстроя. 14 июля 1939 г. Магадану был присвоен официальный статус города. С этого времени начался очередной этап в его развитии, связанный со строительством по новому генеральному плану и созданием новых социально-бытовых служб.

Выдвинутая в последние годы так называемая теория колонизации необычайно сильно драматизирует процессы, происходившие в 1930–1950-е гг. на Колыме, а значит, на наш взгляд, и в Магадане.

Так, историк А. И. Широков в соавторстве с М. М. Этлисом указывает: «Особые условия колонизации отдаленных районов с непривычными (экстремальными) для привлекаемого населения природно-климатическими условиями требовали использования каких-то методов селекции (отбора) персонала и предоставления этому персоналу экономических и социальных льгот. Так было в Индии, в Северной Африке и других районах мира, подвергавшихся колонизации. Освоение Северо-Востока показывает, что в эти процессы тоталитарный режим вносил свои уродливые коррективы» [1993. С. 12].

В июле 1994 г., выступая на международной научно-практической конференции в Перми, А. И. Широков сформулировал это положение более жестко: «Анализ имеющихся в распоряжении исследователей документальных материалов (чего сам автор не имеет до сих пор. – А. К.) позволяет сделать вывод о том, что Северо-Восток, как и весь российский Север, в советский период своей истории подвергся интенсивной колонизации. Она сопровождалась драматическим сочетанием геноцида (высший уровень смертности “спецконтингента”) и экоцида (сведение лесов, резкое сокращение массовых нерестилищ и т. д.), приобретших здесь катастрофические масштабы» [1994. С. 101].

Возвращаясь к данной теме, А. И. Широков также отметил: «Советская историография освоения Северо-Востока, проделавшая значительную работу по изучению истории развития горной отрасли в регионе, процессов дорожного строительства, специфики форм и методов освоения, условий труда и быта заключенных и вольнонаемных работников Дальстроя и т. д., практически не обращала внимание на проблемы экологических, экономических, политических, социальных, этнографических и т. п. последствий освоения. Исходя из этих, порою доходящих до уровня катастрофических, последствий, нами в 1993 г. был сформулирован тезис о колониальном характере политики, проводимой здесь в указанное время Советским Союзом, и о положении Северо-Востока в составе СССР как сырьевой колонии» [1996. С. 38].

В последующей затем совместной работе В. Г. Зеляк и А. И. Широков определяют Северо-Восток России в 1930–1950-х гг. как «внутреннюю колонию» и пишут: «Часть исследователей рассматривает деятельность государства здесь в обозначенное время как политику “освоения”, приведшую к расцвету производительных сил региона, которые оказались подорванными в результате реформ конца XX в. Антитезой этому взгляду является точка зрения, разделяемая нами, в соответствии с которой государством на Северо-Востоке России в 30–50-е гг. проводилась традиционная для всей истории нахождения края в составе России (начиная с XVII в.) политика колонизации, превращавшая регион во внутреннюю сырьевую колонию» [2004. С. 31–32].

Согласиться с подобной точкой зрения – значит признать, что Магадан развивался не как временный, а затем и постоянный центр такой крупнейшей хозяйственной организации страны, как Дальстрой, а как центр так называемой внутренней сырьевой колонии. Наши исследования не только не подтверждают этого, но и еще в большей мере отрицают. Касаясь теории колонизации, высказанной А. И. Широковым в его монографии «Дальстрой: предыстория и первое десятилетие», историк И. Д. Бацаев отмечает: «Автор концентрирует внимание только на тех аспектах истории Дальстроя, которые подтверждают его концепцию о том, что “в течение 20–30-х гг. XX столетия было возобновлено проведение традиционной колонизационной политики в отдельных районах страны в формах, модифицированных приобретающим тоталитарный характер советским политическим режимом” [Широков, 2000. С. 83], и игнорирует другие не менее важные... Что действительно вкладывалось в понятие “советская колонизация”, достаточно ясно выражено в архивных документах и материалах разного уровня и подтверждено практикой. Ставить знак равенства между советской колонизацией 20–30-х гг. (при всех ее издержках) и колониальной, имперской политикой, на наш взгляд, исторически неверно» [Бацаев, 2002. С. 9–10].

И. Д. Бацаева, а также автора данных строк, неоднократно выступавшего в своих публикациях против теории так называемой колонизации, поддерживают дальневосточные историки. Так, доктор исторических наук А. С. Вашук указывает: «Первая точка зрения – это концепция колонизации. Она отражена в работах А. И. Широкова. Его концепцию поддерживает В. Г. Зеляк... Следует отметить некоторую неустойчивость концептуальных взглядов В. Г. Зеляка. Взгляды А. И. Широкова и В. Г. Зеляка критикуются И. Д. Бацаевым, А. Г. Козловым... Представляется, что авторы концепции колонизации, в том числе А. И. Широков, неправомерно сужают содержательную трактовку процесса истории освоения Северо-Востока, ограничивая ее только демографическим и социально-экономическим аспектами. Концепция освоения отнюдь не исключает, а напротив, подразумевает изучение взаимоотношений социума и государства, форм и методов государственной политики освоения, которые могут быть различными, а также усиливает актуальность анализа другого аспекта – обретения соответствующего статуса региона в иерархии отношений центр–регион... Завершая комментарии к дискуссии, выразим свою точку зрения:

более взвешенными и корректными являются позиции И. Д. Бацаева и А. Г. Козлова. Так, А. Г. Козлов четко сформулировал свое отношение к концепции колонизации в рецензии на книгу А. И. Широкова, в которой в сжатой форме выразил отношение к колониционному подходу к истории Северо-Востока в период существования Дальстроя» [Ващук, 2005. С. 546–547].

Третий период в истории Магадана непосредственно относится к 1941–1945 гг., т. е. к Великой Отечественной войне. Это было довольно трудное время для «столицы» Колымы, которой пришлось трудиться в таком же ритме, как и весь Дальстрой. Данный ритм был поистине боевым. Все уже существовавшие магаданские предприятия, несмотря на во многом примитивную технику и нехватку рабочей силы, увеличили количество, качество и ассортимент выпускаемой продукции, ибо завоз с «материка» во время Великой Отечественной войны практически прекратился. Поэтому на магаданских предприятиях создавались еще и крайне необходимые производства, просуществовавшие в административном центре Дальстроя более десятилетия, а также и в тот период, когда он получил статус областного центра.

Кроме этого, во время Великой Отечественной войны в Магадане и недалеко от него стали работать совершенно новые предприятия, и в первую очередь стекольный завод, Усть-Магаданский рыбозавод, макаронная фабрика. Они также дали большое количество недостающей продукции и на многие годы вошли в состав основных предприятий местной перерабатывающей промышленности Дальстроя, а затем и Магаданской области.

Активно развивалась социальная инфраструктура «столицы» Колымы. Наряду с трудовыми подвигами во время Великой Отечественной войны (а они были основными) магаданцы (как вольнонаемное население, так и заключенные) старались всеми силами помочь фронту, являясь активными участниками фонда обороны. Бесстрашно сражались те, кому довелось непосредственно участвовать в боях с фашистскими захватчиками. Один из магаданцев (Д. А. Купцов) стал Героем Советского Союза.

Таким образом, в 1929–1945 гг. происходило возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя – г. Магадана. При этом во многом важным для него являлся довоенный период. Поэтому даже такой активный сторонник теории так называемой колонизации, как В. Г. Зеляк, был вынужден отметить в своей монографии (и здесь он не изменяет истине), что «из отчетных документов Дальстроя следует, что за 1932–1940 гг. был построен Магадан с системой портовых и складских сооружений» [Зеляк, 2004. С. 99].

Литература

- Акулов Н. На строительстве железной дороги // Сов. Колыма. – 1940. – 22 окт.
Амич М. Н. Так почему же Магадан – Магадан? // Магадан. комсомолец. – 1976. – 18 дек.
Басов В. На родной язык // Сов. Колыма. – 1938. – 6 сент.
Бацаев И. Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 217 с.
Бацаев И. Д., Козлов А. Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002.
Ч. 1 (1931–1941). – 381 с.
Ч. 2 (1941–1945). – 428 с.
Берзин Э. П. Завтрашняя Колыма // Тихоокеан. звезда. – 1936. – 1 янв.
Бех М. Еще раз о происхождении названия... // Вечерний Магадан. – 1998. – 20 марта.
Билибин Ю. А. К истории колымских приисков // Билибин Ю. А. Избр. труды. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 3. – С. 195–206.
Болдырев С. В Колымско-Индигирской тайге: Записки журналиста. – М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1947. – 143 с.
Будзко П. П. Порт готов к приему пароходов // Колымская правда. – 1934. – 15 июня.
Будзко П. П. Нагаевский порт // Верный путь. – 1934. – 7 ноября.
Важенин Б. П. Новая гипотеза происхождения названия г. Магадана // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 294–299.
Важенин Б. П. Магадан: к историческим истокам названия. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2003. – 106 с.
Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск : Наука, СО, 1971. – 205 с.
Ващук А. С. История Северо-Востока России второй половины XX в. в трудах дальневосточных историков постсоветского периода // Наука Северо-Востока России – начало века : Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти акад. К. В. Симакова и в честь его 70-летия (Магадан, 26–28 апр. 2005 г.). – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2005. – С. 545–548.
Вместе с вождем твердо верим в Колыму. Беседа с директором треста Э. П. Берзиным // Сов. Колыма. – 1937. – 27 сент.
Волков Г. Г. Магадан? Это – магом дан? // Магадан. комсомолец. – 1964. – 13 мая.

- Волков Г. Г. Золотая Колыма. – Магадан : Кн. изд-во, 1984. – Кн. 1. – 302 с.
- Вронский Б. И. По таежным тропам: Записки геолога. – Магадан : Кн. изд-во, 1960. – 280 с.
- Вронский Б. И. На золотой Колыме: Воспоминания геолога. – М. : Мысль, 1965. – 280 с.
- Галченко И. И. Геологи продолжают путь. – М. : Изд-во Сов. Россия, 1963. – 135 с.
- Гергенов С. К., Ланкин И. М. Из истории инженерных изысканий на Северо-Востоке // Колыма. – 1985. – № 6. – С. 37–40.
- Гехтман И. Е. Золотая Колыма: Очерки о прошлом. – Хабаровск : Дальгиз, 1937. – 274 с.
- Горбатов Б. Л. Большой арктический перелет // Горбатов Б. Л. Собр. соч. – М., 1956. – Т. 4. – С. 62–65.
- Горький А. М. Наша литература – влиятельнейшая литература в мире // Горький А. М. О литературе. – М., 1953. – 868 с.
- Дальневосточное морское пароходство. 1880–1980. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1980. – 588 с.
- Данилов С. И. Так начинался Магадан // Магадан. правда. – 1964. – 16 апр.
- XII Дальневосточная краевая партийная конференция : отчет краевого комитета ВКП(б). Доклад тов. И. Варежника // Сов. Колыма. – 1937. – 5 июня.
- Дворянинов С. А. К разгадке названия Магадан // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 299–303.
- Дмитрев К. В конторе УСВИТЛа // Сов. Колыма. – 1940. – 22 ноября.
- Егоров В. Праздник великого начала // Верный путь. – 1933. – 26 сент.
- Еременко А. И. Годы возмездия. 1943–1945. – 2-е изд. – М. : Финансы и статистика, 1985. – 424 с.
- За стахановскую золотодобычу и укрепление обороны // Колыма. – 1937. – № 1. – С. 23–29.
- Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. – Магадан : Кордис, 2004. – 283 с.
- Зеляк В. Г., Широков А. И. Методологические проблемы изучения истории Северо-Востока России XX в. // Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее : Материалы II регион. науч.-практ. конф., Магадан, 27–28 ноября 2003 г. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Горячев, Е. М. Кокорев, Ю. И. Муморцев. – Магадан : Кордис, 2004. – Т. 1 – С. 31–35.
- Зимкин А. В. У истоков Колымы: Записки геолога. – Магадан : Кн. изд-во, 1963. – 123 с.
- Зыбин Е. К истокам названия // Магадан. правда. – 1989. – 29 апр.
- Каминский М. Н. В небе Чукотки. Записки полярного летчика. – Магадан : Кн. изд-во, 1969. – Кн. 2. – 255 с.
- Козлов А. Г. К истории возникновения и развития Магадана (1929–1939 гг.) // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1988. – Вып. 15. – С. 3–30.
- Козлов А. Г. Магадан: годы и люди // Город у моря Охотского : Материалы к 50-летию Магадана. – Магадан : Кн. изд-во, 1988. – С. 3–22.
- Козлов А. Г. Солдаты с Севера // Магадан. правда. – 1989. – 27 янв.
- Козлов А. Г. И северяне громили врага // Полит. агитация. – 1989а. – № 7. – С. 2–7.
- Козлов А. Г. Северяне сражались за Родину // Полит. собеседник. – 1990. – № 7. – С. 12–15.
- Козлов А. Г. И авиаторы служили северу // Колыма. – 1992. – № 2. – С. 36–40.
- Козлов А. Г. В борьбе с преступностью и побегами // Магадан. правда. – 1998. – 11 ноября.
- Козлов А. Г. Из истории политических репрессий. Ленинградские чекисты в ссылке на Колыме (1935–1937) // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – С. 102–124.
- Козлов А. Г. Магадан: история возникновения и развития. Ч. 1 (1929–1939). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 349 с.
- Козлов А. Г. Создание морского флота Дальстроя: предистория и история (1932–1941) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 107–138.
- Козлов А. Г. Когда приезжал Генри Уоллес // Вечерний Магадан. – 2004. – 3 июня.
- Козлов А. Г. Когда пришла война... // Магадан. правда. – 2004. – 22 июня.
- Козлов А. Г. Возникновение магаданской авиации: анализ комплекса архивных источников из фондов ГАМО, ЦХСД МО, НФ ГАХК и ОАО «СВЗ» // Наука Северо-Востока России – начало века : Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти акад. К. В. Симакова и в честь его 70-летия (Магадан, 26–28 апр. 2005 г.). – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2005. – С. 559–561.
- Козлов А. Г. Из Нагаево в Хабаровск на лыжах за 108 дней // Магадан. правда. – 2005. – 16 марта.
- Колымчанин. Пути сообщения Колымского края // Колыма. – 1936. – № 1. – С. 75–82.
- Копталева В. Трагедия у Хоккайдо // Морской флот. – 1989. – № 8. – С. 62–65.
- Кочеров А. А. Из истории основания Магадана. Воспоминания старожила // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1959. – Вып. 2. – С. 106–109.
- Крайний Север к 1934 году // Сб. материалов по хоз. и культ. стр-ву. – М. : Власть Советов, 1934. – 275 с.
- Кулыгин П. Двенадцать // Тихоокеан. звезда. – 1935. – 23 февр.
- Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.) : документы и материалы. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1982. – 495 с.
- Кутузов Н. И. Записки изыскателя. – М. : Мол. гвардия, 1957. – 270 с.
- Левин В. И. Стационарная работа среди кочевого населения // Сов. Север. – 1932. – № 4. – С. 83–90.
- Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. – Магадан : Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

- Лесняков В. Ф., Герасимова Н. И. Проблемный взгляд на состояние народного образования на Охотском побережье до и после октябрьского переворота // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 7–29.
- Локкарт Р. Б. История изнутри : мемуары британского агента. – М. : Изд-во «Новости», 1991. – 320 с.
- Лоция побережий РСФСР, Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно. – Владивосток, 1923. – 1498 с.
- Магадан. Конспект прошлого. Годы, люди, проблемы / сост. и авт. вступит. статей А. Г. Козлов. – Магадан : Кн. изд-во, 1989. – 282 с.
- Митин Д. Соревнование моряков // Сов. Колыма. – 1940. – 30 ноября.
- Мищанин Г. Я. Трудящиеся Колымы – активные участники социалистического строительства // Сов. Колыма. – 1941. – 9 июня.
- Молодых И. Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. – Иркутск : Востсибкрайгиз, 1931. – 254 с.
- Молоков В. С. Три полета. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. – 230 с.
- Навасардов А. С. Освоение Северо-Востока СССР в 30-е гг. (историко-демографический аспект). – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2004. – 211 с.
- Нехорошков Ю. Ф. Скифский след в Магадане // Сев. надбавка. – 2003. – № 9 (45).
- Об авторском праве и смежных правах: Закон РФ, 9 июля 1993 г., № 5351-1 // Ведомости съезда народ. депутатов и Верховн. Совета РФ. – 1993. – № 32. – С. 2122–2147.
- Обручев С. В. На самолете в Восточной Арктике. – Л. : Изд-во Всесоюз. Аркт. ин-та, 1934. – 183 с.
- Огнев О. И. Мое пребывание на Колыме // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, – 1989. – Вып. 16. – С. 15–32.
- Первые переселенцы. Из дневника М. Карпова // Сов. Колыма. – 1937. – 30 июня.
- Полевой Б. П. Ответ тауйских жителей на академическую анкету и примитивные чертежи Тауя, Яны, Армани, Олы, Сиглана и Ямы начала 40-х гг. XVIII в. // Памятники и памятные места истории и культуры Северо-Востока России. – Магадан : Кн. изд-во, 1994. – С. 91–98.
- Полярный гость // Сов. Колыма. – 1938. – 21 июля.
- Попова У. Г. Эвены Магаданской области. – М. : Наука, 1981. – 304 с.
- Пуллериц Я. Я. Оберегайте себя от цинги // Колымская правда. – 1933. – 12 апр.
- Савельев А. П. Перед лицом новых задач // Колымская правда. – 1934. – 13 сент.
- Серебровский А. П. Стахановцы золотодобычи // Сов. Колыма. – 1936. – 28 ноября.
- Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. – СПб., 1900. – Т. 1. – 699 с.
- Смирнов Н. Контурь Магадана // Сов. Колыма. – 1939. – 16 апр.
- Соваппарат Охотско-Эвенского округа // Сов. Север. – 1939. – № 3. – С. 60–62.
- Сплоченность большевиков Колымы – залог дальнейших успехов // Сов. Колыма. – 1939. – 17 янв.
- Суд сказал свое слово (процесс об убийстве милиционера Карева) // Колымская правда. – 1934. – 20 ноября.
- Сысоев Гр. Встреча с участниками Великой Отечественной войны // Сов. Колыма. – 1944. – 27 февр.
- Торопчинов Вл. Узкоколейная железная дорога // Сов. Колыма. – 1940. – 11 сент.
- Тулицын Н. В. Предшественница Магадана // На Севере Дальнем. – 1979. – № 1. – С. 13–16.
- Фетисов А. П. Начальник «Большого комитета». – Магадан : Кн. изд-во, 1973. – 135 с.
- Фетисов А. П. Охотский рейд комкора Вострецова. – Магадан : Кн. изд-во, 1983. – 111 с.
- Фетисов А. Т. Магадан // Тихоокеан. звезда. – 1934. – 28 июля.
- Ходырев А. А. Забота великого Сталина о Колыме // Сов. Колыма. – 1939. – 21 дек.
- Цареградский В. А. По экрану памяти // Колыма. – 1936. – № 4. – С. 75–82.
- Цареградский В. А. По экрану памяти: Воспоминания о Второй Колымской экспедиции, 1930–1931 гг. – Магадан : Кн. изд-во, 1980. – 168 с.
- Цвик Д. Б. Магадан : очерк-хроника. – Магадан : Кн. изд-во, 1959. – 114 с.
- Шемякина А. Студентка // Тихоокеан. звезда. – 1936. – 8 марта.
- Широков А. И. Тоталитаризм и личность : тез. докл. междунар. практ. конф. – Пермь : ГГПИ, 1994. – С. 99–101.
- Широков А. И. Актуальные проблемы историографии освоения Северо-Востока России в 30–50-е гг. XX в. // Идеи, гипотезы, поиск : сб. ст. по материалам III науч. конф. аспирантов МПУ. – Магадан : Изд-во МПУ, 1996. – С. 37–39.
- Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан : Кордис, 2000. – 151 с.
- Широков А. И., Этлис М. М. Советский период истории Северо-Востока России (историография и новые архивные данные). – Магадан : Изд-во МПУ, 1993. – 23 с.
- Щербинин Б. Г., Леонтьев В. В. Там, где геологи прошли. – Магадан : Кн. изд-во, 1980. – 175 с.
- Эзеретис К. (Калнынь). Тайга или мы? // Колыма. – 1936. – № 4. – С. 72–74.
- Эйхфельд И. Г. Проблема земледелия на Крайнем Севере СССР // Проблемы северного растениеводства. Вып. 1. – Л. : Изд-во ВАСХНИЛ ; Ин-т растениеводства, 1932. – С. 30–42.
- Эпштейн Л. М. О чем рассказывают цифры // Колыма. – 1936. – № 1. – С. 11–18.
- Юнга Е. Конец ольской тропы: очерки о Колыме. – М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия», 1937. – 192 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВТУ	—	Артиллерийское военно-техническое управление
АГО	—	административно-гражданский отдел
АКО	—	Акционерное Камчатское общество
АРЗ (АРЕМЗ)	—	авторемонтный завод
АТС	—	автоматическая телефонная станция
АХО	—	административно-хозяйственный отдел
ББК	—	Беломоро-Балтийский комбинат (канал)
БГТО	—	значок «Будь готов к труду и обороне СССР»
БЗС	—	базисный склад
БОЗ	—	без определенных занятий
БОТОФ	—	береговая оборона Тихоокеанского флота
БТНТ	—	бюро технического нормирования труда
ВВС	—	военно-воздушные силы
ВДНХ	—	Выставка достижений народного хозяйства
ВКИ СССР	—	Всесоюзный комитет по искусству СССР
ВКП(б)	—	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	—	Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВМН	—	высшая мера наказания
ВМФ	—	Военно-морской флот
ВОХР	—	военная (военизированная) охрана
ВПО	—	военизированная пожарная охрана
ВС	—	ворошиловский стрелок
Всеовобуч	—	всеобщее военное обучение
ВСНХ СССР	—	Высший совет народного хозяйства СССР
ВСХВ	—	Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
ВТЭК	—	врачебно-трудовая экспертная комиссия
ВЦИК	—	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС	—	Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК	—	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ВЭК	—	Восточно-Эвенская культбаза
ГАИ	—	Государственная автомобильная инспекция
ГАКО	—	Государственный архив Камчатской области
ГАМО	—	Государственный архив Магаданской области
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ГАХК	—	Государственный архив Хабаровского края
ГВФ	—	Гражданский воздушный флот
ГГРУ	—	Главное геологоразведочное управление
ГК	—	городской комитет (горком)
ГКО	—	Государственный Комитет Обороны
ГКО ГУС ДС	—	городской коммунальный отдел Главного Управления строительства Дальнего Севера
ГКПУ	—	Главное Колымское приисковое управление
ГМС	—	гидрометеослужба
ГПУ	—	горнопромышленное управление
ГРУ ДС	—	Геологоразведочное управление Дальстроя
ГТО	—	значок «Готов к труду и обороне СССР»
ГУЛАГ	—	Главное управление лагерей
ГУПВО	—	Главное управление противовоздушной обороны
ГУПВО	—	Главное управление пограничной военной охраны
ГУС ДС	—	Главное управление строительства Дальнего Севера
ГЭВО	—	Гидрографическая экспедиция Восточного океана
ДВК	—	Дальневосточный край
ДВКИК	—	Дальневосточный краевой исполнительный комитет
ДИТР	—	Дом инженерно-технических работников
ДОС	—	Дальхотсоюз
ДС	—	Дальстрой
ДСО «Кировец»	—	добровольное спортивное общество «Кировец»
ДСУ	—	дорожно-строительное управление
ДСУ	—	дорожно-строительный участок
ЗГПУ	—	Западное горнопромышленное управление
ИГПУ	—	Индигирское горнопромышленное управление
ИЗО	—	изолятор
ИККИ	—	Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала

ИТЛ	--	исправительно-трудовой лагерь
ИТР	--	инженерно-технический работник
ИТР	--	исправительно-трудовые работы
КВО	--	культурно-воспитательный отдел
КВЧ	--	культурно-воспитательная часть
КГПУ	--	Колымское Главное приисковое управление
КГС	--	Колымгражданстрой
КДС	--	Капдорстрой
КЖХ	--	коммунально-жилищное хозяйство
КК ВКП(б)	--	краевой комитет ВКП(б)
КНА	--	Комитет нового алфавита
КОГИЗ	--	Книготорговое объединение государственных издательств
КОС	--	Колымская опытная станция
КП	--	контрольный пункт
КПЗ	--	камера предварительного заключения
КРД	--	контрреволюционная деятельность
КРТД	--	контрреволюционная троцкистская деятельность
КРУ ДС	--	Колымское речное управление Дальстроя
КС	--	Коопсоюз
Культбаза	--	культурная база
КУСиПХ	--	Колымское управление сельского и промыслового хозяйства
ЛЮ	--	лагерное отделение
Маглаг	--	Магаданский лагерь
МКПП	--	морской контрольно-пропускной пункт
МОКМ	--	Магаданский областной краеведческий музей
МОП	--	младший обслуживающий персонал
МПВО	--	местная противовоздушная оборона
МПО	--	морской пограничный отряд
МСТ	--	монтажно-строительный трест
МСУ	--	монтажно-строительное управление
МТС	--	машинно-тракторная станция
МХЧ	--	материально-хозяйственная часть
МЭС	--	Магаданская электростанция
МЭТ	--	Магаданский эстрадный театр
МЮД	--	Международный юношеский день
НЗП	--	нарушение закона о паспортизации
НИО	--	научно-исследовательский отдел
НКВД СССР	--	Народный комиссариат внутренних дел СССР
НК ВМФ	--	Народный комиссариат военно-морского флота
НКО СССР	--	Народный комиссариат обороны СССР
НКТ СССР	--	Народный комиссариат труда СССР
НКЮ, Наркомюст	--	Народный комиссариат юстиции СССР
НСБО	--	Нагаевский сектор береговой обороны
НТБ	--	научно-техническое бюро
НФ ГАХК	--	Николаевский-на-Амуре филиал Государственного архива Хабаровского края
ОАО	--	открытое акционерное общество
ОАО	--	организационно-административный отдел
ОГПУ	--	Объединенное государственное политическое управление
ОИК	--	окружной исполком
ОИТК	--	отдел исправительно-трудовых колоний
ОККК	--	Охотско-Колымский краеведческий кружок
ОККМ	--	Охотско-Колымский краеведческий музей
ОКС	--	отдел капитального строительства
ОЛП	--	отдельный лагерный пункт
ОНО	--	отдел народного образования
Осоавиахим	--	Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР
ОУР	--	отдел уголовного розыска
ПВХО	--	противовоздушная и противохимическая оборона
ПКЮ	--	Парк культуры и отдыха
ПТО	--	планово-технический отдел
ПТЧ	--	планово-техническая часть
ПУСиПХ	--	Приморское управление сельского и промыслового хозяйства
ПФС	--	планово-финансовый сектор
ПЭЧ	--	планово-экономическая часть

РГИА ДВ	—	Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РИК	—	районный исполнительный комитет
РК	—	районный комитет
РКИ	—	Рабоче-Крестьянская инспекция
РККА	—	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РККФ	—	Рабоче-Крестьянский Красный Флот
РКМ	—	Рабоче-Крестьянская милиция
РКП(б)	—	Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РО НКВД	—	районный отдел Народного комиссариата внутренних дел
РОКК	—	Российское общество Красного Креста
СВЗ	—	ОАО «Северовостокзолото»
СВЭ	—	социально-вредный элемент
СГПУ	—	Северное горнопромышленное управление
СИЗО	—	следственный изолятор
СМК	—	строительно-монтажная контора
СНК СССР	—	Совет Народных Комиссаров СССР
СОЭ	—	социально-опасный элемент
СПО	—	секретно-политический отдел
СТО	—	Совет Труда и Оборона
СТФ	—	Советский торговый флот
ТГПУ	—	Тенькинское горнопромышленное управление
ТПК	—	торгпищекомбинат
УААТ	—	Управление авто-авиатранспорта
УАТ	—	Управление автомобильного транспорта
УГБ	—	Управление государственной безопасности
УГПС	—	Управление горнопромышленного строительства
УГРО	—	уголовный розыск
УДПИ	—	Управление по добыче полезных ископаемых
УДС	—	Управление дорожного строительства
УЗАМО	—	Управление здравоохранения администрации Магаданской области
УИМР	—	Управление использования местных ресурсов
УИТЛ	—	Управление исправительно-трудовых лагерей
УК	—	Уголовный кодекс
УКС	—	Управление капитального строительства
УМР	—	Управление местных ресурсов
УМТ	—	Управление морского транспорта
УНКВД по ДС	—	Управление Народного комиссариата внутренних дел по Дальстрою
УНТП	—	Управление Нагаевского торгового порта
УПО	—	Управление противовоздушной обороны
УРБ	—	учетно-распределительное бюро
УРКМ (УМ)	—	Управление рабоче-крестьянской милиции
УРО	—	учетно-распределительный отдел
УРПХ	—	Управление рыбного промысла хозяйства
УРЧ	—	учетно-распределительная часть
УСВИТЛ	—	Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей
УСНАБ	—	Управление снабжения
УСО	—	учетно-секретный отдел
УУДВИК	—	Управление Уполномоченного Дальневосточного краевого исполнительного комитета
УФСБ МО	—	Управление Федеральной службы безопасности по Магаданской области
УШОСДОР	—	Управление шоссейных дорог
ФЗУ	—	фабрично-заводское училище
ЦГА РСФСР ДВ	—	Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока
ЦГАОР СССР	—	Центральный Государственный архив Октябрьской революции СССР
ЦИК СССР	—	Центральный Исполнительный Комитет СССР
ЦМЗ	—	объединение «Цветметзолото»
ЦНИЛ	—	Центральная научно-исследовательская лаборатория
ЦХСД МО	—	Центр хранения современной документации Магаданской области
ЧЖК	—	чрезвычайная жилищная комиссия
ЧУГПУ	—	Чай-Урьинское горнопромышленное управление
ШИЗО	—	штрафной изолятор
ЮГПУ	—	Южное горнопромышленное управление
ЮЗГПУ	—	Юго-Западное горнопромышленное управление
ЯГПУ	—	Янское горнопромышленное управление

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА МАГАДАНА (1929–1945)

1929 год

Февраль. Начало подготовки (в г. Хабаровске) к постройке Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы (ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 239).

Начало апреля. Приступили к «рубке зданий» Восточно-Эвенской культбазы в г. Владивостоке (Там же).

8 июня. Все подготовленные здания Восточно-Эвенской культбазы (в разборном виде) и стройматериалы погружены на пароход «Генри Ривьер» (Там же. Л. 240).

22 июня. В бух. Нагаева на зафрахтованном пароходе «Генри Ривьер» приехали первые строители Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы (Там же).

13 июля. И. А. Яхонтов выступил на заседании Ольского райисполкома с информацией о создании Восточно-Эвенской культбазы и о значении ее деятельности среди коренного населения Охотского побережья (Там же. Д. 108, л. 102).

24 июля. Председатель Ольского райисполкома И. Х. Марин подписал акт о выборе места и строительстве Восточно-Эвенской культбазы (Там же, ф.р-7, оп. 1, д. 1, лл. 1, 2).

24 авг. Президиум Ольского райисполкома принял решение об отводе сенокосного участка и вылове рыбы (в количестве 1 тыс. шт.) для Восточно-Эвенской культбазы (Там же, ф.р-17, оп. 1, д. 108, л. 119).

23 окт. После завершения работ по возведению основных строений Восточно-Эвенской культбазы большинство строителей покинуло бух. Нагаева и выехало на «материк» (Там же. Д. 138, л. 234).

24 окт. Приступили к внутренним работам по достройке третьего жилого дома Восточно-Эвенской культбазы и «оборудованию летней бани под квартиру» (Там же. Л. 240).

На Восточно-Эвенской культбазе открылась «комната для приезжающих туземцев и работников разных учреждений района» (Там же. Л. 239).

7 нояб. Состоялось торжественное открытие Восточно-Эвенской культбазы (Там же. Л. 234).

Декабрь. В школе Восточно-Эвенской культбазы обучалось 17 учеников (в том числе 2 девочки): 8 эвенов, 5 камчадалов («метисов»), 1 якут и 3 русских (Там же. Д. 192, л. 23).

12 дек. На заседании Ольского райисполкома обсужден вопрос о практической деятельности Восточно-Эвенской культбазы. С докладом выступили И. А. Яхонтов и врач В. А. Лупандин (Там же, ф.р-17, оп. 1, д. 108, л. 163).

1930 год

15 янв. На Восточно-Эвенской культбазе заведена книга регистрации посещений. К осени 1930 г. культбазу посетил 731 чел., в том числе приезжавшие из центральных районов Колымы (ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 138, л. 23).

Февраль. На Восточно-Эвенской культбазе открылась общественная столовая «для обслуживания холостых рабочих и служащих базы, а также приезжающего туземного населения» (Там же. Л. 239).

До мая. В больнице Восточно-Эвенской культбазы родились три первых северянина (Там же. Оп. 16, д. 139, л. 239).

1 июня. Окончился первый учебный год в школе Восточно-Эвенской культбазы. Его закончили 8 учеников из 17 (Там же. Оп. 1, д. 192, л. 23).

23 июня. Состоялось совещание Ольского райисполкома (от культбазы присутствовали И. А. Яхонтов и И. А. Ваганов, от АКО – С. Ф. Барбанов), на котором выступил член краевого Комитета Севера В. А. Гайдук, ознакомившийся с деятельностью Восточно-Эвенской культбазы (Там же. Д. 138, л. 156).

7 июня. Президиум Ольского райисполкома принял решение о выделении Совторгфлоту (СТФ) участка для угольной площадки у подножия горы Каменный Венец (Там же. Л. 139).

19 июля. Ольский райисполком утвердил распределение земельных участков в бух. Нагаева между Добролетом, культбазой, АКО, КП ГПУ, СТФ, Ольской кооперацией, Союззолотом и Колымской геологоразведочной экспедицией (Там же. Д. 140, л. 153).

Осень. Занятия с учащимися были отложены на некоторое время, так как в здании школы Восточно-Эвенской культбазы разместился отряд ГПУ, строивший свое помещение (Там же, ф.р-16, оп. 1, д. 15, л. 13).

1 ноября. Начались занятия в здании школы Восточно-Эвенской культбазы. Обучались 47 учеников: 30 русских (объединенных в три группы) и 17 представителей коренных народов Севера (Там же, ф.р-17, оп. 1, д. 192, л. 24).

17 дек. Организован Нагаевский рабочий поселковый Совет. Председателем поссовета избран Ф. К. Толкачев, секретарем – Н. П. Корнеев (Там же, ф.р-17, оп. 1, д. 182, л. 161).

1931 год

6 февр. На заседании президиума Нагаевского поссовета заслушан доклад Д. Петрова – заместителя начальника Второй Колымской геологоразведочной экспедиции В. А. Цареградского (ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 192, л. 14).

7 марта. В Нагаево состоялась 1-я учительская конференция Ольского района. В ней приняли участие 11 чел. Среди них – учителя школы Восточно-Эвенской культбазы: И. А. Ваганов, М. Г. Яхонтова, Н. Н. Вериги и П. Я. Церетели (Там же, ф.р-50, оп. 1, д. 2, л. 102).

15 марта. Президиум Ольско-Сеймчанского райисполкома принял решение о переносе (до 10 апреля) районного центра из Олы в Нагаево (Там же, ф.р-17, оп. 1, д. 192, л. 30).

16 марта. На заседании президиума Нагаевского поссовета принято решение о закрытии ветеринарного пункта и использовании его здания «для нужд госучреждений» (Там же. Л. 28).

4 апр. В Нагаево состоялось заседание 1-го пленума Ольско-Сеймчанского райисполкома. Председателем райисполкома избран М. К. Николаев (Там же. Д. 182, л. 45).

5 апр. Согласно постановлению президиума Ольско-Сеймчанского райисполкома, В. И. Левин вступил в должность заведующего Восточно-Эвенской культбазой (Там же. Д. 198, л. 42).

12 мая. Состоялось заседание президиума Нагаевского поссовета. В расширенный состав 6 секций поссовета (рабоче-крестьянской инспекции, благоустройства, здравоохранения, культпросветительства, кооперативной и госкредита) вошли 30 чел. (Там же. Д. 192, л. 34).

18 июня. На заседании президиума Ольско-Сеймчанского райисполкома в Нагаево принято постановление о необходимости «организации курорта на р. Талой», а также санитарно-технической комиссии в составе 5 чел. «по наблюдению за охраной минеральных источников» (Там же. Д. 182, л. 158).

4 июля. Председателем Нагаевского поссовета избран Г. С. Строменко (Там же. Д. 192, л. 36).

8 июля. На заседании президиума Ольско-Сеймчанского райисполкома в Нагаево заслушан отчетный доклад В. И. Левина о работе Восточно-Эвенской культбазы за период с 1 января по 1 июля 1931 г. (Там же. Д. 182, л. 278).

9 июля. Состоялось первое заседание оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа. Принято решение: просить Далькрайисполком поставить вопрос о закрытии Восточно-Эвенской культбазы и передаче всех ее культурно-социальных учреждений Охотско-Эвенскому национальному округу (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 1, л. 1).

11 июля. Начальник Ольско-Сеймчанского райуправления милиции В. В. Кашлинов и начальник отдела снабжения Колымского Главного приискового управления «Цветметзолото» В. И. Шелестов заключили договор о формировании «ведомственной милиции на территории поселка Нагаево для охраны разного рода имущества..., а также для выполнения... всех обязанностей, возлагаемых на общегосударственную милицию по охране общественного порядка и спокойствия» (ГАМО, ф.р-17, оп. 16, д. 175, л. 29).

31 июля. Председателем Нагаевского поссовета избран И. Е. Кочнев (Там же. Оп. 1, д. 192, л. 39).

17 авг. Президиум Нагаевского поссовета организовал комиссию по жилищному строительству в составе 4 чел. и принял решение: «... строителям, грузчикам, кирпичникам и всем другим проживающим в Магадане и в поселке Нагаево разрешается строить дома не менее чем на десять человек, а семейным – не менее чем на две семьи» (Там же).

17 нояб. На заседании оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа принято решение об организации связи между Нагаево и Среднеканом на сменных собачьих упряжках (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 1, л. 19).

22 нояб. На заседании оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа принято постановление: ходатайствовать перед Дальневосточным крайисполкомом об организации в 1932 г. Нагаевской окружной прокуратуры (Там же. Л. 23).

25 нояб. Оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского национального округа утвердило бюро партколлектива пос. Нагаево в составе 6 чел. (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 22).

2 дек. На заседании оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа принято положение об оплате жилых помещений в Нагаево (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 1, л. 34).

12 дек. На заседании оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа приняты решения: о подготовке к строительству авиастанции; о завершении строительства общежития, интерната, амбулатории, трех комнат здания окрисполкома; о сборке сруба двухэтажного дома; об окончании ремонта радиостанции; о начале строительства водолечебницы (Там же. Лл. 37, 38).

22 дек. На заседании оргкомитета Охотско-Эвенского национального округа принято решение о создании окружной библиотеки и окружного библиотечного совета в составе 5 чел. Заведующим библиотекой назначен Д. П. Соснин (Там же. Л. 51).

25 дек. В Нагаево вышел первый номер газеты «Орочельско-Эвенская правда» – органа оргкомитета и окружкома ВКП(б) (ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 8, л. 30).

28 дек. «Советско-партийная бригада тов. Шелестова» выехала по маршруту Магадан – Талая для обследования горячего минерального источника (Там же. Д. 83, л. 59).

1932 год

16 янв. Газета «Орочельско-Эвенская правда» сообщила о прибытии в бух. Нагаева на пароходе «Свирьстрой» Северной оленеводческой экспедиции во главе с заместителем начальника Е. В. Людницким. Возглавлявший экспедицию К. Я. Лукс сухопутным путем отправился из Охотска в Якутию.

8 февр. Первый директор Дальстроя Э. П. Берзин издал приказ № 1, объявивший цели и задачи треста, утвердивший его структуру и назначение руководителей подразделений (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 10).

13 февр. В связи с возвращением в Москву группы работников культбазы бюро Комитета Севера при ВЦИКе рассмотрело вопрос «О работе Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы в хозяйственном и социально-культурном строительстве в Охотско-Эвенском нацокруге» (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 11, л. 14).

7 марта. Произошло распределение обязанностей в бюро партколлектива Дальстроя. Секретарем бюро избран П. Э. Григорьев (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 1).

8 марта. В Магадане открылся первый врачебно-амбулаторный пункт (Колыма. 1939. № 4. С. 124).

14 марта. Бюро партколлектива Дальстроя рассмотрело доклад Э. П. Берзина о промышленно-финансовом плане треста на 1932 г. (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 2).

16 марта. Э. П. Берзин утвердил Положение об управлении трестом и его секторах: техническом, труда и рационализации, строительных работ, материальном, планово-финансовом, а также – об особом бюро и управлении делами (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, лл. 67, 68).

1 апр. Оргкомитет Охотско-Эвенского национального округа принял решение об организации комитета по улучшению труда и быта рабочих и крестьян. Председателем избран А. И. Зеленский (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-2413, оп. 1, д. 999, л. 39).

Для рабочих и служащих Дальстроя введена плата за воду (10 коп. за ведро) и за посещение бани (1 руб. с человека) (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 132).

18 апр. «Орочельско-Эвенская правда» опубликовала заметку о единственной в Магадане столовой, обратив внимание на то, что она уже не удовлетворяет потребности постоянно растущего населения поселка.

5 июня. Начала работу Магаданская радиостанция (Колыма. 1936. № 4. С. 124).

1 июля. В Магадане открылась столовая № 2, работающая в районе конной базы, расположенной у р. Магаданка (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 401, л. 119).

19 июля. Организована постоянная верховая связь Нагаево – Элекчан «с заездом на отдельные командировки... для приема и сдачи корреспонденции», отправляемой из Нагаева один раз в пятидневку (Там же. Д. 2, л. 18).

Июль. Открылось автобусное сообщение между пос. Нагаево и Магадан (Там же. Л. 30).

31 июля. В партколлективе Дальстроя организован партком (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 47).

1 авг. Организована 1-я Нагаевская транспортная база. Начальник – Э. О. Лапин (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 26).

20 авг. По сданному в эксплуатацию 2-километровому участку дороги Нагаево – Магадан прошли первые машины (Колыма. 1936. № 4. С. 124).

1 сент. На левом берегу р. Магаданка началась постройка кирпичного завода мощностью 3 млн шт. кирпича в год (Дальстрой. 1932. 1 окт.).

В Магадане открылась столовая № 3, обслуживающая инженерно-технических работников Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 401, л. 119).

25 сент. Между Магаданом и строящимся пос. Палатка установлена радиосвязь (Там же. Д. 2, л. 86).

1 окт. Вышел первый номер газеты «Дальстрой» – органа парткома и райпрофкома треста, издававшейся по адресу: бух. Нагаева, ул. Газетная, Дом парткома (Дальстрой. 1932. 1 окт.).

Организована советско-партийная школа, начавшая занятия с представителями коренного населения Колымы (Колымская правда. 1933. 21 янв.).

На всех предприятиях Дальстроя, «расположенных в районе Нагаево и Магадана», введен порядок централизованных расчетов «по использованию организованной рабсилы» (заключенных) с Севвостлагом (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 133).

5 окт. Отправлена «первая ударная бригада... в количестве 6-ти тракторов» для доставки грузов из Нагаево на 150-й км строящейся Колымской трассы (Там же. Л. 157).

11 окт. При Нагаевском базисном складе организована мастерская по сбору и проверке техоборудования и техматериалов. Начальник мастерской – инженер-механик М. А. Чарский (Там же. Л. 101).

27 окт. Согласно постановлению первого пленума Охотско-Эвенского окрисполкома, председатель окрисполкома С. Г. Узницкий приступил к исполнению обязанностей (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 7, л. 1).

Октябрь. Начато строительство автобазы-гаража, пропускника и авторемонтных мастерских (Колыма. 1936. № 4. С. 124).

7 нояб. В Магадане состоялся пуск в эксплуатацию первого водопровода протяженностью 1000 м (Там же).

25 нояб. Президиум Охотско-Эвенского окрисполкома принял постановление о прекращении строительства своих объектов в поселке Нагаево (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 3, л. 13).

28 нояб. Между Магаданом и Палаткой установлена телефонная связь (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 171).

На заседании президиума Охотско-Эвенского окрисполкома создан Комитет нового алфавита (КНА) в составе 8 чел. (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 3, л. 16).

8 дек. Э. П. Берзин выступил на заседании парткома Дальстроя с информацией о постановлении ЦК ВКП(б), согласно которому район деятельности Дальстроя выделен в самостоятельную территорию с непосредственным подчинением Хабаровскому краю (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 79).

22 дек. Принято решение о запрещении продажи спирта «в распределителях Дальстроя». Штрафы, взимаемые от нарушителей, перечислялись райпрофкомитету для фонда культурно-бытового обслуживания рабочих (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 213).

Организована бытовая коммуна молодежи, под которую выделен «стандартный дом № 5» (Там же. Л. 215).

1933 год

9 янв. Организована строительная контора под названием «Строительство порта бухты Нагаева» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4, л. 9).

До 15 янв. Ольский райпрофсоюз переведен в Нагаево и переименован в Колымский районный профсоюзный Совет (Колымская правда. 1933. 15 янв.).

15 янв. Вместо газеты «Дальстрой» вышел первый номер «Колымской правды» (Там же).

17 янв. В 0 час 30 мин *«закончилось строительство телефонной связи Нагаево–Эликчан»* (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4, л. 96).

20 янв. Э. П. Берзин утвердил «Положение об Управлении делами гостреста “Дальстрой”». В его аппарат вошли: канцелярия, информационное бюро, медико-санитарное бюро и бюро связи. Кроме этого, Управление делами осуществляло через комендатуру Нагаево-Магаданского района руководство коммунальным хозяйством, Нагаево-Магаданским лечебно-профилактическим объединением, Магаданской радиостанцией, центральным складом радиооборудования, центральной радиомастерской с монтажной бригадой, типографией и издательством (Там же. Л. 39).

21 янв. Вышел первый номер газеты «Верный путь» – органа Управления Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря (Севвостлага) ОГПУ (Верный путь. 1933. 21 янв.).

30 янв. Состоялось торжественное открытие бытовой коммуны молодежи (Колымская правда. 1933. 8 февр.).

Февраль. Организован Охотско-Колымский кооперативный союз (Коопсоюз), действовавший на основе временного положения (ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 289, л. 57).

4 марта. Открылось терапевтическое отделение Магаданской больницы (Колыма. 1936. № 4. С. 125).

13 марта. Состоялось общее собрание родителей и педагогов Нагаевской школы, рассмотревшее ряд важных вопросов и избравшее новый состав совета содействия (Колымская правда. 1933. 6 апр.).

12 апр. В 23 часа введена в эксплуатацию водонасосная станция (Там же. 22 апр.).

Газета «Колымская правда» сообщила об открытии Дома тунгуса и ороча.

17–18 апр. Состоялась 1-я Колымская конференция Осоавиахима (Там же. 30 апр.).

19 апр. Э. П. Берзин издал обязательное постановление о проведении прописки населения пос. Нагаево и Магадан (Там же. 22 апр.).

22 апр. Газета «Колымская правда» поместила сообщение о строительстве первой в Магадане одноэтажной деревянной гостиницы под руководством прораба А. М. Тарханова.

30 апр. «Драмкружок под художественным руководством тов. Шнабель» поставил спектакль «Утопия» (Там же. 6 мая).

Апрель. Открыта телефонная связь Магадан – Ола (Колыма. 1936. № 4. С. 125).

15 мая. Организовано строительное прорабство «Глинобитный городок» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3771, л. 78).

3 июня – 1 нояб. Прорабство «Глинобитный городок» ввело в эксплуатацию два однокомнатных «опытных дома», четыре десятиквартирных и шесть «однотипных глинохворостных бараков» (Там же. Л. 80).

5 июня. Начато строительство Магаданской электростанции (МЭС) мощностью 672 кВт (Там же. Л. 70).

28 июня. Последние сотрудники Охотско-Эвенского окрисполкома выбыли из Нагаево к месту работы в пос. Аян (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 2, л. 22).

1 июля. Открыт проезд автомашин по маршруту Магадан – 30-й км (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 32).

2 июля – 27 сент. На территории строительства Магаданской автобазы работал временный бетонный завод, выпустивший 84 278 «бетонных камней», 266 м³ бетона и 628 м³ щебенки (Там же. Д. 3771, л. 63).

7 июля. Выехавшие из Нагаево последние сотрудники Охотско-Эвенского окрисполкома прибыли в пос. Аян и приступили к работе в новом национальном центре (ЦГА РСФСР ДВ, ф.р-3131, оп. 1, д. 2, л. 23).

11 июля. Избрано бюро Охотско-Колымского краеведческого кружка (ОККК) в составе 7 чел. Председатель – Р. И. Васьков (ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 13, л. 2).

19 июля. Началось автопассажирское движение по маршруту Магадан – Элекчан (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 5, л. 42).

23 июля. В Магадане создан библиотечный коллектор (Там же. Л. 50).

14 авг. Магаданская поликлиника начала прием посетителей. При ней работали специальные кабинеты, бактериологическая и зуботехническая лаборатории (Колыма. 1936. № 4. С. 125).

18 сент. В Рабочем клубе, находившемся недалеко от р. Магаданка, открылась первая сельскохозяйственная выставка (Верный путь. 1933. 26 сент.).

Сентябрь. Пущена в эксплуатацию узкоколейная железная дорога, построенная для перевозки леса и дров с лесозаготовительных участков р. Магаданка (Колыма. 1936. № 4. С. 126).

На судовой верфи Управления морского транспорта (Мортрана) Дальстроя в бух. Нагаева закончена постройка первого стального катера (Там же).

7 нояб. В 12 часов дня состоялось торжественное открытие Магаданской электростанции мощностью 672 кВт (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3771, л. 73).

25 дек. Создана специальная комиссия по организации первой краеведческой выставки. Научное оформление выставки поручено Л. Я. Наровчатовой, П. Н. Дороватовскому и В. А. Злотину (Там же, ф.р-50, оп. 1, д. 13, л. 13).

29 дек. Состоялось открытие радиосвязи между Магаданом и Хабаровском (Колыма. 1936. № 4. С. 126).

В течение года. Открылся клуб УСВИТЛа (Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей) (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 169).

Открылся магазин № 1 в районе современной ул. Коммуны (Там же. Л. 13).

1934 год

1 янв. Приказом Э. П. Берзина из ведения Коопсоюза выделена колхозная система – Колхозсоюз (ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 289, л. 57).

26 янв. Приказом Э. П. Берзина «руководство, наблюдение и ответственность по судостроению» возложены на заключенного Н. Н. Рыбинского «с окладом 1000 р. в мес. и выдачей на руки 40% премиального вознаграждения» (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 7, л. 62).

7 февр. Управление делами Дальстроя преобразовано в секретариат. Заведующий секретариатом – Л. Н. Евласьев (Там же. Л. 99).

8 февр. Закончился 1-й съезд колхозников-ударников Колымы (Колымская правда. 1934. 12 февр.).

9 февр. В Верхнем клубе Магадана открылась 1-я краеведческая выставка (Там же).

15 февр. Первая краеведческая выставка закончила свою работу. Ее экспонаты положили начало организации Охотско-Колымского краеведческого музея (ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 17, л. 56).

Февраль. Дом тунгуса и ороча преобразован в Дом колхозника (Колыма. 1936. № 4. С. 126).

30 марта. Открылся Охотско-Колымский краеведческий музей (ОККМ) в составе отделов истории и горной промышленности (ГАМО, ф.р-50, оп. 1, д. 17, л. 56).

Состоялось открытие Дома ИТР, в котором были лекционный зал, читальня, комната отдыха, буфет (Колымская правда. 1934. 5 апр.).

4 июня. К первому причалу Нагаевского морского порта, сданному в эксплуатацию на 11 дней раньше срока, пришвартовался первый пароход (Верный путь. 1934. 7 ноября).

28 июля. В газете «Тихоокеанская звезда» опубликован очерк корреспондента А. Т. Фетисова «Магадан» (Тихоокеан. звезда. 1934. 28 июля).

7 авг. В Рабочем клубе Магадана состоялась 2-я Колымская конференция Осоавиахима (Колымская правда. 1934. 15 авг.).

10 авг. Открылась витаминная лаборатория Санитарного управления Дальстроя (Колыма. 1936. № 4. С. 127).

8 сент. Организовано Управление строительства завода № 2. Начальник строительства – Н. И. Мовсесян (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 9, л. 84).

12 сент. В Магадане открылась 2-я сельскохозяйственная выставка (Колыма. 1936. № 4. С. 127).

13 сент. Газета «Колымская правда» сообщила о пивоваренном заводе, который «должен быть пущен на днях».

15 сент. Открыт Магаданский педагогический техникум для коренного населения Севера (Там же).

21 сент. Открыт первый школьный интернат в Магадане (Там же).

1–10 окт. В Нагаево-Магаданском районе проходил декадник чистоты. Производилась дезинфекция домов, барачных, общежитий, убирался мусор, расчищались площадки под огороды (Колымская правда. 1934. 17 окт.).

23 окт. Газета «Колымская правда» опубликовала объявление о приеме телеграмм в центральные районы страны.

31 окт. Организован учебный комбинат Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 10, л. 209).

7 нояб. В «Колымской правде» опубликована первая «Орочельская страничка» на латинизированном алфавите.

Двенадцать лыжников-пограничников во главе с комсомольцем М. Ф. Пастернаком отправились в поход по маршруту Нагаево – Хабаровск (Тихоокеан. звезда. 1935. 20 февр.).

17 нояб. Состоялось открытое собрание партгруппы дирекции Дальстроя. Помощник директора Дальстроя по политической части В. В. Репин выступил с информацией об утверждении директором Дальстроя Э. П. Берзиным «Временного положения о помощнике директора Дальстроя по политической части». Согласно Временному положению, помощник директора по политической части возглавлял и осуществлял непосредственное руководство практическим проведением всей партийно-политической работы на территории деятельности Дальстроя, руководил работой партийных организаций, кандидатских групп и групп сочувствующих (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 47, лл. 68, 69).

20 нояб. Вышел последний номер газеты «Колымская правда» (Колым. правда. 1934. 20 нояб.).

27 нояб. Вышел первый номер газеты «Дальстроевец». Редактор А. И. Бахарев (Дальстроевец. 1934. 27 нояб.).

1935 год

1 янв. Контора вспомогательных предприятий Управления снабжения Дальстроя преобразована в объединение местных предприятий. В его состав вошли: 4 столовые, ресторан, 6 магазинов, 3 пекарни, кожзавод, пивзавод, пошивочная, сапожная, кузнечно-жестяная, деревообделочная и художественная мастерские, прачечная, конный двор, свиноматочная база, складское и лагерное хозяйства, «заготовка дров, парт, вязьев и жердей» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3854, л. 21).

Магаданская средняя школа и интернат перешли в ведение Управления Уполномоченного Дальневосточного крайисполкома (УУДВКИКа) (Там же. Д. 11, л. 75).

1–4 февр. Состоялась 1-я Всеколымская межрайонная партийная конференция Дальстроя (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 1, д. 55, л. 1).

22 февр. Двенадцать лыжников-пограничников под руководством М. Ф. Пастернака завершили переход Нагаево – Хабаровск (Тихоокеан. звезда. 1935. 23 февр.).

1 апр. Объединение местных предприятий Управления снабжения Дальстроя реорганизовано в «Торгпищепром» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3854, л. 2).

5 апр. Организовано бюро жалоб при культурно-воспитательном отделе УСВИТЛа (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 12, л. 8).

9 апр. При витаминной лаборатории Санитарного управления Дальстроя организован витаминный цех для механизированного приготовления экстракта из кедрового стланика (Колыма. 1936. № 4. С. 128).

15 апр. Газета «Дальстроевец» сообщила о прибытии в Магадан Героя Советского Союза М. В. Водопьянова, возвратившегося после перелета на Чукотку.

17 апр. Герой Советского Союза М. В. Водопьянов посетил совхоз «Дукча» и оставил запись в книге посетителей (Дальстроевец. 1935. 23 апр.).

1 мая. Утвержден статут на значок «Отличник Колымы» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 20, л. 174).

1 июля. Организованный на базе авторемонтных мастерских авторемонтный завод (АРЕМЗ) «выделен в самостоятельный баланс». Управляющий АРЕМЗа Н. П. Обухов (Там же. Д. 3840, л. 52).

3 июля. Для проведения полной планировки Магадана и Нагаево укомплектована специальная полевая съемочно-геодезическая партия (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 15, л. 17).

6 июля. Состоялось открытие парка культуры и отдыха им. Г. Г. Ягоды с оборудованными волейбольными площадками, теннисным кортом, качелями, летней сценой, танцевальной площадкой, книжными киосками (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 13, л. 14).

23 июля. Парк культуры и отдыха им. Г. Г. Ягоды объединен со стадионом «Динамо» и подчинен Межрайонному совету физкультуры. Комендант ПКиО – П. И. Семержис (Там же. Л. 40).

Газета «Дальстроевец» вышла под названием «Советская Колыма». Редактор Е. К. Емельянова (Сов. Колыма. 1935. 23 июля).

1 авг. Управление комендатуры Нагаево-Магаданского района переименовано в Управление комендатуры Магаданского района. Начальник – А. И. Корякин (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 13, л. 52).

7 авг. Начальником Управления комендатуры Магаданского района назначен С. С. Белов (Там же. Л. 65).

1 сент. Торгпищепром реорганизован в производственный комбинат Управления комендатуры Дальстроя. В его состав дополнительно вошли: лесозавод, кирпичный завод, типография и часовая мастерская. Директор производственного комбината М. Б. Гельман (Там же. Д. 3854, л. 21).

9 сент. Охотско-Колымский педагогический техникум реорганизован в учебное заведение с тремя отделениями: педагогическим, горным и сельскохозяйственным (Колыма. 1936. № 4. С. 128).

18 сент. В парке культуры и отдыха им. Г. Г. Ягоды открылась 3-я сельскохозяйственная выставка (Там же).

25 сент. Открылся 2-й межрайонный съезд колхозников-ударников Колымы. На нем присутствовали 52 делегата с решающим голосом: 18 эвенов, 9 якутов, 11 камчадалов, 2 юкагира и 12 русских (Сов. Колыма. 1935. 27 сент.).

14 окт. Кожзавод Управления комендатуры Магаданского района «со всеми постройками на участке завода» передан в ведение Управления местных ресурсов Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 14, л. 83).

Э. П. Берзин утвердил «Положение о парке культуры и отдыха Управления комендатуры Магаданского района Дальстроя» (Там же. Л. 87).

Октябрь. Открыт первый колхозный базар (Колыма. 1936. № 4. С. 129).

5 нояб. Э. П. Берзин, одновременно являвшийся начальником Нагаево-Магаданского гарнизона, издал приказ о проведении парада, посвященного 18-й годовщине Октября. Участники парада – погранотряд, военизированная охрана, милиция, Осоавиахим и рабочие отряды – должны были собраться на площади у 2-этажного деревянного здания дирекции Дальстроя. Парад начинался 7 ноября в 11 часов утра (Сов. Колыма. 1935. 7 нояб.).

25 нояб. В помещении столовой № 3 (относящейся к ведомству НКВД) открылось первое (вечернее) кафе (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3853, л. 76).

1936 год

1 янв. Организована строительная контора Управления комендатуры Дальстроя. Начальник конторы А. А. Юрьевич (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 17, л. 7).

Подотдел лесоустройства Управления уполномоченного ДВКИКа реорганизован в лесной отдел УУДВКИКа (Там же. Д. 14, л. 229).

8 янв. Колымский райпрофсовет реорганизован в Колымский районный комитет союза рабочих добычи золота и платины (Сов. Колыма. 1936. 25 янв.).

14 янв. Э. П. Берзин издал приказ об организации при редакции газеты «Советская Колыма» издания журнала «Колыма». Ответственный редактор Р. А. Апин (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 17, л. 42).

18 янв. При Охотско-Колымском краеведческом музее организован кружок национального рукоделия, в котором занимались 14 учениц советско-колхозной школы (Сов. Колыма. 1936. 8 марта).

20 янв. На авторемонтном заводе впервые на Колыме проведены стахановские сутки (Там же. 1937. 30 авг.).

22 янв. Из Магадана в Зырянку вылетел самолет летчика авиаотряда Дальстроя Н. С. Снежкова. Застигнутый туманом и пургой он потерпел аварию, совершил вынужденную посадку, был обнаружен и спасен только через 3 дня (Тихоокеан. звезда. 1936. 30 янв.).

25–28 янв. Проходила 2-я Всеколымская межрайонная партийная конференция Дальстроя. С докладами выступили Э. П. Берзин и его заместитель по политической части В. В. Репин (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 62, л. 46).

26 янв. 2-ю Всеколымскую межрайонную партийную конференцию Дальстроя приветствовали стахановцы авторемонтного завода и вручили ее президиуму «бюст Сталина, отлитый из металла, добытого на Колыме» (Сов. Колыма. 1936. 27 янв.).

28–30 янв. Состоялось первое совещание стахановцев Колымы, в котором принял участие директор Дальстроя Э. П. Берзин (Сов. Колыма. 1936. 2 февр.).

2 февр. В составе Управления комендатуры Магаданского района организованы строительная, лесозаготовительная и производственная конторы, комбинат торговли и пищевой промышленности «с выделением их на самостоятельные балансы» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 17, л. 102).

7 февр. Организован Центральный архив Дальстроя (Там же. Л. 128).

Постановлением уполномоченного Далькрайисполкома Э. П. Берзина разрешено проживание на территории Дальстроя лицам, остающимся на работе после освобождения из УСВИТЛа. Органам Рабоче-Крестьянской милиции предложено обеспечить им своевременную прописку и выдачу паспортов (Сов. Колыма. 1936. 20 февр.).

23 февр. Закончено строительство первого на Колыме 36-квартирного трехэтажного кирпичного дома на улице Берзина (ныне угол пр. К. Маркса и ул. Дзержинского) (Там же. 2 марта).

6 апр. Состоялся 1-й Вседальстроевский слет рационализаторов Колымы (Там же. 9 апр.).

10 апр. В связи с утверждением генерально-перспективного плана Магадана управляющему стройконторой Управления комендатуры Дальстроя А. А. Юрьевичу предоставлены права городского архитектора (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 18, л. 12).

20 апр. Э. П. Берзин издал приказ о переводе из состава учащихся вечернего техникума учкомбината КВО УСВИТЛа на учебу в Охотско-Колымский техникум вольнонаемных, колонистов и лагерников, «срок заключения коих истекает не позднее 1937 года» (Там же. Л. 39).

23 апр. Состоялась конференция читателей газеты «Советская Колыма» (Сов. Колыма. 1936. 5 мая).

29 апр. Организовано издательство «Советская Колыма» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 19, л. 65).

1 мая. В два часа ночи состоялся первый радиотелефонный разговор с Москвой. Директор Дальстроя Э. П. Берзин разговаривал с редакцией газеты «Правда» (Сов. Колыма. 1936. 5 мая).

22 мая. Э. П. Берзин издал приказ, согласно которому этапирование заключенных и передвижение вольнонаемных с побережья Охотского моря в Магадан и обратно производились «только по морю на катерах» (ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 18, л. 23).

25 мая. В составе судоверфи Управления морского транспорта Дальстроя организована водолазная станция (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 18, л. 144).

31 мая. При коммунальном отделе Управления комендатуры Магаданского района организован ассенизационный обоз и обоз по вывозу мусора (Там же. Л. 182).

Май. Летчик авиаотряда Дальстроя Н. С. Снежков поставил рекорд: за 8 летных часов преодолел расстояние в 1600 км по маршруту Магадан – Столбовая – Магадан (Колыма. 1936. № 1. С. 95).

Июнь. В парке культуры и отдыха им. Г. Г. Ягоды открылись детский городок и зооуголок (Сов. Колыма. 1936. 28 июня).

29 июня. Постановлением СНК СССР Нагаевский порт причислен к морским портам 3-го разряда. Начальник Нагаевского порта (по совместительству) Э. О. Лапин, капитан порта Г. С. Корниенко (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 19, л. 132).

25 июля. Газета «Советская Колыма» сообщила, что в парке культуры и отдыха им. Г. Г. Ягоды открылось новое кафе.

29 июля. В бух. Нагаева сел гидросамолет СССР-Н-2 Героя Советского Союза В. С. Молокова, вместе с которым прилетел начальник Политуправления Севморпути С. А. Бергавинов и спецкорреспондент газеты «Правда» Борис Горбатов (Колыма. 1936. № 2–3. С. 101).

Июль. Открылась первая в Магадане комсомольская и вечерняя школа (Там же. № 4. С. 129).

5 авг. Открылся клуб работников НКВД (ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 18, л. 35).

9 авг. Газета «Советская Колыма» сообщила, что на авторемонтном заводе прошел митинг в защиту испанского народа.

12 авг. На Магаданском аэродроме (бух. Нагаева) состоялся выпуск школы планеристов (Колыма. 1936. № 2–3. С. 115).

17 авг. Спортколлективом «Профсоюзник Дальстроя» впервые на Колыме организован велопробег по маршруту Магадан – 90-й км – Магадан (Там же).

20 авг. Газета «Советская Колыма» сообщила о митинге рабочих, служащих и ИТР авторемонтного завода по поводу проходившего процесса над «троцкистско-зиновьевским террористическим центром». В принятой резолюции говорилось, что они *«полностью одобряют решения правительства об обезвреживании врагов рабочего класса и настаивают на их окончательном моральном и физическом уничтожении»*.

26 авг. В Магадан прибыли: секретарь Дальневосточного крайкома партии Л. И. Лаврентьев (Картвелишвили), председатель крайисполкома Г. М. Крутов, начальник краевого УНКВД Т. Д. Дерибас и др. (Колыма. 1936. № 2–3. С. 115).

15 окт. Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании работы комиссии по обследованию жилищного фонда Нагаево-Магадана. В результате уплотнения, проведенного после ее работы, свыше 200 чел. получили жилье.

30 окт. Открылось второе совещание стахановцев Колымы (Там же. 1936. 2 ноября).

2 нояб. Газета «Советская Колыма» объявила конкурс на составление проекта городского театра. Срок представления разработок – 15 декабря. Для победителей установлены три премии.

7 нояб. Состоялась демонстрация трудящихся Нагаево-Магадана, посвященная 19-й годовщине Октября. В ней приняло участие около 3 тыс. чел. (Там же. 11 ноября).

7–18 нояб. В клубе военизированной охраны имени Т. Д. Дерибаса проходила выставка «5 лет Дальстроя» (Там же. 26 ноября).

23 нояб. Газета «Советская Колыма» сообщила о начавшейся переписи населения. Для ее проведения политчасть Дальстроя выделила лучших комсомольцев из различных организаций Магадана.

25 нояб. Директор ДС Э. П. Берзин утвердил «Положение о мастерах высокой производительности труда в лаготделениях Севвостлага НКВД СССР». Отменен статут на значок «Отличник Колымы» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 20, лл. 171–174).

Постановлением Э. П. Берзина в Нагаево-Магаданском районе введен налог с велосипедов и мотоциклов в размере 10 руб. в год (Там же, ф.р-17, оп. 1, д. 315, л. 155).

27 нояб. Пущен в эксплуатацию водопровод Магадан – Нагаево (Сов. Колыма. 1936. 3 дек.).

7 дек. Э. П. Берзин подписал постановление о проведении Всеколымской оборонно-производственной эстафеты, посвященной 19-й годовщине Красной Армии (Колыма. 1937. № 1. С. 23).

1937 год

1 янв. В составе Управления Рабоче-Крестьянской милиции УНКВД по Дальстрою организована Государственная автомобильная инспекция (ГАИ) (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 18, л. 53).

6 янв. Газета «Советская Колыма» сообщила о первой опытной плавке цветных металлов на АРЗе.

2 февр. Э. П. Берзин утвердил коллегия защитников при отделении Дальневосточного краевого суда Нагаево-Магаданского района (Там же, ф.р-17, оп. 1, д. 309, л. 191).

13 февр. Открылась 1-я Колымская конференция медицинских работников (Сов. Колыма. 1937. 17 февр.).

23 февр. В Магадане финишировала Всеколымская оборонно-производственная эстафета, посвященная 10-й годовщине Красной Армии (Колыма. 1937. № 1. С. 27).

5 марта. В Доме ИТР открылось Всеколымское совещание жен хозяйственников и ИТР (Сов. Колыма. 1937. 8 марта).

6 марта. На сцене клуба УСВИТЛА состоялась постановка драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов», организованная учащимися Магаданской средней школы (Там же. 12 марта).

23 марта. Состоялось чествование первого «стотысячника» Колымы – водителя-стахановца Н. А. Чернова, прошедшего с 25 июля 1935 г. без аварий и капитального ремонта 121 873 км (Там же. 28 марта).

1 апр. Сдано в эксплуатацию здание 4-этажной кирпичной средней школы (Там же. 6 апр.).

17–20 апр. Состоялась 3-я Всеколымская межрайонная партийная конференция Дальстроя (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 76, л. 12).

22 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила об открытии бильярдной в парке культуры и отдыха.

6 мая. Состоялось открытие 2-этажного деревянного здания фабрики-кухни (Сов. Колыма. 1937. 9 мая).

11 мая. «Советская Колыма» сообщила, что пароходу «Ягода» присвоено новое имя – «Дальстрой».

16 мая. Газета «Советская Колыма» информирует, что при магаданской конторе коммунальных предприятий открылась мастерская по ремонту музыкальных инструментов.

22 мая. Газета «Советская Колыма» сообщила о реорганизации Совета физкультуры под председательством Э. П. Берзина в Колымский комитет по делам физкультуры и спорта.

25 мая. В Магадане организована молочная кухня «из расчета обслуживания 150 детей до 3-месячного возраста» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 24, л. 108).

30 мая. Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании сборки в Нагаево буксирного парохода «Марчекан».

15 июня. Авторемонтный завод выделен из Управления автотранспорта Дальстроя и стал самостоятельным предприятием, подчиненным непосредственно дирекции Дальстроя (Сов. Колыма. 1937. 23 июня).

20 июня. Состоялся вечер, посвященный первому выпуску учащихся 10-го класса Магаданской средней школы в количестве 11 чел. (Там же. 27 июня).

27 июня. «Советская Колыма» сообщила, что зооуголок парка культуры и отдыха пополнился 4 волчатами.

14 июля. Началось строительство дороги Магадан – бух. Гертнера (Там же. 17 июля).

20 июля. Введен в эксплуатацию магаданский хлебозавод (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3922, л. 7).

22 июля. Водитель магаданской автобазы К. М. Катаржинский стал вторым «стотысячником» Колымы, пройдя на автомашине 107 тыс. км без аварий и капремонта (Сов. Колыма. 1937. 27 июля).

28 июля. Газета «Советская Колыма» сообщила о прибытии в Магадан председателя ЦК профсоюза рабочих добычи золота и платины Я. Г. Егорова.

1 авг. В Магадане открыт магазин санитарии и гигиены на ул. Берзина (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 25, л. 8).

15 авг. Открылась 1-я Всеколымская профсоюзная конференция (Сов. Колыма. 1937. 17 авг.).

17 авг. Газета «Советская Колыма» сообщила, что по построенной дороге из бух. Гертнера в Магадан отправлены первые партии рыбной продукции.

18 авг. Физкультурники Магадана совершили 5-километровый велопробег в противогазах (Там же. 29 авг.).

20 авг. В бух. Гертнера (Веселая) поймана сельдевая акула длиной более 2 м и весом 148 кг, которая передана Охотско-Колымскому краеведческому музею (Там же. 23 авг.).

28 авг. «Советская Колыма» сообщила об ожидаемом на следующий день приезде писателя Евгения Петрова.

1 сент. Состоялось открытие нового клуба в пос. Марчекан (Там же. 3 сент.).

19–24 сент. Состоялась 1-я Всеколымская спартакиада, в которой принял участие 271 спортсмен (Там же. 27 сент.).

22 сент. «Советская Колыма» пишет, что магаданский хлебозавод освоил производство 11 сортов хлебных изделий.

9 окт. Сдана последняя, шестая, секция кирпичного жилого дома, построенного на углу Колымского шоссе и ул. Берзина – ныне пр. К. Маркса, 31 (Там же).

17 окт. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму, пришедшую в Магадан на имя Э. П. Берзина: *«Поздравляем работников треста “Дальстрой” и его руководителей с выполнением программы по добыче золота, посылаем большевистский привет. Сталин, Молотов, Ежов».*

24 окт. Начато устройство деревянных тротуаров по правой стороне Колымского шоссе. Состоялись массовые прыжки с недавно построенной парашютной вышки парка культуры и отдыха (Сов. Колыма. 1937. 28 окт.).

30 окт. Состоялись общегородские стрелковые соревнования (Там же. 7 нояб.).

5 нояб. Начались Всеколымские стрелковые соревнования, в которых приняла участие сборная Магадана в составе 5 мужчин и 3 женщин (Там же).

К 7 нояб. Окончились работы по освещению центральной части Магадана. На 6 улицах установлены 70 электрических фонарей (Там же. 12 ноября).

7 нояб. Магаданцы слушали радиотрансляцию праздничного парада на Красной площади (Там же. 10 нояб.).

Во время торжественного парада, посвященного 20-й годовщине Октября, прибыла группа «ворошиловских всадников», совершившая военизированный конный пробег Эльген – Магадан – Эльген (Там же. 10 нояб.).

24 нояб. «Советская Колыма» сообщила, что последним рейсом парохода «Джурма» из Владивостока доставлены два первых газогенераторных автомобиля ЗИС-13 для испытаний в экспериментальной мастерской Управления автотранспорта Дальстроя (Мякит).

29 нояб. В цокольном этаже многоэтажного кирпичного дома на углу Колымского шоссе и ул. Берзина разместились книжный магазин КОГИЗа.

30 нояб. В клубе УСВИТЛа состоялась первая демонстрация кинофильма «Петр Первый» (Там же. 2 дек.).

3 дек. За день до отъезда из Магадана директор Дальстроя Э. П. Берзин подписал свой последний приказ (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 26, л. 137).

16 дек. «Советская Колыма» сообщила, что Одесский судостроительный завод заканчивает постройку парусно-моторной шхуны «Звезда», которая приобретена Дальстроем и будет совершать рейсы вдоль Охотского побережья.

20 дек. В доме ИТР начался первый Всеколымский шахматный турнир (Сов. Колыма. 1937. 22 дек.).

26 дек. Президиум Ольского райисполкома принял постановление о переименовании ул. Берзина в ул. Сталина (Там же. 27 дек.).

1938 год

15 янв. Организована кинобаза Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 30, л. 61).

22 янв. В 18 час 40 мин магаданцы наблюдали северное сияние (Сов. Колыма. 1938. 24 янв.).

25 янв. Организован Дом партийного просвещения. Начальник С. И. Шампаньер (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 107, л. 4).

12 февр. Открылась 1-я Всеколымская зимняя спартакиада (Сов. Колыма. 1938. 15 февр.).

19 февр. Состоялись первые на Колыме 50-километровые лыжные забеги в зачет 1-й Всеколымской зимней спартакиады (Там же. 22 февр.).

23 февр. Инструктор парашютного спорта Колымского райсовета Осоавиахима комсомолка-хетагуровка И. М. Бородулина совершила первый парашютный прыжок с высоты 900 м (Там же. 24 февр.).

Февраль. В бывшем Доме ИТР организован Дом книги, объединивший библиотеки райкома союза рабочих добычи золота и платины, УСВИТЛа и технико-научную библиотеку Дальстроя (Там же. 29 марта).

6 марта. Газета «Советская Колыма» сообщила о митинге рабочих, служащих и инженерно-технических работников авторемонтного завода. В принятой резолюции говорилось: *«заслушав сообщение о преступной изменнической деятельности правотроцкистской своры – Бухарина, Рыкова, Ягоды и других, общее собрание АРЗа требует от нашего пролетарского суда беспощадной расправы с подлыми предателями, гнусными выродками, убившими С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева и А. М. Горького».*

15 марта. Магаданский филиал автобазы № 1 выделен в самостоятельную автобазу № 6. Начальник автобазы В. З. Пивоваров (Там же. 22 марта).

1 апр. При магаданской фабрике-кухне стало работать вечернее кафе (Там же. 10 апр.).

6 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила, что преподаватель Охотско-Колымского техникума К. А. Новикова и учащийся-эвен И. Хабаров перевели на эвенский язык «Сказку о рыбаке и рыбке».

18 апр. Постановлением уполномоченного Дальневосточного крайисполкома организован Нагаево-Магаданский пункт противовоздушной обороны. Начальник – капитан госбезопасности И. Я. Голубев (Там же. 20 апр.).

24 апр. Состоялся выпуск трех групп планеристов – учащихся Охотско-Колымского техникума и средней школы (Там же. 25 апр.).

8 мая. Состоялась первая футбольная встреча сборной команды ветеранов Магадана с командой ВОХР (военизированной охраны) УСВИТЛа. Победили ветераны Магадана со счетом 2:1 (Там же. 15 мая).

25 мая. «В целях упорядочения вопроса с выбором названий географических объектов, даваемых геолого-поисковыми, топографическими и другими изыскательскими партиями» было организовано «постоянно действующее» транскрипционное бюро Дальстроя под председательством начальника особого сектора лейтенанта госбезопасности А. В. Воробьева. В состав бюро вошли: сотрудники УУДВКИКа А. А. Вычегженин и А. А. Кочеров, инженер-геодезист М. В. Кузьмин, инспектор Г. Б. Ланин, главный геодезист Б. И. Николаев (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 34, л. 107).

1–2 июня. Состоялась 4-я Всеколымская межрайонная партийная конференция Дальстроя (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 97, л. 1).

13 июня. Инвалидная командировка, расположенная на 23/6 км Колымской трассы, передана из ведения Санитарного управления Дальстроя Управлению комендатуры Нагаево-Магаданского района (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 34, л. 165).

18 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила, что магаданские портовики досрочно разгрузили американский танкер «Колумбия», получив диспач (вознаграждение) в сумме 530 фунтов стерлингов.

23 июня. Клуб райкома профсоюза стал именоваться в документах клубом «имени М. Горького» (ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 57).

9 июля. После реорганизации различных служб пожарной охраны сформирована пожарная охрана Нагаево-Магаданского района. Начальник Б. Х. Петров (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 35, л. 83).

11 июля. В распоряжениях заведующего клубом райкома профсоюза он впервые назван «клуб-театр имени М. Горького при Управлении комендатуры» (Там же, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 65).

21 июля. В «клубе-театре имени М. Горького при Управлении комендатуры» организована литературная часть. Заведующий литературной частью В. М. Головин-Михайлов (Там же. Л. 67).

2 авг. Учебный комбинат КВО УСВИТЛ реорганизован в отдельную командировку «Центральные профтехкурсы УСВИТЛ». Обучение с отрывом и без отрыва от производства (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 36, л. 32).

7 авг. В документах по истории Магаданского театра впервые встречается название «театр имени М. Горького Управления комендатуры». Первый директор Г. Е. Филиппович (Там же, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 69).

Состоялось открытие городской спартакиады, в которой приняли участие 257 чел. (Сов. Колыма. 1938. 8 авг.).

8 авг. В Нагаевский порт пришел купленный в США пароход «Индибирка», вошедший в состав морфлота Дальстроя (Там же. 10 авг.).

9 авг. Начались первые гастролы «театра имени М. Горького Управления комендатуры» по маршруту Магадан – Мякит – Хатыннах – Ягодный – Переправа – Спорный – Оротукан – Атка. В репертуаре театра два спектакля: «Слуга двух господ» К. Гольдони и «Бешеные деньги» А. Островского (ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 69).

15 авг. В пос. Веселая организовано Управление рыбного промысла хозяйства Дальстроя. Начальник И. Г. Швец (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 35, л. 100).

18 авг. Открылась 2-я Всеколымская спартакиада (Сов. Колыма. 1938. 20 авг.).

26 авг. Окончились соревнования по футболу в зачет 2-й Всеколымской спартакиады. Сборная Магадана стала чемпионом Колымы (Там же. 27 авг.).

1 сент. Отдел радиовещания Управления связи Дальстроя реорганизован в Магаданский комитет радиовещания при политотделе Дальстроя. Начальник Н. О. Равинский (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 37, л. 21).

10 сент. В парке культуры и отдыха открылся новый кинотеатр на 280 мест (Сов. Колыма. 1938. 11 сент.).

17 сент. «Театр им. М. Горького Управления комендатуры» вернулся в Магадан после первых гастролей по Колымской трассе (ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 74).

18 сент. Согласно приказу по ГУС ДС № 742, Магаданское педагогическое училище и советско-колхозная школа ликвидировались (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 28, л. 71).

Газета «Советская Колыма» сообщила об открытии магазина военно-спортивного инвентаря.

1 окт. Начались занятия во вновь организованном горном техникуме с отделением эксплуатации россыпных месторождений и геологоразведочным отделением, разместившимся в здании Магаданской средней школы. Директор Т. Н. Бурцев (Там же. Д. 38, л. 71).

Начало ноября. «Театр им. М. Горького Управления комендатуры» передан в ведение городского коммунального отдела Дальстроя (Там же, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 85).

12–14 нояб. Состоялась 2-я Всеколымская конференция профсоюзов (Там же, ф.р-26, оп. 1, д. 1, л. 7).

17 нояб. В документах по истории Магаданского театра он впервые назван «Магаданский драматический театр имени М. Горького ГКО ГУС ДС НКВД» (Там же, ф.р-54, оп. 1, д. 2, л. 86).

5 дек. Открылся 2-й Всеколымский шахматный турнир (Сов. Колыма. 1939. 12 янв.).

19 дек. Ликвидировано Магаданское лесничество. На базе «передаваемых из Управления комендатуры лесозаготовительных производств и лесозаготовок Хасынского леспромхоза» Управления сельского и лесного хозяйства ДС организован Магаданский леспромхоз (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 42, л. 120).

25 дек. Окончился 2-й Всеколымский шахматный турнир. Звание чемпиона Колымы завоевал А. С. Ишутинов (Сов. Колыма. 1939. 12 янв.).

1939 год

1 янв. Управление капитального строительства реорганизовано в монтажно-строительное управление. Начальник Н. В. Митасов (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 41, л. 76).

Геологоразведочный отдел ГУС ДС преобразован «в самостоятельное хозрасчетное Геологоразведочное управление (ГРУ) с местопребыванием в г. Магадане». Начальник ГРУ ДС В. А. Цареградский (Архив СВЗ, д. 45, л. 169).

Газета «Советская Колыма» сообщила о строительстве восьми новых 8-квартирных домов, вошедших в состав гостиничного городка.

17 янв. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, адресованную сотрудникам ее редакции И. И. Осмакову, П. С. Ромашову и А. П. Ягненкову: «Получил длинную телеграмму Осмакова, Ромашова и Ягненкова с жалобой на порядки в Дальстрое и на недостатки в работе Павлова. Телеграмма не учитывает трудностей в работе Дальстроя, специфических условий работы Павлова. Телеграмму считаю демагогической и необоснованной. Газета должна помогать Павлову, а не ставить палки в колеса. Сталин».

21 янв. «Советская Колыма» сообщила об окончании строительства Дукчанского клуба.

Январь. Управление снабжения Дальстроя реорганизовано в гострест «Колымснаб» (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 1, л. 2).

13–16 февр. Состоялась 5-я Всеколымская межрайонная партийная конференция Дальстроя (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 121, л. 1).

20 февр. Из Управления сельского и лесного хозяйства ГУС ДС выделены и организованы в самостоятельные сельскохозяйственный и лесной отделы. В состав лесного отдела (временное местопребывание Дукча), который возглавил «тов. Заводник», вошли Магаданский леспромхоз и «все лесничества, подведомственные Управлению сельского и лесного хозяйства» (Архив СВЗ, д. 45, л. 232–233).

22 февр. Газета «Советская Колыма» сообщила о сдаче в эксплуатацию первой 8-квартирной жилой секции многоэтажного кирпичного здания, возведенного на углу Колымского шоссе и Ново-Магаданской улицы (ныне ул. Пушкина).

«В соответствии с постановлением Экономического Совета при СНК СССР от 2 февраля 1939 г. № 80-14 сс приказом НКВД СССР № 037 для снабжения продовольствием и промышленными товарами, техническими материалами и оборудованием управлений строительства Дальнего Севера и населения районов деятельности Дальстроя НКВД» организованы два Всесоюзных государственных треста – «Дальстройснаб НКВД» и «Колымснаб НКВД» в составе ГУС ДС НКВД СССР «по балансу на 1-е января 1939 г.» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 34, л. 20).

23 февр. «Советская Колыма» сообщила об окончании городских стрелковых соревнований, посвященных 21-й годовщине Красной Армии, в которых участвовали 26 команд; 1-е место заняла команда горного техникума.

3 марта. «В связи с увеличением программы лесозаготовок в районе Магадана» Магаданский леспромхоз разукрупнен на Магаданский леспромхоз «с местопребыванием на 7-м километре Магаданской узкоколейки», на Дукчанский леспромхоз «с местопребыванием теперь на 6-м километре Дукчанской узкоколейки» и на Хасынский леспромхоз «с местопребыванием на р. Хасын» (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 45, л. 88).

5 марта. Состоялось открытие городского кинотеатра в бывшем здании клуба УСВИТЛа. Демонстрировался фильм «Богатая невеста» (Сов. Колыма. 1939. 5 марта).

«Советская Колыма» сообщила об окончании строительства нагаевского тира, созданного по инициативе портового комитета.

12 марта. Газета «Советская Колыма» сообщила об открытии Марчеканского агентства связи.

30 марта. Открылось 1-е Всеколымское совещание рабкоров газет «Советская Колыма», «Оротты правда», «Красный горняк», журнала «Колыма» (Там же. 1 апр.).

23 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила о начале оборудования второго рентгенкабинета, который располагался в первом хирургическом отделении Магаданской больницы.

24–30 апр. В Магадане проведен опыт скоростного строительства: за семь рабочих смен по проекту архитектора И. Г. Бачинского возведен 2-этажный брусчатый дом на восемь квартир (Колыма. 1939. № 6. С. 26).

3 мая. Политотдел Дальстроя реорганизован в Политическое управление. Начальник С. К. Моренков (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 133, л. 1).

14 мая. Вышел тысячный номер газеты «Советская Колыма» (Сов. Колыма. 1939. 14 мая).

15 мая. Монтажно-строительное управление реорганизовано в монтажно-строительный трест (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 47, л. 148).

Пароход «Николай Ежов» переименован в «Феликс Дзержинский» (Там же. Л. 157).

21 мая. Финишировал велосипедный кросс Палатка – Магадан (Сов. Колыма. 1939. 27 мая).

22 мая. Дом книги реорганизован в Магаданскую городскую библиотеку (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 8).

29 мая. Газета «Советская Колыма» сообщила, что впервые на Колыме начали работать чистильщики обуви, расположившиеся возле фабрики-кухни.

Май. На углу ул. Сталина и Колымского шоссе началось строительство 5-этажного кирпичного дома (Сов. Колыма. 1939. 10 июля).

9 июня. Принято решение о строительстве пионерского лагеря на 16-м км Колымской трассы (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 48, л. 192).

12 июня. Открылась 1-я Всеколымская художественная выставка (Там же, ф.р-50, оп. 1, д. 62, л. 71).

17 июня. Для проведения переписи гражданского населения на Колыме организовано Бюро переписи Дальстроя (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 48, л. 250).

24 июня. Торговый отдел Дальстроя реорганизован в отдел торговли Дальстроя (Там же. Д. 49, л. 23).

1 июля. На базе производственного комбината УСВИТЛа и его отделения на 23/6 км Колымской трассы создано Управление местной промышленности «Местпром Дальстроя» (ДС). Начальник Я. Н. Ясногородский (Там же. Д. 50, л. 14).

4 июля. Газета «Советская Колыма» сообщила об открытии новой булочной.

До 10 июля. На строительстве 5-этажного кирпичного дома на углу ул. Сталина и Колымского шоссе возведены стены первого этажа (Сов. Колыма. 1939. 10 июля).

14 июля. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР создан Колымский округ Хабаровского края в составе Ольского, Северо-Эвенского и Среднеканского районов, с преобразованием населенного пункта Магадан в город (ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 1, л. 7).

18 июля. Газета «Советская Колыма» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Колымского округа в Хабаровском крае».

15 авг. В здании Магаданской средней школы открылась Колымская окружная конференция учителей (Сов. Колыма. 1939. 16 авг.).

22 авг. В пос. Веселая состоялся 1-й Всеколымский слет охотников-стахановцев (Там же. 26 авг.).

24 авг. На 16-м км основной трассы открылся первый на Колыме 1-дневный дом отдыха (Там же. 18 сент.).

29 авг. В Магадане окончился розыгрыш первенства Колымы по футболу. Чемпион – команда Управления автотранспорта Дальстроя (Там же. 1 сент.).

31 авг. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Колымский округ Хабаровского края ликвидирован (ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 1, л. 8).

- 1 сент.** Торгпищекомбинат Дальстроя разукрупнен на три самостоятельных объединения: Магаданторг, Общепит и Пищепром (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 51, л. 157).
- Открылась I Колымская окружная конференция профсоюза рабочих золота и платины. Председатель окружного И. Полошкин (Там же, ф.р-26, оп. 1, д. 5, л. 1).
- 15 сент.** Открылась конференция работников строительных организаций Дальстроя (Сов. Колыма. 1939. 17 сент.).
- 29 сент.** Газета «Советская Колыма» сообщила, что Хабаровский краевой радиокомитет включил в сетку радиовещания передачи из Магадана, транслируемые 3 раза в месяц.
- 1 окт.** Организовано архитектурно-планировочное отделение горкоммунотдела Дальстроя. Начальник инженер-архитектор Н. П. Давыдов.
- 5 окт.** «Советская Колыма» сообщила о завершении городского первенства по футболу. Чемпион – команда «Динамо».
- 6 нояб.** Финишировал лыжный переход Бутугычаг – Магадан, длившийся 6 дней (Там же. 1939. 16 ноября).
- 23 нояб.** Газета «Советская Колыма» сообщила об открытии курсов по изучению английского языка при Центральной городской библиотеке.
- 2 дек.** Открылся 2-этажный детский сад на ул. Ново-Магаданской. Автор проекта А. И. Смирнов (Там же. 2 дек.).
- 8 дек.** Газета «Советская Колыма» сообщила о намечающемся переименовании Рабочего клуба Магадана в Центральный клуб Колымского окружного профсоюза рабочих золота и платины.
- 14 дек.** Книжный коллектор Политуправления Дальстроя реорганизован в книжную базу-коллектор гостреста «Колымснаб» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 55, л. 450).
- 20 дек.** При драматическом театре им. М. Горького открылись национальные театральные курсы отдела народного образования, готовившие руководителей театральных кружков для колхозных клубов Колымы (Сов. Колыма. 1939. 23 дек.).
- 21 дек.** Организован Магаданский городской санитарный отдел (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 315, л. 283).
- Декабрь.** Окончено строительство кислородного завода, вошедшего в состав АРЗа (Там же).
- Журнал «Колыма» опубликовал очерк П. Димина «Магадан» (Колыма. 1939. № 12).
- В течение года.** Сдан в эксплуатацию 37-квартирный многоэтажный кирпичный дом на углу ул. Ново-Магаданской и Колымского шоссе (Сов. Колыма. 1940. 9 февр.).
- Скоростным методом возведено 17 восьмиквартирных 2-этажных деревянных домов (Там же).
- ## 1940 год
- 1 янв.** Отдел связи Дальстроя реорганизован в Управление связи Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 58, л. 286). Магаданский завод № 2 выделен из Управления морского транспорта Дальстроя в самостоятельное предприятие, подчиненное Главному Управлению Дальстроя (Там же. Д. 55, л. 259).
- 10 янв.** Организовано Управление подрядного строительства «Колымгражданстрой». Начальник И. И. Белов (Там же. Д. 58, л. 105).
- 18 янв.** Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании первого чемпионата Колымы по шашкам.
- 25 янв.** Организовано Управление по проектированию и строительству железных дорог «Колымжелдорстрой». Начальник И. В. Митасов (Там же. Л. 283).
- Январь.** В связи с реорганизацией гостреста «Колымснаб» прекращена деятельность Нагаевской снаббазы (Там же, ф.р-131, оп. 1, д. 5, л. 4).
- По инициативе Колымского отдела народного образования открыт кукольный театр. Первый спектакль – «Три свинки и злой волк» (Сов. Колыма. 1940. 8 марта).
- 1 февр.** «Советская Колыма» сообщила, что Усть-Магаданский рыбпромхоз досрочно выполнил январский план подледного лова рыбы.
- 2 февр.** Организована Центральная научно-исследовательская лаборатория Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 59, л. 64).
- 16 февр.** Газета «Советская Колыма» сообщила о выборе места для постройки нового клуба, который будет расположен рядом с парком культуры и отдыха, недалеко от городского театра.
- Пароход «Комсомолец» доставил в Магадан свыше 9 т почты.
- 21 февр.** Газета «Советская Колыма» сообщила о присвоении Всесоюзным комитетом физкультуры и спорта при СНК СССР 1-й Всесоюзной категории по шашкам победителям первого шашечного чемпионата Колымы.
- 23 февр.** Состоялось первое выступление городского ансамбля песни и пляски (Сов. Колыма. 1940. 26 февр.).
- 25 февр.** Газета «Советская Колыма» сообщила об организации регулярного почтово-пассажирского сообщения Магадан – Хабаровск.
- 25–28 февр.** Состоялась VI Всеколымская партийная конференция Дальстроя (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 157, л. 4).
- 3 марта.** Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании первенства города по хоккею с мячом. Чемпион – команда воензированной охраны (ВОХР) Севвостлага, набравшая 13 очков.
- 12 марта.** Закончился чемпионат Колымы по хоккею с мячом. Первенство завоевала команда Магаданской средней школы (Сов. Колыма. 1940. 14 марта).
- 13 марта.** На берегу бух. Нагаева, в бывшем здании работников Управления морского транспорта Дальстроя, открылся детский сад № 2 (Там же. 22 марта).
- 18–24 марта.** Состоялись соревнования на первенство Колымы по лыжам. Победитель на дистанциях 20, 30 и 50 км Г. Г. Сафронов (Там же. 29 марта).

24 марта. Колымский Совет Осоавиахима и комсомольский отдел Политуправления Дальстроя провели ночные военно-технические учения, в которых приняло участие около 400 комсомольцев (Сов. Колыма. 1940. 24 марта).

Газета «Советская Колыма» сообщила о состоявшемся заседании комиссии по определению экспонатов, отправляемых из Магадана для экспонирования на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) в Москве.

25 марта. Состоялась VI Колымская комсомольская конференция (Там же. 26 марта).

4 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила об издании временного устава добровольного спортивного общества «Кировец».

10 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила об отправке в Москву экспонатов, отобранных для экспонирования на ВСХВ, самолетом авиаотряда Дальстроя, пилотируемым летчиком Н. Т. Кузнецовым.

14 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила о переименовании Магаданской почтовой конторы в Магаданский почтамт.

19 апр. Организовано Управление Нагаевского торгового порта (УНТП) Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 61, л. 216).

22 апр. В связи с ликвидацией Магаданского санотдела его функции возложены на Сануправление Дальстроя (Там же).

4 мая. Постановлением СНК СССР № 647 утвержден значок «Отличнику-дальстроевцу» (Там же. Д. 63, л. 177).

20 мая. ЦК ВКП(б) принял решение о создании Магаданского городского комитета партии (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 1, л. 1).

24 мая. Газета «Советская Колыма» сообщила о завершающихся работах по введению в эксплуатацию инфекционного и родильно-гинекологического корпусов нового больничного городка.

27 мая. Состоялось совещание молодых стахановцев Магадана (Сов. Колыма. 1940. 2 июня).

6 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании строительства узкоколейной железной дороги между зданием Магаданской средней школы и лесопильным заводом, который планировал из отходов угля, сгоравшего в котельной школы, начать производство шлакобетонных блоков для жилого строительства.

11 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила о первом выпуске шоферов-любителей, подготовленных на курсах Политуправления Дальстроя.

14 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила об организации Колымского комитета Российского Общества Красного Креста (РОКК). Председатель М. А. Усачева.

30 июня. Организовано издательство «Колыма» (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 199, л. 52).

6–7 июля. Состоялась I Магаданская городская партийная конференция (Там же. Д. 1, л. 79).

8 июля. Состоялся I пленум Магаданского городского комитета партии. Первым секретарем горкома ВКП(б) избран В. Ф. Белов (Там же, ф. 4, оп. 1, д. 3, л. 1–4).

16 июля. Утвержден акт комиссии Дальстроя по выбору площадки для строительства дома отдыха в районе бух. Веселая (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 72, л. 134).

25 июля. Газета «Советская Колыма» сообщила, что павильон «Дальний Восток» ВСХВ с материалами из Магадана к этому времени посетило 995 тыс. чел. Непосредственно к стенду с колымскими экспонатами проведено 1515 экскурсий, в которых приняло участие 16 тыс. чел.

Состоялось первое награждение значком «Отличнику-дальстроевцу». В числе 58 награжденных шофер автобазы № 6 УАТ Дальстроя В. И. Корчакин (Там же. Д. 63, л. 268).

26 июля. «Советская Колыма» сообщила о начале строительства на углу Колымского шоссе и ул. М. Горького 2-этажного здания городской поликлиники.

28 июля. Состоялся первый городской шашечный турнир (Сов. Колыма. 1940. 28 июля).

7 авг. В Магадане (на ул. Пролетарской) открылся новый универсальный магазин изделий ширпотреба (Там же. 8 авг.).

13 авг. По ходатайству Главного Управления Строительства Дальнего Севера НКВД СССР решением наркома внутренних дел СССР от дальнейшего отбывания наказания в лагере досрочно освобождены 33 заключенных, в том числе: по АРЗу – 1, Колымгражданстрою – 1, Заводу № 2 – 1 и по УНТП – 1 (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 66, л. 27–29).

22 авг. Проведен военизированный поход в противогазях на дистанцию 3 км, в котором участвовали 104 чел. (Сов. Колыма. 1940. 29 авг.).

30 авг. Встав на трудовую вахту в честь 4-летия стахановского движения, шлифовщик инструментального цеха АРЗа Г. П. Козлов выполнил дневное задание на 1200% (Там же. 31 авг.).

1 сент. Газета «Советская Колыма» опубликовала письмо А. Г. Стаханова, адресованное ударникам и стахановцам Крайнего Севера.

Состоялся общегородская демонстрация трудящихся, посвященная XXVI годовщине Международного юношеского дня (Там же. 5 сент.).

2 сент. Президиум Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины рассмотрел письмо А. Г. Стаханова, присланное в редакцию газеты «Советская Колыма», и принял постановление о его обсуждении на совещаниях-слетах передовиков производства во всех коллективах Колымы (ГАМО, ф.р-26, оп. 1, д. 9, л. 161).

4 сент. Дом отдыха, расположенный на 16-м км основной трассы, реорганизован в культурную базу, «*концентрирующую в себе проведение оздоровительных, физкультурных, курсовых мероприятий, развитие подсобного хозяйства*». Заведующий культбазой С. Ф. Смирнов (Там же. Л. 149).

10 сент. В театре им. М. Горького состоялась премьера спектакля О. Бальзака «Евгения Гранде». Режиссер Г. Н. Кацман (Сов. Колыма. 1940. 11 сент.).

17 сент. На Магаданском телефонном узле организована стахановская бригада телефонисток по обслуживанию коммутаторов, каждая из которых обязалась обслужить 150 абонентов вместо 100 по норме.

Состоялось второе награждение значком «Отличнику-дальстроевцу». В числе награжденных 98 чел. (Там же. 18 сент.).

19 сент. Последним рейсом парохода «Феликс Дзержинский» доставлено 3700 посылок, 38 мешков писем и служебной корреспонденции, 720 мешков периодических изданий.

21–22 сент. Проходила I Магаданская городская конференция ВЛКСМ. Избран городской комитет комсомола. Первый секретарь горкома ВЛКСМ К. К. Константинов (Сов. Колыма. 1940. 4 сент.).

25 сент. Сдан в эксплуатацию новый корпус больничного городка, в котором разместились хирургическое, акушерское и гинекологическое отделения магаданской больницы.

28 сент. Организован Магаданский эстрадный театр. Директор-распорядитель Л. А. Рогацкий (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 67, л. 14).

Газета «Советская Колыма» сообщила об асфальтировании площади у административного здания Дальстроя. Начато строительство нового кирпичного завода на 8-м км основной трассы (производительность 5 млн кирпичей в год) (Там же).

9 окт. В пос. Веселая в эксплуатацию сданы столовая, медпункт, парикмахерская, сапожная и пошивочная мастерские, ленинский уголок, а также начато строительство гаража и нового здания Управления рыбного промыслового хозяйства (Там же).

1 нояб. «Советская Колыма» сообщила о начале прокладки узкоколейной железной дороги Магадан – Палатка.

4 нояб. Для приема в эксплуатацию здания Дома пионеров создана комиссия Дальстроя в составе 5 чел. Председатель – архитектор А. И. Смирнов (Там же. Д. 72, л. 245).

10 нояб. Организовано газетно-журнальное издательство «Советская Колыма». Начальник В. А. Соколов (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 199, л. 150).

26 нояб. Организован научно-исследовательский отдел Геологоразведочного управления (ГРУ) Дальстроя (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 68, л. 126).

28 нояб. «Советская Колыма» сообщила, что национальные театральные курсы отдела народного образования при театре им. М. Горького реорганизованы в курсы по подготовке руководителей кружков колхозной самодеятельности.

30 нояб. Оборудуется универмаг в новом 57-квартирном многоэтажном доме на углу ул. Сталина и Колымского шоссе (Там же).

7 дек. На базе Колымпроекта, Колымтранспоекта и проектной конторы горкоммунотдела организовано хозяйственное Управление «Колымпроект». Начальник Н. П. Крыжановский (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 69, л. 31).

1941 год

1 янв. Редакция газеты «Оротты правда» реорганизована в отдел национального строительства при редакции газеты «Советская Колыма». Одновременно прекращено издание бесплатного приложения к газете «Оротты правда» – «Пионер Колымы» и бесплатного приложения к журналу «Колыма» – «Колымского альманаха» (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 69, л. 23).

6 янв. В помещении Магаданской средней школы открылось совещание учителей Ольского района (Сов. Колыма. 1941. 9 янв.).

7 янв. В помещении театра им. М. Горького открылось совещание партийно-хозяйственного актива Дальстроя (Там же. 8 янв.).

10 янв. Открылась первая оборонно-физкультурная спартакиада учащихся Магаданской средней школы (Там же. 11 янв.).

11 янв. Приказом НКВД СССР за успешную работу награждены значком «Отличнику-дальстроевцу» 513 чел. Среди них: начальник Управления Нагаевского торгового порта Л. Н. Гарбузов, начальник горкоммунотдела Дальстроя Ф. А. Муратов, директор Охотско-Колымского краеведческого музея А. П. Хмелинин, сотрудники редакции газеты «Советская Колыма»: В. Е. Зимин, А. П. Малагин, Н. И. Грибков, пилот авиаотряда Дальстроя С. Н. Белов и др. (Там же. 15 янв.).

12 янв. Состоялся массовый лыжный кросс, организованный спортобществом «Кировец» (Там же. 18 янв.).

28 янв. «Советская Колыма» сообщила, что Колымский окружной комитет рабочих профсоюза золота и платины организовал на 16-м км основной трассы спортивную базу для отдыхающих.

13 февр. В долине р. Магаданка состоялся 25-километровый лыжный кросс, посвященный XVIII Всесоюзной партийной конференции (Там же. 14 февр.).

16 февр. В долине р. Магаданка проведен лыжный кросс имени XXIII годовщины Красной Армии (Там же. 17 февр.).

20 февр. Состоялся лыжный пробег Магадан – Ола – Магадан. Одиннадцать комсомольцев-лыжников прошли расстояние 98 км за 8 ходовых часов (Там же. 25 февр.).

Февраль. На территории транзитного городка (за парком культуры и отдыха) началось строительство 6 типовых домов из мохоплит (Там же. 2 февр.).

22 марта. Газета «Советская Колыма» сообщила, что на Магаданском пивоваренном заводе приступили к подготовительным работам по производству фруктовых вод.

2 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила, что строительно-монтажная контора горкоммунотдела Дальстроя приступила к изготовлению деревянных тротуаров для улиц города.

7 апр. Организовано Управление Магаданского лагеря Маглаг. Начальник Я. М. Резников (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 162, л. 24).

17 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила о предстоящем открытии новой столовой на ул. Сталина.

21 апр. Окончилось строительство здания Главного Управления Дальстроя. Автор проекта Н. Н. Юргенсон.

27 апр. Состоялся субботник на строительстве узкоколейной железной дороги Магадан – Палатка, в котором участвовало 700 коммунистов, комсомольцев и молодежь города (Сов. Колыма. 1941. 29 апр.).

11 мая. Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании строительства деревянных тротуаров на главных улицах Магадана.

13 мая. «Советская Колыма» сообщила об окончании первых на Колыме 2-месячных курсов киномехаников.

2 июня. В порт Нагаево прибыл теплоход «Советская Латвия», совершивший первый рейс под советским флагом и с этого времени вошедший в состав морского флота Дальстроя (Там же. 3 июня).

7 июня. Состоялось первое гастрольное выступление Магаданского эстрадного театра (Там же. 8 июня).

12 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила о начале благоустройства площади, примыкающей к новому зданию Главного Управления Дальстроя.

15 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила о начале строительства 2-этажного деревянного здания городского ателее бытового обслуживания.

18 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании первых на Колыме курсов руководителей художественной самодеятельности.

22 июня. В 12 часов дня состоялось открытие городского парка культуры и отдыха. Коллектив художественной самодеятельности Центрального клуба Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины показал большую концертную программу, в которой впервые выступили акробаты, эксцентрики, жонглеры (Там же. 22 июня).

В зрительном зале Магаданского театра им. М. Горького прошла олимпиада детской художественной самодеятельности (Там же. 24 июня).

В 13 часов на стадионе парка культуры и отдыха состоялся общегородской митинг избирателей Магадана-Нагаево, посвященный выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР от Камчатско-Колымского избирательного округа (Там же. 22 июня).

В течение дня на стадионах и спортивных площадках парка культуры и отдыха проходили соревнования футбольных и волейбольных команд, выступали баскетболисты и теннисисты. К услугам отдыхающих были парашютная вышка и тир, в кинотеатре демонстрировался новый фильм «Ветер с востока» (Там же. 22 июня).

Поздно вечером в парке культуры и отдыха состоялся общегородской митинг, посвященный вероломному нападению фашистской Германии на Советский Союз. Его открыл начальник Политуправления Дальстроя И. К. Сидоров (Там же. 23 июня).

23 июня. Вышел экстренный выпуск газеты «Советская Колыма» со стихами «Вставай, страна огромная!»

26 июня. Газета «Советская Колыма» опубликовала обращение женщин-общественниц Магадана ко всем женщинам Колымы с призывом самоотверженно работать на своем месте, овладевать новыми профессиями и медицинскими навыками.

28 июня. 12 работников АРЗа полностью погасили подписку на военный заем и обратились ко всем рабочим, инженерам и техникам завода с призывом в ответ на нападение фашистов дать как можно больше средств стране (Там же. 2 июля).

29 июня. Это воскресенье коллектив АРЗа объявил рабочим днем и весь заработок за него перечислил в фонд обороны страны (Там же. 2 июля).

Газета «Советская Колыма» опубликовала заявление начальника Магаданского почтамта В. Пташкина, обязавшего ежемесячно отчислять 100 руб. из своей зарплаты в фонд обороны страны до полной победы над врагом.

30 июня. Коллектив детской художественной самодеятельности Дома пионеров поставил на сцене театра им. М. Горького комедию Мольера «Проделки Скапена». Весь сбор от спектакля – 2500 руб. – юные артисты передали в фонд обороны страны (Там же. 3 июля).

2 июля. Газета «Советская Колыма» сообщила об открытии магазина культтоваров на ул. Сталина, 6.

3 июля. Состоялся общегородской митинг трудящихся, посвященный выступлению по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина (Там же. 5 июля).

По сообщению «Советской Колымы», участники художественной самодеятельности Дома пионеров обратились ко всем коллективам художественной самодеятельности Колымы с призывом отчислять денежные сборы от спектаклей в фонд обороны страны.

4 июля. Газета «Советская Колыма» опубликовала письмо магаданца П. Л. Никологорского, просившего начальника Политуправления Дальстроя И. К. Сидорова отправить его вместе с женой на передний фронт борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Просьба патриота была удовлетворена.

7 июля. Газета «Советская Колыма» выпустила внеочередной номер, полностью посвященный сообщениям Советского информбюро о событиях на фронте.

8 июля. Газета «Советская Колыма» рассказала об ударной работе грузчиков порта Нагаево, разгрузивших пароход «Красноармеец» за 15 ч, вместо 75, положенных по плану.

10 июля. Газета «Советская Колыма» сообщила о сотрудниках Усть-Магаданского рыбпромхоза, сдавших единовременный взнос в фонд обороны страны в сумме 1585 руб.

11 июля. Начались занятия на общегородских курсах медицинских сестер (Там же. 18 июля).

14 июля. Газета «Советская Колыма» выпустила внеочередной номер, полностью посвященный событиям на фронте Великой Отечественной войны.

19 июля. Состоялся первый слет молодых стахановцев Магадана-Нагаево, обсудивших работы по выполнению производственных планов, задачи, стоявшие в связи с военным временем.

25 июля. Колымский окружком профсоюза рабочих золота и платины решил вопрос об организации Магаданского городского комитета профсоюзов рабочих золота и платины (Там же. 26 июля).

28 июля. В Магаданском театре им. М. Горького состоялось общегородское собрание женщин, выступивших с призывом отдать все свои силы для того, чтобы помочь горнякам в выполнении производственной программы, вести решительную борьбу за экономию горючего, электроэнергии, продуктов (Там же. 9 авг.).

31 июля. Городской штаб МПВО провел учебную воздушную тревогу (Сов. Колыма. 1941. 9 авг.).

1 авг. Состоялась I Магаданская городская профсоюзная конференция (Там же. 6 авг.).

6 авг. Городской штаб МПВО провел проверку светомаскировки в жилых домах и учреждениях (Там же. 9 авг.). Газета «Советская Колыма» сообщила о введении в строй 2-этажного кирпичного здания городской поликлиники на правой стороне Колымского шоссе.

7 авг. Открылся городской ювелирный магазин (Там же. 15 авг.).

17 авг. Состоялся общегородской воскресник трудящихся, в котором участвовало 1500 чел. (Там же. 19 авг.).

20 авг. Городской штаб МПВО провел учебную воздушную тревогу (Там же. 26 авг.).

22 авг. Работники Управления связи Дальстроя внесли в фонд обороны страны облигации государственных займов на 75 тыс. руб. (Там же).

24 авг. Состоялся городской молодежный воскресник (Там же. 27 авг.).

26 авг. Городской штаб МПВО провел очередную учебную воздушную тревогу, во время которой в течение нескольких минут были собраны члены групп самозащиты (Там же).

28 авг. Газета «Советская Колыма» сообщила, что магаданец К. П. Заважкин принес в нагаевскую сберкассау и сдал в фонд обороны страны облигации займа третьей пятилетки на 1700 руб.

29 авг. В «Советской Колыме» написано, что начальник производственно-технического отдела Дальстроя П. М. Никитин внес в фонд обороны страны облигации госзаймов на 11 725 руб.

Газета «Советская Колыма» опубликовала ряд материалов под рубрикой «Что вы сделали для фронта?» Инженер АРЗа Е. Смирнов рассказал о совмещении им в военное время должности главного металлурга и начальника технического цеха.

30 авг. В рубрике «Что вы сделали для фронта?» выступил инженер-конструктор АРЗа А. Кобяков. Он сообщил, что разработал конструкцию сгустителя «Дорро» двух типов и 2-ситный вибрационный грохот марки «22-ГР».

31 авг. Газета «Советская Колыма» опубликовала новые материалы рубрики «Что вы сделали для фронта?» Старший техник-нормировщик АРЗа Н. Бухаров рассказал, что он совмещает эту должность в автосборочном и первом механическом цехах.

Газета «Советская Колыма» сообщила, что все члены команды шхуны «Звезда» УНТП Дальстроя подали заявление об отчислении из их зарплаты ежемесячно по 200 руб. в фонд обороны страны.

1 сент. Принята в эксплуатацию узкоколейная железная дорога Магадан – 72-й км (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 38, л. 37).

В связи с переездом и размещением Управления «Колымпроект» в пос. Усть-Утинная весь поселок в административном отношении подчинен начальнику Колымпроекта Н. П. Крыжановскому (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 82, л. 17).

7 сент. Городской штаб МПВО провел учебно-воздушную тревогу в Магадане и его пригородах (Сов. Колыма. 1941. 9 сент.).

10 сент. Начало деятельности Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького, образованного приказом Дальстроя на базе Магаданского драматического театра им. М. Горького и Магаданского эстрадного театра (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 79, л. 92).

12 сент. «Советская Колыма» сообщила о создании в Магадане Центральной комиссии по сбору теплых вещей для бойцов Красной Армии. Председатель комиссии – начальник Политуправления Дальстроя И. К. Сидоров.

14 сент. Заработанные 20 тыс. руб. на общегородском молодежном воскреснике по строительству городских объектов и сбору стланиковых шишек, в котором участвовало 1800 чел., перечислены в фонд обороны (Сов. Колыма. 1941. 15 сент.).

28 сент. Состоялся общегородской воскресник, в котором приняли участие свыше 1100 чел. 10 тыс. руб. переданы в фонд обороны страны (Там же. 30 сент.).

1 окт. Газета «Советская Колыма» сообщила о начале всеобщего военного обучения и введении должностей инструкторов всеобуча.

5 окт. Состоялось торжественное открытие нового здания Дома культуры им. М. Горького (Там же. 6 окт.).

Газета «Советская Колыма» рассказала о патриотических начинаниях сотрудников отдела снабжения и сбыта Магаданского промкомбината, собравших в течение нескольких дней 345 кг свинца, 303 кг меди, 255 кг бронзы и много другого металлолома.

16 окт. Газета «Советская Колыма» сообщила о первом слете городского пионерского актива, принявшего обращение ко всем пионерам Колымы с призывом развернуть сбор средств в фонд обороны страны.

22 окт. Газета «Советская Колыма» рассказала о коллекции старинных монет, поступивших в Охотско-Колымский краеведческий музей. Одна из них (российская «Денга», 1749 г.) найдена на улице Тауйска зав. клубом этого поселка, другая (10 долл. США, 1877 г.) – командиром одного из отделений ВОХР, обнаружившим ее на 6-м км основной трассы.

24 окт. Газета «Советская Колыма» сообщила о сдаче в отделение госбанка Магадана 5 золотых колец, золотых часов, серебряного футляра для чеков, пятирублевой монеты царской чеканки, серебряного кошелька, 50 серебряных портсигаров, подстаканников, ложек, ножей, вилок и кружек.

25 окт. Состоялось собрание городского партактива, призвавшего изменить работу всех партийных и комсомольских организаций, предприятий и учреждений в соответствии с условиями военного времени (Там же. 26 окт.).

6 нояб. Газета «Советская Колыма» опубликовала письмо бывших учеников Магаданской средней школы красноармейцев И. Виноградского, А. Исаева и В. Пугина с призывом к школьникам Магадана изучать военное дело, серьезно относиться к учебе, чтобы затем успешно бить врага.

Встав на стахановскую вахту, шлифовщик инструментального цеха АРЗа Л. В. Колесников выполнил дневное задание на 802% (Там же. 15 нояб.).

7 нояб. На торжественном заседании трудящихся города, посвященном XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, принято обращение к героическим защитникам Москвы (Там же. 9 ноября).

16 нояб. Газета «Советская Колыма» сообщила, что работник Сануправления Дальстроя С. А. Мурахверин внес на строительство эскадрильи самолетов 200 руб.

21 нояб. «Советская Колыма» сообщила, что в городском ПККО началось возведение нового спортивного зала.

22 нояб. Начальник Управления Маглага С. Е. Шейн сдал в фонд обороны страны на строительство боевой эскадрильи самолетов 2415 руб. и 5000 руб. облигациями и предложил сдавать личные сбережения на строительство танков (ЦХСД МО, ф. 1, оп. 2, д. 292, л. 104).

26 нояб. Газета «Советская Колыма» сообщила, что коллектив Дома культуры им. М. Горького сдал в фонд обороны страны 11 378 руб. деньгами и 6695 руб. облигациями.

27 нояб. «Советская Колыма» сообщила об открытии в Доме культуры им. М. Горького оборонной выставки.

Ноябрь. Президиум Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины учредил ленинскую «Карточку личного участия в деле помощи Красной Армии в Отечественной войне», в которую заносятся производственные показатели, данные об экономии средств, рационализаторских предложениях, совмещении профессий, суммах отчислений в фонд обороны страны (ГАМО, ф.р-26, оп. 1, д. 16, л. 39).

5 дек. Встав на стахановскую вахту в честь Дня Конституции, шлифовальщик инструментального цеха АРЗа Г. П. Козлов выполнил дневную норму на 950% (Сов. Колыма. 1941. 6 дек.).

15 дек. На предприятиях города состоялись многочисленные митинги, посвященные победе Красной Армии над немецко-фашистскими войсками под Москвой (Там же. 16 дек.).

28 дек. В «Советской Колыме» опубликовано заявление работника Госавтоинспекции Управления милиции по Дальстрою И. Л. Митюшина с просьбой удержать из его зарплаты очередную 10%-ную надбавку и перечислить ее в фонд обороны.

1942 год

1 янв. Газета «Советская Колыма» сообщила, что директор столовой Магаданской средней школы А. Д. Леонидова подала заявление о перечислении ее 10%-ной надбавки в фонд обороны страны.

3 янв. «Советская Колыма» опубликовала приветственную телеграмму И. В. Сталину, принятую на митинге сотрудников УСВИТЛА по случаю победы Красной Армии, освободившей Керчь, Феодосию и ряд других городов.

5 янв. В Магаданской средней школе состоялось совещание учителей Ольского и Среднеканского районов. С докладом о задачах преподавания в условиях Великой Отечественной войны выступил секретарь Магаданского горкома ВКП(б) В.Ф. Белов (Сов. Колыма. 1942. 6 янв.).

6 янв. Магаданскому АРЗу присуждено переходящее Красное знамя горкома ВКП(б) и горкома профсоюза рабочих золота и платины (Там же. 8 янв.).

16 янв. Газета «Советская Колыма» сообщила, что уборщица Охотско-Колымского краеведческого музея С. Е. Сурихина, получающая зарплату 270 руб., подписалась на билеты денежно-вещевой лотереи на 100 руб.

20 янв. Магаданский горком ВЛКСМ перечислил на строительство танковой колонны «Дальневосточный комсомол» 10 220 руб., вырученных от продажи билетов на антифашистский вечер, состоявшийся в Доме культуры им. М. Горького (Там же. 22 янв.).

26 янв. В помещении 1-го Магаданского горкинотеатра состоялся киноконцерт, в программу которого вошли выступления джаз-оркестра, артистов, участников художественной самодеятельности и просмотр звукового фильма «Большой вальс». Деньги, собранные от концерта (2695 руб.), переданы в фонд постройки танковой колонны (Там же. 30 янв.).

1 февр. Стартовал профсоюзно-комсомольский лыжный кросс им. XXIV годовщины Красной Армии (Там же. 3 февр.).

8 февр. «Советская Колыма» опубликовала статью заместителя секретаря горкома ВЛКСМ Ф. Ф. Гоготова «Создадим на предприятиях города фронтовые бригады».

11 февр. Вступила в эксплуатацию стекольная мастерская Дальстроя, затем реконструированная в стекольный завод, непосредственно подчиненный Управлению Маглага (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 92, л. 80).

21–22 февр. Проведена II Магаданская городская партийная конференция (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 1).

22 февр. Состоялся 100-километровый лыжный пробег, посвященный XXIV годовщине Красной Армии, – второй в истории лыжного спорта СССР. Победитель – динамовец Г. Г. Сафаров, прошедший дистанцию за 8 ч 51 мин 50 с (Сов. Колыма. 1942. 25 февр.).

13 марта. В Магаданском городском комитете профсоюза рабочих золота и платины состоялось заседание руководителей месткомов предприятий и учреждений города по вопросам реализации Постановления ВЦСПС о массовом развитии индивидуального и коллективного огородничества (Там же. 15 марта).

14 марта. В помещении Магаданского горкинотеатра открылась II городская конференция ВЛКСМ (Там же).

29 марта. Состоялся общегородской воскресник по сбору металлолома (Там же. 31 марта).

13 апр. Утвержден план организации индивидуальных огородов горожан на 1942 г. с рассчитанным количеством рассады капусты, свеклы и брюквы в 315 тыс. корней (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 86, л. 9).

26 апр. Прошел общегородской воскресник по очистке улиц и дворов, в котором участвовало 894 чел. (Сов. Колыма. 1942. 28 апр.).

28 апр. Газета «Советская Колыма» опубликовала обращение пионеров и учащихся 56 класса Магаданской средней школы с призывом включиться в сбор средств на постройку бронемашин «Пионер Колымы».

14 мая. II пленум Магаданского горкома ВКП(б) обсуждал вопрос «О работе городских организаций по развитию местной продовольственной базы». Отмечено, что в Магадане насчитывается 18 подсобных хозяйств (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 28, л. 2).

24 мая. Состоялся общегородской воскресник, в котором участвовало около 1000 чел. (Сов. Колыма. 1942. 26 мая).

26 мая. В клубе «Моряк» прошел слет молодых стахановцев Управления Нагаевского торгового порта и гостреста «Колымснаб» (Там же. 29 мая).

31 мая. На собрании партийного актива Магадана был заслушан и обсужден доклад первого секретаря горкома ВКП(б) В. Ф. Белова «Об очередных задачах партийной организации» (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 40, л. 1).

4 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила об организации Охотско-Колымским краеведческим музеем выставки в помощь занимающимся индивидуальным огородничеством.

7 июня. Начался II Всесоюзный летний профсоюзно-комсомольский кросс (Сов. Колыма. 1942. 9 июня).

28 июня. Спортивное общество «Динамо» провело шоссейный велокросс по маршруту 54-й км трассы – Магадан, в котором приняло участие 16 динамовцев и 6 спортсменов вне конкурса. Победитель – Г. Г. Сафаров. Его время 1 ч 50 мин (Там же. 1 июля).

26 июля. Спортивное общество «Кировец» провело военизированный мотокросс на дистанцию 40 км. Победитель – мотоциклист 2-го райсовета «Динамо» А. С. Бурдин, прошедший дистанцию (на мотоцикле «Харлей Дэвидсон») за 53 мин 45 с. Гонщик «Кировца» М. В. Иванушкин занял 2-е место (время на машине «Индиан» 59 мин 29 с), начинающий гонщик В. А. Логинов – 3-е (время на мотоцикле «Красный Октябрь» 1 ч 25 мин 17 с) (Там же. 28 июля).

Июль. При клубе «Моряк» организована концертная агитбригада (руководитель В. А. Вуйчик). Сборы от ее выступлений неоднократно поступали в фонд обороны страны (Там же. 25 июля).

Магаданский промкомбинат начал осваивать производство зубного порошка (Там же. 15 авг.).

9 авг. Состоялся 10-километровый кросс физкультурников спортивного общества «Динамо», в котором приняли участие 23 бегуна. Победитель – Г. Г. Сафаров, прошедший дистанцию за 34 мин 23 с (Там же. 11 авг.).

12 авг. Из Магадана в действующую армию направлены подарки, собранные трудящимися Дальстроя, которые сопровождала делегация лучших передовиков Колымы (Там же. 13 авг.).

23 авг. Состоялся 50-километровый военизированный мотокросс, в котором участвовало 10 машин марок «Харлей Дэвидсон», «ПМЗ», «Индиан», «ИЖ-7» и «Красный Октябрь» (Там же. 26 авг.).

26 авг. Газета «Советская Колыма» сообщила о получении Охотско-Колымским краеведческим музеем старинных панциря и пушки, доставленных из пос. Гижига.

3 сент. «Советская Колыма» дала информацию, что издательство «Газета «Советская Колыма»» выпустило тиражом 3 тыс. экз. первые две части романа И. Эренбурга «Падение Парижа».

Согласно сообщению «Советской Колымы», в день XXVIII годовщины МЮД по-стахановски трудились фронтовые бригады грузчиков и водителей Управления Нагаевского торгового порта.

29 сент. В Москве группа дальстроевских работников, которую возглавлял первый секретарь Магаданского горкома ВКП(б) В. Ф. Белов, посетила семью Героя Советского Союза Николая Гастелло и рассказала об открытии на Колыме прииска его имени (Там же. 2 окт.).

9 окт. Газета «Советская Колыма» сообщила о патриотической работе, проведенной пионерами Магаданской средней школы: за 10 дней были собраны 302 вещи и 2947 руб. для детей Ленинграда.

17 окт. Газета «Советская Колыма» сообщила, что Колымский радиокомитет при Политуправлении Дальстроя и Колымский окружком профсоюза рабочих золота и платины объявили конкурс на лучшую творческую работу для радио в ознаменование XXV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

20 окт. «Советская Колыма» опубликовала письмо фронтовика, Героя Советского Союза Николая Обухова комсомольцам и молодежи Дальстроя с призывом завести «Счет мести» и давать больше продукции сверх плана. В числе первых на призыв откликнулись рабочие АРЗа, механического цеха и блока горячих цехов автобазы № 6.

22 окт. Газета «Советская Колыма» сообщила об открытии в Магадане ларька по продаже керосина. Отопование горожан осуществлялось строго по талонам.

3 нояб. Газета «Советская Колыма» сообщила, что детская пошивочная мастерская выполняет срочный заказ: изготавливает одежду для детей, эвакуированных из районов, оккупированных фашистскими захватчиками.

6 нояб. В театре им. М. Горького состоялась премьера спектакля К. Симонова «Русские люди» (Там же. 9 нояб.).

13 нояб. Газета «Советская Колыма» сообщила, что коллектив Горпищепрома в первый день сбора средств на строительство звена бомбардировщиков «Дальстроевец» сдал 6455 руб.

Коллектив ГКО ДС решил перечислить однодневный заработок на постройку звена бомбардировщиков «Дальстроевец», которое должно было войти в состав эскадрильи «Дальневосточный чекист» (Там же).

15 нояб. Рабочие и служащие Магаданского промкомбината в первый день сбора средств на строительство звена бомбардировщиков «Дальстроевец» сдали 8925 руб. (Там же).

18 нояб. Газета «Советская Колыма» сообщила об объявлении руководством ДС благодарности «За отличную работу в деле освоения газогенераторных машин, тракторов и установок» В. А. Ермакову, И. Ф. Меркулову (АРЗ), И. Ф. Анисимову (завод № 2).

15–16 дек. Состоялся IV пленум Магаданского горкома ВКП(б), рассмотревший вопросы агитационно-пропагандистской работы в военное время (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 30, л. 1).

17 дек. Газета «Советская Колыма» поместила заметку о ново-магаданской столовой – одной из лучших по обслуживанию населения города в военное время.

20 дек. В помещении бывшего скупочного пункта открылся колхозный рынок, где продавались сало, оленье мясо, капуста, рыба, доставленные из сельхозартелей «Путь Севера» и «Новый Путь» (Сов. Колыма. 1942. 24 дек.).

25 дек. Газета «Советская Колыма» сообщила об издании в Магадане романа Ванды Василевской «Радуга».

31 дек. Переехавший из пос. Усть-Утиная аппарат Управления Колымпроекта приступил к работе в Магадане (ГАМО, ф.р-48, оп. 1, д. 47, л. 1).

В течение года. На Магаданском стекольном заводе произведена опытная плавка стекла из вулканического пепла (Сов. Колыма. 1942. № 6. С. 21).

Усть-Магаданский промхоз выпустил 15 т колбасы, 21 т копченостей, 110 тыс. банок маринадов (Сов. Колыма. 1942. 21 янв.).

1943 год

10 янв. Состоялся общегородской лыжный поход комсомольцев и молодежи (Сов. Колыма. 1943. 12 янв.).

14 янв. Коллектив АРЗа обратился ко всем трудящимся Дальстроя с призывом построить на собранные средства танковую колонну «Феликс Дзержинский» (Там же. 15 янв.).

15 янв. Газета «Советская Колыма» опубликовала заявление депутата Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся А. А. Кочерова, внесшего 10 тыс. руб. личных сбережений на постройку танковой колонны «Феликс Дзержинский».

17 янв. Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение задания Правительства по строительству и хозяйственному освоению районов Крайнего Севера 508 работников Дальстроя награждены орденами и медалями. Среди них: орденом Ленина – начальник Дальстроя И. Ф. Никишов, заместители начальника Дальстроя С. Е. Егоров и А. Г. Корсаков, начальник Политуправления Дальстроя И. К. Сидоров, резьбошлифовщик АРЗа Г. П. Козлов; медалью «За трудовую доблесть» – секретари Магаданского горкома ВКП(б) А. П. Головкин и В. Г. Ларин, ответственный редактор газеты Газета «Советская Колыма» Б. Я. Летнев, начальник горкоммунотдела Дальстроя Ф. А. Муратов, бригадир Управления Нагаевского торгового порта (Колыма. 1943. № 2. С. 5–13).

21 янв. Встав на стахановскую вахту, посвященную Дню памяти В. И. Ленина, шлифовщик инструментального цеха АРЗа Л. В. Колесников не покидал его в течение 20 ч и выполнил дневное задание на 1160% (Сов. Колыма. 1943. 27 янв.).

29 янв. В Охотско-Колымском краеведческом музее открылась выставка изделий местной промышленности (Там же).

За образцовую работу в 1942 г. большая группа дальстроевских работников награждена значком «Отличнику-дальстроевцу». В числе награжденных: секретарь Магаданского горкома ВКП(б) М. В. Васильев, секретарь горкома ВЛКСМ А. О. Красовская, председатель Колымского радиокomiteта Л. А. Шахнарович, директор Магаданского стекольного завода В. П. Шахназарян, главный режиссер театра Г. Н. Кацман, актриса театра М. Г. Удольская, зав. художественным отделом редакции газеты Газета «Советская Колыма» Н. В. Лобовиков (Там же. 6 февр.).

Январь. Магаданцы, супруги И. Ф. и А. Л. Бойко, отправили письмо И. В. Сталину с просьбой разрешить на собственные сбережения в размере 50 тыс. руб. купить танк и отправиться на фронт (Там же. 8 февр.).

4 февр. В городском клубе профсоюзов рабочих золота и платины состоялось собрание оборонно-физкультурного актива Магадана (Там же. 9 февр.).

10 февр. Газета «Советская Колыма» опубликовала письмо супругов И. Ф. и А. Л. Бойко И. В. Сталину и положительный ответ Верховного Главнокомандующего.

16 февр. Работники АРЗа А. М. Ефанов, И. Е. Конюхов, М. К. Щеглов, А. П. Тимченко и В. А. Яковлев написали письмо И. В. Сталину с просьбой уйти на фронт и воевать на танке, купленном на их сбережения (Там же. 2 марта).

2 марта. «Советская Колыма» опубликовала письмо работников АРЗа А. М. Ефанова, И. Е. Конюхова, М. К. Щеглова, А. П. Тимченко и В. А. Яковлева И. В. Сталину и положительный ответ Верховного Главнокомандующего.

17 марта. Газета «Советская Колыма» поместила сообщение об изготовлении работниками сельхозгруппы Управления автотранспорта Дальстроя дезинфицирующих средств для животных из переработанных местных материалов.

18 марта. В «Советской Колыме» опубликована телеграмма Калининского обкома МОПР с благодарностью Колымскому оргбюро МОПР за материальную помощь детям-сиротам, инвалидам войны и семьям фронтовиков.

Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, выражающую благодарность трудящимся Дальстроя, «сбравшим, кроме первых 20 миллионов 800 тысяч рублей, дополнительно 5 миллионов рублей и облигациями госзаймов 14 миллионов рублей на строительство танковой колонны имени Феликса Дзержинского и звена бомбардировщиков «Дальстроевец» и 1 миллион рублей в фонд восстановления Сталинграда».

5 апр. Для победителей социалистического соревнования на лучшую контору и снаббазу учреждено переходящее Красное знамя гостреста «Колымснаб» и Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 11, л. 60).

6 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила, что состоялся общегородской воскресник по очистке от снега дороги Магадан – Марчекан, в котором приняли участие около 2 тыс. чел.

11 апр. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, адресованную ученице 3-го класса Магаданской школы Гале Романовой, ученику 5-го класса Ольской школы Коле Самарину, ученице 6-го класса Тенькинской школы Люде Громовой, комсору Оротуканской средней школы Вале Красовской, ученице 7-го класса Тасканской школы Анне Протопоповой, в которой передавалась благодарность пионерам и школьникам Колымы, сбравшим дополнительно 60 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Юный пионер».

16 апр. В Магаданском доме инвалидов организована мастерская по изготовлению детских игрушек из утиля и отходов производства (Там же).

При гостресте «Колымснаб» создано контрольно-учетное бюро продовольственных и промтоварных карточек (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 11, л. 74).

5 мая. В Доме культуры им. М. Горького состоялось общегородское собрание партийного, комсомольского и профсоюзного актива. С докладом о задачах организаций города в связи с началом промывочного сезона выступил начальник Дальстроя И. Ф. Никишов (Сов. Колыма. 1943. 7 мая).

28 мая. В помещении 2-го хлебозавода образован Магаданский плодоовощной комбинат, задачей которого являлись переработка овощей и заготовка дикоросов в районе Магадана, Палатки, Олы (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 11, л. 108).

30 мая. В ПККО состоялось открытие 3-го летнего профсоюзно-комсомольского кросса (Сов. Колыма. 1943. 2 июня).

8 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила, что более 650 женщин Магадана откликнулись на постановление правительства о выпуске второго государственного военного займа, подписались на 74 275 руб. и внесли наличными 16 050 руб.

10 июня. Бригада учениц 7–8-х классов Магаданской средней школы под руководством педагогов К. А. Быковой и В. Я. Хотяевой выехала на летние сельскохозяйственные работы в пригородный совхоз «Дукча» (Там же. 11 июня).

13 июня. Прошли последние соревнования 6-дневного летнего профсоюзно-комсомольского кросса (Там же. 15 июня).

16 июня. Бригада из 25 старшеклассников Магаданской средней школы выехала для работы на прииск «Комсомолец» Чай-Урьинского горнопромышленного управления (Там же. 18 июня).

Газета «Советская Колыма» сообщила об окончании занятий в школе инструкторов рукопашного боя.

27 июня. Состоялся 20-километровый велокросс по пересеченной местности, в котором участвовали 25 спортсменов-динамовцев (Там же. 2 июля).

29 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила о работе лаборатории строительных материалов ЦНИЛ, нашедшей заменитель портландского бетона из охлажденных шлаков хасынского угля.

Июнь. Горпищепром Колымснаба приступил к организации макаронной фабрики (Там же. 1944. 9 апр.).

5 июля. В Магадан доставлены новые звуковые кинофильмы: «Непобедимые», «Она защищает Родину», «Сын Таджикистана», «Актриса» и «Украина».

10 июля. Принята директива руководства Дальстроя о развертывании заготовки местных кормов: веточного силоса и ягеля (Там же. 1943. 16 июля).

18 июля. Состоялся городской военно-физкультурный праздник (Там же. 20 июля).

19 июля. С докладом «Об итогах IX пленума Хабаровского краевого комитета ВКП(б)» на заседании партактива Магадана выступил секретарь крайкома ВКП(б) Г. А. Барков (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 54, л. 1).

4–5 авг. В Доме культуры им. М. Горького состоялись выступления бригады Всесоюзного гастрольно-концертного объединения в составе лауреатов Всесоюзных конкурсов И. Лебедевой, Р. Цызиной, Л. Шур и артистки Московского государственного малого театра М. Боярской (Сов. Колыма. 1943. 6 авг.).

4–10 авг. 250 женщин предприятий и учреждений города оказали существенную помощь совхозу «Дукча»: провели прополку, рыхление и окучивание овощей на площади около 38 га (Там же. 25 авг.).

18–19 авг. В Доме культуры им. М. Горького состоялись заключительные концерты Ансамбля красноармейской песни и пляски Дальневосточного фронта (Там же. 21 авг.).

1 нояб. Организован вечерний университет марксизма-ленинизма (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 50, л. 4).

6 нояб. Газета «Советская Колыма» сообщила, что Охотско-Колымский краеведческий музей организовал стенд, на котором представлены образцы табака, выращенного в сельхозотделении «Балаганное», и пачки махорки «Горняк Колымы», выпускаемой в Магадане.

1 дек. В вечернем университете марксизма-ленинизма начались первые занятия (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 62, л. 83).

1944 год

1 янв. Газета «Советская Колыма» опубликовала письмо с фронта, рассказывающее о бывшем работнике автобазы № 6 К. А. Лукине, отличившемся в боях за Родину.

4 янв. 16 работников гостреста «Колымснаб» направлены в распоряжение Ольского райвоенкомата в связи с призывом в ряды Красной Армии (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 16, л. 6).

8 янв. Для победителей соц. соревнования на лучшую столовую и лучшую хлебопекарню учреждено переходящее Красное знамя гостреста «Колымснаб» и Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины (Там же. Л. 2).

13 янв. Состоялось собрание молодых рабочих города, принявшее обращение ко всем комсомольцам и молодежи промышленных предприятий Магадана обеспечить подготовку экскаваторов и компрессоров для бесперебойной работы, собрать 615 т металлолома, принять активное участие в общественном смотре организации труда и максимально развить движение за работу бригад с меньшим количеством рабочих (Сов. Колыма. 1944. 16 янв.).

20 янв. Указом Президиума Верховного Совета СССР начальнику Дальстроя В. А. Цареградскому присвоено звание Героя Социалистического Труда (Колыма. 1944. № 1. С. 4).

11 февр. По итогам социалистического соревнования в 1943 г. Магаданскому горпищепрому присуждено переходящее Красное знамя гостреста «Колымснаб» и Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 16, л. 14).

13 февр. Открылся Всесоюзный профсоюзно-комсомольский лыжный кросс, посвященный XXVI годовщине Красной Армии (Сов. Колыма. 1944. 15 февр.).

24 февр. Состоялся вечер встречи участников Великой Отечественной войны с представителями партийных, комсомольских и общественных организаций города (Сов. Колыма. 1944. 27 февр.).

7 марта. По итогам общественного смотра на лучшую столовую и лучшую хлебопекарню Колымы, проходившего с 15 декабря 1943 г. по 1 февраля 1944 г., Магаданскому хлебозаводу присвоено первое место и вручена Почетная грамота гостреста «Колымснаб» и Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 16, л. 31).

19 марта. Состоялась торжественная закладка фундамента на строительстве здания Управления Нагаевского торгового порта (Сов. Колыма. 1944. 21 марта).

20 марта. Контрольно-учетное бюро продовольственных и промтоварных карточек при гостресте «Колымснаб» реорганизовано в Центральное бюро продовольственных и промтоварных карточек (ГАМО, ф.р-131, оп. 1, д. 16, л. 146).

2 апр. За успешную работу по выполнению плана 1943 г. группа работников Дальстроя награждена значком «Отличнику-дальстроецу». В числе награжденных: секретарь Магаданского горкома ВЛКСМ Н. Р. Исаченко, летчик авиаотряда Дальстроя Б. А. Краснокутский, старший мастер стеклозавода Я. Я. Бабейкин, работница совхоза «Дукча» А. Ф. Лавренюк, бригадир рыбаков Усть-Магаданского промхоза М. И. Лепехин, мастер-сапожник Магаданского промкомбината П. В. Недорослов, заведующая туберкулезным кабинетом поликлиники № 1 М. Д. Латышева, токарь АРЗа В. Е. Шилина и др. (Там же, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4990, лл. 169–178).

9 апр. Газета «Советская Колыма» сообщила, что в Магадане пущена в строй макаронная фабрика.

17 мая. Состоялся первый выпуск вечернего университета марксизма-ленинизма (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 62, л. 83).

28 мая. Открыт 4-й Всесоюзный летний профсоюзно-комсомольский кросс (Сов. Колыма. 1944. 30 мая).

1 июня. На базе дизельной и паротурбинной станций образована Объединенная магаданская электростанция (ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 482, л. 245).

13 июня. Газета «Советская Колыма» сообщила о состоявшемся на заводе № 2 выпуске стахановских школ токарей, фрезеровщиков, модельщиков и котельщиков.

16 июня. В «Советской Колыме» опубликовано письмо ученикам Магаданской средней школы, присланное ее выпускником Б. Молотовым, отважно сражающимся с немецко-фашистскими захватчиками.

18 июня. Московское радио, передавая обзор центральных газет, сообщило о патриотическом поступке шофера автобазы № 6 И. Ф. Бойко и его жены, сдавших крупную сумму денег на постройку танка (Сов. Колыма. 1944. 22 июня).

1 июля. В Магадане начались гастроли ленинградского коллектива «Цирк на сцене» – первого представителя этого жанра, посетившего Колыму, – продолжавшиеся до 3 сентября. Было дано 48 выступлений.

7 авг. В сводке Советского информбюро сообщалось о патриотах супругах И. Ф. и А. Л. Бойко, сражающихся против фашистов на танке, приобретенном на свои сбережения, и освобождающих территорию Советской Латвии. В течение 2 месяцев они уничтожили 5 танков и 2 орудия противника (Сов. Колыма. 5 сент.).

26 авг. Эстрадная группа артистов Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького, выехавшая на гастроли в Хабаровск, выступила с первым концертом.

27 авг. На стадионе ПКЮ состоялось открытие Всеколымской летней спартакиады (Там же. 29 авг.).

1 сент. Газета «Советская Колыма» опубликовала фотографию Ал. Лесса с подписью «В подразделении самоходной артиллерии. Полковник А. Андреев беседует с дальстроевцами-танкистами об итогах проведения марша. На снимке: (слева направо) полковник А. Андреев, дальстроевцы – Н. Постников, П. Михайлов, И. Конюхов, П. Туркин, Н. Бондаренко, А. Шонно».

7 сент. Президиум Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины утвердил условия социального соревнования профсоюзных клубов (ГАМО, ф.р-26, оп. 1, д. 16-а, л. 11).

14 сент. Из Магадана в Москву отправлены экспонаты для Всесоюзной выставки газогенераторных автомобилей, подготовленные АРЗом, заводом № 2, промкомбинатом и Управлением автотранспорта (Сов. Колыма. 1944. 16 сент.).

1 окт. «Советская Колыма» сообщила об открытии сельскохозяйственной выставки магаданских огородников.

23 окт. В Доме культуры им. М. Горького состоялся концерт симфонического оркестра – первый на Колыме (Там же. 28 окт.).

24 окт. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина с благодарностью работникам Управления связи Дальстроя, собравшим 11 620 руб. на строительство самолета-истребителя «Связист-дальстроец».

26 нояб. В «Советской Колыме» опубликована телеграмма И. В. Сталина с благодарностью работникам Управления автотранспорта Дальстроя, собравшим 500 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Автотранспортник Дальстроя».

2 дек. Из гастрольной поездки по Дальнему Востоку вернулась эстрадная группа артистов Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького, выступившая в Спасске, Хабаровске, Владивостоке и других населенных пунктах (Там же. 3 дек.).

9–14 дек. Проходила Геологическая конференция Дальстроя, в которой участвовало 160 делегатов, в том числе профессор А. К. Болдырев и академик С. С. Смирнов (Там же. 16 дек.).

22 дек. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина с благодарностью работникам горкоммунотдела Дальстроя, собравшим 121 200 руб. на постройку боевого танка.

29 дек. Указом Президиума Верховного Совета СССР группа офицерского, сержантского и рядового состава ВОХР Севвостлага (12 чел.) награждена орденами и медалями. Начальник ВОХР Н. Ф. Титов награжден орденом Отечественной войны II степени, зам. начальника ВОХР П. А. Григорович и начальник штаба ВОХР С. А. Самойлюк – орденом Красной Звезды (Там же. 1945. 20 янв.).

В течение года. Учебно-производственный комбинат Дальстроя подготовил более 900 специалистов, получивших 24 специальности, для работы на многих предприятиях Колымы (Там же. 13 янв.).

3 янв. В большом зале Дома культуры им. М. Горького состоялась демонстрация знаменитого американского фильма «Серенада солнечной долины» (Сов. Колыма. 1945. 3 янв.).

5 янв. Газета «Советская Колыма» сообщила, что Указом Президиума Верховного Совета СССР группа учителей Колымы награждена орденами и медалями. В их числе награжденная орденом Трудового Красного Знамени преподаватель начальных классов Магаданской средней школы А. А. Пирогова.

В «Советской Колыме» опубликована телеграмма И. В. Сталина с благодарностью работникам военизированной охраны Севвостлага, собравшим 1 200 064 руб. деньгами и 307 350 облигациями госзаймов на постройку эскадрильи боевых самолетов «Боец-дальстроевец».

6 янв. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, благодарившего работников гостреста «Колымснаб», собравших 360 тыс. руб. на строительство боевых самолетов.

6–7 янв. Состоялось собрание партийного актива Магадана, на котором отмечено, что с начала Великой Отечественной войны горожане внесли в фонд обороны страны около 15 млн руб., а от реализации денежно-вещевой лотереи получено 28 млн руб. (ЦХСД МО, ф. 4, оп. 1, д. 73, л. 1).

15 янв. Окончился открытый конкурс на лучшее литературное произведение, объявленный (1 октября 1944 г.) редакцией газеты «Советская Колыма» и Колымским окружкомом профсоюза (Сов. Колыма. 1945. 18 февр.).

16 янв. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, благодарившего работников Дальстроя, собравших 3 млн руб. на строительство вооружения и снабжения «для гвардейской воинской части гвардии майора Орлова».

11 февр. В «Советской Колыме» опубликована телеграмма И. В. Сталина, благодарившего рабочих, служащих, инженеров и техников Управления «Дальстройуголь», собравших 100 тыс. руб. на постройку танка.

14 февр. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, благодарившего работников АРЗа, собравших 101 316 руб. на вооружение Красной Армии.

18 февр. В «Советской Колыме» подведены итоги открытого конкурса на лучшее литературное произведение, в котором приняли участие 137 чел., приславших 270 произведений.

23 февр. Газета «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, благодарившего моряков Дальстроя, собравших 200 тыс. руб. на строительство торпедного катера «Моряк Дальстроя».

24 февр. Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение заданий правительства по производству и строительству на Дальнем Севере СССР Дальстрой награжден орденом Трудового Красного Знамени, а большая группа его работников – орденами и медалями. В числе награжденных: орденом Ленина – заместитель начальника Политуправления Дальстроя В. Ф. Белов, начальник гостреста «Колымснаб» Г. Я. Комаров, главный геолог Б. Н. Ерофеев; орденом Трудового Красного Знамени – капитан парохода «Дальстрой» В. М. Банкович, заместитель начальника Управления Нагаевского торгового порта А. Е. Леликов, директор АРЗа А. И. Голиков; орденом Красной Звезды – председатель Колымского окружкома профсоюза рабочих золота и платины Н. И. Адолин, начальник Сануправления Дальстроя А. М. Садомский, секретари горкома ВКП(б) А. П. Головкин и А. Г. Строганов, командир авиаотряда Дальстроя Д. В. Фуфаев, главный механик П. Ф. Ершов и др.

26 февр. Состоялся общегородской митинг трудящихся, посвященный награждению Дальстроя орденом Трудового Красного Знамени (Там же. 27 февр.).

2 марта. «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, благодарившего рабочих, ИТР и служащих Магаданской электростанции, собравших 42 532 руб. на строительство артиллерийского вооружения.

13 марта. Большая группа работников Дальстроя награждена значком «Отличнику-дальстроевцу». Среди них: директор Магаданской средней школы К. А. Быкова, директор Магаданского кожзавода Н. Н. Петушков, заведующая отделом горкома ВКП(б) А. Я. Визарова, летчик авиаотряда Дальстроя В. Н. Бордовский, бригадир грузчиков Управления Нагаевского торгового порта Н. А. Топилин, артистка Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького А. Т. Акулова, стекольщик стекольного завода П. П. Шекунов, заведующая детским садом № 1 Ф. Т. Широкоградова, начальник марчечанского рыбного промысла Ф. С. Патрушев, мастер колбасно-жиротопного цеха Усть-Магаданского рыбзавода В. С. Шестухин, заведующая учебной частью Магаданской средней школы У. Д. Ронис, директор фабрики-кухни М. П. Жаворская, начальник отдела снабжения горкоммунотдела Дальстроя А. Я. Каулин и др. (ГАМО, ф. р-23сч, оп. 1, д. 4994, лл. 188–215).

16 марта. «Советская Колыма» опубликовала телеграмму И. В. Сталина, благодарившего работников Управления сельского хозяйства Дальстроя, собравших 79 442 руб. на постройку танка «Сельхозработник Колымы».

Газета «Советская Колыма» сообщила, что постановлением Президиума Колымского окружкома профсоюза за рабочих золота и платины в Магадане создана Центральная комиссия по развитию огородничества.

11 апр. В Магаданском Доме пионеров открыта выставка детского творчества, на которой представлены 500 экспонатов из многих школ и Ольского детского дома.

18 апр. «Советская Колыма» опубликовала благодарность И. В. Сталина комсомольцам и молодежи Управления автотранспорта Дальстроя, собравшим дополнительно 110 тыс. руб. в фонд помощи детям фронтовиков.

25 апр. Организован Магаданский пищевой комбинат, под производственные цехи которого было отведено помещение макаронной фабрики (Там же, ф. р-131, оп. 1, д. 20, л. 95).

Апрель. Журнал «Колыма» сообщил, что Магаданский промкомбинат освоил изготовление буровых станков «КА-300» и буровых комплектов «К-6»; Магаданский стекольный завод освоил производство жидкого стекла, что полностью освободило Колыму от завоза этой продукции с «материки»; АРЗ начал выпуск токарно-винтовых станков ТВ-275 (Колыма. 1945. № 4. С. 32).

9 мая. Состоялся общегородской митинг трудящихся, посвященный окончанию Великой Отечественной войны (Сов. Колыма. 1945. 10 мая).

ИСТОРИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ (ПЕРЕПИСКА АВТОРА С УЧАСТНИКАМИ ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ) *

Уважаемый Александр Григорьевич!

Группа прибывших на п/х «Эривань» рабочих возглавлялась прорабом Андреем Навдушем. Навдуш – старый строитель-железнодорожник. Знающий, но работающий по старинке. В октябре 1929 г. отбыл на «материк». Заведующий культбазой Иван Андреевич Яхонтов был участником гражданской войны на Дальнем Востоке, начальником связи партизанской армии Тряпицына, потом – работником Дальневосточного Комитета Севера. По своей специальности он был телеграфист и выглядел лет на 38–40. В Хабаровске за выпивки был исключен из партии. Человек энергичный, но не очень далекий, не смог выдержать борьбы с Пачколиным. В дальнейшем работал на Корякской культбазе. В числе прибывших второй группой на «Фэй-ху» были заведующий больницей В. А. Лупандин, фельдшер-акушерка Лупандина В. А., зав. школой И. А. Ваганов, выездной фельдшер С. Л. Сафонов, жена И. А. Яхонтова – учительница М. Г. Яхонтова. В. А. Лупандин был лет 50, в прошлом – судовой врач, член «чумной тройки» во Владивостоке, директор курорта «Кульдур». Опытный врач, хороший организатор. Не одобрял Яхонтова, что создавало не очень здоровую обстановку. Сам же был не очень принципиален. Зав. школой Иван Ваганов был лет 20–21, окончил Хабаровский педтехникум. Член партии М. Г. Яхонтова, так же как и муж, был работником Дальневосточного Комитета Севера. Колоритной фигурой был присланный из Комитета Севера при ВЦИК биолог Араний Владимирович Грачев, человек, подверженный заболеванию психики. С уходом парохода его состояние резко ухудшилось, были попытки убийства и поджогов. С попутной оказией его отправили в Охотск. В дальнейшем он оказался в Хабаровске, в психиатрической больнице, а затем оттуда бежал в Ср. Азию. Из экспедиции Билибина на культбазе оказался Николай Корнеев. Он был строителем, окончившим Ленинградский архитектурный ВУЗ. В 1931 г. выехал в Ленинград, где работал строителем и умер от рака приблизительно в 1932 г. Ветеринарным зоотехником был К. И. Кожухов, который по существу не развернул работы и уехал на «материк», где работал в воинской части города Уссурийска. Н. Вериге работал преподавателем ручного труда и мотористом на катере. Сам был учителем из Владивостока. В 1931 г. уехал и работал на Владивостокской нефтебазе...

Тупицын
21.05.1987 г., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

Получил от Вас письмо, в котором Вы пишете, что 22 июля 1929 г. в бухту Нагаева прибыли ее первые строители, но не на пароходе «Эривань», как я Вам сообщал в письме от 21 мая с. г., а на пароходе «Генри Ривьер». Что я могу по этому поводу добавить? Вы, понятно, оперируете документами, а я почти 60-летней памятью. Однако, думая над этим вопросом, я отвечу следующее. Действительно, из Владивостока в двадцатых числах 1929 года ушли пароходы, среди которых были «Эривань» и «Генри Ривьер». Все эти суда отправились в Нагаевскую, Сахалинскую и Чукотские культбазы. У меня, как у представителя Комитета Севера (я сам приехал затем в бухту Нагаева только 15 сентября 1929 года), было много забот, и сказать сейчас точно, какие из судов и куда ушли, уже не представляется возможным.

Тупицын
26.07.1987., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

Вы, конечно, помните, что судьба культбазы была предрешена открытием колымского золота, которое было, есть и, вероятно, еще долго будет сильнейшим экономическим рычагом. Конечно, база еще могла существовать как культурное и даже научное учреждение. Пачколин по ряду его соображений ее задалвил. Куда он делся в дальнейшем, я не знаю... По слухам, Пачколин был арестован, когда и за что – не знаю. Позднее репрессиям подверглись миллионы...

Тупицын
21.12.1987 г., Москва

*Все письма приводятся по значимости и в хронологическом порядке. Опущены только несущественные подробности. Сохранены орфография, пунктуация и графические выделения первоисточника.

Привет, уважаемый Александр Григорьевич! Отвечаю на интересующие Вас вопросы. С Карлом Яновичем Луксом я встречался в Комитете Севера в Хабаровске незадолго до моего отъезда в б/х Нагаева. В Комитете я встречался с работниками Комсевера Гайдуком, Цалкиным и Кондратьевым, а также с Яхонтовым и Никитиным. С Кондратьевым, зам. завед. Сахалинской культбазой, я был близким приятелем еще по Иркутскому университету... После Хабаровска с К. Я. Луксом больше не встречался... По вопросу о В.-Эвенской культбазе можно сказать, что вполне вероятно, что Цареградский в разговоре с Луксом и говорил о бухте Нагаева как о весьма подходящем месте для культбазы, но ведь еще до 28-го года Нагаевская бухта была описана в лоции Великого океана на основании гидрографических работ гидрографов Жданко и Давыдова. В лоции даже помещена фотография с текстом: «Туман ползет в б/х Нагаева». Общеизвестно, что на Охотском побережье имеются только две бухты, пригодных для отстоя судов, – Аян и Нагаева (старое название Волок). Еще до организации культбазы в Комитете Севера дебатировался вопрос о постройке дороги в глубь материка. Существовало два варианта: Аян – Нелькан по старой тропе, которая существовала со времен Русско-Американской компании, вариант Ола – устье Буюнды. Второй вариант отвечал требованию снабжения бассейна Колымы. Все это Лукс, конечно, знал и учитывал, и считал наиболее рациональным построить культбазу в начальном пункте будущей дороги из будущего порта в б/х Нагаева, так как Ола с открытым рейдом не являлась подходящим местом для морских разгрузочных операций... Интересно, что американские китобои, а позднее японцы проявляли нездоровый интерес к Нагаевской бухте...

Тупицын
21.01.1988 г., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич! Громадное спасибо за присылку Вашей статьи «Он делал все, что мог». Вы собрали большой и весьма интересный материал о колымском периоде жизни и работы Эдуарда Петровича Берзина. Надо ли говорить, что мы, старые колымчане, все уважали и высоко ценили Эдуарда Петровича и потому очень внимательно следим за тем, что о нем написано. В Вашей статье упомянуто много людей, так или иначе связанных совместной работой с Э. П. Берзиным. Многих из этих людей я знал или по разным делам встречался с ними. Конечно, как геолог, я имел больше всего дел с работниками геологоразведки, геофизической и прочими исследовательскими службами, ну и, естественно, с золотой промышленностью... Можно утверждать, что основной, главной причиной исключительно развития края был «золотой рычаг». Без него не было бы Дальстроя, Магадана... Филипп Демьянович Медведь после должности нач-ка ЮГПУ в начале 1937 г. был назначен начальником Кулинского района СГПУ. Вновь формируемому Кулинскому (по существу комплексному) геологоразведочному району придавалось большое значение, так как там были обнаружены проявления оловоносности. К сожалению, эти рудопроявления себя не оправдали. Летом 1937 г. Ф. Д. Медведь был вывезен из района в п. Берелех. Дальнейшая его судьба мне была неизвестна. Кулинский район автоматически принял я, так как при Медведе работал старшим геологом и нач-ком группы партий...

Тупицын
31.05.1988 г., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

С большим интересом прочитал Вашу очень обстоятельную статью «Берзин: его друзья и враги». В статье приведен ряд новых, еще не освещенных моментов. Думаю, что в Дальстрое у Берзина, если так можно выразиться, серьезных врагов не было. Те мелкие прохвосты, о которых Вы упоминаете, повредить ему сами по себе не могли. Враги Эдуарда Петровича – это враги всей страны: Сталин, его окружение и организованная ими банда подонков. Конечно же, и у Берзина были отдельные ошибки. Многих из перечисленных Вами людей я знал лично, хотя сфера моей работы ограничивалась геологией. Эта область тоже пострадала. Были арестованы Д. В. Вознесенский и Д. Н. Казанли, застрелился В. В. Купер-Конин... Все это держало в состоянии стресса геологических работников. Расстрелы, посылаемые для оглашения списки расстрелянных, аресты стали обычными событиями в конце 1937–38 годах...

Тупицын
02.09.1988 г., Москва

Здравствуй, уважаемый Александр Григорьевич!

Вас интересует Филипп Демьянович Медведь. Я работал с ним несколько месяцев. Ф. Д. – грузный мужчина, со светлыми стриженными волосами, светлыми глазами, с широким, довольно полным лицом и нероново-короткой и довольно густой бородкой. Белорус, но возможно, что и поляк, т. к. хорошо говорил по-польски и знал (по его рассказам) Польшу. В прошлом работник ЧК, дзержинец. Был ПП (полномочный представитель. – А. К.) по Дальнему

Востоку и затем – ПП НКВД по Ленинграду. После убийства Кирова с группой работников Ленинградского НКВД был выслан на Колыму. На Колыме был назначен начальником Юж. горнопромышленного управления. В конце 1936 – начале 1937 г. был назначен начальником Кулинского геологоразведочного района СГПУ... Естественно, что в геологоразведочные дела он совершенно не вмешивался, занимался строительством и транспортом. Медведь держался очень сдержанно, хотя и очень просто. Казалось, жизнь в очень отдаленном и глухом районе его даже устраивала... Он много рассказывал о Кирове, которого очень уважал. О Сталине говорил как-то сдержанно... По поводу ареста командиров и суда сказал: «Странно, они совсем разные люди», а по поводу самоубийства Гамарника – «А этот дурак куда?». Очевидно, он сам не понимал, что творится. Летом за ним прибыл посланный работник НКВД, сообщил, что Ф. Д. вызывают в Москву и все работники, высланные по делу Кирова, уже отбыли. В чем дело Медведь, очевидно, не представлял, так как спросил меня, примем ли мы его в случае обратного приезда. Посланный с Медведем конюх сообщил, что попрощался с Медведем в Берелехе у помещения райотдела. Дальнейшая судьба Медведя мне неизвестна. Несомненно, что он был убит, ходили слухи, что в Магадане. Я дважды рассказывал о том, что мне известно о нем, в соответствующих комиссиях после 22-го съезда...

Тупицын
20.09.1988 г., Москва

Привет, уважаемый Александр Григорьевич!

Благодарю за любезное поздравление с днем рождения, ведь вот взобрался на какую вершину – 85 лет! К сожалению, точных дат назначений и даты отъезда Ф. Д. Медведя не помню... Во всяком случае он спрашивал меня о формулировке снятия Ягоды, а также выражал удивление по поводу раскрытия дела командиров и самоубийства Томского... Следовательно, отъезд его был в июне 1937 г....

Тупицын
06.12.1988 г., Москва

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Вы интересуетесь Юрием Яновичем Розенфельдом (его псевдоним Нордиштерн). Удивительно злую шутку сыграла с ним судьба. Он первый предсказал открытие колымского золота, у него работал знаменитый Бориска, фактический первооткрыватель колымского россыпного месторождения на речке Среднекан. Я знал Розенфельда, но не очень близко, в период, когда он освободился из лагеря и работал коллектором в ГРУ. Интересно, что Розенфельд ни геологии, ни методов поисковых работ не знал, золота, за исключением незначительных знаков, не находил и все же твердо верил в «золотую» Колыму. Его пресловутая записка написана неубедительно, наивно, с точки зрения геологии, неграмотно. Когда Розенфельда привезли на Колыму и предложили показать местоположение «Гореловских жил», он их не нашел. Правда, поисками руководил в то время еще малоопытный геолог Шабарин... Розенфельда посадили в лагерь за мошенничество. Мошенником он, конечно, не был, возможно, преувеличил свои впечатления и свою интуицию, и в конечном итоге интуиция оправдалась... Убийца же или убийцы Розенфельда, возможно, считали, что он старый колымчанин (с 1908 г.) и где-то хранит свои богатства... Достаточно подробно о Ю. Я. Розенфельде написано в книге Бориса Ивановича Вронского «На золотой Колыме»...

Тупицын
14.01.1989 г., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

Громадное спасибо за присылку сборника «Краеведческие записки» 1988 г. Ваша статья в сборнике очень полна и достаточно подробно описывает возникновение и развитие Нагаево-Магадана с 1929 по 1936-й год. У меня есть несколько личных замечаний. 1. Интернат был достроен только в 1931 г. 2. Корнеевым было спроектировано здание гостиницы. Впоследствии построенное оно переключало из Нагаево в Магадан. В этом деревянном одноэтажном здании в виде буквы П в 1943 г. помещался поисковый отдел ГРУ ДС. 3. Уже сразу по приезду ЦМЗ в Нагаево определилась его ведущая роль. 4. Луксу, конечно, было жалко своего детища – культбазы, но он отлично понимал, что теперь колымское золото будет диктовать политику в верховьях Колымы и прилежащем Охотском побережье и, конечно, в пос. Нагаево. Еще в октябре 1929 г. Билибин в беседе с Яхонтовым и со мной дал блестящий прогноз по Нагаево и Колыме, и уже тогда мне стало ясно, что у культбазы нет перспективы. Что же касается округа, то было ясно, что в таких условиях и у него перспективы были не блестящие. 5. Говоря о роли Пачколина, следует отметить, что его апломб, риторика и полное незнание обстановки в конечном счете ничего не дали, не предотвратили крайне неудовлетворительной работы Колымской конторы ЦМЗ и голодовки на приисках...

Тупицын
12.02.1989 г., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

Поздравляю Вас с 1 Мая и шлю лучшие пожелания. Я очень благодарен Вам за присылку «Города у моря Охотского». Я по старой традиции интересуюсь жизнью Колымы, Магадана, Охотского моря. Ведь в этих краях прошла значительная часть моей жизни. Было много интересных и важных для меня событий, было немало хороших людей и близких друзей. Вообще я более или менее доволен своим жизненным путем. Трудностей и неприятностей было немало, но подлостей не было...

Тупицын
22.05.1989 г., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

Ваш старый консультант и строгий критик – Тупицын Николай Владимирович умер 3-го декабря 1989 г. в 21 ч. 50 м. Не знаю, нужны ли подробности, но все же напишу. Мой супруг с 30-го сентября стал лежачим и тяжело-больным человеком. В октябре он находился в больнице 18 дней. Умер он дома. Было ему очень тяжело – много мучений. Боли были просто невыносимы, жил на одних уколах. Он ценил Вашу настойчивость и целеустремленность в поисках истины. Считал Вас настоящим исследователем истории. Книги я Ваши получила и поздравление с добрыми ему пожеланиями тоже. Хотя это и не мне адресовано, но меня тронула Ваша внимательность, благодарю за все. Он тоже был благодарен. Позвольте пожелать Вам здоровья и успехов в дальнейшей работе в 1990 г.

Вера Владимировна Тупицына
10.01.1990 г., Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

Примите большую мою благодарность за письмо и за статью «Трагедия Розенфельда». Спасибо за сочувствие, за память, за Ваш труд. Уверена, что Н. В. высоко бы оценил Вашу большую и серьезную работу. Как я и говорила, он более всего не любил журналистские выкрутасы и халтуру (это его выражения). Еще раз с уважением и благодарностью.

В. Тупицына
01.07.1990 г., Москва

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

С приветом из Армани! Вы спрашивали меня о первой культбазовской школе, и я спешу ответить. Нас, шестерых арманских ребятишек – меня, П. Д. Лавринова, И. Б. Зедгенизова, А. И. и И. Г. Шахурдиных, И. Г. Букнева – послали учиться в Нагаевскую культбазу. Туда мы добрались к зиме 1929 года на трех собачьих упряжках в сопровождении моего брата Кирилла. Ехали два дня, так как пробирались по бездорожью и по пути ночевали в зимовьях. Первым, кто нас случайно встретил при спуске к культбазе, был ученик Гоша Романов, который катался с горки на лыжах. Потом мы пошли к школе, где увидели заведующего интернатом Ивана Ваганова и учительницу Матрену Григорьевну Яхонтову, которые очень доброжелательно проводили нас вовнутрь, поместили в большую комнату с железными кроватями и тумбочками. В столовой нас покормили, дали отдохнуть, а потом постригли и отвели в баню. Вскоре начались занятия, которые проходили в две смены. Хотя нас было всего 14 учеников, но поместиться в одной маленькой комнате все одновременно мы не могли. После занятий помогали интернату: пилили и носили дрова, убирали заносы снега, ходили за хлебом на пекарню. Так я проучился в культбазовской школе до 1931 года. Помня о своих первых учителях, я затем много учился, набирался ума и разума и в конце концов тоже стал учителем. Этим я и сейчас горжусь.

Ваш И. Токарев
14.12.1987 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Спасибо за обстоятельное письмо. Начну с главного. Конечно, спустя такое время мало что сохранилось, однако примерно с десяток фотографий (где и Александр Михайлович, и Цареградский, и моя мать Нила Иосифовна и др.) я уже давно передал Валентину Александровичу с таким уговором, что как только они ему больше

не понадобятся, то он отправляет их в Ваш музей (это было лет восемь тому назад)... По мере нахождения других фотографий или материалов направляю Вам. Прохождение службы А. М. П.: 1904 г. – техработник в пароходных компаниях на Волге; 1919 г. – народный учитель г. Пятигорск; 1918 г. – зав. школьным отделом Пятигорского совдепа; 1921 г. – зам. наркома просвещения Горской ССР; 1922 г. – зам. заорг. Ново-Николаевского губкома РКП(б); 1923 г. – помпрокурора Ново-Николаевской губернии; 1924 г. – Томский прокурор (так в тексте. – А. К.); 1925 г. – зам. краевого прокурора Сибири; 1927 г. – прокурор Владивостокского округа; 1930 г. – уполномоченный АКО и секретарь Ольского РК РКП(б) в б/х Нагаева; 1931 г. – секретарь Охотско-Эвенского ОК РКП(б); 1933 г. – зам. начальника, начальник 1-го отделения БАМЛАГа ОГПУ. Затем в 1935 г. – в г. Смоленске и далее в Алма-Ате начальником политотделов на жел. дорогах. В начале 1938 г. репрессирован и в 1957 г. реабилитирован посмертно «за отсутствием состава преступления». Мы приехали в Нагаево летом 1930 г. Зимой 1930–31 г. все болели цингой и один умер. Всего зимовало 40 человек. Следующий год был годом наступления на цингу (по утрам все собирались к конторе и в обязательном порядке пили хвою, ели натертую сырую картошку и морковь, соленую черемшу). Заболеванию был положен конец. Этот опыт отца был одной из причин назначения его на БАМ, т. к. проблема преодоления цинги при большом количестве людей (тем более заключенных) понималась. В конце 1932 г. мы выехали во Владивосток на полуудольном пароходе «Свердловск»... Но не успел А. М. отгулять отпуск, как (это было в Москве) его разыскали и направили строить БАМ...

В. Пачколин*
14.05.1989 г.

Здравствуй, Александр Григорьевич и Ваши сотрудники!
Приветствую Вас из Красноярска!

Александр Григорьевич, высылаю еще две фотографии. Одна 1931 года, она с того негатива, что и в части первой книги Цареградского «По экрану памяти». Этот негатив я случайно обнаружил где-то в 1965 году и сделал несколько фотокарточек. У Валентина Александровича фотография, как видите, сохранилась хуже. Вновь я познакомился с Валентином Александровичем после многолетнего перерыва в 1978 году (письменно) и в 1980, 81, 87 (был у него). Сестра Валентина Александровича – Татьяна Александровна живет в г. Чите. Так вот – эта фотография в б/х Нагаева, в той самой трехкомнатной квартире, в которой мы якобы жили одни (так пишет В. А.), но мы полностью ее никогда не занимали. Когда приехали на пароходе «Эскимос» в 1930 г., получили комнату. Посреди комнаты выжженный круг. Спрашиваем соседей: «Что это?» «А здесь, – отвечают, – жил один. Так он по ночам посреди комнаты разводил костер, раздевался донага, втыкал себе в волосы перья. Затем плясал всю ночь вокруг костра и пел индийские боевые песни». В третьей комнате была контора культбазы. И в четвертой (будущей кухне) жила одинокая молодая женщина. Потом вторую комнату освободили и в четвертой сделали кухню. Но тут приехал заслуженный товарищ по фамилии Францевич, и мы снова остались в одной комнате. А потом там жили Цареградские. На этой фотографии сидят: отец и мой младший брат (погиб в 1942 г.), стоит Ваш покорный слуга...

С уважением В. Пачколин
07.06.1989 г.

Здравствуй, Александр Григорьевич и Ваши сотрудники!
Приветствую Вас из Красноярска!

Александр Григорьевич, год рождения Александра Михайловича – 1891, а Нилы Иосифовны – 1896. Об интернате: в 1930 г. еще было несколько мальчиков, но все же родители их позабрали. В школе (т. е. интернате) преподавали и пепеляевцы, в том числе физику и математику – бывший полковник или подполковник Арнольд. Позднее несколько пепеляевцев «на службу» (как тогда говорили) работали на лошадях. Кстати, дорога между Олой и бухтой Нагаева в самом деле существовала. Ездили по ней и возили груз (бревна и т. п.) в основном на т. н. «волокушах» – это оглобли, заканчиваются у земли утолщением, которые соединены небольшой площадкой (т. е. бесколесный транспорт). Сам раз 2–3 ездил в Олу. Особенно хорошо шли волокуши летом по мари у Ольской бухты. Ну а зимой на собаках тоже приходилось. Однажды ездили в Олу с концертом своего «шумового джаз-оркестра». Производили звуки на чем попало, в том числе на бутылках, стиральной доске, двуручной пиле и т. д. А в 1932 г. возвращались по этой дороге из пионерского лагеря, он был в нескольких километрах от Олы. Это был вообще первый пионерский лагерь в тех местах. Добрались до бухты и не узнали: везде новые склады понастроили, везде часовые: «Стой! Не подходи!», «Стой! Отойди!» и т. д. На бухте стояли пароходы, и в них, говорили, заключенные. А вольнонаемные искатели приключений уже наводнили поселок. И по тупости-глупости стали оставлять плохо затушенные костры. Заполыхала тайга. Да так, что в трех-четырех местах сразу. Когда огонь стал угрожать складу с 12 тоннами динамита, с пароходов свезли заключенных (говорили, 3 тысячи, но, может, как в таких ситуациях, преувеличено) рубить просеки, чтоб огородить пожар. А еще немного спустя к отцу пришла делегация эвенов: «Жить стало невозможно, пожары. Ягельник выгорает, нас обижают, женщинам проходу не дают». И эвены, очень обиженные, откочевали вглубь. Дальстрой

*Вячеслав Александрович Пачколин – старший сын А. М. Пачколина. В 1930–1932 гг. вместе с отцом, матерью и младшим братом Горусом находился в Нагаево и учился в школе. Во время нашей переписки жил в г. Красноярске.

«наложил лапу» на все продовольственные товары и объявил, что хлеб и муку будут получать только те, кто работает в Дальстрое... Теперь о ликвидации имущества АКО. Дело было в голодные годы, а предстояло сжечь сотни тонн продовольствия (а может, и тысячи). Пришел специальный пароход, и члены комиссии в основном были иностранцы. По-русски почти никто из них не говорил... Склады облили керосином и подожгли. Первая секция склада была со спиртом, вторая – со спичками. Эти горели эффективно. У остальных эффективно горели только крыши. Вот тут-то комиссию препроводили к нам домой, чтобы упоить в «усмерть». Это нужно было для того, чтобы спасти американскую «крупчатку» в пудовых мешочках с печатями, что успешно и осуществили. Спасли кое-что еще, например, шоколад, консервы и кое-какие вещи, и чай, и патроны. Но все это досталось Дальстрою...

С уважением В. Пачколин
14.06.1989 г.

Здравствуйте, Александр Григорьевич!

...Берзин был все же у нас (но, возможно, это я подслушал в АКОвской конторке). Он сказал отцу, что руководство (видимо, владивостокское или какое другое) настаивает, чтобы Александр Михайлович остался в Нагаево заместителем Берзина. Но отец заявил категорически, что не останется. Тут я должен сказать кое-что по этому поводу. Дело в том, что отец, издавна видимо, был противником т. н. массового трудового перевоспитания людей, т. е. лагерей. Он имел, в связи с этим, какие-то неприятности еще будучи Владивостокским окружным прокурором. И даже, как я слышал, говорили, что Александр Михайлович в Нагаево как бы в почетной ссылке. По прибытии во Владивосток отец имел снова неприятности, что не послушался и уехал из Нагаево. И назначение на БАМ тоже вроде бы носило оттенок: «Ага, против лагерей? Вот поэтому пусть займется!...»

Вячеслав Пачколин
11.02.1990 г.

Здравствуйте, Александр Григорьевич и сотрудники музея!

Приветствую Вас из Красноярска!

...Теперь о Вашей просьбе о Ниле Иосифовне и первых экспериментах по огородничеству. Нила Иосифовна Янишевская родилась в 1896 году на станции Нагутская Ставропольского края, недалеко от ст. Минеральные Воды на Кавказе. Ее мать Юлия Андропова вышла за станционного телеграфиста Иосифа Янишевского. Юрию Владимировичу Андропову Нила Иосифовна приходится двоюродной тетей. Окончила Владивостокскую гимназию и работала учительницей (русский язык, литература, рисование, музыка – фортепиано, но по «старому строго»). Училась затем в Орджоникидзе (бывшем Владикавказе) в пединституте, но в связи с «кочевой» жизнью после замужества институт не окончила. В б/х Нагаева прибыли летом 1930 года. У мамы была пачка разнообразных семян. Весной 1931 г. под окнами нашего дома впервые в истории бухты вскопали грядки. Под грядками, чтобы теплоизолировать их от земли и мерзлоты, проложили листья толи. Но этой теплоизоляции оказалось все-таки мало: редиска больше ушла в семена, лук был не плохой, укроп тоже был, но только хилый. Осенью 1931 г. отец привез с «материка» картофель, было решено часть его оставить на семена. Весной 1932 г. организовали общественный огород и посадили эту часть картофеля. Ухаживали за ним как могли, однако он также вырос мелким, величиной всего лишь чуть больше грецкого ореха...

С уважением Вячеслав
15.05.1990 г.

Здравствуйте Александр Григорьевич, Ваши сотрудники и домочадцы!

Приветствуем Вас из Красноярска и поздравляем с Октябрьским праздником!

Итак, мы приехали, закончив вояжи этого года. Гостили недалеко от Улан-Удэ, в поселке энергетиков. Тем поездом, которым мы приехали из Красноярска, из Улан-Удэ уезжала в Читу сестра Валентина Александровича – Татьяна Александровна Цареградская. Я разговаривал с ней всего несколько минут. Она и сообщила мне о смерти Валентина Александровича. Выражаю сожаление по этому случаю, в том числе и о несказанном в третьей части книги, и не могу не остановиться на следующем: по нашей договоренности с ним более десятка моих, переданных ему еще в 80–81 и др. годах, фотографий он должен был отправить в Ваш музей. Среди них есть очень существенные. Например, невидная, небольшая и неважная фотография, но – «Четырнадцатая годовщина Октября». На лозунгах (соответственно времени) – «Да здравствует мировой Октябрь!» и др. На трибуне Александр Михайлович, бойцы в остроконечных «буденовках»... Есть карточки: Александр Михайлович, Валентин Александрович и мы с братишкой. Александр Михайлович с двумя ромбами в петлицах. Мы с матерью и др. ...

С уважением В. Пачколин
30.10.1990 г.

Александр Григорьевич!

...Существует и ходит по свету легенда о том, что будто бы Гаранин был не Гаранин, а кто-то другой. Будто бы подменили Гаранина. Впервые я услышал эту легенду где-то сразу после войны, примерно в 1945-м, может, в 1946-м годах в Чистюльском ИТЛ (Алтайский край, недалеко от г. Алейска). Один «бывальный» рассказывал, что будто бы настоящий Гаранин заезжал по пути на БАМ и там его уложили в бетонное основание моста. А дальше поехал другой, похожий. И будто бы всю эту операцию провели некие «нечистые силы». На мой вопрос: «Московские нечистые силы, что ли?» он загадочно ответил: «Поднимай выше». Что он еще рассказывал, не помню, но вот это запомнилось. Через много лет, в конце семидесятых, от Звездочетова Владимира Николаевича (работал в администрации автобазы управления БАМстройпуть, а вообще внебрачный сын известного военачальника Фабрициуса, до Тынды – боевой летчик, служил на Сахалине в дальней авиации, но отправлен в отставку из-за пристрастия к спиртному) я услышал, что как-то по трассе «малого БАМА» был взорван мост. К взрыву долго готовились, и о этой подготовке было достаточно широко известно. По делам службы Владимир Николаевич оказался там и стал свидетелем того, как из разломанного взрывом бетона моста выпало совершенно целое тело человека в военной форме и даже в фуражке со звездой и упало в реку, где стало на глазах у множества сбежавшихся быстро размываться, обнажая скелет. Голову якобы выловили из реки, приделали ловко резинкой так, чтобы челюсти клацали, подвесили на веревке в темном сарае, зажигали внутри черепа свечу и пугали непосвященных. Не будем говорить о чрезмерно веселом характере и моральных качествах первостроителей, но я пишу, как было. Эти «забавы» были пресечены начальством, и якобы при всем этом присутствовал странный товарищ верхом на лошади (что для тех мест редкость), и он произнес, вроде бы, глядя на тело: «По-видимому, это он и есть». Кое-кто знал его как известного охотника по прозвищу «Чудище болотное». А это же был Цейтлин! В ближайшие субботу–воскресенье я направился к нему на прииск Соловьевский по АЯМУ (это автотрасса из Большого Невера). «Это я и был, – ответил на мой вопрос Владимир Михайлович. – Не случайно! Подгадал к взрыву моста». Оказывается, он хорошо знал наемных убийц Гаранина, по этой причине бежавших из лагеря поселка Красная Заря – самой первой столицы БАМа. Они укрывались какое-то время у него, но чем-то не сошлись они все характером, и Цейтлин убил их всех троих. При этом, как он утверждал, ему помогли «потусторонние силы». Вот так-то! Конечно, этому я не поверил, ведь в это не очень-то верится. И вот уже снова, чуть ли не полтора десятка лет спустя, разговорился с бывшим эком-бытовиком. Он меня и спрашивает: «А что ты знаешь о деле Гаранина?» И тоже кое-что рассказал. Скорее всего эта легенда не более как выдумка. В 1980 г. я рассказал что знал об этом Цареградскому. «Сильно сомневаюсь, – сказал на это Валентин Александрович, – Скорее всего байки». А вот теперь я думаю, что эти «байки» просятся на страницы моей будущей рукописи. А поэтому большая просьба, Александр Григорьевич, сообщите мне все, что известно о Гаранине. Как приехал? С семьей или без? Каковы были его повадки? Я, например, слышал, что он любил очертить согнанных в кучу ээка и, если кто случайно наступит каблуком на эту черту, в него стрелял. Не знаю, насколько это правда. Верится с трудом. Для меня интересны и полезны любые сведения. Я их жду!

Всего Вам, Александр Григорьевич, и Вашим сотрудникам самого доброго!

С уважением В. Пачколин

10.08.1993 г.

Р. С. По легенде якобы сестре Гаранина в Москве показали его дальстроевскую фотографию, и она сказала: «Как похож на брата, но это не он». Это было первой серьезной зацепкой. А подозрения у НКВД возникли раньше.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Огромное спасибо Вам за Ваше теплое и сочувственное письмо. Присутствовала и Нина Николаевна Лапина. Мы были очень тронуты Вашим участием. Н. Н. многое вспомнила и обещала записать воспоминания. Она принесла фото Н. С. Лапина 1929 г. Я его отдал на перефотографирование и по мере готовности вышлю Вам. По Вашему совету я написал заявление в прокуратуру В. С. Ильяшенко. Копию высылаю Вам для параллельного поиска через ИЦ УВД... Есть у меня в альбоме еще одна фотография Н. С. Лапина вместе с группой людей. На фото бревенчатая избушка среди чахлах лиственниц. Согласно надписи на обороте рядом с Н. С. Лапиным врач Назарова Т. И., пом. управляющего Быков Л. Н., младший смотритель Сорокин, младший смотритель Гудилов С. Т., инженер-технорук Мацюсович А. Л., строитель Рониев А. К. Сам Н. С. числится «ст. смотрителем». Дата 5.VIII-1932 г. Таким образом, это вскоре после прибытия Н. С. Лапина на Колыму. Нина Николаевна говорит, что скорее всего это снято на прииске «Борискин». К сожалению, фотография сильно выцвела и переснять ее трудно. Перечень фамилий я привел в надежде, что кого-нибудь, может быть, Вы знаете или слышали. Да и вообще люди заслуживают того, чтобы о них кто-нибудь и когда-нибудь упомянул. Даже через многие годы после смерти. А они на фото все уже далеко не молоды.

Успехов Вам в Вашей работе!

Ваш И. Тангаев*

14.03.1990 г.

*Игорь Александрович Тангаев – доктор технических наук, г. Фрунзе.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Я получила от Вас журнал «Колыма» (№ 8–9 за 1991 год) со статьей «Они были первыми», посвященной моему трагически погибшему отцу Николаю Сергеевичу Лапину и его брату Сергею. Не знаю, как мне Вас благодарить. Вы так много мне уделяете внимания, что даже неудобно. Под впечатлением статьи и фото отца, дяди и меня совсем молодой я в течение двух дней была в жутком состоянии. Невольно вспоминала весь ужас 1937–1938 гг., когда происходили аресты и расстрелы. Все это пришлось пережить и выжить. Даже не знаю, как мне посчастливилось...

С уважением к Вам *Н. Н. Лапина*
08.12.1991 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Огромное Вам спасибо от меня, Нины Николаевны и всех родственников за статью о братьях Лапиных и журнал. Все мы были очень тронуты и вместе с тем еще раз потрясены их несчастливой судьбой. Статью я размножил и вышлю всем родственникам, чтобы помнили свои корни и гордились предками...

Всех Вам благ *И. Тангаев*
25.12.1991 г.

Здравствуйте Александр Григорьевич!

Вспоминая о далеком, но незабываемом времени, хочу рассказать о том, как оказался в Дальстрое, связав на несколько лет с ним свою судьбу. Так, в конце 20-х годов я принимал активное участие в развитии коротковолнового любительского движения в Москве, начав работать на коллективном передатчике в Замоскворецкой секции коротковолнников. Затем получил право на личный передатчик и «пошел на повышение». В 1930/31 годах я был избран ответственным секретарем Московской секции коротковолнников, а потом – на эту же должность в Центральной /общесоюзной/ секции коротких волн Общества друзей радио.

В начале 1932 года ЦК ВЛКСМ неожиданно предложил мне поехать на Колыму и там организовать радиосвязь. Я дал согласие и весной 1932 года был назначен начальником связи Дальстроя. Мне было двадцать лет!

Свою «деятельность» я попытался начать с выяснения: а что же есть на Колыме? Но толком узнать ничего не удалось, и я на пароходе «Дейбошимару» убыл из Владивостока в Нагаево, куда прибыл в июне 1932 года.

Как и следовало ожидать, ни радиостанций, ни радистов, кроме одного, Брылкина, работавшего на портовой рации, на Колыме не оказалось. Выяснив ситуацию и поняв, что нужно, я примерно в августе-сентябре того же года вернулся в Москву для приобретения аппаратуры и вербовки кадров. Там мне удалось завербовать несколько коротковолнников-любителей, прекрасно работавших на дальних коротковолновых связях. Это были С. Королев, К. Покровский и другие. Радиостанции /правда, маломощные/ мы получили в Ленинграде. Их делали в радиолaborатории Ленинградского полномочного представительства ОГПУ, которую возглавлял один из опытейших коротковолнников-любителей Л. Гаухман. Назывались они «Чиж» и «Еж».

В ноябре 1932 года наша «команда» на пароходе «Лейтенант Шмидт» прибыла в Нагаево. После этого началась организация радиосвязи Магадана с Средниканом, Утинкой и Оротуканом. Одновременно мы видели, как строился поселок. Когда я еще только первый раз прибыл на Колыму, в Нагаево располагался пограничный отряд, которым командовал Виктор Банга.

Его штаб находился в одноэтажном деревянном домике. Около него лежало десятков ездовых собак, лениво поднимавших голову, если кто-нибудь проходил. Были строения многих других учреждений. В одном из деревянных домиков поселили и меня. В нем было две комнаты. Во второй комнате жил латыш Карл Янович Зейте с молодой женой, впоследствии известной писательницей Антониной Коптяевой.

Нагаево с Магаданом соединялось дорогой, проходящей через сопку. В Магадане было несколько деревянных домиков, в основном типа барака. В них размещались отделы и службы Дальстроя, Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей /УСВИТЛ/, которое возглавлял Родион Иванович Васков, а также общежития сотрудников. Кроме этого в разных местах стояли палатки, принимавшие тех, кому не находилось постоянного места. Там же располагалась центральная лагерная командировка. Число заключенных в Магадане тогда составляло примерно тысяч шесть. Несколько лагерных командировок было чуть дальше, по строящейся трассе. Общее же количество всех заключенных составляло к концу 1932 года десять тысяч человек.

Потом я переехал из Нагаева и жил в центре Магадана, рядом с домом директора Дальстроя Эдуарда Петровича Берзина. Вместе со мной жили особо уполномоченный центра ОГПУ Серафим Александрович Энгельгард и работник УСВИТЛ Афанасьев. С Э. П. Берзиным я первый раз встретился еще в Московском представительстве Дальстроя. Я был ему представлен Завером Арменаковичем Алмазовым. Эдуард Петрович сразу произвел на меня сильное впечатление. Он и внешне был представителем и умел разговаривать без какого-либо превосходства, приветливо и спокойно. В дальнейшем на Колыме мне приходилось с ним беседовать не часто, но до весны 1933 года, пока я не уехал на Средникан, я видел его практически ежедневно.

Отношение Э. П. Берзина к заключенным было гуманным. Конечно, лагерь не институт благородных девиц и пребывание в нем малопривлекательно. Но в 1932–1934 годах /пока я работал на Колыме/ зверств и истязаний в УСВИТЛе, насколько мне известно, не было. А известно мне было многое, если не все. И дело здесь не столько в моей должности, а в том, что я близко знал не только «больших» начальников, но и быт заключенных. Был даже такой случай. Эдуард Петрович ехал по трассе в санях. Увидев заключенных, тащивших тяжелое бревно, он остановился, выпряг лошадей. Затем заключенные с помощью лошадей вытащили бревна. Это была не показуха, так как показывать свой «либерализм» и «душевность» было некому, да и незачем.

Основной бич лагерей в конце 1932 и начале 1933 годов – цинга. От нее умирали очень многие. Однако медики, которых возглавлял Ян Янович Пуллериц, нашли способ исправить положение. Помог настой стланика. Питье это было не совсем приятное, горькое, но очень полезное, быстро ставившее на ноги.

Вместе с тем для меня сложилась такая ситуация. Трасса прорубалась все дальше и дальше от Магадана, и теперь уже стал вопрос об организации проволочной связи. В ней, конечно, я слабо разбирался. Тогда и было принято решение, что возглавлять Управление связи Дальстроя будет специалист по проволочной связи. Это и определило тот факт, что на мое место был назначен Алексей Орлянкин. А меня отправили на Средникан, где еще немалое время единственным способом связи оставалось радио.

На новое место работы я отправился тогдашним «классическим» колымским способом: сплавом по рекам Хете, Бохапче и Колыме. В Среднекане я был назначен управляющим делами Горного управления и начальником его центральной рации. По ходу работы мне приходилось постоянно бывать в Утиной, Оротукане, Таскане. Конечно, весь этот район я знал неплохо, встречался с геологами Валентином Цареградским, Сергеем Раковским, Фаиной Рабинович и другими из их группы. Особенно близко я был тогда знаком с Абрамом Наумовичем Пемовым, который возглавлял Горное управление Дальстроя. Это был исключительно порядочный, честный, справедливый человек, пользовавшийся большим уважением всех тех, кто соприкасался с ним по службе.

В конце 1934 года я выехал в отпуск в Москву, где представилась возможность поступить на учебу в Академию связи. По сей день благодарен А. Н. Пемову, что он не стал этому препятствовать. Летом 1935 года, когда он также совсем уехал с Колымы, я с ним несколько раз встречался в Москве. Как известно, еще в марте месяце он вместе с Э. П. Берзиным и З. А. Алмазовым был награжден орденом Ленина, но отмечал это событие позднее и на «материке» в кругу друзей из столицы. Попал на это торжество и я. Забыть его не могу, так как у Абрама Наумовича был билет на участие в показательном полете самолета-гиганта «Максим Горький». Ради друзей А. Н. Пемов от этого отказался. Когда же все вышли на балкон, чтобы хотя бы оттуда глянуть на полет, то увидели неожиданное и трагическое зрелище. На наших глазах истребитель сопровождения каким-то образом потерял управление, сделал зигзаг и... врезался в самолет-гигант, который развалился на части. Так случай спас А. Н. Пемова от гибели... На этом пока все.

С уважением Ваш Михаил Абрамович Лившиц
18.12.1988 г., г. Киев

Добрый день, Александр Григорьевич!

С большим интересом прочитал в № 49 «АиФ» Вашу статью «Их путь пролегал по Колыме». Поздравляю Вас с «выходом» в большую (и самую популярную) прессу. Не могу не отметить, что стиль этой статьи (как, впрочем, и других, которые я читал) мне импонирует, как бы это сказать, своей научной добросовестностью. Так всегда должен писать настоящий историк. А то ведь нашу прессу захлестнула волна эмоций, навешавшая ярлыков, стереотипных эпитетов. Все это нагнетает обстановку, но не помогает установить истину. Большое спасибо за информацию о А. Н. Пемове. Я о нем сохранил самые светлые воспоминания. Поздравляю Вас и Ваших близких с приближающимся 1990-м годом, от которого все мы ждем многого. Но дождемся ли? Желаю больших творческих успехов, здоровья.

Ваш М. А. Лившиц
18.12.1989 г.

Ув. Александр Григорьевич!

По Вашей просьбе сообщая Вам о себе некоторые автобиографические данные. Образование незаконченное высшее, 3 курса Московского строительного института им. Куйбышева. Дело в том, что летом 1931 года мы, студенты, проходили производственную практику на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Примерно в августе на строительство приехал К. Е. Ворошилов, было собрание студентов, на котором он заявил, что возвращается в Москву из поездки на Дальний Восток и что в смысле обороны Дальний Восток голый, поэтому теперешним студентам-строителям придется прервать учебу и весной 1932 года быть на Дальнем Востоке на строительстве оборонного значения. Этого требуют интересы Родины в связи со сложившейся обстановкой с нашим соседом Японией. Вот таким образом часть моих товарищей по курсу оказалась на Дальнем Востоке в районе Владивостока, Хабаровска, а я – на Колыме в гостресте «Дальстрой». В Москве, в представительстве Дальстроя с нами беседовал начальник Капдорстроя Дальстроя В. Д. Мордухай-Болтовский, у которого в детстве М. И. Калинин был в казачках. Из Москвы мы выехали 7 мая 1932 года и через 2 недели были во Владивостоке. В связи с ветхостью ж.д. пути поезд шел очень медленно. Прибыв во Владивосток до 31 мая на пароходе «Каширстрой», отплыли в б/х Нагаева, куда прибыли 7 июня 1932 года. На этом же пароходе с нами был и весь аппарат Управления Дальстроя

во главе с заместителем начальника Дальстроя Лившицем Яковом Самойловичем... Наш «Каширстрой», выгрузившись на лед, которым была покрыта почти вся бухта, через 2 недели уходил в обратный рейс. Мы, молодые ребята, наблюдали за посадкой людей. Это был какой-то кошмар. Никто из уезжающих не шел на собственных ногах. Посадку осуществляли пограничники и работники административных органов. Это были работники Цветметзолото, которых заменяли дальстроевцы. Все они были больны цингой. Меня определили на работу первоначально мастером, а затем прорабом на строительство складов на берегу б/х Нагаева. Рабочие (их был около 250 человек) были заключенные. Среди них было около 100 человек из забайкальских казаков, попавших в заключение за восстание против колхозов. Все они были хорошими плотниками и мы хорошо справлялись с заданием. Кроме того, среди заключенных было 20 человек корейцев, попавших в заключение за контрабанду. Они были очень хорошими пилющиками, норму всегда перевыполняли. От нашей кухни они отказались, кроме чая, сахара и хлеба, но попросили разрешения во время отлива «пасть» по дну бухты, где собирали для себя еду. Цингой из них никто не болел. Как-то вечером, после проверки, я стал обходить землянки и бараки, в которых жили рабочие, и в бараке б. казаков увидел ведра с какими-то сучьями. Спросил, что это такое. Мне ответили, что это чай из хвои кедровника и что они его пьют от цинги. и действительно цингой среди них никто не болел. Среди остальных рабочих вверенной мне командировки уже были отдельные случаи заболевания цингой. Я набрал пару бутылок этого чая и на другой день поехал в Магадан, в Управление Севвостлага, и доложил начальнику о том, что вот жители Забайкалья пьют настой хвои кедровника и не болеют цингой. В скором времени по всему р-ну деятельности Дальстроя перед завтраком, обедом и ужином в обязательном порядке выпивали стакан настоя. Без этого в столовые рабочие не допускались. Цинга резко пошла на убыль. К февралю 1933 года строительство складов было закончено, и я получил назначение в Балаганное...

С уважением В. Субботин*
01.03.1987 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

На поставленные Вами вопросы отвечаю, так как сохранилась память о людях, с которыми жил и работал в те далекие от нас 30-е годы... С Эдуардом Петровичем у меня была одна встреча. В 1934 году он приехал к нам на Талон и жил около недели с нами. Я жил в одном домике с Тимоновичем В. И. начальником Тауйского сельскохозяйственного комбината. Дом был построен на берегу реки Тауй и имел две комнаты. Одну занимал я с семьей, а другую – Тимонович с семьей. Столовались все вместе. Берзина поместили у Тимоновича, у него комната была побольше. Тимонович подробно знакомил Берзина со всем хозяйством, а хозяйство было довольно обширное, и Берзин обычно за вечерним чаем рассказывал о своих впечатлениях. В общем он остался доволен, да, по правде сказать, мы в то время не сидели сложа руки, работали не за страх, а за совесть. Основная рабочая сила – заключенные. Так, Берзин нам говорил, что это тоже люди, как и мы, но в силу разных обстоятельств попали в экстремальные условия. Через определенный промежуток времени они закончат срок заключения и вернутся к нашей жизни, а сейчас, находясь в заключении, они трудятся на благо своего народа, и труд их и условия их жизни потяжелее нашего, поэтому относиться к ним нужно, не унижая их достоинство и с уважением относиться к ним и к их труду. Эти его беседы запомнились мне на всю жизнь. В один из вечеров я сказал, что в этом году кончается срок моего договора и я собираюсь ехать домой в Москву, что мне надо закончить свое образование. На это он мне заметил, что для меня будет лучше, если я поеду домой в следующем, 1935 году и не совсем, а в отпуск. После отпуска поработаешь еще года три-четыре, а потом мы сами пошлем тебя учиться. Нам нужен твой накопленный опыт по освоению колымского края. Будем строить совхозы, нужно, чтобы Дальстрой как можно меньше завозил с «материка» продуктов. В общем, так я и сделал, только образование я получил уже от самой жизни. Для нас, молодых ребят, Берзин Э. П. был человеком из легенды... Когда проходило выдвижение кандидатов на выборы в депутаты в Верховный Совет Союза, все коллективы Дальстроя выдвинули его кандидатуру. Но в один из дней газета сообщила, что Берзин Э. П. от баллотирования отказался. Я понял, что случилось несчастье. Возвращаясь затем в Москву после освобождения от должности руководителя Дальстроя, в Александрове (это последняя остановка поезда перед Москвой) к вагону, в котором ехал Берзин, подъехала автомашина, из нее вышли два человека, направились в купе, где был Берзин, предъявили ему и Евгеньеву (б. начальнику финансового управления Дальстроя) ордера на арест и увели их из купе. По рассказам, его шофер, ехавший вместе с ним, по прибытии поезда на Ярославский вокзал и рассказал товарищам из Московского представительства Дальстроя, прибывшим встречать Э. П. Берзина...

С уважением В. Субботин
10.12.1987 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

В начале апреля уехал к дочери в Киев и вот только что вернулся. Благодарю Вас за добрые пожелания по моему адресу. К сожалению, ни одной фотографии 32–33 гг. не сохранилось. Были они любительские и очень плохого качества. Что поделаешь, время не властно над нами. В отношении названия улиц. В 1932 и 1933 гг. их практически

*Виктор Иванович Субботин – один из первостроителей Магадана.

не было. Ориентировались по зданиям: «Управление строительства» – дощатый щитовой барак, 2-этажный щитовой дом погранотряда, «палаточный городок» (это на берегу р. Магаданки) и на берегу б/х Нагаева – «метеостанция», «кульбаза окрисполкома», «склады». Была и «субботинская командировка», где размещались рабочие, строившие склады и временный причал для разгрузки кунгасов. Прибывающие пароходы останавливались от берега примерно в 1–1,5 км и разгружались в кунгасы, которые подходили к берегу и разгружались только во время приливов. Во время отливов разгрузка судов прекращалась. Во избежание простоя судов была построена эстакада длиной 250 м, что позволяло разгружать суда и во время отливов. Штормом с 23 на 24 ноября 1932 г. ее, к сожалению, разрушило. Там, где сейчас расположен порт, протекал, а может быть, и сейчас течет ручеек Корейский ключ. По нему мы занимались заготовкой леса. Напротив него, на противоположном берегу бухты, протекал так называемый Американский ключ. Он служил для пароходов пополнением запаса пресной воды. Дорогу (Колымское шоссе) начали строить в июле 1932 года, и она тоже служила ориентиром. По берегу бухты были временные постройки Управления порта и были временные мастерские для ремонта маломерных портовых судов (в основном малоомощных катеров). Вспоминаются и такие моменты, когда во время хода кеты по р. Магаданке мы к завтраку руками ловили рыбу и с икрой, и у нас через три минуты был великолепный завтрак с икрой, а рыба шла на обед и ужин...

В. Субботин
02.07.1987 г.

Здравствуй, уважаемый Александр Григорьевич!

Начну по порядку отвечать на Ваши вопросы. 1) В Магадане мне с Э. П. Берзиным встречаться не приходилось. В 1933 году в Магадане проводилась чистка партии, и во время этого мероприятия Э. П. Берзин рассказывал свою биографию, и она стала известна многим, в том числе и мне. <... > 3) Шофера Э. П. звали Ян, Янек, а вот как его звали полностью, я не знаю. 4) Дом для Э. П. Берзина строили заключенные. В то время в/наемных рабочих в Магадане не было. Руководил работами н-к Нагаево-Магаданского стройрайона М. А. Заборонок, а спроектировали его в проектно бюро Управления Капдорстроя треста «Дальстрой». Кто был автором проекта, не знаю, но дом был небольшой, примерно 100–120 м² полезной площади и во дворе гараж для автомашин. 5) Э. П. Берзин приезжал на Талон что-то в середине или конце июля 1934 года...

В. Субботин
06.01.1988 г.

Здравствуй, уважаемый Александр Григорьевич!

Большое спасибо за фотографии. Это молодость моя, самое счастливое время. Теперь по существу вопросов, затронутых Вашим письмом. Антона Перна я знаю и помню. Нам казалось, что он австриец, но это неважно. Важно то, что мужик он был неплохой, правда, любил выпить, но не чересчур, всегда себя помнил и держал в руках. Я помню его еще по Магадану, он работал кем-то в стройуправлении, и мне пришлось с ним встречаться по работе. В середине примерно 1934 г. он приехал в Балаганное и работал строителем... Человек он был неплохой, но близкого знакомства у меня с ним не было...

С уважением *В. Субботин*
06.04.1988 г.

Здравствуй, уважаемый Александр Григорьевич!

На Ваши вопросы постараюсь подробно ответить. В б/х Нагаева у меня была бесконвойная командировка, жили в бараках, спали на нарах. В бараке стены были из не слишком толстых бревен, утепленная кровля, по стропилам подшиты 2,5 мм доски, засыпаны опилками или утеплены мхом, сверху закрыты по протесанным жердям толем или рубероидом. Или же просто применялся накат из толстых жердей, заложенных мхом, пропитанным глиной, засыпанных сверху землей или обложенных дерном. Иногда просто сверху на каркас была натянута палатка, но стены всегда были или рубленые или же из досок, засыпанных опилками, а может, каким-либо другим утеплителем. Посреди барака стоял общий артельный стол, по обеим сторонам его – скамьи. Недалеко от входа – железная печь из бочки от бензина, возле нее – дежурный по барaku, он же дневальный, занимался уборкой и поддерживал в печке огонь, потому что зимой такой барак тепло не очень держал. Под моим началом работало 200–250 человек, было 5 или 6 бараков. Все заключенные были разбиты на бригады. Как правило, каждый вечер, перед концом рабочего дня, т. е. около 5 часов, я собирал мастеров и бригадиров, был разговор о том, как прошел день, кто задание выполнил, а кто нет. Работа учитывалась ежедневно мастерами, и если норма была выполнена на 100%, то норма питания была одна. Если норма не выполнялась, то норма питания была несколько ниже, а если перевыполнялась, то была совсем сносная, конечно, без разносолов, но вполне достаточная. Хлеб выдавался из расчета 800 гр. на человека. Наша командировка была на берегу моря, во время отлива я разрешал корейцам (их было 20 человек) ходить по отливу, и они там собирали явно рациональную еду – морскую капусту, какие-то ракушки, попадались крабы и др.

Таким образом, за счет «даров моря» питание у нас на командировке было более или менее подходящее, а рыбы было вволю. На выполняемые работы выдавался наряд с указанием стоимости работы и времени ее исполнения. Стоимость работы указывалась в наряде. Причем, если норма выполнялась на 100%, то в пользу заключенного начислялось 10% от начисленной по наряду зарплаты. За каждый %, выполненный сверх нормы, в пользу заключенного начислялось 90%, а 10% шли на содержание лагерей. Таким образом, если норма выполнялась на 200%, то в пользу заключенного начислялось 100%-я стоимость произведенной работы. Основная масса находящихся под моим командованием заключенных состояла из лиц, осужденных по ст. 58-10. Это были так называемые лишенцы (т. е. лишенные права голоса на выборах), кулаки и подкулачники, и около 100 чел. были, как я уже Вам писал, забайкальские казаки, учинившие восстание против коллективизации, народ в основном работающий и всегда выполняющий нормы. Еще, по-моему, главным стимулирующим фактором для хорошей работы было то, что при выполнении нормы, один день заключения засчитывался за три дня заключения. Такого я не помню случая, чтобы хорошо работающий заключенный, уезжая, не имел 2–3 тыс. руб. с собой...

В. Субботин
03.05.1988 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

Вы спрашиваете в отношении Гаранина и его подручных. К счастью, его мне видеть не приходилось, а о его зверствах и расстрелах слух ходил. Павлова К. А. я видел один раз. С марта по октябрь 1939 г. я работал инженером-инспектором в АГО (административно-гражданский отдел) Дальстроя. Этот отдел выполнял многочисленные функции, в том числе и по работе с местным населением. Начальником этого отдела был ленинградец Беатус. Однажды его вызвали к Павлову по вопросу строительства жилья для местного населения в связи с переводом его на оседлый образ жизни. Коль скоро был вопрос о строительстве, то Беатус прихватил и меня с собой. Как только мы отворили дверь кабинета Павлова, так он с ходу обрушил на нас поток матерщины. Мы с Беатусом не знали, куда и деваться. Правда, потом мы узнали, что грязные слова относились не к нам, а к уходящим из кабинета товарищам, но все равно впечатление было отвратным. Комиссар госбезопасности II ранга, почти двухметрового роста, а так себя вел. Однако наши вопросы мы решили без ругани, вполне прилично. После этого разговора с Павловым я выехал в командировку по Охотскому побережью. Целью ее была привязка строительства жилья к нуждам местного населения. После командировки, в начале ноября, я выехал на «материк», рассчитавшись с Дальстроем. В 1958 году Выборгским горкомом КПСС я был рекомендован на должность директора Выборгского завода железобетонных изделий Леноблстроя. Управляющим Леноблстроя оказался Беатус. Много у нас с ним было разговоров о Колыме. К сожалению, в 1959 году он умер.

С уважением *В. Субботин*
02.06.1988 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

Мы в 1932 г. не занимались рационализацией, а приготавливали настой хвои кедровника так, как это делали забайкальские казаки, которые, как я Вам писал, ранее были под моим началом на строительстве складов в Нагаево... После отъезда из Нагаева в Балаганное, на Талоне, а затем и на Эльгене, т. е. при строительстве совхозов, заключенным жилось несколько лучше, чем на строительстве Колымского шоссе и на приисках. У нас во время полевых работ, и особенно на сенокосе, было усиленное питание за счет вылавливаемой рыбы. Тогда настой хвои кедровника не употребляли, было вдоволь овощей, картошки, дикого лука, ягоды...

С уважением *В. Субботин*
29.08.1988 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

Отвечаю на Ваши вопросы. Прибывшая с нами 7 июня 1932 г. партия заключенных начала обосновывать лагерную зону на полдороге между р. Магаданкой и б/х Нагаева, на склоне кр. Магаданки. За нашим «Каширстроем» стали один за другим прибывать новые пароходы с заключенными и вольнонаемными. Первый лагерь был палаточный, окруженный забором из жердей, проволоки; собак и вышек не было. К зиме 1932/33 г. было построено несколько барачков. Это был один единственный в том районе лагерь. Из него под конвоем шли на работу заключенные. С бытовыми статьями и с 58-й статьей была организована на берегу б/х Нагаева бесконвойная командировка, начальником которой до февраля или марта 1933 г. был я. С окончанием к этому времени строительства складов, для чего и была организована эта командировка, она была ликвидирована. Во время пути из Владивостока в Нагаево заключенных мы видели на прогулках отдельными партиями. При прохождении пролива Лаперуза как заключенные, так и конвой были спрятаны. Начальника Севвостлага Васькова Родиона Ивановича я лично не знал. Его хорошо знал

мой начальник по Талону Тимонович Вл. Максимович. Тимонович в свое время был начальником особого отдела транспортной ЧК или ОГПУ в Ростове, а Васков был сотрудником особого отдела ВГК-ОГПУ, то есть работал в центральном аппарате. Таким образом, они были связаны по службе. Тимонович всегда с большой теплотой отзывался о Васкове. В 1932 г. в Магадане женских лагерей не было. Было несколько человек женщин. Они были домработницами у начальства и жили вместе с ним. Несколько женщин работало в Управлении Дальстроя. Они жили непосредственно при управлении. В самом Магадане женского лагеря не было, он был организован на Дукче, при совхозе... В Балаганное и к нам на Талон женщины стали прибывать в 1933 г. с первыми партиями коров, в качестве доярок. В основном это были осужденные по Указу от 7/8-1932 г. за т. н. «колоски...»

В. Субботин
03.04.1989 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

С удовольствием прочитали Вашу статью в «Краеведческих записках» 1988 года... Статья правдиво говорит о всех этапах и моментах развития города. Я и Елизавета Владимировна Клементьева прибыли в Нагаево только 10 октября 1932 года п/х «Шатурстрой». Это был уже второй рейс нашей поездки в Нагаево. Первый рейс мы делали в конце июня на п/х «Сталинград», но, увы, он был неудачен, т. к. потерпели аварию у пролива Лаперуза и вынуждены были возвращаться во Владивосток на п/х «Волховстрой», участвовавшем в спасении... Условия на п/х были весьма неприглядные, все вольнонаемные договорники (было нас человек 50) были размещены во 2-м твиндеке на 2-х ярусных нарах, ни о каких удобствах не могло быть и речи. Питались своим сухим пайком, т. к. судно обеспечивало только кипятком... Никаких причалов не существовало, поэтому п/х стал в бухте на рейде и вся выгрузка с парохода шла в кунгасы, которые катером доставлялись к Нагаевскому берегу, и то только во время прилива, т. к. иначе подойти к временному помосту, сделанному напротив деревянных складов (тех самых, которые строил В. И. Субботин), было невозможно. На берегу нас встретил А. Б. Тарханов и привез к себе домой. Он жил в фанерном засыпном домике, который находился (примерно) во дворе дома № 6 на пл. Горького, и метрах в 20-ти от него уже было первое общежитие ИТР тоже фанерное, каркасно-засыпное, именовалось оно домом «12-ти апостолов», т. к. в нем жили 12-ть холостяков ИТРовцев. Для истории сообщаю фамилии (тех кого помню): 1) Лепковский Е. В. – механик, который в последующие годы был главн. механиком Дальстроя. В 1941 году ушел добровольцем в народное ополчение и погиб под Ельней. 2) Сикорский Д., умер в 1933 г. в Магадане. 3) Домбровский П. 4 и 5) Турицыны (братья) Михаил и Борис. 6) Сабенников Дмитр. 7) Вдовин. 8) Горелик С., погиб под Москвой в 1942 г. 9) Клян А. Остальных не помню. Это был очень дружный коллектив инженерно-технической интеллигенции Магадана под началом Вл. Дмитр. Мордухай-Болтовского... Теперь хочу ответить на Ваши вопросы, заданные в письме. 1) Э. П. Берзин привез с собой з/к, но все они были наравне с в/наемными и использовались на обслуге у руководства. Первое организованное поступление з/к, по-моему, было в июне 1932 г., но каким пароходом, не знаю. 3) Первый лагпункт был расположен в районе старых конюшен (по Пролетарской ул.) с использованием этих помещений, переоборудованных под жилье. Там же была осуществлена первая зона (ограждение) и там же располагалась военизированная охрана из состава з/к с бытовыми статьями. В конце 1932 года лагпункт из района конюшен был разделен в два места. Один – между мехмастерскими и Магаданкой, на территории прорабства Е. В. Клементьевой и другой – на левом берегу Магаданки, на территории моего прорабства (в начале 1933 года), близко от стр-ва глинобитного городка. Это был лагпункт из з/к с бытовыми статьями с собственным самоуправлением и своей охраной. Председателем этого коллектива – лагпункта был тоже з/к Коробов (интересная личность). З/к этого лагпункта обеспечивали стр-во глинобитного городка, который в последствии стал называться «транзитным городком». Кроме этого были созданы 2 лагпункта: Бермыс (т. е. березовый мыс) и Берроща (березовая роща), расположенные на склоне сопки, идущей к порту, для обеспечения стр-ва порта и дороги... Вся рабочая сила с лагпунктов на наши три прорабства (Тарханова, Клементьевой и мое) поступала на стр-во с этих пунктов. Начальником Нагаево-Магаданского строительного участка, в который входили наши три прорабства, был М. А. Заборонок. <...> 4) В течение всех лет работы в Дальстрое и области основной рабочей силой на всех стройках были з/к... В 1932 году, разбивая квартал первых стандартных домов в густом лиственном лесу, я стрелял глухарей... Елизавета Владимировна и я женаты были в Ленинграде в 1928 году. С тех пор весь путь, начиная с Урала (Соликамск) до Магадана и районов деятельности Дальстроя и Магаданской области, мы прошли вместе вот уже 60 с лишним лет...

*В. В. Лашков, Е. В. Клементьева**
06.06.1989 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Пишет Вам Евгений Владимирович Сиверзев. Письмо Ваше я получил и спешу сообщить все, что мне известно о Николае Дм. Андрееве. Все Ваши сведения о нем совпадают. Да, он жил вместе со мной в Озерках по Ушковской, 13. Озерки – это пригород Ленинграда, в основном частные дома, маленькие. Так вот, до этого адреса он

*Владимир Васильевич Лашков и Елизавета Владимировна Клементьева – первостроители Магадана. Проживали в пос. Старая Дача Ленинградской области.

проживал по ст. Ковалево Всеволодского района Ленинградской области. Там у него был свой домик, но он его продал и вступил в кооператив. Был председателем кооператива, а в это время снимал комнату недалеко от меня. У нас же дом тоже частный, на три хозяина. Одна часть принадлежала военному, слушателю академии. Ему дали направление в Прибалтику, и свою часть дома он сдал на два года в аренду Николаю Дмитриевичу. И вот два года мы жили с Н. Д. вместе, готовили пищу на одной кухне. Он много рассказывал о Колыме и прочее. Вместе с ним жила жена, Евгения Эдуардовна. Кстати, она тоже находилась на Севере вместе с ним. Сама она бухгалтер. В то время, когда он жил со мной, а это было где-то в 1966–67 гг., он выглядел очень бодро, водил машину (у него был «москвичок» первых выпусков). Дальнейшая его судьба такова. Военный продал свою комнату, а Н. Д. снял комнату недалеко от нас, я его навещал. Потом он, вероятно, выехал в свою кооперативную квартиру в пос. Ковалево и больше я его не видел. Как-то встретил его бывшего хозяина Алячкина, который сказал, что Н. Д. обменял Ковалево на Москву. Я спросил его о Н. Д., он сказал, что Н. Д. умер, а жена Е. Э. жива. Я удивился даже, он-то такой крепыш был, а она в то время очень болезненной была. В Москве у него был младший брат, но адреса не знаю... Вот, пожалуй, и все сведения о Н. Д., которыми я располагаю. Постараюсь еще что-либо о нем узнать... В заключение скажу, что Н. Д. и Е. Э. – это люди, каких сейчас трудно встретить: честные, душевные, интеллигентные и простые. Вот, пожалуй, и все...

Будьте здоровы. С приветом Е. В.

07.10.1986 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

Получил Ваше письмо, в котором Вы просите меня сообщить Вам, как сложилась моя судьба. Вас интересует тот период, когда Дальстрой на Колыме сменил организацию Союззолото... Родился я 2 октября 1913 года в городе Дрезна Московской области в рабочей семье. Отец и мать работали на ткацкой фабрике. Отец с 1914 по 1919 год воевал, участвовал в империалистической и гражданской войнах, принимал активное участие в ликвидации белогвардейских банд; в 1918 году вступил в Коммунистическую партию. А мы с мамой скитались по разным местам, не имея своего дома. Мама зарабатывала случайной работой. Помню, она шила солдатское белье, немного зарабатывала стиркой белья. В голодовку 20–22-х годов было очень трудно. Нас детей уже было трое, и я самый старший. В 1930 году я закончил учебу в школе в Москве, поступил в горно-нефтехимический техникум, но поучиться мне не пришлось. Так как семья была большая, а отец на железной дороге зарабатывал мало, мне надо было думать, как помочь семье. Я ушел из техникума и поступил в профшколу Наркомпочтеля при Московском центральном телеграфе. В мае 1932 года я получил специальность радиста-слухача. Тогда как раз ЦК комсомола обратился к молодежи страны с призывом помочь в освоении районов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Большое количество молодежи поехало в Комсомольск-на-Амуре. Связисты тоже были нужны. Представители ЦК комсомола и Дальстроя пришли и к нам в профшколу. После беседы изъявили желание поехать на Колыму 9 человек, в том числе и я. Быстро заключили трудовые договоры на два года и поехали поездом во Владивосток. Дальше наш путь лежал по морю. В бухту Нагаева мы прибыли 11 июня. В дороге были больше месяца. Пароход «Дейбоши-мару» бросил якорь среди бухты. Порта не было. На кавасаки (вид самоходной баржи) нас перевезли на берег. Высадились мы на деревянный причал. На берегу был небольшой поселок Нагаево. Низкие деревянные домики рассыпались по подножию сопки. На самом берегу стояло здание Мортрана с радиостанцией, здание Интеграла. Там же был магазин «Торгсин», продовольственный магазин, столовая. Среди поселка в низине находилась почта с радиостанцией в этом же здании. Многие дома были построены из нетесаных бревен. Нагаево нас встретило хорошей, теплой погодой. Мы были рады, что длинный путь наш закончился. Дальнейший наш путь лежал через сопку. Транспорта никакого не было. Нам дали сопровождающего, и он повел нас на место будущего города. Несколько домиков, срубленных по-черному, без крыш, были в районе конбазы. Свободные дома заселили, а остальной народ недалеко от речки под названием Магаданка, на поляне, стал ставить палатки. Нас, радистов, поселили в одном из домов. Через два или три дня случилось землетрясение в ночное время. Трясло не много. Мы все выскочили из дома, а когда снова вошли в дом, то увидели, что наши чемоданы плавают под топчанами. Откуда-то из почвы воду выжало в помещение. Цоколь дома был вкопан примерно на 60 см в почву, а пол постелен из обтесанных с одной стороны кругляков прямо на землю. Через несколько дней мы тоже переселились в палатку... Радиостанции у нас еще не было. Поэтому нам, радистам, делать было нечего. По 2–3 часа мы тренировались приему на слух и передаче на ключе на радиостанциях Мортрана и Наркомпочтеля. Остальное время мы были заняты на строительстве дорог, заготовке леса, строительстве жилья. Построили мы гараж для тракторов и автомашин. Это был временный гараж – укрытие от непогоды. Построили и клуб в виде большого барака. В строительстве было занято большое количество молодежи. Комсомольцы организовали агитбригаду. Нашлись организаторы и талантливые руководители. В клубе закипела общественная работа. Выступал довольно большой хор, ставили спектакли, скетчи и просто плясали и танцевали. Потом стали демонстрировать кинофильмы... Вскоре были построены дороги в Нагаево, по будущей Пролетарской улице, где стояли гараж и клуб, по будущему Колымскому шоссе до Дукчи. Нужны были магазины, столовые, баня. И все это спешно строилось. Комсомольцы активно помогали строительству в неурочное время, после основной работы. В то время комсомольцами руководил т. Сентюрин и еще один деловой парень (фамилии не помню)... Осенью 1932 года было построено небольшое здание радиостанции. Первый радиопередатчик был коротковолновый мощностью 500 ватт... Почта в поселке Нагаево стала принимать от населения телеграфные переводы. У нас всегда были лишние деньги. Мы получали по 350 рублей, а израсходовать могли не больше 150 рублей. В Дальстрое была большая дотация на продукты и промтовары, и мы оставшиеся деньги отправляли родителям. Был и почти сухой закон. Вина в магазинах не

продавали. Давали только для профилактики 200 граммов спирта. Это для растирания суставов от простуды или при обморожении. Мы в то время не были приучены к спиртному... Время близилось к концу года. С пароходами поступила кое-какая радиоаппаратура, предназначавшаяся для приисков и будущих отдаленных поселков. Начали нас готовить к отъезду... В конце декабря 1932 года мы укомплектовали на складе радиостанцию и были готовы двинуться в путь. К этому времени зимник был в хорошем состоянии. Дорожники постоянно следили, чтобы не было заносов. До 150-го км ходили автомашины-полуторки, и мы туда на ЗИС-5 добрались за день. 3-го января 1933 г. перегрузили там радиостанцию на гужевой транспорт и двинулись дальше... 4 марта 1933 года прибыли на стан Утинка, куда от Магадана добирались два месяца и два дня. Руководство прииском дало нам под радиостанцию отдельный дом, в котором мы обосновались... В конце апреля пришло указание: Шовину Константину Сергеевичу выехать на сплавбазу Хета. Это от Утинки 260 км... На сплавбазе мне пришлось работать недолго. Сплав по рекам закрылся в 1934 г., после того как трасса дошла до приисков... Я стал работать в Среднекане, где была более-менее порядочная радиостанция... Однако и здесь я работал недолго. Строилась трасса, а по трассе одновременно тянули провода. Нужда в радиосвязи отпала. Установлены были телефонная и телеграфная связь. Меня отозвали в Магадан... В это время Магадан неофициально уже назывался городом Магаданом. Это был 1935 год. В мае месяце я женился. Жена работала на телефонной станции телефонисткой. Срок договора у меня давно закончился, и мы осенью уехали в Москву. В Москве у нас родилась дочь. Я работал в Управлении Севморпути в должности старшего радиста. Обслуживал радиосвязью полярные станции, корабли в Ледовитом океане и самолеты полярной авиации. Начальником Севморпути в то время был Отто Юльевич Шмидт. Он часто приходил на нашу радиостанцию. Работа была интересная, однако зарплаты не хватало на семью, и в конце 1936 года мы вновь приехали в Магадан. Я стал работать радистом 1-го класса телеграфного радиоцентра... Начальником смены был Филиппов Владимир Георгиевич. До Магадана он служил в бухте Амбарчик на пограничной заставе. После демобилизовался, женился на камчадалке и приехал в Магадан. Он очень долго работал в Магадане. Последний раз моя жена его видела там в 1966 году... С марта 1940 года я был назначен начальником смены, но в ноябре опять переведен на должность радиста – временно. Затем с января 1943 года меня опять назначили начальником смены. Работать было трудно. Людей не хватало. Мы постоянно высвобождали мужчин второстепенных специальностей с тем, чтобы отправить на добычу золота. Оставшийся народ работал по 12 часов, без выходных дней. Осваивали смежные специальности и работали за двоих. Так работали всю войну... 16 июня 1941 года, за несколько дней до начала войны, в моей семье родился сын. Это, конечно, осложнило жизнь семьи. Но все трудности были преодолены. Так мы прожили в Магадане до 1949 года. Затем решили уехать. Купили половину дома в Белой Церкви под Киевом, а я опять решил вернуться на Колыму, так как средств на существование семьи по-прежнему не хватало. С начала 1950 года я работал начальником радиобюро в поселке Омсукчан... Потом меня направили работать начальником радиостанции в Усть-Неру... Немало пришлось отдать сил за развитие средств радиосвязи в районах Колымы и Индигирки. Этот труд отмечен правительственной наградой – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (4 июня 1946 г.), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Якутской АССР в 1966 г., большим количеством почетных грамот руководства связи и более тридцатью поощрениями. В 1968 году я закончил трудовую деятельность и ушел на пенсию, а в 1978 г. был награжден медалью «Ветеран труда». С 1959 г. член КПСС. Очень трудно было работать в период сталинских репрессий. В Магаданском управлении связи много было арестовано руководителей, в том числе: начальник Управления Орлянкин Алексей Иванович, начальник радиоотдела Кильдишев Георгий Сергеевич, начальник телеграфа Колоба-нов Василий, начальник аппаратной Денисов, экономист Степанов и другие. Всех арестованных обвиняли в шпионаже. С 1938 года меня неоднократно допрашивали работники НКВД с пристрастием. Вроде бы я знал, что арестованные являлись предателями Родины и скрывал это. За это мне всячески угрожали. Такое положение сильно отражалось на психике. Все время приходилось быть в нервном напряжении. В этих условиях пришлось работать всю войну и послевоенный период, когда мешали жить и работать честным людям. В последующем все арестованные были освобождены и восстановлены в правах. Многих я видел. Не вернулись только Кильдишев Георгий Сергеевич (он умер где-то на Дальнем Востоке, куда был вывезен тяжелобольным) и, думаю, Степанов. Его мы видели на сопке пятнадцатого километра (во время войны) в числе других заключенных на заготовке леса. Его невозможно было узнать, так как был сильно опухший и совершенно дряхлый. В числе позднее освобожденных также не значился...

С уважением Шовин*

31.01.1989 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Посылаю Вам четыре фотоснимка... На четвертом снимке Шовина Зоя Ивановна, телефонистка. На Колыме работала с 1933 года. Растила детей. На пенсию пошла в 1966 году... Зоя Ивановна, моя жена, награждена редкой грамотой в 1933 году – «Ударник 1-го года 2-й пятилетки». Фамилия на грамоте девичья – Кирсанова З. И. Такую грамоту как-то показывали по телевидению, причем сказали, что такие грамоты редко у кого сохранились. В этой грамоте есть изъяс: она побывала в наводнении и местами уже склеена. Если она устроит Вас, то, пожалуйста, пользуйтесь...

С уважением К. С. Шовин

06.03.1989 г.

*Константин Сергеевич Шовин – один из первых связистов Дальстроя.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

2 апреля получил Ваше заказное письмо с «Краеведческими записками» 1988 г. и копиями фотокарточек. Огромное Вам за это и сердечное спасибо. С великим удовольствием прочитал лично Ваши публикации и как будто снова пережил становление самого Магадана, побывал во многих местах Колымы. В основном все Вами отражено правильно... Первая зона в Магадане была расположена немного ниже улицы Дзержинского... Позже лагерь был переведен на другое место, ближе к промкомбинату, но ближе улиц Тунгусской и Якутской, почти рядом был построен городок военизированной охраны (ВОХР)... В Магадане, в первые годы прибытия заключенных, много было колонистов. Колонисты жили вне зоны. Хождение у них было вольное... С «материка» заключенных перевозили на пароходе, в специально оборудованных трюмах, в большом количестве. В 1936 и 1939 гг. я сам был свидетелем, когда даже мы, вольнонаемные, возвращались из отпусков в трюме парохода, где нары были оборудованы в два яруса. Нас обычно размещали ближе к кормовой части парохода, а заключенных в трюмы носовой части...

С уважением к Вам *Шовин Константин Сергеевич*
и моя жена *Зоя Ивановна*
05.04.1989 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Давно получил Ваше заказное письмо от 19 апреля с/г и книжку «Город у моря Охотского». Большое спасибо. Прочитал с удовольствием и поместил, как и «Краеведческие записки» 1988 г., в свою библиотеку... Мне очень понравилось все описанное в присланных Вами книжках. Все в основном правильно. Я не сомневаюсь, что Вы, безусловно, пользовались подлинными документами...

С сердечным уважением *Зоя Ивановна и Константин Сергеевич Шовины*
08.05.1989 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Шлю Вам сердечный привет с Родины В. И. Ленина с пожеланиями доброго здоровья и больших успехов в Вашем скромном труде. На днях получил Вашу бандерольку. Выражаю глубокую благодарность за брошюру «Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки (1864–1941 гг.)». Я ее прочитал сразу всю. Читал вслух для Зои Ивановны. Вместе с ней мы уходили в воспоминания. Многие фамилии нам были знакомы. Многих, наверно, знал брат Зои Ивановны, Кирсанов Михаил Иванович. Он в тридцатых годах работал киномехаником, жил на Оле, обслуживал поселки Арманы, Балаганное, Тауйск, Ямск. В этих поселках он давал киносеансы коренному населению, разъезжая на собаках с передвижной киноустановкой. То, что Вы описали в брошюре, нам очень понравилось. Все так оно и было...

16.12.1989 г.
С уважением *К. С. и З. И. Шовины*

Привет из г. Белая Церковь!

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

10 января получил Ваше письмо. Большое спасибо, как приятно получить весточку оттуда, где ты прожил 10 лет и где прошло твое детство и юность... В Магадан я приехал осенью 1932 г. К причалам мы не могли подойти, и пароход «Уэлен» разгрузили на припae. Километров 10 шли пешком, а маленьких детей и пожилых людей везли на собаках. Пришли мы в Магадан и поселились в знаменитом в ту пору палаточном городке. В палатке стояли две печки-бочки, которые топили без перерыва, ведь на дворе была зима с довольно сильными морозами. Палатка была разделена одеялами на комнаты-кабины, оборудованные нарами. Наша семья состояла из 7 человек. Старший брат завербовался на Колыму, чтобы спасти нас от голода, забрал нас всех с матерью (отца у нас не было). Таким образом, мы оказались в Магадане, а в школу я начал ходить в Нагаево, где она тогда и располагалась. В палаточном городке мы прожили месяца два, а потом брату (он тогда работал шофером на машине АМО) дали небольшой рубленый домик. Он состоял из одной комнатки, где мы поставили «буржуйку», наделали нар и зажили до осени 1933 г. Потом мы уже получили новый дом из 2-х комнат по улице Тунгусской, 22 и стали ходить в новую школу в Магадане по улице Берзина. В этой школе жизнь пошла веселей. В то время мы стали ходить в кино, так как стал работать Рабочий клуб, построенный силами комсомольцев. В 1934 г. я поступил на подготовительный курс Охотско-

Колымского педагогического техникума, где был самым молодым студентом. На новый, с 1934 на 1935, год я был случайно приглашен (я тогда участвовал в студенческой самодеятельности, пел частушки) на елку в дом Берзина, где была прекрасно наряженная елка. На этом вечере я познакомился с сыном Берзина, его звали Петром (если мне не изменяет память). Эта елка оставила самые лучшие воспоминания на всю жизнь. В январе 1935 г., в зимние каникулы, я с товарищем по техникуму Степаном Громовым совершил лыжный переход Магадан – Ола – Гадля. Вот где я увидел настоящую жизнь камчадалов, эвенков, якутов! Дружба, взаимовыручка, благодарность, царившие среди них, поразили меня. Я это понял, и это мне сильно пригодилось в дальнейшем. Участь в техникуме, я понял, что учитель – не моя специальность, так как мне очень сильно стало нравиться кино, и я постоянно бегал в киноаппаратную Рабочего клуба. Старший киномеханик Женя Тихомиров соблазнил меня бросить учебу и перейти к нему учеником. Я так и сделал. В это время я познакомился с Леней Кильдишевым, работавшим в клубе УСВИТЛа, стал часто бывать у них дома. В 1937 г. я был свидетелем ареста отца Лени, который произошел ночью. После ареста отца Леню сильно преследовали, страшили, требовали отказаться от него, но он этого не сделал. В это же время арестовали мужа моей сестры Шовина Константина Сергеевича. Как после выяснилось, его заставляли подписать ложные показания на отца Лени. Он наотрез отказался. Через два-три дня Шовина выпустили, строго предупредив ничего никому не рассказывать. Затем я с Женей Тихомировым работал на передвижке в поселке Таскан, потом уже один – в Магадане, в Тауйске и вновь в Магадане, в парке культуры и отдыха. Все это время наша дружба с Леней Кильдишевым не прерывалась. Потом меня послали работать на Олу, оттуда на Атку, уже шла Великая Отечественная война. Где-то в конце лета 1942 г., когда ко мне приехал Леня Кильдишев, то он мне сказал, что его призывают в армию и отправят на фронт. Недолго думая, я также поехал к военкому, стал уговаривать его призвать меня добровольцем. Военком согласился, и просьба моя была удовлетворена. В конце февраля 1943 г. (после подготовки в Комсомольске-на-Амуре) я уже был непосредственно на Северо-Западном фронте, в 28-й гвардейской дивизии. Был минометчиком, потом в артиллерии – разведчиком. Начал боевые действия под Старой Руссой. Затем часть перебросили на Курскую дугу. Участвовал в боях за Белгород, Харьков, в Корсунь-Шевченковской и Яссо-Кишиневской операциях, освобождал Румынию, Венгрию, Чехословакию, Болгарию, Австрию. Войну закончил 9 мая в Праге... Имею правительственные награды: орден Отечественной войны, орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги», медаль «За отвагу», медали «За взятие Будапешта» и «За освобождение Праги», болгарскую медаль...

*М. Кирсанов**
24.01.1989 г.

Привет с Украины! – г. Белая церковь.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

Письмо и статью Вашу я получил, большое спасибо. Постараюсь дать ответы на Ваши вопросы... Улица Тунгусская располагалась в Магадане, как ехать на передающий радиоцентр и к бухте Веселой. В том районе была баня, перевалочная и недалеко находился Рабочий клуб... Лагеря в Магадане были. Лагерь 10 ОЛП был самым большим. В нем при Берзине содержались расконвоированные заключенные, среди которых было много артистов. Как только приехал Павлов, то лагеря в Магадане обнесли забором и колючей проволокой, поставили вышки. Тогда начал свирепствовать некий Гаранин. Всех заключенных, которые были расконвоированы, водворили в зону...

С уважением *М. Кирсанов*
18.02.1989 г.

Привет из Белой Церкви!

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

Получил Ваше письмо. Большое спасибо. Очень рад ему. Пару слов о своей жизни. Живу по-старому, частенько болею, все еще сталкиваюсь со скорой помощью. Ну ничего, как говорится, пробьемся... Теперь, Александр Григорьевич, попробую ответить на Ваши вопросы. Помещение магаданского театра в 30-е гг. было деревянное, не такое уж большое, с зрительным залом мест на 320–330, но с маленьким фойе и гримерными. Труппа театра была примерно человек 30–50. Помню режиссера Кацмана, артистов Эллиса, Бибера, Сысолятина, Михайлову, Коломенскую, Горбунову. О том, что часть из них заключенные, мы прекрасно знали. Они были расконвоированными, ходили в театр без охраны. На сцене театра игрались великолепные спектакли: «Цезарь и Клеопатра», «Коварство и любовь», «Лес», «Бронепоезд 14-69» и другие. У нас, киномехаников, с артистами были прекрасные отношения. Один из них, Макаров, часто играл на баяне, сопровождая музыкой те немые фильмы, которые нам тогда еще приходилось демонстрировать. Вот, пожалуй, и все, что вспомнил о театре, ведь прошло больше 50 лет... Будьте здоровы, пишите.

М. Кирсанов
24.05.1990 г.

*Михаил Иванович Кирсанов – один первых киномехаников Магадана. Участник Великой Отечественной войны.

Уважаемый товарищ А. Козлов!

Извините, что не знаю Вашего имени, отчества, так как пишу на основании сведений из газеты «Аргументы и факты» № 49. Сразу сообщаю свои данные. Я, Пемов Владимир Абрамович, сын Пемова Абрама Наумовича, который работал в Дальстрое в 1932–1935 годах и в 1938 году. В Вашей заметке в газете «Их путь пролег на Колыму» Вы вплотную подошли к моему отцу. Он был начальником Горного управления «Колымзолото», которое, как Вы пишете, в 1935 году, после отъезда моего отца с Колымы было преобразовано в два горнопромышленных управления. Отец мой с 1928 года работал с Э. П. Берзиным, был его заместителем на строительстве бумажного комбината в г. Красновишерске. После окончания строительства – директор этого комбината. В 1932 году по предложению Э. П. Берзина он был назначен нач. Горного управления «Колымзолото», и мы всей семьей выехали в Магадан и далее – в Среднекан. Б. И. Вронский упоминает о нем в своей книге «На золотой Колыме». В 1935 году отца перевели на работу в г. Сегеша Карельской АССР начальником строительства нового бумажного комбината. В 1937 или в начале 1938 года, после ареста Э. П. Берзина, он был вызван в Москву и назначен зам. начальника Дальстроя. В 1938 году он был арестован и погиб в лагерях, по официальному сообщению, в 1944 году. У меня чудом сохранилась газета «Правда» от 23 марта 1935 года, где отец вместе с Э. П. Берзиным и З. А. Алмазовым был награжден орденом Ленина. Посылаю Вам копию первой страницы газеты. В 1956 году отец был реабилитирован и восстановлен в партии. Я буду Вам очень признателен, если Вы сообщите мне какие-либо сведения о моем отце, особенно о лагерных годах. Может быть, к Вам обращалась семья Алмазова, с которыми в то время наша семья была в очень хороших отношениях. И если кто-то жив, кто знал моего отца, я бы очень хотел с ними встретиться. Может быть, в Магадане есть какие-либо книги. Меня очень интересует книга Ф. Т. Фомина, о которой Вы упоминаете в газете. Заранее Вам сердечно благодарен.

С уважением В. А. Пемов

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

С приветом из Белгорода!

... Я прибыл в бухту Нагаева в начале лета 1933 г. на пароходе «Волховстрой». Причалов не было и мы, а также грузы, выгружались на плашкоуты и буксирами доставлялись на берег. Командовал в бухте всем этим хозяйством (т. е. плашкоутами и буксирами) капитан Лямин. Разместили нас в палатках, где мы провели одну ночь, а на следующий день через перевал поехали в Магадан. По дороге видели десяток двухэтажных домов, дом Берзина, магазин, а уже дальше, почти на берегу речки, – бараки, несколько домов, конный двор с массой телег и саней, а также баню. За речкой Магаданкой, слева под сопкой, был глинобитный городок из десятка строений. Чуть дальше, вправо, в районе Веселой был небольшой поселок рыбаков. Сами мы почти сразу же включились в работу, приняли машины – полуторки. Потом Магадан строился, как говорится, не по дням, а по часам. А о том, что идет большая стройка, говорил постоянный визг пилорамы...

С уважением Гудименко А. Ф.*
08.05.1989 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

Получили Ваше письмо и статью о Э. П. Берзине, за которую Вам большое спасибо. Вашу статью «Берзин: его друзья и враги» мы прочитали несколько раз и, признаюсь, она меня взволновала, нахлынуло так много воспоминаний, как будто все это происходило вчера. Обнаружилась вся клевета на Э. П. Берзина как о «враге народа», чудовищная ложь, в которую могут поверить только те люди, которые не работали под его руководством и не встречавшиеся с ним. С некоторыми работниками Дальстроя, фамилии которых Вы упоминаете в статье, мне приходилось встречаться. С Марком Борисовичем Гельманом мне пришлось некоторое время вместе работать. Одно время он был начальником Магаданской автобазы, в которой я работал начальником колонны № 2... По заведенному порядку начальники колонн автобазы каждое утро докладывали в его кабинете о проделанной работе за прошедшие сутки. Марк Борисович был внимательным и тактичным человеком. Очки, которые он носил, делали его похожим на старого учителя. Правда, в автоделе он не разбирался, в чем сам сознавался и часто по тем или иным специфическим вопросам советовался с нами. Однако организатор и администратор он был опытный. Александр Григорьевич, не могу не написать и еще об одном человеке: Абраме Исааковиче Геренштейне, о котором Вы упоминаете в своей статье. Знакомство с ним у меня состоялось в 1934 году. Когда Абрам Исаакович был арестован, жена его Елена с дочкой Тамарой выехала на «материк». После освобождения из «дома Васькова» Абрам Исаакович вечером пришел ко мне на квартиру, так как не мог найти коменданта, который должен был предоставить ему жилье. Я уговорил его остаться ночевать. Наша беседа с ним продолжалась почти до утра. Он рассказывал о том, как его «уговаривали» следователи подписать ложные показания на Берзина, как при допросе потерял зубы и о прочих «прелестях» «дома

*Александр Федорович Гудименко – бывший заключенный Севвостлага, один из первых водителей Колымы.

Васькова». Однако он не подписал ни одного документа, в котором обвинялся как вредитель, связанный с «врагом народа» Э. П. Берзиным. Эта его твердость и дальнейшая работа следственной комиссии спасли ему жизнь. На другой день, после посещения меня, комендант предоставил Абраму Исааковичу маленькую комнату. Получив шестимесячный отпуск и бесплатную путевку на 2 месяца в санаторий для поправки здоровья, он выехал на «материк». Вернулся Абрам Исаакович в Магадан с женой и дочкой. Что же касается, Александр Григорьевич, покушения на Э. П. Берзина со стороны заключенных в 1935–1936 годах, то на этот вопрос я могу ответить однозначно: было ли такое покушение или нет, я не знаю и разговоров об этом не слышал за все время своего пребывания на Колыме, откуда я уехал с семьей только после окончания Великой Отечественной войны...

С уважением Гудименко А. Ф. и О. Ф.
30.08.1988 г.

Здравствуй, уважаемый Александр Григорьевич!

Письмо Ваше получили еще 10 сентября во второй половине дня. Очень обрадовались, особенно Александр Федорович. Дважды ему прочитала, и решили 11 сентября дать Вам ответ. Но получилось совсем по-другому. К вечеру ему стало плохо. Вызвали скорую помощь, его сразу же увезли в больницу. Это было часов в 18, а в 8 вечера он уже умер. 13 сентября его похоронили. Диагноз: повторный инфаркт миокарда. Так что, Александр Григорьевич, на Ваши вопросы отвечать некому. До свидания.

С уважением Гудименко О. Ф.
28.09.1988 г.

Лениногорск, 18.05.90 г.

Александр Григорьевич, здравствуйте, дорогой!

Сейчас, наверно, уже и поздно, но я спрашиваю: была ли в «МП» рецензия на Вашу книгу «Магадан. Конспект прошлого», за которую еще раз спасибо. Спасибо, что Вы составили портрет Магадана. Я знаю, какого труда эта книга стоила, поэтому я и хотел написать на нее рецензию, но думаю, что уже поздно. Много, да и почти все из книги, прошло на моих глазах. А сколько знакомых и известных людей встретил я в ней, ибо словно окунулся в те тридцатые годы! Вот только одного не пойму: почему в книге нет отдельно фотографии Э. П. Берзина (за исключением в коллаже у стройки)? Я видел его трижды: два раза на расстоянии дыхания (хоть и пацаном, но отчетливо помню), а третий раз – у здания Дальстроя, когда Э. П. разговаривал с моим отцом и не выдал ему моего обмана о том, что я бежал из пионерлагеря на 16-м километре...

С искренним уважением Каниф Хакимов

Лениногорск, 16 июня 1990 г.

Александр Григорьевич, здравствуй, дорогой!

Я не успокоился на своем коротком и сумбурном письме, хочу написать тебе более подробно. Чуть более двадцати лет назад я расстался с городом детства и становления – Магаданом. Но взрослость моя постоянно держит в сердце поселок на речке Магаданке. Я впервые увидел его в октябрьском заснежи, когда с матерью и братом сошли с палубы «Сучана» и отец, зэк-колонист, повез нас на санях в «караван-сарай», размещавшийся в Рабочем клубе. С такими воспоминаниями, Александр Григорьевич, я и прочитал Вашу книгу «Магадан. Конспект прошлого». Упоминаемые Вами Е. Юнга, И. Гехтман и знакомые мне Д. Цвик и С. Данилов выдвигают три версии названия города Магадана от трех (?) эвенских слов: «монгодон» («морские наносы»), «монгодан» («полосы деревьев») и «монгодан» («жилище из плавника»). Возможно, на эвенском и так. Но ольский ороч, у которого в ноябре 1938 года мать купила мне нарту и шесть собак, и мой однополчанин ороч Амагачан называли речку «Магдаганка». Что означает это слово в переводе с орочского, не знаю, но, думается, оно точнее (чем эвенское) отображает истину, тем более, что район Магадана и Олы – это была исконная среда обитания орочей. Не претендуя на исключительность, позволю изложить свою интерпретацию. Слог «га», вероятно, в русском произношении выпал как лишний. И уже укороченное слово «Магдаганка», если его выговорить, трансформируется с естественным добавлением «а» в четырехслоговое, плавно произносимое на русском мажорное «Ма-га-дан-ка». Магадан, как и вся Колыма, неотделимы от имени Эдуарда Петровича Берзина, которого я дважды видел беседующим с моим отцом – бригадиром лесорубов, и дважды летом 1936 и 1937 гг. По словам отца, разбиравшегося в людях, Эдуард Петрович заслуживал самой высокой оценки. Судьба распорядилась так, что мальчишкой я близко видел и второго начальника Дальстроя К. А. Павлова, а уже будучи взрослым пришлось познакомиться с И. Ф. Никишовым, И. Г. Петренко, И. Л. Митраковым и Ю. В. Чугуевым. Каждый из них оставил свой след организатора, но в памяти моей заметное место занимает все же образ Эдуарда Петровича, человека с действительно легендарной биографией. Эдуард Петрович, думаю, на свой страх и риск пошел на колонизацию заключенных, соразмеряя собственные шаги с историей, доказавшей, что

труд подневольного, раба непроизводителен. Я помню, что отец-колонист (мы жили в поселке Веселая) отправлялся на лесоповал с людьми в самую рань и приходил с темнотой: трудились колонисты, не считаясь со временем – не за страх, а за совесть. У Берзина была и забота о поселенцах-колонистах. Наш поселок (как и другие, куда нас перемещали) имел подсобное хозяйство – мы покупали свежее молоко, свинину, яйца. И это – в 1935-м! Сравниваю я сегодня отношение к людям многих хозяйственников, и, честное слово, первый начальник Дальстроя стоял на несколько порядков выше, не говоря уже о таком начальнике Севвостлага, как С. Н. Гаранин, который убил своего брата-близнеца. Вы, Александр Григорьевич, конечно, не знаете, но эти близнецы были настолько похожи во всем, что десятилетний сын Гаранина Анатолий не мог отличить самозванца от настоящего отца, как не мог понять причин перемен в «его» характере, начавшего баловать «сына» даже сладостями, чего за отцом никогда ранее не водилось. С Анатолием я думал, живя в интернате и учась с ним в 4-м «б» классе Магаданской средней школы № 1 в 1938–39 учебном году. Начальник Дальстроя К. А. Павлов, которому тетя Анатолия (родная сестра матери) сообщила правду о лже-Гаранине, предпринял все меры предосторожности, чтобы бескровно обезоружить и под конвоем привести его в кабинет. И когда Гаранин увидел здесь свояченицу, крикнул ей в лицо: «Стерва. Я думал, что ты сдохла в загранице». Все. Отыграл я свое». Хотя было известно, что арестованный Гаранин – самозванный отец, однако и на Толике был ярлык «сына врага народа», заступиться и постоять за него было некому: тетю через два дня после этих событий нашли убитой в каком-то овраге. И ходил сын честного отца в бесчестье. Много подобного я знал в то время также о других колымчанах-дальстроевцах. Даже сегодня об этом трудно вспоминать...

С уважением *Каниф Хакимов*

Доброго здоровья, уважаемый Александр Григорьевич!

...Благодарю Вас, А. Г., за то, что Вы провели такую большую работу в отношении Берзина – первого руководителя строительным трестом «Дальстрой». Лично я личных встреч с Берзиным не имел, но когда меня привезли в Магадан (май 1935 года), то с первых дней пребывания на Колыме уже было понятно, что здесь, на окраине нашей страны, ведутся очень большие работы по ее освоению по всем направлениям: строительство, промышленность, сельское хозяйство. Работы велись качественно, быстро, хотя техникой в то время были тачка, лошадь. Мне после прибытия на Колыму в течение 25 дней пришлось сопровождать лошадей (которых я уже досматривал во время рейса на пароходе «Кулу») из Магадана до совхоза «Эльген». Это расстояние почти 500 км. На этом пути встречалось много больших и малых поселков (по трассе были Палатка, Атка, Стрелка, Спорное) и много мелких командировок. Где бы мы ни останавливались, везде шел разговор о житье-бытье и заканчивался разговором о руководстве. Хотя в основном весь рабочий люд и был з/к, но никаких нареканий на руководство не было, а фамилию Берзин Э. П. все знали и отзывались о нем высоко, ценили его внимание и заботу о тружениках...

С уважением *А. А. Межевич**
19.06.1988 г.

Гор. Каменка Черкасской обл.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Во-первых, большое спасибо за письмо, которое я получил 23 августа сего года по поводу моего запроса о Э. П. Берзине. Ваше пояснение я вставил в свою рукопись, указав Ваше имя, отчество и фамилию. Еще раз большое спасибо! А теперь по поводу Вашего вопроса. Если говорить откровенно, то об отношении Э. П. Берзина (Березки) к геологам указывает в своей книге «На золотой Колыме» геолог Б. И. Вронский, которому в этом году исполняется 90 лет. Книга издана в Москве издательством «Мысль» в 1965 году, поэтому при переписке с Е. Т. Шаталовым, К. Я. Спрингисом, Х. И. Калугиным и другими геологами я этого вопроса не касался. Вы должны знать, Эдуард Петрович в основном находился вначале в поселке Нагаево, потом контора Дальстроя переехала в поселок Магадан, но частенько бывал, как говорят, в Магадане и частенько в основном встречался с горняками, а вот с геологами-поисковиками ему летом не приходилось встречаться, ибо они были далеко в тайге от населенных пунктов, поэтому встречаться Берзин мог только с геологами-эксплуатационниками, а у меня с ними переписки не было, за редким исключением. Но в качестве примера могу привести один, о нем мне писала из Москвы геолог-первопроходец, кандидат геолого-минералогических наук Ксения Александровна Шахварстова, кстати, я ее видел, когда был проездом в Москве в конце 70-х годов. Вот что она вспоминает в своем письме, увы, дословно привести не могу. Как-то ее в поселке Магадан встретил идущий по делам Эдуард Петрович Берзин. Он ее запомнил с первого раза, когда она приехала в бухту Нагаева в начале 30-х гг., а точнее, в 1933 году. Разговор между геологом и директором Дальстроя зашел по многим вопросам, и, как созналась в письме сама Ксения Александровна, ей было неудобно, что такой величины человек очень подробно о всяких мелочах расспрашивает ее, рядового начальника какой-то геолого-поисковой партии, которых в Дальстрое было не так уж и мало в период освоения Колымы. Ксения Александровна писала, что с Эдуардом Петровичем было легко разговаривать на различные темы, будь то питание геологов, их быт, работа, радость открытий (в 1934 году партия К. А. Шахварстовой открыла месторождение россып-

*Андрей Алексеевич Межевич – бывший заключенный Севвостлага.

ного золота в долине левобережья реки Хатыннах, которая впадает справа в реку Таскан нынешнего Ягоднинского района, а в этом же году партия Ф. К. Рабинович открыла в бассейне Мылги, на ее правобережье отличную россыпь золота в долине ручья Штурмовой). Короче говоря, коммунист Э. П. Берзин был в полном смысле душевным человеком, и не его вина в том, что на местах некоторые старые «деятели» от снабжения частенько геологов-поисковиков снабжали малым ассортиментом продуктов, о чем возмущался в 1937 году открытый, колочий и работающий геолог-первопроходец Христофор Иванович Калугин, оставивший о себе память не только на Теньке, но и в Сусуманском районе, где осенью 1937 года начал работать первый прииск этого района «Мальдяк»...

С уважением *Б. Щербинин*
21.10.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич, здравствуйте!

Мое мнение, что писатель Е. П. Петров написал об Эдуарде Петровиче Берзине чистую правду. Плохих людей на такую тяжелую и почетную работу директором Дальстроя Компартия не послала бы. На меня Эдуард Петрович произвел впечатление как умный, простой, добрый и человеческий руководитель. В то время очень редко можно было встретить таких людей в таком холодном, отдаленном северном крае...

С уважением *Ол. Як. Черных**
30.05.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич, здравствуйте!

Вы правы. Я Эдуарда Петровича Берзина видела два раза: на учительской конференции в 1936 году и когда он возвращался из политчасти домой. Наверно, он любил ходить пешком и любовался новыми строениями нашего будущего города Магадана. Тогда были уже построены: новая гостиница, деревянная, одноэтажная. В ней мы остановились еще в августе 1934 года, когда в первый раз приехали в Магадан...

С уважением *Ольга Яков. Черных*
19.06.1988 г.

Александр Григорьевич, здравствуйте!

Вы в этом году особенно много потрудились в написании о жизни и деятельности Э. П. Берзина, а также о Магадане. Да, было время, когда по всему побережью Охотского моря вплоть до Амахтона происходил завал наносов тополевых палок и палочек. Их выкидывало море. А в бухте Нагаева затишь, но и там бывали груды завалов, которые потом расчищали. Орочи из тайги летом всегда кочевали к морю для заготовок рыбы, мяса и сала морзверя. Тогда-то они и использовали то, что получали во время наносов. Дело в том, что в слове «Магадан» не хватает двух букв «н» и «г», а звук этот «нг» можно только услышать. Название же города «Магадан» правильно звучит на русский лад. Часто вспоминаю Магадан, Нагаево тех далеких лет. В 1932 г. я лежала в Нагаевской больнице, той, что еще сохранилась до сих пор. Да, цинга тогда свирепствовала, но были чудо-врачи, несравнимые с сегодняшними эскулапами...

До свидания
Ваш друг *Н. Токарева*
07.05.1989 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Меня очень обрадовало Ваше письмо, и я пожалела, что мама не дожила до этого дня. Ей бы тоже было приятно узнать, что о ней помнят. Это была очень добрая, чуткая и отзывчивая женщина, умевшая поддержать или успокоить человека. С ней делились радостями и печалью даже малознакомые люди. Она прожила 73 года и за всю свою жизнь не оскорбила и не обидела ни одного человека, никому не сказала грубого слова. Моя мама, Анастасия Филатовна Григорьева родилась в 1911 году в сибирском селе Раевка в семье крестьянина Филата Савельевича Григорьева. В семье было шесть девочек и Анастасия – старшая. Сначала она нянчила своих сестреночек, а с восьми лет пошла в «люди» – нянчить детей. В 17 лет мама вышла замуж за Никифора Ковалева, стала называть себя Надеждой. Ей очень нравилось это имя, в которое, как она считала, был заложен большой смысл. Под ним она и

*Ольга Яковлевна Черных (Осун) – одна из первых учителей Колымы. Проживала в пос. Армань.

вошла в историю. В 1930 г. у папы с мамой родился сын Григорий. На следующий год, оставив его деду с бабушкой, они уехали на Колыму. В Магадане папа с мамой сначала жили в палатке, а затем отец построил небольшой домик в районе улицы Якутской. В январе 1932 г. у них родилась я, дочь Валентина. Отец тогда еще работал в кузнице, а мама – поварахой. Потом отец окончил двухмесячные курсы шоферов и с 9 марта 1933 г. стал работать водителем в авторемонтных мастерских Дальстроя. Жили мы неплохо. Уходя в рейс, отец наказывал маме беречь меня, но сам однажды не уберегся, смертельно отравившись выхлопным газом в апреле 1935 года. Мама очень сильно переживала его смерть, была в отчаянии, но ей помогла жена первого директора Дальстроя Эдуарда Петровича Берзина – Эльза Яновна. Она уговорила ее, чтобы забыться, пойти на трудную работу, и вот 19 июля 1935 г. на Магаданском авторемонтном заводе (тогда он писался как АРЕМЗ, а позднее – АРЗ) появилась новая ученица электрообмотки. Это была моя мама, Надежда Филантьевна Ковалева. Она с головой ушла в работу, стараясь приглушить сердечную боль утраты отца, и во многом это удалось. Уже спустя несколько месяцев после овладения новой специальностью мама стала справляться с обычными нормами, положенными электрообмотчице. В октябре 1935 г. она уже повысила процент выработки до 120 процентов, в ноябре (первый месяц самостоятельной работы) – до 150, а в декабре – до 192 процентов. Тогда таких людей называли стахановцами, и мама стала первой женщиной-стахановкой среди них. 20 января 1936 г. она приняла участие в первых на Колыме стахановских сутках, прошедших на Магаданском авторемонтном заводе. Прикрепив тогда к станку старую дрель, мама сократила обмотку одной катушки стартерных проводов с двух часов до пятнадцати минут. Представляете, какое это было в то время достижение? Но мама продолжала работать, и вот 8 марта 1936 г. на торжественном вечере, посвященном Международному женскому дню, о чем писала газета «Советская Колыма», ей самой первой вынесли благодарность и наградили патефоном и чайным сервизом. Они долгое время сохранялись в нашей семье. После этого мама стала работать электриком и опять же неоднократно награждалась. Потом началась Великая Отечественная война. Мама, как я помню, дневала и ночевала на заводе. Недосыпая и недоедая, она выполняла все срочные задания (их называли фронтовыми), ликвидировала редкие аварии, помогала подругам. Вместе с другими арзовцами мама также отдавала свои деньги в фонд обороны. На них тогда строились танки, самолеты, другая боевая техника. Так продолжалось всю Великую Отечественную войну, но мама уже не работала в Магадане. В то время она стала болеть, врачи посоветовали ей уехать от моря в центр Колымы, и мы в 1944 г. оказались на Теньке, в поселке Мохоплит, который потом стал называться Транспортным. Здесь мама проработала до пенсии: в гараже, в магазине, в пищекомбинате. Сейчас ее уже больше года как нет...

С уважением *Валентина Никифоровна Ковалева*
24.09.1985 г.

Москва

15 августа 1989 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Пишу Вам и одновременно С. А. Склеинис в журнал «Колыма». 14–16 июля магаданцы праздновали золотой юбилей – 50-летие своего города. На торжество горисполком пригласил меня и моих сестер – внучек Эдуарда Петровича Берзина Елену и Асю Одинец. Приехали в Магадан и очень близкие мне Маргарита Яновна Пуллериц и ее дочь Ольга Ивановна Амвросова. Отец Маргариты Яновны был при Берзине начальником Сануправления, знали они друг друга еще по Вишере. Э. П. Берзин и уговорил Я. Я. Пуллерицу уехать на Колыму. Маргарита Яновна много рассказывала о Магадане 30-х годов, когда они вместе с нашей мамой учились в школе № 1, дружили. Рассказывала, каким был наш дед. В эти дни в моем доме постоянно были гости, велись интересные беседы. Необыкновенным рассказчиком оказался Алексей Иванович Виноградов – один из первых дикторов магаданского радио. И Маргарита Яновна, и Алексей Иванович не переставали удивляться новому для них Магадану, почувствовалась грусть по прежнему городу – городу их молодости. Маргарита Яновна вспоминала, какой чистой была р. Магаданка, в которой они с подружкой Томкой Кузнецовой-Моревой купались. Магадан не имел статуса города, но он был, и понятно, что старые магаданцы и краеведы говорят, что Магадану не 50, а 60 лет. День 16 июля стал для нашей семьи самым значительным, так как в этот день был открыт бронзовый бюст Э. П. Берзину. Этого события мы ждали очень долго, и как жаль, что наша мама Мирдза Эдуардовна Берзина и бабушка Эльза Яновна Берзина не дожили до этого дня. Для нас это торжество справедливости и правды. Для города установка бюста оказалась тоже событием. Он отлит из бронзы на магаданской земле в литейном цехе ММЗ. Скульптор – магаданец Анатолий Васильевич Семенов, член Союза художников. С благодарностью мы обнимали Владимира Степановича Дороша – прекрасного мастера-литейщика, возглавившего работу по отливке. А через несколько дней состоялась теплая встреча с рабочими литейного цеха. На торжественной церемонии, посвященной открытию бюста, мне хотелось поблагодарить магаданцев за то, что они сумели правильно оценить роль Берзина в развитии Колымы. В городе проводилось анкетирование, и большинством голосов было решено увековечить память об Э. П. Берзине. Как при промывке золота вода уносит все шумное, так и время (а 50 лет – срок немалый) вымыло из памяти людей все ложное, наносное, оставив главное о человеке, о его самоотверженном труде, о заботе о людях. Мы благодарны всем магаданцам, особенно учителям А. А. Ткаченко, Королевой, журналистке Т. П. Смолиной, сотрудникам краеведческого музея и многим другим, кто восстанавливал правду о Берзине. Три праздничных дня с торжествами, концертами пролетели как один день, а впереди ждала интересная и важная поездка в пос. Ягодное на прииск им. Берзина. Прекрасно организовало поездку объединение «Северовостокзолото». В Синегорье мы прибыли самолетом. Наше знакомство с Колымой началось сразу же, с поездки на Колымскую ГЭС. Николай Захарович Людо, связавший свою жизнь с этим великим сооружением с самого начала строительства, с увлечением показывал нам ГЭС; мы видели турбины, спускались в потерны, в брызгах падающей с высоты покоренной воды горела радуга. Уже поздно вечером мы приехали в Ягодное и сразу отправились на Бурхалу, где посмотрели промывку на шлихообогатительной фабрике. Нелегко дается золото – «солома», как его здесь называют, такое необходимое стране. В этот же вечер побывали на

драге № 177. Среди беспорядочных отвалов – этих искусственных и удручающих взгляд огромных куч переработанной породы, в желто-буром водоеме грохотало и поворачивалось гигантское существо – драга, пропускающая через себя тонны породы, чтобы в конце смены пришли сменщики и приступили к своей работе – съемке с резиновых ковриков тончайших пластинок золота. Драга протянула нам свою руку – мост, по которому мы поднялись наверх к пульту управления. Нас встретила смена Новикова. Рабочие рассказали нам о своем каждодневном труде. В Ягодное вернулись к полуночи, и рано утром следующего дня нас принял начальник ГОКа М. М. Михайлов, рассказал о приисках, их проблемах и перспективах. Нас интересовало все. На комбинате посмотрели небольшой музейчик и спустя два дня оставили в книге отзывов свои пожелания коллективу ГОКа. Ягоднинцы приготовили нам подарок – прекрасно написанный портрет Э. П. Берзина. Такое внимание тронуло до глубины души. Свои добрые пожелания они выразили в прекрасно оформленном и подаренном нам паспорте. День только начинался, и мы отправились на озеро Джека Лондона, куда нас доставил первоклассный шофер Николай Александрович Соколов. До вечера мы отдыхали на озере – загорали, ловили рыбу, любовались небывалой природой. На следующий день рано утром мы выехали на прииск им. Берзина. Очень волновались. У меня было чувство, что я еду в какое-то родное место. Ведь еще с детства я помню, как бабушка вела переписку с прииска, получала поздравительные телеграммы к праздникам, сама писала. Затем со смертью бабушки, а потом мамы связь как-то угасла. Нам хотелось побывать на приiske, походить по той земле, где ходил наш дед, где начиналась первая промышленная добыча золота. Встретили нас Валентин Георгиевич Ринг и Виктор Иванович Козлов. Мы сразу почувствовали, что здесь нам рады. Валентин Георгиевич рассказал о работе прииска. Затем поехали на полигон, проезжали трагическое место – Серпантинку. На полигоне нас тепло встретили, напоили чаем. Все с интересом рассматривали фотографии, которые я взяла с собой. На фотографии Эдуард Петрович в рабочей обстановке, с семьей, панорама Магадана, сделанная бабушкой в 1936 г. и другие. В Ягодном нас ждала встреча с ветеранами – теплая, близкая, но недолгая. Надо было возвращаться в Магадан. Уже летя в самолете, я повторяла мысленно каждую встречу, каждый разговор, хотелось все запомнить надолго. И приходила мысль, что то внимание, которым нас окружали, – все это дань Эдуарду Петровичу. Думал ли он, приговоренный в 38-м к расстрелу, что возникнет такое тепло между его внуками и теми, кто добывает сейчас золото там, где он начинал? Мое сердце наполняла гордость за деда и великая благодарность к тем людям, с которыми нам удалось в эти дни общаться.

Желаю Вам успехов в вашей многотрудной краеведческой работе, в увековечивании памяти моего дедушки.

С уважением *Марина*

Уважаемый Александр Григорьевич, здравствуйте!

Ваше письмо явилось полнейшей неожиданностью для нас. Конечно, оно очень взволновало и очень тронуло. Услышать о том, что отец не забыт и память о нем хранят в Вашем музее, это всколыхнуло всю душу, как будто протянулась ниточка к живому отцу. Я этого не умею выразить в письме, но ваш музей я помню. В те годы он был маленький, впрочем, как и я. Мне было 7–8 лет, я ходила в Магадане в нулевой и первый классы. Нас водили в этот музей, и я отчетливо помню уголок с юртой и чукчей, и чайник над костром. В Магадане мы жили около трех лет, но я все помню, и этот кусок жизни остался главной вехой в жизни, в воспоминаниях, несмотря на то что всю свою жизнь пришлось поездить. Особенно во время войны. Очевидно, это из-за того, что так страшно и несправедливо потеряли отца. Девочкой я, конечно, всего этого не понимала. Терзать меня начало с возрастом. Как и многие, я не винила Сталина. В своей анкете я всегда писала о судимости отца, и вот пришло время, когда меня сняли за это с работы и не дали допуска к некоторым вещам. По своей наивности я написала Сталину. Меня восстановили на работе. Когда он умер, я тоже плакала и не знала, как теперь буду жить. Сейчас понимаю, что восстановлению моих прав я обязана не ему, а его смерти. Это был 53 год. Как сложилась наша жизнь? Потеря отца, конечно, сломала жизнь прежде всего матери. Теперь во время гласности мы понимаем, что мама счастливо отделалась. Были добрые люди, которые тогда пришли и предупредили, чтобы она срочно уезжала из Магадана. Уехать ей удалось с трудом и в ужасных условиях. Ехали в трюме без всяких удобств, перенесли жестокий шторм. По приезду в Москву мама активно включилась в хлопоты. Добилась приема к Вышинскому, писала Сталину, ходила к В. П. Чкалову, который хорошо знал отца и был в фаворе у Сталина. Опять-таки только теперь мы понимаем, почему Чкалов не мог просить за осужденного. Мама добилась пересмотра дела, и на этом все кануло в бездну. Приехали в Ленинград домой, но нас не хотели прописывать, что длилось несколько месяцев. Издевались над мамой так, что она хотела наложить на себя руки. Опять письма в Москву. Наконец, нас прописали. Во время войны мама с нами, двумя детьми, хватила столько горя, голода и холода, как никто из наших знакомых. Конечно, война всем принесла много горя, но мы были семьей не защитника Родины, а врага народа. Кочевали по Ярославской, Куйбышевской, Молотовской областям. Вернулись в Ленинград в мае 45-го. Вызвала нас домой мамина подруга. Жилье наше отдали какому-то руководству, и мы несколько лет скитались по знакомым и снимали жилье, несмотря на то что обратились к Косыгину. Мама получила ответ: «Предоставить гр. Снежковой ее прежнюю квартиру». В Ленинграде оказались свои порядки. Об отце получили разноречивые сведения: «Потеряли», «Жив и находится в лагерях особого режима», «В лагерях в бухте Ванино». Какие-то люди говорили, что якобы видели его на свободе и он умер по дороге в Магадан. И, наконец, получили официально: «Реабилитирован посмертно. Умер в 39 г. от воспаления легких». Теперь понятно, что это такое. Мама так и прожила в ожидании нашего отца всю жизнь. Сейчас ей 88-й год. Она едва двигается, почти ослепла, но голова совершенно ясная и память тоже. Конечно, она потеряла надежду увидеть отца живым, но услышать о нем что-то, встретить человека, сидевшего с ним в одно время, надеется, как и мы с братом. Знаете, когда не видел могилы, не видел человека мертвым, всегда, видимо, еще теплится какая-то надежда. В Магадане мама была корректором в газете «Советская Колыма». Во время войны на «материке» кем только не была, чтобы спасти нас. Мы с братом работали в

колхозе. Брат был пастухом, я возила в город молоко и почту. После войны высшее образование получить не смогли, но брат стал очень квалифицированным механиком 6-го разряда, работает в НИИ. По роду своей работы часто бывает в длительных командировках по всему Союзу... Я 35 лет проработала ст. инспектором I отдела. Работу свою любила и относилась к ней верно и преданно... Мне очень хочется, чтобы моим детям и внукам остались какие-то хорошие строчки об отце. Он это заслуживает и может быть примером для молодых людей. Я буду всею рада, что Вы нам напишете. Во время войны у нас пропал большой альбом с вырезками из разных газет о полетах отца. Это собирала мама... Есть у нас копия дневника, который отец вел во время полета в 1936 году на мысе Наварин для оказания помощи зимовщику, укушенному бешеной собакой. Помощь была оказана, но возвращение стало трагическим и затянулось почти на три месяца, и при этом погиб фельдшер Сажнев. Дневник мама переписала, а подлинник послала тогда Сталину с надеждой, что из дневника понятно будет, что отец не враг народа. Но все было, увы, напрасно.

Инна Николаевна Снежкова
11.09.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

У меня просто нет слов, чтобы выразить Вам, какие чувства меня бушуют. Мы все очень благодарны Вам за внимание... Конечно, я пошлю Вам дневник отца. Прежде чем отправить, я решила его еще раз прочесть. Читала до трех часов ночи. Из этого дневника узнаешь не только о мужестве летчиков тех времен, но и о черствости одних и товариществе других, об отношениях в коллективе авиаотряда Дальстроя. Равнодушным не останетесь. Отец, конечно, не предполагал, что его записи будут интересны кому-то через 50 лет...

P. S.: О судьбе Берзина Э. П. мама не знала. Ужас!

С уважением *Инна Николаевна*
06.10.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

...Теперь я отвечу на Ваши вопросы. 1) Вся наша семья приехала в Магадан вместе с отцом в 1935 г. на пароходе «Ягода». Мама всю жизнь ездила с отцом. Даже в Афганистан летела вместе со мной на самолете, а потом, когда свергли Амманулла-хана и всех русских хотели перерезать (грозили во всяком случае), удирала вместе со мной в русское посольство. 2) Сразу по приезду мы жили в Нагаево, временно, до получения квартиры в Магадане... Через несколько месяцев мы переехали в Магадан на ул. Берзина, дом 11 или 13. Это был угловой дом... 3) Мама говорит, что с Берзиным отец был знаком до Колымы. Помнит, что Эдуард Петрович очень хорошо к отцу относился и часто говорил, что «хороший парень Снежков». В Красновишерске отец был начальником линии. Там родился мой брат в 1932 г. Мама очень болела, была занята своими проблемами и теперь она плохо помнит там ли отец познакомился с Берзиным. В Красновишерске у отца тоже были интересные полеты. Знаю, как-то он перевозил медведей. Потом встречался с Маршаком и рассказывал об этом по радио уже в Ленинграде... 4) Магаданский аэродром помню очень хорошо. Часто бывала там с ребятами, собирали всякую морскую живность во время отлива. Находился аэродром на берегу бухты Нагаева. Когда стоишь на берегу лицом к воде, то это в правом углу бухты, а дальше вперед вдоль сопки шоссе в порт... 5) По окончании договора с Дальстроем в начале декабря 1937 г. отец получил расчет, отпускные, разрешение на покупку легковой машины, путевки в санаторий на юг для себя и мамы. Были уложены вещи. Все сидели и ждали машину, которая должна была отвезти нас в порт. Ничто не предвещало беды. Вдруг явился нарочный с сообщением, что отец должен задержаться и с этим пароходом не должен ехать. Несколько дней отец не мог узнать из официальных источников о причине задержки. Как ни парадоксально, но известие о том, что его будут судить, принесла в дом наша домработница, которая была знакома с секретарем суда. Отец сам пошел в суд и получил тому подтверждение. Суд вскоре состоялся, без экспертизы, без свидетелей. Все, кто мог показать в пользу отца, были в эти дни отправлены далеко на трассу. Отец не велел маме приходить на заседание. Ему это было тяжело. Присутствовала опять наша домработница. Когда суд ушел на совещание, ее знакомый секретарь сказал ей: «Иди домой, твоему хозяину дадут 10 лет, все уже давно решено». Вот так делались дела! После вынесения приговора папу сразу отправили в лагерь. Мама немедленно написала кассационную жалобу в Москву. К отцу ее пустили дважды. Один раз официально, а другой раз ночью тайно она пробралась в лагерь через знакомых. Нас с братом к отцу не водила. Отец очень боялся прощания с нами, детьми. В секретариате работала хорошая женщина. Кажется, ее фамилия была Теплова. Она встретила маму на улице и сказала ей, чтобы мама как можно скорее любым путем уезжала из Магадана, иначе готовят ее арест. Отъездом из Магадана ведал некий Умиляновский. Этот человек бывал в нашем доме в гостях, но после ареста отца отнесся к матери грубо и неуважительно. С большими трудностями мама получила пропуск и билеты в трюм парохода «Кулу». Плавание было очень тяжелым. Возвращались после отбытия срока уголовники, везли коров, да еще шторм застал в море. Одна мать была избавлена от тюрьмы, а мы с братом от полного сиротства. О дальнейшей судьбе я уже писала...

С уважением *Инна Николаевна*
05.12.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

...Как жаль, что я уже старая и никогда не смогу побывать в Магадане. Говорят, что Север притягивает к себе людей и кто там побывал, того снова тянет обратно. Трагедия с отцом не оттолкнула меня от этого города, а, наоборот, привязала... Мама совсем сдает и требует моего усиленного внимания, так что я все это время привязана к дому. Ваши письма скрашивают мамини, видимо, уже последние месяцы и дни...

Инна Николаевна
06.02.1989 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

...В судьбе отца для меня были некоторые, не «белые» совсем, но туманные пятна, а поэтому я задалась целью выяснить все документально и получить послужной список отца от и до. С этой целью я написала в Москву в архив Советской Армии и в архив Гражданской авиации. Теперь у меня в руках вся его деятельность и даже все типы самолетов и весь километраж и часы, которые он налетал до Колымы... Выписываю типы самолетов, на которых он летал с 1916 по 1934 г.:

1. Депердюссен	12. Ньюпор-XI	23. Фоккер Д VII
2. Моран-Парасоль	13. Ньюпор-XVII	24. Фоккер С IV
3. Моран-Ж	14. Ньюпор-XXI	25. Кодрон 2-х мот.
4. Фарман-XX	15. Ньюпор-XXIII	26. Юнкерс 21
5. Фарман-XXX	16. Сопвич	27. Юнкерс 20 поплавк.
6. Вуазен	17. Спад	28. Юнкерс F-13
7. Анасель	18. Викерс	29. М-24 лет. лодка
8. Лебедь XII	19. АВРО	30. У-2
9. Альбатрос	20. Дн-9	31. П-33
10. Ньюпор-IX	21. Р-1	32. П-5
11. Ньюпор-X	22. Р-1	33. ЮГ-1-3 3-х моторн...

Всего доброго. И. Н.
12.11.1989 г.

Александр Григорьевич, здравствуйте!

...Делаю Вам выписку из автобиографии отца, которая писалась, видимо, перед его отъездом в Хабаровск: «Материальное положение затрудняло мне закончить образование и к тому же, имея стремление к авиации еще со школьной скамьи, я по окончании гимназии вступил в 1914 г. на военную службу, имея целью попасть в одну из авиашкол. Но, как имеющий образовательный ценз, был направлен в Гатчинскую военную школу прапорщиков, по окончании которой после производства в первый офицерский чин был направлен в действующую армию на Северный фронт, где и пробыл до 1916 г. в составе Сибирских стрелковых полков. После третьего ранения добился перевода в авиацию в состав 12-го авиационного дивизиона (под Ригой), где, находясь в 12-м истребительном авиаотряде, выучился летать на самолете Депердюссен, а затем на других типах последовательно. Февральскую революцию встретил на фронте и принимал участие на различных выборных должностях. После Октябрьской революции, прибыв с отрядом в Петроград, вступил в состав Красной гвардии в 1-й красногвардейский корпус, причем отряд наш получил наименование 12-го социалистического авиаотряда, с которым принимал участие на фронтах под Петроградом против Юденича. С момента формирования Красной Армии вошел в состав таковой и участвовал на красных фронтах непрерывно. В 1919 г. проходил переучивание на новых самолетах в Московской авиашколе, а затем был снова в составе авиаотряда под Казанью. С 1921 по 1925 г. работал летчиком-инструктором Ленинградской авиашколы летчиков-наблюдателей. В 1926 г. снова переведен на строевую работу в качестве командира 1-го отдельного корпуса авиаотряда. В течение 1927 года был сдатчиком на рем. авиазаводе № 3 в Ленинграде и затем на 5-м гос. заводе в Москве, после чего был командирован от ВВС РККА в Афганистан в качестве пилота на самолете Юнкерс F-13. По возвращении в СССР в 1929 году, имея административное взыскание по ст. 193-2 УК за невыполнение приказа, был демобилизован в том же году. Отбывая наказание, я работал летчиком воздушной линии ОГПУ на Белом море, где вылетал на морских самолетах. По отбытии наказания я был назначен начальником воздушной линии ГУЛАГ – ОГПУ (Пермь – Ухта), которую организовал в 1931 году. В сентябре 1932 года, ввиду ликвидации означенной линии, я уволился и затем после 2-х месячного отпуска поступил в научно-исследовательский институт аэросъемки в качестве пилота, где и находился до сего дня. Мое семейное положение: женат, имею двоих малолетних детей. Постоянное местожительство в г. Ленинграде. 2/1-1933 г.»...

Вот такие дела, Александр Григорьевич. Остальное Вы все знаете. Желаю Вам успеха в Ваших благородных делах и здоровья.

С уважением Инна Николаевна
02.01.1990 г.

Здравствуйте, Александр Григорьевич!

Огромное спасибо за то, что отец не выброшен из истории Магадана. Сегодня я получила свидетельство о его расстреле. Очень тяжело... Сейчас я продолжаю собирать материал по отцовской линии. Мне хочется как можно больше узнать о его родословной. Я написала письмо в Исторический военный архив с просьбой разыскать документы его деда, который прослужил в Измайловском полку 50 лет и получил за службу орден Владимира и дворянство. Не исключено, что за честную службу России дед пострадал в какой-то мере и внук. Я думаю то, что писал отец в биографии о дворянстве деда, не пошло ему на пользу. А ведь это выслуженное дворянство не переходит к родственникам...

С уважением *Инна Николаевна*
27.01.1990 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Сегодня с радостью получила Ваше письмо. За фотографии я не волнуюсь, они из альбома брата, а у меня есть свои. Если они нужны, пусть остаются Вам на добрую память. Вы растревожили и всколыхнули мою душу тем, что по-прежнему занимаетесь тем страшным периодом, не потеряли к нему интерес и интерес к судьбе отца. Спасибо Вам за оценку его личности. Мне, конечно, будет дорога каждая новая строчка о судьбе отца... Последнее время я чувствую некоторое замалчивание этой категории граждан. Как-то и меня очень грубо отбрили в кассе зоопарка, хотя в Эрмитаж и другие музеи хожу бесплатно. Это, конечно, не показатель, но все же! Сейчас, по сути, я осталась одна в смысле понимания прошлого. Нет мамы, брата, умер муж, у которого отец тоже был репрессирован. Дети и внуки теперь из другого мира, им трудно все это понять, да и судить их за это нельзя. Это как для нас война 1812 года! Конечно, я с волнением буду ждать от Вас вестей.

С уважением *Инна Николаевна Снежкова*
20.09.1994 г.

Здравствуйте, Александр Григорьевич!

Получила Ваше письмо и статью. Дорогой человек, я так благодарна Вам за отца, за его как бы «воскрешение» из небытия! Сейчас, когда мне уже много лет, я живу в воспоминаниях о прошлом. Осмысливая все, я пришла к выводу, что самые значительные вехи моей жизни – это годы Отечественной войны и, несмотря на то что я была подростком, – Магадан. Трагедия отца привязала меня к нему на всю жизнь, но не только это. Я вспоминаю нашу жизнь в Магадане, свое времяпровождение. Знали ли родители, что творится в лагере? В городе шла нормальная жизнь. Ходили в гости, был клуб, а мы, ребята, пристраивались к колоннам лагерников и шли в кино с ними. Был театр, парк культуры, стадион. В парке летом гуляли веселые люди. А это вижу как сейчас: маленький зверинец. С классом я ездила в совхоз убирать турнепс, ходила в краеведческий музей. Помню шикарную елку в клубе, тогда вдруг загорелся дед Мороз, была паника. Первый раз я встала на лыжи и ходила вдоль дороги в Нагаево! Дома было тепло, уютно. Помню, как отец ставил елку, сделанную из веток стланика. Он из магазина принес коробку елочных игрушек. Брат был тогда довольно маленький, а я довольно большой была. Помню, что ходили с подругами довольно далеко от нашего дома. В подготовительный класс я ходила еще в старую деревянную школу. Помню, что было землетрясение и школа дрожала, трескала. Потом до отбоя целую ночь спать не ложилась, сидели все в палато. В первый класс я пошла уже в новую школу... Конечно, помню, как тревожилась мама, когда отец долго не возвращался из полета, особенно когда сидели они в забвении после спасения зимовников от укуса бешеной лисицы. Тогда мы все небо проглядели, не летит ли наш отец. Люди жили нормальной жизнью, влюблялись. Помню, летчик Гожев все просил меня вызвать девушку из общежития техникума. Ему самому это почему-то было нельзя. Помню, как дружно жильцы нашего дома, взрослые и дети, сажали около дома лиственницы. Много чего хорошего осталось в памяти о Магадане. Зимой отец иногда на предоставленной ему лошади в санях возил нас на прогулку. Летом многие в выходные дни ходили за сопку, где была больница. Там протекала бурная речка, было тепло, росло много шишек. Как-то всех возили на грузовых машинах, в кузове, на пикник куда-то по трассе. Было и многое другое. Об этом у меня остались только самые светлые воспоминания. Не укладывается в голове, как могло существовать рядом с нормальной жизнью все то ужасное, о чем я узнаю только в последнее время...

С уважением *Инна Николаевна*
10.02.1995 г.

Москва, 06.02.1989 года

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Спасибо за целеустремленность в деле восстановления памяти о времени строительства Колымы... Теперь конкретные ответы: 1) Склад Управления связи располагался как бы по диагонали от здания самого Управления,

за рестораном. Это было двухэтажное деревянное здание... 2) Кроме 10-го ОЛП крупные лагеря располагались на территории «глинобитного городка». Рядом с клубом УСВИТЛ располагалась т. н. комендантская командировка. Здесь находились те, кто входил в труппу клуба, многие инженерно-технические работники и люди, используемые по своей специальности (медики), и также заключенные, используемые в аппарате Управления Дальстроя. Кроме того, был женский лагерь, располагавшийся в районе электростанции. Заключенные женщины работали уборщицами во многих учреждениях, домработницами в семьях вольнонаемных (не обязательно руководителей). Среди них было много расконвоированных или полурасконвоированных. Последнее означало следующее: по утрам конвоир разводил их по местам работы, передавал под расписку ответственным лицам, а вечером собирал и вел в лагерь. Были еще мелкие лагеря как в самом Магадане, так и на ближайших километрах трассы. 3) Э. П. Берзина я видел многократно: просто на улице, в клубе при торжественных случаях. Посещать киносеансы он предпочитал в клубе НКВД, и когда я там работал, то видел его часто. Но сказать, чтобы я с ним был знаком, нельзя. По моим наблюдениям могу сказать, что с окружающими он вел себя просто, без малейших признаков высокомерия. Ближе я знал его сына Петю. Он был хорошим «нашенским» парнем, и мне казалось, что он тяготится высоким положением своего отца... Сам Э. П. Берзин к моему отцу в гости не приходил. Отца Э. П. знал хорошо, но полагаю, что отношения у них были служебные. И. Г. Филиппов был старым товарищем отца еще по работе в Москве. Они с женой часто бывали у нас в гостях. И. Г. Филиппов запомнился мне весьма грузным, спокойным человеком, говорил тихо, внушительно, мягко. Знал, что у него было очень большое сердце. К отцу относился уважительно. Это у них было взаимно. При встречах у них с отцом основной темой были разговоры о прежней работе в Москве, часто упоминали Г. И. Бокия. Когда И. Г. Филиппова посадили, отец считал, что там он уже не выживет... 4) Впервые Павлова с Гараниным я видел на пароходе «Н. Ежов», когда возвращались мы с отцом из Москвы с профсоюзного съезда. Бросилось в глаза то, что они много торчали на капитанском мостике, хотя им там быть не полагалось, да и делать было нечего. Просто хотелось продемонстрировать вседозволенность. Уже тогда это вызвало неприязнь. Павлова я внешне не помню. Гаранин же был жгучий брюнет со злыми, хищными глазами. Любил ходить с толстой палкой, скорее – дубинкой. Однажды видел его близко в разрезе прииска «Штурмовой» в сопровождении свиты местного начальства. Все перед ним приторно лебезили. Как только он уехал, по прииску пошел разговор, что при смотровом обходе Гаранина взбесило то, что бригада, собранная из воров, при его приближении не встала. Войдя в раж, Гаранин приказал отправить бригаду в полном составе (15–20 человек) на Серпантинку, откуда, как известно, никто не возвращался. Я не был очевидцем этого случая, но склонен верить в происшедшее вот почему: известно, что по старым тюремным канонам воры в законе на работу не выходили. Они, как правило, откупались большими деньгами, ходящими в картежной игре. Однако в связи с ужесточением режима они стали создавать маленькие бригады, в которые принимались только «законники». Такие бригады работали очень производительно и дружно, темнить было нельзя. Часто такие бригады даже славилась как рекордные. Однако они не признавали никакие режимные ритуалы и, в частности, обязательное вставание при приближении начальства. Если, например, у них перекур, то они будут сидеть, если подойдет даже сам нарком, они тоже будут сидеть. Именно такой злополучный случай и был, о котором мне поведали очевидцы. 5) О Ф. Д. Медведе я знал только от отца. Встретился я с ним с глазу на глаз и единственный раз. Ехал я в районе Ягодного с водителем по очень узкой дороге и навстречу нам попала легковая машина (полупортка ГАЗ-АА с самодельным кузовом под легковую), а в ней ехал Ф. Д. Медведев. Мы не могли разъехаться, и кому-то надо было сдавать назад до разъезда. Правда, я тогда не знал, что это Ф. Д. Медведев, узнал потом от водителя. Я при встрече из кабины не выходил, вышел водитель. Поговорил о чем-то с Ф. Д. Медведем, и он приказал своему водителю сдавать назад. Он это сделал, узнав, что наша машина груженная. Больше я Ф. Д. Медвея не видел, но видел П. М. Лобова. Он часто приходил к нам в гости. Это был рыжеватый, невысокого роста человек с крючковатым носом. Мои контакты с ним заключались в том, что он учил меня игре в шахматы. Усилия его в этом деле видимых успехов не имели, т. к. даже при двух, а то и трех фигурах форы я ему неизменно проигрывал. Выигрывая, он очень смеялся, что не способствовало моему расположению к нему. Видимо, чувство самокритичности во мне развилось позже. К сожалению, я никогда не прислушивался к серьезным разговорам отца с Лобовым... О других ленинградских чекистах, работавших в Магадане, я знал только понаслышке и многое забыл...

Всего Вам доброго. С уважением *Кильдишев*

14 июня 1989 года, Москва

Здравствуй, уважаемый Александр Григорьевич!

Мне до боли и знакомо и известно все, о чем сказано в присылаемых Вами печатных материалах. Поэтому, ответственно относясь к Вашим просьбам, я не могу позволить себе какие-либо домыслы или недостоверности.

Прочел статью из «Магаданской правды», озаглавленную «Серпантинка». Разумеется, я там не был, иначе бы наша переписка не состоялась. Что я знаю об этом богом проклятом месте? В описании своего пребывания на Колыме я упоминал о том, что определенный период времени работал на прииске «Штурмовом» СГПУ – Северного горнопромышленного управления с центром в Хатыннах. Там же, в Хатыннах, находилась кинобаза, а следовательно, я и мои помощники регулярно ездили по дороге Штурмовой – Хатыннах для получения очередных фильмов. Дорога эта шла через перевал Черского хребта и серпантинно шла 12 км на подъем и столько же на спуск. Все, кто был в то время на Штурмовом, знали, что на одной из излучин этой серпантинной дороги, где-то на середине склона со стороны «Штурмового» было ответвление, которое вело на командировку, именуемую «Серпантинка». Это было место, окруженное какой-то зловещей тайной, но все же люди называли это место не иначе, как пересылкой на тот свет. Разговоры об этом страшном месте ходили в основном среди заключенных и среди тех немногих, которые плотно с ними общались. В число последних входил и я. Что же касается тех вольнонаемных, которые ни по роду работы, ни по другим причинам не имели отношений с заключенными, они ничего об этом месте не знали, а если

случайно, краем уха слышали, то в основном или не верили, или считали такие разговоры злостной антисоветчиной. и значит, и говорить об этом далеко не безопасно. Вообще тогда придерживались принципа, чем меньше знаешь, тем лучше. Вот и в данном случае достоверно рассказать о том, что происходило на Серпантинке, может только человек. побывавший в этом месте, например, тот же И. Таратин, который об этом и пишет. Однако я кое-что знаю и по слухам. О технологии чинимых там расстрелов мне рассказывали так. Готовясь расстреливать очередную партию, заведомо подрывники готовили яму – воронку путем взрыва (мерзлота!). Затем подгоняли к баракам два трактора, к одному из которых на волокуше был подцеплен решетчатый короб с открывающейся задней стенкой. На втором тракторе был установлен пулемет «максим». В подцепленный решетчатый короб набивали битком (40–50 человек) обреченных на смерть и везли к заготовленной яме. Волокушу ставили на краю ямы и открывали по людям пулеметный огонь, предварительно приказав обоим трактористам запустить двигатели на мощные обороты. Тракторы были гусеничные «ЧТЗ» и «Сталинцы» (С-80). Тархатели они оглушительно и, конечно, заглушали и стрельбу и вопли погибающих. Расстреляв обреченных, открывали замки стенки короба, волокушу подталкивали к яме так, чтобы она частично наклонилась в сторону ямы, и трупы вываливались без прикосновения рук палачей. Затем бульдозерным ножом трактора присыпали трупы. В общем весьма «технологично» проводили свою бесчеловечную операцию. Повторяю, очевидцем я быть не мог, но, проезжая по упомянутому серпантину, раскатистый треск тракторов слышал не раз и, будучи наслышан о его происхождении, признаюсь, невольно вжимал голову в плечи. Часто, проезжая в кузове попутной машины, я ехал не один, и мы молчаливо с пониманием переглядывались с попутчиками, но подспудный ужас не позволял обмолвиться об этом и словом.

И еще один случай, связанный с «Серпантинкой», о котором я слышал от заключенного (своего помощника), который говорил, что сам был очевидцем начала этой истории. Для лучшего понимания немного разъяснения. Теперь, благодаря кинофильмам, многие знают о том, что существовала КАСТА т. н. воров-законников. Законы этой касты были жестокими, и блюли они их неукоснительно. В основе этих законов лежало требование, заключающееся в том, что вор в законе, попав даже в заключение, не имеет права работать. Причем речь идет о том, чтобы не увильтывать от работы какими-то хитрыми уловками, а открыто, без обиняков, такой вор заявлял начальству о том, что ему работать не положено. При этом такие воры путем подкупа и взятки откупались (благо деньги в картежной игре ходили большими тысячами), получали документальное подтверждение того, что они перевыполняют нормы выработки, и сидели, не выходя из жилой зоны, но числясь порой в передовиках. Это устраивало всех – и их самих и лагерное начальство. Однако со временем их стали прижимать. Каста начала постепенно перерождаться, уступая свои позиции: часть из них, пойдя на компромисс, ввела в свои законы послабления, учредив в виде исключения перечень работ, которые вор вправе выполнять и при этом не попасть в категорию ссучившихся. Однако самые заядлые, именующие себя цветными, с этим не согласились и отнеслись к пошедшим на компромисс с известной долей брезгливости, обозвав их полувцветными. Но нажим ужесточался, и во времена Гаранина уже самые стойкие устоять не могли. И тогда среди этой категории появилось новшество: самые тяжеловесные стали сколачивать рабочие бригады исключительно из воров, и во главе такой бригады становился, конечно, самый «авторитетный» вор («пахан»). Эти бригады работали только на общих работах и, как правило, показывали чудеса выработки. Темнить в такой бригаде было нельзя – ведь там все равные! Особенностью же таких бригад было то, что они считали себя неприкосновенными, не признавали никакой лагерной субординации, с начальником разговаривали на ты (начальничек). Они не позволяли никому лезть в бригадные дела. К примеру, по лагерной субординации в случае подхода начальника к расположению бригады все заключенные обязаны встать по стойке смирно, сняв головные уборы, а бригадир обязан представиться и доложить о бригаде. Понятно, что такие требования воровские бригады игнорировали.

Вот и на «Штурмовом» была такая бригада, состоящая, если мне не изменяет память, из 40 человек. Эта бригада столь здорово работала, что о ней даже писала лагерная многотиражка. В общем, она была знаменита. Однажды на «Штурмовой» прикатил Гаранин. Окруженный свитой местного начальства, он совершал обход по разрезу. Шел он в своем неизменном полушубке и с неизменной палкой-дубинкой в руке. Когда эта кавалькада подошла к расположению бригады, в бригаде был перекур, все сидели на камнях, бревнах, на земле. Естественно, никто и не подумал встать. Гаранин подозвал начальника местного лагеря и заорал: «Это что за банда?» Тот, надо полагать, пояснил. «Кто бригадир?» – завизжал Гаранин. Бригадир, не вставая, повернувшись вполупорот, сказал: «Чего надо, начальничек?» «Ты чего расселся, сволочь?» – гремел Гаранин. И тогда бригадир послал его по лагерному. Гаранин приказал немедленно бригаду в полном составе отправить на Серпантинку. Говорят, что жалкие попытки начальника лагеря (Шкабуры) смягчить гнев этого выродка, только распалили его звериный нрав. Бригаду увезли, и никто никогда ни одного человека из этой бригады больше не видел. Было это на Среднем Штурмовом. Кроме моего заключенного-помощника, мне об этом случае рассказывали многие другие. Я им склонен верить.

Александр Григорьевич! Вы, конечно, заметили, что в описании методов расстрелов, о которых слышал я и описанных И. Таратиным, есть разночтения. Но не исключено, что методы эти со временем менялись, а потому нет оснований считать одну из версий неточной. Когда я получил статью «Серпантинка» и только прочел заголовки, я был потрясен. Ведь в те времена это название произносили шепотом. Я думал, что эта колымская страница канула в Лету. Все же не зря говорят: все тайное становится явным...

С уважением Л. Кильдишев

Москва, 18.12.1989 г.

Уважаемый Александр Григорьевич, здравствуйте!

...Много читаю периодики. Прочитал статью в № 49 «АиФ», написанную с Вашей подачи. Поздравляю с публикацией в столь популярном издании. Прочитал опубликованные в «Новом мире» главы из «Архипелага ГУЛАГ».

Вы же понимаете, что люди моей судьбы воспринимают подобные вещи необычно. Есть там некоторые неточности, но это не суть дела... Поддерживаю связь с Кирсановым и Шовиным. Вот, пожалуй, и все...

С уважением Л. Кильдишев

Москва, 30 мая 1990 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

...Посылаю Вам фотографии отца, которые я недавно увеличила для общества «Мемориал» из чудом сохранившихся двух маленьких фотографий (одна для документов). А те две фотографии, о которых Вы пишете, я послала в музей в 1972 году, они остались «живы», т. к. находились в Москве у родственников. Очень отрадн мне Ваша оценка Э. П. Берзина, отличная от выраженной К. Николаевым. Для меня он остался целостным, очень уважаемым человеком. Так же к нему относился и папа. Светлая память о моем друге юности Пете Берзине, с которым мы сидели 2 года за одной партией и очень дружили, всегда со мной. Он очень часто бывал в нашем доме. В их доме я, правда, была всего несколько раз, а мы жили в 2-х этажном доме, который стоял в ряду таких же домов на улице, ведущей в Нагаевский порт. Мы часто ходили гулять к морю. Я завидую внучке Берзина, что она в Магадане. Мое здоровье, к сожалению, этого уже не позволит. Тяжелая жизнь не проходит даром – у меня было два инфаркта...

С глубоким уважением и еще раз с огромной признательностью Фира Цезаревна Крон (настоящая фамилия по мужу Денисик)

Москва, 22 июня 1990 г.

Многоуважаемый, дорогой Александр Григорьевич!

Весь месяц после получения Вашего письма и литературы нахожусь под постоянным, я бы даже сказала ежеминутным, впечатлением от Вашего письма, Колымы, папы. Какой же Вы вложили в эти книги огромный труд и во всем чувствуется Ваша большая любовь. Такой литературы я еще нигде не видела и думаю, что не увижу. А сколько внимания к мученикам сталинизма! Читая «Конспект прошлого», мне казалось, что я снова девочкой хожу по Магадану... О папе Вы упомянули 2 раза: кроме стр. 28, еще на стр. 54, где Вы пишете о снятии судимости и в том числе у Ц. М. Крона. Сейчас обо всем этом страшно подумать. Таких людей, как папа, не за что было мучить, а потом совсем погубить! Ваша книга помогла мне ответить на два мучивших меня все эти годы вопроса: 1) Хорошо помню конец 1937 года, митинг около Управления Дальстроя, на котором зачитывалась телеграмма Сталина с поздравлениями о выполнении плана. Хорошо помню, что Берзин присутствовал на этом митинге. Я считала, что в это время Берзина уже не было в Магадане. Вы мне дали ответ: оказывается, телеграмма была прислана 17 октября 1937 г. Как здорово работал Дальстрой! 2) Очень хотелось вспомнить человека, который дал жизнь моей маме да, собственно, и мне. Дело в том, что меня привез в Москву, а потом и освободил из заключения мою маму начальник НКВД Дальстроя. Вы о нем пишете. Это был В. М. Сперанский. Я, конечно, понимаю, что начальник НКВД, тем более в те годы, не мог быть иным, чем Вы о нем пишете. Но по непонятным для меня до сих пор причинам он сделал для меня очень много. Он мне, правда, сказал: «Меня замучили твои родственники с просьбой прислать тебя в Москву». Он был этим поражен, ведь в те времена большинство родственников боялось за себя, отказывалось от репрессированных. Мои тетя и дядя не были такими...

Еще раз с огромной признательностью и уважением
Фира Цезаревна

Москва, 30 августа 1990 г.

Дорогой, многоуважаемый Александр Григорьевич!

Огромное спасибо за Ваше последнее письмо. Теперь мне еще многое прояснилось о папе... Мою маму, Крон Мэиту Давидовну, арестовали на следующий день после ареста отца. Как все это было страшно! Меня отвезли в интернат ночью, а там детишки уже ждали: кого сегодня? Моя подружка Мирра Шульц уже жила в интернате. Ее папа был начальником прииска. Так вот она начала просить той ночью, чтобы меня поместили вместе с ней, что, к счастью, и сделали. Кстати, воспитатели в интернате были добрые, отзывчивые, у меня о них остались теплые воспоминания... В июне – июле 1938 г., как я уже Вам писала, меня начальник НКВД Дальстроя, который ехал в командировку в Москву вместе со своей очень красивой секретаршей (отношения у них были существенно более близкие), привез в Москву. Когда мы подъезжали к Москве, он мне сказал: «Садись и слушай. Папа твой – враг народа. Я ему сделать ничего не могу, но я тебе даю слово, что маму ты увидишь». И действительно, мама затем была освобождена и вернулась в Москву в 1939 г. Папа находился под следствием до дня его смерти 3 сентября 1940 г. Все это время над ним страшно издевались. Об этом рассказал его зам, который тоже был арестован, но перед войной был освобожден и заезжал к нам в Москву...

С глубоким уважением Ф. Ц. Денисик

Москва, 27 декабря 1990 г.

Многоуважаемый Александр Григорьевич!

С большим интересом прочитала все Ваши статьи. Очень интересно. К сожалению, Шаламова я читала только «Колымские рассказы». Но я их рассматриваю как художественные произведения, поэтому до Вашего письма не задумывалась о полной достоверности описываемых им событий. Вы, конечно, во всем правы... Солженицина я тоже еще мало читала, кое-что дома есть, но устаю от его книг. Больше интересуюсь документальными материалами.

С уважением Ф. Ц.

Москва, 13 марта 1991 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

Низкий Вам поклон и огромное спасибо, что не забываете меня. В этой трудной, грустной жизни огромная поддержка, что есть теплые, верные друзья. Ваш совет сработал точно. Вчера я получила письмо от зам. прокурора Магаданской области. Хожу второй день под впечатлением письма: причина ареста мамы страшна. По-видимому, спасло ее то, что папа держал себя героически, умер, но не подписал на себя весь кошмар предъявленных ему обвинений...

С глубоким уважением Фира Цезаревна

Уважаемый Александр Григорьевич!

...В связи с визитом в столицу и предстоящими встречами с родней хочу сделать Вам предложение. Если Вас и музей интересуют какие-либо вопросы, касающиеся семейства Наровчатовых, прошу писать мне о них до 15 ноября, и во время пребывания в Москве я постараюсь собрать то, что Вам необходимо. Есть просьба и у меня. Если вдруг у Вас появятся материалы о муже Лидии Яковлевны Сергее Николаевиче, то по возможности хотелось бы иметь их копии. С. Н. Наровчатов находился на Колыме в принудительном порядке (то ли в заключении, то ли в ссылке), после ослабления режима работал экономистом (консультантом) в Управлении Дальстроя. Ранее имел какое-то отношение к Промпартии и отбывал наказание где-то на Воркуте. Это то небольшое, что мы, здравствующие родственники, знаем. Разумеется, хотелось бы знать больше...

С уважением и признательностью В. Донской*

28.10.1990 г., г. Владивосток

Уважаемый Александр Григорьевич!

...Ваши очерки понравились. Целиком разделяю Вашу позицию касательно исторических поправок. Это делать необходимо, поскольку появилось несчетное число подделок под истину, конъюнктуры. С ответом несколько задержал. Извините. Загружен сейчас с головой. Готовлю статью «Разгром восточного факультета», был такой в ДВГУ до 1939-го года. С ним вместе тогда скончался и университет. Существующий ныне возродился в 1950-е гг. Тема интересная, но уж очень многоплановая. Как говорят, репрессии репрессиями, но входит и кое-что еще... В конце ноября 2 недели провел в московских архивах. В основном время ушло на ЦГВИА, несколько дней отдал ЦГАОР. Материалы по ДВ богатейшие, особенно по гражданской войне... В Москве нанес визит О. Наровчатовой. Насколько я понял, у нее почти ничего нет из магаданских публикаций о ее семье. Она сейчас сотрудничает с детскими театрами, пишет стихи. Сдала сборник стихов для публикации, но выпуск его ожидается где-то в конце 91-го или в 92-м году...

С уважением В. Донской

15.01.1991 г., г. Владивосток

Уважаемый Александр Григорьевич!

...В Вашей книге «Магадан. Конспект прошлого» упоминается (с. 263), что донос на Берзина организовал А. С. Горин-Лундин. Насколько мне помнится, и в журнале «Дальний Восток» была Ваша статья о Запорожце, Медведе и других, замешанных в деле об убийстве С. Кирова. В ней перечислены все их фамилии и среди них также Горин-Лундин. Вы пишете, что некоторые осужденные чекисты почти сразу же заняли высокие посты в НКВД по Дальстрою. Все это

*Владимир Константинович Донской – родственник Л. Я. и С. С. Наровчатовых.

тоже толкает на выводы: судилище, проведенное над ними, являлось всего лишь блефом, направленным на то, чтобы прикрыть главных виновников убийства С. Кирова. Магадан далеко, и знать-то никто не будет, что кое-кто после осуждения освобожден и продолжает трудиться на том же поприще. По тем временам для Горина-Лундина и других это была высокая награда, назначение с повышением. Блефовал-то Г. Ягода, уши И. Сталина не видны. Ягода спасал своих верных товарищей, и, думается, что блеф не касался Запорожца и Медведя. Им-то помог Берзин. Не так ли?...

В. Донской
г. Владивосток

г. Владивосток, 05.08.1992 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Давно Вам не писал... Что-то забывал, о чем писал Вам касательно семьи Наровчатова. Если в чем-то повторяюсь, думаю, не страшно. Сергея Николаевича я помню по послевоенному времени, но со слов своей матери Маклаковой Веры Андреевны (двоюродная сестра Сергея Сергеевича) и своей сестры, которая больше в последнее десятилетие общалась с Наровчатовым, мне кое-что известно. Сергей Николаевич был кандидатом экономических наук и доцентом, преподавал в ряде институтов Москвы. Впервые был арестован в конце 20-х по делу Промпартии, к которой прямого отношения не имел. Порядка двух лет отбывал заключение в Воркуте, освободился. Позже был новый арест и Колыма. С. Н. был очень спокойный и легкий человек, можно сказать даже, весьма тихий. Я не слышал от него громкой речи. Это был человек, которого без оговорок можно назвать классическим старым интеллигентом. Вежливость, чрезвычайный такт в обращении, приятная внимательность к любому собеседнику. У Сергея Сергеевича было многое от отца. Лидия Яковлевна – полная противоположность С. Н. Это была очень волевая и властная натура, а любовь к сыну граничила с помешательством... Известно ли Вам о дружбе (некоторой) Л. Я. и жены Берзина? По пути в Магадан Л. Я. с Сергеем ехала в одном купе с женой Берзина и дочерью. Потом они ехали пароходом и за полмесяца с лишним они хорошо познакомились и продолжали отношения уже на Колыме. Предпринимались попытки сдружить детей. Возможно, это знакомство в определенной степени способствовало назначению Л. Я. директором музея, конечно, принималась во внимание и ее искусствоведческая практика. Мой отец, Донской Константин Петрович, примерно в 1935–38 гг. тоже работал в Дальстрое, но с Наровчатовыми он отношений не поддерживал, т. к. к тому времени он оставил мою мать, но он вспоминал о «каких-то» отношениях Л. Я. и Берзиной, и это якобы повлияло на то, что Наровчатова получили в Магадане для семьи небольшую рубленую избу, где и жили... Моя мать многое знала, достаточно много знает сестра со слов Л. Я. и Веры Андреевны. Сестра последние годы была самым главным врачом, лечившим Л. Я., другим она перестала доверять...

С уважением *В. Донской*

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Постараюсь ответить на Ваши вопросы. На Колыму мы приехали без отца. Он уже был там. Путь туда длился около месяца: 11 суток поездом, затем жили в гостинице больше недели во Владивостоке и 12 суток на пароходе «Кулу». Папа нас встретил на катере, не доезжая Нагаева. Я была вместе с нашей знакомой, которая тоже ехала к мужу (он был, по-моему, вольнонаемным), в каюте капитана. В это время ему доложили, что подошел катер, на котором находится Медведь Ф. Д. Капитан сказал: «Опустите трап, Медведь – человек солидный». Мы, т. е. брат, я и мама, выбежали на палубу и там встретились с папой. Какая это была радость! Приехав в Магадан, мы все остановились у Берзина, где были дня два, а потом поехали в Оротукан. Там мы и жили все время, никуда не выезжая. Правда, летом я и брат были в пионерлагере на реке Колыме. Зимой я ездила с папой на оленях в интернат для детей. Помню сравнительно хорошо Оротукан, я там везде ходила-бродила. Когда показывали кино «Чапаев» в столовой, мы стояли и смотрели прямо на столе... Я никуда не писала, не узнавала о настоящей дате смерти отца. Но, судя по всему, приговор приводился в исполнение на следующий день после его вынесения, поэтому я думаю, что это произошло 28 ноября 1937 года...

С уважением *Биола Филипповна**

Уважаемый Александр Григорьевич!

Примите мои добрые пожелания: здоровья, бодрости, терпения и оптимизма в наши трудные времена... Сейчас, после статьи в «Правде» от 4/XI (о фактической реабилитации отца) и после защиты кандидатской моим сыном Олегом мы счастливы. Ждем теперь документов. Такие у нас новости.

Н. И. Запорожцев
10.11.1990 г.

*Письмо не датировано, но время отправки из г. Москвы – 21 февраля 1990 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

Спасибо за постоянную память обо мне, сестре, брате и об отце – с верой и надеждой на справедливое решение. Мы все еще ждем ответа из Верховного суда СССР, куда послана справка КГБ о полной реабилитации отца, а также протест из Прокуратуры. Ждем 56 лет и еще 3 месяца. Надо дождаться: отец писал: «Я не виновен перед народом, партией». Так, что, пока дышим, надеемся...

С глубоким уважением *Н. И. Запорожец**

Здравствуйте, друг наш Александр Григорьевич!

...Уйдя три года назад на пенсию, продолжаю редактировать и переиздавать книгу для внеклассного чтения по средневековой истории. Я составитель этой книги уже в 3-х изданиях. Она переведена на языки многих республик и за рубежом... Что касается дела отца, то нам не звонят, не пишут из Санкт-Петербурга. Таня и я не решаемся никого в такое время беспокоить. И у Биолы то же самое. Она болела, была в больнице, санатории. Сейчас опять работает, так же, как и мы с Таней, не рассчитывает на скорое решение нашего вопроса...

С глубоким уважением *Наталья Ивановна Запорожец***

Уважаемый Александр Григорьевич!

Получила Вашу бандероль, за которую бесконечно Вам благодарна, как и Татьяна Ивановна, сестра моя. Мы прочли с большим интересом и удовлетворением Вашу статью в журнале «Колыма» – итог Ваших долгих разысканий и исследований о судьбе нашего отца. Спасибо Вам и низкий поклон. Наш брат Феликс, прочтя статью, испытывает те же чувства и просил по возможности раздобыть и прислать для него этот номер журнала... Сейчас я снова взялась за работу: готовлю сборник своих стихов, как бы подвожу итоги. Одно из стихотворений, посвященное отцу, и еще одно – матери моей и многим другим с той же судьбой – посылаю Вам на память. Вы принимаете в нашей судьбе такое искреннее и постоянное участие, такую веру и надежду, что мы, дети И. В. З., никогда не забудем этого. Пишу от имени всех троих.

Памяти матери

Ты в смерти обрела покой,
Все пониманье в скорбном лике,
Как бы в дни беды своей великой –
И в нас останешься такой.
Свой крест готовая нести
Во имя жизни..., кто измерит
Неисчислимые потери
На горестном твоём пути?
Очаг твой выгорел дотла,
Десятилетия в разлуке
Ты к детям простирала руки,
Терпела, верила, ждала.
Сгоришь, чтоб светом возвратиться,
Звездой в будни долгих дней.
Гвоздики вспыхнут, как зарницы
Мятежной юности твоей.

1978.

Памяти отца

Добрый он был или суровым?
Мне ли не помнить о нём,
Перепоясанном новым
Желтым тяжелым ремнем.
Отчие добрые руки
Мы рисовали в тетрадь,
Белые хатки да буки,
Уток да водную гладь.
Выросли вдоль дороги
Пыльной ряды тополей,
Месяц златой и двурогий
Встал – посветить у дверей...

*Письмо отправлено из Москвы 3 мая 1991 г.

**Письмо отправлено из Москвы 17 сентября 1991 г.

Я не припомню ту хату:
Не накричалась в ней всласть,
Но полюбила я, тату,
Красок веселую власть.
Думку спивали печально
Вы про кровавый возок –
Он и завез вас на дальний,
Лагерный Дальний Восток.
Я не была в Магадане,
Но не забыть твоих слов,
Что не предаст, не обманет
Партия верных сынов.
Сколько она предавала,
Ставила у стены!
Сгинули в темных подвалах
С пульей в затылке сыны.
Снится: по лунной дороге
Тянется тоненький след,
Мчатся кровавые дроги,
Падает розовый снег...

Всего наилучшего. Пишите. *Наталья Ивановна Запорожец*
12.04.1991 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

С Новым (1993-м) годом и с новыми надеждами, которые, надеюсь, сбудутся, в частности на реабилитацию (полную) И. В. Запорожца. О том, что дело его вновь направлено на пересмотр, мне официально сообщили из ГБРФ. Они уже все от них зависевшее давно сделали и надеются на положительное решение... Пишите, как прежде, о себе и о музее.

Н. И. Запорожец
26.12.1992 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Мы с моей сестрой Татьяной Ивановной некоторое время не знали о Вашей судьбе и новой работе «Из истории политических репрессий. Ленинградские чекисты в ссылке на Колыме (1935–1937)». В 2000 году я имела возможность познакомиться с ней и сделать ксерокс. Видимо, это задел к книге, как бы итог Ваших исследований в поисках истины. Ваша статья произвела на меня впечатление серьезной работы, хорошей, глубокой основанной на фактах, их анализе. В ней использована Вами вся известная мне литература и источники. Основная линия защиты дальстроевских чекистов, прежде всего нашего отца, мне представляется справедливой, логика и анализ фактов – также... Мы с Татьяной Ивановной посылаем Вам две ксерокопии свидетельства о смерти отца (14 авг. 1937 г.) и надеемся, что Вы останетесь, как и прежде, человеком, верящим в порядочность, честность нашего отца, в конечное торжество справедливости в том запутанном деле.

Всего Вам доброго и Вашей семье!

Наталья и Татьяна Ивановны
19.06.2004 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

...Становится все труднее преодолевать свои болезни. Однако все еще слетала этим летом на Камчатку. Причина важная: у моей внучки родился малыш. С этим правнуком моим мы гуляли, пели, учились ходить. Все мои внуки и сын носят фамилию Запорожец, учатся и работают на Камчатке, в Петропавловске. Сын уже второй год как защитил докторскую диссертацию. Он, как и его жена, ихтиологи, а дети – программисты. Приучены с детства к труду и чтению книг, в том числе – исторических, во всем помогают родителям, которые круглый год живут и работают в «поле», т. е. в научной лаборатории пос. Паратунка...

Жду вестей. *Запорожец Н. И.*

Здравствуйте, т. Козлов!

Я прочла в газете «АиФ» за 1989 г. № 49 Вашу статью «Их путь пролег на Колыму». Хочу Вам сообщить: я сидела 1937–38 гг. на пересыльном пункте в г. Владивостоке. Не могу точно сейчас вспомнить, в каком месяце это было, но в наш пересыльный лагерь этапом с Колымы (Магадана) была доставлена жена Запорожца. С ней была ее дочка, наверное, года 3–4. Пробыла она недолго, и дальше ее этапом отправили в Москву. Не знаю, нужны ли Вам эти сведения или нет, все же решила написать. Сама я отсидела на Колыме 6 лет: год в совхозе «Дукча», а потом – на КОСе (Колымская опытная станция), 20 км не доезжая до Эльгена, рядом с электростанцией Таскан.

А. Белова*
15.12.1989 г.

Тов. Козлов!

Прочитал Ваш рассказ в 49-м номере «АиФ» о колымчанах и решил Вам написать то, что слышал о судьбе Медведя. Меня привезли на Колыму в начале октября 1938 года. Работал я на приисках Западного горнопромышленного управления (ЗГПУ, пос. Сусуман) и одно время работал на прииске «Мальдяк», на четвертом участке, где была штрафная зона заключенных. Там я слышал разговоры от старожиллов зоны, что в июле или августе 1938 года в одну ночь, в распадке за штрафным бараклом, под шум работающего трактора командой палача Гаранина были расстреляны 130 человек заключенных и тогда погиб Медведь и несколько его товарищей по делу Кирова, офицеры. Вам на месте легче проверить действительность этих рассказов, которые в штрафной зоне в 1938 году мне пришлось услышать. Находился я на Колыме 16 лет. Освобожден из лагеря 30 декабря 1953 года. Реабилитирован Верховным судом Союза ССР. Сейчас на пенсии.

С уважением Сергей Макарович Ластивка
28.12.1989 г.

В редакцию газеты «Аргументы и факты»

Научному сотруднику Магаданского областного краеведческого музея тов. Козлову А. Г.

«АиФ» опубликовали статью А. Г. Козлова «Их путь пролег на Колыму». В одном из абзацев сообщается: «...А. С. Горин-Лундин писал доносы на директора Дальстроя Э. П. Берзина, обвиняя его во многих грехах, в том числе и в шпионаже в пользу Японии. В конечном счете это послужило тому, что тот был отозван Н. И. Ежовым в отпуск и арестован... Семь с половиной месяцев спустя Э. П. Берзин был арестован...». Как явствует из текста, Аарон Соломонович Горин-Лундин оказался предателем, а мы, его внуки и правнуки, единственными прямыми родственниками этого «отщепенца». Нам известно, что дедушка (прадедушка) так же был отозван из Магадана, а в 1938 году его утопили (пули пожалели!) где-то в Коми АССР, в одном из лагерей. Сима Эммануиловна Лундина, жена Аарона Соломоновича, хлебнула сполна как жена «врага народа», но репрессирована не была. После посмертной реабилитации мужа в 1953 или 1954 году ей назначена пенсия в связи с реабилитацией А. С. Горина. В то время бабушка и прабабушка жили в Ленинграде. Младший сын Володя погиб в Ленинграде в период блокады. Сима Эммануиловна скончалась в Ленинграде в 1986 году. Вскоре, в ноябре 1986 года, в Одессе умерла наша мама и бабушка Муся Аароновна Лундина, последняя носившая фамилию Лундиных. Вот и остались мы опозоренными мерзкими (как это преподносит Козлов) деяниями нашего дедушки и прадедушки. Как же теперь поминать Аарона Соломоновича? Из всех сотрудников бывшего Ленинградского Управления НКВД, перечисленных в публикации Козлова, сосланных на Колыму, один Горин-Лундин оказался плохим. Но так ли это? По всей вероятности, А. Г. Козлов имел (имеет) доступ к архивам бывш. НКВД. Аарон Соломонович, исполняя обязанности начальника Управления НКВД по Дальстрою, обязан был давать политические донесения. Возможно, не всегда эти донесения (но не «доносы») оценивали лишь положительные деяния Э. П. Берзина. Ведь были и «тачки Берзина» повышенной грузоподъемности, и особое благорасположение директора к т. н. социально близким в ущерб политическим, т. е. осужденным по ст. 58. Наш отец и дедушка Игорь Леонидович Сильницкий, муж умершей М. А. Лундиной, в 1934–1938 гг. работал на Колыме (см. статью «Разговор с радистом» в одном из номеров «Советской Колымы» начала 1937 г.). Он рассказывал, что в период «ежовщины» часто сменялись руководители. Каждый новый громил сотрудников за то, что они «пригрели и не разоблачили японского шпиона», а иногда вскоре оказывались в одной камере с предшественником. Муся Аароновна (и она была на Колыме) вспоминала о дружбе семей Лундиных и Берзиных. Вряд ли Эдуард Петрович не знал содержания информации (политдонесений), которые по долгу службы составлял и отправлял Аарон Соломонович Горин-Лундин. В те годы прямого авиасообщения с «материка» не было, радиogramмы могли идти только через радиостанцию Дальстроя. Кто же наш дедушка и прадедушка? Кто мой тесть? Один из многих и многих раздавленных сталищиной или же нечестный человек, пытавшийся, но безрезультатно, предательством сохранить свою жизнь?

*Ариадна Ильинична Белова проживала в г. Владивостоке.

Внуки А. С. Горина-Лундина и С. Э. Лундиной:
Сильницкий Леонид, Сильницкая Ирина, Сильницкий Владимир
Правнуки: *Мозель Валерий, Бурле Ольга*
Зять Аарона Соломоновича и Симы Эммануиловны *Сильницкий Игорь Леонидович*

30 января 1990 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Отвечаю на Ваши вопросы о Запорожце Иване Васильевиче. Я с ним по работе часто встречался. И. В. Запорожец был начальником Управления дорожного строительства «ДС» с 1935 по 1937 г. Он в 1935 г. прибыл на Колыму (видимо, по делу С. М. Кирова) вместе с Медведем, который был назначен начальником Южного горного управления. Вместе с мужем И. В. прибыла и его жена Вера Даниловна. На Мяките она была заведующей библиотекой. По отзывам населения пос. Мякит, Вера Даниловна была красивой женщиной с высоконравственными понятиями, отличалась добротой, обаянием, чуткостью, отзывчивостью к людям. В 1937 г. она вместе с мужем и Медведем навсегда исчезла, но до этого я неплохо узнал Ивана Васильевича, потому что строительство жилого поселка Ягодный входило в ведение Управления дорожного строительства. Как руководитель И. В. Запорожец был строг и требователен. Обладал организаторскими и деловыми качествами. В нем сразу же чувствовались чекистская выправка и дисциплина. Он навел порядок в хозяйстве производственных подразделений Управления дорожного строительства, наладил финансовую дисциплину...

С уважением к Вам *Н. Э. Гассельгрэн**
01.01.1989 г.

Здравствуйте, дорогой Александр Григорьевич!

...В тот роковой день (4.III-37 г.), когда было совершенно небывалое, зверски варварское и чудовищное преступление над Татьяной Маландиной – секретарем комитета ВЛКСМ ЮГПУ ДС, я уже работал на строительстве з-да № 2 в Марчекане (с апреля 1936 г.). Весть о ее трагической смерти вскоре облетела всю Колыму. Кто как мог, тот так и выражал свое человеческое соболезнование. Ваша статья о Татьяне Маландиной на страницах областной газеты, присланной мне, представляет из себя нечто похожее на капитальный труд. Она глубока и необыкновенно проникновенна... Не знаю, как сумею изложить свои воспоминания, связанные с моим арестом, но в то злополучное время (в день моего ареста 24.VIII-38 г.) я уже работал на строительстве объектов Магаданской бензобазы около 11–12 месяцев. Это строительство я совмещал с устранением мелких недоделок по з-ду № 2, а сам жил в Нагаево, в общежитии для руководящего состава и инженерно-технических работников Управления морского транспорта Дальстроя. Комната была неплохая, теплая. Так как строительство бензобазы проводилось при начальнике Дальстроя Павлове, то он периодически его посещал. Приезжал в основном неожиданно и в нерабочее время. В результате потом на меня злобно кричал: «Вечно Вас нет на строительстве, и сдается мне, что Вы не бываете на его объектах!» Складывалось такое впечатление, что Павлов вскоре скажет мне, что моя песенка уже спета. С этим предчувствием я никак не мог справиться, и вот 23.VIII.38 г. в десять часов вечера я вернулся к себе со строительства домой. Разделся, лег спать и уже сквозь какой-то беспокойный, тревожный сон услышал настойчивый звук в дверь. Посмотрел на часы, было 3 часа ночи. Встал, открыл дверь, и в комнату буквально ворвались несколько работников НКВД. Вид у них был такой, что они будто бы пришли забирать матерого преступника. Предъявили ордер на арест, потребовали сдать оружие, изъяли золотые часы (награда Дальстроя 1935 г.) и велели одеться. Затем повезли меня в Управление НКВД и сдали дежурному, который вызвал тюремный конвой. Это был страшный момент, и я смутно помню, как шел из Управления НКВД в тюрьму. Прощался с жизнью, думал, что навсегда, однако, как оказалось, еще нет. И вот меня втолкнули в переполненную камеру № 4. В ней находилось человек 50–60 – такая теснота, что даже повернуться было трудно. Первые 3–4 недели я в основном только дремал, так как находился в каком-то полубытии. Потом меня стали вызывать на допросы. Заставляли стоять по несколько десятков часов подряд. Так продолжалось в течение нескольких дней. Когда я падал (а это происходило не раз), то меня вновь поднимали, я снова падал, терял сознание, испытывал чувство какого-то надвигающегося ужаса. После таких «тренировок» предъявили, что я будто бы стремился стать «секретарем японского посольства». Это я-то, который не знал ни японского языка и ни разу не был не только в Японии, но и вообще за границей! Следовател же Ханаев, который меня допрашивал, говорил об обвинении на полном серьезе. Конечно, признаться в таком было полным абсурдом. Я как мог доказывал Ханаеву, что все предъявленное мне не соответствует действительности. В конечном итоге он не стал настаивать на «окончательном признании», а перешел на уточнение разных деталей моей дальстроевской и додальстроевской работы. Возможно, хотел подцепить на чем-то другом или выявить «компрометирующие связи». Однако я постоянно был начеку, старался не ляпнуть чего-нибудь лишнего, ибо за этим лишним могли стоять судьбы и других людей...

Желаю Вам всего доброго.

С глубоким уважением к Вам *Н. Э. Гассельгрэн*
20.01.1989 г.

*Николай Эдуардович Гассельгрэн – один из первостроителей Колымы.

Здравствуйте, Александр Григорьевич!

...Теперь мне предстоит еще раз вспомнить о Ив. Васильевиче Запорожце, а также рассказать о Дмитрие Вознесенском и Мише Державце. Будучи начальником 16-й (Утинской) дистанции Управления дорожного строительства, я в октябре 1935 г. был переведен на такую же должность на строительство нового поселка – Ягодно-го, а в ноябре месяце премирован золотыми часами. Такой же награды среди дорожников Колымы, кроме меня, удостоились еще четыре человека. Других премировали деньгами, патефонами, отрезами на костюм и т. д., а Ивану Васильевичу Запорожцу (тогда еще заместителю начальника Управления дорожного строительства) вручили импортное ружье. В это время я с ним впервые и познакомился. Высокий, стройный, с густой шевелюрой он, на мой взгляд, полностью оправдывал свою фамилию. Этим И. В. Запорожец мне тогда и запомнился... За время содержания в тюрьме передо мной прошла череда довольно известных и, конечно же, ни в чем не виновных людей. Среди них я бы хотел выделить геолога, соратника Ю. А. Билибина (о нем я узнал подробнее после возвращения на волю) Дмитрия Владимировича Вознесенского и члена отделения Дальневосточного крайсуда по Колымскому району Михаила Исааковича Державца. О первом я еще слышал до ареста, так как он работал главным геологом Северного горнопромышленного управления с центром в Хатыннахе, а вот фамилию второго услышал только в тюрьме. Вместе мы находились довольно продолжительное время, поведать друг другу успели многое. Самым первым из нас (судя по рассказам) был арестован М. И. Державец – еще в начале 1938 года. Дмитрия Владимировича арестовали ближе к лету, а меня, как я уже писал, 24 августа того же года. Дмитрия Владимировича обвиняли во вредительстве, несколько раз возили в районы приисков, где считали, что он утаивал большие запасы золота, в то же время эксплуатируя месторождения с небольшим содержанием металла. М. И. Державцу инкриминировали участие в фальсификации судебных дел, необъективность, покровительство «троцкистам», «врагам народа». Говорили, что он будто бы за деньги добивался освобождения от наказания, переквалифицировал с одной на другую статью. Но могло ли это быть только в его компетенции? Находясь в одной камере, мы вели себя очень осторожно. Уже было известно, что работают «подсадные утки», что следователи специально внедряют своих осведомителей, чтобы знать, что творится в тюрьме, кто чем дышит. Запрещалось перестукивание с соседними камерами. Если кого засекали, то сразу наказывали: лишали горячей баланды, пайки хлеба, помещали в одиночную, слабоосвещаемую камеру. Бывало и хуже. Это когда уводили и засовывали в каменную нишу, где можно было держаться только в одном положении, никуда не сдвинуться, если только не потерять сознание. Были и имитации расстрела. Многие прошли через это, в том числе и я. Следователи были заранее уверены в нашей виновности, сами фабриковали дела, поэтому стремились сломать морально и физически, любыми способами добиться нужных им признаний. Мы держались как могли, а осенью 1939 года я раньше, чем Д. В. Вознесенский и М. И. Державец, был освобожден из тюрьмы. Помню точное число: 28 октября. Тогда усиленно ходили слухи, что старое руководство УНКВД по Дальстрою арестовано, а на его место пришли более «гуманные», «понимающие» люди. Они, мол, разберутся, накажут виновных, а невиновных отпустят. В какой-то мере так, наверно, и было. Но сколько уже до этого было забито во время так называемого следствия, сколько умерло в тюремной больнице или расстреляно невиновных. Не забыть мне и тех, кто покончил жизнь самоубийством, повесившись в камере или разбив голову о каменную стену. Страшно об этом думать. Однако думается. Думается вопреки здравому смыслу. Поэтому и хочется рассказать, как это все было... Освободившись из тюрьмы и немного оправившись, я обратился в отдел кадров Дальстроя (было это уже в начале декабря 1939 года): решил поработать по своей специальности. На душе кошки скребли, многое не нравилось, но уж очень хотелось еще послужить Колыме, применить свои молодые силы, знания и опыт. За 1934–1938 годы я также кое-чему научился на трассе, в Магадане, мог обучать других, вновь приезжающих специалистов. Кстати, тогда уже не было К. А. Павлова. Говорили, что он заболел, вывезен на «материк». На его место прибыл комиссар госбезопасности 3-го ранга И. Ф. Никишов. Однако поработать под его началом мне не удалось. Когда в своем заявлении я написал, что прошу «восстановить меня на прежнем предприятии, где желаю продолжать работу», то получил отрицательный ответ. Пришлось покинуть Колыму и уехать в Ленинград. Уже после окончания Великой Отечественной войны вновь просился в Дальстрой. Все это было при том же И. Ф. Никишове, весной 1947 года. Но и тогда мне отказали. После этого решил поработать где-то около Колымы, приехал на Сахалин. Там тоже я работал в строительных организациях. В 1966 г. вышел на пенсию и перебрался в Калугу, где живу до настоящего времени...

С уважением Н. Э. Гассельгрэн
15.02.1989 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Получила от Вас письмо и отвечаю. Я очень хорошо понимаю Вас и так хочется помочь Вам в Вашей работе... Берзина мы знали. К. М. Андреев видел его на собраниях, видел на улице, когда он шел на работу. Многое о нем слышали. Хороший был человек...

С уважением Н. Андреева
15.04.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

...Отвечаю Вам на вопросы Вашего письма. В Магадан я приехала 18 августа 1937 года. После морского пути я себя очень плохо чувствовала и не помню и даже не обратила внимание, кто нас встречал, кто приехал. Торжественной встречи ни в Нагаево, ни в Магадане не было, так как много людей тогда прибыло на освоение Крайнего Севера. Привезли нас на грузовой машине в дом приезжих, но никого из приехавших со мной девушек-хетагуровок я уже не помню. Мы все приходили в отдел кадров Дальстроя, где и получали назначение на работу, оформляли документы. Может быть, и были разговоры кого, куда, но и это не сохранилось в моей памяти. В отделе кадров Дальстроя я получила назначение в пос. Таскан врио директора школы. В 1938 году, в феврале месяце, был прислан директор школы Бочков, и я стала работать учительницей до 1944 г. В связи с переводом мужа в Ольский райком партии мы тогда переехали на Олу и прожили здесь до июня 1965 года. В 1965 году мы переехали в город Вологду...

Уважающая Вас *Андреева*
28.05.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Хочу кое-что добавить к своим воспоминаниям... В августе 1937 года в Магадане было только 4–5 больших каменных дома. Из них помню: телеграф, дом по улице Карла Маркса, школу № 1. Большинство домов были деревянные, стандартные. Дом-музей тогда имел еще мало экспонатов. Около музея был деревянный дом – дом колхозника. Приезжающие из отпуска жили в транзитных домах. В этих транзитных домах были двойные нары в секциях для каждой семьи. После житья в транзитном городке многие на грузовых машинах выезжали к месту работы. Большинство из них направлялось на трассу. Я тоже выехала в Таскан на грузовой машине...

Уважающие Вас *Н. М. и К. М. Андреевы*
01.06.1988 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

После прочтения рассказа Варлама Шаламова «Хан-Гирей», бесед с ответственным секретарем редакции журнала «Советский воин» полковником А. И. Ключенковым и небезызвестной И. П. Сиротинской я обратилась в еженедельник «Книжное обозрение». И вот 18 мая 1990 г. в рубрике «Издателям на заметку» он поместил мое выступление «Жизнь всегда намного трагичнее...» В конце его есть такие мои строчки: «Я хочу воспользоваться предоставленной возможностью и обратиться со страниц “КО” ко всем книжным издательствам и редакциям журналов с убедительной просьбой: при публикации произведений В. Шаламова, где описывается история моего отца, помещать в виде примечания текст биографической справки из книги “Магадан. Конспект прошлого” (Магадан, 1989)....». Думаю, Вам это будет приятно. До свидания. Пишите.

С уважением *М. Тамарина*
22.05.1990 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Большое спасибо за присланную книжку «Краеведческие записки» 1991 г. Очень мне понравилась Ваша статья «Из истории колымских лагерей (1932–1937)». Видно, что Вы глубоко вошли в эту тему. Интересна для меня и статья Л. И. Комаровой о выставке «Возвращение правды», открытой в Вашем музее 26 июня 1989 г. Тогда Вы еще не располагали материалами о моем отце, но вскоре начали борьбу за возвращение его честного имени с небезызвестной душеприказчицей В. Шаламова И. Сиротинской. Помните, как я Вам писала о том, как первый раз разговаривала с ней по телефону? А недавно мне дали на время книгу В. Шаламова «КР-2» издательства «Орбита». Там есть и «Вишера». Редактор С. М. Луконин сдержал обещание и дал в конце примечание издательства – историческую справку о моем отце с ссылкой на Вашу книгу «Магадан. Конспект прошлого». Видите, как все меняется... Поедете ли Вы в этом году в отпуск в Никополь? Если будете лететь через Москву, то очень бы хотелось, чтобы Вы позвонили мне и остановились у меня. В это время у нас очень трудно с гостиницами.

Всего самого лучшего. С уважением *М. Тамарина*
12.06.1991 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Когда меня спрашивают, за что я попал в колымские лагеря, то всегда отвечаю, что, наверно, за то, что жил, трудился, как тысячи, сотни тысяч других советских людей, которых раздавила сталинская машина беззакония. Однако хотелось бы все по порядку, отдалившись в те времена, с чего все началось. А началось все с того, что, окончив в 1932 году сельскохозяйственный институт в Каменец-Подольске, я работал старшим научным сотрудником, а затем и заведующим отделом защиты растений Северо-Кавказской опытной станции эфиромасличных культур, располагавшейся в предгорьях Приэльбрусья. Она охватывала своей деятельностью многие районы, в том числе и Закавказье, вплоть до Батуми. Когда дело дошло до репрессий, то арестовали директора нашей станции, его беременную жену и зятя, потом забрали заведующего отделом агротехники и его помощника. Спусти две недели, 4 декабря 1937 года, дошла очередь до меня. Я был помещен в камеру предварительного следствия. Через некоторое время меня привели к следователю Биберу. Не очень затрудняя себя вопросами, он спросил, что я думаю по поводу своего ареста. Я ответил, что совершенно не знаю, теряюсь в догадках. Тогда он заявил, что меня арестовали за контрреволюционную деятельность, и предложил подписать, не читая, уже составленный протокол допроса. Я наотрез отказался. После этого меня отвели в большую комнату, где лицом к стене стояли те, кто не хотел ни в чем признаваться. Как оказалось, это была одна из самых распространенных пыток. Я простоял там до глубокой ночи. Ни есть, ни пить не давали, и я в конечном итоге не выдержал, свалился на пол. Тут же подошел наблюдающий за нами дежурный охранник и начал бить меня ногами. Бил куда попало, так как, наверно, в его обязанности входило окончательно сломить волю арестованного, заставить его заговорить. У стены уже лежали избитые, измороженные, стонавшие люди, которых не убивали для «наглядной агитации». Там же сидел лицом к середине комнаты опухший, заросший, грузный человек, по-видимому, уже ничего не понимавший и не соображавший. Позднее я узнал, что это был первый секретарь Лабинского райкома партии, арестованный за несогласие с более высшим начальством и проведенный к тому времени не менее полугода в тюремных застенках. Конечно же, над ним беззастенчиво издевались, методически превращая в живой труп. Видя, в руки каких людей попал, и поняв, что в таких условиях сопротивляться бесполезно – можно «заслужить» только смерть, я, совсем обессиленный, попросил о новой встрече со следователем. Единственное, что обнадеживало и успокаивало, – протокол подписывался только на себя. Так была возможность выжить и когда-нибудь вернуться к активной деятельности по той же специальности, что и до ареста. Меня довели до следователя, он протянул мне протокол, который я, как он требовал, подписал, не читая. На это ушло менее минуты. Однако в Армавирской тюрьме меня продержали всю зиму и лишь в апреле 1938 года, дав десять лет по 58-й статье, увезли вместе с другими арестантами во Владивосток. Там, пройдя пересылку, я вместе с скомплектованным этапом был погружен на пароход «Джурма», на котором 12 июня 1938 года и был доставлен в бухту Нагаева. В строящемся на ее берегу городе Магадане пробыл недолго, но в одном из палаточных городков прошел так называемый обязательный карантин. Затем вместе с другими заключенными был отправлен на грузовых машинах в Среднекан. Оттуда на баржах нас спустили вниз по реке Колыме до Сеймчана. Пройдя по бездорожью восемьдесят километров, мы добрались до строящегося прииска имени Лазо. Позднее на его базе организовали известный оловодобывающий рудник...

Всего Вам доброго.

Искренне Ваш А. И. Торбицкий
24.12.1987 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

Спасибо за письмо с информацией. Я ее от Вас всегда воспринимаю положительно. История должна быть историей, но только правдивой историей. Мы, ветераны освоения Колымы, это хорошо понимаем. Поэтому сообщая Вам текст открытки профессора К. Г. Шульмейстера, которую он мне прислал на 1-е мая. Она весьма любопытна. В первомайской открытке Константин Григорьевич пишет: *«Дорогой Алексей Иосифович! Шлю Вам и Вашей семье дружеский привет с наилучшими пожеланиями к празднику весны, цветов и труда – к Первому маю. Пусть он Вам принесет много радостей в семейном быту и в Вашем саду и в огороде. Будьте всегда здоровы и добры душой!! Был очень тронут Вашим вниманием ко мне в виде Ваших добрых пожеланий к моему 95-летию. Большое Вам спасибо! Низкий Вам поклон! Вы правы в том, что своим долголетием я во многом обязан хлопотам моей дочери Маргариты, но также моей покойной матери, подарившей мне гены долголетия. Она сама без трех месяцев дожидая до 100 лет. Обязан я, конечно, и коллективу Волгоградского СХИ, который в течение последних 30 лет (с 1960 г.) неизменно хорошо ко мне относился. Обнимаю. Ваш К. Г.»*

С уважением А. И. Торбицкий
06.06.1988 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

В Вашем последнем письме от 23/III Вы просите меня рассказать о себе. В частности, просите сообщить о том, как я, «будучи уже известным ученым-профессором, оказался на Колыме», а также о том, не было ли это связано с судьбой академика Н. И. Вавилова. Вас также интересует то, с каким чувством и настроением я как заключенный и

потом как объявленный вечным ссыльным на Колыме работал там на агрономическом поприще. Все это сложные вопросы, по которым можно бы написать объемные мемуары, но для этого у меня сейчас нет времени. Кроме того, в настоящее время, когда в нашем обществе провозглашены принципы гласности, эти факты и сведения уже потеряли свою новизну и общий интерес. Теперь наш советский народ ясно узнал, что чудовищные преступления Сталина в виде массовых и неслыханных по жестокости репрессий возникли в порядке грубого нарушения элементарной законности и коснулись многих миллионов ни в чем не повинных людей разного общественного положения: колхозников и рабочих, студентов, специалистов по всем отраслям народного хозяйства, ученых, советских и партийных деятелей самого высокого ранга... Среди всех этих пострадавших людей, начиная от рядовых граждан, оказался и я, скромный труженик, так что удивляться этому нечего... Мое репрессирование в те годы не было связано с судьбой академика Н. И. Вавилова, хотя я был его учеником в Московском сельскохозяйственном институте (ТСХА), а затем мы стали близкими товарищами и друзьями по научной работе, часто встречались на научных конференциях, совещаниях и др. Вот и все, что мог ответить на Ваши вопросы. Могу к этому прибавить, что на старости лет судьба дарит мне сравнительное здоровье и долголетие, позволяющие мне продолжить работу по подготовке ученых агрономов и молодых ученых – кандидатов с/х наук. На днях в Москве в «Агропромиздате» вышло из печати второе издание моей монографии «Борьба с засухой и урожай» объемом 19,3 авт. листа.

С приветом и наилучшими пожеланиями
профессор *К. Шульмейстер*
9 апреля 1988 г., Волгоград

Уважаемый Александр Григорьевич!

Посылаю Вам газету «Волгоградская правда» от 7 ноября с/г. В ней, как видите, опубликована статья журналиста о моей судьбе как научно-педагогического работника, безвинно репрессированного Сталиным, отбывавшего незаслуженное наказание в Магаданской области и принимавшего деятельное участие в развитии местного хозяйства. Все факты, опубликованные в статье, относятся к судьбе многих и многих тысяч научных работников и специалистов, безвинно репрессированных в страшные годы культа Сталина в стране. Поэтому думаю, что она представляет интерес для краеведческого музея как исторический документ о положительной роли репрессированных ученых и специалистов в развитии производительных сил Магаданской области. Пусть наши потомки знают и помнят об этом событии в истории нашего государства. Конечно, о приобщении названной газетной статьи к фонду Вашего музея могут быть разные суждения, поэтому решайте этот вопрос по своему усмотрению. При отрицательном его решении пусть эта статья остается лично у Вас в качестве моей визитной карточки по случаю нашего приятного знакомства.

С приветом профессор *К. Шульмейстер*
г. Волгоград, 26 ноября 1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Получил Ваше письмо с вырезками из газет. Спасибо за добрую память и добрые слова в мой адрес в Вашей газете. Отправляю Вашему музею второе издание моей книги «Борьба с засухой и урожай», вышедшей из печати в прошлом году, и на которой я сделал дарственную надпись: «Магаданскому областному краеведческому музею на добрую память о тружениках-первопроходцах в развитии земледелия на суровой Колыме и на память о безвинно осужденных жертвах массовых сталинских репрессий, скорбный труд которых на колымской земле пришлось разделить автору книги сей в 1938–1956 гг.

С товарищеским приветом профессор *К. Шульмейстер*
г. Волгоград, 18 января 1989 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

Взаимно и горячо поздравляю Вас с Днем Победы! Желаю Вам всего, всего хорошего в работе и личной жизни! На 95-ом году стал прибалывать, недавно месяц пролежал в больнице с остеохондрозом. Стало лучше, но последствия остались: онемели пальцы на руках. Однако продолжаю работать в институте с аспирантами.

Всего Вам доброго! *К. Шульмейстер*
07.05.1990 г.

С.-Петербург, 8.07.2004.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Пишет Вам дочь Константина Георгиевича Шульмейстера. Меня звать Маргарита Константиновна. Мой незабываемый отец умер 7 января (в день Рождества Христова) 1996 года. Умер за письменным столом – дописывал (и дописал) очередной отзыв на докторскую диссертацию. На этой защите папа должен был быть официальным оппонентом. До последнего момента своей жизни был здоров, полон творческих планов. Успел только мне сказать: что-то мне не очень хорошо. Это были его последние слова. И так с ручкой в руке он и скончался. Было ему 100 лет 8 месяцев. Последние 25 лет мы с ним жили одни. Мой муж умер еще в ссылке и похоронен в Красноярске; моя мама умерла уже в Волгограде в 1967 г.; мой единственный сын поступил в 1970 г. в Ленинградский университет и после его окончания остался работать в Ленинграде. Таким образом, после папиной смерти я осталась в Волгограде совершенно одна и в конце 1997 г. переехала тоже в С.-Петербург... На днях я уезжаю, вернусь в конце августа. Пишите. В середине сентября в Волгограде будет отмечаться 60-летие СХИ. Я планирую поехать на эти торжества. Все-таки папа проработал там 36 лет. Почти все теперешние профессора – это его бывшие студенты и аспиранты.

Будьте здоровы. С уважением М. Шульмейстер

Уважаемый тов. Козлов!

В газете «Магаданская правда» за 16 января 1990 г. Вы в своей статье пишете о А. И. Торбицком, что он ныне проживает в Крыму. Убедительно прошу Вас не отказать в любезности: если Вы знаете почтовый адрес т. Торбицкого, сообщите мне.

Заранее благодарен

Борис Алексеевич Кривошеев*

23.02.1990 г.

Многоуважаемый Александр Григорьевич!

Ваше письмо с адресом Торбицкого А. И. получил, за что большое спасибо. Я написал недавно письмо Торбицкому и вчера получил от него письмо. Я не ошибся в самом запросе. Он тот самый Торбицкий, с которым я учился в V русской трудовой школе в 1922–27 гг. в г. Каменец-Подольске, за что мы вдвоем благодарим Вас, что судьба свела нас вместе, и теперь я к нему поеду повидаться после 63 лет разлуки. Сам я имею отношение к Магадану, где работал с 1954 по 1960 год главным инженером пивзавода. Являюсь также и инженером проекта выстроенного в те годы нового пивзавода в г. Магадане.

С приветом Б. Кривошеев

05.04.1990 г.

24.V-91 г. Ташкент

Уважаемый Александр Григорьевич!

Спасибо Вам за присланные документы, а главное – за книгу о Колыме. Читаю и думаю как о покинутой второй Родине – страдальце человечества нашего печального века. О, если бы эти люди прибыли в этот чудесный край без конвоя, но, к сожалению, история складывается не только из добрых и просвещенных людей. Посылаю Вам свои воспоминания. Возможно, Вы их напечатаете, и если часть моих биографических строк и страданий за 21 год моей жизни тронет сердца молодых, воскресит покаяние, то, значит, не все перечеркнуто из ошибок нашей истории. Я считаю, что нужно печатать как можно больше и не очерки журналистов, а материалы свидетелей. В общем, вручаю Вам свои воспоминания, поступайте с ними как лучше. Родилась я 7 сентября (26 августа) 1908 г. в г. Кизил-Арвате (Туркмения). Отец мой Иван Александрович Батанов работал бригадиром котельного цеха в железнодорожных мастерских. Мать не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Я в 1916 г. поступила в железнодорожную школу, где проучилась до 1918 г. В гражданскую войну, которая захватила и наш маленький город, школы были закрыты. В 1920 г. отец был переведен в Ташкент на работу в котельный цех Красновосточных железнодорожных мастерских помощником мастера, где проработал до пенсии. С 1920 г. я училась в средней школе, которую окончила в 1927 году. После окончания школы поступила в музыкальный техникум в класс по вокалу. Через два года я заболела и, потеряв голос, ушла. В 1929 г. поступила в Среднеазиатский плановый институт. В 1933 г. закончила теоретический курс и была направлена в г. Фрунзе (Киргизия) на работу в нархозучет Госплана СССР.

*Б. А. Кривошеев тогда проживал в г. Краснодаре.

Начальником был Чаусовский Юрий Львович. В 1934 г. я приехала на защиту диплома в Ташкент. После получения диплома уехала в Ярославль, где работал высланный из Фрунзе Чаусовский, и вышла за него замуж. В 1935 г. Ю. Л. Чаусовский был арестован. Я возвратилась в Ташкент и поступила на работу в нархозучет Госплана УзССР. Связь с мужем была потеряна, на мой запрос ответа не было. В 1937 г. я была арестована. После следствия и тюрьмы была переведена в лагерь, который находился в Ташкентской области. Период от тюрьмы до этапа на Север был тяжелым. В Занги-Ата (так называлось место) все «политические» жили вместе со всеми переступившими законы общества – убийцами, малолетними нарушителями, проститутками, среди которых были несовершеннолетние... В начале июня нас всех отправили на пересылку в Ташкент. Поскольку готовили к этапу на Север, то по приезду нам решили устроить баню. Когда мы зашли в раздевалку, то увидели в окне совсем неожиданное. Армянин с округленными габаритами и сладострастной физиономией сытого животного наблюдал, как женщины сбрасывали с себя одежду и отдавали ему на хранение. Когда женщины вошли в банное отделение, приняв первое приобщение к унижению, явился молодой иранец (на такую работу всегда использовали восточных людей) с бритвой и какой-то жидкостью. Вот тут нам помогли «девушки» из своего мира, более искушенные в таких ситуациях. Они сразу поняли, для чего явился этот человек и что собирается делать. В одно мгновение он был окружен ими и с криком изощренных ругательств был выброшен далеко от входа в баню. Но недолго мы находились в покое. В раздевалке поднялся мужской крик. Распахнулась дверь, и появилась целая группа заключенных парней, которые бросились на женщин. Крик слышали. Все остальное трудно вспоминать. Подоспевшие дежурные собирали нас на дворе на глазах сотни людей. Здесь впервые до моего сознания дошло, где я живу и кто меня окружает... Перед отъездом устроили проверку и учет всех на открытом поле в окружении караула. Под палящим солнцем мы простояли семь-восемь часов. Слабые падали, но их подбিরали стоящие рядом. А потом – этап. Не всегда мы знали, где нас высаживали, держали день, два, а потом опять этап. Помню только Читу, где нас мыли в бане, и окончательную остановку перед уходом в море, Владивосток. Не помню, сколько дней мы просидели на нарах в этом городе, только были довольны, что нас везут дальше и, может быть, это только временные страдания, дальше будет что-то постоянное и лучше... Когда мы взойшли на судно, то увидели, что весь верх (палуба) был уставлен тракторами и другими сельхозмашинами. Нас провели мимо плотно укомплектованных машин и стали спускать в трюм. Сначала нас охватила темнота, мы стали спотыкаться, ища опоры. Затем стали различать предметы, лежавшие в беспорядке на дне этого подвала. Ими оказались ящики небольших размеров, небрежно брошенные на мокрый пол. Нас усадили на эти ящики, и мы на них ехали до самой бухты Нагаева, не зная, что такое постель, стол и сухие ноги. Не помню, сколько раз нам приносили чайник кипятка и сильно заплесневелые сухари очень неоднородной формы. Это были явно остатки, собранные со стола команды. Когда в одну из ночей к нам приближался японский пароход (слышна была речь), нас предупредили о молчании. Спасла чудесная погода и наше не такое долгое, как мы думали, плавание. В Магадане были недолго. В 1937 г. на Колыме женщин было мало, а поэтому торопились отправить на трассу, где особенно нужен был женский труд. В начале августа 37-го нас 15 человек «политических» привезли на КОС – Колымскую опытную станцию... После всего пережитого КОС казалась раем. Нас окружили интеллигентные люди – вольные специалисты и заключенные, которые работали до нашего приезда. Женщин распределили по участкам. Начальником станции был Александр Александрович Тамарин. Помощником его – Манушак Семеновна, фамилию ее я уже не помню. Этот чудесный культурный человек своим теплым человеческим отношением облегчал нашу участь и вселял оптимизм. Он не боялся близости с нами и всегда появлялся в хорошем расположении к нам. Позже я узнала более подробно о нем от его дочери, с которой я переписываюсь. Мы даже не знали, как он и Манушак Семеновна куда-то исчезли и когда. После их исчезновения и ареста директора Дальстроя Берзина отношение к заключенным очень изменилось... Прибыл этап с девушками и парнями, которые по-своему стали наводить порядок в быту. Их стали размещать вместе с «политическими» во вновь построенный дом... Бытовки держали себя как хозяева положения и, когда им что-нибудь не нравилось, кричали: «Молчи, контра!». Все сведения о нас начальство в основном получало от них. Летом я работала на картофельном поле у научного сотрудника Кириевского Федора Андреевича, а зимой на повале леса. Нормы были жесткие – 12 кубометров при 2,5-метровой длине в день. Работали по двое, трудились не разгибаясь... А потом случилось наводнение, которое изменило все. Девять дней вся постройка станции и урожай были под водой... Вода доходила до слухового окна второго этажа, где мы жили. Зрелище было страшное – плыли лошади, части от самолета, коробки с товарами из магазинов... Во время наводнения с территории станции исчез барак, в котором мы жили по прибытии. Только после некоторого времени его обнаружили в тайге запутанным в лиственницах... Нас вывозили на катерах на сопки, где мы прожили до конца наводнения. А потом началась каторжная работа по спасению опытного урожая и электростанции, которая снабжала все прииски электроэнергией... Вскоре КОС перевели в совхоз «Эльген». Нас, занятых на опытных полях, перебросили вместе с переездом станции. Вместе со мной жила Люся Джапаридзе. Как-то я ей рассказала, что в девять лет видела ее папу, когда жила в Кизил-Арвате. Всех 26 бакинских комиссаров везли в товарных вагонах в Ашхабад. Многие знали, что их будут провозить, и толпились на вокзале. Я с семьей жила рядом с вокзалом и тоже включилась в толпу зевак. Поезд остановился, и дверь с заключенными открыли. Люди стали им бросать продукты. Тогда я не знала, кто был кто. Я видела на переднем плане стоящих двоих: армянина и грузина. По описанию это были Шаумян и Джапаридзе. Это как-то меня с Люсей сблизило, и, когда я освобождалась, она на прощальном вечере танцевала грузинский танец с распушенными волосами. 24 января 1941 г. меня освободили. Проработала два месяца на Эльгене, а потом по приглашению переехала в Магадан. До отъезда на «материк» работала в конторе оборудования бухгалтером-активировщиком. По разрешению начальника Дальстроя Никишова в ноябре 1942 г. выехала в Среднюю Азию по указанному в пропуске месту жительства... После войны снова начались аресты людей, отбывших срок. Я избежала этого, выйдя замуж за Трудлера Михаила Львовича, изменив фамилию и уехав с ним в Якутск. В 1958 г. после длительных хлопот мужа мне наконец-то прислали документ о моей реабилитации...

Батанова-Трудлер Наталья Ивановна

Уважаемый Александр Григорьевич!

...Хочу быть правильно понятым. Ведь многое, что сейчас расценивается как подвиг, для нас в те далекие годы считалось обыденным, и никто не пытался изобразить себя героем, с какими бы трудностями он ни сталкивался. Ведь Колыма в первые годы освоения требовала от каждого из нас стойкости, мужества и полной самоотдачи порученному делу. Этим требованиям отвечал каждый из нас без всякого бахвальства. Таким был и Саша Кац. Единственное, что отличало его от нас, так это остроумие. Пример же стойкости, мужества и самоотверженности показывал первый директор Дальстроя Эдуард Петрович Берзин. У него все мы учились настоящей работе. В 1932–33 годах всю нашу первую группу разбросали по разным регионам Колымы: меня – в Тауйский сельхозкомбинат (Балаганное), затем – Зырянка, Сеймчан, Утинка. Поэтому трудно, тем паче через 50 лет, вспомнить и что-либо достоверно сообщить о многих своих друзьях по работе. Единственное могу подтвердить, что Кац действительно был директором совхоза «Дукча». Его работой руководство Дальстроя было довольны. Кац немало вложил труда в освоение сельского хозяйства Колымы...

С глубоким уважением *Марто Давыдович Гамзаев*
06.01.1998 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Большое спасибо Вам за газетные материалы, которыми Вы нас одариваете. Мы не перестаем удивляться и восхищаться работой Вашего музея, так кропотливо, документально, а главное, правдиво он отображает историю освоения Колымы и ее людей. Однако как бы ни описывался образ директора Дальстроя Эдуарда Петровича Берзина, невозможно во всей полноте рассказать о нем. Наше личное общение и долготелая работа под его руководством многократно весомее документов, которыми Вы располагаете. Вряд ли мы, первопроходцы, в состоянии подобрать слова, полностью отражающие личность Э. П. Берзина. Это был безгранично дорогой и любимый для нас человек, наш учитель и воспитатель... Нас очень огорчают отдельные публикации в журналах «Огонек», «Новый мир», «Юность» и др., авторы которых предвзято, неправдиво и тенденциозно отражают периоды освоения Колымы тридцатых годов. Единственное, что нас радует, это Ваша кропотливая работа... Она правдиво отражает работу первопроходцев под руководством Эдуарда Петровича Берзина...

С глубоким уважением *Мария Сергеевна и*
Марто Давыдович Гамзаевы
27 октября 1988 г., г. Москва

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Получили Ваше письмо от 11 ноября и спешим ответить на Ваши вопросы: 1) Мы вместе с Б. И. Мовсисяном* и Э. П. Берзиным приехали на Колыму в октябре 1932 г. п/х «Свердловск». 2) Как нам известно, Б. И. Мовсисян работал с Э. П. Берзиным на строительстве Вишерского комбината. 3) В Балаганное для организации Тауйского с/х комбината я вместе с Мовсисяном и Хачиевым Нарсесом Сергеевичем прибыл в 1932 г., Мария Сергеевна – в 1933 г. 4) Балаганное к нашему приезду представляло поселение из нескольких семей. Тауйский сельхозкомбинат был организован на голом месте. Осваивали земли, строили животноводческие помещения, жилье, дорогу на Талон, занимались рыбным промыслом, начиная от Армани до устья реки Тауй. Заведовал рыбным отделом заключенный Паремужов. 5) Талон начали осваивать со второй половины 1933 года. 6) Я и Нарсес Сергеевич Хачиев являлись двоюродными братьями Бениамина Исаевича Мовсисяна. 7) В мае 1936 г. Б. И. был назначен начальником Колымского речного управления Дальстроя. С ним поехали я, Мария Сергеевна и Нарсес Сергеевич. 8) 17 августа 1937 г. Б. И. и нам был предоставлен отпуск. Однако по прибытии в Магадан отпуск мне был отменен, и я был назначен директором совхоза «Сеймчан», и мы с М. С. были вынуждены поехать в Сеймчан, а Б. И. с семьей и Хачиев Н. С. выехали на материк (в Москву). Так мы в конце августа 1937 г. навсегда расстались с Б. И. 9) Когда Б. И. выехал на материк, то его потом арестовали на материке. О том, что его привезли в Магадан и допрашивал его Абрамович Н. С., нам ничего неизвестно. Что касается Абрамовича, можем лишь сообщить, что он был принят на работу в Дальстрой Бениамином Исаевичем для работы в Тауйском с/х комбинате в должности заведующего базой (материальным складом). Затем Б. И. рекомендовал его для работы в органы НКВД. О том, что Абрамович оказался одним из активных участников извращенных методов следствия и фабрикация несуществующей организации на Колыме, мы узнали только после ареста Э. П. Берзина. 10) Я был арестован в мае 1938 г. и находился под следствием 18 месяцев. Арестован был в совхозе «Сеймчан» и пошел по групповому делу с обвинением по статье 58 УК РСФСР, а со мною пошли еще десять человек из того же Колымского речного управления Дальстроя. 5, 6 и 9 ноября 1939 г. в Магадане состоялось заседание Военного Трибунала 1-й Отдельной Краснознаменной армии. В копии протокола, который я сохранил, говорится: «Рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению граждан: 1) бывшего начальника отдела эксплуатации речного флота Дальстроя Эдигей Сергея Сергеевича, 1905 г. рождения, черкеса,

*Мовсисян Бениамин Исаевич.

уроженца аула Тахтамукай Адыгейской Автономной области, члена ВКП(б) с 1931 г., исключенного в связи с настоящим делом, со средним образованием, по соприкосновению служащего, женатого, не судимого; 2) бывшего экономиста планового отдела речного флота Дальстроя Грибова Петра Кузьмича 1893 г. рождения, русского, уроженца г. Москвы, беспартийного, с высшим образованием, служащего, служившего в армии Колчака с июня 1918 г. по февраль 1920 г. в чине подпоручика, женатого, не судимого; 3) бывшего инженера-строителя Колымского речного управления Дальстроя Писякова Георгия Борисовича, 1897 г. рождения, русского, уроженца г. Ейска, беспартийного, с высшим образованием, служившего в армии Деникина с мая 1918 г. по 1920 г., находившегося в эмиграции с 1920 по 1923 г., разведенного, не судимого; 4) бывшего начальника планово-экономического отдела речного флота Дальстроя Фигина Николая Гавриловича, 1903 г. рождения, русского, уроженца г. Лыского Горьковской области, члена ВКП(б) с 1925 г., исключенного в связи с настоящим делом, с высшим образованием, служащего, женатого, не судимого; 5) бывшего главного бухгалтера речного управления Дальстроя Барболина Андрея Артемьевича, 1890 г. рождения, русского, уроженца деревни Ядрышкино Челябинской области, беспартийного, с низшим образованием, служащего, женатого, не судимого; 6) бывшего начальника движения Колымского речного управления Дальстроя Мушников Степана Яковлевича, 1883 г. рождения, русского, уроженца села Безводного Горьковской области, беспартийного, с низшим образованием, холостого, судимого Тройкой ОГПУ в 1930 г. и приговоренного к 5 годам л/свободы, наказание отбывшего; 7) бывшего экономиста планового экономического отдела речного флота Дальстроя Гурского Александра Александровича, 1894 г. рождения, русского, уроженца г. Кургана, со средним образованием, служащего, беспартийного, разведенного, служившего в армии Колчака с 1918 г. по 1920 г. в чине подпоручика и в РККА с 1921 по 1926 г., судимого в 1931 г. Тройкой ОГПУ по ст. 58-7 УК РСФСР и приговоренного к 10 годам л/свободы, наказание отбывшего; 8) бывшего начальника материально-хозяйственного отдела речного флота Бржевского Якова Львовича, 1891 г. рождения, по национальности еврея, уроженца г. Тулы, со средним образованием, служащего, женатого, не судимого; 9) бывшего управляющего совхозом «Семчан» речного управления Дальстроя Гамзаева Марто Давыдовича, 1912 г. рождения, по национальности армянина, уроженца г. Шуша, члена ВЛКСМ, исключенного в связи с настоящим делом, со средним образованием, служащего, женатого, не судимого; 10) бывшего агронома Колымского речного управления Дальстроя Зарину Алиду Мартыновну, 1900 г. рождения, по национальности латышка, уроженка г. Венден, в СССР проживает с 1918 г., члена ВКП(б), с 1918 г., исключенная в связи с настоящим делом, с высшим образованием, служащую, замужнюю, не судимую; и 11) бывшего начальника Верхнего Плеса речного флота Дальстроя Цеханского Рувима Семеновича, 1905 г. рождения, по национальности еврея, уроженца села Чевянка Красноярского края, члена ВКП(б), исключенного в связи с настоящим делом, со средним образованием, женатого, не судимого – всех в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1а, 58-7 и 58-11 УК РСФСР, и, кроме того, Грибова Петра Кузьмича в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-13 УК РСФСР, – **нашел установленным:** Предъявленное обвинение Цеханскому, Гамзаеву, Зариной, Эдигей, Фигину, Мушникову, Бржевскому, Гурскому, Писякову и Барболину по ст. ст. 58-1 а, 58-7, 58-11 УК РСФСР считать недоказанным, а посему Военный Трибунал ПРИГОВОРИЛ: Грибова Петра Кузьмича по совокупности совершенных им преступлений на основании ст. 58-1а УК РСФСР лишить свободы на десять лет с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях. Эдигей Сергея Сергеевича, Писякова Георгия Борисовича, Фигина Николая Гавриловича, Барболина Андрея Артемьевича, Мушников Степана Яковлевича, Гурского Александра Александровича, Гамзаева Марто Давыдовича, Зарину Алиду Мартыновну, Бржевского Якова Львовича и Цеханского Рувима Семеновича по суду считать оправданными. Грибова по ст. ст. 58-7 и 58-13 УК РСФСР по суду считать оправданным. Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную коллегию Верх. Суда СССР в течение 72 часов с момента вручения копии приговоров осужденным через Военный Трибунал 1-й Отдельной Краснознаменной Армии...»

Мария Сергеевна и Марто Давыдович Гамзаевы
17.11.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Не удивляйтесь тому, что Марто Давыдович Вам не пишет. С 4 декабря он лежит в больнице с обширным инфарктом, воспалением легких... Сидеть и стоять он не может. Мы с дочерью дежуриим около него круглые сутки. Только начинает есть, двигать руками и говорить. Вот такая у нас случилась беда. Я думаю, как только он выкарабкается из своего состояния, он обязательно напишет.

С приветом *Мария Сергеевна Гамзаева*
29.01.1989 г., г. Москва

28 января 1988 г., г. Москва

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Я буду очень рад, если помогу Вам в Ваших поисках и делах. Сам я выходец из спорта. Спорт воспитал меня, дал великолепную закуску. В Колымском крае, в бухте Нагаева и Магадане, прошло все мое детство. Я никогда не забуду этот край, речушку Магаданку, где я начинал играть в русский хоккей (хоккей с мячом) на самодельных деревянных коньках! У меня сохранилось очень много фотографий, медалей, кубков, сувениров, значков, оставшихся от того времени, когда я выступал в большом спорте, играл за московское «Динамо» и сборную СССР, защищал ее честь на чемпионате мира. Вам, вероятно, будет интересно получить их для Вашего музея, что я в скором времени и

сделаю. А пока, уважаемый Александр Григорьевич, передайте, пожалуйста, большой привет, всех благ и здоровья Павлику Спиркову (с ним я дружил и играл в Магадане в 30–40-х годах) и всем остальным моим товарищам по Магаданской школе № 1...

С большим приветом и уважением к Вам *Борис Петелин*

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Вы спрашиваете, знал ли я Эдуарда Петровича Берзина. Я, конечно, много о нем слышал, причем слышал очень часто, ибо это имя постоянно звучало на Колыме, оно было широко известно. Однако с Э. П. Берзиным я не встречался, только лишь учился в Магаданской школе и занимался спортом, особенно русским хоккеем. Очень хорошо знала Эдуарда Петровича моя мама, Алина Самсоновна...

С уважением к Вам *Б. Петелин*
20.03.1988 г.

2 июня 1988 г., г. Москва

Уважаемый Александр Григорьевич!

29 мая ко мне приезжал из Магадана Валерий Владимирович Мищенко. Я с ним познакомился. Он целый день провел у меня за беседой. Я ему передал для Вашего музея спортивные медали и вымпела, полученные мною в 1950-е гг. Все остальное я до этого передал в Магаданский Дом пионеров...

С уважением к Вам *Борис Петелин*

22 июня 1988 г., г. Москва

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

У меня все хорошо. Каждый день нахожусь на стадионе «Динамо», провожу соревнования по футболу... Вы просите, чтобы я Вам написал, где моя мама работала в 37–38 годах. Она практически в это время была арестована и находилась в тюрьме, называемой «Дом Васькова». Пробыла она в ней, к счастью, недолго и была освобождена, но помнила об этом всю жизнь. Мама работала заместителем главного врача по хозяйственной линии в Магаданской больнице, позднее – директором Магаданского пивзавода. В Москве она руководила одним из домоуправлений, была депутатом райсовета...

С искренним приветом *Борис Алексеевич*

9 сентября 1988 г. г. Москва

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Вы пишете мне про заметку, которую Вы недавно отыскиали в газете за 1942 год. Да, было такое время, когда нам всем троим, братьям Дмитрию, Павлику и мне, пришлось защищать свое отечество от фашистов. Мы это делали с честью. Дмитрий Алексеевич Петелин, 1918 года рождения, не дожидаясь Победы. Мама рассказывала, что ей еще во время войны по адресу Хабаровский край, г. Магадан, ул. Сталина, 6, кв. 10 пришло извещение-похоронка. В похоронке говорилось, что Дмитрий погиб в бою за социалистическую Родину 24 августа 1943 года около деревни Дерюгино Комарийского района Орловской области. Мы же с Павликом остались живы. Сейчас Павел Алексеевич, как и я, на заслуженном отдыхе, также живет в Москве...

С уважением *Петелин Борис Алексеевич*

1 октября 1988 г., г. Москва

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

...Вы просите, чтобы я прислал Вам фотографию моего брата Дмитрия Алексеевича, который погиб 24 августа 1943 года на Курской дуге. Сделать это у меня нет никакой возможности. К весьма глубокому сожалению, фотографий Дмитрия у нас у всех вообще не сохранилось. Дело в том, что он с самого детства не любил

фотографироваться, всячески избегал этого. Поэтому хотя бы одной фотокарточки нет ни у меня, ни у брата Павла. Извините. Я был бы очень рад, но ничем в этом смысле помочь не могу...

Большой привет Павлу Спиркову, Римме и Лёне Лысенко!

С дружеским приветом *Борис Алексеевич*

Уважаемый Александр Григорьевич!

Долго не могла Вам ответить, ибо так складывались домашние обстоятельства, а потом сломала кисть правой руки и была в гипсе. Теперь все в порядке, гипс снят. Благодаря сыну наших близких друзей еще из Магадана, а ныне уже ушедших из жизни, Бандемер Юрию Натанислиевичу, который виделся с Вами, я от него (и от Вас) имела вырезку из газеты «Магаданская правда» с описанием концерта в честь приезда вице-президента США на Колыму в 1944 году и даже Вашу книгу «Магадан. Конспект прошлого», где упомянуты многие и многие, с которыми я была или работала в Магадане. Многих уже нет, с некоторыми встречаюсь или переписываюсь. Например, Андреев Игорь Алексеевич, наш очень способный балетмейстер и прекрасный танцор. Он, как и я, также танцевал в Большом театре, а в театре в Магадане был основным моим партнером. Несколько лет о нем уже не знаю, а жил он в Киеве, хоть и коренной москвич. Затем в театре появился, после отъезда Андреева, Шульгин Анатолий Гаврилович, также из балета Большого театра. Его уже нет в живых. По программам не путайте его с Виктором Шульгиным, работавшим драматическим артистом по вольному найму. Его частенько видели и видят в кино и по телевидению в ролях работников ГПУ и всяких ответственных работников... Сама я, по известным Вам обстоятельствам, много лет работала в Большом театре и в театре Магадана, где, не имея балетной обуви, естественно, потеряла квалификацию, да и рождение двух дочерей повредило профессии. Поэтому, в 1947 г. переехав в Ленинград (родной город мужа), а затем в Москву, я занялась педагогической деятельностью. В Москве у меня была очень сильная классическая студия. Многие из моих учеников работают в профессиональных театрах и коллективах. Выступая в Магадане во время войны, я играла вместе с труппой музыкальной комедии с Украины, которая тогда не могла вернуться на родину. В программе спектакля «Запорожец за Дунаем», которую высылаю Вам, отчеркнуто то действие, что было включено в концерт, показанный американскому гостю в 1944 г. Было, конечно, и многое другое... Приветствую Вашу благородную и милосердную работу. Желаю Вам больших успехов!

Н. А. Гамильтон

31.05.1990 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Высылаю Вам еще все оставшиеся у меня программы спектаклей Магаданского театра. Если окажутся повторы, то пришлите их, пожалуйста, обратно. Из тех программ, которых у Вас нет, оригиналы оставьте музею, а мне верните ксерокопии с них. Думаю, что Вам более интересны подлинники... Обо многих людях и артистах могла бы сообщить Вам всякие факты из нашей совместной с ними жизни. Недавно нашла листочек с шутивными стихами, адресованными мне. Их написала Негина, когда мы работали вместе с ней в Доме пионеров Магадана... Пишите о том, что Вас интересует. Нас уже не так много осталось.

С уважением *Н. Гамильтон*.

19 августа 1990 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Получила оба Ваших письма. За возвращенные программы спектаклей и вырезки Ваших статей из «Магаданской правды» – благодарю. Теперь не всегда у меня есть время и силы писать. Часами стою в очередях, так как вечером, идя с работы, мои родные и близкие уже почти ничего не могут купить. А у нас в семье трое мужчин, не считая меня и дочь. Спасибо, очень выручают в данной ситуации еженедельные заказы, которые получаю от «Мемориала». Правда, они становятся все скуднее и скуднее, да и домашних дел полно. Все же иногда выбираюсь на выставки, на хореографические концерты, иногда – в кино. Выписываю много газет и журнал «Балет», но читать совершенно не успеваю. Образовались целые завалы... Интересно, говорили ли Вы раньше обо мне, да и о других артистах с ныне покойной Инной Борисовной Дементьевой? Мы с ней раньше тесно общались. Варпаховская-Зискинд, с которой я также общаюсь, много и очень скверно говорила о Козине. Я лично его там (в Магадане) не встречала.

Желаю Вам всего хорошего. С уважением *Н. Гамильтон*

21.01.1991 г.

Здравствуй, уважаемый Александр Григорьевич!

Все копии фотографий получила. С интересом прочитала и Вашу статью о В. Португалове. В концертной бригаде, которой руководил Валя Португалов, была и я. Он был по своей сущности в высшей степени интеллигентным человеком, мягким, спокойным в обращении, хоть администраторскими способностями не обладал. О ролях Португалова в театре сказать особо ничего не могу. На мой взгляд, он был вполне рядовым актером, а вот поэтический дар у него был. Мы все были ошеломлены его повторным арестом. Здесь явно не обошлось без чьей-то «помощи» изнутри. Так же, как говорят, что во втором аресте Варпаховского «сыграл» свою «роль» В. Козин. Как-то, уже живя в Москве, в Доме культуры закрытого предприятия, где я работала, уходя домой, в вестибюле я столкнулась с Валей Португаловым. Оказалось, что он приехал с писательской группой на выступление. Мы очень тепло встретились, но времени поговорить не оказалось... И вот еще. Просмотрела Вашу книжицу о здравоохранении на Колыме. Многие фамилии из нее мне знакомы, а вот с Н. Г. Бабиной я работала, как и с А. А. Поповым, в санчасти ВОХР, где она заведовала, а он был врачом. Это было в году 40–41-м, когда я еще содержалась в женском ОЛПе. Вначале Нина Гавриловна относилась ко мне очень враждебно, считала, что артистка балета не может хорошо работать санитаркой. Но затем, естественно, убедившись в моей качественной, ничем не пренебрегавшей работе, она воспылала ко мне очень хорошим отношением.

С уважением *Н. Гамильтон*
10.03.1991 г.

Москва, 16 мая 1990 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Спасибо большое за поздравление с Днем Победы и простите меня за задержку с ответом на Ваше основное письмо. Сообщаю Вам некоторые данные о себе и своих близких. Прежде всего то, что я проработала в системе Дальстроя с сентября 1939 г. до августа 1947 г. – почти 8 лет. В 1939 году мы приехали с моим мужем Подосеновым Петром Николаевичем (мне кажется, с отчеством В. Шаламов напутал) сразу после окончания нами институтов. Я окончила Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева, топливный факультет, Петя – химфак Уральского политехнического института. После окончания институтов мы поженились и заключили договор с Дальстроем.

Наша семейная фотография, которую я Вам высылаю, сделана перед отъездом из Москвы вместе с моим папой Зыбальовым Павлом Осиповичем, о котором пишет В. Шаламов. Действительно, еще девочкой я жила с родителями на Урале в Березниках, и там у меня умерла мама. Только про папу В. Шаламов подсочинил, что его ссылали. И в Березники он не был выслан. Тем более никого не ссылали в Донбасс в 50-е годы.

Еще на одной групповой фотографии, датированной весной 1940 г., сняты (справа налево) заведующий хим. лабораторией Дальстройугля Иван Митрофанович Турский, два наших инженера (фамилии забыла), жена И. М. Турского – наша лаборантка и я со своей собакой. Этот снимок сделан на берегу реки Аркагалы. Он интересен еще тем, что организатором Центральной угольной лабораторией был И. М. Турский, который туда приехал на 1,5–2 года раньше нас. Мы с мужем приехали в Дальстрой по приглашению И. М., знакомого мне по Москве.

Когда мы приехали на Аркагалу, я была 4-я женщина во всем поселке. Вольнонаемных было немного, а основную массу трудящихся составляли заключенные-мужчины. Насколько помню, лагерь был около 3 тысяч человек. Рассказ В. Шаламова в этой части в основном верен, если не считать уже отмеченного и того, что в конце 1940 г. мы с Петей уехали от настойчивых ухаживаний нового главного инженера. Мы перевелись в Берелех на автобазу № 5 УАТ. В Берелехе в 1941 г. мы с Петей разошлись, и я вышла замуж за москвича, работавшего по договору на нашей автобазе начальником ОТК, Петрова Бориса Николаевича. Здесь мы прожили до лета 1947 года. Я работала в основном инженером-конструктором технического отдела автобазы № 5. На Колыме, в Берелехе, у нас родились дети: сын и дочь. Когда сыну было больше года, Петя умер, попав в автомобильную аварию. До самой его смерти мы оставались хорошими друзьями.

Летом 1947 г. мы вернулись в Москву и живем здесь безвыездно. Здесь я поступила на работу в институт ВНИГИ Мингазтоппрома СССР. Из нашей лаборатории через год организовали институт ВНИИПодземгаз, а в 1963 г. его переименовали во ВНИИ Промгаз в связи с изменением тематики с угля на природный газ. Так что в одном коллективе я проработала с 1947 до 1976 года, когда я в 60 лет ушла на пенсию.

Во ВНИИПромгазе я была награждена значком «Отличник газовой промышленности». Здесь я в 1955 году поступила в аспирантуру, окончила ее и в 1960 г. защитила диссертацию на тему «Ангренские угли как сырье для подземной газификации», получив ученую степень кандидата технических наук и звание старшего научного сотрудника...

*Г. Зыбалова**

*Галина Павловна Зыбалова – одна из первых специалистов угольной отрасли Дальстроя.

Здравствуйте, Александр Григорьевич!

Сердечно благодарим за Ваши поздравления. Не задерживаю с ответом и отвечаю на Ваши вопросы: 1) Старшая сестра родилась где-то в 1890 г., а когда родители – не знаю; 2) Фамилия мамы: Беляева Александра Прокопьевна; 3) Отец, как и все, был охотником. Зимой он добывал пушнину, весной и летом охотился на морзвеля, летом ловил рыбу, заготавливал корм для ездовых собак и был хорошим каюром; 4) Мать всегда была в труде: выделывала шкуры, обшивала семью, работала на разделке рыбы, собирала ягоды; 5) В Ямской школе я училась, когда учителями были Котовщикова Александра Гавриловна и другие, кого уже не помню. Учились со мной: Данилов Антон, Мамин Вениамин, Кочерова Надежда, Михолапов Петр; 6) В Магаданском техникуме училась в 1938–1940 гг. На подготовительном курсе со мною учились из Ямска: Антон Данилов, Петр Михолапов, Семен Кабаков, Федор Соболев, а на старших курсах – Георгий Георгиевич Соболев, Анна Гавриловна Кочерова, Иван Иванович и Надежда Ивановна Токаревы, Акулина Ильинична Фролова, Андрей Андреевич Стабанский, Анна Павловна Широкова и ряд других из разных поселков; 7) Из своих магаданских учителей помню Клавдию Васильевну Быкову и Самуила Михайловича Гордель.

С уважением А. Егорова
22.12.1987 г.

Здравствуйте Уважаемый Александр Григорьевич!

В дополнение к тому, что я уже сообщила, хочу написать следующее. Родилась я 23 февраля 1925 года. По национальности – камчадалка (ныне – эвенка), училась в Ямской школе. В августе месяце 1938 года, после окончания 4-х классов, нас, 9 человек учеников, приняли в г. Магадане в техникум на подготовительный курс. Вскоре он стал называться горным, но в 1940 году был уже закрыт. После этого я вернулась в Ямск. С февраля 1941 г. работала секретарем Ямского сельсовета. 5 ноября 1941 г. вышла замуж и стала работать в Ямском интернате ночной воспитательницей. 6 октября 1942 г. у меня родилась дочь Людмила. Спустя месяц поступила на курсы медицинских сестер. Здесь меня вместе с Софьей Васильевной Даниловой и Анной Сергеевной Тишковой очень быстрыми темпами обучили врачи Бессмертнов и Цибулька. Потом я работала в Ямской больнице. 3 августа 1943 г. из Ямска призвали в армию 4-х человек: Семена Семеновича Кабакова, Вениамина Серапионовича Мамина, Василия Алексеевича Громова и моего мужа, Федора Георгиевича Соболева. Все они были отправлены на фронт...

Александра Ивановна Егорова
30.04.1990 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Рада, что Вам понравились присланные мною фотографии. Очень прошу Вас, если можно, прислать мне копию справки УВД Магаданского облисполкома, в которой говорится о сроке пребывания моего отца на Колыме в 1939 г. и о которой Вы пишете в своем письме. Буду Вам очень благодарна. Если я могу чем-нибудь помочь Вам и Вашему музею – пишите.

С наилучшими пожеланиями Наталья Сергеевна Королева
13.10.1989 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Спасибо за Ваше письмо. Я обязательно воспользуюсь Вашим советом и пошлю письмо в ИЦ УВД Магаданского облисполкома, но все-таки была бы Вам очень благодарна, если бы Вы могли выслать мне копию (фото или ксерокс) справки о пребывании моего отца на Колыме. Об этом периоде жизни моего отца будет подробно изложено все в журнале «Знамя» № 1 и № 2 Я. Головановым – главы из его новой книги. Я уже читала их, прочитайте и Вы. Напишите, что бы Вы хотели иметь в своем музее о моем отце. Может быть, прислать какие-нибудь фотографии, книги и т. д.? Было бы очень здорово, если бы Вы или какой-нибудь Ваш сотрудник приехал в Москву и посмотрел мой домашний музей*. Я бы сразу подобрала и экспонаты для Вас. Желаю Вам всего доброго.

Наталья Сергеевна Королева
03.12.1989 г.

*Вскоре после этого в гостях у хирурга, доктора медицинских наук, профессора Н. С. Королевой побывал старший научный сотрудник Магаданского областного краеведческого музея С. П. Ефимов и собрал необходимый материал.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Большое спасибо за ксерокопию справки, которую я у Вас просила. Теперь я официально знаю, что мой отец, Сергей Павлович Королев, с 21 июля по 23 декабря 1939 г. находился в заключении на территории Магаданской области, хотя и неизвестно, в каком именно лагерном пункте. Надеюсь это узнать из вполне компетентных источников. Еще раз приглашаю Вас в гости. Всего Вам хорошего.

С уважением *Наталья Сергеевна Королева*
27.12.1989 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Вскоре после Вашей ксерокопии я получила и ответ на свой запрос из ИЦ УВД Магаданского облисполкома. В нем от 24 января этого года (исходящий номер 13-18-90) говорится: «По имеющимся данным в УВД Магаданского облисполкома известно, что С. П. Королев приговорен Военной коллегией Верховного суда 27.09.38 г. к 10 годам лишения свободы и был осужден по ст. ст. 17-58-1, 58-7, 58-14 УК РСФСР». Но где же он все-таки отбывал свое заключение?...

С уважением *Наталья Сергеевна Королева*
20.02.1990 г.

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Теперь, когда я, наконец, знаю точно, когда мой отец был на Колыме, когда он находился на лагпункте «Мальдяк», где я побывала 13 августа 1991 г., то могу Вам сделать выписку из его заявления лагерных лет, которое это очень точно подтверждает. Пишу Вам самое главное: «Гор. Москва. Верховному прокурору Союза ССР.

От: Королева Сергея Павловича, 1906 г. рожд., приговоренного в г. Москве

27 сент. 1938 г. Военной коллег. Верхсуда СССР к 10 годам тюремного заключения, с поражен. прав на 5 лет и конфискац. личного имущества, по ст. 58-1 п.п. 7-11 и 17-8

Адрес: ДВК, Нагаево, Берелех. Лагпункт прииска Мальдяк.

ЗАЯВЛЕНИЕ

27 июня 1938 г. я был арестован в г. Москве 7-м отделом НКВД СССР. Мне были предъявлены обвинения по статье 58-й п.п. 7 и 11 УК в следующем:

1. В том, что якобы я состоял членом антисоветской контрреволюционной организации, работая в Научно-исследовательском институте № 3 б. НКОП в должности ст. инженера. В том, что якобы я проводил вредительство в области ракетной авиации, заключавшееся согласно обвинительного заключения в следующем:

2. Якобы мною производилась разработка экспериментальных ракет без должных расчетов, чертежей, исследований по теории ракетной техники.

3. Якобы мною неудачна была разработана опытная ракета № 217 с целью задержать остальные, более важные работы.

4. Якобы мною не была разработана система питания опытной ракеты № 212, что сорвало ее испытания.

5. Якобы мною разрабатывались ракетные двигатели, которые работали только 1–2 секунды (!?).

6. Якобы мною, совместно с инж. Глушко (арестован 23 марта 1938 г.), в 1935 году был разрушен ракетный самолет.

По существу этих обвинений могу сказать следующее:

I. Я неоднократно заявлял на следствии, писал наркому внутренних дел СССР и Верховному прокурору, а также категорически заявил на суде и заявляю еще раз сейчас, что я никогда, нигде и ни в какой антисоветской контрреволюционной организации не состоял и ничего об этом не знал и не слышал. Мне 32 года. Отца моего, учителя в гор. Житомире, я лишился 3-х лет от роду. Мать моя и сейчас учительница в Дзержинском районе г. Москвы. Я вырос при Советской власти и ею воспитан. Все, что я имел в жизни, мне дала партия Ленина – Сталина и Советская власть. Всегда, всюду и во всем я был предан генеральной линии партии, Советской власти и моей Советской Родине.

II. Я работал над исключительно важной для обороны СССР проблемой создания ракетной авиации. Это совершенно новая область техники, нигде еще не изученная. Нигде еще не был успешно осуществлен настоящий ракетный самолет, идея которого была дана К. Э. Циолковским в 1903 г. Но лишь при Советской власти эти работы получили практическое осуществление. За рубежом эти работы усиленно ведутся в секретном порядке вот уже 15–20 лет. Работать над ракетами практически я начал лишь с 1935 г. в НИИ № 3. Однако, несмотря на столь малый период работы, ее большую техническую важность и трудность, а также полную новизну дела и отсутствие какой-либо помощи и даже консультации, мною совместно с моими товарищами по работе были достигнуты положительные результаты. Был последовательно разработан и осуществлен целый ряд опытных ракет (№№ 48; 06; 216; 217; 212; 201/301). Были произведены, впервые в технике, сотни испытаний этих объектов

в лаборатории, на стендах и в полете. Параллельно с этой экспериментальной работой произведена большая научная работа по теории ракетной техники. Как завершение первого начального этапа нашей работы над ракетным полетом с 1935/36 г. были начаты работы над первым ракетным самолетом, который был закончен осенью 1937 года. В 1938 г. мною были успешно произведены его испытания в условиях стенда, и он готовился к полетам летом 1938 г., но в июне месяце я был арестован...

Предъявленные мне обвинения являются целиком и полностью ложными и вымышленными. Никогда я не состоял ни в какой антисоветской организации и никогда, нигде и никаким вредительством не занимался и ничего об этом не знал и не слышал. Я всегда был верен партии и Советской власти.

Я осужден на основании подлой клеветы со стороны ранее арестованных б. директора НИИ № 3 Клейменова, зам. дир. Лангемака и инж. Глушко, которые, как мне говорили на следствии и как упомянуто в обвинительном заключении, дали на меня показания. Несмотря на все мои просьбы и требования, эти «показания» мне не были показаны, а в очных ставках мне было отказано.

Следствие, проводившееся Быковым и Шестаковым, производилось очень пристрастно, и подписанные мною материалы были вынуждены у меня силой и являются целиком и полностью ложными, вымышленными моими следователями. Об этом я тогда писал начальнику VII отд. НКВД, на Ваше имя и наркому внутренних дел, а также заявил суду.

Уже после моего ареста, 20-го июля 1938 г., из НИИ № 3 был представлен в НКВД акт, несколько страниц которого, касающиеся меня, были мне показаны. Этот акт пытается опорочить мою работу. Однако заявляю Вам, что он является ложным и неправильным. Лица, его подписавшие, никогда не видели в действии объектов моей работы... Приводимые в акте «факты» вымышлены... Все мои попытки добиться фактических данных по предъявленным обвинениям... были безуспешны. Ни органы следствия, ни суд не пожелали разобраться в моем деле, проверить факты, документы и т. д. В результате я осужден, будучи совершенно невиновным ни в чем, а все мои заявления остаются без ответа.

Вот уже 15 месяцев, как я оторван от моей любимой работы, которая заполняла всю мою жизнь и была ее содержанием и целью. Я мечтал создать для СССР, впервые в технике, сверхскоростные ракетные самолеты, являющиеся сейчас мощнейшим оружием и средством обороны.

Прошу Вас пересмотреть мое дело и снять с меня тяжелые обвинения, в которых я совершенно не виноват. Прошу Вас дать мне возможность снова продолжать мои работы над ракетными самолетами для укрепления обороноспособности СССР.

15 октября 1939 г. С. Королев.

На этом, Александр Григорьевич, и все. Полностью ксерокопию этого письма отца Вы получите потом.

С уважением Наталья Сергеевна Королева

16.08.1993 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Ваше письмо для меня было неожиданностью. Прямо скажу – приятной неожиданностью, ведь не все же сегодня вспоминают нас, ветеранов северной авиации, которой я отдал почти четверть века. Так как Вы просите рассказать о себе, то вкратце пишу, что родился я в 1913 году в городе Николаевске на Украине. В 17 лет я окончил ФЗУ и стал работать слесарем на судостроительном заводе. В 1933 г. меня направили по комсомольской путевке в школу морских летчиков. Окончив ее, я два года работал инструктором летного дела. С 1938 г. – на Колыме. В авиаотряде Дальстроя летал на многих самолетах, сдружился со многими летчиками, но особенно хорошо помню Александра Чернова, Николая Жаркова и Александра Фастрицкого. Летать приходилось в трудных условиях, и я постоянно старался быть в форме, занимался спортом, закалялся. На Колыме вступил в партию, выполнял любые задания. Помню полеты в Северо-Эвенский район, когда затем в апреле 1941 г. в моей трудовой книжке появилась запись о благодарности «за успешное выполнение срочных заданий по перевозке в район эпидемии медицинских работников, медикаментов и витаминизированных продуктов». После этого я выехал в отпуск на «материк», а здесь началась война. Я тут же пошел в военкомат, но меня не призвали в армию, наложили «бронь», и пришлось вновь возвращаться в Магадан. <...> Мне разрешалось «совершать полеты на самолетах всех классов с пассажирами, грузом, почтой в любых условиях погоды, днем и ночью». Да, это было великое время. В январе 1943 г. меня наградили значком «Отличнику-дальстроя», и я продолжал летать. Всего за время работы на Колыме я налетал более 12 тысяч часов.

До следующей встречи в письме.

Ваш Кириллов Георгий Яковлевич

14.06.1986 г., Полтава

Дорогой Александр Григорьевич!

Получили Ваше письмо с газетой «Новая Колыма». Вы, наверное, даже не представляете, как важно все, что Вы делаете для людей, особенно когда чтите память о таких людях, каким был Георгий Яковлевич. Для Вас и музея он был, а для нас жив и будет жить в наших сердцах, пока живы мы сами, потому что он был редкой души человек и мог бы служить эталоном во всех областях человеческой деятельности. Спасибо Вам от меня и детей. Ваши письма с газетами

для нас драгоценны, мы их очень ценим и бережем. Мы жили в Н. Сеймчане, там Г. Я. базировался, когда обслуживал Юго-Западное горнопромышленное управление, и там у нас родилась младшая дочь Инна Георгиевна. Так что она получила газету со своей родины. Благодарю за приветы от супругов Лысенко, я их хорошо помню. Как хорошо, что есть в Магадане музей, ведь это очень важно для сейчас живущих и особенно для тех поколений, которые идут за нами.

Желаю Вам хорошего здоровья и всякого благополучия.

Наталья Григорьевна Кириллова и семья Кирилловых
18.07.1988 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

Огромное спасибо за то, что Вы нас до сих пор не забываете. Георгий Яковлевич умер 23 декабря 1987 г., а Вы до сих пор пишете о нем, публикуете прекрасные статьи, которые мы регулярно получаем. В последнем письме Вы просили меня написать о себе, и так как моя жизнь на протяжении полвека была связана только с Георгием Яковлевичем, то я Вам сообщу свою краткую автобиографию. Родилась я 24 августа 1917 года в г. Николаеве в семье служащего. В 1934 году окончила общеобразовательную школу-десятилетку. В том же году поступила работать ученицей-лаборанткой в систему «Заготзерно». Оттуда меня послали на курсы в Одессу. В 1937 году вышла замуж. Муж мой, Кириллов Георгий Яковлевич, в 1938 году, поздней осенью (последним паромом из Владивостока) уехал по договору работать в Магадан. Я не могла последовать за ним из-за нашего маленького ребенка, поэтому приехала к нему только летом 1939 года. В самом Магадане жила недолго, потому что нас потом поселили в Нагаево. Из Нагаево затем переехали в аэропорт Стрелка, оттуда – в Нижний Сеймчан. В 1943 году вернулись в Магадан. Здесь мы прожили до отъезда на «материку». В 1961 году уехали на постоянное жительство в г. Полтаву, где я сейчас и проживаю. Смена моего местожительства (частая) объясняется спецификой работы Кириллова. Где он базировался, там и жила его семья.

Кириллова
15.10.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич

Получил Ваше письмо. Спасибо большое. Весточка из далекого края оказалась неожиданной. В моей памяти не так уж мало воспоминаний о тяжелой жизни на Колыме, ведь я попал туда заключенным. Работал на золотодобывающем прииске в Западном горнопромышленном управлении Дальстроя в самое тяжелое время производства в лагерях. Подробности сообщать не стану, да и не хочется вспоминать об этом. Только когда закончился мой срок, я стал работать вольнонаемным. Это было где-то в июне 1942 г. Потом меня отправили в распоряжение Ольского райвоенкомата. Осенью 1942 г. погрузили нас на паром, добрались до Николаевска-на-Амуре, а затем перевезли через Хабаровск в Посьетский район, где переформировали, обмундировали и отправили на фронт. Все произошло в течение нескольких месяцев, а с конца 1942 г. я уже сражался с фашистами. Воевал в составе Калининского, Брянского, Первого, Второго, Третьего Белорусских фронтов. Будучи наводчиком орудия 922-го стрелкового полка 250-й стрелковой дивизии 3-й армии 2-го Белорусского фронта принимал участие в освобождении Белоруссии, штурмовал Могилев, дрался в междуречье Друти и Днепра. 12 июля 1944 г. во время боя у деревни Пески после гибели всего нашего орудийного расчета продолжал стрелять по фашистам, уничтожил их штурмовое орудие, три пулемета и роту солдат. Спустя три с половиной месяца, 26 октября 1944 г., мне присвоили звание Героя Советского Союза и тогда же приняли в ряды партии. В числе боевых наград имею: ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени и Славы III степени, медали. После окончания Великой Отечественной войны работал строителем, участвовал в восстановлении Полоцка, затем строил новый город – Новополоцк. Работал в тресте «Нефтьестрой» до 1980 г. За свой труд еще награжден орденом Октябрьской Революции, здесь же были присвоены почетные звания «Заслуженный рационализатор Белорусской ССР», почетный гражданин Полоцка и Новополоцка. В конечном итоге, наверное, сказались весь мой жизненный путь, поэтому в настоящее время я не только персональный пенсионер союзного значения, но и инвалид II группы, не работаю.

До свидания. Пишите.
С уважением *Ерônimo*
14.12.1988 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Мы с волнением прочитали письмо из далекого Магадана. Пишет Вам жена Николая Федоровича Бондаренко. Да, это тот Николай Федорович Бондаренко, которого Вы разыскивали долгие годы как колымчанина-танкиста. Ему было бы очень приятно получить это письмо при жизни. Но его уже нет с нами. Он умер 27 ноября 1985 года. Если Вас интересует что-то из его биографии или нужна его фотография – мы можем выслать.

С уважением к Вам жена *Бондаренко Евгения*
Спиридоновна, дочь и сын *Бондаренко*
07.01.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Вы извините нас, что сразу Вам не написали о судьбе Клейменова Георгия Павловича, с которым Вы переписывались, о его колымской биографии и участии в Великой Отечественной войне. Но дело в том, что 25/XII-86 г. он отправил Вам документы, а 30/XII-86 г. в 6 часов вечера скончался. День весь было хорошо, а вечером сидел за столом, решал кроссворды и вдруг инфаркт. Наша семья понесла очень тяжелую утрату. Однако ничего уже не поделаешь, что случилось – того не вернешь. 30/XII будем отмечать годовщину смерти Георгия Павловича.

С теплым, искренним уважением семья *Клейменовых*
14.12.1987 г.

Добрый день, Александр Григорьевич!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо в наш адрес, за светлую память об Александре Ивановиче Шоно, который в годы Отечественной войны начал свой боевой путь с вашего, так далекого от Полтавы, края. Мне, сыновьям, внукам очень дорого каждое доброе слово, дело, которое заслужил Александр Иванович. И действительно, его патриотизм должен служить для воспитания подрастающего поколения, так как использование опыта ветеранов, совершивших боевые и трудовые подвиги, достойно подражания, и, безусловно, тесная связь прошлого и настоящего будет наилучшим образом служить укреплению единства поколений. Поэтому с большой любовью и искренностью постараюсь дать некоторые сведения об Александре Ивановиче. Вам известно, что Александр Иванович окончил танковое училище. Вот передо мною его зачетная книжка: сплошные пятерки, за исключением некоторых четверок. Сразу же после окончания училища Александр Иванович воевал на том танке, на который внес свои сбережения, до дня окончания войны. За боевые заслуги он был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», благодарственной грамотой, подписанной маршалом Советского Союза И. С. Коневым. Вот выписка из характеристики, данной войсковой частью полевой почты 29943 15 августа 1945 г.: «*Т. Шоно прибыл в нашу часть добровольцем с Крайнего Севера (Дальстроя НКВД) лично по указанию т. Сталина. Шоно А. Ив. внес в фонд обороны свои сбережения и на собственном танке пошел в бой с немецкими захватчиками. В бою проявил доблесть и мужество. За боевые отличия награжден высокой правительственной наградой*». Александр Иванович был 2 раза тяжело ранен. В 1945 г., после заключения врачебной комиссии, он был признан «ограниченно годен I-й степени», на основании чего и был демобилизован. Примерно с год Александр Иванович получал пенсию, а потом на комиссии заявил, что пенсия более подходит другим, у кого нет рук, ног, и фактически отказался от нее. А ведь в то время он страдал ужасными головными болями. Такой был Александр Иванович. В 1946 г. мы поженились. У нас два сына: Александр Александрович (1947 г. рождения) и Евгений Александрович (1950 г. рождения). Как ни трудно было материально, но мы сумели дать образование обоим сыновьям. Один окончил Ленинградский университет (физфак), работает в НИИ Ленинградского университета, другой – Московский университет (тоже физфак) и также работает в НИИ, капитан... Александр Иванович проработал на одном производстве столяром (РСУ-2) очень долго. Доработал он до 70 лет на том же производстве. Очень болел, но всегда мужественно переносил боль. 3 марта 1982 г., когда из-за сильных болей он уже не мог работать, его с почетом проводили на пенсию. 16 мая 1982 г. его не стало...

Оставайтесь здоровы.

С уважением *Шоно Анастасия Ивановна*, также ветеран труда, пенсионер.
17.05.1988 г.

Добрый день, уважаемый Александр Григорьевич!

Вот только что получила Ваше письмо и Вашу статью в газете «Магаданская правда». Большое, большое Вам спасибо. Вы даже и представили себе не можете, какой «стимул» подбросили Вы в нашу семью. Значит, «никто не забыт и ничто не забыто»... Александр Иванович, вспоминая те времена, так и говорил, что задумка его о внесении своих сбережений на танк была подхвачена его товарищами. Он и снят вместе с ними в вашей колымской газете (за 1944 г.), где была статья «Желание патриотов исполнено»...

С уважением *Шоно Анастасия Ивановна*
27.05.1988 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Сообщаю еще кое-какие подробности из личной биографии Александра Ивановича Шоно. Александр Иванович родился 3-го марта 1912 г. в г. Полтава в семье рабочего-столяра. В 1927 г. он закончил 6 классов неполной средней школы. С 1929 г. Александр Иванович работал столяром на паровозоремонтном заводе, так как семья

у них была большая (4 брата и 3 сестры), и его заработок был большим подспорьем для семьи. В 1931 г. он перешел на кондитерскую фабрику, а с 1934 г. служил в Красной Армии. После демобилизации, с 1937 г. Александр Иванович работал на Крайнем Севере, в Колымо-Индибирском пароходстве. В 1943 г., будучи шофером, он внес свои сбережения в фонд обороны страны и добровольно ушел на фронт сражаться с фашистами. Был ранен: 15/VIII-1944 г. (тяжелое слепое осколочное ранение с повреждением кости) и 25/IV-1945 г. (сквозное пулевое ранение, проникающее в череп). После демобилизации, с 1946 г. Александр Иванович работал столяром на Полтавском гормолзаводе, в научно-реставрационной мастерской и в Полтавском ремонтно-строительном управлении вплоть до своего 70-летия 3 марта 1982 года... До свидания, пишите.

С уважением *Шоно Анастасия Ивановна*
29.05.1988 г.

24.07.88 г.

Здравствуйтесь, Александр Григорьевич!

К Вам обращается старший сын ныне покойного Шоно Александра Ивановича. Насколько нам известно из писем матери, Вы проявляете интерес к биографии моего отца. Огромное Вам спасибо за хлопоты в этом деле, за внимание к судьбе хорошего человека. Только теперь, когда мне пошел пятый десяток и я повидал разных людей, понимаю, что таких, как Александр Иванович, на свете было и есть не так уж много. Часто вспоминаю разговоры с отцом, его рассказы, суждения. Это казалось малозначимым, спорным, неглубоким, слишком простым. И только теперь понимаю, что правда красивой и сложной бывает редко. Мать просила сделать для Вас копию газетного материала об отце, имеющего уже сорокалетнюю давность. Да, на второй странице газеты «Советская Колыма» (1 сентября 1944 г., № 1 177 (2578)) помещена статья «Желание патриотов исполнено». В статье цитируются телеграмма Сталина, адресованная работникам Дальстроя и других организаций, которые выступили с предложением внести личные сбережения на строительство танковой колонны. В их числе был мой отец. Кроме того, в статье приведена выдержка из письма командования гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского полка (командир – гв. майор Иванов, зам. по полит. части – гв. капитан Якимов). В письме выражается благодарность ряду товарищей, которые внесли свои сбережения в фонд обороны, а также просили Сталина послать их на построенных машинах в действующую армию. Среди перечисленных и «тов. Шонно» (так в оригинале) из Управления Колымо-Индибирского речного пароходства. Статья заканчивается фотографией «Танкисты с Колымы». Подпись к фото: «В подразделении самоходной артиллерии. Полковник А. Андреев беседует с дальстроевцами-танкистами об итогах проведенного марша. На снимке: полковник А. Андреев, дальстроевцы – Н. Постников, П. Михайлов, И. Конюхов, П. Туркин, Н. Бондаренко, А. Шонно. Фото Ал. Лесс». Вот, пожалуй, и все.

С уважением *Александр Шоно*

Добрый день, Уважаемый Александр Григорьевич!

Получил (через мать) Вашу статью о моем отце Шоно Александре Ивановиче. Кроме того, что сам факт этой публикации представляет собой очередной, важный для меня росток памяти об отце, Ваша статья одновременно результат обстоятельной работы, основанной на кропотливом сборе фактического материала. Столь обстоятельного документа о жизни папы, естественно, мне читать не доводилось. Огромное, большущее Вам спасибо за Вашу работу. Ее значение, во всяком случае для нас, детей Александра Ивановича, трудно переоценить. Доброго Вам здоровья и удачи в делах.

С искренним уважением *Александр Шоно*
09.10.1988 г.

Ола, 10 апреля 1987 г.

Здравствуйтесь, уважаемый Александр Григорьевич!

По Вашей просьбе уточняю кое-что из своей биографии. Как ранее сообщил, я родился в семье бедного охотника и рыбака. Семья у нас была очень большая – 11 человек. Часто мы не могли себя прокормить, болели, голодали. Моим дядей был Илья Тимофеевич Бабцев, который еще в 1920 г. возглавил Ольский ревком, а затем стал одним из организаторов нашего колхоза «Путь Севера». Он много рассказывал о том времени. Помню даже его рассказы о приходе на Охотское побережье отряда есаула Бочкарева, о том, как эти бандиты старались укрепиться здесь, но потом были разгромлены в Гижиге красноармейцами во главе с Чубаровым. Все мои братья стремились получить образование. Самый старший, Иван, уехал учиться в Хабаровск. Игнат стал учителем и преподавал в Гадлинской начальной школе. Затем он поступил в Московский институт. Я, конечно, тоже хотел учиться, хотя уже с малых лет работал в рыбацкой артели. Моя тяга к учебе победила. И вот уже в 1936 г. я поступил на подготовительное отделение Охотско-Колымского педтехникума в Магадане. В педтехникуме приходилось видеть директора Дальстроя Эдуарда Петровича Берзина. Он приходил сюда с заведующей Колымским ОНО Анной Лаврентьевой. Однако про-

учился я на своем отделении в педтехникуме всего год. Пришлось уйти оттуда по болезни отца. Позднее я учился на других курсах, работал в колхозе «Путь Севера», стал художественным руководителем Ольского клуба. Вскоре после этого началась война. Моих друзей стали брать на фронт. Меня сначала не взяли: сказали, мал еще. Я вновь стал работать в колхозе. Сдавал деньги в фонд обороны, собирал посылки и теплые вещи для красноармейцев. Так продолжалось почти до конца 1942 года, когда наконец-то я был призван Ольским военкоматом (он тогда находился в Магадане на Школьном переулке). Вскоре вместе с односельчанами Ростиславом Варреном, Иваном Зиновьевым, Семеном Терентьевым, Владимиром, Виктором и Анатолием Черемичиновыми, Иваном и Александром Яковлевыми, гадлинскими ребятами Георгием Аммосовым, Матвеем Винокуровым, Георгием Неустроевым, а также с директором Ольской средней школы Сергеем Семеновичем Трубоченко я был зачислен в состав 2-й стрелковой бригады 16-й армии и отправлен на Сахалин. Там, в августе 1945-го мы освобождали от японцев его южную часть, а вместе с этим и Курильские острова. Не все, кто сражался со мною, вернулись назад. Погибли Ростислав Варрен, Петр Скорняков, Владимир и Анатолий Черемичиновы. Но я и сегодня помню их как живых и часто вспоминаю. По-прежнему мне дороги мои боевые друзья – бригадный разведчик Иван Зиновьев, автоматчик Александр Яковлев, солдат Виктор Черемичинов. До сих пор в Магадане проживают и еще двое из тех, кто сражался со мной во 2-й стрелковой бригаде. Это – Леша Лысенко и Паша Спирков. В общем, вот такая моя биография, уважаемый Александр Григорьевич. Пишите. Буду рад еще в чем-то помочь.

Ваш Петр Бабцев

24 октября 1989 г., Москва,

Здравствуйте, дорогой Александр Григорьевич!

Начну сразу с того, о чем Вы просили написать: о приезде к нам на Колыму вице-президента США Генри Уоллеса. Подготовку к приезду мы начали за два (!) месяца. Конечно, она не афишировалась, но тем не менее шла в ускоренном темпе. Руководил всей подготовкой начальник Политуправления Дальстроя, дивизионный комиссар И. К. Сидоров. Он приезжал в «Сусуман», неоднократно обходил хозяйственные постройки совхоза, агробазу, разговаривал с директором А. П. Рубцовым, но больше почему-то обращался ко мне, расспросив, наверно, обо всем, о чем можно было спросить. По указанию И. К. Сидорова мы истратили на «косметический» ремонт совхоза, приведение его в порядок более 30 тысяч рублей. За два дня до знаменательной встречи (самой даты тогда я не знал), когда мы с И. К. Сидоровым в очередной раз обходили агробазу, где размещалось 50 теплиц и две тысячи парниковых рам, уже дававшие свежую продукцию, он вдруг неожиданно сказал, что принимать здесь Генри Уоллеса с сопровождающей его свитой буду только я, а также меня задействуют в показе им ряда других объектов нашего совхоза. В конце мая 1944 года Генри Уоллес приехал в «Сусуман». Его привез И. П. Мазурук (в начале 80-х годов Илью Павловича я встретил в Доме литераторов, поговорили, повспоминали). С первого взгляда Генри Уоллес показался мне пожилым человеком с живыми, умными глазами. Немного спустя я обратил внимание, как мне показалось, на его ухватки старого фермера, отметил чувство юмора, присутствующее вице-президенту. Группа сопровождающих Генри Уоллеса включала человек 15. Из «наших», которые были переодеты в гражданские костюмы, мне запомнились начальник Дальстроя, комиссар госбезопасности И. Ф. Никишов, один из подручных Берии Гоглидзе (тогда он работал в Хабаровске). С американской стороны были как военные, так и корреспонденты. Часть из них отличалась большим любопытством. С несколькими постройками совхоза и нашими фермами Генри Уоллеса познакомил А. П. Рубцов. Когда же высокие гости дошли до агробазы, то на первый план «выступил» я. Вице-президент через переводчика очень подробно расспросил меня о постановке нашей работы, состоянии северного оленеводства, трудностях возделывания культур. Затем со знанием дела стал задавать вопросы о сортах растений, семенах, ведении агротехники. Убедившись, что я не подставное лицо, а настоящий агроном, Генри Уоллес неожиданно обнял меня за плечи и очень тепло, по-отечески поблагодарил. Так, «прижатый» к вице-президенту, я даже прошел с ним несколько десятков метров. В то же время в теплицах, которые мы обходили, к приезду Генри Уоллеса произошла подмена. Вместо женщин-заклученных роль тепличниц исполняли дамы из управленческого аппарата, опрятно одетые, в фильдеперсовых чулках, с подкрашенными губами. Гости удивлялись, восхищались, ели огурцы прямо с кустов. Вокруг было много выращенных цветов. Их подготовкой ведала моя жена. Во время обхода высоких гостей она сидела в небольшой комнатке вместе с дочерью и осторожно подглядывала из-за занавесок. Вдруг вице-президент захотел бы и туда зайти! Позже (еще на Колыме) в Управлении сельского хозяйства мне показывали американский журнал (по-моему, «Сайэнс»), где были помещены снимки, сделанные во время посещения Генри Уоллесом совхоза «Сусуман». На ряде фотографий я узнал и свою физиономию. Просил подарить на память, но мне отказали, проявив «бдительность». Вместе с тем посещение Генри Уоллесом совхоза «Сусуман» в конце мая 1944 года, представление хозяйства через несколько лет сказалось на моей судьбе. Уже работая старшим агрономом совхоза «Тауйск», я получил справку об отмене постановления Особого совещания при НКВД СССР от 14 июля 1937 года и о снятии с меня судимости. Думаю, что это была хоть и запоздавшая, но все-таки благодарность И. К. Сидорова со стороны Дальстроя за мое участие в состоявшемся приеме американского вице-президента, «прошедшем на высоком уровне».

Вот и все, Александр Григорьевич. Буду с нетерпением ждать от Вас ответа.

Ваш В. Пальман

Москва, июль, 20-е число 1997 года

Добрый мой друг, Александр Григорьевич!

Приятно было получить от Вас поздравление с пожеланием здоровья. Приятно, что Вы живы-здоровы и продолжаете свой труд, так нужный людям, идущим в будущее. Мой переезд из далекой Колымы в самый центр России, честно скажу, был даром Божиим! Всякие болезни, досаждавшие меня за морем-океаном, понемногу исчезли и дали возможность писать, сочинять и издавать книги, как это ни трудно в наше время. За десятилетие вышло в свет одиннадцать книг – судя по отзывам прессы – достаточно интересных для читателей. И я, как говорится, воспрянул духом. Все окружающее меня, все поездки по стране подкрепили здоровье. Увы, за эти годы были и тяжелые потери. Умерла от сердечной недостаточности (инфаркта) моя славная жена Нина Валентиновна, а еще чуть позже и старшая дочь Вера, родившаяся в Сусумане. Это тяжелейшее событие резко повлияло и на мое здоровье, и на общую жизнь семьи. Сейчас нас всего трое в большой московской квартире. И только поездки на далекие отсюда кладбища в Домодедове и на юго-западе позволяют почувствовать хоть на час-другой общность семьи... Чему быть, тому не миновать! Работаю, сижу за столом. Книги появляются все реже, все-таки иссякает возможность такой работы. Наконец-то я закончил большую книгу о Колыме. Ее название «Кольцо Сатаны»; главы из нее понемногу расходятся по стране, вот я и послал в Магадан полное сочинение этой книги по просьбе Магаданского книжного издательства. Это было вчера авиапочтой. Быть может, еще увижу этот труд в образе книги, где просто рассказываю о многом случившемся со мной и до Колымы и в страшном лагере, где лишь Господнее веление отвело от меня раннюю смерть. Эта рукопись без прикрас, все что было и как есть, без ожесточения и выдумки. Это правда о людях с добрым сердцем и о людях со звериной совестью (если она была у зверей). Письмо гл. редактора Магаданского издательства А. М. Бирюкова я получил очень теплое, потому и решился послать всю рукопись «Кольца Сатаны» на его имя, в его издательство. Старость сильно мешает жизни. Уже мало хожу, все чаще в лес (благо рядом!), сижу в тени деревьев, понемногу оттаиваюсь в зеленой благодати. Редко, но бываю в церкви, она близко, службы в ней добрые и светлые. Дочь, внуки взрослые, три молодца, и самое главное – два правнука, которые иногда попадают в мои объятия. Жизнь! Союз писателей в Москве как-то очень быстро дряхлеет, уже нет былых связей и добрых встреч и застолий, бедность разобщила и это сообщество, уже грустно в некогда шумном, добром и деловом Доме на улице Воровского. Редко хожу туда. Вот такая жизнь, милый Александр Григорьевич! Всегда буду рад встретить Вас на московской земле. Берегите сердце. И потихоньку приезжайте ближе к месту, где родились. Там, именно там, хранится долголетие. Обнимаю Вас. Пишите, если будет время.

Ваш В. И. Пальман

Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич!

Пишет Вам внук Вячеслава Ивановича Пальмана. В семейном архиве мы нашли переписку с Вами, но еще не все прочли, хотя книги о Магадане, истории города и местности мы читали с интересом. Дедушка скончался 20 марта сего года, а 26 марта ему бы исполнилось 84 года. Похоронили дедушку рядом с бабушкой, она умерла в 1994 году. Маме моей сейчас 52 года, младшему брату – 25 лет, мне – 27 лет, моей двоюродной сестре – 30 лет, она родила дедушке двоих замечательных правнуков – Полину и Никиту. К сожалению, роман дедушки «Кольцо Сатаны» так до сих пор нигде не издан. Рукопись лежит дома, с хорошими рецензиями и пожеланиями. Но, увы!

Будем ждать от Вас ответа.

С уважением Кружков Алексей Александрович
Москва, 30 мая 1998 г.

31.01.1993 г., Москва

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Получив из Магадана Вашу книгу о колымских лагерях, не единожды ее прочитав, я готовил Вам большое письмо на четырех машинописных страницах. Посетивший наш дом в то время А. М. Бирюков, услышав, что я готовлю письмо Вам, попросил не посылать письмо на музей, а переправить письмо через него, Бирюкова. Возможно, он полагал, что так надежнее, не исключено, что его интересовал и сам отзыв. У меня не было причин отказать ему в просьбе. Письмо датировано 15.04.1992 г. Получили ли Вы это письмо? Я очень рассчитывал на самый скупой Ваш ответ на письмо.

Еще раз с уважением и читательской благодарностью Б. Лесняк

15.04.1992 г., Москва

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Вашу книгу «Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки» прислал мне в подарок Александр Михайлович Бирюков. Я считаю себя одним из благодарных и внимательных читателей этой книги. Я извлек из нее множество ценнейших для себя сведений и как бы побывал в обществе большинства перечисленных Вами медиков, которых знал достаточно близко. И почти всех знала моя жена – Савоева Нина Владимировна. С ее воспоминаниями в «Медицинском бюллетене 91» Вы, очевидно, знакомы. Мною тоже написаны воспоминания... Варламу Шаламову и Евгении Гинзбург посвящены отдельные главы... С Яковом Михайловичем Уманским я прожил в одной комнате (№ 9) в общежитии Сануправления по Пролетарской 8 с января 1950 года до дня его смерти. Дружил с ним. В моих воспоминаниях ему принадлежит глава, написанная очень давно. Но завершить ее так как хотел, я смог лишь с Вашей помощью. Мне не доставало нескольких архивных данных... Натана Ароновича Гецева я знал по Магаданской больнице. Он был педиатр. С Вальтером Антоном Яковлевичем я был знаком еще на трассе, и теплые отношения поддерживались в Магадане. Сергей Сергеевич Орлов в пятидесятые годы работал в инфекционном отделении Магаданской больницы. Он часто бывал в лаборатории, обращаясь к нашей помощи, и дружил с Симориным... С Соломоном Марковичем Трайниным я познакомился в Магадане. Он был сильным дерматологом и рентгенотерапевтом... Владимир Онуфриевич Мохнач часто сам привозил с Джелгалы больных в больницу Севлага. Позже мы встречались с ним и в Магадане. Вячеслава Сергеевича Васильева знаю по Западу (1948 год). А сына его Ю. В. Васильева – по Магаданскому литературному объединению. Будучи студентом ВЗПИ и работая уже на ММЗ, я вынужден был из-за медицинской пенсии по выслуге лет закончить фельдшерские курсы Хорошева, человека деятельного и энергичного. И это еще не все, кого я знал в жизни и встретил в Вашей книге. Считаю большим достоинством книги перечисление пунктов, на которых трудились названные Вами медики... Вы воскресили их для истории и географии области. Кроме того, Ваша книга первая и единственная, поднявшая этот пласт колымской истории, вернувшая к жизни имена многих достойных людей, делавших в тяжелейших условиях доброе дело... В документальной, по сути, научной книге ссылаться на такие источники, как «Колымские рассказы» Шаламова или «Крутой маршрут» Гинзбург опасно, поскольку ни та, ни другая не являются в чистом виде документальным автобиографическим повествованием. «КР» Шаламова – тем более. Право на домысел и вымысел дает уже само название – «рассказы». И Шаламов этим правом широко пользуется, создавая у читателя впечатление документа. Творческий принцип написания «Колымских рассказов» Шаламов подробно изложил в эссе «Проза». «Крутой маршрут» хоть и написан как автобиографическая документальная повесть с хронологической последовательностью, но лишен вымысла и сбоев в хронологии. Я имею право судить об этом по второй части книги, лагерной, так как являюсь свидетелем места, времени и событий, в ней изложенных. В вымысле автор порой теряет чувство меры и ответственности. При неторопливом и внимательном чтении это становится заметным и неискушенному читателю... Как читатель, приношу Вам, Александр Григорьевич, мою благодарность за столь интересную и оказавшуюся столь полезной мне книгу. Нина Владимировна Савоева присоединяется ко мне.

С пожеланием Вам всего доброго и светлого Ваш *Б. Лесняк*.

21.VII.1993 г., Москва

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Большое спасибо Вам за книгу о лагерной рампе и добрые пожелания. За книгу интересную, глубокую, документальную, написанную с душой и сочувствием. Книга лишена сухого справочного облика. Перед читателем предстают живые люди с их творческими и бытовыми судьбами. Для читателя заинтересованного – это сущий клад. Так же, как в книге о медиках, я встретил в этой книге немало знакомых, начиная от Л. В. Варпаховского, которому посвятил главу в своих воспоминаниях «С головой Гитлера в чемодане». С Дзыгаром и Демичем я познакомился в Магадане. С Дзыгаром встречаюсь в Москве. Козина знаю с 1948 года по Сусуману, куда он приезжал с культбригадой. В Магадане за 22 года личных контактов с ним не возникало. Я не мог простить ему Варпаховского. Вы этот вопрос в книге обошли очень деликатно, что делает Вам честь. Был коротко знаком с Португаловым. Аркадия Школьника знал еще на В. Ат-Уряхе и Беличье, когда он и Варпаховский были в культбригаде Севлага под крылом начальника КВО Фейгина... Нина Владимировна шлет Вам привет, благодарит за книгу. Мы оба желаем Вам здоровья и успеха в Ваших делах.

С искренним уважением *Б. Лесняк*.

Многоуважаемый Александр Григорьевич!

На днях посетил нас Иван Паникаров, передал от Вас новогодний привет и подарок «Исторические исследования на Севере Дальнего Востока» и полосу «Вечернего Магадана» с Вашими мыслями о моей многострадальной

книжице. Благодарен Вам за добрую память, за щадящую рецензию. В «Исторических исследованиях» я нашел шесть Ваших работ, их прочитал в первую очередь. Все удивительно интересно. Радует достоверность, которой в нашей жизни так мало. Когда ложь становится всеобъемлющей, это уже не ложь, а идеология. Так и варимся в этом бульоне...

С уважением и наилучшими пожеланиями *Б. Лесняк*
12.02.2001 г., Москва

Многоуважаемый Александр Григорьевич!

На днях нас посетил С. П. Ефимов и передал Ваше послание. С интересом мы прочитали «Письмо в историю» и письмо мне... Ваша статья хороша. С письмом дочери Тамарина я знаком, у меня есть копия. Это первый протест против аттракционов В. Ш. с судьбами живых или живших конкретных людей в своих писаниях. Похожее он сделал и с нами... С пожеланием Вам успеха во всех Ваших добрых делах и здоровья, цену которому мы хорошо знаем!

Ваши *Н. и Б. Лесняки*
15.06.2001 г.

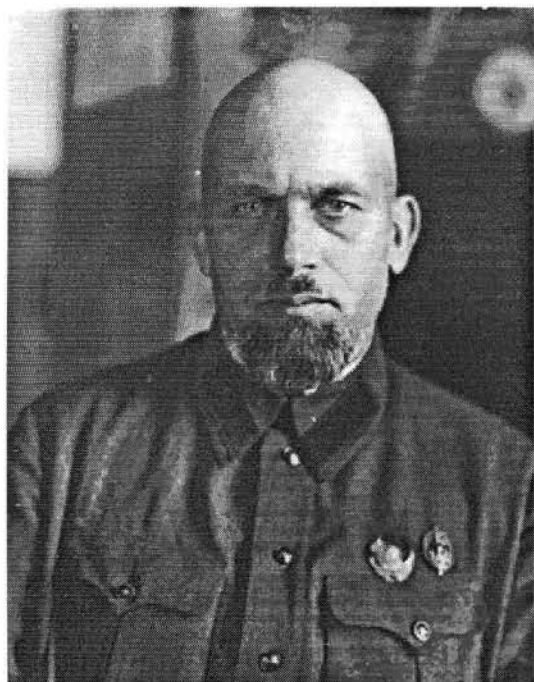
Здравствуйте, Александр Григорьевич!

С приветом к Вам Руденко Петр Максимович!

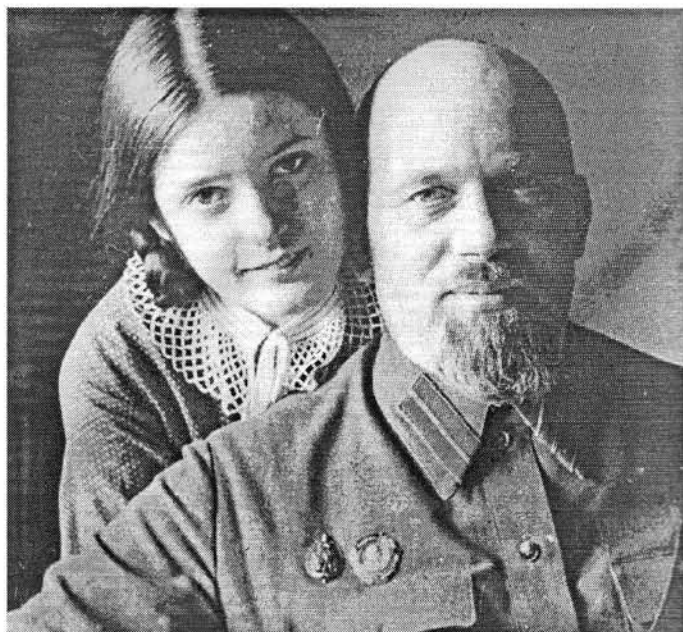
Получил Ваше письмо и удивился: откуда Вы узнали мой адрес? Да, я работал на Колыме с 1939 по 1944 годы: в Хасынугле, в Оротукане, на Буянде. Потом, в 1944 году, 8 января призвали в армию. С этого времени я прослужил в Магадане до 1946 года и был демобилизован. Командиром нашего полка был Павлов, командиром второго батальона – майор Лосев. Я служил в 540-м отдельном стрелковом полку. Командиром 6-й роты был капитан Грицевич, потом – старший лейтенант Сосник, а командиром взвода, где я служил, был лейтенант Петухов. Сейчас мне 74 года, но Колыма мне тогда понравилась. Правда холодновато, однако жить можно. Магадан я тогда знал очень хорошо. Оборона у нас в то время шла от самого города до Марчекана: траншеи и землянки, где мы находились. Я награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За победу над Японией» и другими... С этим до свидания. Жму Вам крепко правую руку и прошу, если можно, прислать снимок бухты Нагаева и современного Магадана.

С уважением к Вам *Руденко П. М.*
3 октября 1990 г., село Плато-Ивановка

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

Эдуард Петрович Берзин, 1930-е гг.

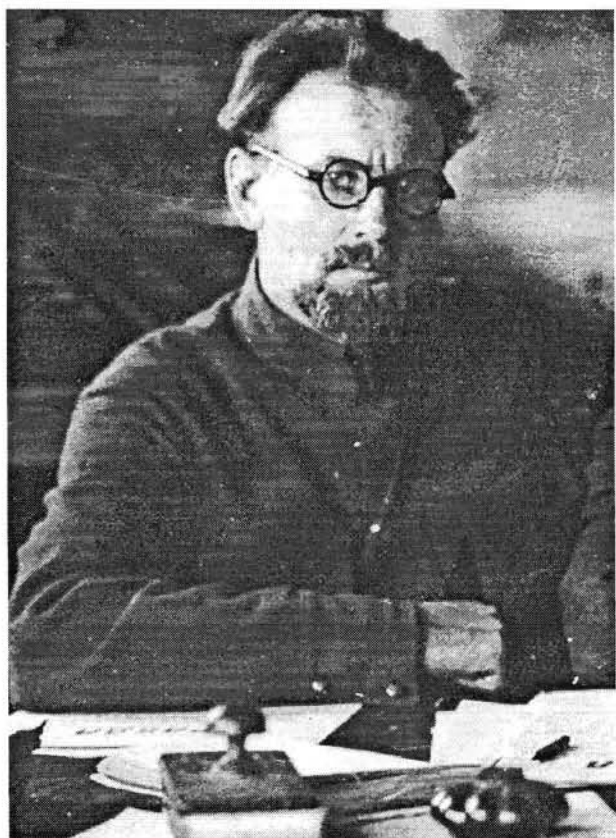
Эдуард Петрович Берзин с дочерью Мирдзой.
Магадан, 1930-е гг.

А. М. Пачколин и Н. И. Пачколина в Нагаево.
Осень 1931 г.

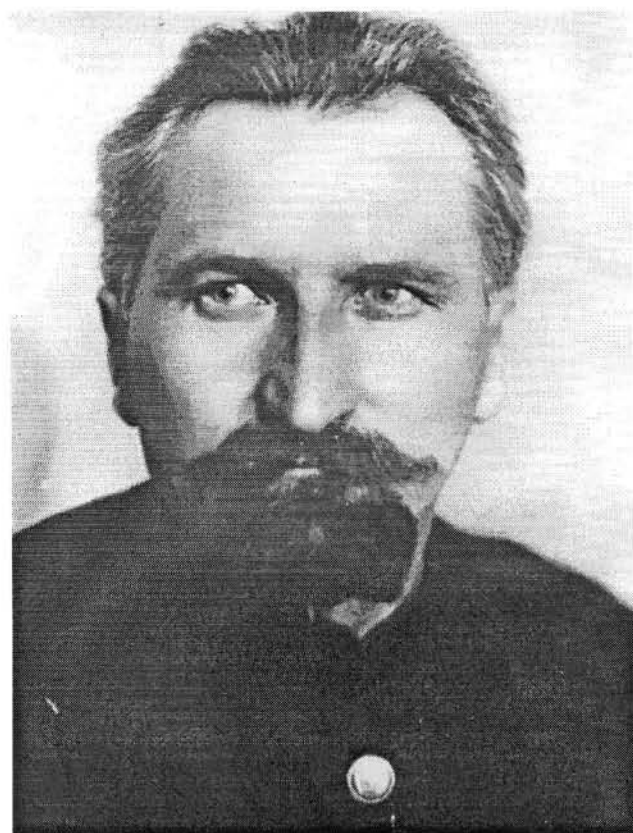
И. В. Тупицын, заместитель начальника
Восточно-Эвенской культбазы.
Нагаево, январь 1930 г.

Карл Григорьевич Калнынь (Эзеретис).
Магадан, начало 1930-х гг.

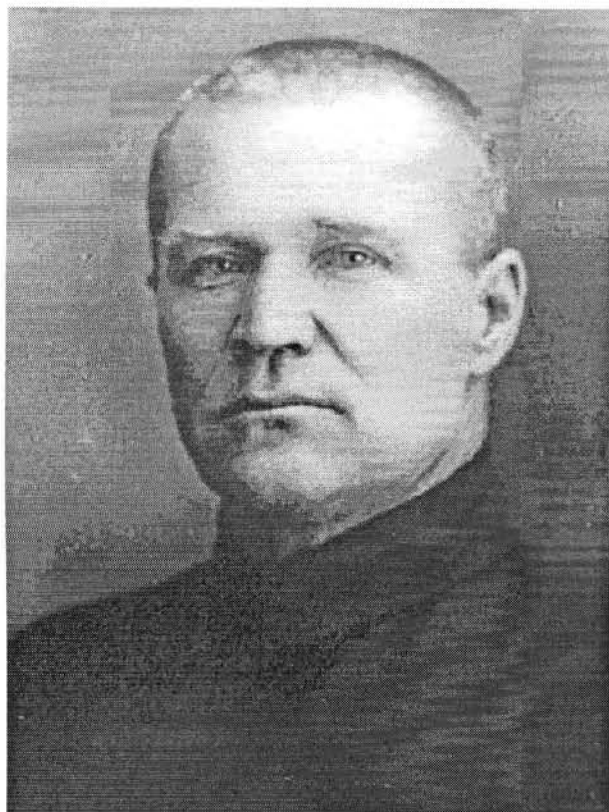
Роберт Августович Апин, 1930-е гг.

Эрнест Оттович Лапин

Цезарь Маркович Крон,
первый ответственный директор Охотско-
Колымского краеведческого музея, 1930-е гг.

Иван Гаврилович Филиппов,
начальник Севвостлага, 1930-е гг.

Л. Я. Наровчатова, 1930-е гг.

А. А. Шумейко, 1930-е гг.

Н. А. Гамильтон,
актриса женского ОЛПа, 1940 г.

П. Бабцев в кругу семьи. Пос. Ола, конец 1930-х гг.

Л. Лысенко со своей матерью, 1940-е гг.

В детском саду Нагаево. Середина 1930-х гг.

Слет пионеров. Пос. Магадан, 1933 г.

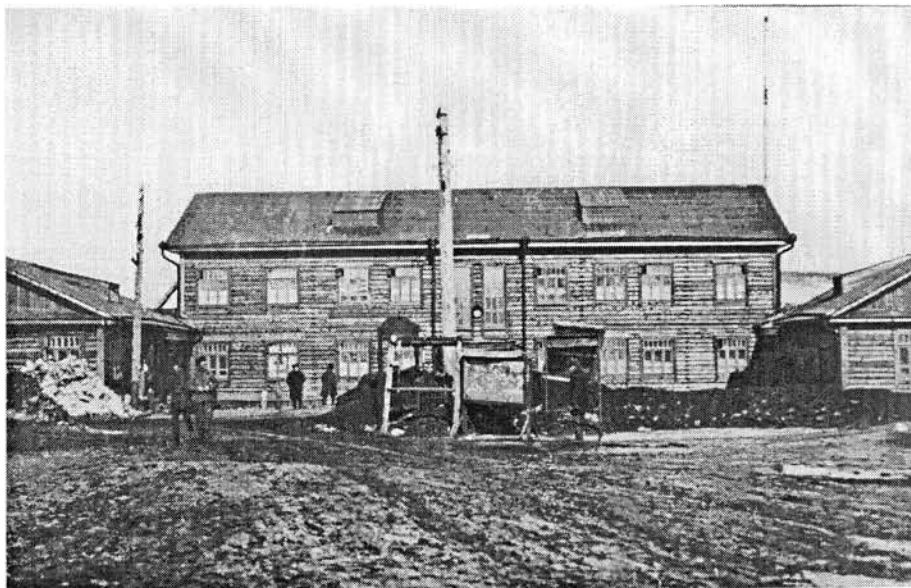
Театр УСВИТЛа. Сцена из спектакля «Платон Кречет», 1930-е гг.

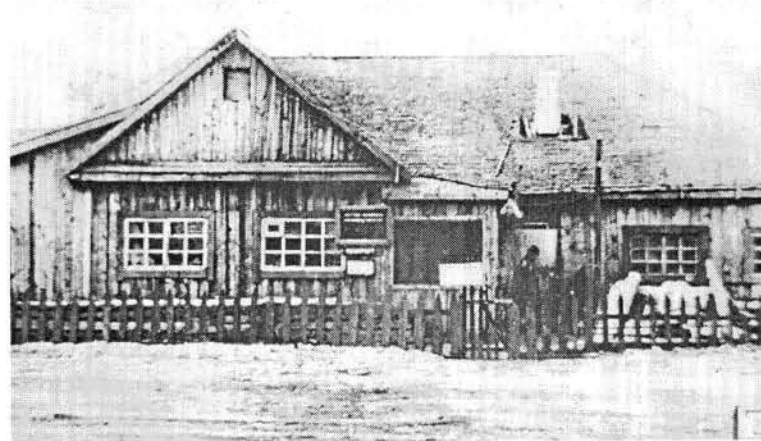
Первые летчики авиаотряда Дальстроя. Первый ряд – П. С. Корп (второй справа). Второй ряд – М. С. Сергеев (второй), Д. Н. Тарасов (третий), С. Я. Котор (четвертый). Магадан, 1930-е гг.

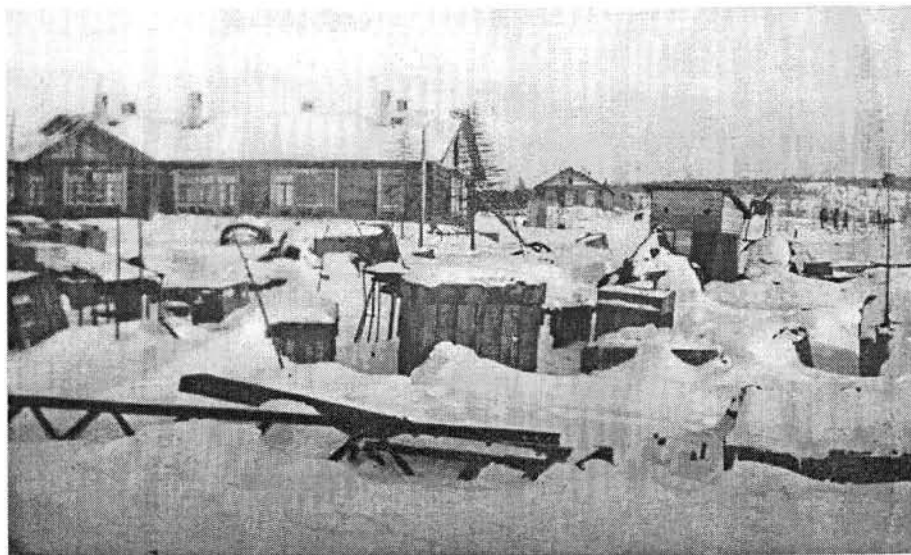
Делегаты 5-й конференции комсомольцев Колымы. Магадан, декабрь 1938 г.

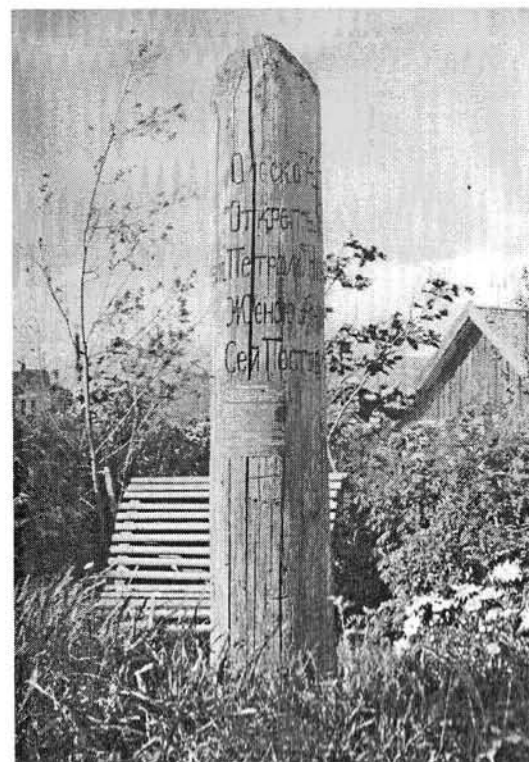
Здание управления Дальстроя по ул. Пролетарской, середина 1930-х гг.

Здание Охотско-Колымского краеведческого музея, 1930-е гг.

Пос. Нагаево, 1930-е гг.

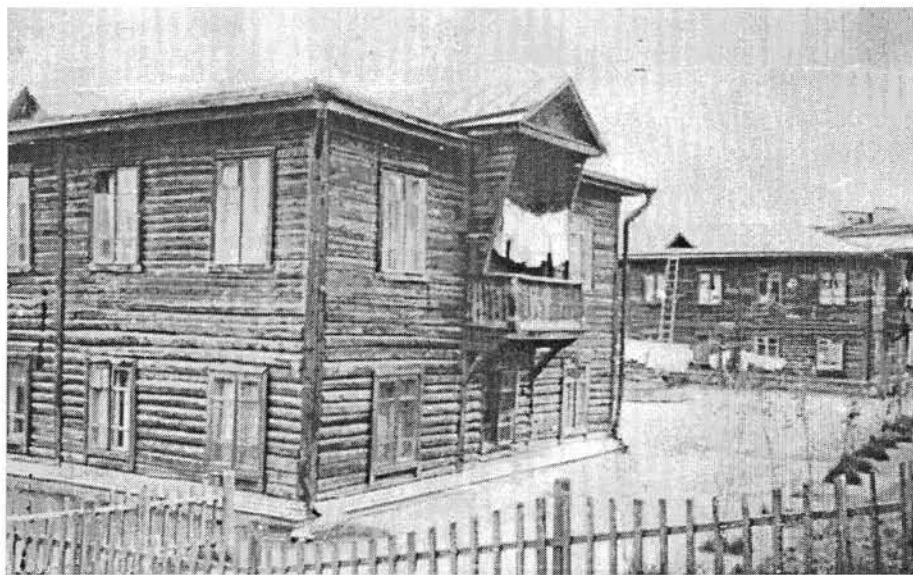
Мемориальный столб
в саду Охотско-
Колымского краевед-
ческого музея, 1930-е гг.

Здание первого пивоваренного завода. Магадан, 1930-е гг.

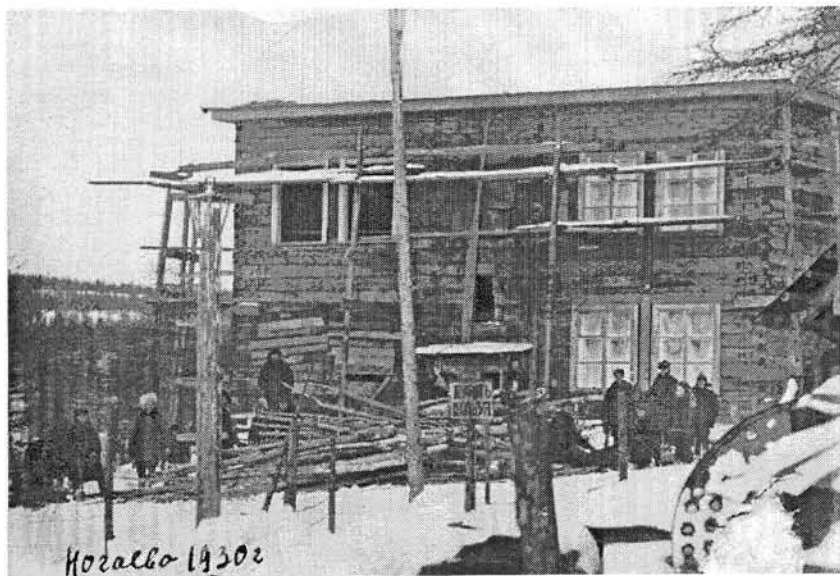
В долине р. Магаданка, 1930 г.

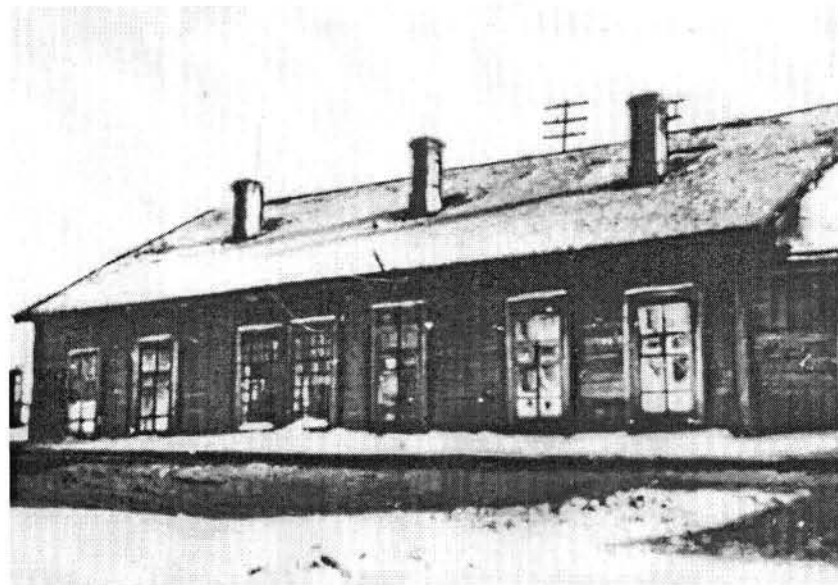
Первая магаданская гостиница, 1930-е гг.

Деревянный сборный щитовой дом. Магадан, начало 1930-х гг.

Строительство в пос. Нагаево, 1930 г.

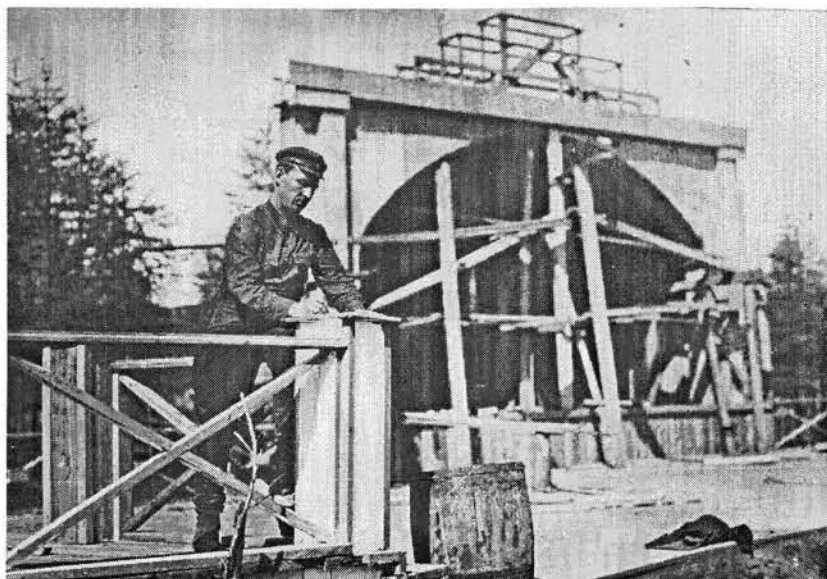
Деревянный барак в Нагаево, начало 1930-х гг.

Бывшее здание ветеринарного пункта Восточно-Эвенской культбазы, фото 1950 г.

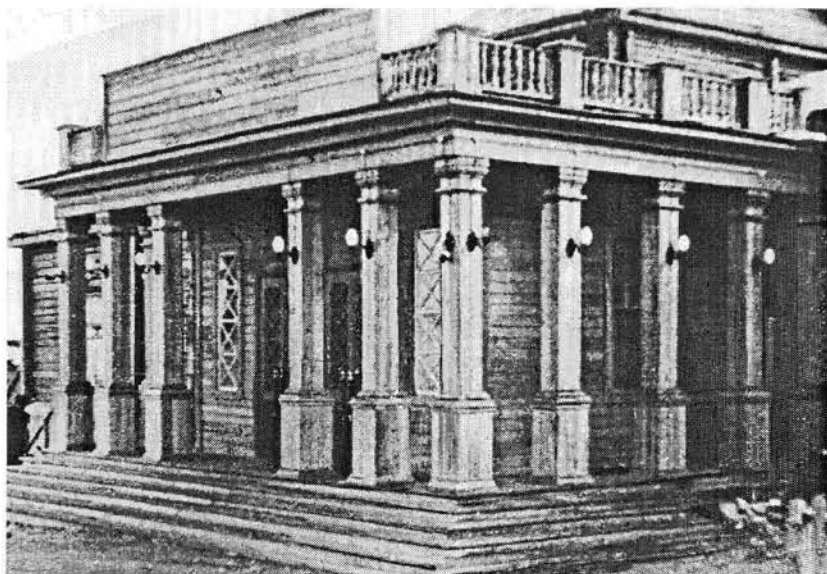
Сборные двухэтажные дома. Магадан, 1930-е гг.

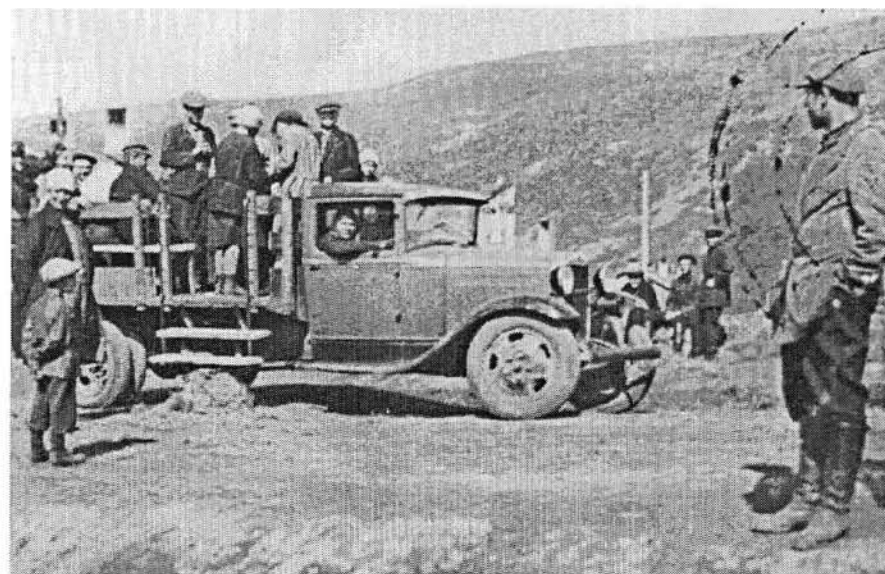
Строительство в Парке культуры и отдыха. Магадан, 1930-е гг.

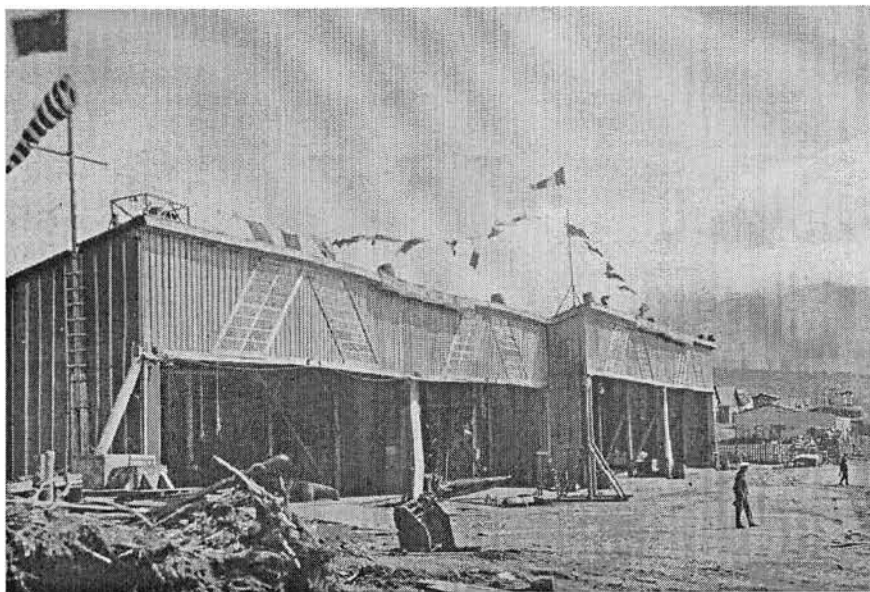
Кафе-ресторан в Парке культуры и отдыха. Магадан, 1930-е гг.

Первое здание Магаданского театра, 1930-е гг.

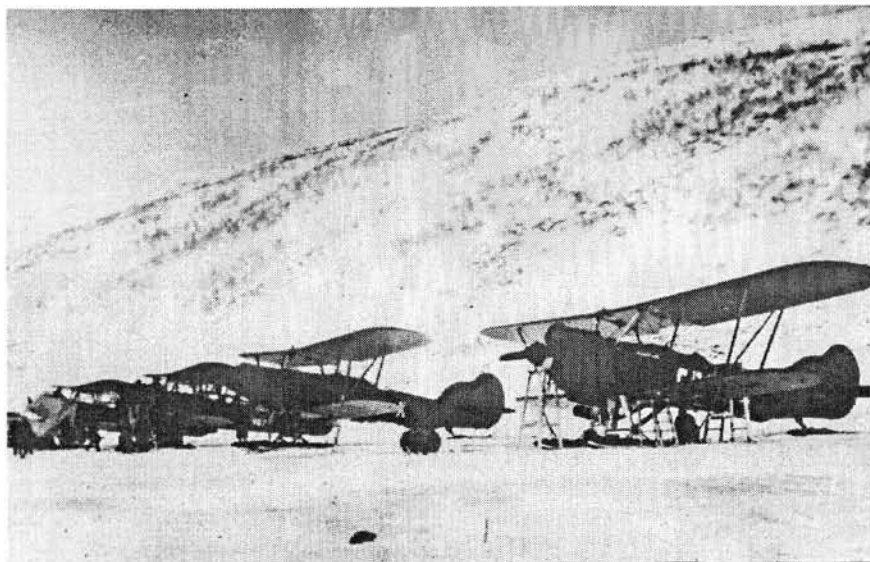
Автобус, следующий по маршруту Магадан – Нагаево – Магадан, 1930-е гг.

Ангары аэродрома в бухте Нагаева, 1930-е гг.

Магаданский Парк культуры и отдыха. Первый слева направо Р. А. Апин, второй – Э. П. Берзин, 30 июля 1936 г.

Самолеты авиаотряда Дальстроя на льду бухты Нагаева, 1930-е гг.

Военный парад у здания дирекции Дальстроя. Магадан, 1930-е гг.

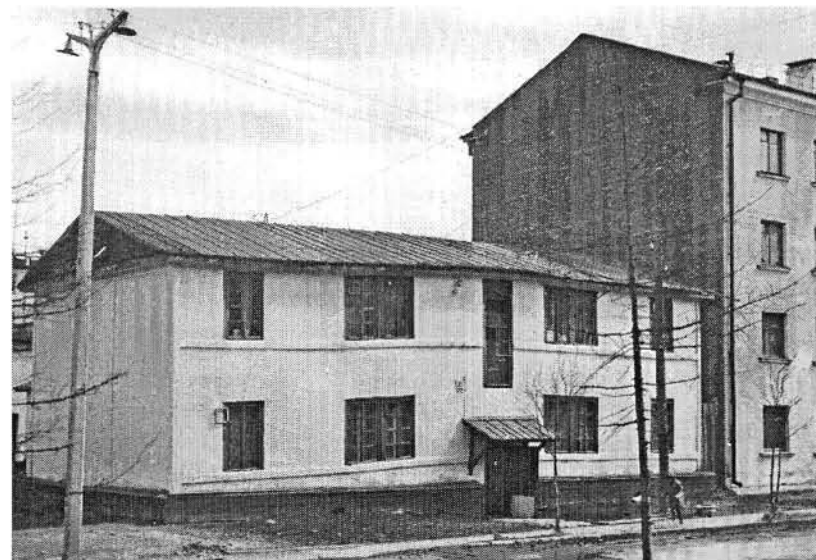
Физкультурный парад на магаданском стадионе,
посвященный годовщине стахановского движения, 1936 г.

Делегаты 1-го Всекольимского слета охотников.
Магадан, 22 августа 1939 г.

Учащиеся 1-го курса геологоразведочного факультета
Магаданского горного техникума

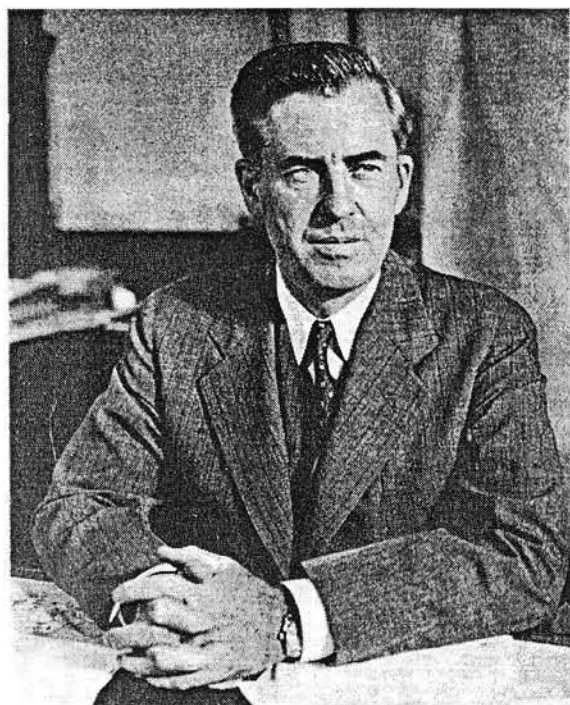
Первая магаданская школа (до 1937 г.).
Проспект К. Маркса, фото 1970 г.

Отправка теплых вещей на фронт

Основной корпус стекольного завода, 1942

Photograph by Harris & Ewing

HENRY A. WALLACE

In *Soviet Asia Mission* Mr. Wallace has written an informal and exciting narrative of a journey of 12,000 air miles through Soviet Asia. In so doing he has produced a book which must be read by all who wish to increase their understanding of the U.S.S.R., and a report with commercial and diplomatic implications of intense interest and high value.

Вице-президент США Генри Уоллес

Александр Иванович Шоно (справа)

День Победы. Магадан, 9 мая 1945 г.

П. Б. Семенов. Восточная Пруссия, 12 декабря 1944 г.

Памятник И. В. Сталину в Парке культуры и отдыха.
Магадан, 1940 г.

Н. Ф. Ковалева —
первая стахановка Колымы,
фото 1960 г.

В. И. Логинов

Н. М. Кезин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАГАДАНА (1929–1939)	7
1.1. Возникновение и деятельность Восточно-Эвенской культбазы	7
1.2. Магадан в период организации и начала деятельности Дальстроя	35
1.3. Магадан во время массовых репрессий. Присвоение статуса города	85
Глава 2. МАГАДАН В ПРЕДВОЕННОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ	127
2.1. Магадан после получения статуса города	127
2.2. Магаданцы на фронтах Великой Отечественной войны	156
2.3. Боевой труд магаданцев в годы войны	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
ЛИТЕРАТУРА	208
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	211
Приложение 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА МАГАДАНА (1929–1945)	214
Приложение 2. ИСТОРИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ (ПЕРЕПИСКА АВТОРА С УЧАСТНИКАМИ ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ)	236
Приложение 3. ФОТОМАТЕРИАЛЫ	292

CONTENTS

INTRODUCTION	3
Chapter 1. ORIGIN AND DEVELOPMENT OF MAGADAN (1929–1939)	7
1.1. Origin and activity of the East Even cultbasa	7
1.2. Magadan during the organization and beginning of Dal'stoi activity	35
1.3. Magadan during the mass repression. The establishing of the city status	85
Chapter 2. MAGADAN BEFORE THE WAR AND DURING THE WAR	127
2.1. Magadan after establishing of the city status	127
2.2. Magadan at the Great Patriotic War fronts	156
2.3. Labor of the Magadan citizens during the war	171
CONCLUSIONS	206
LIST OF ABBREVIATIONS	208
REFERENCES	211
Appendix 1. HISTORIC CHRONICLE OF MAGADAN (1929–1945)	214
Appendix 2. HISTORY TESTIFIES (THE AUTHOR'S CORRESPONDENCE WITH PARTICIPANTS OF DESCRIBED EVENTS)	236
Appendix 3. FOTO	292

Научное издание

Александр Григорьевич Козлов

**МАГАДАН: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА ДАЛЬСТРОЯ (1929–1945)**

Редактор **К. В. Репичева**

Переводчик **Е. П. Бурак**

Техн. редактор **Л. М. Русакова**

Обработка фотоматериалов **И. Т. Мухаметова**

Корректоры **В. А. Буранкова, Ю. П. Петрова, Т. А. Фокас**

Компьютерная правка, верстка, оригинал-макет **М. В. Сабировой**

Подписано в печать 25.05.2007 г. Формат 60×84/8. Бумага «Люкс».
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 36,27. Уч.-изд. л. 41,29. Тираж 200. Заказ 6.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН. 685000, Магадан, ул. Портовая, 16.

Отпечатано с оригинала-макета в МПО СВНЦ ДВО РАН. 685000, Магадан, ул. Портовая, 16.
Обложка отпечатана в ОАО «МАОБТИ». 685000, Магадан, пл. Горького, 9.

Александр Григорьевич родился 24 августа 1951 г. в с. Улья, Охотского района Хабаровского края. В 1965 г. он вместе с родителями переехал в г. Магадан. По окончании Магаданского педагогического института в 1973 г. он несколько лет преподавал историю в школах пос. Усть-Омчуг и г. Магадана.

Затем более 20 лет Александр Григорьевич работал в областном краеведческом музее, где состоялось становление его как серьезного и скрупулезного исследователя, человека, глубоко любящего наш северный край, стремящегося разобраться в сложной обстановке исторического прошлого и ознакомить с ним широкую общественность.

С 1997 г. А. Г. Козлов работал в лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, занимаясь актуальными проблемами истории Магаданской области.

В его исследованиях отражена история деятельности треста «Дальстрой» в 1930–1950-е гг., становление на Колыме здравоохранения, Магаданского театра, сельского хозяйства. Этим вопросам посвящены такие его книги, как «Магадан. Конспект прошлого» (1989 г.), «Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки» (1989, 1991 г.), «Театр на северной земле» (1992 г.), «Огни лагерной ramпы» (1992 г.).

В последние годы им были подготовлены два сборника документов по истории Магадана: «Магадан: история возникновения и развития (1929–1939 гг.)» (2002 г.) и «Магадан. История города в предвоенное и военное время (1935–1945 гг.)» (2002 г.), а также в соавторстве сборник «Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах» в двух частях (2002 г.). Большое внимание в своих работах он также уделял вопросам истории геологических исследований и горнодобывающей промышленности, морского транспорта края и многим другим. Безвременная смерть прервала его работу над подготовленными к изданию книгами по истории Магадана и истории геологического освоения и развития горнодобывающей промышленности Северо-Востока России.

Александр Григорьевич принимал деятельное участие в общественной жизни города, занимался вопросами сохранения памятников истории и культуры, постоянно освещал проблемы истории края в средствах массовой информации. Не одно поколение магаданцев знает Александра Григорьевича по интересным и многогранным газетным публикациям. Он по праву заслужил народное признание как «колымский летописец».